

УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. О. К. Волкова, проф. М. С. Грушевского,
проф. М. М. Ковалевского, акад. О. Е. Корша,
проф. А. Е. Крымского, проф. М. И. Туганъ-
Барановского и акад. А. А. Шахматова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

1914.

Издание М. А. Славинского.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Моховая, 37, кв. 5.

УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. **Θ. К. Волкова** (антропологія, этнографія и искусство),
проф. **М. С. Грушевскаго** (исторія, географія, и статистика),
проф. **М. М. Ковалевскаго** (хозяйство), акад. **Θ. Е. Корша**
(языкъ, литература и искусство), проф. **А. Е. Крымскаго** (языкъ
и литература), проф. **М. И. Туганъ-Барановскаго** (хозяйство)
и акад. **А. А. Шахматова** (языкъ и литература).

Томъ I.

Оглавлениe I-го тома

стп.

ОТДѢЛЪ I. Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытие въ нихъ основныхъ вопросовъ украино- вѣдѣнія. <i>М. Трушевскаго</i>	1—37
ОТДѢЛЪ II. Исторія украинскаго народа. <i>М. Трушев- скаго</i>	37—360

Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ I томѣ.

КЪ СТР.

„УКРАИНСКАЯ НОЧЬ“ А. И. Куинджи	160
„ЧУМАЦКІЙ ТРАКТЬ ВЪ МАРИУПОЛЪ“ А. И. Куинджи.	224
„ДНѢПРЪ УТРОМЪ“ А. И. Куинджи	192
„КІЕВЪ“ В. И. Штернберга	105
„ВЫДУБЕЦКІЙ МОНАСТЫРЪ“ В. И. Штернберга	112
„ВЪ КАНЕВСКОМЪ У҃ЗДѢ“ Е. И. Столицы	144
Т. Г. ШЕВЧЕНКО	1
Н. И. КОСТОМАРОВЪ	24
Гетманъ ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.	248
Гетманъ П. ДОРОШЕНКО	264
Гетманъ Иванъ МАЗЕПА	272
Гетманъ Иванъ СКОРОПАДСКІЙ	280
Гетманъ ДАНИІЛЪ АПОСТОЛЪ	288
Д. Н. БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ	32
Г. Ф. КВИТКА	8
Г. С. СКОВОРОДА	16
СЕМЬЯ ЯРОСЛАВА	80

Т. Г. Шевченко.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

ОТДѢЛЪ I.

Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытие въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія.

Позднее развитіе понятія украинской національности. Причины этого опозданія.

Понятіе украиновѣдѣнія, какъ изученія прошлого и настоящаго украинскаго народа, его свойствъ и особенностей, его территории и всякаго рода условій, вліявшихъ на жизнь и развитие, — могло выработаться только постепенно и главнымъ образомъ втеченіе прошедшаго столѣтія. Причиною были условія исторического существованія Украины. Понятіе народа или народности, какъ извѣстной колективной индивидуальности, существующей независимо отъ территоріальныхъ, политическихъ или конфессиональныхъ дѣленій, объединенной извѣстными общими чертами въ настоящемъ, общностью пережитаго въ минувшемъ, общностью задачъ и стремленій въ будущемъ, — вообще является главнымъ образомъ продуктомъ XIX столѣтія. Въ прошломъ понятіе народного или національного единства подмѣнивалось обыкновенно понятіемъ единства политического, религіознаго или культурнаго, и народность мыслилась, какъ содержимое одной изъ этихъ формъ: какъ граждане извѣстнаго государства, какъ населеніе

извѣстной территоріи, какъ члены извѣстной церкви. И такъ какъ въ исторіи украинскаго племени всѣ эти признаки, или формы, то захватывали вмѣстѣ съ украинскимъ населеніемъ его близкихъ сородичей, то разрѣзывали на части украинскій народъ и занимаемую имъ территорію, то вмѣсто того, чтобы облегчать этими винѣшними, легкохватываемыми катергоріями кристаллизацию понятія украинской народности, они, наоборотъ, спутывали понятіе народной особности, вносили въ эту сферу неясность и неопределенность.

Въ древнѣйшіе вѣка историческаго существованія имени Русь, Русинъ, русской, въ тѣснѣйшемъ значеніи, захватываютъ собою только центръ политической и культурной жизни украинскаго народа (Киевскую землю), въ широкомъ, — всѣ славянскія племена, входившія въ составъ «Русскаго» государства, связанныя единствомъ политического и общественнаго строя, династіи и служилаго сословія, культуры и религіи, письменности и книжнаго языка. Даже съ прекраще-

ніемъ политического единства эта общность политическихъ и культурныхъ традицій продолжала покрывать племенное дѣленіе, и отличія народностей, входившихъ нѣкогда въ составъ Русского государства. Не было также недостатка въ факторахъ, желавшихъ въ своихъ интересахъ использовать это прежнее единство и усиленно муссировавшихъ его традиціи; факторами этими были: единая церковная организація пережившая политическое единство и всѣми мѣрами старавшаяся ослабить всякия стремленія къ дѣленію; династическая политика, ставившая своею задачею собираніе бывшихъ «волостей» династіи и т. под.

Вліяніе подобныхъ, искусственно поддерживавшихся традицій было тѣмъ значительнѣе, что другія условія одновременно съ тѣмъ также препятствовали кристаллизаціи национального обособленія. Украинскій народъ, утративъ политическое единство, входить въ составъ двухъ соперничающихъ государствъ,—въ кн. Литовскаго и Польши (а своимъ западнопольскимъ отрѣзкомъ еще и въ составъ Венгрии), а въ XVI в. часть украинской территории (Сѣверщина) отходитъ еще и въ составъ Московскаго государства. Политическая, церковная и другія отношенія, раздѣлявшія украинскую территорію на нѣсколько отдельныхъ частей, общностью интересовъ влекли ихъ нерѣдко къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ къ другимъ, иноплеменнымъ областямъ и группамъ. Въ то время какъ западная Украина, входившая въ составъ Польши, искала поддержки въ составѣ южной единовѣрной Молдавіи, связанной также съ Польшею политическою зависимостью (вассальствомъ),—условія

политической и національной борьбы связывали еще болѣе тѣснѣмъ узломъ восточно-украинскія области съ бѣлорусскими землями, входившими въ составъ того же вел. кн. Литовскаго. Такой характеръ имѣли общія политическая движенія XV—XVI в.в. и позднѣйшая культурная борьба; на смѣну книжному языку старой Руси, или рядомъ съ нимъ, появляется новый канцелярскій и литературный языкъ, выросшій на почве бѣлорусской, но ставшій общимъ языкомъ Бѣлоруссіи и Восточной Украины почти на два столѣтія. Культурное движеніе, наростиющее во второй половинѣ XVI в., развивается общими усилиями украинскаго и бѣлорусскаго общества, причемъ рядъ украинскихъ дѣятелей переносить свою дѣятельность въ бѣлоруссіе центры, въ Вильно въ особенности. А московско-польские договоры второй половины XVII в., окончательно отдѣлившіе Заднѣпровье и Кіевъ отъПравобережья, приготовили новый культурный, а затѣмъ и религіозный расколъ. Восточная Украина приводится все въ болѣе тѣсную связь, не только политическую, но и культурную, съ міромъ великорусскимъ; рядомъ непосредственно принудительныхъ мѣръ и косвенныхъ вліяній вводится она въ кругъ великорусской культуры, между тѣмъ какъ остальная украинскія земли продолжаютъ жить въ тѣсномъ общеніи съ землями бѣлорусскими и польскими, подъ сильнымъ воздействиѳмъ культуры польской, а введеніе унії въПравобережной и Западной Украинѣ въ концѣ XVII и нач. XVIII в. прибавляетъ еще и конфесіональную границу къ политическимъ и культурнымъ различіямъ, раздѣлявшимъ украинской

востокъ и западъ. Присоединеніе Правобережной Украины къ Россіи и уничтоженіе здѣсь уніі въ концѣ XVIII в. передвинуло эту границу внѣшнимъ образомъ на западъ, на теперешнюю границу Польши и Галиціи, но не стерло тѣхъ отлічій, какія образовались въ теченіе этого болѣе, чѣмъ столѣтняго, искусственнаго отчужденія Лѣвобережья отъ Правобережья — такъ что его пережитки чувствуются явственно и по сей часъ.

Я отмѣтилъ только наиболѣе рѣзкія изъ историческихъ условій, замедлявшихъ кристаллизацію понятія украинской національности. Они объясняютъ намъ медленность этого процесса, не завершившагося еще и по настоящее время. Не успѣвъ разрушить стойческое единство украинскаго народа, стереть основные признаки, связывавшіе и связывающіе его въ одно цѣлое, эти неблагопріятныя для національного единства условія не были въ состояніи никогда ослабить въ конецъ силу сїпленія, связывавшую эту національную массу — живую связь, соединявшую ея части и оживлявшую сознаніе единства, несмотря на громадность этнографической территоріи и всѣ отличія, раздѣлявшія ее. Единство и непрерывность территоріи, память кровнаго родства и общаго прошлаго, общія черты психо-физического типа, экономическихъ и общественныхъ условій быта брали верхъ надъ условіями, вносившими раздѣленіе въ національное тѣло. Въ старой Руси можно подмѣтить противоставленія, великорусскаго сївера украинскому югу, какъ Руси въ собственномъ смыслѣ, тѣснѣе связанный съ ея старымъ національнымъ

центромъ, Кіевомъ. И позже живое чувство единства «Руси што короля слушаетъ» и «Руси што Литвы слушаетъ» брало верхъ надъ политическими дѣленіями. А въ моментъ наивысшаго пробужденія народной стихіи, въ великой національной борьбѣ въ проектахъ украинскаго государства временъ Хмельницкаго, Выговскаго, Дорошенка, единство украинскаго народа на всей этнографической территоріи выступаетъ вполнѣ ясно и сознательно, хотя этнографическо-политическая границы этого національного украинскаго государства (отъ Вислы до Нѣмана, до Сѣвска и Путивля) не отличаются особою точностью съ точки зреянія современной этнографіи. Въ болѣе мелкихъ явленіяхъ обыденнаго быта также на каждомъ шагу встрѣчаемся съ живыми связями, постояннымъ эндосмосомъ и экзосмосомъ народной жизни, не останавливающимся предъ официальными, политическими и даже религіозными граніями (въ чисто народномъ быту въ прошломъ и до нынѣ, напримѣръ, встрѣчаемся очень часто съ вполнѣ определеннымъ игнорированіемъ конфессиональныхъ различій православія и украинской униатской церкви, гдѣ она была введена официально). За всѣмъ тѣмъ неблагопріятныя для національной жизни условія, въ какихъ пришлось прожить украинскому народу, не остались безъ сильнѣйшаго воздействія на его судьбу. Массовая денационализація высшихъ, наиболѣе сознательныхъ слоевъ украинскаго общества въ прошломъ была однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ послѣдствій этого воздѣйствія. И въ настоящемъ для весьма значительныхъ частей украинскаго (по происхожденію) общества вопросъ о

національному единству українського народу, або навіть самому существо-
ванню української національності, яв-
ляється ще пунктом не пройденимъ,
вопросомъ не разрѣшенимъ.

Въ описанныхъ выше усlovияхъ української жизни україновѣдѣніе въ его настоящемъ пониманіи не могло полу-
чить значительного развитія. То, что предшествующа столѣтія оставили сколько-нибудь цѣнного въ смыслѣ изученія української жизни, поня-
тиемъ україновѣдѣнія покрывається лишь отчасти, або болѣе или менѣе случайнымъ образомъ. Старая Русь оставила намъ цѣнное наслѣдство глав-
нымъ образомъ въ области исторіо-
графіи; за недостаткомъ другихъ источниковъ, ея лѣтописаніе слу-
житъ намъ источникомъ географиче-
скимъ, этнографическимъ, юридиче-
скимъ и всякимъ другимъ. Но стоитъ оно на точкѣ зреїння отнюдь не этнографической, а политической. Київське лѣ-
тописаніе, хотя фактически занимается главнымъ и почти исключительнымъ образомъ югомъ и является такимъ образомъ прямымъ предшественникомъ позд-
нѣйшої української исторіографіи, однакож, своєю цѣллю ставить повѣст-
ваніе о судьбахъ Київського государства по возможности въ его цѣломъ, обни-
мающемъ, кромѣ українськихъ, и другія земли. Полнѣ и исключительнѣе на мѣстной, українськой почвѣ стоитъ позднѣйше галицко-волинськое лѣто-
пisanie, благодари тому, что політичес-
кій горизонтъ галицко-волинського го-
сударства почти не выходилъ за предѣлы Западної України. Мѣсто експурсій въ сферу сѣверныхъ или сѣверо-восточ-
нихъ отношеній здѣсь занимаютъ експурсы въ область політическої жизни Польши, Литви, Венгриї. Въ

галицко-волинської лѣтописи это только експурсы, но уже столѣтіе позже українськія земли становятся провин-
ціями Польши и в. кн. Литовського, и мѣстное лѣтописаніе, о которомъ можемъ судить по весьма скучнымъ остаткамъ и отзвукомъ, сохранившимся до нашего времени, начинаетъ рассматривать українскую жизнь, какъ провинціализмъ Литовського или Польського государства.

И позже, съ новымъ оживленіемъ українской жизни (съ конца XVI в.), если съ одной стороны встрѣчаются лѣто-
писи, довольно близко подходящія подъ понятіе лѣтописи українской жизни (какъ т. н. Львовская лѣтопись), то съ другой—нѣтъ недостатка въ про-
изведеніяхъ, гдѣ надъ мѣстными українскими интересами береть верхъ «общегосударственная» (польско-литовская) точка зреїння (какъ напр. Гу-
стинская лѣтопись), или же авторъ оказывается во власти традицій «един-
ства русского народа», вносящихъ полный сумбуръ въ историческую пер-
спективу—какъ знаменитый «Сино-
псь», одно изъ самыхъ сумбуровыхъ произведеній, что не помѣшало ему сдѣлаться самымъ популярнымъ исто-
рическимъ руководствомъ. Идеи перед-
овыхъ вождей козачества о единстве
українскихъ земель и ихъ політи-
ческомъ обособленіи не нашли широ-
каго распространенія въ позднѣйшихъ
литературныхъ кругахъ. Козачество,
наложившее такую яркую печать на
жизнь восточної Україны, только на
одинъ моментъ привело въ движеніе всю
українскую територію. Постепенно-
теряя силу и енергію, оно отступ-
ило все болѣе на востокъ, пока
въ концѣ концовъ Днѣпръ не сталь
его границею на западѣ. Козацкая

эпоха, ставшая новымъ исходнымъ пунктомъ для украинской исторіографії, новой эрой украинской исторії, въ связи съ различіями въ историческихъ судьбахъ восточной и западной Украины, раздѣленной между владѣніемъ польскимъ и московскимъ, вліяетъ очень опредѣленно на развитіе восточно-украинского партикуляризма. Понятіе единства украинского народа и украинской території постепенно уступаетъ мѣсто идеямъ «козакорусского народа», сливающагося съ козацкой, восточной частью Украины, и «малороссійское отечество» украинскихъ писателей XVIII в. (восточной Украины) все менѣе выходитъ за предѣлы Гетманщины, хотя память былой тѣсной связи съ западными украинскими землями все-таки сохранялась въ научной литературѣ¹⁾.

Еще болѣе смышенія и неясности видимъ на почвѣ, такъ сказать, филологической. Интересъ къ народной стихії, внущенный практическими интересами церковно-религіозной проповѣди въ періодъ религіозной борьбы XVI в., не уяснилъ въ достаточной степени понятія народного языка и его отношеній къ старому книжному. Писатели пользовались безъ особаго различія языккомъ народнымъ — «простымъ», и «посполитымъ» жаргономъ верхнихъ слоевъ современного общества, обезображеніемъ ужасающими латинизмами

1) См. напр. въ „Браткомъ истор. описаніи о Малой Россіи“ (1769): „Малая Россія часть есть Россійского государства, заключающая въ себѣ древняя россійскія княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское, а къ симъ причислить можно Волынское, Луцкое и другія, какъ-то Подолію и до предѣловъ бывшихъ греческаго (sic) владѣнія земель“ (изд. Бодянскаго, 1848, с. 1).

и полонизмами, и это, несомнѣнно, было одною изъ причинъ, усиливавшихъ старовѣрство ревнителей православныхъ преданій, весьма неодобрительно относившихся къ «выворачиванью» священныхъ книгъ «простымъ языкомъ», и усиленно пропагандировавшихъ употребленіе церковно-славянскаго языка. Затѣмъ этотъ православный консерватизмъ, видѣвшій извѣстную профанацію въ допущеніи простого языка въ религіозную сферу, былъ поддержанъ еще стремленіемъ современныхъ украинскихъ филологовъ противостоять грамматически разработанной латинской и польской рѣчи грамматически же разработанную книжную рѣчъ: въ основу грамматической обработки полагалась болѣе опредѣлившаяся традиціонная «словено-росская рѣчь», надолго канонизированная особенно популярной грамматикой Смотрицкаго. Благодаря вліяніямъ школы, она прочно утвердилась на позиції единаго настоящаго литературнаго языка. То, что противостоялось ей подъ названіемъ «русскаго» или «rosskago» языка, какъ современный языкъ украинскаго общества, и допускалось къ книжному употребленію, далеко не покрывалось народнымъ украинскимъ языккомъ, представляя пеструю амальгаму элементовъ народныхъ, книжныхъ (славяно-русскихъ), жаргонныхъ польско-латинскихъ, а позже, съ начала XVIII в., подпадающей въ восточной Украинѣ сильнѣйшимъ вліяніямъ книжнаго великорусскаго языка. Эта отрѣшеннность отъ народной почвы и неопределенное положеніе между народной и славянской рѣчью не дала возможности развиться этому книжному языку. Идея обработки народ-

ной рѣчи, носившаяся въ умахъ многихъ украинскихъ писателей XVII—XVIII в., утонула въ этой неопределѣленности отношеній народной рѣчи, старорусской славянщины, польско-украинскаго жаргона и официальной великорусской рѣчи. Изъ массы нарѣчій и говоровъ народныхъ, опре-

дѣленно замѣченныхъ старыми писателями, и съ другой стороны—изъ конкурировавшихъ съ ними книжныхъ языковъ, образъ общаго народнаго украинскаго языка такъ и не успѣлъ съ полной опредѣленностью подняться и кристаллизироваться за это время¹⁾.

Украиновѣдѣніе на переломѣ XVIII и XIX в.

Если понятіе украинской народности не успѣло въ XVII—XVIII в. вырости до полной опредѣленности, и вслѣдствіе этого и идея изученія Украины и украинскаго народа въ его цѣломъ не могла войти въ сознаніе, все же XVIII в. оставилъ послѣдующимъ поколѣніямъ цѣнное наслѣдство въ области украиновѣдѣнія. Слишкомъ столѣтіе автономной политической жизни (1648—1764) оставило глубокій и неизгладимый слѣдъ на всемъ складѣ мышленія и интересовъ украинскаго общества Восточной Украины. Весьма быстро подвергаясь вольному и невольному обруѣнію, оно подъ новою оболочкою «благороднаго россійскаго дворянства» и великорусской культуры таитъ очень опредѣленный «малороссійскій» патріотизмъ, доводившій до раздраженія поборниковъ россійскаго централизма. Этотъ патріотизмъ обращаетъ вниманіе образованнѣйшихъ представителей украинскаго общества на собираніе, описание и изслѣдованіе особенностей

старого украинскаго быта, обреченаго, какъ казалось имъ, на скорое поглощеніе новыми формами имперской жизни. Съ другой стороны развивается особое вниманіе къ исторіи Украины, въ которой украинскіе патріоты искали обоснованія своимъ политическимъ и классовымъ стремленіямъ и запросамъ. Не случайно съ упраздненіемъ гетманства (1764), повлекшимъ за собою рядъ другихъ ударовъ автономному складу Гетманщины, совпадаетъ развитіе весьма значительной историко-антикварной литературы, посвященной изученію исторіи Украины и ея быта. Только небольшая часть этой литературы получила значительное распространеніе путемъ печати, большинство произведений ея осталось въ автографахъ или немногихъ копіяхъ и сохранилось до нашего времени въ сравнительно незначительныхъ остаткахъ¹⁾. Рядъ печатныхъ публикацій, послѣ статей Миллера по исторіи козачества (1760), начинается изданіями Василія Рубана, секретаря Потемкина. Въ 1773 г. выходятъ его «Краткія политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи

1) См. по этому предмету труды А. И. Житецкаго „Очеркъ литературной исторіи малорусского нарѣчія въ XVII и XVIII в.в.“, 1889, и „Энніда Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка“, 1900.

1) Бѣглый очеркъ этой антикварной литературы у Н. П. Василенка: „Къ исторіи малорусской исторіографіи“, Кіев. Старина, 1894, XI.

съ пріобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая» — маленький спра-вочникъ, сообщавшій всѣ эти разно-родныя свѣдѣнія на 100 страницахъ малаго формата. Затѣмъ, по настоянію извѣстнаго Ал. Безбородка и при его содѣйствіи онъ же издастъ въ 1777 г. болѣе обстоятельныя трактаты: «Крат-кая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 г. съ изъявленіемъ настоя-щаго образа тамошняго правленія», — небольшая историческая компиляція первой половины XVIII в., какъ ду-маютъ, съ дополненіями Безбородка и «Землеописаніе Малыя Россіи» — гео-графія и статистика Гетманщины по переписи 1764 г. По мысли Безбо-родка, эти публикаціи должны были послужить вступленіемъ «къ намѣре-ваемому изданію полной малороссій-ской исторіи ¹⁾», но намѣреніе это не осуществилось. Въ одинъ годъ (1777) съ этими курсами украинской исторіи и географіи выходитъ также первенецъ новой украинской этнографіи: «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и Слободской Украинской губерніи» Григ. Калиновскаго, моло-дого племянника того же Рубана, а два года позже одинъ изъ наиболѣе усердныхъ изслѣдователей украинской жизни Фед. Туманскій представляетъ тогдашнему правителю гетманщины Румянцеву программу для собиранія историко - географическихъ, стати-стико-экономическихъ и этнографи-ческихъ свѣдѣній, для всесторонняго описанія. Весьма правдоподобна до-

гадка, что подъ вліяніемъ этого про-екта явились позднѣйшія описанія Шафонскаго и Пащенка, — но они остались неизданными. Восьмидесятые и девяностые годы, кромѣ ряда статей по истории Украины (общій очеркъ въ «Топограф. описаніи Харьковскаго намѣстничества», 1788, нѣсколько ста-тей въ «Географич. Словарѣ» Щекатова, статьи по кievскимъ древностямъ въ «Краткомъ описаніи Кіево.-Печ. Лавры», 1791 и 1795 г.г., большой историко-этнографической очеркъ въ «Описаніи народовъ, обитающихъ въ Россіи», 1799) принесли только изданіе нѣко-торыхъ памятниковъ въ «Россійскомъ Магазинѣ» Ф. Туманскаго, между про-чимъ «Лѣтопись» Гр. Грабянки (1793), съ небольшимъ словарикомъ истори-ческихъ реалій — предшественникомъ болѣе подробной работы, затѣянной Вас. Ломиковскимъ («О Малороссіи. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновни-ковъ», 1808), — неоконченной и неиз-данной ¹⁾). Изъ затѣянныхъ Яковомъ Маркевичемъ «Записокъ о Малорос-сіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» — своего рода энциклопедіи Гетман-щины, вышла только первая часть (1798) — кое-что изъ исторіи старой (до XI в.) и новой, изъ географіи, — этнографіи и естествознанія ²⁾). Гораз-до болѣе обширный и законченный трактатъ Шафонскаго (1786): «Чер-ниговскаго намѣстничества топogra-фическое описание, съ краткимъ гео-графическимъ и историческимъ опи-саніемъ Малыя Россіи», осталось не-

¹⁾ Издано Лазаревскимъ въ Кіев. Стар. 1894, VII.

²⁾ О ней Лазаревскій, Прежнє изыска-тели малор. старины (Очерки).

¹⁾ Григоровичъ, Кн. Безбородко I, с. 46.

изданнымъ, равно какъ и другое аналогическое (менѣе пространное) описание Д. Пашенка. Въ рукописи остался и цѣлый рядъ историческихъ работъ, нерѣдко гораздо болѣе цѣнныхъ сравнительно съ «Краткимъ описаниемъ», изданнымъ Рубаномъ — лѣтописи украинской исторіи Симоновскаго (1765), Лукомскаго (1770), Ригельмана (1778) и наиболѣе талантливая и интересная анонимная «Исторія Руссовъ или Малой Россіи», пущенная въ оборотъ во второмъ десятилѣтіи XIX в. съ именемъ Георгія Конисскаго и пріобрѣвшая чрезвычайную популярность и влиятельность благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ и еще болѣе—проникающему ее горячему украинскому патріотизму и автономизму¹⁾.

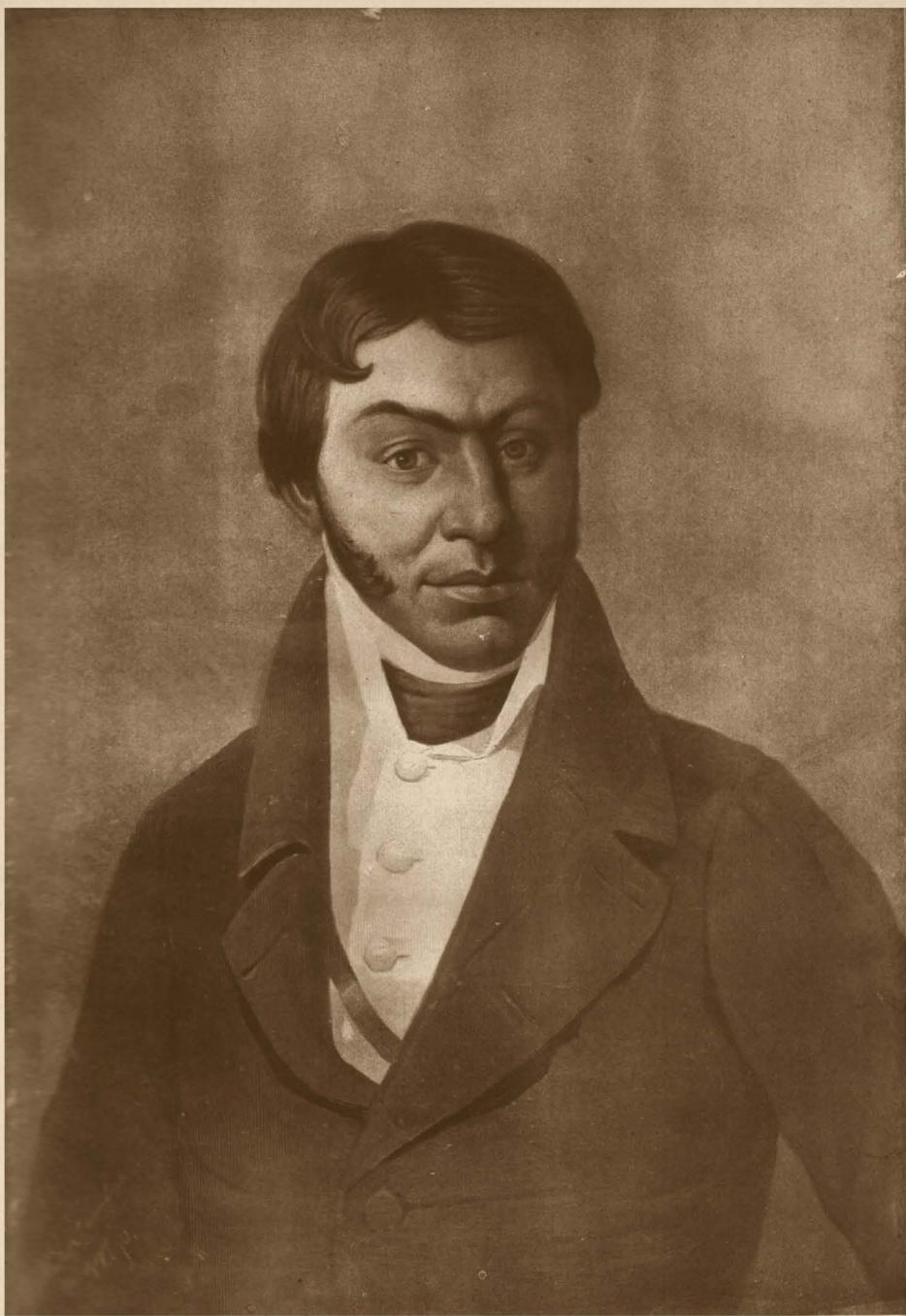
Интересъ къ языку и письменности, судя по дошедшему до нась матеріалу, долго не поднимался надъ собираниемъ украинскихъ словъ, казавшихсь наиболѣе любопытными, составленіемъ словариковъ идіомовъ, переходившихъ въ словарики реалій. Не прекращается, несмотря на быстрое обрученіе, любовь къ украинской рѣчи, проявляющаяся и въ сочиненіи и въ собираніи произведеній на украинскомъ языке, и среди этихъ любителей

¹⁾ Время составленія ея остается неопредѣленнымъ; наряду съ догадкою Лазаревскаго, считавшаго ея авторомъ Полетику-отца (Григорія, ум. 1784) стоять догадки, передвигающія центръ тяжести въ эпоху Полетики - сына, продолжавшаго историческія занятія отца во второмъ десятилѣтіи XIX в. (письмо отъ 1812 г.). Литература и обзоръ вопроса въ статьяхъ А. С. Грушевскаго: Къ судьбѣ «Исторіи Руссовъ» (Членія кіев. Общ. XIX) и Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ» (Ізвѣстія акад.), 1908.

находятся энтузіасты, въ родѣ извѣстнаго Лобысевича, ставящаго украинскихъ авторовъ XVIII в. рядомъ «съ Плавтомъ или Мольеромъ, если не выше»¹⁾. Оцѣнка языка не идетъ сначала дальше краткихъ и поверхностныхъ характеристикъ въ этнографическихъ очеркахъ «Малороссіи», авторы которыхъ въ духѣ современныхъ сентиментальныхъ теченій рекомендуютъ его «нѣжность, пріятность», «патетическая выраженія, уменьшительные слова, кои произошли, конечно, не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей» (Я. Марковича Записки о Малороссіи). Но въ первые годы XIX в. появляется уже первый опытъ грамматики чистаго народнаго языка, слободскаго нарѣчія,—грамматика Павловскаго, случайнаго жителя Украины, котораго заинтересовала мѣстная рѣчь, уже окончательно вымиравшая, какъ казалось ему («ни живой, ни мертвый языкъ», «исчезающее нарѣчіе»), и онъ настаивалъ на необходимости его изученія прежде окончательного исчезновенія: «кто же намъ тогда покажеть истинный образъ нашихъ предковъ въ прошедшихъ временахъ, если мы не сохранимъ настоящаго образа ихъ мыслей и нарѣчія». Въ печати эта грамматика появилась только въ 1818, но написана была гораздо раньше, и уже въ началѣ 1805 г. была предложена авторомъ на разсмотрѣніе Российской академіи²⁾.

¹⁾ О Лобысевичѣ статья Петрова въ сборнике „Статьи по славяновѣдѣнію“, I.

²⁾ Объ этихъ первыхъ шагахъ украинскаго языкознанія: Буличъ, „Очерки исторіи языкознанія въ Россіи“, 1904, и дополненія къ нимъ: Огіенко, „Огляд українського язикознавства“, Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. 79 и 80.

Г. Ф. Квитка.

Съ портрета, писанного Мартыновымъ.

(Дашковское собраніе при Румянцевскомъ музѣѣ въ Москвѣ).

Антикварный характеръ стараго украиновѣдѣнія и новые взглѣды, на украинскую стихію.

Въ общемъ оживленіе украиновѣдѣнія, бросающееся въ глаза на переломѣ XVIII и XIX вв., несмотря на проникающую его жизненность, имѣеть по большей части довольно ярко выраженный антикварный характеръ. Интересовались памятю отжившаго или отживающаго, спѣшили закрѣпить на бумагѣ уходящіе образы, съ пѣтизмомъ потомковъ, собирающихъ фамильные памятники. Проскальзывающія нотки высокой оцѣнки этихъ украинскихъ древностей, вродѣ характеристики «малороссійской исторіи», какъ «славной вѣтви россійской исторіи» (въ письмѣ Чепы, одного изъ наиболѣе уважавшихъ украинскихъ антикваріевъ, къ В. Полетикѣ), или приведенной выше похвалы украинскимъ «Плавтамъ и Мольерамъ» XVIII в., служатъ скорѣ выраженіемъ мѣстнаго украинскаго патріотизма, атtestованнаго еще Румянцевымъ. Но настоящаго сознанія значенія и цѣнности этой работы, которая постепенно наростала въ украинскомъ обществѣ съ конца XVIII в., еще не замѣтно. Даже интересъ къ языку, къ народной поэзіи имѣеть, какъ отмѣчено, въ значительной степени тоже антикварный характеръ.

Нѣсколько удачныхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, въ особенности «Энеида» Котляревскаго и его пьесы, затѣмъ выдающіяся произведенія харьковскаго кружка, дали новое настроеніе и новые взглѣды на народный языкъ. Повороту въ литературномъ творчествѣ, бросающемся въ глаза при сравненіи литерату-

турныхъ произведеній конца XVIII в., до «Энеиды» и пародій Гулака-Артемовскаго включительно, съ «Наталкой» того же Котляревскаго и балладами Гулака, соотвѣтствуетъ поворотъ и въ теоретическихъ взглѣдахъ на украинскій языкъ и украинскую народную стихію вообще. Во второмъ десятилѣтіи XIX в. встрѣчаемся съ первыми мыслями и спорами на тему жизнеспособности украинскаго языка и его будущности въ литературѣ. Перепечатка (въ переводѣ) замѣтокъ Бандтке («Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ», въ «Вѣстн. Европы» 1815), гдѣ наряду съ признаніемъ старобытности украинскаго языка высказывались пожеланія его литературнаго развитія, вызываетъ скептическія замѣчанія Каченовскаго, но встрѣчается съ аналогическими пожеланіями и надеждами Украинцевъ. Бандтке выступаетъ противъ «нѣмецкаго» взглѣда на украинскій языкъ какъ на «русскій языкъ, испорченный примѣсью къ нему польскаго», взгляда, повторявшагося и самими Украинцами¹), и выводитъ его изъ временъ доисторическихъ. Каченовскій скептически замѣчалъ по этому поводу, что въ кievскій періодъ не могло быть «нынѣшняго малороссійского нарѣчія», «потому что и самое название Малороссіи тогда не существовало» (аргументъ, какъ видимъ, соотвѣтствовалъ младенческому

¹⁾ Напр. у Я. Марковича: „Въ древнія времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но искали или испортили его въ то время, когда находились въ плѣну у Татаръ, Литовцевъ и Поляковъ“.

состоянію вопроса), и на пожеланія Бандтке относительно будущаго указывалъ на отсутствіе грамматической и литературной обработки: «онъ (языкъ) никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова «Энеида» и двѣ или три извѣстныя оды». «Когда же догонитъ (великорусскій языкъ) малороссійскій почти съ одною своею «Энеидою», и къ чemu бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ не-преодолимыми трудами?» Но подобные аргументы не смущали ревнителей украинской народности, и молодой харьковскій патріотъ Ал. Левшинъ, издавая годъ спустя свои впечатлѣнія, смѣло указываетъ на Энеиду, какъ на доказательство возможности литературной обработки украинскаго языка, и присовокупляетъ: «Ежели геніи здѣшней стороны обратятъ вниманіе и образуютъ оный, ограничивъ положительными правилами грамматики, тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ можетъ быть будуть состязаться съ просвѣщен-нѣйшими народами Европы» («Письма изъ Малороссіи», 1816). Такъ въ это время уже обозначилась основная контроверза, ставшая впослѣдствіи предметомъ такихъ ожесточенныхъ споровъ.

Въ Россіи она довольно долго не шла далѣе общихъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣчаній. На сужденіе объ украинскомъ языкѣ, какъ объ испорченномъ польскими вліяніями русскомъ нарѣчіи, или нарѣчіи польскаго языка, какъ писалъ, напр., тогдашній языковѣдъ Гречъ въ своей исторіи русской литературы (1822) и потомъ въ «Пространной грамматикѣ», отвѣчалъ

вскользь Максимовичъ въ предисловіи къ первому сборнику пѣсенъ (1827). Онъ замѣчаетъ, что наличность общихъ словъ въ украинскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ не доказывается еще заимствованіемъ ихъ украинцами, а его сходство съ разными славянскими языками указываетъ на срединность «малороссійскаго языка» среди славянскихъ нарѣчій. Но уже въ 1836 г. появляется специальная статья молодого Бодянскаго «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ» (въ Уч. Запискахъ Московскаго унив. за 1835—36 г.), гдѣ онъ вполнѣ определенно переносить вопросъ на историческую почву, считая южную и сѣверную вѣтви исконными развѣтленіями общеславянскаго языка, видѣть украинизмы въ древнихъ памятникахъ, начиная съ договоровъ съ греками, лѣтописи «Нестора» и пр., ставить въ отношенія преемства къ нимъ «славяно-русскій» языкъ XVI—XVII в. и объясняетъ позднѣйшій его упадокъ преобладаніемъ «простого» народнаго языка подъ вліяніемъ казацкихъ движений, потрясшихъ весь складъ украинской жизни; Подвергнувшіеся польскимъ, великорусскимъ или белорусскимъ вліяніямъ говоры онъ считаетъ «нарѣчіями языка малороссійскаго», сохранившагося въ полной чистотѣ въ говорахъ лѣвобережныхъ. Срезневскій въ интересномъ открытомъ письмѣ къ Снегиреву, подъ заглавіемъ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834) считаетъ не нуждающимся въ доказательствахъ, «что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ—малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые, и многіе увѣ-

рены, что этот языкъ одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ богемскому въ обиліи словъ и выраженій, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный». Его литературная будущность не внушаетъ автору никакихъ сомнѣній. «Почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіею Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще не сколько другихъ, польствившихся обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ что - нибудь достойное Украины—почему должны они оставаться одни въ доселѣ дикой пустынѣ украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкия, Дорошенка, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины». Какъ видимъ, это было повтореніе, въ формѣ болѣе рѣшительной и увѣренной, того, что писалъ 18 лѣтъ передъ тѣмъ другой харьковскій энтузіастъ Левшинъ. Украинскія перспективы представлялись современникамъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ. Отсутствіе всякихъ официаль-

ныхъ стѣсненій, благожелательное въ общемъ отношеніе лучшихъ представителей великорусскаго общества къ пробамъ литературной обработки украинскаго языка, къ изученію украинской жизни, не оставляли мѣста обостренію, созданному позднѣйшими преслѣдованіями и нападками. Новые идеи народности объединили представителей украинскаго и великорусскаго общества въ изученіи народной стихіи въ культивированіи народнаго языка и народныхъ элементовъ въ литературѣ. Въ той сфере, отрѣшенной отъ практической жизни, въ которой культивировалось украинство украинофилами 1820—1830 годовъ, оно не встрѣчало серьезныхъ препятствій извнѣ, и этимъ объясняется малая интенсивность теоретическихъ споровъ объ украинствѣ въ Россіи. «Споры южанъ и сѣверянъ на счетъ ихъ россизма», отмѣченные Венелинымъ (1832), имѣли еще слишкомъ поверхностный характеръ, чтобы задѣвать глубоко. Этимъ объясняется сравнительная скучность чисто филологической литературы въ Россіи въ этихъ десятилѣтіяхъ.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ оказалась Украина западная, галицкая, гдѣ споры о языке становятся жизненнымъ нервомъ на цѣлое почти столѣтіе.

Вопросъ о языке въ Галиції.

Въ концѣ XVIII в. Западная Украина, какъ увидимъ ниже, переживала еще болѣе глубокій упадокъ національной жизни, чѣмъ восточная. Здѣсь не было того подъема своеобразнаго украинскаго патріотизма, какой гетманщина пережила по инерціи автономной жизни, по воспоминаніямъ герои-

ческой эпохи XVIII в. Всѣ высшіе слои общества были вполнѣ денационализованы; даже церковное управление перешло въ руки ополяченныхъ или поляковъ по происхожденію монаховъ-базиліанъ. Заботы австрійскаго правительства о подъемѣ культурнаго уровня духовенства и общемъ культурномъ

развитія украинскаго элемента долго не находили живого отклика въ самомъ украинскомъ обществѣ, и многія благія начинанія завяли не успѣвъ расцвѣсти, подъ дуновеніями общей реакціи, прежде чѣмъ украинское общество сколько-нибудь оцѣнило значеніе этихъ начинаній. Однимъ изъ такихъ проявленій запоздалой оцѣнки тѣхъ культурныхъ средствъ, которыя были даны, но не использованы мѣстнымъ украинскимъ элементомъ, было оживленіе интереса къ вопросамъ національной школы и языку преподаванія. Когда во второмъ десятилѣтіи XIX в. австрійское правительство, подъ польскимъ вліяніемъ, вместо украинскаго языка начало вводить въ школахъ преподаваніе на польскомъ языкѣ, это вызвало протесты у болѣе сознательныхъ единицъ, старанія о пробужденіи въ украинскомъ обществѣ болѣе активнаго отношения къ вопросамъ просвѣщенія и культуры, вызвало въ дальнѣйшемъ—культуру языка. Въ этихъ условіяхъ появляется знаменитый трактатъ въ защиту украинскаго языка перемышльскаго каноника Ивана Могильницкаго, передового дѣятеля на этомъ поприщѣ, и рядъ грамматикъ. Его трактатъ: «Вѣдомость о русскомъ языкѣ», написанный сначала на украинскомъ языкѣ, вышелъ въ 1827 г. въ польскомъ переводаѣ, предназначенный для польского общества, которое надлежало убѣдить въ правѣ на существованіе украинскаго языка. Это былъ весьма замѣчательный для своего времени трудъ, богатый историческимъ материаломъ, хотя и грѣшившій смѣшениемъ понятій (напр. народный галицкій украинскій языкъ отождествлялся съ письменнымъ языккомъ XVI—XVII в.

«бѣлорусскій» языкъ подводился подъ понятіе «русскаго», т. е. украинскаго языка); переведенный съ польскаго на русскій, онъ нѣсколько разъ издавался въ Россіи (въ послѣдній разъ въ «Запискахъ о южной Руси», 1857), а въ Галиції долго оставался основнымъ сочиненіемъ по вопросамъ языка. Грамматика составленная Могильницкимъ, къ со жалѣнію, осталась неизданною—какъ и всѣ другія галицкія грамматики этого первого периода: Паславскаго, Лавровскаго, Лозинскаго. Первая галицкая грамматика, появившаяся въ печати была Grammatik der ruthenischen oder Kleinrussischen Sprache Іосифа Левицкаго, вышедшая въ 1834 г.—исключение совсѣмъ не счастливое, такъ какъ въ своихъ сужденіяхъ о языкѣ Левицкій остался позади другихъ изслѣдователей—Могильницкаго и Лозинскаго, гораздо справедливѣе оцѣнивавшихъ значеніе народной стихіи.

Въ этомъ отношеніи первые галицкіе языкословы оказались въ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ, чѣмъ ихъ современники въ Россіи. На Украинѣ Россійской въ началѣ XIX в. совершенно опредѣленно и рѣзко стояли одинъ противъ другого языкъ литературный, великорусскій, и языкъ народный украинскій. Книжный украинскій языкъ, въ его обоихъ развѣтвленіяхъ—сближенномъ къ славянскому и сближенномъ къ жаргону образованныхъ классовъ,—къ этому времени вымеръ безъ остатка, подъ напоромъ офиціального великорусскаго и неофиціального народнаго; церковнославянскій сохранился лишь въ чисто церковно религіозномъ употребленіи духовенства, оставшагося вполнѣ за флагомъ, такъ какъ вся литературная и культурная работа перешла къ свѣтской

интеллигенції. Въ Галиції же первые кадры интеллигенції составляло духовенство, которое очутилось въ положеніи, весьма близко напоминавшемъ положеніеихъ предшественниковъ первой половины XVII в. съ ихъ колебаніями между церковнымъ языкомъ и живой рѣчью. Старый книжный украинскій языкъ здѣсь не умеръ и книжная литература на этомъ языке, доплыvъ хотя скучнымъ ручейкомъ до конца XVIII в., вошла въ обиходъ возобновленной высшей украинской школы, видоизмѣненной новыми теченіями, но въ принципѣ отрѣшенной отъ живой народной стихіи, какъ слишкомъ низкой и вульгарной. На народномъ языке здѣсь не имѣлось даже такихъ пробъ литературной обработки, какими располагали филологи Украины Россійской. И въ довершеннѣе всего галицкіе филологи не имѣли передъ собою такой однобразной украинской народной рѣчи, распространенной на огромную територію и огромную массу населенія, какъ языкъ лѣвобережной Украины, которую канонизовали начинатели украинской литературы въ Россіи, а изслѣдователи украинского языка начала XIX в., какъ мы видѣли, положили во главу угла, объявляя другія нарѣчія, такъ сказать, уклоненіями отъ этого канона. Передъ галицкими филологами лежала группа нарѣчій, среди которыхъ лавировать, даже при желаніи стать на почву народной рѣчи, было не легко при тогдашнемъ состояніи филологическихъ познаній. Въ результатѣ цѣлыхъ полстолѣтія прошло въ колебаніяхъ между книжно-церковною и народною стихіею, и колебанія эти закончились полнымъ и непримиримымъ раздѣленіемъ галиц-

кой жизни на два теченія—въ сторону народа и въ сторону книжныхъ традицій или «единства русскаго народа»,—во второй пол. XIX в., когда выяснилось полное расхожденіе обоихъ направленій.

На первыхъ порахъ несогласимость этихъ теченій не представлялась изслѣдователямъ съ такой ясностью. Могильницкій добросовѣстно старается втиснуть народную галицкую рѣчу въ тиски грамматической системы Смотрицкаго и въ его правописаніе, котораго придерживается рабски. Но нѣсколько лѣтъ позже появляется грамматика угорского русина Мих. Лучкая (*Grammatica Slavo-Ruthena seu vetero-slavicae et actu in montibus Carpathicis Parvo-Russiae seu dialecti vigentis lingue*, Пештъ, 1830), въ которой съ консерватизмомъ, свойственнымъ этому крайнему отрѣзку восточно-славянскаго міра, центръ тяжести еще разъ переносился на единый «ученый» (*lingua eruditâ*) церковно-славянскій языкъ, который снова, какъ въ XVII в., рекомендовался для школьнаго и научнаго употребленія «Карпатской Руси». Эта мысль произвела сильное впечатлѣніе на воспринимчивой галицкой почвѣ, и Іос. Левицкій усиленно пробуетъ подтянуть подъ церковно-славянскія формы живую украинскую рѣчу, одновременно сильно подправляя ее великорусскими элементами, такъ какъ образцомъ для него служила нѣмецкая грамматика великорусского языка, которой онъ слѣдовалъ не только въ системѣ, въ терминологіи, но и переносилъ великорусскія формы на свой «русинскій» языкъ (предательская путаница въ терминологіи, называвшей «русинскимъ» мѣстный украинскій языкъ и

«рускимъ» книжный великорусскій, не оставалась тутъ также безъ вліянія).

Съ протестомъ противъ этого «поклоненія двумъ богамъ», какъ характеризовалъ эти колебанія цензоръ грамматики Левицкаго, знаменитый Б. Копитаръ, усиленно рекомендовавшій галичанамъ культивировать свою народную рѣчъ, выступилъ Іос. Лозинскій. Ознакомившись еще въ рукописи съ грамматикою Левицкаго, онъ уже въ 1834 г. приготовилъ грамматику, послѣ безконечныхъ мытарствъ вышедшую лишь въ 1846 г. на польскомъ языкѣ (*grammatyka języka ruskiego* (*maloruskiego*)). Въ ней онъ является горячимъ поборникомъ культуры народной украинской рѣчи, какъ необходимаго и даже неизбѣжнаго орудія общественнаго развитія, здоровой культурной жизни, «образованія души». Мертвый церковно - славянскій языкъ, по его убѣждѣнію, не можетъ быть орудіемъ просвѣщенія и развитія народа. Невозможно также искусственно подтягивать украинскій языкъ подъ одно изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій (Лозинскій специально полемизируетъ съ польскими писателями, рекомендовавшими украинцамъ примкнуть къ литературѣ польской, но то же относилось и къ тенденціямъ великорусскимъ). Пятнадцатимилліонный украинскій народъ, какъ исчисляется его Лозинскій, не можетъ отказаться отъ своего языка, оставаться безъ своей литературы.

Приходится пожалѣть, что эти здравыя мысли не были усвоены обществомъ. Въ устахъ Лозинскаго ко времени появленія его грамматики, онъ были дискредитированы крайне непопулярною пропагандою введенія ла-

тинской азбуки, которой одно время съ увлеченіемъ занялся Лозинскій. Идея народнаго языка имѣла сторонниковъ, но іерархическія сферы склонялись въ пользу сторонниковъ церковно-славянскаго языка и, по ироніи судьбы, цензура надъ русинскими изданіями, порученная администрацией этимъ сферамъ, ставила всяческія препоны теченіямъ украинскимъ, хотя въ интересахъ австрійской политики лежало обособленіе русинскаго элемента отъ поляковъ и великороссовъ, и Копитаръ, исходя изъ этихъ государственныхъ австрійскихъ мотивовъ, въ своей перепискѣ съ галицкими языкословами усиленно поддерживалъ идею народнаго языка.

Эта обскурантская цензура и отсутствие прессы были причиной, почему теченія, такъ ясно обозначившіяся уже во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XIX в., не проявили себя болѣе живымъ обмѣномъ мыслей въ печати. Такая возможность явилась только послѣ 1848 г., а опыты предшествующаго времени, свидѣтельствующіе о подобныхъ же исканіяхъ въ вопросѣ о литературномъ языкѣ, о путяхъ культурнаго развитія украинской народности и т. под., въ большинствѣ упокоились въ цензурныхъ и другихъ архивахъ, самое большое оставилъ слѣды контроверсій въ современной перепискѣ или позднѣйшихъ воспоминаніяхъ.

За всѣмъ тѣмъ вопросъ о языкѣ отразился въ этомъ матеріалѣ уже достаточно опредѣленно ¹⁾.

¹⁾ Новѣйшая работа: М. Вознякъ, „Студії над галицко - українськими граматиками XIX в., „Записки Наук. тов. ім. Шт. 89—95. О. Маковей, „Три галицкі грамматики“, *ibid.* т., 51 и 54.

Этнографические интересы и изучение.

Въ Россіи вопросъ объ украинскомъ элементѣ перемѣстился пока въ другую плоскость. Удѣльный вѣсъ украинского элемента долженъ быть опредѣлиться не филологическими соображеніями, не научною обработкою языка, не наличностью изящной литературы, а богатымъ содержаніемъ самой народной украинской стихіи. Такую постановку вопроса давали новыя идеи народности, начавшія проникать въ русскую среду чрезъ посредство нѣмецкихъ романтиковъ народности, отчасти также чрезъ западно-славянскую среду. Эти идеи и культь народности, ими вызванный, имѣлъ огромное значеніе для всего дальнѣйшаго развитія украинства въ Россіи и опредѣлилъ собою направленіе научныхъ интересовъ, даль совершиенно новую постановку украинновѣдѣнію, вливъ новое содержаніе въ антикварскіе интересы украинскихъ патріотовъ, сообщилъ новую цѣнность украинскимъ изученіямъ. То, что до сихъ поръ было предметомъ пѣтизма разныхъ «Малой Россіи сыновъ», семейного, такъ сказать, почитанія, ни для кого не обязательного, искашаго для себя оправданія въ естественной привязанности къ родинѣ и родному — получаетъ совершенно новую, объективную цѣнность и право претендовать на нее въ глазахъ просвѣщенного человѣчества. Сѣрая украинская масса, лишенная литературы, со своимъ необработаннымъ, «не ограниченнымъ правилами грамматики» языкомъ оказывается обладателемъ этнографическихъ сокровищъ, болѣе цѣнныхъ,

чѣмъ какія бы то ни было громкія произведенія искусственной литературы, носителемъ красоты недостижимой для интеллигентскаго творчества. Въ этомъ неотъемлемое право украинства на вниманіе и изученіе, не только самими украинцами, но и всѣми просвѣщенными, сознающими цѣнность и значеніе народности людьми. Вполнѣ опредѣленно эта новая точка зрѣнія была формулирована въ 1820-хъ годахъ (въ статьяхъ Максимовича, Цертелева и др.), но вліяніе новыхъ идей вполнѣ опредѣленно чувствуется и въ предшествующемъ десятилѣтіи. И подъ вліяніемъ ихъ украинская этнографія становится, такъ сказать, боевой наукой надолго, почти на все XIX столѣтіе. Собираніе, также и изученіе, но главнымъ образомъ все таки собираніе этнографическихъ материаловъ, особенно фольклорныхъ, становится господствующимъ интересомъ въ сфере украиновѣдѣнія. Богатство народной словесности въ глазахъ украинскаго общества является однимъ изъ главныхъ моментовъ, свидѣтельствующихъ о цѣнности украинскаго элемента, его правахъ на развитіе и національную культуру ¹⁾.

1) По истории украинской этнографіи рядъ цѣнныхъ работъ: А. Пыпина, „Исторія русской этнографії“, т. III, 1891. Огоновскаго „Исторія литературы русской“, т. IV, 1894 (неокончено). Ал. Грушевскаго, „Этнографичні видання і плянні“ (Записки Наук. тов., ім. III т. 89). Сумцова, „Современная малорусская этнографія“. Указатель: Гринченко, „Литература украинскаго фольклора“, 1777—1900, Черниговъ, 1901. Болѣе специальные монографіи указаны ниже.

Наиболѣе раннія этнографическія собранія и записи не были изданы и, вѣроятно, большою частію погибли для насъ. Нѣкоторыя изъ не опубликованныхъ собраній, однако, оказали весьма сильное вліяніе на послѣдующее народоизученіе. Такимъ было собраніе З. Ходаковскаго-Чарноцкаго; собранная имъ въ 1814—7 гг. огромная для своего времени коллекція украинскихъ пѣсень осталась въ рукописи, но ею много пользовались; большое впечатлѣніе производила сама оригиналная фигура энтузіаста-собирателя и широкія перспективы народоизученія, открывавшіяся въ его наблюденіяхъ. Фольклоръ у него неразрывно сливался съ изученіемъ психического склада народной массы, изученіе современного быта — съ бытомъ доисторическимъ; передъ перспективами первоначальной славянской общности въ его глазахъ ступешевались всякия историческая дѣленія, національныя, политическія, религіозныя, и изъ-за современной этнографіи смотрѣла на него «предхристіанская Славянщина». Эти идеи производили впечатлѣніе, и дѣйствительно, отложивъ въ сторону фантазіи и ошибки, неизбѣжныя въ первыхъ шагахъ, многое изъ указанного Ходаковскимъ въ области народоизученія только много позже вошло въ научный обиходъ и методологію¹⁾.

Прежде него украинская этнографія поставила задачею изученіе народнаго творчества, главнымъ образомъ собраніе народныхъ пѣсень, особенно историческихъ. Въ 1819 г. выходитъ

¹⁾ Новѣйшая работа о Ходаковскомъ: В. Н. Доманицкаго, „Піонер української етнографії“, въ Запискахъ Наук. тов. ім. Шевченка, т. 65.

въ свѣтъ первое печатное собраніе ихъ, Н. Цертелева. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ», заключавшихъ въ себѣ восемь думъ и двѣ пѣсни, съ интереснымъ вступленіемъ, гдѣ еще очень несмѣло высказываются мысли о цѣнности произведеній народнаго творчества вообще, и украинскаго специально, и словарикъ украинскихъ словъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ, 1820-хъ годовъ, тотъ же Цертелевъ развиваетъ уже болѣе определенно идеи народности и настаиваетъ на цѣнности народнаго пѣснотворчества. Максимовичъ, выпускная въ 1827 г. первый (и единственный) выпускъ своего собранія, несравненно болѣе значительного (изданный выпускъ включалъ въ себѣ 223 пѣсни), уже считаетъ принципъ народности перешедшимъ въ сознаніе современного общества: «Наступило, кажется, то время, когда признаютъ истинную цѣну народности», пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, и на первую позицію выдвигаетъ «пѣсни — гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки — гдѣ отсвѣчиваетъ фантазія народная». Въ обработку пѣсеннаго матеріала онъ вноситъ также гораздо больше определенности: ставитъ вопросы систематизации, возозданія по варіантамъ первоначального состава пѣсень и т. п. Не продолживъ своего первого сборника, нѣсколько лѣтъ спустя (1834) онъ началъ новый, разсчитанный на 4 части, но окончившійся тоже на первомъ выпускѣ; онъ содержалъ пѣсни историческая, числомъ 113, между тѣмъ какъ вся коллекція собранныхъ Максимовичемъ пѣсень заключала въ себѣ ок. $2\frac{1}{2}$ тысячи номеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отдельными выпускомъ были изданы мелодіи къ пѣснямъ.

Г. С. Сковорода.

(Дашковское собрание при Румянцевском музее въ Москвѣ).

Годомъ раньше начало выходить собраніе историческихъ пѣсенъ Срезневскаго («Запорожская Старина», 6 небольшихъ томиковъ, Харьковъ, 1833—1838); оно имѣло иной характеръ, чѣмъ сборники Максимовича: Максимовичъ въ своихъ сборникахъ выступаетъ какъ фольклористъ, Срезневскій пользуется пѣсеннымъ материаломъ для иллюстраціи украинской исторіи, на ряду съ пѣснями вводить и чисто историческій материалъ. Сборникъ имѣлъ большой успѣхъ, между прочимъ, благодаря эффектно сочиненнымъ пѣснямъ, примѣщаннымъ къ подлиннымъ. Въ одинъ годъ съ первымъ томикомъ «Запор. Старины» вышелъ на противоположномъ концѣ украинской территоріи другой сборникъ, имѣвшій тоже большое значеніе: *Piesni polskie i ruskie ludu Galicyiskiego* Вацлава Залесскаго (Львовъ, 1833). Это было первое собраніе галицкаго пѣсенного материала, появившееся въ печати, и богатство украинскаго пѣсенного материала сравнительно съ польскимъ производило глубокое впечатлѣніе на тогдашнюю галицкую интеллигенцію, гдѣ только что начиналось обращеніе къ народной стихії. Украинскій материалъ Залесскаго перепечаталъ затѣмъ Пл. Лукашевичъ въ своемъ сборникѣ: «Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни», 1836; это изданіе, въ первой части заключавшее пѣсенный материалъ россійской Украины, а во второй—австрійской, являлось такимъ образомъ опытомъ первого всеукраинскаго цѣлага. Другія собранія этого времени вышли гораздо позже, или и вовсе не появились въ свѣтѣ. Огромное собраніе Максимовича дебютировало еще однимъ выпускомъ но-

ваго «Сборника украинскихъ пѣсенъ» (Кievъ, 1849), разсчитанного на этотъ разъ на 6 частей, но остановившагося опять на первомъ выпускѣ. Еще большее собраніе Бодянскаго—самое большое изъ бывшихъ, судя по его подсчету (8000 пѣсенъ),—вовсе не появилось. Гоголь ограничился краснорѣчивымъ панегирикомъ украинской пѣснѣ, и его собраніе вышло только недавно, въ столѣтній юбилей. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Кулишъ носился съ планомъ изданія большого коллективнаго собранія украинскихъ пѣсенъ, съ участіемъ Костомарова, Метлинскаго, Срезневскаго, Бодянскаго и самого Кулиша; но этотъ планъ не осуществился. Во всякомъ случаѣ, благодаря уже сдѣланнымъ изданіямъ и оглашеннымъ въ печати извѣстіямъ о неизданномъ собраніи, репутація украинскаго пѣснотворчества была поставлена очень высоко. Украинскій народъ былъ признанъ обладателемъ богатѣйшей высокопоэтической словесности, ставящей его наравнѣ съ сербскимъ народомъ среди славянства и на одномъ изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ народовъ вообще.

Менѣе вниманія посвящено было другимъ родамъ украинскаго фольклора и изслѣдованию народнаго быта. Записи сказокъ, преданій, пословицъ, появившіяся въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в. и оставшіяся не изданными, были незначительны (сборники Носенка, Смирницкаго, Бодянскаго и др.). Исключеніе составлялъ сборникъ Кулиша «Украинскія народныя преданія», какъ по своимъ размѣрамъ, такъ еще болѣе по своему характеру. Молодой этнографъ не ставитъ своею задачею подбирать лишь фольклорные тексты: ему хотѣлось характе-

ризовать «народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его», иллюстрировать «поэтическую сторону жизни народа», и онъ даетъ въ своемъ сборнике сказки и историческая преданія, религіозныя легенды, отрывки изъ мемуаровъ, думы и пѣсни, загадки и просто образцы народной рѣчи. Изъ страха предъ цензурой онъ сдѣлалъ въ своемъ сборнике рядъ купюръ, но и въ этомъ «очищенномъ»

видѣ ему не суждено было появиться въ свѣтѣ: книжка московскихъ «Чтений» была конфискована за мемуары Флетгерса, напечатанные въ ней и была извлечена изъ кладовыхъ только въ недавніе годы. Кулишъ однако обработалъ свой материалъ по аналогичному плану, но въ болѣе широкомъ масштабѣ, десять лѣтъ спустя, въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси».

Исторіографія.

На ряду съ этнографическими работами довольно оживленная дѣятельность проявлялась также въ сферѣ историческихъ изученій, но они продолжали традицію XVIII в.—изученіе внѣшней исторіи козачества, преимущественно гетьманщины, начиная съ эпохи Хмельницкаго и почти не выходя изъ этой области. Понятіе украинской или малорусской, по тогдашней терминологіи, исторіи неразрывно сливалось съ исторіей козачества. Изученіе древней Руси шло вѣтъ ея, подъ маркой русской исторіи, по традиціямъ «общерусской» исторической схемы, на династической основѣ, выработанной московскимъ лѣтописаніемъ и принятой официальной русской исторіографіей. Переходный литовско-польскій періодъ служитъ лишь прелюдіемъ къ исторіи козачества и имѣть цѣлью объяснить возникновеніе козаковъ и вѣтъ этого не привлекалъ къ себѣ вниманія изслѣдователей, равно какъ и судьбы западныхъ украинскихъ земель, оставшихся подъ владѣніемъ Польши. Исходною точкою служили козацкія движенія противъ Польши, приведшія

къ переходу Украины подъ протекцію московскихъ царей. Въ 1820-хъ годахъ появляется анонимная «Історія Руссовъ», имѣвшая чрезвычайный успѣхъ въ украинскомъ обществѣ и весьма сильно повліявшая на его историческіе взгляды и интересы; но она лишь отчасти подходитъ подъ понятіе исторической работы, являясь собственно чрезвычайно талантливымъ политическимъ памфлетомъ. Одновременно съ неизвѣстнымъ авторомъ или редакторомъ ея цѣлый рядъ любителей и ученыхъ трудился надъ болѣе объективнымъ и научнымъ возсозданіемъ исторіи Украины въ эпоху козачества. Извѣстны напр. занятія въ этой сферѣ А. Чепы, Д. Ломиковскаго, Н. и Д. Бантышъ-Каменскихъ, М. Берлинскаго, Ал. Мартоса, Александра и Николая Марковича, Гоголя и др. Изъ нихъ только Бантышъ-Каменскому и Ник. Марковичу удалось увѣнчать свои труды изданиемъ «полной» исторіи Малороссіи. Мартосъ, какъ и Берлинскій; опубликовалъ лишь нѣсколько главъ изъ своей исторіи другіе не вышли изъ сферы первоначального накопленія

матеріала или небольшихъ монографій.¹⁾

Какъ и ихъ предшественники XVIII в., эти изслѣдователи опирались главнымъ образомъ на хроникахъ и мемуарахъ XVII—XVIII в., польскихъ и украинскихъ. Такой же характеръ имѣеть и вступительная часть «Исторіи» Бантыша-Каменского; но начиная съ присоединенія Україны къ Москвѣ, онъ переносить центръ тяжести своего изслѣдованія на матеріалъ офиціальный и московскій — документы архива иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ выборки, въ качествѣ приложенія, присоединялъ къ каждому изъ томовъ. Этотъ документальный характеръ, съ преобладаніемъ офиціального московскаго освѣщенія украинскихъ событий, рѣзко выдѣлялъ его трудъ изъ общаго направленія украинской исторіографіи, вносилъ въ нее новый тонъ и характеръ. Далеко превосходя предшествующія публикаціи запасомъ свѣдѣній и документальностью ихъ, изданный по своему времени очень роскошно и импозантно, трудъ Бантыша-Каменского занялъ очень авторитетную позицію въ украинской исторіографіи и получилъ большое распространеніе: изданный первымъ изданіемъ въ 1822 г., онъ былъ повторенъ затѣмъ въ 1830 и снова въ 1842 (еще разъ въ 1903). Однако, не смотря на всю свою офиціальность и документальность, и онъ не устоялъ предъ чарами «Исторіи Руссовъ», съ которой Б.-Каменскій познакомился уже послѣ изданія своей исторіи, и кое въ

1) Онъ указаны по большей частию Лазаревскимъ: „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“, 1850; также въ „Опытѣ русской исторіографіи“ В. Иконникова, и въ моей „Исторіи Украины-Руси“ т. VII прим. 2 и т. VIII пр. 6.

чемъ измѣнилъ послѣдующія изданія подъ вліяніемъ ея. И на ряду съ его книгой «Исторія Руссовъ» широко обращалась въ рукописныхъ спискахъ, своею патріотическою остротою и поэтическимъ вымысломъ сдабривая суховатое произведеніе офиціального историка.

Равнодѣйствующую обоихъ произведеній представляла третья «полная» исторія Малороссіи Ник. Марковича, изданная въ 1842—3 г. Подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ» здѣсь значительно расширена вступительная часть, — до Богдана Хмельницкаго, — занявшая цѣлый томъ; примѣръ Бантыша-Каменского сказался въ изданіи обширныхъ документальныхъ приложений, занимающихъ два отдѣльныхъ тома (IV и V); въ изложеніи Марковичъ безпомощно бараختается между апокрифическими измышленіями «Исторіи Руссовъ» и «Запорожской Старины» (тоже писанной подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ») и достовѣрнымъ актовымъ матеріаломъ Б.-Каменского; въ смыслѣ исторического метода его трудъ не представлялъ никакого движенія впередъ. Цѣну имѣлъ лишь историко-бытовой матеріалъ, собранный авторомъ, который онъ, задумавъ, послѣ изданія своей исторіи «использовать для своего рода украинскихъ древностей, началь обрабатывать. Эта работа носила заглавіе: «Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени», но болѣзнь не позволила ему окончить ему этотъ трудъ; были подготовлены только нѣкоторые отдѣлы, какъ напр., «сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 г.», исторія монастырей, этнографическая залипи и т. под.

Собранія документовъ, изданныя въ приложеніяхъ Б.-Каменскимъ и Марковичемъ, были первыми значительными изданіями документовъ по истории Украины; рядомъ съ ними можно поставить только сборникъ актовъ по истории украинской церкви, изданныхъ Евгениемъ Болховитиновымъ при его «Описаніи Кієво-софійского собора», 1823; но это изданіе, какъ и другія: «Бѣлорусскій архивъ», начавшееся съ 1846 г. изданіе «западно-русскихъ актовъ»—не стояли подъ знакомъ собственно «малороссійской» исторіографіи. Но подъ этотъ знакъ подошла дѣятельность новооснованной (1843) кіевской археографической комиссіи, несмотря на ея ультраказенный характеръ (она состояла въ ближайшемъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, и предсѣдателемъ ея былъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора, ничего общаго съ наукой не имѣвшій). Интересы украиновѣдѣнія случайно совпадали съ интересами правительственной политики въ правобережной Украинѣ, и однимъ изъ главныхъ руководителей новой комиссіи сталъ Максимовичъ, а главнымъ работникомъ Кулишъ, на которого комиссія возлагала свои надежды. Съ 1845 г. начинаютъ выходить «Памятники» кіевской комиссіи, содержащіе очень цѣнныи и разнообразный археографическій матеріалъ, кромѣ исторіи козачества также по соціальной и культурной исторіи западной Украины, остававшейся внѣ сферы изслѣдованія «малороссійскихъ» исторіографовъ. Наимѣчается комиссіей также изданіе памят-

¹⁾ О дѣятельности и планахъ комиссіи см.: «Юбилейную записку» Ор. Левицкаго: «Пятидесятилѣтіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ», 1893.

никовъ украинскаго лѣтописанія: въ 1848 г. начинаетъ выходить интересная (хотя и вполнѣ недостовѣрная) лѣтопись Величка¹⁾. Но на этомъ поприщѣ—изданія памятниковъ старой украинской исторіографіи—дѣятельность комиссіи отошла на второй планъ передъ трудами О. М. Бодянскаго¹⁾. Получивъ редакторство новооснованныхъ московскихъ «Чтеній», онъ въ три года, съ 1846 по 1848, помѣстилъ въ изданыхъ тогда 23 книжкахъ «Чтеній» огромную, предъ тѣмъ неслыханную массу исторіографического матеріала, не стѣсняясь нареканіями москвичей за такое предпочтеніе украинскому матеріалу²⁾. Началъ онъ съ «Исторіи Руссовъ», этой золотой книги тогдашняго украинского общества; въ виду ея крамольного характера изданіе считалось страшно рискованнымъ и представлялось настоящимъ патріотическимъ подвигомъ со стороны изданія. За нею послѣдовала лѣтопись Самовидца компиляції Симоновскаго и Ригельмана, хроника Густинскаго монастыря, цѣлый рядъ болѣе мелкихъ мемуаровъ и компиляцій и нѣсколько цѣнныхъ собраній документовъ (бумаги Орлика, акты изъ архива Оружейной палаты и др.). Въ концѣ 1848 г. эта изданія дѣятельность Бодянскаго была прервана и возоб-

¹⁾ О дѣятельности Бодянскаго см. книгу Н. П. Василенка: «О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи», 1904 (изъ «Кiev. Старинъ»).

²⁾ Одинъ изъ московскихъ ученыхъ такъ отзывался о редакторствѣ Бодянскаго: «Чѣмъ сдѣлались, «Чтенія»? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлатскихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ («Древ. и Новая Россія» 1880, I с. 514).

новилась только десять лѣтъ спустя; но и то, что онъ сдѣлалъ за эти три года, значило очень много въ развитіи украинской исторіографіи. Конечно, при современномъ состояніи историческихъ свѣдѣній, онъ не всегда надлежащимъ образомъ ориентировался въ

материалѣ, не умѣлъ отличить важное отъ неважнаго, издавалъ иногда вещи мало интересныя, но въ общемъ далъ очень много цѣннаго. Исторія козачества, благодаря Бодянскому, получила очень серіозный исторический фундаментъ.

Движеніе украинской національной мысли 1810-хъ годовъ и его отраженія въ украинскихъ изученіяхъ 1850 и 1860-хъ гг.

Вторая половина сороковыхъ годовъ была важнымъ поворотнымъ моментомъ въ жизни украинского общества по ту и по сю сторону австро-рussийской границы. Въ Россіи это была эпоха Кирилло - Меѳодіевскаго братства — кульминаціонный пунктъ въ развитіи политического и общественнаго украинскаго самосознанія, отъ неясныхъ, безплотныхъ народническихъ мечтаній и прекраснодушія первой половины XIX в. переходившаго къ вполнѣ опредѣленной соціальной и политической программѣ украинскаго возрожденія, въ которой, наряду съ общими вопросами политического и соціального переустройства Россіи, намѣчались специально украинскіе постулаты автономной Украины, какъ равноправнаго члена великої славянской федераціи.

Въ Австріи это была славная «весна» 1848 г., впервые послѣ столькихъ столѣтій давшая политическое бытіе мѣстной украинской народности, ставшей вполнѣ опредѣленно на національной украинской позиціі и съ воодушевленіемъ привѣтствовавшій перспективы національного самоопредѣленія. Тутъ и тамъ въ первыхъ рядахъ движенія стояли выдающіеся украинскіе литераторы и ученые, представители украинскихъ изученій въ различныхъ областяхъ, и общее оживленіе,

политическій переломъ долженъ былъ въ виду этого живѣйшимъ образомъ отразиться на судьбѣ украиновѣдѣнія, на направленіяхъ, интересахъ и характерѣ его.

Однако, этотъ первый расцвѣтъ культурной украинской жизни — и въ частности научныхъ интересовъ — былъ остановленъ и подавленъ въ самомъ началѣ: въ Австріи общею реакциєю, задавившей весеніе порывы 1848 г., въ Россіи — процессомъ Кирилло-Меѳодіевцевъ 1847 г., закончившимся заключеніемъ и долголѣтней ссылкою, лишившей возможности научной работы наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и литературы. И когда десять лѣтъ спустя они получили возможность возобновить свои занятія, годы испытаній не остались безъ вліянія на ихъ характеръ: мы не находимъ уже въ произведеніяхъ петербургскаго периода того смѣлаго полета мыслей, какимъ отличался кievskій кружокъ Кирилло-Меѳодіевцевъ, — точно такъ же, какъ конституціонная эпоха 1860-хъ годовъ въ Галиціи была только весьма далекимъ и слабымъ отраженіемъ надеждъ и упований 1848 года.

Реакція въ Галиціи особенно сильно отразилась на научномъ движеніи. Широкіе планы «собора ученыхъ» 1848 г. остались мертвью буквой. Кон-

сервативныя «славяно-русскія» теченія беруть верхъ надъ украинскими, теорія «единства» наль національною. Офіційный представитель филологическихъ дисциплинъ, профессоръ ново-открытой кафедры украинского языка и литературы Як. Головацкій все болѣе и болѣе передвигался со своей украинской позиціи 1848 г. въ сторону «объединенія» и кончилъ эмиграціей въ Россію. Въ грамматическихъ работахъ народный элементъ опять приводился въ согласіе съ великорусскими и славянскими образцами; популярная грамматика этой эпохи Мих. Осадцы («Грамматика русского языка», 1 изд. 1862), несмотря на свои ученыя преимущества, была далекимъ шагомъ назадъ въ сравненіи съ Лозинскимъ. Убогая пресса безжизненно, нудно пережевывала вопросъ о языке народномъ и «образованномъ». Историческія работы, вышедшия въ этотъ періодъ—труды Зубрицкаго («Исторія Галицкаго княжества», 1852—1855), Гарасевича («Annales ecclesiae Ruthenicae» 1862,), Шараневича («Исторія Галицко-Володимирской Руси», 1863), статьи Малиновскаго и пр., также лишенныя живого содержанія, проникнутыя антиварно-схоластическимъ характеромъ, стояли подъ знакомъ объединенія¹⁾). Признаки оживленія начинаются только съ 1870 гг. подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ дѣятелей россійской Украины.

Въ Россіи такого рѣзкаго паденія не было. Были отняты у науки крупныя силы, обѣщавшія открыть новые горизонты научному движенію; но въ

1) О. Терлецький. „Галицько-руське письменство 1848—1865 гг. на тлі тогочаснихъ супільно-політическихъ змагань галицько-руської інтеллігенції“, 1903.

общемъ, несмотря на разгромъ кіевскаго кружка и совпавшаго съ нимъ погрома московскихъ «Чтеній», научная работа не прекратилась, и трудами и заботами Максимовича, Иванишева, Судіенка въ Кіевѣ, Метлинскаго въ Харьковѣ научная жизнь въ наложенныхъ направленихъ археографическо-исторической и этнографической работы продолжалась. Кіевская комиссія издавала свои «Памятники», и рядомъ съ ними налаживалъ Иванишевъ знаменитый «Архивъ юго-западной Россіи» (т. I 1859) и другія изданія; его небольшая статья о копномъ судѣ («О древнихъ сельскихъ общинахъ Юго-западной Руси», 1857) произвела глубокое впечатлѣніе и имѣла большое значеніе, какъ одна изъ талантливо проведенныхъ параллелей позднѣйшій украинской жизни съ старорусской. Было издано нѣсколько цѣнныхъ памятниковъ и собраній козацкой эпохи (лѣтописи Величка и Грабянки, переписка Скоропадскаго и Апостола). Максимовичъ продолжалъ изданіе цѣнныхъ историко-литературныхъ сборниковъ по мѣстной исторіи («Кievлянинъ» III кн. 1850, «Украинецъ», 1859 и 1860). Въ Одесѣ историческое общество начало издавать «Записки» (съ 1844 г.) помѣшившія также материалы по исторіи козачества. Въ области этнографіи за третьимъ сборникомъ Максимовича (1849) послѣдовалъ очень содержательный сборникъ Метлинскаго (1854) и появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, напримѣръ, украинскій календарь Максимовича).

Научная работа, такимъ образомъ, не прекращалась, но свѣжимъ вѣтромъ потянуло въ научныхъ украинскихъ сферахъ только со второй половины 1850-хъ годовъ.

Кирилло-мееодіевські заточники получили возможность вернуться къ научной работе въ 1858 г. Въ этомъ же году появилась известная статья Погодина, поставившая снова на очередь вопросъ о старобытности украинскаго языка и украинскаго племени въ Понднѣпровъї и вызвавшая оживленную полемику. Въ 1858 г. были возстановлены московскія «Чтения» подъ редакціей Бодянскаго. Въ 1861 г. основывается первый украинскій общественный и научный журналъ «Основа». Въ 1860 г. появляется въ Харьковѣ первый трудъ первого украинскаго лингвиста А. Потебни, а въ 1863 г. выступаетъ въ киевскомъ «Архивѣ», замѣщая въ редакторствѣ Иванищева, молодой Антоновичъ. Вотъ нѣсколько датъ, объясняющихъ намъ оживленіе украинскихъ изученій не только въ смыслѣ усиливающейся производительности, но и въ ихъ характерѣ, въ направлении интересовъ, какое замѣчаемъ съ началомъ 1860-хъ годовъ.

Въ 1858 г. выходитъ замѣчательное историко-этнографическое собраніе Кулиша, составленное изъ его записей и ряда статей, его собственныхъ и другихъ лицъ, въ болѣе широкомъ масштабѣ повторяющее планъ его «Преданій»—дать духовный обликъ украинскаго крестьянина, его взорѣнія на прошлое и настоящее, его психологію и духовный складъ. Костомаровъ, начинная съ того же года, печатаетъ свою исторію Хмельницкаго, выпущенную затѣмъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ въ 1859 г.—произведеніе, возбудившее восторгъ своимъ художественнымъ изложеніемъ, но одновременно вызвавшее и рядъ критическихъ статей Максимовича, печатавшихся въ разныхъ изданіяхъ

въ 1859—60 г.г. подъ общимъ заглавіемъ Писемъ о «Б. Хмельницкомъ» и подъ специальными заголовками. Другую серію писемъ Максимовича вызвалъ опытъ древнѣйшей исторіи козачества, предложенный Антоновичемъ въ видѣ вступительной статьи къ первому тому «Архива», изданному имъ («Ізслѣдуваніе о происхожденіи козачества», ч. III, т. I 1863). Теорія была вполнѣ фантастическая, хотя и эффектная, произведшая известное впечатлѣніе въ литературѣ. Максимовичъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ» (1863—5) вскрылъ натяжки и фантастическая увлеченія молодого автора, еще стоявшаго подъ вліяніемъ «Исторіи Руссовъ». Эти двѣ серіи статей, вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими, оказали цѣнную услугу исторіи козачества, вернувъ ее отъ фантастическихъ измышленій. «Исторіи Руссовъ» и «Запорожской Старины» снова на надежную почву фактовъ.

Въ области древнѣйшей исторіи важное значеніе имѣли статьи, выванныя теоріей Погодина о полянскихъ великороссахъ. На статью Погодина, поддержанную затѣмъ статьями Лавровскаго¹⁾, отвѣталъ Максимовичъ нѣсколькими серіями «писемъ», посвященными критикѣ филологическихъ аргументовъ, выдвинутыхъ въ защиту этой теоріи («Филологическая письма», 1856, «Отвѣтные письма», 1857, «Новые письма къ М. П. Погодину о старобытности малорусского языка», 1863)²⁾.

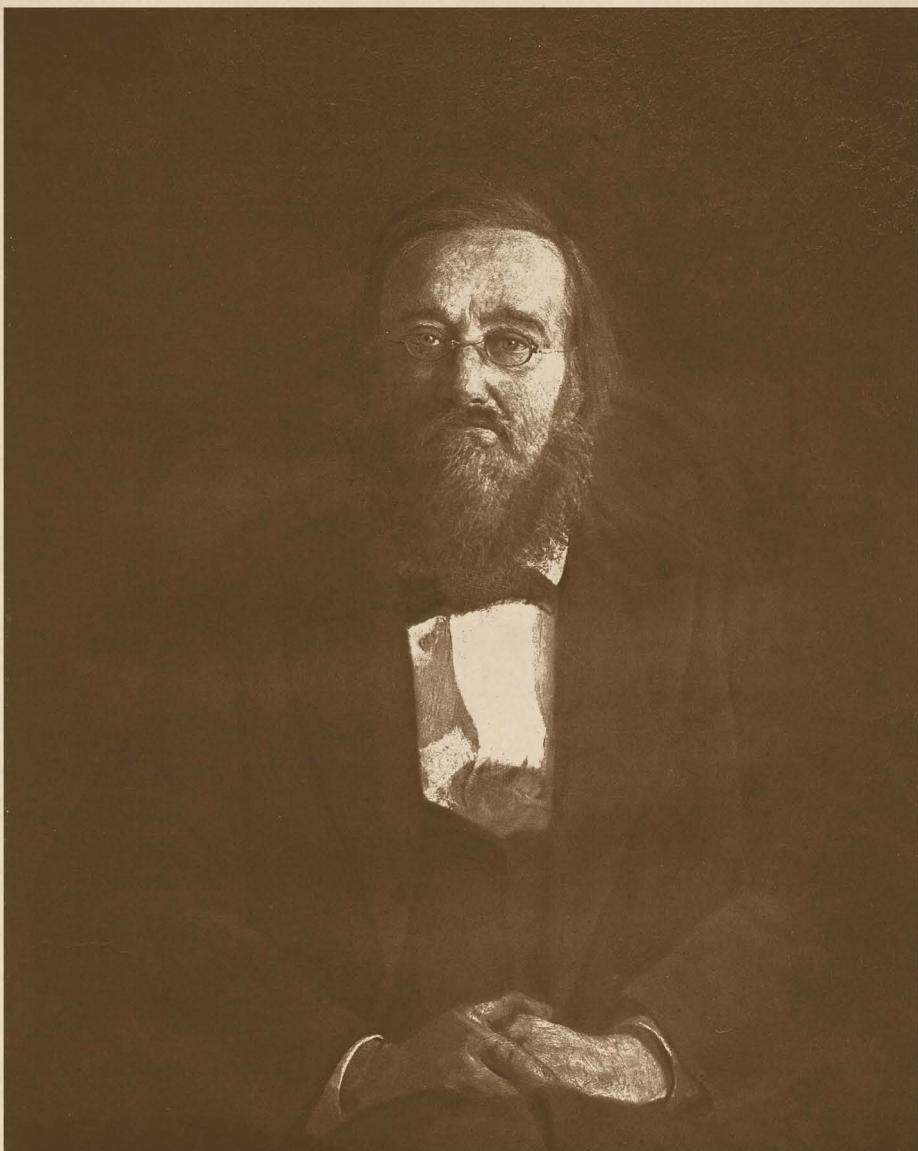
¹⁾ „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусского въ сравненіи съ великорусскимъ“ (Н. М. П. П. 1859); „По вопросу о южнорусскомъ языке“ („Основа“, 1861—статья написана въ 1856).

²⁾ Перепечатаны въ Собр. сочиненій, III.

Критикѣ исторической стороны этой теоріи посвящены были статьи Максимовича («О мнимомъ запустѣніи Украины», 1857) и Ал. Котляревскаго («Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.», 1862). Эта историческая сторона по тому времени была освѣщена гораздо лучше, чѣмъ филологическая, такъ какъ филологической багажъ обѣихъ сторонъ былъ слишкомъ еще скученъ. Въ общемъ же полемика имѣла то крупное значеніе, что раздвигала перспективы украиновѣдѣнія въ предшествующія столѣтія, подчеркивала тѣсныя связи преемства того, что до сихъ поръ считалось специфически-украинскимъ—исторію и бытъ XVII--XVIII вв. съ исторію и бытомъ предшествующаго. Въ этомъ же направленіи, сознательно и безсознательно, шли другія работы этихъ годовъ—Иванишева, Антоновича, Костомарова. Иванишевъ въ своей статьѣ «О древнихъ сельскихъ общинахъ», Антоновичъ въ своей теоріи о преемствѣ дружины и казачества, Костомаровъ въ своихъ статьяхъ по древне-русской исторіи («Черты народной южнорусской исторіи», 1862, «Дѣ русскія народности» и др.)—всѣ они выдвигали преемство формъ, основныхъ теченій и направленій, связующее украинскую жизнь XVI—XVII в. съ княжескою Русью и дѣлающее ее наслѣдникомъ и преемникомъ традицій кievскаго периода. Въ этомъ же направленіи пли изслѣдованія Костомарова по московской исторіи, подчеркивая глубокія различія московского строя отъ кievскаго, въ разрѣзъ съ официальной исторіографіей, представлявшей Москву преемницей и продолжательницей кievскихъ традицій.

Одновременно съ тѣмъ замѣчаемъ усиленія старанія отмежевывать украинскую жизнь не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ отъ всего того, что заявляло на нее претензіи, хотѣло удержать ее въ служебной роли. Въ этомъ отношеніи «Основа», какъ арена такой борьбы за обособленіе и самодовлѣніе, я сказалъ бы — автономность украинской жизни, имѣла большое значеніе, хотя въ этой стадіи дебатовъ защитники украинской жизни далеко не дошли до послѣднихъ логическихъ выводовъ. Обмѣнъ мыслей, и все это оживленіе, связанное съ появлениемъ первого украинофильского органа, продолжалось недолго, не полныхъ два года, и въ этомъ объясненіе незаконченности теоретическихъ построеній, не подготовленныхъ еще самой жизнью. Все-таки сдѣланное и сказанное тогда имѣло, повидимому, очень большое значеніе. Во главѣ шелъ Костомаровъ, давшій въ «Основѣ» рядъ статей направленныхъ противъ общерусскихъ и польскихъ претензій; въ томъ же направленіи писали Антоновичъ, Житецкій, Рыльскій и др. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела статья Костомарова «Дѣ русскія народности» (1862), гдѣ былъ представленъ контрастъ украинского и великорусского элемента во всѣхъ областяхъ общественной и индивидуальной жизни. Въ продолженіе многихъ десятилѣтій она оставалась евангeliемъ украинскаго национализма.

Общественные задачи высокой важности, выдвинутыя этой эпохой, вызвали переоценку литературной наличности съ общественно-национальной точки зренія. Рѣзкія критическія статьи Кулиша по украинской литерату-

Н. И. Костомаровъ.

Съ портрета, писанного Н. Н. Ге.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

туръ XVIII—XIX вв. имѣли немалое значение: съ нихъ можно считать начало исторіи новой украинской литературы¹⁾.

1860—1870-ые годы; Народоизученіе.

Съ прекращеніемъ «Основы» осенью 1862 г. распался кружокъ изслѣдователей, собравшійся около нея. Послѣ довавшее затѣмъ гоненіе на украинство (1863) не осталось также безъ вліянія на украинскую публику, не привыкшую къ такой роли гонимыхъ. Научная дѣятельность, конечно, не прерывалась. Костомаровъ въ Петербургѣ, Максимовичъ и Антоновичъ въ Кіевѣ, Бодянскій въ Москвѣ занимались собираніемъ и обработкой историческихъ материаловъ; къ этимъ годамъ относится изданіе актовъ московскихъ архивовъ по истории Украины XVII в. въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», кіевскихъ материаловъ въ «Архивѣ Ю. З. Р.», изученіе Румянцевской описи Лазаревскимъ въ сотрудничествѣ съ другими изслѣдователями. Бодянскій, послѣ катастрофы 1848 г. ставшій вообще гораздо болѣе сдержаннѣмъ по отношенію къ украинскимъ материаламъ, съ 1863 г. печаталъ въ «Чтеніяхъ» огромное собраніе пѣсенного и виршевого материала Галичины, доставляемое Головацкимъ—результатъ трудовъ цѣлаго поколѣнія галицкихъ собирателей; онозакончилось въ 1872 г., ровно черезъ десять лѣтъ. Другою крупной новинкой въ области этнографіи было собраніе украинскихъ пословицъ, изданныхъ Симоновымъ (Украинські приказки, прислівія и таке иные, спорудив М. Номис, 1864). Въ области изученія народной словесности, народной символики и народной поэзіи появляются важные труды Потебни

(первая работа, въ 1860 г.: «О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи», затѣмъ: «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій», 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ», 1867, «О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ», и др.).

Въ концѣ 1860-хъ годовъ возникло крупное научное предпріятіе, по инициативѣ П. Чубинскаго, обратившаго на себя вниманіе изслѣдованіями народной жизни на сѣверѣ Россіи, въ Архангельской губерніи, куда онъ былъ высланъ. По его предложенію, Русское Географическое общество поручило ему произвести статистическое и этнографическое обслѣдованіе правобережной Украины, и Чубинскій въ 1869—70 гг. совершилъ рядъ экспедицій съ нѣсколькоими сотрудниками, а также заручился сотрудничествомъ специалистовъ по разнымъ вопросамъ народной жизни. Огромный материалъ, собранный имъ и доставленный сотрудниками и корреспондентами, изданъ былъ затѣмъ въ видѣ большого собранія подъ названіемъ «Труды этнографико-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Русскимъ Географическимъ обществомъ Юго-западный отдѣлъ». Труды составили VII томовъ въ 9 книгахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ въ 1872—1877 годахъ. Кромѣ огромнаго сборника пѣсень и большого

¹⁾ О руководящихъ идеяхъ кружка Основы см. Стешенка: „Украинские шестидесятники“ („Записки украинского научно-литературного общества“, II, 1908).

собранія сказокъ, здѣсь появились собранія и изслѣдованія, открывавшія совершенно новыя стороны народной жизни: сборникъ судебныхъ процессовъ о колдовствѣ, изъ актовъ XVII—XVIII в., собр. Антоновичемъ; собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ, какъ материалъ для изученія обычного нрава, сдѣланное Кистяковскимъ; обзоръ украинской діалектологіи, составленный Михальчукомъ на основаніи отвѣтомъ на разосланную діалектологическую программу и т. д. Въ общемъ получилось чрезвычайно импозантное собраніе, не только предлагавшее цѣнныій материалъ по цѣлому ряду вопросовъ, но и намѣчавшее новые пути изслѣдованія народной жизни.

Подъ вліяніемъ работъ по обработкѣ и изданію собранного материала явилась мысль о созданіи постояннаго органа для изученія края въ направлѣніи, указанномъ «экспедицію». Труды экспедиції были дѣломъ украинскихъ изслѣдователей, сосредоточенныхъ въ Киевѣ, къ этому времени собравшемъ у себя весьма значительная научная и культурная силы, и какъ продолженіе этихъ трудовъ явился кіевскій «Юго-западный отдѣлъ Русского Географического общества», открывшій свои дѣйствія въ 1873 г. и поставившій себѣ широкіе цѣли статистико-экономического и этнографического изслѣдованія украинскаго населенія. Не смотря на довольно официальную оболочку, приданную ему «для безопасности», онъ собралъ вокругъ себя все, что было живого и интересующагося въ тогдашнемъ украинскомъ обществѣ, и обѣщалъ много. Одновременно съ нимъ открылось и кіевское историческое общество, но оно имѣло, осо-

бенно на первыхъ порахъ, слишкомъ казенный характеръ, и не оказало сколько нибудь замѣтнаго воздействиія на движение научной работы.

Наоборотъ, будящимъ моментомъ въ этомъ смыслѣ послужилъ археологический съездъ, собранный въ 1874 г. въ Киевѣ. Онъ принесъ съ собою много интересныхъ докладовъ (напр. сообщеніе Каминскаго о первой палеолитической стоянкѣ на Украинѣ, Дашкевича о Болоховскомъ движениі XIII в., Житецкаго о Пересопницкомъ евангеліи и др.) и вызвалъ большой интересъ въ широкихъ кругахъ, живой обмѣнъ мыслей по многимъ вопросамъ украиновѣдѣнія.

Это вызвало затѣмъ газетную полемику, перешедшую въ жесточайшую травлю украинства, закончившуюся извѣстными административными ре-прессіями. Юго-западный отдѣлъ былъ «временно» закрытъ въ 1876 г., съ тѣмъ чтобы уже больше не быть открытымъ. Онъ просуществовалъ такимъ образомъ всего три года, но сдѣлалъ много. Цѣна была его собственная работа, организационная и издательская: имъ издано два тома цѣнныхъ «Записокъ», (третій не былъ оконченъ), интересное собраніе «Малороссийскихъ преданій», подъ ред. Драгоманова, до нѣкоторой степени въ связи съ нею стояло изданіе «Историческихъ пѣсенъ малорусского народа», сдѣланное Антоновичемъ и Драгомановымъ и оставшееся надолго гордостью украинской науки. Но, кромѣ того, «Отдѣлъ» имѣлъ большое значеніе, собравъ научные украинскія силы, организовать ихъ въ коллективныхъ работахъ и намѣтивъ рядъ вопросовъ для дальнѣйшаго изученія.

Исторіографія 1870—1880 г.г. Костомаровъ, Кулишъ, Антоновичъ.

Въ смыслѣ собственно изслѣдованія украинской жизни двадцатипятилѣтіе, слѣдующее за прекращеніемъ «Основы» и дѣятельностью петербургскаго кружка, ознаменовалось особенно интенсивною работою въ области украинской исторіографіи. Труды Костомарова, Кулиша, Антоновича, Лазаревскаго, съ разныхъ точекъ зрењія, съ неоднаковымъ запасомъ знаній и таланта, но въ общемъ сильно и успѣшно двигали историческую науку въ познаніи прошлаго украинскаго народа, его историческаго процесса, приведшаго на нынѣшнія позиціи его современныхъ поколѣній.

Кругъ материаловъ, которымъ располагалъ каждый изъ изслѣдователей, и его личные интересы и склонности обозначили сферу дѣятельности каждого изъ главнѣйшихъ представителей украинской исторической науки. Костомаровъ, занявшиіся разработкою официального актового матеріала московскихъ архивовъ по исторіи козачества, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ велъ параллельно изданіе актовъ упомянутыхъ архивовъ («Акты Южной и Западной Россіи», 12 томовъ съ 1863 по 1884) и повѣствованіе о политическихъ судьбахъ козачества, въ рядѣ монографій, въ суммѣ охватившихъ шестидесятилѣтіе, отъ эпохи Хмельницкаго до катастрофы 1709 г. (послѣ «Б. Хмельницкаго», вышедшаго въ новой переработкѣ въ 1870 г., «Гетманство Выговскаго», «Гетманство Ю. Хмельницкаго», «Руина», «Мазепа и Мазепинцы»). Со стороны обстоятельности и художественной

формы трудно было желать себѣ чегонибудь лучшаго, и этимъ объясняется, почему за все это время мы не встрѣчаемся съ параллельными работами въ этой сферѣ (не считая болѣе мелкихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ моментамъ, матеріаламъ или общимъ-характеристикамъ главнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи). Недостаткомъ былъ поверхностно - повѣствовательный характеръ: за калейдоскопомъ внѣшнихъ подробностей исчезали руководящія идеи и теченія общественной жизни, неясно вырисовывались даже фигуры главныхъ дѣятелей и вовсе пропадалъ главнѣйшій факторъ — народъ, котораго историческую роль самъ авторъ признавалъ основою исторического изслѣдованія, но упускаль изъ виду въ своемъ изложеніи за внѣшнимъ богатствомъ фактovъ. Историческая трагедія украинскаго народа, пережитая имъ въ эти десятилѣтія, стушевывалась за внѣшними драматическими подробностями, и даже сущность политического конфликта Украины и Польши, лежавшаго въ ихъ основѣ, не представлялась съ надлежащею ясностью. А культурная, бытовая и общественная сторона процесса оставалась и вовсе внѣ изслѣдованія.

Кулишъ, недовольный первыми монографіями Костомарова и считавшій его, какъ «иноплеменника», неспособнымъ понять складъ украинской жизни и сущность козачества, задумалъ раскрыть исторію козачества въ тѣсной связи съ современными культурными и общественными отношеніями, съ складомъ жизни народа. Первый набро-

сокъ своего труда онъ напечаталъ за границей, въ львовскомъ журналѣ «Правда» подъ заглавіемъ: «Перший період козацтва аж до вороговання з Ляхами» (1868). Это была весьма цѣнная работа, въ значительной степени свободная отъ легендарной традиції, представлявшая исторію козачества на широкомъ фонѣ культурныхъ и соціальныхъ отношеній, такъ что приходится сильно пожалѣть, что вслѣдствіе незначительного распространенія въ Россіи журнала, гдѣ она появилась, работа эта не вошла въ здѣшній культурный обиходъ. Въ 1874 г. она вышла въ новой, распространенной редакціи, какъ первая часть огромной работы, надъ которой Кулишъ затѣмъ работалъ почти до самой своей смерти. Часть ея, изданная тогда, носила название «Исторія возсоединенія Руси»; она прервалась на III томѣ, выпущенномъ въ 1877 г., и была доведена до 1620-хъ годовъ. Во многихъ отношеніяхъ это была очень цѣнная работа; своимъ критицизмомъ и широкою трактовкою козачества на фонѣ польско-украинскихъ отношеній она далеко оставляла за собою все сдѣланное до тѣхъ поръ по исторіи раннаго козачества, въ частности обзоръ исторіи козачества до Хмельницкаго, данный Костомаровыемъ въ качествѣ вступленія въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Богдана Хмельницкаго» (1870 и 1884). Но одностороннее освѣщеніе, панегиризмъ по отношенію къ польской культурной миссіи на Украинѣ и все усилившееся рѣзко-враждебное отношеніе къ козачеству, въ связи съ претензіознымъ тономъ и утомительнымъ риторизмомъ изложенія—все это наложило непріятную тѣнь на работу Кулиша. Одновременно вышедшая его статья

«Козаки въ отношеніи къ государству и обществу» (1877), резюмировавъ въ очень рѣзкой формѣ исторические взгляды автора, еще рѣзче подчеркнула его тенденціи и испортила настроеніе. «Исторія возсоединенія» встрѣчена была холодно, даже враждебно, и положительные стороны ея не были оценены ни въ ученыхъ кругахъ, ни въ широкихъ кругахъ публики. Новые работы Кулиша въ этой области «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (1888—9, 3 тома) и «Украинскіе паны и козаки въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Хмельницкаго» (1895, не окончено),—еще болѣе субъективные и съ научной точки зрѣнія вовсе малоцѣнны, поддержали потомъ такое отрицательное отношеніе къ историческѣй дѣятельности Кулиша, не совсѣмъ заслуженное, нужно признаться.

Между тѣмъ какъ у Кулиша въ его занятіяхъ исторію козачества все сильнѣе выступалъ отрицательный, руинный характеръ козачества по отношенію къ культурѣ и общественности, насаждавшейся Польшею,—въ работахъ Антоновича, посвященныхъ исторіи общественныхъ отношеній Украины подъ польскимъ режимомъ, наоборотъ, выяснялась неизбѣжность протеста противъ политическихъ и общественныхъ формъ польского уклада со стороны украинскаго элемента, воплотившаго этотъ протестъ свой въ козачествѣ и козацкихъ движеніяхъ. По основнымъ возврѣніямъ своимъ на историческую эволюцію украинскаго народа примыкала тѣсно къ Костомарову, Антоновичъ въ рядѣ работъ, посвященныхъ исторіи общественныхъ классовъ, отмѣчалъ коренной переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ, внесенный польскимъ правомъ въ украинскую

жизнь, коренное противорѣчіе его съ демократическимъ складомъ украинской жизни и глубокія аномаліи, создавшіяся въ послѣдней подъ вліяніемъ новыхъ условій. Рядъ работъ его, резюмировавшихъ документальный материалъ по исторіи общественнаго строя XVI—XVIII в.,—всего девять томовъ, 1863—1902, посвященныхъ исторіи крестьянства, мѣщанства, дворянства, церкви, козацкимъ и гайдамацкимъ движеніямъ, какъ проявленіемъ народнаго протеста¹⁾,—составляютъ въ общемъ одинъ сплошной актъ обвиненія противъ польского режима съ точки зрѣнія украинскаго народа. Наоборотъ, старорусскій общественный укладъ, а также строй в. кн. Литовскаго, представлявшійся ему непосредственнымъ продолженіемъ старорусскихъ традицій, покойный историкъ по

контрасту былъ до нѣкоторой степени склоненъ идеализировать. Онъ настаивалъ на тѣсномъ преемствѣ формъ и основныхъ идей старорусской жизни въ позднѣйшей украинской, и съ этой точкы зрѣнія энергично выступалъ противъ теорій Погодина, возрожденныхъ въ 1883 г. Соболевскимъ, доказывалъ отсутствіе рѣзкаго перелома въ жизни Приднѣпровья въ эпоху монголовъ. Съ другой стороны, съ помощью археологическаго материала онъ стремился расширить историческій горизонтъ старой Руси за границы чисто историческихъ источниковъ. Отдавшись въ послѣднія десятилѣтія жизни археологическимъ изслѣдованіямъ, онъ сталъ настоящимъ основателемъ украинской археологии и нашелъ въ этой сфере много сотрудниковъ и продолжателей¹⁾.

Исторіографія 1880—1890-хъ гг. Лазаревскій и кружокъ „Кievskoy Stariны“.

Обзоръ дѣятельности Лазаревскаго, послѣдняго изъ крупныхъ историковъ разсматриваемаго периода, умѣстнѣе всего связать съ обзоромъ работъ кружка, собраннаго «Кievskoy Stariной». Хотя Лазаревскій началъ работать еще съ 1850-хъ годовъ, и первыя крупныя работы его относятся къ 1860-мъ и 1870-мъ годамъ («Малороссійскіе послопитые крестьяне», 1866, «Очерки малороссійскихъ фамилій», 1875), но расцвѣтъ его научной дѣятельности падаетъ на время «Kievskой

Stariны», въ которой Лазаревскій принималъ дѣятельнѣйшее участіе съ первой книги, а затѣмъ, со смѣнной редакціи въ 1887/8 г., сдѣлался настоящимъ его руководителемъ.

Въ противоположность другимъ, историческая дѣятельность Лазаревскаго сосредоточивалась въ сравнительно тѣсныхъ границахъ: онъ былъ историкомъ гетманщины XVIII в. и изучалъ ея жизнь и бытъ съ очень определенныхъ точекъ зрѣнія. Приверженецъ демократической стихіи въ укра-

1) Часть указанныхъ статей собрана въ первомъ (единственномъ) томѣ его „Монографії“, изданномъ въ 1885 г.; остальные остаются разсѣянными въ томахъ „Архива“, такъ какъ выходили лишь въ ограниченномъ числѣ оттисковъ.

1) О научной дѣятельности Антоновича хорошая раббта: С. Томашівський, „Волод. Антонович“, (Літ. Наук. Вістник, 1906). Такоже статьи въ посвященномъ памяти Антоновича III т. Записокъ україн. наук тов. в Кіеві.

инской жизни, подобно Костомарову и Антоновичу, онъ изучалъ ея вырожденіе—искаженіе демократического строя козачества потомками козацкой старшины, закрѣпощеніе свободнаго украинскаго населенія и образованіе новаго привилегированнаго класса. Въ этой точкѣ сходились его изслѣдованія по исторіи общественныхъ классовъ и управлениія, по исторіи фамилій и наконецъ—большой историко-географическій трудъ «Описаніе старой Малороссіи», котораго онъ успѣль исполнить только часть (три тома, заключающіе въ себѣ описаніе трехъ изъ десяти полковъ гетманщины). Несмотря на огромную эрудицію, на единственное въ своемъ родѣ знакомство съ эпохой, общественная жизнь и бытъ гетманщины въ работахъ Лазаревскаго получали одностороннее освѣщеніе: имъ игнорировалась совершенно политическая сторона современной жизни; онъ не учитывалъ вліяніе политики центрального правительства на украинскія отношенія и, сводя все къ экономическимъ отношеніямъ, оставлялъ совершенно въ сторонѣ политические мотивы; общественная жизнь и дѣятельность гетманщины XVIII в., вслѣдствіе этого, выступали не совсѣмъ въ настоящемъ видѣ.

«Кievская Старина», основанная съ 1882 г., подъ ближайшее вліяніе Лазаревскаго перешла, какъ я сказалъ, съ 1888 г. Основатель ея Ф. Лебединцевъ былъ по специальности своей историкомъ церкви, и благодаря его связямъ въ духовныхъ кругахъ, эта церковно-историческая сторона была представлена особенно сильно въ первые годы и оставила слѣдъ, по традиціи, и на послѣдующихъ годахъ; за время

Лебединцева журналъ пользовался даже покровительствомъ Синода. Но наряду съ этимъ, съ первыхъ же годовъ ему удалось привлечь къ болѣе или менѣе дѣятельному участію весьма многихъ выдающихся представителей украинскихъ изученій и журналъ сталъ настоящимъ органомъ украиновѣдѣнія: украинской исторіи, этнографіи и литературы, въ границахъ Украины россійской. Дѣятельными сотрудниками его были: Костомаровъ, Антоновичъ, Лазаревскій, Ор. Левицкій, далѣе, П. Лебединцевъ, Ф. Терновскій, С. Голубевъ, занимавшіеся главнымъ образомъ церковно-бытовою исторіею и церковными древностями; по исторіи козачества и соціальной и бытовой исторіи лѣвобережья работали здѣсь — Луцицкій, Багалѣй, Горленко, Шимановъ; изъ филологовъ — Житецкій, Сумцовъ, Н. Петровъ, Науменко; по этнографіи писали Драгомановъ, Волковъ, Ефименко, Нейманъ, Манжура и др. Послѣ смерти Лебединцева «Кievская Старина» перешла фактически въ коллективное завѣданіе кружка ближайшихъ сотрудниковъ и стала настоящимъ органомъ кіевскихъ украиновѣдовъ, а истиннымъ руководителемъ сталъ Лазаревскій и оставался душою журнала до самой своей смерти (въ 1902 г.). Изъ принимавшихъ въ немъ наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ періодѣ, кроме упомянутыхъ выше, нужно назвать А. Андріевскаго, Н. Молчановскаго, Н. Василенка, Теличенка, В. Модзалевскаго, Н. Стороженка, И. Павловскаго — по исторіи, Н. Бѣляшевскаго по археологіи, В. Милорадовича, В. Ястrebова, Ир. Житецкаго по этнографіи, Ив. Франка, Н. Стороженка, А. Крымскаго, Игн. Жи-

тецкаго по литературѣ и языку. Наиболѣе удѣлялось мѣста и вниманія исторіи Украины XVIII — XIX вв., главнымъ образомъ исторіи такъ сказать мѣстной, бытовой: административнымъ и общественнымъ отношеніямъ, литературнымъ произведеніямъ, школѣ; работъ въ крупномъ масштабѣ, которая ставили бы себѣ цѣлью общее освѣщеніе цѣлыхъ эпохъ или теченій украинской жизни, было сравнительно мало; преобладалъ сырой или полусырой материалъ, «кирпичики», цѣнныя, но большею частью довольно мелкіе. Нерасположеніе духовнаго руководителя «Кiev. Ст.» къ смѣлымъ обобщеніямъ и широкимъ перспективамъ сказывалось на общемъ тонѣ журнала. Много цѣннаго дано было также изъ области этнографіи; гораздо меныше по исторіи литературы и языку. Въ общемъ въ продолженіе почти цѣлой четверти столѣтія журналъ сохранялъ за собой центральное значеніе въ украиновѣдѣніи, до нѣкоторой степени даже — въ украинской интеллигентской жизни Россіи. Въ тогдашихъ усло-

віяхъ, при невозможности имѣть украинскія общества, украинскую прессу, «Кievская Старина» служила органомъ украинофильства, представительствовала отъ имени украинской интеллигенціи, и одновременно ея кружокъ служилъ своего рода научною украинскою корпорацію, ученымъ учрежденіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ недостаткахъ своихъ — нѣкоторой узости кругозора и отсталости интересовъ — «Кievская Старина» сыграла видную роль въ украинскихъ изученіяхъ. Со смертью Лазаревскаго (въ 1902 г.), однако, журналъ замѣтно началъ клониться къ упадку. Недостатокъ научнаго материала редакціонный кружокъ старался одно время уравновѣсить расширеніемъ программы въ сторону общественно-политическую и беллетристическую; съ концомъ 1906 г. придалъ ему новый видъ журнала преимущественно украинскаго (по языку), принято и новое имя «Украины», но затѣмъ журналъ прекратился вовсе (1907).

Изслѣдованія въ области исторіи XI—XVI вв. Языкъ и литература.

Противовѣсь изученію новой исторіи Украины, которому посвящалъ особое вниманіе кружокъ «Кievской Старинѣ», составляли циклы работъ по древней исторіи и литовско-польскому періоду, обязанные инициативѣ Антоновича и Владимирскаго-Буданова. Антоновичъ въ качествѣ профессора кievскаго университета, начиная съ 1880 г., систематически каждые 2 — 3 года предлагалъ на соисканіе медалями тему по исторіи той или другой изъ земель XI—XIV вв. и

такимъ образомъ идея Костомарова о землѣ какъ политической единицѣ старорусского уклада нашла себѣ выраженіе въ большой серіи монографій, обозрѣвавшихъ отдѣльныя земли съ точки зрѣнія исторической географіи, политической и культурной исторіи (работы А. Андріяшева, Д. Багалѣя, П. Голубовскаго, Ал. и Мих. Грушевскихъ, В. Данилевича, П. Иванова, В. Ляскоронскаго, И. Молчановскаго). Общее число такихъ монографій за четверть столѣтія перешло за десятокъ;

нѣкоторыя изъ нихъ обладали выдающимися достоинствами и въ суммѣ дали весьма серьезный вкладъ въ науку.

Въ меньшихъ размѣрахъ, аналогичную дѣятельность осуществлялъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ, самъ работавшій по истории права в. кн. Литовскаго, государственного главнымъ образомъ, и предлагавшій своимъ ученикамъ темы изъ этой же области, вообще обращавшій ихъ вниманіе въ этомъ направленіи; въ результатѣ получилась тоже значительная серія работъ по истории общественныхъ и правовыхъ отношеній Украины и Бѣлоруссіи, главнымъ образомъ XVI в. (кромѣ очень цѣнныхъ трудовъ самого М. Ф. Владимира-Буданова, работы М. Ясинскаго, Г. Демченка, Н. Максимейка, И. Малиновскаго). Въ этомъ же направленіи работалъ за эти же годы московской профессоръ М. Любавскій, авторъ крупныхъ изслѣдований по государственному строю в. кн. Литовскаго, и варшавскій Ф. Леонтовичъ, давшій очень много работъ въ той же сферѣ.

Хотя изслѣдованія эти въ сферѣ старорусской и западнорусской истории большей частью не стояли опредѣленно подъ знакомъ украиновѣдѣнія, однако, имѣли большое значеніе съ точки зрењія украинскихъ изученій, не только въ смыслѣ накопленія и разработки фактическаго матеріала, но и по сродству основныхъ положеній, лежавшихъ въ ихъ основе: они исходили отъ тѣхъ же взглядовъ на преемство правовыхъ и культурныхъ традицій кievскаго периода въ строѣ и жизни Украины и Бѣлоруссіи въ XIV—XVII вв., выдвигали принципы областного строя, земскаго самоопределѣленія, изъ которыхъ исходило и изслѣдова-

ніе украинской исторіографіи этого периода.

По истории украинской литературы весьма замѣтнымъ явленіемъ были труды Н. Петрова — «Очерки по истории украинской литературы XVIII вѣка», 1880¹⁾, и особенно «Очерки истории украинской литературы XIX столѣтія» (печатались въ «Историческомъ Вѣстнике», 1880—3, и въ новой обработкѣ вышли отдѣльной книгой въ 1884 г.). Послѣ краткихъ обзоровъ 1860—1870-хъ годовъ и неособенно многочисленныхъ, болѣе специальныхъ работъ, это былъ первый значительный общій курсъ новой украинской литературы, съ этой точки зрењія очень цѣнныій, хотя не высоко стоявшій въ смыслѣ общаго освѣщенія и односторонній въ томъ отношеніи, что эта история литературы ограничивалась Украиной россійской. Въ смыслѣ освѣщенія общей эволюціи весьма цѣнное дополненіе къ ней составила большая рецензія проф. Дацкевича для присужденія уваровской преміи (1888); это былъ цѣлый трудъ, очень удачно намѣчавшій развитіе и руководящія идеи новой украинской литературы первой пол. XIX в. (народность и демократизмъ). Восполнить другой пробѣлъ—отсутствіе литературы австрійской Украины—имѣлъ въ виду львовскій профессоръ Огоновскій своей исторіей литературы (печаталась въ журналѣ «Зоря» и выходила отдѣльными томами съ 1887 г.). Первая часть ея, посвященная литературѣ до конца XVIII в., не представляла интереса, по краткости и скучности свѣдѣній; для XIX в. она давала довольно богатый фактическій

1) Теперь вышли въ новой, расширенной редакціи.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

Съ портрета, писанного А. Брызгаловымъ.

(Дашковское собрание при Румянцевскомъ музѣ въ Москвѣ).

материалъ изъ области украинской письменности Россіи и Австріи, но страдала отсутствиемъ перспективы, всякоаго слѣда именно «исторіи».

Изученіе украинскаго языка и литературы, слабѣе выраженное въ трудахъ кружка «Кiev. Старины», было представлено нѣсколькими важными трудами виѣ журнала. Въ изученіи языка доминирующая роль принадлежала въ 1870—80-хъ годахъ Потебнѣ. Уже съ 1860-хъ гг., параллельно съ упомянутыми выше работами по народной символикѣ, онъ начинаетъ рядъ крупныхъ работъ по языку. Съ 1864 г. начинаютъ выходить чрезвычайно цѣнныя его діалектологическія работы: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» (отд. 1866), продолженная затѣмъ специально въ области украинской діалектологии: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи», 1870. Позже онъ переходитъ къ работамъ въ области синтаксиса—«Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (рядъ статей, печатавшихся съ 1874 г. и отчасти оставшихся неизданными при жизни), но параллельно съ ними идутъ и статьи по фонетикѣ и этимологіи подъ общими заглавіями «Къ исторіи звуковъ русского языка» (съ 1873 г.) и «Этимологическая и другія замѣтки» (съ 1880). Среди нихъ, въ 1877 г., выходитъ весьма цѣнное комментированное изданіе «Слова о полку Игоревѣ», позже — рядъ работъ, изъ сферы изученія лексики переходившихъ въ изученіе поэтическихъ образовъ и мотивовъ украинской народной поэзіи: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень» (веснянки, колядки, щедровки) 1883—7. Глубокій мастеръ въ діалектологіи и фонетикѣ, въ символикѣ и поэтикѣ, несравненный мы-

слитель въ области лингвистической психологии, онъ былъ и остался крупнѣйшимъ изслѣдователемъ, какого имѣла украинская филология; въ виду живого интереса и искренней любви, какую проявлялъ онъ къ украинской рѣчи и украинской словесности, приходится сильно пожалѣть, что онъ ограничился лишь немногими специальными работами, или болѣе или менѣе случайнымъ украинскимъ материаломъ въ своихъ работахъ болѣе общаго характера.

То, чего не далъ Потебня (а могъ сдѣлать лучше, чѣмъ кто-либо другой)— общихъ курсовъ по украинской филологии, постарались дать другие. Въ 1880 г. выпустилъ очень не дурной опытъ общаго обзора фонетическихъ особенностей украинскаго языка Оголовскій п. з. *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, и затѣмъ, какъ дополненіе къ нимъ статью: *O ważniejszych właściwościach języka ruskiego*, 1883, а нѣсколько лѣтъ позже (1889) вышелъ краткій очеркъ украинской фонетики В. Науменка п. з. «Обзоръ звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи», 1889 г. По исторіи языка далъ рядъ большихъ работъ П. Житецкій: «Очеркъ звуковой исторіи малорусского нарѣчія», 1876—первый опытъ цѣльной исторіи фонетики, довольно строго оцѣненный специалистами, но оставшійся единственнымъ до послѣдняго времени; затѣмъ «Очеркъ литературной исторіи малорусского нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», ч. I, 1889, и вмѣсто продолженія ея «Энеида Котляревскаго и древнѣйший списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.», 1900. Въ связи съ нѣкоторыми меньшими работами («О Пересопицкой ру-

кописи евангелія», «Къ исторії літературной рѣчи въ XVIII в.», «О переводахъ евангелія на малорусск. языкъ» и др.) эти труды давали весьма цѣнныи обзоръ литературной обработки українскаго языка въ XVI—XVIII в.

Для изученія древнѣйшей исторіи языка имѣла большое значеніе возрожденная проф. Соболевскимъ полемика по вопросу объ этнографической принадлежности населенія Поднѣпровья X—XIII в.в. Его рефератъ: «Какъ говорили въ Киевѣ въ XIV—XV вв.», прочитанный въ кievскомъ историческомъ обществѣ въ 1883 г., вызвалъ настоящую бурю — рядъ историковъ и филологовъ выступили съ возраженіями противъ его положеній, доказывая непрерывность заселенія Кіевской области и отсутствіе иммиграціи изъ Волыни и изъ Галиціи. Рефераты эти, къ со- жалѣнію, не были напечатаны, но взгляды спорившихъ сторонъ были развиты въ рядѣ трудовъ — со стороны филологической Соболевскимъ и Шахматовымъ съ одной стороны («Очерки по исторіи русскаго языка», «Лекціи по исторіи русскаго языка», «Источники кіевскаго говора» Соболевскаго, 1884—5, «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій» Шахматова, 1894), съ другой стороны Ягичемъ, Потебнею, Крымскимъ и др. («Четыре критико-палеографическія статьи» и «Критическая замѣтка по исторіи русскаго языка» Ягича, 1884—9, «Отзывъ о сочиненіи А. Соболевскаго «Очерки», начатый Потебнею, неоконченный и изданный уже по смерти его въ 1896 г., «Филологія и Погодинская гипотеза» Крымскаго 1898, и др.)¹).

¹) Болѣе подробную исторію вопроса интересующіеся найдутъ въ моей „Історії України-Руси“, т. I.

Съ исторической точки зрењія вопросу посвящены были работы Антоновича, В. Буданова, Лазаревскаго и пишущаго эти строки. Вопросъ до нынѣшняго дня, въ видоизмѣненныхъ формахъ (напр. съ перенесеніемъ центръ тяжести съ Кіевской земли на землю Сѣверскую) не перестаетъ служить стимуломъ для изслѣдованія древней колонизации, этнографическихъ и политическихъ отношеній Поднѣпровья, не говоря о чисто лингвистической сторонѣ (статьи Ягича *Einige Streitfragen*, 1898, Шахматова «Къ вопросу объ образов. р. нар.», въ новой, сильно видоизмѣненной редакціи 1899 г., Крымскаго «Филологія и Пог. гип.» въ новомъ изданіи 1904 г., Его же «Деякі непевні критерії для діалектологої класифікації староруськихъ рукописів», 1904, мои «Спірні питання староруської етнографії», 1904, Соболевскаго «Древне-кіевскій» говоръ, 1905 и критика Крымскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, 1906, Шахматова «Южные поселенія Вятічей», 1907 и вызванныя этою статью возраженія, Розова: «Трильогія проф. Кримського», 1907, и др.).

Съ другой стороны вопросъ о самостоятельности украинскаго языка выдвинулъ съ новою силою споръ по поводу допущенія членій на украинскомъ языке на археологическихъ съѣздахъ, (1899), а затѣмъ вопросъ о снятіи запрещеній съ украинскаго слова, по инициативѣ тогдашняго комитета министровъ (1905). Кромѣ сжатыхъ статей и трактатовъ болѣе общаго публицистического характера, эти споры принесли и нѣкоторыя цѣнныи съ научной точки зрењія статьи (статья Михальчука 1899 г., «Записка академіи наукъ», 1905 и др.).

Въ общемъ, несмотря на всякаго рода неблагопріятныя условія—цензурные страхи и полуутизданное положеніе въ офиціальныхъ научныхъ сферахъ,—можемъ констатировать весьма сильный и успѣшный ростъ украинскихъ изученій на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій XIX в. Однако, хотя эти успѣхи были созданы главнымъ образомъ украинскими учеными Россіи, синтезироваться имъ пришлось на почвѣ галицкой, въ виду тѣхъ условій, въ какихъ стояла украинская жизнь Россіи. Въ послѣдней эти условія неизбѣжно влекли къ извѣстнымъ недомолвкамъ, извѣстной односторонности, зависѣвшей отъ вольныхъ и невольныхъ пробѣловъ въ освѣщеніи прошлого и настоящаго украинской жизни.

Эти условія, принудившія многихъ украинскихъ писателей изъ Россіи перенести свою дѣятельность въ Галицію, начиная уже съ первого запрещенія украинского слова (1863 г.), неизбѣжно должны были привести къ созданію также и научного центра на галицкой почвѣ, вѣтъ воздѣйствія цензурныхъ и всякихъ иныхъ ограниченій, дѣйствовавшихъ въ Россіи. Такимъ центромъ въ концѣ концовъ сдѣлалось «Общество имени Шевченка», основанное еще въ 1870-хъ годахъ Украинцами изъ Россіи, съ цѣлью содѣйствовать научному и литературному украинскому движению, но вслѣдствіе скучности средствъ только много позже получившее возможность осуществлять свое назначеніе.

До тѣхъ поръ Галиція не проявляла себя значительною продуктивностью въ области науки. Постепенно нароставшая, послѣ реакціи 1850-хъ годовъ, новая украинская интеллигенція всю

энергію и силы свои обращала главнымъ образомъ на просвѣщеніе и организацію народныхъ массъ. Украинскіе журналы (главнымъ образомъ «Правда» съ 1867 г. и «Зоря» съ 1880 г.) сравнительно немного давали изъ области украинскихъ изученій. Среди представителей консервативныхъ «старорусинскихъ» теченій тоже весьма немногіе отдавали свои силы научной работѣ (Шараневичъ въ области исторіи Галиціи, Петрушевичъ—филологіи и древностей), и вѣтъ накопленія матеріала работы ихъ не имѣли значенія. Официальный представитель украинскихъ изученій Як. Головацкій эмигрировалъ въ Россію и разорвалъ свои связи съ галицкою жизнью. Его преемникъ по львовской каѳедрѣ проф. Огоновскій, принадлежавшій уже къ «молодому», украинскому направленію, долгое время оставался главною и почти единственою серьезною ученовою силою; въ 1876 г. выпустилъ онъ цѣнное изданіе «Слова о полку Игоревѣ», послѣдующія работы, 1880-хъ годовъ, указаны выше. Работы другихъ изслѣдователей 1880 и начала 1890-хъ не представляли чего-нибудь особо выдающагося—работы Партицкаго по исторіи литературы и по древнѣйшей исторіи (къ сожалѣнію, со «славянской», вовсе не-научной точки зрѣнія), Онышкевича См.-Стоцкаго по языку; только что начиналь свои работы по народной словесности и литературѣ, подъ руководствомъ Драгоманова, крупнѣйший изъ галицкихъ изслѣдователей Ив. Франко. Можно отмѣтить еще начатки юридической литературы въ основанной въ концѣ 1880 г.г. «Правничой часописи». И только середина 1890-хъ годовъ, когда начинается интенсивная дѣятельность Общества им. Шевченка,

стала рѣзко обозначавшеюся эпохою въ научной жизни Галиції.

Съ началомъ 1890-хъ годовъ общество это реформируется и по настояніямъ изъ Россіи полагаетъ начало чисто-научнымъ изданіямъ на украинскомъ языке (воспрещеннымъ въ Россіи указомъ 1876 г.). Пишущій эти строки принадлежалъ къ кievскому кружку, принимавшему дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи этого первого научного украинского органа, а затѣмъ, переселившись во Львовъ прилагалъ старанія къ дальнѣйшей научной организаціи, въ результатѣ которой къ концу 1890-хъ годовъ общество превратилось въ большое ученое учрежденіе, заключавшее въ себѣ цѣлый рядъ специальныхъ отдѣловъ и комиссій по разнымъ отраслямъ знаній, съ специальными научными изданіями, посвященными изданію материаловъ и изслѣдованій (число этихъ постоянныхъ изданий дошло теперь до 17). Не имѣя возможности входить въ детальный обзоръ развитія организаціонной и издательской дѣятельности обновленного общества¹⁾, я намѣчу только нѣкоторые моменты, имѣвшіе болѣе общее значеніе. Такимъ была организація центрального органа украиновѣдѣнія—научного журнала, ставившаго своею цѣлью давать возможно полную картину движенія украинскихъ изученій. («Записки научного товариства; им. Шевченка», въ новой формѣ своей съ 1895 г., съ большими отдѣлами хроники и бібліографіи украиновѣдѣнія).

¹⁾ Обзоръ первого десятилѣтія этой обновленной научной дѣятельности въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1904, III, позднѣйшихъ годовъ—въ «Ізвѣстіяхъ Академіи», 1911 кн. 3.

Далѣе — изданіе большой исторіи украинского народа съ древнѣйшихъ временъ, которое вель пишущій это въ изданіяхъ исторической секціи общества, начиная съ 1898 г. доведена до 1650 г.). Задуманная Ив. Франкомъ исторія украинской литературы, въ меньшихъ размѣрахъ, осталась не законченна, вчernѣ, за болѣзнью, постигшую автора (въ 1910 г. вышелъ только краткій очеркъ ея). Подготовленъ обзоръ географіи Украины проф. Рудницкимъ (въ 1910 г. тоже вышелъ ея краткій очеркъ). Въ ста слишкомъ томахъ «Записокъ» накопилось огромное количество изслѣдованій по исторіи литературы (въ значительной степени того же И. Франка, также А. Колессы, К. Студинскаго, В. Перетца, М. Возняка В. Щурата и др.), еще болѣе по исторіи — въ особенности, по исторіи козацкой эпохи, также по культурной и соціальной исторіи XVI—XIX в. (работы С. Томашивскаго, С. Рудницкаго, Ал. Грушевскаго, Ив. Джиджоры, Ив. Крипякевича, Ив. Кревецкаго, И. Франка, М. Зубрицкаго, и др., въ томъ числѣ пишущаго эти строки), также по этнографіи и фольклору (кромѣ перечисленныхъ работы Гнатюка, Ф. Колессы, З. Кузели и др.). Въ сферѣ этнографіи важны большія систематическія собранія фольклорнаго материала по извѣстнымъ категоріямъ народнаго творчества или по мѣстности (собраніе пословицъ И. Франка, коломыець и легенды В. Гнатюка, собранія мелодій Ив. и Ф. Колессы, О. Роздальскаго и т. под.). Въ сферѣ археографіи—систематическое собраніе материаловъ по исторіи козачества, при чмъ особенное вниманіе обращено на совершенно заброшенную

въ этомъ отношении политическую и бытовую исторію гетманщины и т. д. Въ общемъ можно сказать, что въ сферѣ украиновѣдѣнія нѣтъ сколько-нибудь значительной области, которой бы не затронула пятнадцатилѣтняя работа украинскихъ изслѣдователей Россіи и Австріи, сгруппировавшихся около общества Шевченка—не пролила бы нового свѣта, не внесла бы новыхъ данныхъ или не переоцѣнила прежнихъ.

Въ тѣсномъ союзѣ и обшеніи съ

нимъ и въ значительной степени—съ помощью тѣхъ же силъ начало также свою дѣятельность кievское украинское научное общество, получившее возможность организоваться въ 1907 г. и приступившее съ 1908 г. къ изданію своихъ «Записокъ» (3 томовъ до настоящаго времени).

Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ украиновѣдѣнія подведены итоги предшествующаго изученія и указаны отправные точки дальнѣйшаго.

M. Грушевскій.

ОТДѢЛЪ II.

Історія українського народу.

До образованія государства.

Історическое и доисторическое.

Начало исторической жизни украинского народа, или, точнѣе, тѣхъ этническихъ группъ, которая въ историческомъ процессѣ были сплочены въ украинскую народность (въ этомъ смыслѣ мы и будемъ говорить объ украинскомъ народѣ въ тѣ отдаленные времена), совпадаетъ съ эпохой разселенія украинскихъ племенъ на своей новой территоріи, съ конца IV и затѣмъ въ продолженіе всего V, и вѣроятно, также VI вѣка. Моментъ чрезвычайно важный, дѣлающій переворотъ въ жизни каждого народа, становится здѣсь порогомъ исторической жизни, благодаря тому, что со своимъ разселеніемъ на нынѣшней территоріи украинскій народъ выдвигается на арену, доступную наблюденіямъ болѣе культурныхъ народовъ и дѣлается объектомъ ихъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній и изученій. Конечно, роль украинскихъ племенъ въ данномъ случаѣ чисто пассивная; исторической моментъ, когда украинскій народъ является творящимъ историческимъ факторомъ, настѣпаетъ позже, съ образованіемъ государства. Но въ его жизни производить глубокія

измѣненія встрѣча этихъ могущественныхъ факторовъ — территоріи и народа, она становится исходною точкою дальнѣйшаго исторического процесса. Изъ глухого захолустья своей прародины, непроходимыхъ лѣсовъ своихъ предшествующихъ обиталищъ украинскія племена выходятъ въ предстепныя и затѣмъ степныя черноморскія пространства, служившія извѣчною дорогою изъ средней Азіи на западъ, придвигаются къ морю, вводившему ихъ въ кругъ оживленныхъ и широкихъ торговыхъ сношеній и культурныхъ связей, получаютъ совершиенно новое культурное и хозяйственное наслѣдство въ видѣ своей новой территоріи, вмѣстѣ съ нею принимаютъ въ свою среду новые этнические элементы, встрѣчаютъ новыхъ сосѣдей, становятся объектомъ новыхъ культурныхъ, политическихъ и экономическихъ воздействиій и вліяній, особенно на такой толкучкѣ народовъ, какои было черноморское степное пространство. Съ этой точки зреїнія моментъ разселенія является важнымъ пунктомъ не только для историка, принося ему рядъ свидѣ-

тельствъ источниковъ, но и въ историческомъ процессѣ украинскаго народа былъ настоящей эпохой, исход-

нымъ моментомъ культурной, экономической и общественной эволюціи его.

Вліяння фізическихъ усlovій.

Фізическія усlovія української території имѣли вообще огромное значеніе въ развитіи ея культурной жизни и колонизації. Черноморское побережье, на которомъ съ незапамятныхъ временъ встрѣчались культурная теченія среднеазіатскія и передней Азіи, средиземного бассейна, центральной Европы, эгейской и адриатической культуры, воздѣйствія морской торговли и степного сухопутья,—представляло районъ, наиболѣе открытый широкимъ и интенсивнымъ культурнымъ воздѣйствіямъ. Но движенія кочевыхъ ордъ въ степной полосѣ вносили непрестанныя пертурбациі, не только прерывавшія культурная сношенія, но и разрушавшія временами всяку культурную осѣдлую жизнь. Это же обстоятельство отражалось самымъ пагубнымъ образомъ и на жизни предстепной полосы, простирающейся между степнымъ поясомъ Черноморья и лѣсными пространствами верхняго Днѣпра: наиболѣе благопріятная для осѣдлой жизни и культуры, богато орошенная, плодородная, обильная лѣсной растительностью, она временами тоже подпадала разрушительнымъ набѣгамъ кочевниковъ, принуждавшихъ осѣдлое населеніе отступать

въ съверные, лѣсныя области. Эти послѣднія были наименѣе благопріятны для осѣдлого, земледѣльческаго хозяйства и культуры, вслѣдствіе своей песчаной, малоплодородной почвы и затруднительности сообщенія, но, защищенные непроходимыми болотами и лѣсами, онѣ давали сравнительно безопасный пріютъ и служили убежищами, куда отливало осѣдлое населеніе болѣе южныхъ пространствъ. Удаленная отъ большихъ торговыхъ путей и культурныхъ сношеній, жизнь этихъ лѣсныхъ пространствъ неизбѣжно отличалась гораздо большою косностью, отсталостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большою устойчивостью сравнительно съ тѣми потрясеніями и катаклизмами, какія приходилось переживать южнымъ, болѣе благопріятнымъ для сношеній и культурнаго развитія пространствамъ. Конечно, такое стеченіе обстоятельствъ, что болѣе благопріятныя въ культурномъ отношеніи области были лишены безопасности и устойчивости жизни, а обладали сю какъ разъ наиболѣе глухія, консервативныя, косныя части територіи, должно было отражаться весьма неблагопріятно на общемъ культурномъ развитіи края.

Прошлое територіи—степной поясъ и предстепье.

Древнѣйшіе слѣды человѣческаго обитанія на украинской територіи выступаютъ главнымъ образомъ въ предстепной полосѣ, въ эпоху позд-

ней палеолитической культуры, во времена, послѣдовавшія за отступлениемъ ледника, въ періодъ наибольшаго своего распространенія захва-

тившаго берега средняго Днѣпра и Дона. Наиболѣе древня изъ стоянокъ украинской территории—киевская залегаетъ подъ толстымъ слоемъ наносовъ диллювиальной глины (лесса), въ слоѣ песка, на глубинѣ до 20 метровъ отъ поверхности, — характеризуется обильными остатками мамонта, и какъ по физической обстановкѣ, такъ и по культурнымъ признакамъ хронологически сопоставляется съ позднимъ палеолитомъ, культурами Солютре-Маделенъ французскихъ находокъ. Недавно обслѣдованная находка въ Мизынѣ на берегахъ Десны, въ Чернигов. губ., лежить уже между двумя слоями лесса,—залегающей подъ нею пластъ лесса имѣетъ около метра толщины,—и фауна этой стоянки также моложе кievской (рядомъ съ остатками мамонта и носорога—лось и сѣверный олень). Наконецъ, стоянка въ с. Гонцахъ на Удаѣ, лежащая уже выше слоя лесса, является памятникомъ позднихъ послѣдниковъ временъ. Такимъ образомъ эти три najleучше обслѣдованные находки, вмѣстѣ взятыя, засвидѣтельствовали существованіе поселеній человѣка на нашей территории въ продолженіе десятковъ тысячелѣтій диллювиальной эпохи, второй ея половины, изъ эпохи поздняго палеолита и перехода къ неолитической культуры.

Отъ эпохи неолитической культуры имѣется огромное количество находокъ, покрывающихъ всѣ части украинской территории, исключая лишь нѣкоторыя болотистыя мѣстности лѣсного пояса и горныя области Карпатъ. Наряду съ чрезвычайно многочисленными отдельными находками предметовъ быта выступаютъ уже цѣлыя большія гнѣзда этой культуры, свидѣтельствующія о

значительномъ заселеніи — напр., по берегамъ средняго Днѣпра, Десны и Донца, въ порѣчьяхъ Уша и Норыни, верхней Горыни и Иквы, и т. д.— массы культурныхъ остатковъ, слѣды мастерскихъ, выдѣливавшихъ въ огромномъ количествѣ каменные орудія, укрѣпленные городища со слѣдами неолитического быта, погребенія и цѣлые могильники, слѣды жилищъ и поселеній. Распространеніе однообразныхъ, характерныхъ формъ культуры одновременно на большихъ пространствахъ—напр., извѣстныхъ формъ погребального обряда, — свидѣтельствуетъ о существованіи извѣстнаго сцепленія, широкихъ связей и сношеній, охватывавшихъ большія пространства, обмѣна продуктовъ и идей между населеніемъ того времени—эпохи поздняго неолита (такіе факты можемъ констатировать главнымъ образомъ для этой позднѣйшей неолитической культуры). Таково, напр., распространеніе на огромныхъ пространствахъ предстепной и степной полосы, отъ Поднѣстровья до Кавказскаго предгорья, похороннаго обряда, характеризуемаго погребеніемъ покойниковъ въ курганахъ въ скорченномъ положеніи. Потомъ въ этомъ обрядѣ появляется новый характерный вариантъ, заключающійся въ томъ, что покойникъ, уже на мѣстѣ погребенія, посыпался или обмазывался красной краской (охрой), осѣдавшей съ разложеніемъ трупа на костяхъ и сообщавшихъ имъ характерную красную окраску; курганы эти относятся къ концу неолита и началу металлической культуры и извѣстны въ большомъ количествѣ, иногда большими гнѣздами, по нѣсколько десятковъ и даже сотенъ, на пространствѣ отъ

Кубани до Бессарабії, въ степной и предстепной полосѣ, достигая южныхъ частей Кіевской губ. и области средняго Донца въ Харьковской. Еще болѣе характерное явленіе представляеть возникновеніе въ той же эпохѣ, въ концѣ неолитической и въ началѣ металлической культуры, на огромныхъ пространствахъ нашей территоріи такъ наз. «домикенской культуры», характеризующейся глиняными мазанками въ роли жилищъ, характерными глинобитными сооруженіями, въ которыхъ подозрѣваютъ погребальныя камеры, и особенно—чрезвычайно интересными формами расписной глиняной посуды и такими же фігурками, представляющими людей и животныхъ. Эта культура красивыми, экзотическими пятнами выступаетъ среди бѣдной вообще обстановки нашего неолита въ области средняго Днѣпра (на югъ отъ Кіева), въ бассейнѣ Южного Буга, въ смежныхъ частяхъ Кіевской и Подольской губ., затѣмъ въ порѣчи средняго Днѣстра, въ области его лѣвыхъ притоковъ—Ушицы (Летичев. у.), Збруча, Ничлавы, Серета, Джурина (въ Галиції), затѣмъ въ порѣчи Прута, въ Бессарабії (Бѣлецк. у.) и Буковинѣ. Далѣе, въ аналогическихъ формахъ, обнаруживается она въ находкахъ Молдавіи и Трансильваніи, и недавно, въ совершенно сходныхъ чертахъ, выказали ее раскопки въ єес-саліи. Съ другой стороны, спорадическая находки подобной же фактуры известны на сѣверномъ Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Мы видимъ такимъ образомъ характерное, ярко выраженное культурное теченіе, захватывающее огромную территорію, затѣмъ рѣзко обрывающееся въ началѣ неолитической культуры—краснорѣчивое свидѣтель-

ство движенія въ культурной жизни этой далекой эпохи.

Распространеніе на украинской территоріи начатковъ металлической культуры—издѣлій мѣдныхъ, позже—бронзовыkhъ, является тоже результатомъ воздействиія сосѣднихъ, въ болѣе благоприятныхъ условія поставленныхъ странъ, и опять-таки даетъ себя видѣть главнымъ образомъ на прибрежной, далѣе—степной и предстепной полосахъ, болѣе доступныхъ для такихъ культурныхъ воздействиій. Прикарпатье входитъ въ сферу вліянія средне-дунайской или адріатической культуры, Подонье—въ сферу уральской или, скорѣе, можетъ быть, кавказской культуры; очевидный параллелизмъ въ бронзовой культурѣ сѣверного Кавказа и средняго Подунавья не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что черноморское побережье должно было служить соединительнымъ путемъ между этими двумя очагами бронзовой культуры и располагать тоже аналогической культурой. Съ поморья и съ запада идетъ затѣмъ распространеніе желѣзной культуры. Въ срединѣ послѣдняго тысячелѣтія передъ Р. Хр. замѣчаемъ нѣсколько опредѣленныхъ культурныхъ теченій, скрещивающихся въ степной и отчасти предстепной полосѣ. Одинъ типъ представляеть желѣзная культура съ яркими слѣдами античнаго вліянія,—находки и курганы съ предметами греческаго происхожденія или сдѣланными по греческимъ образцамъ; они идутъ съ поморья, изъ греческихъ колоній, и почти достигаютъ линіи лѣсовъ на Поднѣпровїѣ, а въ бассейнѣ Донца доходятъ до такого глубокаго предстепья, какъ Харьковская губернія. Рядомъ съ этими античными теченіями выступаютъ другія, своимъ

стилемъ указывающія на переднюю Азію, Туркестанъ и Сибирь; они отличаются богатствомъ бронзовыхъ предметовъ и характернымъ звѣринымъ орнаментомъ. Въ степной и предстепной полосѣ они встрѣчаются съ античными теченіями, смѣшиваются съ ними и въ такихъ смѣшанныхъ находкахъ выступаютъ обильно въ погребеніяхъ степной и предстепной полосы центральной Украины (такъ называемый въ археологіи скиѳскій, или скиѳо-сарматскій типъ). На конецъ свидѣ-

тельствомъ западныхъ віляній являются характерные предметы такъ называемой галльштатской культуры (т. е. ранней желѣзной культуры средне-дунайскихъ областей, первой половины послѣдняго тысячелѣтія передъ Р. Хр.), наиболѣе обильно выступающіе въ галицкомъ Прикарпатьѣ, но проникающіе также и въ Поднѣпровье, точно также какъ и предметы болѣе поздней, кельтской культуры, такъ называемой la Tène (второй половины послѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр.)¹).

Лѣсная полоса.

Послѣ сказанного ранѣе насъ не удивитъ, если по сравненію съ болѣе интенсивною культурною жизнью поморья и предстепья, съ ихъ смѣшною теченіемъ, иногда весьма яркихъ и интенсивныхъ, жизнь лѣсной полосы въ районѣ средняго Днѣпра, Припети и Десны производитъ впечатлѣніе консервативности, косности. Новыя теченія, новыя пріобрѣтенія человѣческой культуры въ далекихъ и слабыхъ, безконечно ослабленныхъ отзывахъ едва долетали сюда. По сравненію съ культурной жизнью Эгейскаго поморья, бытъ лѣсного Поднѣпровья опаздывалъ на сотни лѣтъ. Бронзовая культура, захватившая тамъ почти цѣлое тысячелѣтіе, достигнувшая высокаго артистического развитія, оказалась болѣе значительное вліяніе на бытъ Черноморья, но въ глухіе лѣса Поднѣпровья едва доходили ея слабые отзвуки. Въ эпоху Гомеровской культуры они жили еще въ пережиткахъ неолита; элементы бронзовой культуры, проникавшіе сюда, примѣшивались къ старой неолитической культурѣ, но, въ виду дороговизны и рѣдкости

этихъ привозныхъ металлическихъ предметовъ, дерево и камень оставались главнымъ ресурсомъ мѣстной техники. Прежде чѣмъ бронза успѣла получить тутъ сколько-нибудь значительное распространеніе, желѣзо смѣнило ее въ культурныхъ центрахъ и сюда стали доходить издѣлія желѣзныя. Встрѣчаются могилы, гдѣ рядомъ съ орудіями каменными, въ обстановкѣ неолитической культуры, выступаетъ мѣдная или бронзовая утварь, и такія, гдѣ на общемъ фонѣ неолита выступаютъ предметы изъ желѣза. Въ похоронныхъ поляхъ, въ большомъ количествѣ открытыхъ недавно въ порѣчию западнаго Буга, встрѣчаются предметы отъ эпохи неолитической довольно поздней желѣзной культуры безъ замѣтной разницы въ типахъ погребенія и прочей культурной обстановки. Богатая культура, такъ называемая передмикенская, остановилась на рубежѣ лѣсной полосы, не захвативъ ее сколько-нибудь значительнымъ образомъ—судя

¹) Подробнѣе: „Кievская Русь“, I § 5 и сл. (тамъ же подробно указаны и литература).

поизвестнымъ доселъ находкамъ, и—затѣмъ ушла, повидимому, не оставивъ по себѣ преемства. Часто такие показатели позднѣйшей культуры, какъ предметы стеклянные, выдѣланные при помощи гончарного колеса сосуды, являются единственными указаниями, что мы имѣемъ дѣло съ остатками сравнительно поздняго быта, соотвѣтствующими вполнѣ развитой желѣзной культурѣ Средиземного бассейна или центральной Европы.

Правда, въ археологическомъ отношеніи лѣсной районъ до сихъ поръ обслѣдованъ довольно слабо, бѣдные предметами могильники и курганы этой полосы не привлекали къ себѣ надлежащаго вниманія, и возможно,

что новыя находки внесутъ что-нибудь неожиданно новое въ картину здѣшняго быта. Пока, судя по нашему материалу, этотъ бытъ производить впечатлѣніе большой неподвижности. Не видно ничего, что могло бы указывать на какія-либо рѣзкія измѣненія, новая мощная теченія, захватывающія старую жизнь. И это различіе условій культурной жизни приморской и предстепной полосы съ лѣсными краями средняго Поднѣпровья пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду того, что какъ разъ эти послѣдніе, по всякой вѣроятности, служили обиталищами украинской группы передъ ея разселеніемъ на своей позднѣйшей территоріи¹⁾.

Греческая колонизация.

Источникомъ древнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній иящихъ объ украинской территоріи на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія, предшествующаго разселенію на ней украинскихъ племенъ, послужили прямо или косвенно греческія колоніи черноморскаго побережья. Появляясь здѣсь, начиная съ VII в. до Р. Хр., онѣ служили не только чрезвычайно важнымъ источникомъ культурнымъ, изъ котораго отблески средиземной культуры, какъ мы видѣли уже, проникали въ глубину восточно-европейскаго материка, почти до линіи лѣсовъ, но и источникомъ литературнымъ—для культурнаго, античнаго міра, которому онѣ открыли перспективу въ эти далекія и глухія страны, и кое-что, при посредствѣ античной литературной традиціи и мѣстной эпиграфики, сохранили изъ этихъ перспективъ и для насъ.

Колонизація эта развилась подъ вліяніемъ торговли, свившей себѣ прочное гнѣздо на всемъ побережью Чернаго моря. Ея начальная стадія выходятъ совершенно за предѣлы исторической традиціи, и даже начало колоній—періодъ ихъ сформированія—лежитъ вѣнѣя. Археологическія находки—главнымъ образомъ іонійской керамики—показываютъ, что уже въ VII в. явились постоянныя поселенія на мѣстѣ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ колоній, съ другой стороны—культурная вліянія греческой торговли проникли въ глубину предстепья (находки іонической посуды VII—VI вв.).

Наиболѣе важными очагами античной жизни, торговли и связанныхъ съ

¹⁾ Болѣе подробную картину старой культурной жизни украинской территории по археологическимъ даннымъ въ „Історії Українії“ т. I гл. 2, также Niederle: Slovanské Starožitnosti въ I и II т.

нею культурныхъ воздействиі явлется Ольвія, на лиманѣ Днѣпра и Ю. Буга, Пантикопея на мѣстѣ теперешней Керчи и ея філіальная колонія Танаисъ на устьѣ Дона; позже, уже въ эпоху византійскую, послѣ того, какъ греческая жизнь угасла въ другихъ колоніяхъ, выдвигается на первое мѣсто Херсонесъ у нынѣшняго Севастополя. Въ V — II вв. до Р. Хр., когда мы имѣемъ довольно богатый литературный и эпиграфический материалъ изъ этихъ колоній, мы видимъ, что торговое значеніе, служившее жизненнымъ нервомъ этой колонізаціи, заключалось въ вывозѣ въ огромныхъ массахъ черноморскаго сырья — хлѣба, рыбы, кожъ, и также, конечно, человѣческой силы — рабовъ; взамѣнъ этого варварское населеніе, доставлявшее сырье, получало греческія металлическія издѣлія, ткани, посуду, вино и т. под.

Тяжелая борьба съ сосѣдними кочевыми ордами, которую здѣшнимъ колонистамъ приходилось выносить почти все время, легла особенно тяжелымъ бременемъ, когда въ районѣ Днѣстра, а затѣмъ и Днѣпра начинается движение сѣверныхъ, германскихъ, племенъ. Непосильная борьба эта принудила греческихъ колонистовъ въ концѣ I в. до Р. Хр. обратиться къ правительству pontijskаго царя Митридата, который и принялъ ихъ подъ защиту: при мѣстныхъ связяхъ сѣверныхъ колоній съ южнымъ, малоазіатскимъ побережьемъ та-

кое присоединеніе ихъ къ малоазіатскому Понту было явленіемъ вполнѣ натуральнымъ. Оно объединило едва ли не въ первый разъ мѣстныя колоніальные республики и царства, а затѣмъ, перебросивъ борьбу Митридата съ Римомъ изъ М. Азіи на сѣверное побережье, ввело здѣшнія колоніи въ сферу политическихъ и культурныхъ вліяній Рима. Послѣдній одно время носился съ мыслью поставить въ непосредственную зависимость отъ себя все побережье, до Кавказа включительно (въ 60-хъ гг. I в. нашей эры). Но такая экспансивность оказалась не подъ силу римской государственности, и римское правительство затѣмъ по отношенію къ болѣе далекимъ колоніямъ ограничилось ролью дружественного покровителя, приходившаго въ помощь этимъ полуавтономнымъ муниципіямъ и государствамъ, насколько ему позволяли обстоятельства. Въ этой роли смѣнила затѣмъ Римъ Византійская имперія, старавшаяся удержать въ зависимости отъ себя крымское и кавказское побережье (греческія поселенія между Дунаемъ и Крымомъ уже не возродились послѣ бурь великаго переселенія). Центральную роль въ эту эпоху играетъ Херсонесъ, какъ столица крымскихъ владѣній Византіи, служившая предметомъ особаго вниманія для византійского правительства и очагомъ культурныхъ вліяній византизма на украинской территории въ IX—XII вѣкахъ¹⁾.

Населеніе степей и карпатскаго подгорья.

Степная полоса въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія до движенія германскихъ племенъ (въ III—IV вв. по Р. Хр.), и конечно, еще раньше, служила главнымъ образомъ обиталищемъ коче-

выхъ и полукочевыхъ племенъ иранскаго происхожденія, выступающихъ подъ

1) О греческой колонизаціи Черноморья: „Історія України - Руси“, гл. 3, „Кievская Русь“, I § 33.

разными названиями, измѣняющимися со смѣнной главной, преобладающей орды. Древнейшимъ такимъ собирательнымъ именемъ въ нашей (античной) традиціи выступаютъ Скиѳы, по словамъ Геродота въ VIII—VII вв. передвинувшіеся въ черноморскія степи изъ передней Азіи подъ натискомъ своихъ восточныхъ сосѣдей и земляковъ Масагетовъ, въ свою очередь тѣсненныхъ съ востока другими кочевыми ордами. Позже, въ V—IV вв. скиѳская орда отступаетъ на западъ и разбивается на мелкіе осколки подъ натискомъ Сарматской орды,двигающейся изъ Подонья на западъ подъ давленіемъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Отдельные орды этой группы продвигаются постепенно къ Дунаю, нѣкоторыя проникаютъ въ среднедунайскія равнины—крайній этапъ въ походѣ кочевыхъ ордъ на западъ. Кочевыя колѣна иранскаго племени, подвинувшіяся по ихъ слѣдамъ въ приазовскія и черноморскія степи, объединяются еще разъ подъ новымъ именемъ Аланъ (въ I в. по Р. Хр.), по имени господствующей орды. Что подъ этими различными именами и безконечнымъ множествомъ племенныхъ подраздѣленій мы имѣемъ дѣло собственно съ одной стихіей—иранской въ своей основе или сильно иранизованной, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія указанія историковъ на родство этихъ группъ между собою и съ другими народностями иранскаго племени, и подробности быта, элементы языка, личные имена и др. факты изъ ихъ жизни. Съ полной очевидностью выясняется, что иранское пламя, вылившееся однимъ потокомъ въ переднюю Азію, другимъ потокомъ долго разливалось въ прикаспійскихъ и черномор-

скихъ степяхъ. Уступая натиску съ-верно-азіатскихъ (урало-алтайскихъ племенъ), оно отливало изъ засаспійскихъ и приуральскихъ степей на югъ и на западъ, въ черноморскія пространства, захватывая съ собою и разнося въ обоихъ направленіяхъ разныя чужеродныя примѣси (въ томъ числѣ также урало-алтайскія), — пока наконецъ, въ IV в. по Р. Хр., урало-алтайскій потокъ, тюркскій главнымъ образомъ, не прорвался сквозь иранскую преграду и, разорвавъ связь обѣихъ вѣтвей Иранцевъ, азіатской и европейской, не затопилъ каспійскія и черноморскія степи, разбивъ и разметавъ остатки иранскихъ ордъ Европы, а частью втянувъ ихъ въ свой водоворотъ¹⁾.

Судя по показаніямъ Геродота и другихъ источниковъ, райономъ движения этихъ иранскихъ ордъ была степная полоса, можно сказать—исключительно. На съверѣ кочевья Скиѳовъ не переходили за днѣпровскіе пороги, за пространства нижняго Буга и Днѣстра; далѣе на съверъ жили племена, по словамъ Геродота, не-скиѳская, какъ единодушно принимается теперь—племена славянскія. На западѣ это иранское разселеніе упиралось въ равнины нижняго и средняго Дуная. Въ горной области Карпатъ видимъ рядъ другихъ племенъ—Бессы, Костобоки, Карпы, судя по сохранившимся именамъ племена не-славянскія, вѣроятнѣе всего—принадлежавшія къ сосѣдней группѣ племенъ фракійскихъ, заселявшихъ восточную часть Балканскаго полуострова, нижнее Подунавье, Транс-

1) Подробнѣе о степной колонизації: „Історія України-Руси“, I³ гл. 3, „Кievская Русь“, I § 47 сл.

сильванію; это была группа, близко родственная съ одной стороны иранской, съ другой—славянской, своимъ ближайшимъ сосѣдямъ¹⁾ Но между ними около III в. до Р. Хр. клиномъ врѣзались колонизация германская — племена Бастарновъ, Скировъ а, вѣроятно, еще другихъ, ближе намъ неизвѣстныхъ, двигавшихся съ сѣвера и достигшихъ въ концѣ концовъ области нижняго Дуная. Позже въ этомъ направлениіи мы замѣчаемъ движеніе все

новыхъ и новыхъ германскихъ племенъ съ балтійского поморья и сосѣднихъ мѣстностей. Со второй пол. II в. по Р. Хр.двигаются съ нижней Вислы на югъ, чрезъ полѣсскія трущобы на черноморское побережье племена готскія и, вытѣснивъ изъ западнаго Черноморья остатки иранскаго населенія, занимаютъ побережье, отъ Дуная до азовскаго побережья, почти на два столѣтія, до гуннскаго нашествія.

Славянскія племена на прародинѣ.

Исключивъ территоріи, занятыя неславянскими народностями, получаемъ приблизительныя указанія на то, гдѣ нужно искать славянскія обиталища передъ великимъ разселеніемъ — это пространства между порѣчьемъ Вислы на западѣ и предстепною полосою на югѣ. Этотъ выводъ подтверждаютъ указанія географовъ I в. по Р. Хр. (Плинія, Тацита, Птолемея, точнѣе,—его источника Марина Тирскаго), помѣщающихъ славянскія племена, «величайшій народъ венедскій», въ ближайшемъ со-сѣдствѣ Вислы и Балтійскаго моря. Лингвистическія наблюденія надъ языками индоевропейской семьи съ своей стороны доказываютъ, что первона-чальная славянская территорія должна была находиться въ тѣсномъ со-сѣдствѣ съ литовскою группою, съ кото-рою ее связываютъ долгія, общія переживанія, отразившіяся въ языкѣ, и въ близкихъ соприкосновеніяхъ съ одной стороны съ міромъ герман-скимъ и иранско-ѳракійскимъ, съ дру-гой—съ восточными со-сѣдями Фин-нами. Если выдѣлить территорію, по

всякому правдоподобію заселенную литовскими племенами, между Двиной и Нѣманомъ и по балтійскому побережью, то для славянской прародины остаются пространства въ области средняго и верхняго Днѣпра, порѣчья Нѣмана и Вислы, отъ Валдайской воз-вышенности и волжскаго бассейна до Карпатскаго подгорья и порѣчья Днѣстра, гдѣ мы съ наибольшею вѣроят-ностью должны предполагать мѣсто-жительство славянскихъ племенъ въ эпоху, предшествующую великому славянскому разселенію. По мѣрѣ того какъ со-сѣднія племена Германцевъ, Иранцевъ,Ѳракійцевъ двигались на западѣ и югъ, славянскія племена могли расширять свою территорію въ направленіяхъ меньшаго сопротивленія. Юго-восточная, украинская группа племенъ могла уже въ то время зани-мать сѣверную и сѣверо-восточную часть своей позднѣйшей территоріи, распространившись потомъ, съ об-щимъ разселеніемъ, только на югъ и западѣ. Наблюденія надъ славянскими языками указываютъ, что географиче-ское размѣщеніе ихъ на прародинѣ въ общемъ должно было соотвѣтствовать

1) Подробнѣе тамъ же.

ихъ позднѣйшему размѣщенію, позднѣйшимъ отношеніямъ смежности и съдства. Въ виду этого украинскую группу племенъ приходилось бы помѣщать на крайнемъ юго-востокѣ праславянской территории, т. е. приблизительно въ районѣ средняго Днѣпра, изъ котораго они двинулись затѣмъ на югъ, юго-востокъ и западъ, въ открывшіяся передъ нимъ пространства¹⁾.

Въ такомъ случаѣ мы должны себѣ представить эти племена на прародинѣ подъ вліяніями черноморской культуры, въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ иранскими племенами, которые могли оказывать на нихъ не только известное культурное вліяніе, но и подчинять временами своему политическому преобладанію (у Геродота власть Скиѳовъ на сѣверѣ не простирается, очевидно, дальше пороговъ Днѣпра, между тѣмъ какъ культурная вліянія скиѳско-сарматского быта идутъ далеко въ глубину предстепной полосы, въ южную и центральную части нын. Кіевской, Полтавской и Харьковской губ.). Непосредственныхъ заимствованій изъ греческаго языка для этой праславянской эпохи до сихъ поръ не удалось указать; это указывало бы, что непосредственныхъ соприкосновеній съ черноморской греческой колонизацией и ея культурой въ эпоху, предшествующую славянскому разселенію у славянскихъ племенъ не было. Иранское населеніе степей, очевидно, служило посредникомъ въ сношеніяхъ черноморскихъ колоній и ихъ культурныхъ вліяніяхъ на лежавшія къ сѣверу страны славянской прародины. Наоборотъ, очень ярко выступаетъ въ

словарномъ матеріалѣ праславянской эпохи вліяніе германское, дающее себя чувствовать въ большомъ количествѣ заимствованныхъ германскихъ словъ (хотя по поводу многихъ изъ нихъ вопросъ о заимствованіи не решенъ окончательно). На почвѣ этихъ заимствованій появлялись различныя теоріи о германскомъ господствѣ надъ славянами, которое могло имѣть мѣсто въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ—на балтійскомъ поморѣ, въ порѣчье Вислы, въ прикарпатскихъ областяхъ бастарнскай колонизаціи и въ сферѣ готскихъ вліяній Черноморья. Но болѣе положительныхъ указаній на это господство мы не имѣемъ, а позднѣйшая готская традиція о монархіи послѣдняго остготскаго короля предъ гуннскимъ нашествіемъ, Германариха, «подобно Александру Македонскому» царствовавшаго надъ всѣми народами восточной Европы,—является совершенно баснословной. Несомнѣннымъ остается большое культурное значеніе германцевъ, какъ посредниковъ въ культурныхъ вліяніяхъ болѣе развитыхъ областей Западной Европы на славянскія племена—культуры кельтской, римской и, наконецъ, развившейся надъ ихъ вліяніями германской. Подъ этими вліяніями слагается славянская культура эпохи разселенія, отразившаяся въ общеславянскомъ словарномъ матеріалѣ. Несмотря на захолустный характеръ славянской жизни, послѣдняя достигла за это время довольно высокаго уровня. Видимъ довольно развитое земледѣліе, начатки огородничества и садоводства, значительный кругъ ремесль, обработку металловъ.

Если позже, въ эпоху своего разселенія Славяне своими культурными

1) Подробнѣе о прародинѣ: „Історія України - Руси“, І³ гл. 2, „Кіевская Русь“, I § 20 сл.

сосѣдями часто изображаются какъ населеніе малокультурное, съ преобла- дающимъ пастушескимъ и охотничьимъ бытъ, то это отчасти объясняется исключительными условіями, въ кото- рыхъ появлялись эти характеристики: знакомствомъ ихъ авторовъ съ пере-

довыми волнами славянскаго движенія, воинственными, отвыкшими отъ усло- вій мирнаго, осѣдлого хозяйственнаго быта, застрѣльщиками его; отчасти здѣсь могло также наблюдаваться времен- ное паденіе культуры, весьма обычное въ моменты особенной экстенсивности.

Славянское разселеніе и колонизация Украины въ IV—VII вв.

Славянское разселеніе должно было начаться не позже III в. по Р. Хр. Движеніе германскихъ племенъ съ по- морья Вислы и Одера на югъ и западъ открыло свободныя пространства на западномъ пограничии славянскихъ по- селеній и неизбѣжно должно было вызвать движеніе Славянъ на западъ. Мелкія племена Карпатской горной области своими нападеніями на рим- скія провинціи принудили римское правительство заняться переселеніями ихъ на римскія земли, и эти переселенія, вольныя и невольныя, не оставили въ концѣ-концовъ изъ этого горнскаго населенія на мѣстѣ почти ничего, или слабые лишь остатки; такую же участъ имѣла и бастарнскія колонизации, расплывшаяся на огром- ныхъ пространствахъ Прикарпатья и Подунавья. Ослабленіе иранскихъ ордъ Черноморья открывало дорогу на югъ. Гуннскій потокъ, сломившій могущество Готовъ, разбившій и увлекшій затѣмъ съ собою на западъ остатки иранскихъ и готскіхъ племенъ, послужилъ, несомнѣнно, рѣшительнымъ толчкомъ къ славянскому разселенію на югѣ, въ Черноморы и Приазовья.

Движеніе на югъ юго-восточной (украинской) группы славянскихъ племенъ даетъ знать о себѣ прежде всего столкновеніями «Антовъ», какъ называются въ извѣстіяхъ VI в. восточно-

славянскія племена, съ остготскою ко- лонизацію, постепенно отливавшею тогда изъ Черноморья подъ гуннскимъ натискомъ. Эти столкновенія, имѣвшія мѣсто въ концѣ IV в. и въ позднѣй- шей готской традиціи истолкованныя, какъ завоевательные походы остгот- скихъ вождей на антскія племена, въ дѣйствительности являлись, очевидно, результатомъ, или симптомомъ, восточ- но-славянскаго натиска на остготскія поселенія. Традиція сохранила интересную черту: Гуны покровительствуютъ Антамъ и берутъ ихъ въ оборону противъ готскихъ насиль- никовъ. Готы затѣмъ уходятъ на западъ, и антскія племена въ продолженіе V в. сравнительно свободно колонизируютъ черноморскія простран- ства. Въ VI в. видимъ въ ихъ рукахъ Черноморье отъ Днѣстра до Азовскаго побережья: на обоихъ крайнихъ пунктахъ выступаютъ они въ извѣстіяхъ современныхъ византійскихъ писателей. Пространство между Днѣстремъ и Ду- наемъ занимаютъ южно-славянскія пле- мена, предки позднѣйшихъ Болгаръ, постепенно передвигающіеся за Дунай, на Балканскій полуостровъ, и по мѣрѣ ихъ передвиженія за Дунай по ихъ слѣдамъ двигались восточно-славян- скіе колонисты. Въ Прикарпатьи точно- также открывались новые просторы для ихъ разселенія по мѣрѣ движенія

за Карпаты юго- и западно-славянскихъ племенъ. Во второй половинѣ VII в. украинскія племена могли уже овладѣть своею позднѣйшою территоріею, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ — такъ какъ этнографическая границы не установились сразу опредѣленно; на пограничьяхъ образовались полосы со смѣшаннымъ населеніемъ, лишь со временемъ пріобрѣтши болѣе однобразный, опредѣленно выраженный этнографический характеръ, а нѣкоторыя мѣстности — какъ напр. горная карпатская область, колонизировались украинскимъ населеніемъ, лишь постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій¹⁾.

Къ сожалѣнію, сколько-нибудь подробнія свѣдѣнія объ украинскомъ разселеніи имѣемъ лишь изъ позднѣйшихъ столѣтій, X—XI в.в., когда украинская колонизация претерпѣла уже значительныя измѣненія и ущербы,

главнымъ образомъ подъ вліяніемъ новаго движенія тюркскихъ ордъ въ степной полосѣ, усилившагося со второй половины IX вѣка. Наиболѣе обстоятельный данныя даютъ этнографические обзоры и замѣчанія, собранныя въ вступительныхъ главахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; они относятся уже ко второй половинѣ XI в. и хотя пробуютъ мѣстами дать указанія относительно болѣе раннихъ этнографическихъ и географическихъ отношеній, но эти указанія не всегда отличаются желательной точностью и обстоятельностью. Сопоставляя данныя «Повѣсти» съ другими источниками, туземными и чужеземными (какъ Константина Порфиородного, т. н. Географа Баварскаго, арабскіе географы IX—X вв.), можемъ лишь съ извѣстнымъ приближеніемъ судить о болѣе раннихъ колонизаціонныхъ отношеніяхъ VIII—IX в.в.

Украинская колонизация IX—X вв.

Сопоставляя данныя историческихъ источниковъ съ указаніями археологіи и діалектологіи, видимъ, что области верхняго Днѣпра и верховьевъ Зап. Двины и Волги заняли племена сѣверной группы, предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и Великороссовъ: Кривичи съ новгородскими Словенами, Дреговичи, которые вѣроятно относятся сюда же (хотя есть нѣкоторая неясность относительно предѣловъ ихъ территоріи, а въ зависимости отъ этого — и относительно ихъ принадлежности къ сѣверной или южной группѣ), далѣе Радимичи и Вятичи. Безпрерывно рас-

пространяясь изъ своихъ обиталищъ на востокъ, на территоріи финскихъ племенъ, они создаютъ затѣмъ тамъ рядъ новыхъ центровъ великорусской колонизации. Племена южной (украинской) группы располагаются въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, Зап. Буга и Днѣстра, простираясь отсюда на западъ — въ область Карпатъ, на востокъ — въ область Дона. Относительно восточной половины этой территоріи — отъ порѣчья Днѣпра и далѣе на востокъ (территоріи Полянъ и Сѣверянъ) — у нѣкоторыхъ изслѣдователей тоже возникали сомнѣнія, принадлежало ли ея поселеніе къ группѣ южной или сѣверной — были ли здѣшнія племена предками украинского или велико-

1) Подробнѣе объ этомъ колонизаціонномъ процессѣ — Исторія „України-Руси“ І³ гл. 4, „Кievская Русь“ I § 88 и сл.

русского населения. Такъ наз. Погодинская гипотеза, возрожденная въ 1880-хъ г.г. ак. Соболевскимъ¹⁾ и поддержанная нѣкоторыми изслѣдователями въ цѣломъ или отчасти, считала Полянъ и Сѣверянъ племенами великорусской или среднерусской группы. Оживленная полемика, вызванная ею, выяснила однако съ полною очевидностью несостоительность предпосылки этой теоріи — что древнее поселеніе средняго Поднѣпровья X—XII вв. цѣликомъ выселилось на сѣверъ, и его мѣсто заняли переселенцы изъ западно-украинскихъ областей; выяснилось и отсутствіе сколько-нибудь надежныхъ указаний на то, что населеніе восточной Украины (Поднѣпровья и Заднѣпровья) отличалось отъ западно-украинского настолько, чтобы можно было серьезно думать о принадлежности его къ другой этнографической группѣ. Мы не имѣмъ никакихъ основаній отдѣлять Полянъ и Сѣверянъ отъ Древлянъ и Дулѣбовъ, причислять ихъ къ иной группѣ и исключать изъ состава предковъ позднѣйшаго украинского поселенія.

Территорія Полянского племени, послужившая въ этомъ спорѣ предметомъ наиболѣе горячей полемики, въ концѣ X и въ XI вв. занимала лишь совершенно незначительное пространство между рѣками Днѣпромъ, Иррепемъ и Стугною. Сиротливо виднѣются въ это время остатки прежнихъ поросскихъ поселеній, вродѣ знаменитой Родни. Вѣроятно, до печенѣжского натиска полянская территорія простиравась далѣе на югъ, за Рось, и здѣсь именно въ болѣе открытыхъ,

безлѣсныхъ пространствахъ лѣтописного «чистаго поля», разселилось главнымъ образомъ это племя, получившее свое имя отъ «поля», но печенѣжскими натискомъ оттесненное затѣмъ въ сѣверный уголъ своей территории, въ лѣсистыя окрестности Кіева («лѣсная сторона»).

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Полянъ жили Древляне, по словамъ «Повѣсти» получившіе свое имя по той причинѣ, что жили въ лѣсахъ; территорія ихъ простиравась, вѣроятно, до порѣчья Припети на сѣверѣ, до Днѣпра на сѣверо-востокѣ, на западѣ захватывало порѣчье Случи. Огромная территорія эта охватывала полянскую съ сѣвера, сѣверо-запада и запада, и такъ какъ относительно Древлянской терроріи совершенно немыслимо предполагать эмиграцію старого древлянского населенія и замѣну позднѣйшимъ, западнымъ, и позднѣйшее украинское населеніе ея нужно считать исконнымъ, то совершенно невѣроятно думать, что полянская земля представляла среди нея великорусскій (или — какъ другіе называли — среднерусскій) клинъ, защемленный между Днѣпромъ и древлянскою террорією.

Восточными сосѣдями Полянъ за Днѣпромъ были Сѣверяне, Сѣвера, кажется, самое крупное изъ украинскихъ племенъ. По словамъ «Повѣсти» они занимали область Десны, Сейма и Сулы; южная часть ихъ разселенія въ эпоху «Повѣсти» уже подверглась сильному разрушенню подъ печенѣжскимъ и затѣмъ половецкимъ натискомъ, и позже претерпѣвала весьма рѣзкія колонизаціонныя пертурбациі; лучше защищенное лѣсами и болотами отъ тюркскихъ нашествій

¹⁾ О ней см. выше стр. 23, 24, 34; подробнѣе въ т. I „Історії України“ („Кievская Русь“, I прим. 6).

Задесене въ своемъ населеніи сохранило больше старыхъ элементовъ, а въ своемъ говорѣ—остатки старого сѣвероукраинскаго діалекта, рѣзко отличающагося отъ новыхъ среднеукраинскихъ говоровъ южной Сѣверщины.

О томъ, какія племена жили далѣе къ юго-востоку, за порѣчьемъ Сулы, «Повѣсть» молчитъ. Въ то время, когда составлялась она, тамъ могли существовать только жалкіе остатки славянской колонизаціи. Но раньше, до второй пол. X в., украинская колонизація въ бассейнѣ Дона была очень значительна и простидалась до Азовскаго поморья. Прокопій вполнѣ опредѣленно говоритъ, что въ пол. VI в. антская колонизація непосредственно примыкала къ болгарскому разселенію на берегахъ Меотиды, а съ передвиженiemъ Болгаръ на западъ, могла лишь расшириться за ихъ счетъ. Арабскіе географы IX и X вв. вполнѣ опредѣленно говорятъ о Славянахъ въ области Дона и Приазовья, называють Донъ, и вмѣстѣ съ нимъ нижнюю Волгу (которую они считали какъ бы другимъ рукавомъ той же рѣки) «Славянскою рѣкою», и хотя въ послѣднее время некоторые изслѣдователи начали отрицать существованіе здѣсь славянской колонизаціи, предполагая, что въ дѣйствительности осѣдлое населеніе здѣсь представляли Ясы, нынѣшніе Осетины, остатки аланской колонизаціи,—въ дѣйствительности нѣтъ основанія для такой рѣшительной поправки арабскихъ извѣстій. Тмутаракань на устьѣ Кубани, находившаяся во владѣніи кievскихъ князей въ X—XI в., въ IX—X вв. не была, вѣроятно, такимъ островомъ, какимъ видимъ ее въ XI в., и примыкала къ украинской колони-

зациі Подонья и Приазовья. Но племенное имя этой юго-восточной колонизаціи намъ неизвѣстно.

На нижнемъ Днѣпрѣ, вѣроятно, на правомъ, западномъ берегу его первоначально жило племя Уличей (или Угличей). Позже, по всей вѣроятности, подъ натискомъ Печенѣговъ, въ половинѣ X в., оно подвинулось отсюда далѣе на западъ, или, скорѣе—сѣверо-западъ, въ область Южнаго Буга; покинули оно и черноморское побережье. «Повѣсть» сохранила лишь память объ ихъ поселеніяхъ на побережьяхъ, какъ и ихъ западныхъ сосѣдей, племени Тиверцевъ, жившихъ по Днѣстру и дальше на западъ, до Дуная. Подъ натискомъ Угревъ и особенно Печенѣговъ это черноморское славянское поселеніе принуждено было отступить на сѣверъ и сѣверо-западъ, оставивъ въ степяхъ лишь сравнительно слабые остатки, позже, въ XII—XIII вв. извѣстные подъ именемъ «Бродниковъ» или «Берладниковъ» (отъ города Берлади на Дунайѣ).

Къ сѣверу отъ Тиверцевъ и къ западу отъ Древлянъ «Повѣсть» помѣщаетъ племя Дулѣбовъ; по ея словамъ, областью ихъ было главнымъ образомъ порѣчье Зап. Буга. Первоначальное ихъ племенное имя, какъ показываетъ сопоставленіе текстовъ «Повѣсти», позже было вытѣснено болѣе новыми именами Бужанъ и Волынianъ; эти послѣднія происходили отъ имёнъ городовъ, политическихъ центровъ, возникшихъ на старой дулѣбской территории, и являются такимъ образомъ именами политическими, покрывшими старое племенное имя. Къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ ни относительно разселенія пле-

мени, ни относительно сферы віляння этихъ старыхъ политическихъ центровъ, поэтому остается неизвѣстнымъ, какъ далеко простидалось дулѣбское племя на западъ, и это ставить передъ нами открытый вопросъ относительно того, какое племя занимало крайніе предѣлы украинскаго разселенія на западъ.

Нужно замѣтить, что позднѣйшія историческія воспоминанія ведутъ на западъ предѣлы украинскаго разселенія очень далеко, ни меныше, ни больше, какъ до самой Вислы: въ пла-нахъ украинскаго государства, въ переговорахъ о выдѣленіи украинской (этнографической) территории въ отдельное политическое цѣлое, какіе велись во второй половинѣ XVII в., Висла неизмѣнно выступаетъ въ качествѣ западной этнографической украинской границы. Конечно, она не была єю, но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то, что украинская колонизация нѣкогда шла значительно дальше на западъ, если не сплошными массами, то отдельными мысами или островами¹⁾). Украинская колонизация въ теченіе столѣтій свою экстенсивную энергию направляла на

югъ и юго-востокъ, гдѣ предъ нею лежали огромные колонизаціонные просторы, и вполнѣ естественно, что при такой тенденціи на востокъ, она уступала на западѣ напорупольской колонизаціи, особенно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ, неоднороднымъ населеніемъ, какія могли образоваться на пограничьяхъ еще при первоначальномъ разселеніи, VI—VIII вв.

На этомъ крайнемъ западѣ, на карпатскомъ Подгорьї помѣщаются украинское племя Хорватовъ. Но существованіе такого племенного имени среди украинскихъ племенъ является въ сильной степени сомнительнымъ; одинъ разъ лишь упомянуты они въ Начальной лѣтописи среди восточнославянскихъ племенъ, безъ всякихъ указаній на то, что для лѣтописца эти именемъ соединялись какія-либо реальная представлена и включеніе Хорватовъ въ сферу восточнославянского разселенія не было простымъ лишь недоразумѣніемъ. Племенное имя старой украинской колонизаціи герхняго Днѣстра и Карпатскихъ земель остается намъ неизвѣстнымъ—были ли это тѣ же Дулѣбы или другое какое-либо украинское племя.

Культура эпохи созданія государства.

Если періодъ разселенія сопровождался, вѣроятно, нѣкоторымъ понижениемъ культуры, особенно въ авангардахъ переселенцевъ, то столѣтія по разселенію, VIII—X вѣка, были, несомнѣнно, временемъ весьма живого и интенсивнаго культурнаго движенія среди славянскихъ вообще и въ

частности украинскихъ племенъ. Новыя географическая и экономическая условія, новыя соприкосновенія и вілянія, болѣе близкое, непосредственное общеніе съ культурными странами—Византію, землями арабской культуры,—все это должно было вызвать усиленный культурный ростъ, движеніе, среди элементовъ котораго важное мѣсто занимало также зарожденіе новыхъ государственныхъ отношеній,

¹⁾ Нѣсколько такихъ указаній въ IV гл. „Історії України—Руси“, I³, „Кiev. Русь“, I, § 121.

формирующихся въ это время. Сопоставляя факты лингвистики, вводящей насъ въ предшествующія стадіи культурной жизни славянства, съ данными археологическими, почерпнутыми изъ раскопокъ и находокъ, и современнымъ, или нѣсколько позднѣйшимъ (XI в.). историческимъ материаломъ, мы въ суммѣ можемъ довольно обстоятельно обрисовать тотъ культурно-бытовой фонъ, на которомъ развивались общественные и политические отношения періода формирования Кіевскаго государства (IX—X вѣка).

Общій культурный уровень украинскихъ племенъ въ это время стоялъ уже довольно высоко. Земледѣліе находится въ полномъ развитіи и даже въ наиболѣе глухихъ краяхъ, какъ древлянское полѣсье, является главной статьей хозяйства. Серпы нерѣдко встречаются въ языческихъ могилахъ Древлянъ и Сѣверянъ, также и зерна разныхъ родовъ хлѣба. Памятники XI в. даютъ большой ассортиментъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (пшеница, овесъ, рожь, ячменный солодъ, просо, горохъ, макъ, ленъ—для волокна и масла), равно и земледѣльческихъ орудій. Существуетъ собираніе и заготовленіе сѣна, садоводство и огородничество. Скотоводство, рыболовство и охота, хотя значительно развиты, какъ средства пропитанія, отошли на второй планъ сравнительно съ земледѣліемъ. Интересно отмѣтить разведеніе домашней птицы—принадлежность сравнительно очень развитой культуры; въ пищѣ она заняла уже вполнѣ опредѣленное мѣсто. Затѣмъ изъ подспорныхъ промысловъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ имѣло большое значеніе бортное хозяйство. «Медь и мѣха», «мѣха, воскъ, медъ» —

неизмѣнно выступаютъ передъ нами, какъ главные предметы вывоза; ими даются дань, торгуютъ съ сосѣдями, посылаются въ подарокъ.

Изъ ремеселъ и вообще разныхъ формъ обработки сырья видимъ въ большомъ развитіи и употребленіи издѣлія изъ кожи, шерсти и волокна—скорнячество, прядильный и ткацкій промыселъ, обработку дерева, глины и металла — плотничество, гончарство, кузнечество. Въ глухихъ древлянскихъ лѣсахъ раскопки языческихъ могильниковъ и городищъ обнаруживаются не только обработку желѣза, но заставляютъ предполагать его добываніе, изъ мѣстной болотной руды. Болѣе тонкія издѣлія изъ желѣза, мѣди и бронзы, серебра и золота (изъ послѣдняго рѣже, такъ какъ для этого періода наиболѣе типичнымъ металломъ является серебро) особенно часто встречаются въ могильникахъ и кладахъ Полянской и Сѣверской земли. Въ преобладающемъ большинствѣ они, несомнѣнно, являются издѣліями мѣстныхъ мастеровъ и даютъ довольно высокое понятіе объ этомъ мастерствѣ, развивавшемся подъ вліяніями восточныхъ и византійскихъ образцовъ и нехудо умѣвшемъ ихъ использовать.

Пища этой эпохи также достигла уже довольно значительной культурности. Предметами народного стола служили: хлѣбъ, каша, вареные овощи, мясо (вѣроятно, въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ теперь). Изготовленіе хлѣба приближалось къ нынѣшнему. Изъ напитковъ особенно распространено было медъ у низшихъ и высшихъ классовъ: даже нищимъ въ числѣ разныхъ припасовъ Владимира въ лѣтописномъ разсказѣ отпус-

каетъ медъ. Въ широкомъ употреблениі было также пиво и квасъ; вино было предметомъ роскоши. Столъ высшихъ классовъ характеризуетъ такса для содержанія княжьихъ «вирниковъ» (сборщиковъ пошлинъ) XI вѣка: «вирникъ» получаетъ для себя и для своихъ слугъ ежедневно хлѣбъ, пшено и горохъ для каши, сыръ, пару курей, «головажень» соли; теленка и ведро солоду для пива разъ въ недѣлю; въ постные дни вмѣсто мяса рыбу.

Одежда отличалась еще большою простотою и безыскусственностью. Она состояла изъ сорочки, штановъ, свиты, у богатыхъ поверхъ ея—плащъ, на ногахъ родъ чулокъ и кожанные сапоги или поршни, на головѣ кожаная или вязаная шапка. Предметомъ щегольства служили шелковыя материи, византійской и восточной работы; болѣе богатые щеголи въ одеждахъ, сшитыхъ изъ дорогихъ родовъ парчи; въ болѣе скромномъ обиходѣ встрѣчаемъ обшивки воротниковъ, прошвы, пояса изъ этихъ матерій. Съ сближеніемъ съ Византіей (со второй пол. X в.) византійскіе церемоніальные уборы, мундиры византійскихъ чиновниковъ служатъ предмет-

томъ подражанія для украинскаго княжья и боярства. Въ большомъ ходу, какъ во и всей средневѣковой Европѣ, были дорогие мѣха и богатые золотые уборы (цѣпи, медальоны, у женщинъ діадемы, серьги и височныя привѣски). У небогатыхъ классовъ въ широкомъ употреблениі были подобные же украшенія изъ серебра (часто очень низкопробнаго), а также стеклянныя украшенія — кольца, бусы и т. под.

Въ устройствѣ дома новѣйшіе изслѣдователи отмѣчаютъ большое вліяніе нѣмецкихъ типовъ (stuba—истьба), но въ этой сферѣ многое еще недостаточно разъяснено. Наряду съ жилищемъ низкимъ, одноэтажнымъ, встрѣчаемъ типъ высокій, двухэтажный, съ жилыми помѣщеніями во второмъ этажѣ. Хозяйственные постройки довольно разнообразны: коморы, погреба, амбары, бани, хлѣви и даже голубятни. Все это строилось изъ дерева; каменная постройка была большою рѣдкостью, изъ камня строились лишь церкви, очень рѣдко княжы терема, и вся терминологія каменной постройки позднѣйшаго, заимствованного происхожденія (изъ греческаго и нѣмецкаго) ¹⁾.

Психофизическая черты. Религіозная воззрѣнія.

Физический типъ славянъ вообще и въ частности — украинскихъ племенъ современные извѣстія описываютъ сходными чертами, какъ людей рослыхъ, свѣтловолосыхъ, румяныхъ; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно сомнѣніе, не относятся ли эти описанія къ варяжскимъ выходцамъ, игравшимъ такую видную роль здѣсь въ X—XI вв., то и въ такомъ

случаѣ нужно признать, что въ главныхъ чертахъ характеристики ихъ совпадали съ характеристиками коренного украинского населения. Въ характерѣ его, какъ и славянского населения, вообще современные наблюдатели съ одной стороны отмѣчаютъ привѣт-

¹⁾ Подробно о материальной культурѣ — „Історія України“, І³, гл. 5, „Кiev. Русь“, I, § 141 сл.

ливость и добродушіе, съ другой— воинственность и свободолюбіе, отсутствіе солидарности и общественной дисциплины. Ясно выступаютъ черты веселаго, любящаго развлечениія, поэтически настроеннаго характера; пѣсня и музыка являются неразлучными спутниками всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ минутъ. «Игрища», пѣсни, танцы являются аттрибутомъ народныхъ праздниковъ, свадебныхъ церемоній и похоронныхъ обрядовъ. Такою же необходимою принадлежностью праздничного настроенія было бражничанье. Всякаго рода языческія церемоніи сопровождались попойками— свадьба, похороны, поминки и т. д., и это ритуальное бражничанье перенесено было на христіанскія церемоніи, стало неизмѣнною принадлежностью церковныхъ празднествъ, и защищалось ходячимъ аргументомъ, что «въ пьянствѣ нѣть ничего зловреднаго». Въ самомъ обозначеніи для пьяного— «веселъ» сквозитъ то же снисходительное отношеніе общества къ этому пороку¹⁾.

Религіозное міросозерцаніе до-христіанской эпохи не отличалось определенными, выработанными формами. Въ основаніи его лежалъ культъ природы, но образы его блѣдны и расплывчаты; религіозное творчество очевидно не лежало въ украинскомъ, какъ и вообще славянскомъ характерѣ, и міеологія слаба не только въ традиції, но была очевидно такою же и въ жизни. Развитіе міеологическихъ идей шло, очевидно, отъ «единаго» бога неба и свѣта, засвидѣтельствованаго намъ разсказомъ Прокопія, къ отдѣль-

нымъ, специализированнымъ божествамъ, представителямъ наиболѣе выдающихся метеорическихъ феноменовъ. Рассказы лѣтописи о кіевскихъ идолахъ и ибнъ-Фадлана о человѣкообразныхъ идолахъ русскихъ купцовъ указываютъ на начатки антропоморфизма, но они не свободны отъ подозрѣнія относительно присутствія здѣсь скандинавскихъ чертъ. Индивидуальность отдѣльныхъ божествъ проступаетъ слабо; отсутствіе богинь и какихъ-либо указаний на генеалогію божествъ представляеть въ этомъ отношеніи очень интересный признакъ слабо развитого антропоморфизма.

Наряду съ высшими «богами» природа въ глазахъ тогдашняго человѣка была населена безконечнымъ множествомъ второстепенныхъ, сверхъестественныхъ по теперешнимъ понятіямъ, таинственныхъ существъ, внушавшихъ страхъ и почтеніе, быть можетъ означавшихся общимъ именемъ «бѣсовъ», позже, подъ вліяніемъ христіанства принявшихъ значение злыхъ духовъ, враговъ человѣка. Это были духи домовые, водяные, лѣсные и въ этой категоріи, вѣроятно, уже тогда, какъ и позже смышивались образы внѣшней природы, натуралистические, съ образами отшедшихъ предковъ и вообще умершихъ, также внушавшихъ страхъ предъ ихъ капризами и таинственными силами.

Расположеніе тѣхъ и другихъ, высшихъ и низшихъ категорій божествъ снискивалось молитвами и жертвоприношеніями. Арабскій источникъ IV в., сохранившійся въ позднѣйшихъ пересказахъ, передалъ намъ интересную молитву во время жатвы, простую и безыскусственную (во время жатвы

1) Матеріаль собрани въ „Історії України“ I³ гл. 6, „Кіевская Русь“, I § 187 сл.

поднимаютъ къ небу ковшъ съ просьмъ и молятся: «Боже, давшій намъ пишу, подай намъ ее и теперь въ изобилії»). Культъ вообще не достигъ сколько-нибудь развитыхъ формъ. Нѣтъ слѣдовъ существованія храмовъ, и самыя упоминанія о человѣкообразныхъ идолахъ, какъ я уже упомянулъ, не свободны отъ подозрѣнія о постороннихъ наносныхъ вліяніяхъ. Не было и специальныхъ жрецовъ; общественныя жертвы приносятъ представители общины, жертву за себя и свою семью приноситъ глава послѣдней. Специалистами по всякаго рода религіознымъ и такъ сказать сверхъестественнымъ вопросамъ считались «волхвы», «вѣдуши», предки позднѣйшихъ знатарей и вѣдьмъ (отъ того же корня «вѣдать»); они вліяютъ разными путями, магическими средствами на таинственныя силы природы, но и сами не свободны отъ ихъ власти. Рокъ, судьба или воля бога тяготѣеть надъ всѣми—живая вѣра въ нее засвидѣтельствована еще Прокопіемъ и затѣмъ очень рельефно выступаетъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ XI—XII в. Это «судъ божій», таинственное решеніе таинственныхъ силъ (отсюда и самое слово «судьба»).

Жизнь человѣка въ тогдашнихъ представленіяхъ двойственна: душа живетъ своею самостоятельною, незави-

симо отъ тѣла жизнью, не прекращающею со смертью тѣла. Эти вѣрованія отразились на похоронномъ обрядѣ, культѣ предковъ, представленияхъ о духахъ покойниковъ и ихъ загробной жизни. Въ погребальныхъ обрядахъ выступаютъ обѣ формы—сожженіе и погребеніе; первое преобладаетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, особенно на территории Сѣверянъ; въ землѣ Полянъ и Древлянъ покойниковъ чаще погребали съ разными предметами хозяйства (рѣже — вооруженія). Въ насыпи могиль встрѣчаются слѣды тризны, справлявшейся черезъ нѣкоторое время и сопровождавшейся, очевидно, насыпаніемъ могилы; упомянутый уже арабскій источникъ IX в. описываетъ эти поминки и говорить, что онѣ устраивались черезъ годъ послѣ погребенія покойника. Кормленіе покойниковъ при поминкахъ и праздникахъ и вообще при тризнѣ стояло въ связи съ вѣрованіемъ, что мертвѣцы, «навѣ» являются среди живыхъ и требуютъ отъ нихъ знаковъ вниманія. Свѣдѣнія наши о культѣ предковъ въ старой традиціи вообще очень бѣдны и не идутъ далѣе очень скучныхъ и общихъ намековъ, но въ фольклорѣ сѣверныхъ, полѣсскихъ мѣстностей сохранились до недавняго времени живыя черты этого культа, ритуальные трапезы предковъ и т. под.¹⁾.

Семья.

Формы семейнаго союза представляются уже весьма выработанными въ эту эпоху. Патріархальная семья, сложившаяся въ индоевропейскую эпоху, получаетъ дальнѣйшее развитіе, характеризуемое главнымъ образомъ смягче-

ніемъ рѣзко превалирующей роли мужа и возвышеніемъ личности жены²⁾). Жена несомнѣнно уже не разры-

1) О культѣ подробнѣе — см. „Історію Укр.—Руси“, (тамъ же литература).

2) См. I гл. „Історії—України“, I³ гл.

ваетъ отношений къ своему роду, вступая въ родъ мужа. Старыя формы умычки или покупки жены перешли въ чисто-церемониальныя, ритуальныя формы, какъ сохранились онѣ, иногда довольно живо, въ свадебномъ украинскомъ обрядѣ почти до нашего времени. Киевскій книжникъ—редакторъ «Повѣсти», оставилъ намъ описание обычавъ своего времени, въ своемъ стремлениі представить своихъ земляковъ-Полянъ высококультурнымъ народомъ сравнительно съ другими племенами, сгустилъ краски въ своемъ описаніи брачныхъ обычавъ этихъ послѣднихъ и далъ поводъ многимъ изслѣдователямъ говорить о существованіи стадного брака и умычки, какъ реальныхъ явлений въ эпоху «Повѣсти». Но тутъ есть несомнѣнная ошибка въ перспективѣ, и въ дѣйствительности умычка или покупка въ свадебныхъ обрядахъ XI в. имѣла реального значенія немногимъ больше, чѣмъ въ XIX, а стадныя и другія первобытныя формы брака, если и существовали у индоевропейскихъ племенъ, то остались далеко не только за предѣлами историческаго изслѣдованія, но и индоевропейскихъ древностей.

Исchezъ въ XI вѣкѣ и старый—но гораздо болѣе исторический обычай сожиганія или самоубийства жены на могилѣ мужа. Еще изъ IX—X в. имѣемъ мы извѣстія о существованіи этого обычая. Онъ много повліялъ на утвержденіе репутаціи необыкновенной вѣрности славянскихъ женъ, но репутація эта была, очевидно, заслуженной; наша традиція не знаетъ исторій о женской невѣрности, и она составляла, вѣроятно, весьма рѣдкое явленіе. Наоборотъ, мужчинѣ предоставлялась широкая свобода половыхъ отношений,

и многоженство, внѣбрачное сожигательство и разныя формы конкубината составляли самое обычное явленіе, особенно въ высшихъ классахъ, и остались ими долго и послѣ введенія христианства, какъ и большая свобода въ расторженіи брака, рѣшительно расходившаяся съ принципами канонического права и очень долго не поддававшаяся ему.

Вообще въ эпоху образованія государства (да и прежде того, вѣроятно), первоначальная патріархальная воззрѣнія на жену, какъ на собственность и вещь мужа, потеряли уже силу и сохранились лишь въ переживаніяхъ. Киевское право признавало жену равносѣнно мужу и ограждало ее одинаково съ нимъ. Видимъ и начатки ея экономической самостоятельности. Но въ общемъ экономическая права членовъ семьи не нормируются правомъ, пока она пребываетъ въ цѣлости и живѣ ея естественный глава, мужъ-отецъ. Семейное имущество считается общимъ достояніемъ членовъ семьи, этимъ объясняется ограниченіе отца въ распоряженіи имъ; но въ отношенія членовъ семьи при жизни отца право не вмѣшивается, признавая власть и авторитетъ мужа-отца относительно жены и дѣтей. Со смертью его на первый планъ выступаетъ мать, какъ глава семьи; разложеніе родового быта поставило ее непосредственно послѣ мужа-отца; сироты получаютъ также только въ такомъ случаѣ, если мать выходитъ изъ семьи, заключая новый бракъ, и образъ матери-вдовы, разумной, властной, преисполненной сознанія лѣжащихъ на ней обязанностей, сильными чертами рисуется въ старой письменности XI в.

Родъ и община.

Родовой строй, пережитый нѣкогда и украинскими, какъ и другими славянскими племенами и оставилъ, напр., живыя воспоминанія о себѣ, наряду съ другими переживаніями, даже въ современномъ свадебномъ ритуалѣ, въ эпоху созданія государства живо даетъ себя чувствовать въ различныхъ переживаніяхъ и остаткахъ. На каждомъ шагу мы еще чувствуемъ близость этихъ родовыхъ отношеній; возможно, что еще въ эпоху разселенія онъ былъ живымъ и дѣйственнымъ элементомъ, но въ эпоху образования государства онъ уже разложился. Терминъ «родъ», широко употребляемый древнѣйшими памятниками нашими, обозначаетъ не родъ въ собственномъ смыслѣ, а семью, и семья, несомнѣнно, была первоосновою общественной организаціи этой эпохи. Только это была семья, болѣе широкая и сложная, сравнительно съ нынѣшней, обычно состоящей изъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей. Старая семья приближалась къ нынѣшней большой сербской задругѣ. Въ горныхъ мѣстностяхъ Галиціи и Угорской Руси и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины до недавняго времени еще существовали подобная большія семьи, а въ XVIII в. онъ составляли гораздо болѣе распространенное явленіе. Кромѣ того, намъ известны формы семейно-хозяйственного союза, развившагося изъ той же старой сложной семьи: кровная семейная связь лежитъ въ ихъ основаніи, но не исключаетъ участія чужеродцевъ, и первоначальный

кровный союзъ переходитъ все болѣе въ организацію экономическую, при чемъ первоначальная общность имущества постепенно все болѣе уступаетъ мѣсто владѣнію индивидуальному, раздѣльному. Такими были т. н. «дворища», «себровства»; хуторъ лѣвобережной Украины былъ въ сущности также не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же дворищемъ.

Ни дворище, ни большая семья не въ состояніи разрастаться до размѣровъ цѣлаго села; кровная и экономическая связь можетъ служить связующимъ звеномъ лишь до извѣстнаго предѣла, и изъ первоначального «рода» съ теченіемъ времени выдѣляются новыя, самостоятельная единицы. Группа родовъ-дворищъ, связанныхъ часто не только лишь узами сопѣдства, но и общаго происхожденія, образуютъ сельскую общину. Существованіе первоначальной кровной связи часто оставалось надолго въ памяти ея членовъ и закрѣплялось въ патроннической формѣ села (название съ суффиксомъ *ичи*, *вичи*, *вцы*), весьма распространенная въ мѣстностяхъ старого заселенія); но въ общемъ значеніе кровной связи здѣсь еще несравненно слабѣе, чѣмъ въ границахъ дворища. Это уже никакъ не родъ, а община, въ полномъ значеніи слова, которою правитъ не родовой старѣйшина, а сходка «старцевъ». Такова, очевидно, сельская община «Русской Правды», кievскаго права XI в. — «вервь».

Племя и городъ.

Характерно, что патронимическая имена носятъ также и племена, и даже названія несомнѣнно топическая (напр. Дреговичи), а также имена, ведущія свое начало отъ городовъ, политическихъ центровъ, образуются по образцу родовыхъ названій; очевидно, и племена первоначально считались въ сущности группами людей, связанныхъ общимъ происхожденіемъ, общимъ родомъ; такое же значеніе имѣетъ употребленіе слова «родъ» въ смыслѣ племени, народа—«мы отъ рода Русского», въ договорахъ Х вѣка). Но для IX—X вв. это было лишь неяснымъ отзвукомъ прошлого и, описывая разселеніе украинскихъ племенъ X—XI вв.,

кіевскій лѣтописецъ со всю опредѣленностью, какая была ему доступна, поясняетъ, что племенная группировка опредѣлялась этнографическими отличіями: племена имѣли «свои обычай, законы отецъ своихъ и преданія, свой норовъ». Старая традиція общности происхожденія, кровного родства модифицировались вліяніями колонизационныхъ и географическихъ, территоріальныхъ условій. Территоріальная, а не родовая, отношенія лежать и въ основѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній, движущимъ факторомъ которыхъ служатъ города, системы городовъ.

Города, системы городовъ.

Колонизаціонныя условія, необезпеченность существованія дѣлали издавна необходимую принадлежностью каждого поселка или группы ихъ существованіе укрѣпленнаго убѣжища. Эти убѣжища въ видѣ обнесенныхъ валами и рвами городищъ появляются на нашей территоії уже въ неолитическую эпоху, но особенное развитіе получаютъ въ эпоху славянскаго разселенія и послѣдующую за ней. Устройство и содержаніе такого общаго укрѣпленія создаетъ извѣстную прочную связь между родами или общинами, связь чисто территоріальную, и постепенно на этой почвѣ нарастаютъ новые связующіе интересы: общей защиты отъ врага, охраны общественного спокойствія, преслѣдованіе ея нарушителей. Но наряду съ

мелкими, лишенными всякаго значенія городками мелкихъ поселковъ-родовъ (въ кіевской традиціі о началѣ города три рода трехъ легендарныхъ братьевъ строятъ каждый свой городокъ на смежныхъ холмахъ) возникаютъ и болѣе значительные городскія укрѣпленія, нуждавшіяся въ постоянной поддержкѣ и охранѣ, и при нихъ постоянныя поселенія, городскіе центры, объединяющіе болѣе значительные группы поселковъ и общинъ, а среди нихъ, благодаря специальному географическимъ условіямъ, удобствамъ сообщенія или защиты, или же политическимъ отношеніямъ, выдѣгиваются крупные центры, становящіеся «городомъ» по преимуществу для сосѣднихъ, становящихся къ нему въ подчиненное отношеніе «пригородовъ» и подчиняющимися его

гегемонію, по принципу «что же старѣйшии (граждане города) сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть». Появленіе такого общепризнанного центра обнаруживало себя между прочимъ тѣмъ, что населеніе територіи, тянувшей къ «городу» и признававшей надъ собой его гегемонію, принимало зачастую и его имя, вытѣсняющее затѣмъ старое племенное название. Такъ появляются Черниговцы, Переяславцы и Новгородцы на территоріи Сѣверянъ, Бужане, Червляне, Волынiane на территоріи Дулѣбовъ, Лучане въ южной Волыни, Туровцы и Поляне на территоріи Дреговичей и т. под.

Не у всѣхъ племенъ эти городскіе центры развивались одинаково, и въ зависимости отъ этого и дальнѣйшая политическая и культурная эволюція ихъ отличаются различною интенсивностью. Между тѣмъ какъ у Полянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ видимъ городскую жизнь очень развитою, и городскія организаціи уже въ самое раннее время занимаютъ мѣсто старыхъ племенныхъ связей, у другихъ, какъ Древляне, Вятичи, Радимичи, крупные городскіе центры не развились. Эти земли долѣ оставатся въ первоначальномъ аморфномъ племенномъ строѣ, и самыя племенные имена задерживаются дольше.

Такимъ образомъ въ развитіи поли-

тическихъ и общественныхъ отношеній первоначальная племенная группировка комбинировалась съ территориальными отношеніями, создаваемыми новою, городскою жизнью. Въ основаніи позднѣйшихъ политическихъ отношеній лежало племенное дѣленіе; но новая комбинація на этой первоначальной основе создавалъ принципъ территориальный, представленный городомъ. Изъ старыхъ географическо-этнографическихъ территорій формируются новые территоріи, «волости», связанные съ известными городскими центрами. Территоріи племенъ со слабо развитою жизнью, не создавшія собственныхъ значительныхъ городскихъ центровъ, притягиваютсясосѣдними центрами, созданными другими племенами: Радимичи и Вятичи входятъ въ кругъ гегемоніи Чернигова, Древляне и Дреговичи въ сферу владѣнія Кієва. Наоборотъ, развитіе на племенной территоріи нѣсколькихъ сильныхъ городскихъ центровъ ведетъ къ расчененію племенной территоріи на нѣсколько политическихъ округовъ, княжествъ-земель. Такъ, Сѣверщина дѣлится на княжества-земли Черниговское и Переяславское. Въ землѣ Дулѣбовъ появляются княжества Владимирское и Луцкое, Червенскіе города, и т. под. ¹⁾).

Торговые центры и узлы.

Эти системы городовъ и формированіе въ связи съ ними политическихъ отношеній стояло и развивалось въ весьма значительной степени подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній, торговыхъ дорогъ и узловъ, въ которыхъ сосредоточивались эти торговыя отно-

шенія, и накопленія культурныхъ и экономическихъ средствъ въ главнѣйшихъ узлахъ и центрахъ торговыхъ сношеній.

Мы видѣли уже главнѣйшая направ-

¹⁾ Подробнѣе: „Історія України“, І³ гл. 6, „Кіевская Русь“, I § 213 сл.

вленія торговыхъ сношеній и связанныхъ съ ними культурныхъ вліяній, какъ они сложились въ эпоху, предшествующую славянскому разселенію. Українскія племена, занявъ новую территорію, овладѣваютъ и старыми, извѣчными путями ея. Но въ связи съ новымъ натискомъ кочевыхъ племенъ въ IX—X вв. въ степной полосѣ, главные узлы торговыхъ сношеній и вмѣстѣ—культурные и политические, отодвигаются на край предстепной полосы, на пограничье «лѣсной стороны». Такъ слагается та система торговыхъ путей и ихъ узловыхъ центровъ, а съ нею—городскихъ, культурныхъ и политическихъ отношеній, какая развертывается передъ нами въ данныхъ X—XI вѣковъ, историческихъ и археологическихъ.

Первенствующею торговою артеріею въ это время выступаетъ Днѣпровская магистраль, «путь изъ Варягъ въ Грекы», какъ именуетъ ее кіевскій лѣтописецъ. Извѣстный византійскій трактатъ «Объ управлениіи государствомъ», надписываемый именемъ Константина Порфироднаго, весьма живо и обстоятельно описываетъ торговое движение, какъ оно происходило на этомъ пути въ половинѣ X в. Жители лѣсныхъ приднѣпровскихъ областей приготовляютъ за зиму лодки и весною, по первой водѣ, спускаютъ ихъ въ Кіевъ (и другіе города очевидно) для продажи купцамъ. Послѣдніе изъ разныхъ городовъ—Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова со своими товарами съѣзжаются въ Кіевъ. Здѣсь, пока снаряжались суда и стягивались съ разныхъ мѣсть транспорты товаровъ, можно представить себѣ огромную весеннюю ярмарку, на которой сводились счета, дѣлались запасы

и т. п. Въ іюнѣ караваны движутся изъ Кіева по Днѣпру внизъ; послѣдній сборный пунктъ подъ Витичевымъ. Отсюда однимъ большимъ вооруженнымъ караваномъ движутся далѣе, отбиваясь отъ Печенѣговъ, устраивавшихъ засады въ разныхъ мѣстахъ и старавшихся улучить моментъ, чтобы разграбить купцовъ. Выйдя въ Черное море, плыли вдоль берега на западъ, въ Константинополь, въ X в. служившій главнымъ рынкомъ этого «греческаго пути».

Нѣкогда эту роль играла Ольвія; послѣ ея упадка торговья сношенія съ Поднѣпровьемъ перешли къ крымскимъ городамъ, главнымъ образомъ къ Херсонесу, Корсуню нашихъ лѣтописей, оставившему по себѣ замѣтную «корсунскую» традицію въ нашемъ быту, болѣе архаическую по сравненію съ позднѣйшею «цареградскою». Затѣмъ украинскія племена, минуя этихъ посредниковъ, вошли въ непосредственные сношенія съ Константино-полемъ—Цареградомъ; набѣги и походы Руси на Черное море, извѣстные намъ съ начала IX в., имѣли въ этомъ отношеніи несомнѣнное вліяніе, проторивъ дороги купцамъ и доставивъ имъ разныя торговья преимущества. Арабскій географъ первой половины X в., Масуди, говоритъ, что Черное море называлось Русскимъ моремъ; «потому что, кромѣ Руси, никто не плаваетъ на немъ»; эта преувеличенная характеристика даетъ понять, насколько въ X в. Русь считалась хозяевами Чернаго моря. Договоры Руси съ Греками первой половины того же столѣтія свидѣтельствуютъ о большой оживленности сношеній съ Константинополемъ, о большихъ и многолюдныхъ караванахъ кіевскихъ купцовъ,

прибывавшихъ туда и имѣвшихъ тенденціи основаться въ Константинополь прочно, какъ постоянное поселеніе, чemu противилось всѣми мѣрами византійское правительство, окружавшее вообще этихъ кievскихъ купцовъ усиленнымъ надзоромъ изъ опасенія, чтобы подъ ихъ именемъ не проникали разные военные авантюристы.

Сѣверная часть этой днѣпровской магистрали въ глазахъ кievского книжника XI в. была путемъ «къ Варягамъ», въ скандинавскія и сѣверно-нѣмецкія земли. Пути развѣтвлялись здѣсь: одинъ вель съ верхняго Днѣпра чрезъ озера Ильмень и Ладожское въ Неву и Балтійское море, другой выводилъ въ то же море Зап. Двиною. Кievский лѣтописецъ имѣеть въ виду главнымъ образомъ первую, потому что на немъ лежалъ главный узелъ сѣверной русской торговли, Новгородъ. Обѣ дороги служили весьма важными артеріями торговли съ нѣмецкимъ западомъ.

Другой путь на западъ вель чрезъ Галицію и Чехію въ южную Германію. Уже арабскій географъ IX в. ибнъ-Хордалбегъ упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, «говорящихъ по-арабски, по-персидски, по-римски, по-французски, по-испански и по-славянски», путешествующихъ съ запада

на востокъ и обратно, моремъ и материкомъ, и служащихъ посредниками въ торговлѣ. Позже, въ источникахъ X в., мы находимъ извѣстія и о русскихъ купцахъ, пріѣзжающихъ со своими товарами въ города центральной Европы.

Въ торговлѣ съ востокомъ важными рынками служили: хазарскій Итиль на нижней Волгѣ (на мѣстѣ Астрахани) и болѣе, вѣроятно, поздній Болгаръ на средней Волгѣ, около нынѣшней Казани. Болгаръ служилъ торжищемъ для сѣверныхъ товаровъ, въ особенности мѣховъ; Итиль былъ рынкомъ земель южныхъ и ключемъ къ сношеніямъ съ каспійскимъ побережьемъ, Туркестаномъ и Халифатомъ. Но уже въ IX в. кievскіе купцы не удовольствовались сношеніями чрезъ посредниковъ и сами єздили по Каспійскому морю въ южные порты и возили свои товары караванами въ самый Багдадъ. Какъ въ Византію, такъ и на восточные рынки они вывозили главнымъ образомъ свое сырье — мѣха, кожи, воскъ, медъ, также невольниковъ; оттуда ввозили шелковая и другія матеріи, металлическія, въ особенности ювелирныя издѣлія, пряности, южные фрукты, и служили посредниками въ торговлѣ этими предметами для западной и сѣверной Европы¹).

Кievъ, какъ торговый и политический центръ.

Указанная система торговыхъ путей, служившая, конечно, не только для нуждъ заграничной, но также точно и для внутренней торговли, имѣла огромное значение для развитія наиболѣе важныхъ городскихъ центровъ, для накопленія въ наиболѣе значительныхъ узлахъ этихъ путей культур-

ныхъ и материальныхъ средствъ, оказывавшихъ затѣмъ могущественное вліяніе и на развитіе политическихъ отношеній, и въ свою очередь — поддававшихъ также и вліянію этого по-

¹) Подробный обзоръ торговыхъ отношеній — „Історія України“, I³ гл. 5, „Кievская Русь“, I, § 169 сл.

слѣдняго. Картину этихъ путей и расположенныхъ на нихъ узловъ, торговыхъ, культурныхъ и политическихъ центровъ мы имѣемъ уже изъ эпохи далеко подвинувшагося государственного процесса и должны считаться и съ воздействиими послѣдняго. Предъ нами не первоначальная схема, предшествовавшая этимъ воздействиимъ государственныхъ отношений, а прошедшая черезъ нихъ и несомнѣнно—въ значительной степени видоизмѣненная ими. Въ это время, въ IX—X вв., центральнымъ узломъ торговыхъ и политическихъ сношеній является Киевъ. Стоя на главной магистрали, на Днѣпрѣ, ниже устьевъ его главныхъ притоковъ Припети и Десны, онъ является сборнымъ пунктомъ и складочнымъ мѣстомъ для всей системы Днѣпра, а эта послѣдняя въ эту эпоху является центральною артеріею для всей восточной Европы и собираетъ продукты и товары съ сосѣднихъ бассейновъ: система Припети сближаетъ ее съ порѣчьями Зап. Буга и Вислы, верхній Днѣпръ—съ порѣчьями Зап. Двины, Волги и озернымъ бассейномъ, Десна — съ системою Оки, Сеймъ — съ системою Дона, а нижній Донъ, отдаленный лишь небольшимъ волокомъ отъ нижней Волги, служилъ путемъ въ нижнее Поволжье, къ берегамъ Каспійскаго моря. Небольшіе водораздѣлы не представляли значительныхъ затрудненій при тогдашихъ способахъ передвиженія: легкія суда переволакивались по землѣ, а поклажа переносилась на плечахъ работъ, обыкновенно, принимавшихъ въ этихъ караванахъ участіе въ двойной роли: выочныхъ животныхъ и предметовъ торговли, предназначенныхъ на продажу на какомъ-нибудь чужеземномъ рынкѣ. Су-

хопутныя дороги изъ Киева вели на сѣверо-западъ чѣрезъ волынскіе города «въ Ляхы»; на юго-западъ чрезъ галицкіе города въ Венгрию и Чехию; на сѣверо-востокъ, чрезъ Курскъ въ области верхняго Дона и средней Волги; на юго-востокъ чрезъ Переяславль въ область средняго Дона и нижней Волги; а три южные пути, упоминаемые въ Киевской лѣтописи XII в., «Греческій, Солоный и Залозный», вели, конечно, и въ предшествовавшей столѣтія въ разные пункты черноморского и азовскаго побережья.

Эти благопріятныя географическія условія и созданныя ими торговыя спошненія, вѣроятно, уже съ очень раннихъ временъ дали Киеву выдающуюся роль и значеніе. Издавна могли скопляться здѣсь культурная и экономическая средства и формироваться могуществоное сословіе купцовъ-конкви-стадоровъ. Въ тогдашихъ условіяхъ торговыхъ сношеній, купецъ долженъ былъ думать не только о расширѣніи торговыхъ сношеній, но и объ охранѣ ихъ собственными средствами. Онъ былъ столько же купцомъ, сколько и воиномъ. Торговля требовала вооруженной охраны, купеческие караваны шли подъ охраной вооруженныхъ отрядовъ, превращаясь нерѣдко въ настоящія военные экспедиціи, и въ каждую минуту караванъ такихъ купцовъ-воиновъ, смотря по обстоятельствамъ, одинаково готовъ былъ открыть торгъ или завязать битву, вступить въ выгодную торговую сдѣлку или сдѣлать нападеніе, чтобы получить контрибуцію, добыть плѣнниковъ, пріобрѣсти новые запасы товаровъ въ видѣ добычи. Этимъ поясняется важное значеніе тогдашихъ торговыхъ центровъ въ политической жизни,

близкія связи торговыхъ круговъ съ правящими военными сферами, такъ что эти, повидимому, такъ удаленные взаимно сферы нерѣдко въ значительной мѣрѣ покрывались. И это объясняетъ намъ также и то обстоятельство, что Киевъ, самый значительный торговый пунктъ восточно-европейской

равнинѣ, совершенно естественно дѣлается и центромъ ея политической жизни, очагомъ ея государственного процесса и первымъ источникомъ политического и культурного объединенія украинскихъ и вообще восточно-европейскихъ земель.

Древнѣйшій политический строй.

Предшествующія стадіи политической жизни украинскихъ племенъ представляются намъ весьма неясно. Исходя изъ лингвистическихъ или обще - соціологическихъ соображеній ставились въ послѣднее время теоріи древнѣйшаго завоеванія славянскихъ племенъ предъ разселеніемъ, съ одной стороны,—черноморскими кочевниками иранскаго или тюркскаго племени, съ другой—германскими племенами, на ихъ сѣверо-германской прародинѣ или въ періодъ движенія на югъ¹⁾). Мы не имѣемъ однако никакихъ указаній на то, чтобы власть степныхъ династовъ простидалась на сѣверное пограничье предстепья и лѣсной полосы, гдѣ мы можемъ предполагать пограничныя поселенія славянъ въ эпоху предъ разселеніемъ, и само по себѣ такое предположеніе представляется крайне маловѣроятнымъ; не только политическія, но и культурная воздействиа степного иранскаго населенія не проникаютъ на территорію славянской прародины. Что касается германскихъ завоеваній, то географическое положеніе славянской прародины въ непосредственномъ соѣдствѣ германского разселенія само

по себѣ дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ всякия гипотезы о германскомъ господствѣ надъ большими или меньшими частями славянской территоії, и существование множества германскихъ заимствованій въ славянскихъ языкахъ изъ эпохи предшествующей славянскому разселенію, многихъ увлекало на путь такихъ гипотезъ. Но положительныхъ свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ мы тоже не имѣемъ, и германскія слова въ общеславянскомъ запасѣ, даже такіе политическіе термины, какъ князь стар. верхненѣм. *chuning*, и другіе подобные, не могутъ служить вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ германского завоеванія, такъ какъ такія заимствованія происходятъ нерѣдко и помимо завоеванія. Готская традиція обѣ Остготскомъ государствѣ, обнимавшемъ огромныя пространства восточной Европы и въ томъ числѣ славянскія племена, вполнѣ недостовѣрна. И въ концѣ концовъ всякия предпосылки о вліяніи какихъ-либо иноземныхъ завоеваній въ эпоху предшествующую славянскому разселенію на эволюцію славянскаго общественнаго строя или политическихъ отношеній, остаются гипотезами, которые не могутъ послужить сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ для какихъ-либо соображеній относительно развитія по-

¹⁾ См. статью мою о новѣйшей гипотезѣ Пейскера и вызванной ею литературѣ въ „Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка“, томъ 103.

литической жизни славянскихъ племенъ.

Древнѣйшее извѣстіе въ этой области, какое находится въ нашемъ распоряженіи, относится къ войнѣ Антовъ съ Остготами непосредственно послѣ гуннского погрома. Нѣть причинъ подозрѣвать его достовѣрность въ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ оно передано. Передъ нами выступаетъ антскій вождь Божъ (или Бозъ), имѣющій въ своемъ распоряженіи значительныя силы, такъ что въ первомъ столкновеніи ему удалось разбить Остготовъ. Его окружаетъ десятки старѣйшинъ (primates) — по хвастливому разсказу остготской традиції, остготскій король, побѣдивъ Божа, въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ нимъ предаетъ смерти 70 его старѣйшинъ. Очевидно, передъ нами вождь цѣлаго антскаго племени, или даже, можетъ быть, нѣсколькихъ антскихъ племенъ, соединившихся для борьбы съ Готами,—окруженный старѣйшинами отдельныхъ колѣнъ или родовъ. Это періодъ бурнаго натиска славянскаго разселенія, и такая картина политической консолидациіи, въ виду острой необходимости борьбы съ общимъ врагомъ, вполнѣ вѣроятна.

Наоборотъ, изъ позднѣйшей эпохи разселенія (VI в.) у Прокопія и Маврикія, имѣемъ чрезвычайно цѣнныя извѣстія о политическихъ отношеніяхъ Славянъ и Антовъ, т. е. южныхъ племенъ украинской группы, рисующія аморфный политический бытъ, племенную раздробленность, рядъ родовитыхъ старѣйшинъ съ различными степенями вліянія среди антскихъ племенъ, и наряду съ ними всенародное вѣче племени, являющееся высшимъ органомъ правленія въ нормальныхъ

условіяхъ, пока экстраординарныя обстоятельства не создадутъ диктатуры, хотя бы преходящей, одного изъ вождей. «Славяне и Анты», говоритъ Прокопій, «не управляются однимъ лицомъ, но издревле живутъ въ народовластіи, и поэтому у нихъ всяко го рода дѣла, благопріятныя или неблагопріятныя, рѣшаются съ общаго собѣта». «Они живутъ въ анархіи и взаимной враждѣ», говоритъ младшій его современникъ, т. н. Маврикій; «у нихъ много начальниковъ (рѣгулъ), враждующихъ между собою, поэтому слѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекать на свою сторону увѣщаніями или подарками, особенно ближайшихъ къ нашимъ границамъ, и затѣмъ нападать на другихъ, чтобы общая война не объединила ихъ и не привела къ единовластію». Въ разсказѣ о борьбѣ Антовъ съ Аварами въ пол. VI в. мы встрѣчаемся съ однимъ изъ такихъ вождей, кандидатовъ на «единовластца»; это родовитый человѣкъ, по имени Мезамиръ, представитель династіи, значеніе которой не ограничивалось ея родомъ, а простидалось на цѣлое племя или даже и за предѣлы племени. Враждебно настроенный Антамъ совѣтникъ аварскаго кагала уговариваетъ аваръ убить Мезамира, такъ какъ онъ имѣетъ большое вліяніе среди Антовъ и способенъ организовать отпоръ всякому врагу (эпизодъ въ отрывкахъ Менандра). О созданіи сколько-нибудь прочной политической организаціи трудно было мечтать въ подобныхъ условіяхъ, и поэтому гипотезы, предполагающія существование обширной государственной организаціи, объединившей всѣхъ Антовъ, — южная, украинская племена — построены на пескѣ.

ОТДѢЛЪ III.

Эпоха самостоятельной государственной жизни.

Общины и князья IX—X вв.

Три столѣтія проходятъ послѣ извѣстій Маврикія, пока источники позволяютъ намъ заглянуть снова въ политическія отношенія украинскихъ племенъ. За это время колонизація отвердѣла, да и извѣстія наши идутъ не изъ той подвижной, полукочевой периферіи, гдѣ выступаютъ Акты Прокопія и Маврикія,—а болѣе массивной и прочной колонизаціи сѣверной половы. Родовой строй за это время окончательно ослабѣлъ и перешелъ въ стадію переживаній. Племенной строй отяжелѣлъ, и надъ нимъ берутъ перевѣсь территоріальныя отношенія, созданныя городскою жизнью. При значительной величинѣ и большомъ протяженіи племенныхъ территорій, распадавшихся нерѣдко на нѣсколько довольно слабо связанныхъ между собою областей, племена эти для политической организаціи были слишкомъ большими и тяжелыми тѣломъ и обыкновенно разбивались на болѣе мелкія части при позднѣйшей политической организаціи. И если разные факты нерѣдко указываютъ на живучесть этихъ первоначальныхъ племенныхъ тѣлъ,

даже въ гораздо болѣе позднее время, и этимъ доказываютъ существованіе въ нихъ извѣстнаго внутренняго сѣппленія, то все-таки, какъ я уже сказалъ, городская жизнь и городская «волость» становится настоящимъ творческимъ элементомъ политическихъ отношеній. Но при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, внесенныхъ развитіемъ городской жизни и преобладаніемъ территоріальныхъ элементовъ надъ родово-племенными, политическія отношенія городскихъ общинъ и ихъ волостей представляютъ много аналогій съ отношеніями антской эпохи.

По представлениямъ кievскаго лѣтописца, передъ возвышеніемъ кievской династіи во всѣхъ племенахъ существовали свои князья: родъ кievскихъ братьевъ «держаль княжение» у Полянъ, «а въ Деревляхъ свое, а Дрыговича свое, а Словене свое, а въ Новѣгородѣ, а другия на Полотѣ». И мы знаемъ, действительно, по именамъ князей, не принадлежавшихъ къ кievской династіи и являвшихъся представителями старого до-киевского строя. Таковъ былъ древлянскій князь Малъ, въ по-

ловинѣ X в. воевавшій съ киевскими князьями, а можетъ быть и вятичскій Ходота, на котораго ходилъ походомъ Мономахъ въ концѣ XI в. («на Ходоту и на сына его»). Князья были, несомнѣнно, мелкіе, существовали во множествѣ; древлянскимъ посламъ передъ киевскою княгинею лѣтописецъ влагаетъ въ уста фразу: «наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю»: очевидно, въ Деревской землѣ было одновременно много или по крайней мѣрѣ нѣсколько князей, и дѣйствительно, въ тогдашнихъ условіяхъ почти невозможно себѣ представить крупныхъ княженій, прочно охватывавшихъ цѣлую племенныя территории, при слабо выраженной власти и авторитетѣ князя сравнительно съ авторитетомъ вѣча.

Роль послѣдняго особенно живо обрисовываютъ намъ драгоцѣнныя преданія о войнахъ киевскихъ князей съ Древлянами. Князь или князья играютъ здѣсь совершенно второстепенную роль, всякаго рода дѣла, касающіяся земли, решаютъ и осуществляютъ сами общины, «лучшиі мужи иже сдержать Деревьскую землю». Возстаніе Древлянъ является результатомъ «думы Древлянъ со своимъ княземъ Маломъ»; участъ своего князя съ киевской княгиней решаетъ тоже «Дерев-

ская земля» и отъ себя посыаетъ пословъ въ Киевъ. Вѣроятно, въ земляхъ племенъ съ слабо развитою политическою жизнью (какъ земля Древлянская) были мелкія городскія общины, съ князьями во главѣ, игравшими довольно второстепенную роль рядомъ съ вѣчемъ, и общины вовсе безъ князей, правившіяся совѣтомъ «лѣпшихъ мужей», земскихъ «старцевъ», какъ въ позднѣйшемъ движениіи противъ княжеско-дружинного строя (въ полов. XIII в.) рядомъ съ мелкими князьями болоховскихъ общинъ видимъ общины безъ князей въ области Ю. Буга. Картина общинного самоуправленія, безъ князя, гдѣ дѣла общины решаются отчасти ея старѣйшинами или старцами, главами «родовъ» — наиболѣе влиятельныхъ семей, отчасти всенароднымъ вѣчемъ, — даетъ намъ, напр., легенда объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами: она даетъ весьма живое представление о бытѣ до-княжескомъ, хотя и принадлежитъ уже эпохѣ княжеско-дружинного уклада.

Непосредственныхъ извѣстій изъ эпохи, предшествующей господству киевскихъ дружины, мы вообще имѣемъ чрезвычайно мало: ее покрыли факты изъ истории Кіевскаго государства.

Начало Кіевскаго государства.

Если бы лѣтописцы XI в., задавшіеся цѣлью повѣдать потомству исторію возникновенія Кіевскаго государства, не мудрствуя лукаво записали тѣ разсказы и легенды, какіе циркулировали въ устахъ киевскаго населения ихъ времени, мы получили бы драгоцѣнныій матеріалъ, въ кото-

ромъ, вѣроятно, отыскали бы дѣйствительно весьма многое для уясненія исторіи развитія этого государства — какъ отыскиваемъ и въ уцѣлѣвшихъ элементахъ народной традиції лѣтописи. Но, къ сожалѣнію, тотъ матеріалъ, какимъ мы располагаемъ въ нынѣшней «Повѣсти временныхъ лѣтъ», прошелъ

черезъ субъективную критику теорій, которыми кievskie книжники (или, можетъ быть, даже одинъ, къ сожалѣнію неизвѣстный намъ ближе), захотѣли объяснить исторію своего государства, или точнѣе—своей династії. Они связали для этого, очевидно, насильственнымъ образомъ, мѣстная кievskia преданія съ новгородскими рассказами о варяжскихъ конунгахъ, нападавшихъ на сѣверныя земли и усаживавшихся въ нихъ. Считая кievskую династію тоже варяжскаго происхожденія, они ея утвержденіе въ Kievъ выводили изъ насильственного захвата Kievskой области сѣверными варяжскими вождями (такой захватъ повторяется у нихъ даже нѣсколько разъ). Хуже всего, что, пригоняя данную мѣстной традиціи къ этой новой схемѣ, они совершенно свободно передѣльвали и измѣняли эту послѣднюю, такъ что весьма часто лишь приблизительно можетъ представить себѣ первоначальную форму ея.

Это чрезвычайно затрудняетъ задачу историка, который бы задался цѣлью, оставляя въ сторонѣ собственныхъ умствованія книжниковъ, весьма мало освѣдомленныхъ во всемъ, что выходили за предѣлы памяти ихъ современниковъ,—возсозать исторію образования Kievskаго государства на основаніи другихъ источниковъ, и въ томъ числѣ—мѣстныхъ кievskихъ преданій¹⁾.

¹⁾ Чрезвычайная неустойчивость лѣтописной традиціи, совершенная произвольность книжниковъ, допускавшихъ самыя рѣзкія измѣненія въ схемѣ кievской исторіи подъ вліяніемъ новыхъ фактъ, на которые они натыкались, или собственныхъ соображеній, выяснилась только въ послѣднее время, благодаря наблюденіямъ надъ составомъ „Повѣсти“ главнымъ обра-

Самъ по себѣ, впрочемъ, вопросъ о томъ, вела ли позднѣйшая кievская династія свое начало отъ старыхъ туземныхъ князей (такъ, повидимому, мѣстная кievskia преданія выводили ее отъ легендарныхъ братьевъ Кія Щека и Хорива, основателей Kіева) или отъ какого-нибудь узурпатора-кондотьера, опершагося на военной силѣ дружины,—не представляеть особаго значенія, и не приходится особенно сокрушаться въ виду того, что наличными данными этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ определенно. На памяти исторіи кievskii столъ неразъ добывали силою князья съ сѣвера, съ помощью варяжскихъ дружинъ, и тотъ фактъ, что они принадлежали къ кievskой династіи, едва ли вносилъ въ обстоятельства существенную разницу. Съ другой стороны, была ли династія варяжскаго происхожденія или туземнаго, это ничего не измѣняетъ въ фактѣ, за свидѣтельствованномъ непреложными документами, что въ IX и X вв. весьма важную, доминирующую роль на княжескомъ дворѣ игралъ варяжскій элементъ,—хотя это вліяніе и осталось довольно поверхностнымъ и преходящимъ и не проникло въ глубину правовыхъ и общественныхъ отношеній, сохранившихъ свой исконный славянскій характеръ. Оставляя въ сторонѣ трудный, почти не разрѣшимый вопросъ о томъ, какая доля правды

вомъ, ак. Шахматова, недавно давшего весьма цѣнную сводку своихъ изслѣдований по этому вопросу въ книгѣ „Разысканія о начальной русской лѣтописи“, 1909. Свои соображенія по этому вопросу я изложилъ подробнѣе въ специальнѣмъ экскурсѣ посвященномъ „Повѣсти“, въ I т. „Історії України“ (имѣть войти во II т. „Кievskой Руси“).

можеть скрываться подъ лѣтописною оболочкою династической легенды, гораздо важнѣе для насъ прослѣдить общія условія образованія и наростанія Кіевскаго государства.

Здѣсь мы натыкаемся на другой, пожалуй, болѣе существенный вопросъ, чѣмъ происхожденіе династіи — происхожденіе русскаго имени. «Повѣсть» въ своей нынѣшней редакціи выводить это имя изъ имени переселившагося въ восточно-славянскія земли съ своими конунгами варяжскаго племени, и многіе ученые и теперь готовы признавать въ Руси финское название Шведовъ (Ruotsi). Однако, это объясненіе встрѣчается не только съ возраженіями съ лингвистической точки зрѣнія, но и съ весьма существенными историческими трудностями¹⁾. Имя Руси въ нашей традиціи ближайшимъ образомъ связано съ Кіевомъ, «Русская земля» въ XI—XII в.в.—это Кіевъ съ его ближайшими окрестностями, старая Полянская земля: подъ этимъ именемъ кіевскія окрестности противостоятъ даже такимъ ближайшимъ кіевскимъ аннексамъ, какъ старая земля Древлянъ, превратившаяся давно въ кіевскую провинцію. Въ самой «Повѣсти» изъ подъ поправокъ ея редактора въ духѣ его варяжской теоріи явственно проступаетъ старый, первоначальный взглядъ, по которому имя Руси являлось исконнымъ и собственнымъ именемъ земли Полянъ²⁾.

Это интересно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ извѣстное пра-

¹⁾ См. обзоръ аргументовъ за и противъ норманской теоріи въ специальномъ эссе I т. „Історіи України“.

²⁾ См. „Кіевская Русь“, I § 108, „Історіи України“, I³ гл. 4.

во въ извѣстіяхъ о Руси, которые начинаютъ попадаться въ извѣстіяхъ византійскихъ, арабскихъ и западно-европейскихъ съ первой половины IX в. и исходятъ очевиднымъ образомъ изъ теперешней украинской территории,—видѣть отголоски политического процесса, средоточіемъ котораго было среднее Поднѣпровье и его political центръ Кіевъ—первая стадія въ образованіи Кіевскаго государства. Таковы извѣстія византійскихъ агіографовъ о нападеніяхъ «гибельного именемъ и дѣлами своими народа Руси» (Рѣс) на малоазіатское побережье и на крымскіе города въ первой половинѣ IX в. Они предупредили собой извѣстный походъ Руси на Константинополь въ 860 г., когда Русь, пользуясь отсутствиемъ императора и его войскъ, явилась передъ безоружною столицею на двухстахъ корабляхъ и безнаказанно опустошила ея окрестности. Затѣмъ нѣсколько позже слышимъ о нападеніи Руси на южные берега Каспійскаго моря, на пристань Абесгунъ—предвѣстіе позднѣйшихъ походовъ первой пол. X в. Извѣстіе французскихъ анналъ подъ 839 г. упоминаетъ случайно о посольствѣ «русскаго короля», титуловавшаго себя «хаканомъ», къ византійскому императору. Вѣроятно, это были дипломатическія сношенія, вызванныя нападеніями Руси на византійскія земли въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в., и тюркскій титулъ «хакана», приданый здѣсь «русскому королю», а въ нѣсколько иной формѣ («каганъ») употреблявшися у Хозарь и прилагавшійся долго потомъ къ князьямъ кіевской династіи, довольно определено указываетъ, что эта Русь обитала

на югъ, въ сосѣдствѣ Тюрковъ (Хазаръ), а не на сѣверъ. То обстоятельство, что кіевскій книжникъ безъ колебаній пріурочиваетъ къ Кіеву и кіевской Руси встрѣтившіяся ему въ византійскихъ источникахъ сказанія о походахъ Руси на Константинополь (860 и затѣмъ 941 г.) имѣетъ также цѣнность исторического документа: въ Кіевѣ въ половинѣ XI в., когда общія условія X в. были еще въ до-

статочно свѣжей памяти, очевидно, не допускали, что на Византію могла дѣлать нападеніе какая-либо другая Русь, кромѣ кіевской. И дѣйствительно, допуская, что не всѣ изъ «русскихъ» походовъ, намъ извѣстныхъ, исходили непремѣнно изъ Кіева, въ общемъ ихъ нужно считать симптомомъ нового государственного процесса, средоточиемъ котораго въ IX в. былъ несомнѣнно Кіевъ.

Кіевское государство X в.

Серія далекихъ и большихъ походовъ на югъ и востокъ, извѣстныхъ намъ изъ IX и первой половины X вѣка, сама по себѣ указываетъ на развитіе значительныхъ военныхъ силъ, сосредоточившихся вокругъ новаго политическаго центра, и на значительную сферу его политическаго вліянія. Въ этомъ смыслѣ даетъ намъ непосредственное указаніе и свидѣтель русскаго похода на Константинополь въ 860 г., патріархъ Фотій. Въ своемъ посланіи, написанномъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого нападенія, онъ упоминаетъ, что Русь, народъ прежде мало извѣстный, покорила себѣ сосѣдніе народы, и возмнивши много о себѣ послѣ этого, подняла руки на Византійское государство. Счастливымъ случаемъ сохраненные для насъ договоры кіевскихъ князей съ Византіею первой половины X в. даютъ возможность глубже заглянуть въ составъ этого Русского государства. Ихъ документальная данныя даютъ намъ прочную канву, на которой свѣдѣнія современныхъ арабскихъ и византійскихъ источниковъ, дополненные позднѣйшими воспоминаніями «Погѣсти», рисуютъ намъ довольно обстоятель-

ную картину этого государства и подтверждаютъ существованіе уже во второй половинѣ IX вѣка широкой сферы вліянія и власти кіевскихъ князей.

Въ договорѣ съ Византіею 944 г. рядомъ съ послами кіевскаго великаго князя выступаютъ послы не менѣе двадцати зависѣвшихъ отъ него князей и намѣстниковъ — «свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ», какъ называетъ ихъ договоръ 911 г. Такое же приблизительно число пословъ видимъ спустя тринацдцать лѣтъ въ свите княгини Ольги. Это совпаденіе чиселъ пословъ показываетъ, что система княжествъ и провинцій, зависѣвшихъ отъ кіевскаго стола, въ это время, въ серединѣ X в., держалась довольно устойчиво. Съ другой стороны самое это значительное число зависимыхъ княжествъ и земель даетъ понятіе объ обширной сферѣ политическаго вліянія кіевскаго стола.

Ближайшій анализъ историческаго матеріала дѣйствительно приводитъ къ заключенію, что въ IX и въ первомъ десятилѣтіи X в., то-есть въ концѣ княженія Олега, въ сферѣ вліянія кіевскаго стола стояла уже почти цѣликомъ вся та территорія, какая входила

и позже въ составъ кіевскаго государства. Всѣ восточно-славянскія племена и, кромѣ нихъ, еще сосѣднія финскія территоріи стояли въ зависимости отъ кіевскаго князя, хотя не столь прочной и тѣсной, въ какой находились позже. Это тотъ результатъ государственного процесса, который авторъ «Повѣсти» представилъ въ видѣ результата походовъ, пріуроченныхъ имъ къ первымъ годамъ княженія Олега.

Вся днѣпровская артерія на сѣверъ отъ Кієва, съ главнѣйшими своими развѣтленіями, во второй половинѣ X в. была уже въ рукахъ кіевскихъ князей. Этимъ объясняется тотъ необыкновенный наплывъ варяжскихъ дружинъ въ Кіевъ, какой видимъ въ перечняхъ Олеговыхъ и Игоревыхъ бояръ въ договорахъ 911 и 940 гг.: масса варяжскихъ именъ, предводителей дружинъ, намѣстниковъ, родственниковъ династіи. Днѣпръ становится путемъ въ Грецію «изъ Варягъ», протореннымъ варяжскими дружинами. Кіевъ и другіе города средняго и нижняго Днѣпра стали постоянными станціями, мѣстопребываніемъ варяжскихъ дружинъ. Крайняя торговая станція на этомъ пути—Новгородъ—стоитъ подъ властію кіевскаго князя, и князь Игорь посыаетъ туда во второй половинѣ X в. княземъ-намѣстникомъ своего малолѣтняго сына Святослава, вѣроятно, по установившемуся ранѣе обычаю. Нижній Днѣпръ былъ въ рукахъ кіевскихъ князей, вѣроятно, еще съ конца VIII в. — обѣ этомъ могутъ свидѣтельствовать черноморскіе походы Руси начала IX в., конечно, гораздо болѣе многочисленные, чѣмъ упоминанія о нихъ въ нашихъ источникахъ. Несмотря на на-

тискъ печенѣжской орды, Русь держалась на устьѣ Днѣпра еще въ половинѣ X в.: получивъ возможность, послѣ неудачнаго похода Игоря, диктовать Руси свои условія, византійское правительство въ договорѣ 944 г. обязываетъ Русь не препятствовать Корсунянамъ ловить рыбу въ устьѣ Днѣпра и не оставаться тамъ на зимовку въ Бѣлобережки и у острова св. Евѳерія (т. е. Ерезанъ у лимана Днѣпра).

Сухопутныя и рѣчныя дороги, ведущія на востокъ, черезъ земли Вятичей, Сѣверянъ и подонскихъ Славянъ и Ясовъ, былъ также въ сферѣ вліянія кіевскаго стола уже въ IX в. Распространеніе въ этомъ направленіи кіевскаго вліянія приводило къ столкновеніямъ съ Хозарами, нѣкогда господствовавшими надъ заднѣпрянскими племенами и даже надъ самимъ Кіевомъ, по словамъ кіевскаго преданія. Но въ IX в. хозарская орда, очевидно, пришла уже въ полный упадокъ и не могла поставить сколько-нибудь серьезныхъ препятствій распространенію кіевскаго вліянія. Въ началѣ X в. въ главныхъ пунктахъ Сѣверской земли видимъ уже намѣстниковъ кіевскаго князя и Русь держитъ въ своихъ рукахъ и область нижняго Дона. На это указываютъ русскіе походы на каспійское побережье, которыхъ не могли предотвратить при всемъ своемъ желаніи хозарскіе каганы, а договоръ Игоря съ Византіей 944 даетъ еще болѣе цѣнное документальное указаніе въ этомъ смыслѣ: Игорь по желанію Византіи обѣщаетъ не пропускать на крымскій берегъ, стоявшій въ сферѣ интересовъ Византіи, такъ называемыхъ Черныхъ Болгаръ, жившихъ на кавказскомъ берегу у Азовскаго моря. Очевидно,

старая Фанагорія, въ нашихъ памятникахъ этого времени носящая название Тмутаракани, въ это время стояла уже въ зависимости отъ кievскаго стола, какъ видимъ это позже, въ концѣ X в. Другое постановление того же трактата, обязывающее кievскаго князя и его подручниковъ («князи рускыи») не воевать греческихъ городовъ въ области Херсонеса и не претендовать на власть въ этихъ краяхъ, совершенно определенно указываетъ на стремлениія мѣстныхъ князей или намѣстниковъ кievскаго стола утвердиться и на крымскомъ берегу Керченского пролива.

На западѣ старые обидчики Полянъ, какими ихъ помнить въ докняжье времена кievская традиція—Древляне—въ первой половинѣ X в. несомнѣнно были уже данниками кievскаго стола, и, вѣроятно, еще раньше. Лучанъ, жители южной Волыни, называется среди подвластныхъ Кieву племенъ известнѣйшаго трактата Константина Порфиородскаго, также въ первой половинѣ X в. Дулѣбовъ и Тиверцевъ «Повѣсть» называетъ «толковинами» Олега—т.-е. полуавтономными племенами, обязанными служить военною помощью, и такая зависимость ихъ въ это время вполнѣ вѣроятна.

Характеръ государственныхъ отношеній X вѣка.

Такимъ образомъ, по нашимъ соображеніямъ, уже въ первой половинѣ X в. Кieвское государство охватывало огромную территорію подвластныхъ или зависимыхъ племенъ отъ верховьевъ Волги и бассейна великихъ озеръ до Чернаго моря и нижняго Дона. Различныя части этой территоріи, разумѣется, стояли въ весьма неодинаковой, и по большей части—весьма слабой зависимости отъ кievскаго стола. Въ наиболѣе тѣсную зависимость были приведены волости, лежавшія по главнымъ торговымъ путямъ, а также славянскія колоніи въ финскихъ земляхъ, имѣвшія большое торговое и экономическое значеніе, такъ какъ онѣ собирали контрибуції съ туземцевъ разнымъ сырьемъ (и особенно мѣхами, игравшими такое важное, можно сказать, первенствующее значеніе въ тогдашней торговлѣ Руси) и вели торговлю съ ними. Въ этихъ волостяхъ расположены были болѣе или менѣе постоянные гарнизоны «рус-

ской» дружины и разсажены были главнымъ образомъ «свѣтлыя и великие князья и великие бояре», родственники и намѣстники кievскаго князя. И эта система городовъ, гарнизоновъ и намѣстниковъ кievскаго стола составляла скелетъ Кieвскаго государства IX—X вв. Цѣлые же большіе округа и племена, не представлявшіе ни особеннаго торговаго, ни стратегическаго значенія, были представлены сами себѣ, управлялись своими мѣстными князьями и старцами, и зависимость ихъ отъ кievскаго стола ограничивалась периодической или разновременной уплатой дани, или даже только обязанностью послать свои ополченія въ кievскіе походы, какъ у упомянутыхъ выше толковиновъ. Умноженіе и расширение этихъ зависимыхъ территорій имѣло такимъ образомъ тотъ существенный интересъ для кievскаго стола, что увеличивало милитарную силу, доходы князя и открывало новые рынки военно-торговому классу

государства. Интересы торговли и управлениі, правящаго и торговаго класса переплетались чрезвычайно тѣсно, и самые классы сливались. Русь XI в. въ представлениі современника Араба, это классъ воиновъ-купцовъ, занимающихъ разбоемъ, собираючи добычи и торговлей предметами этой послѣдней. По словамъ Константина Порфирородскаго, князя «со всею Русью» (т.-е. со всею дружиною) зимою выходять «на полюдье» въ подвластныя земли и тамъ живутъ цѣлую зиму, собирая дани и — нужно прибавить — отправляя несложныя функции тогдашняго управлениія; затѣмъ весною «Русь» стягивается изъ волостей въ Киевъ и отсюда снаряжаетъ торговые караваны на заграничные торговые рынки, отправляя собранные въ видѣ дани и пріобрѣтенные путемъ торговли товары. Эта характерная картина сліянія правительственной дѣятельности съ торговлей находитъ полное подтвержденіе въ договорахъ кievскихъ князей съ Византіей. По характеру своему они являются политическими трактатами и завершаютъ собою войны и нападенія кievскихъ князей и дружины на византійскія земли; но вопросы политики совершенно отступаютъ въ нихъ на второй планъ передъ интересами торговыми и ихъ обеспечениемъ. Интересы торговли являются могущественнымъ стимуломъ политики и государственного процесса, и въ свою очередь торговля составляетъ ту экономическую основу, на которой основывается сила дружины и правительства.

Съ другой стороны расширеніе подвластныхъ территорій давало возможность содержать болѣе многочисленную

дружины. Передавая, напр., своему боярину Свинельду дань, которая имѣла поступать съ Уличей, а потомъ съ Древлянъ, Игорь обеспечиваетъ этимъ содержаніе цѣлаго отряда дружины, которую Свинельдъ долженъ былъ сдержать на эту дань. Разставивъ въ подвластныхъ земляхъ дружинные гарнизоны, содержавшіеся изъ даний и припасовъ, собираемыхъ ими въ данной волости, кievскій князь имѣлъ въ своемъ распоряженіи готовыя военные силы, которая при первой надобности могли быть мобилизованы и двинуты на театръ войны. И это увеличеніе военной силы, расширеніе системы гарнизоновъ и дружинъ давало возможность не только расширять сферу своего политического вліянія, но и углублять послѣднее, скрѣпляя свое положеніе и по отношенію къ кievскому патриціату, и по отношенію къ подвластнымъ «свѣтлымъ и величкимъ князьямъ», намѣстникамъ и вождямъ дружинъ. Наплыvъ воинственныхъ варяжскихъ дружины въ Киевъ и Киевское государство въ IX и X в. имѣлъ въ этомъ отношеніи большое значеніе, доставивъ кievскому столу отличный военный матеріалъ,ничѣмъ не связанный съ землею и ея интересами; эти дружины были незамѣнимы орудіемъ въ борьбѣ и во всякихъ треніяхъ съ кievскими патриціанскими кругами и ихъ старцами. Но это было орудіе оборонострое, которое могло послужить также точно и для борьбы съ кievскимъ великимъ княземъ любого подвластнаго князя или намѣстника, если кievскій князь не умѣлъ достаточно сильно и властно поддержать свой престижъ.

Эволюція Київського державства въ X в.

Процесъ наростанія київського державства въ IX в. мы не имѣемъ возможности связать съ какими-либо опредѣленными фигурами князей; до насъ дошли только отдѣльныя оторванныя не только отъ фактъ, но и отъ хронологіи имена, какъ «руссскаго князя Бравлина», выступающаго въ одномъ нападеніи на крымскіе города, затѣмъ Аскольда и Дира, насиЛЬственno собранныхъ лѣтописцемъ въ қакую-то пару соправителей и пріуроченныхъ къ походу на Константинополь въ 860 году. На рубежѣ IX и X в. въстаетъ первая сколько-нибудь осознанная индивидуальность—князя Олега, время княженія котораго задокументировано его договоромъ съ Византією 911 г.; въ лѣтописной традиції къ его имени пріурочены результаты всего предшествующаго наростанія Київскаго державства, а въ народномъ преданіи это имя покрыто густымъ покровомъ легенды, сдѣлавшей этого князя вѣдуномъ и чудодѣемъ. Послѣдующія фигуры князей пріобрѣтаютъ въ народномъ и лѣтописномъ преданіи болѣе реальная черты: преемникъ Олега Игорь (династическая отношенія этихъ двухъ князей остались неизвѣстными лѣтописцамъ, генеалогіческая свѣдѣнія которыхъ не шли дальше именъ отца и дѣда Владимира) въ преданіи связывается съ исторіями о примученіи «Уличей и Древлянъ»; затѣмъ вдова Игоря и регентша Ольга, памятная преданію, какъ мстительница Древлянамъ за мужа, въ книжномъ преданіи возвеличенная за свое крещеніе; сынъ Игоря Святославъ памятенъ своими походами на востокъ и

болгарскою кампанію, ради которой онъ передалъ еще при жизни главнѣйшія княженія на Руси сыновьямъ—обстоятельство, приведшее къ усобицѣ, закончившейся въ 980 г. единодержавиемъ Владимира Вел.

Государственный процессъ за это время характеризуется механическимъ сплоченіемъ политического организма. Система «руссскихъ» намѣстниковъ расширяется и проникаетъ все далѣе въ глубь волостей и ихъ внутренней жизни. Въ разсказѣ Константина Порфиророднаго землиновгородскихъ Словенъ, Кривичей, Сѣверянъ—это территоріи, куда лишь временно, зимою, приходятъ русскія дружины со своимъ княземъ на полюдье; во внутреннія отношенія земель князья не вмѣшиваются, требуютъ отъ нихъ лишь положенной дани и содержанія князя съ дружиною во время полюдья. Лишь постепенно къ сбору дани присоединяются разныя судебныя и административныя функціи. Эту практику хорошо иллюстрируетъ позднѣйшій разсказъ киевской лѣтописи (подъ 1071 г.): въ Бѣлоозеро, въ землю финской Веси приходитъ для собиранія дани княжескій бояринъ Янъ Вышатичъ; при сей оказіи жители приносятъ ему жалобы на волхвовъ—вѣроятно, пользовавшихся покровительствомъ мѣстныхъ властей и удручавшихъ населеніе; Янъ производитъ слѣдствіе, судить и казнить волхвовъ. Порядки, существовавшія въ XI в. въ глухихъ финскихъ провинціяхъ, повторяли практику управления славянскими провинціями предшествующаго столѣтія.

Въ первой половинѣ X в. на цѣлыхъ этнографическихъ территоріяхъ, подвластныхъ Кіеву — у Древлянъ, Вятычей и, вѣроятно, у многихъ другихъ, не видимъ никакихъ резидентовъ ни гарнизоновъ. «Примучивъ» Древлянъ и принудивъ давать дань, Игорь отдаетъ эту дань въ распоряженіе Свинельда, на содержаніе его дружины, но Свинельдъ и его агенты не проживаютъ въ древлянской землѣ; онъ собираетъ съ нея дань во время осенняго полудня, а въ остальное время находится со своимъ полкомъ при Игорѣ; въ древлянской же землѣ правятъ по старому мѣстные «добрые князи», «иже роспасли суть деревянскую землю». Но послѣ новаго возстанія Древлянъ, въ половинѣ X вѣка, въ ихъ землѣ появляется князь изъ кіевской династіи, при немъ полкъ дружины, и отдѣльные «княжки мужи» съ небольшими отрядами дружины появились, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ и въ разныхъ пунктахъ древлянской земли.

Управлениe и судъ были источниками доходовъ. Каждый выѣздъ княжескаго намѣстника или его «мужа», агента, на территорію волости сопровождается поборами на содержаніе его самого и его свиты и сборомъ разныхъ пошлинъ. Увеличеніе сѣти княжкихъ намѣстниковъ, учрежденіе новыхъ резидентій въ подвластной территорії создаетъ притокъ новыхъ доходовъ, даетъ возможность содержать новые контингенты дружины, и наоборотъ, приростъ послѣдней даетъ возможность и импульсъ къ расширению административной сѣти, къ проникновенію новаго государственного механизма все глубже въ нѣдра народной жизни, путемъ умноженія ре-

зиденцій и разныхъ «емцовъ», «вирниковъ» и всякаго рода княжкихъ и намѣстничихъ агентовъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ квартиръ на волость.

Въ этомъ направленіи шла эволюція государственного механизма. Процессъ этотъ, конечно, не развивался ровно и правильно. Государственная машина была слишкомъ еще первобытна и неуклюжа. Личныя отношенія кіевскаго князя къ его подручникамъ и намѣстникамъ значили въ ней слишкомъ много, и перемѣны лицъ на кіевскомъ столѣ и даже въ его непосредственной близости и отражались весьма сильно на политической системѣ Кіевскаго государства, расшатывая его устои и ослабляя связи. «Великіе бояре», отъ себя содер жавшіе цѣлые корпусы дружины, въ родѣ упомянутаго Свинельда, и провинциальные князья иногда становились слишкомъ сильны и стремились къ слишкомъ вліятельной роли, и князю приходилось тщательно слѣдить за ними и соразмѣрять силы собственной дружины съ ихъ силами, чтобы содер жать въ должномъ почтеніи этихъ опасныхъ помощниковъ. При томъ эти князья и намѣстники имѣли естественную тенденцію закрѣплять свои княжества и державы въ потомственное владѣніе, и такие потомственные держатели склонны были базировать свои права на своемъ династическомъ происхожденіи, а не на пожалованіи кіевскаго князя. Съ другой стороны, такъ это были родственники кіевскаго князя или люди лично ему обязаны, то смерть кіевскаго князя неизбѣжно ослабляла сознаніе зависимости отъ кіевскаго стола, и всякимъ такимъ ослабленіемъ государственной связи съ своей стороны пользовались под-

властныя кіевскому столу племена, чтобы освободиться отъ этой зависимости или облегчить ее. Поэтому обыкновенно по смерти кіевского князя первые годы правленія его преемника проходили въ собираніи разсыпанной или ослабѣвшей храмины государства, въ домашнихъ войнахъ, походахъ на непокорныхъ племена и своевольныхъ князей и намѣстниковъ. Если новый кіевский князь оказывался на высотѣ своего положенія, онъ упрочивалъ свою власть и укрѣплялъ наново расшатанное зданіе Кіевского государства: непокорные племена «примучивались», приводились въ болѣе тѣсную зависимость и облагались новымъ, еще менѣе удобносимымъ бременемъ; непокорные князья и намѣстники замѣнялись новыми подручниками, изъ ближайшихъ родственниковъ или приближенныхъ и вѣрныхъ людей нового князя. Составъ дружины обновляется, и въ этихъ предворительныхъ войнахъ вырабатываются извѣстныя связи съ новымъ воаждемъ и княземъ. Обновленіе государственного строя такимъ образомъ сопровождалось болѣе или менѣе значительнымъ движениемъ въ сферѣ развитія и укрѣпленія государственного

зданія, а вѣнчалось обыкновенно серію далекихъ походовъ въ богатыя культурныя страны Юга или Востока, предпринимавшейся обыкновенно послѣ довольно долгаго правленія новаго сбновителя государственного зданія, когда ему удавалось достаточно упрочить свое положеніе и наладить государственную машину подъ своею рукою. Въ этихъ походахъ находила свой выходъ энергія, накопленная въ періодъ реставраціи и не безопасная, для самой государственной машины, если для нея не находилось приложенія. Въ случаѣ удачи они поднимали престижъ великаго князя, принося дружинѣ славу и добычу. Оживляли государственную организацію, собирая воедино разбросанную по всему пространству государства дружину, и давали чувствовать единство государственного организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись отъ времени до времени (въ концѣ правленія Олега, потомъ Игоря, при Святославѣ и въ началѣ правленія Владимира) — пока военная организація государства не отяжелѣла окончательно, съ утратой имъ своего дружинного, наездническаго характера, что даетъ себѣ вполнѣ чувствовать въ половинѣ XI в.¹⁾.

Элементы внутренняго единства государства (эпоха Владимира Великаго).

Въ этотъ процессъ механическаго сколачиванія государства военною силою дружинъ, примучиваніями и реквизиціями, наполняющія X вѣкъ, вноситъ многообѣщающіе элементы внутренняго сцѣпленія княженіе Владимира Великаго, составляющее поэтому эпоху въ эволюціи Кіевского государства.

Въ первой части своей это княженіе представляетъ типическій процессъ

обновленія государственного зданія послѣ періода его ослабленія и упадка во время усобицъ, послѣдовавшихъ за смертью Святослава. Но при этомъ, возстановляя власть кіевского стола надъ непокорными провинціями и ихъ намѣстниками и князьями, Владимиръ

¹⁾ Подробнѣе виѣшняя исторія X в. въ I т. „Історії України“, т. I гл. 7, также „Очеркъ исторіи украинскаго народа“.

осуществилъ важную своими послѣдствіями реформу, сводя постепенно на нѣтъ существованіе князей-чужеродцевъ и могущественныхъ династовъ-намѣстниковъ и замѣняя ихъ своими многочисленными сыновьями. Отсюда ведетъ свое начало новый династический принципъ, получающій свое полное развитіе въ послѣдующемъ столѣтіи, вырабатывающій основное положеніе политического права, по которому исключительное право княженія въ земляхъ Киевскаго государства, въ наслѣдіи Владимира Великаго, принадлежитъ только его потомству, только членамъ Владимировой династіи. Это положеніе, весьма усердно проводившееся и охранявшееся Владимировымъ домомъ, въ своемъ собственномъ интересѣ, имѣло большое значеніе въ эволюціи политическихъ отношеній, утвердивъ весьма прочную династическую связь среди земель Киевскаго государства.

Еще большее значеніе имѣли культурные элементы, введенныиe Владиміромъ во внутреннюю жизнь его государства. Созданное чисто внѣшнею силою и не имѣвшее внутренней связи, кромѣ экономическихъ интересовъ со-зидавшаго его и поддерживавшаго военно-торгового класса, это государственное зданіе при Владиміре получаетъ новыя основы культурного и морального характера, въ видѣ новой, заимствованной изъ Византіи религіи и тѣсно связанныго съ нею просвѣщенія, книжности и искусства. Привели къ этому чрезвычайно важному въ культурной жизни не только украинского племени, но и всего востока Европы шагу политическіе планы Владимира: его стремленіе поднять престижъ своей власти въ глазахъ насе-

ленія и дружинно-боярскихъ круговъ. По примѣру другихъ основателей новой государственной власти въ варварскихъ государствахъ средневѣковой Европы, онъ съ прискорбіемъ чувствовалъ отсутствіе авторитета этой власти въ глазахъ товарищей-подручниковъ, дружинъ и общинъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ поднятію авторитета считалъ престижъ византійской имперіи, въ глазахъ варварскихъ династовъ облеченнай недосягаемъ авторитетомъ традиціи, культуры и божескаго освященія. Онъ не былъ на Киевскомъ столѣ первымъ, искавшимъ такого освященія своей власти авторитетомъ имперіи. Въ много разъ цитированномъ наслѣдіи Константина Порфиророднаго находимъ интерсные наставленія преемникамъ, какъ отдѣльваться имъ на случай, если владѣтель Хазаріи, Венгрии, Руси или какого-либо другого народа, «какъ то часто бываетъ», обратится къ императору съ просьбой прислать корону или иная императорскія регаліи, или породниться съ нимъ. Съ такимъ предложеніемъ обратился къ императору теперь Владиміръ, и на этотъ разъ оно привело къ послѣдствіямъ чрезвычайно важнымъ, которыя Владиміръ сумѣлъ оцѣнить и использовать въ интересахъ своей государственной политики.

Поводъ дала просьба о помощи, адресованная императоромъ къ кievскому князю, по старымъ традиціямъ военного союза, существовавшаго между обоими государствами въ первой половинѣ X вѣка. Владиміръ отвѣтилъ на это условіями: императоръ выдастъ за него замужъ свою сестру и надѣлитъ его регаліями и достоинствами императорскаго званія. Когда императоръ, съ своей стороны, поста-

вилъ условіемъ, чтобы Владіміръ предварительно крестился, послѣдній исполнілъ это требованіе, а когда императоръ послѣ этого началъ уклоняться отъ исполненія своихъ обѣщаній, Владіміръ сумѣлъ принудить его, предпринявъ походъ на крымскія владѣнія Византіи, которая она такъ заботливо охраняла отъ притязаній киевскаго стола. Взявъ Херсонесъ, Владіміръ возвратилъ его Византіи только послѣ исполненія императоромъ данныхъ ему обѣщаній: онъ сталъ зятемъ императора и вѣнчанъ, очевидно, регаліями—императорскими или, можетъ быть, кесарскими (память объ этомъ, вѣроятно, сохранилась въ извѣстномъ преданіи о регаліяхъ Мономаха¹⁾).

Будучи выдающимся политикомъ, Владіміръ умѣлъ по достоинству оцѣнить политическое значеніе христіанства для своей государственной системы. Христіанство было жизненнымъ первомъ культурной, общественной и политической жизни тогдашней Византіи, и Владіміръ, стремившійся средствами византійской культуры укрѣпить престижъ своей власти, утвердить зданіе своего государства, совершенно естественно долженъ былъ задаться планомъ пересадить на почву Кіевскаго государства эту сторону византійского строя и быта, чтобы воспользоваться въ интересахъ киевской государственности такою мощною поддержкою, какую христіанскій элементъ давалъ политическому и общественному строю современной Византіи. Онъ, очевидно, понялъ ясно, какое огромное политическое значеніе мо-

жетъ имѣть распространеніе среди народовъ его государства, съ ихъ разнообразными, незаконченными, недоразвитыми религіозными вѣрованіями, новой культурной религіи, съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и еще болѣе цѣннымъ для его цѣлей вѣшнимъ блескомъ обрядности, расцвѣченной сокровищами византійского искусства, съ формами законченными, съ тонко выработанною и строго дисциплинированною іерархіею. Обязанная своимъ существованіемъ киевскому столу, эта новая религія и ея іерархія и здѣсь, какъ въ Византіи, должна была сдѣлаться вѣрнымъ союзникомъ правительственної власти, поддерживать ее, какъ свою единственную опору, и связывая новымъ религіознымъ и культурнымъ узломъ племена киевской государственной системы,—въ силу своего іерархического единства тяготѣть къ Кіеву и укрѣплять зависимость провинцій отъ киевскаго стола и киевской династіи. Не отрицая у Владіміра наличности нравственныхъ мотивовъ, которые могли затѣмъ при ближайшемъ знакомствѣ оказывать влияніе на его дѣятельность, мы все же въ указаныхъ мотивахъ политического характера должны искать объясненія той энергіи, съ какою онъ занялся насажденіемъ въ земляхъ своего государства новой религіи и связанной съ нею византійской культуры, пуская въ дѣло всю силу своего княжескаго авторитета и не останавливаясь передъ принудительными мѣрами.

Переломъ, впрочемъ, не былъ особенно рѣзокъ, такъ какъ христіанство успѣло свѣтъ себѣ гнѣздо еще до такой официальной санкціи въ болѣе значительныхъ городахъ Кіевскаго государства, гдѣ группировалось военно-

¹⁾ Исторія крещенія Владіміра и связанныхъ съ нею моментовъ подробно изложена въ „Исторіи України“, I³ гл. 8, также „Очеркъ“³ с. 75—6.

торговое сословие, въ своихъ торговыхъ и даже военныхъ экспедиціяхъ имѣвшее возможность близкознакомиться съ христіанствомъ и въ византійскихъ и въ западно-европейскихъ земляхъ. Во время дипломатическихъ сношеній съ Русью, послѣ похода 860 г., изъ Константинополя была выслана на Русь миссія, обратившая многихъ въ христіанство, такъ что былъ затѣмъ назначенъ туда особый епископъ. Вѣроятно, самъ князь Аскольдъ принялъ христіанство. Въ первой половинѣ X вѣка была въ Киевѣ церковь св. Ильи, и въ трактатѣ 944 г. христіане выступаютъ уже замѣтною величиною среди дружинъ Игоря. На мѣстѣ Владимировой церкви Богородицы Десятинной въ сосѣдствѣ княжъяго двора раскопки открываютъ погребенія со слѣдами христіанства до - владимироваго времени. Въ виду этого старанія Владимира, направленнаго на распространеніе христіанства, не встрѣчали значительного противодѣйствія, особенно въ южныхъ центрахъ. Внѣ значительныхъ городовъ оно распространялось, конечно, очень медленно и туго.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанской религіи Владиміромъ были

положены также начатки организации русской церкви: основана была митрополичья каѳедра и нѣсколько епископскихъ. Создано было нѣсколько монументальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества. Привезенный изъ Херсонеса и поставленный въ Киевѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ княжьей резиденціи бронзовая фигуры коней и другія статуи обнаруживаются во Владимірѣ желаніе пріобщить Русь и къ свѣтскому византійскому искусству. О живомъ интересѣ его къ распространенію византійскаго образованія свидѣтельствуетъ приведенное лѣтописью извѣстіе о томъ, что Владиміръ забиралъ дѣтей (даже насильно) у лицъ высшихъ сословій съ цѣлью обучения ихъ—не для приготовленія специально духовныхъ, а вообще, очевидно, образованныхъ людей. И эти стремленія его, имѣвшія цѣлью ввести современную Русь въ кругъ интересовъ тогдашняго культурнаго византійскаго міра, не были безплодны: уже въ первомъ поколѣніи кievскихъ учениковъ мы знаемъ человѣка, стоящаго вполнѣ на высотѣ современной византійской культуры, въ лицѣ митрополита Илларіона, автора похвального слова Владиміру.

Элементы единства и элементы разложения.

Дѣятельность Владимира положила прочныя основы новымъ элементамъ единства, связавшимъ разноплеменныя провинціи кievскаго стола внутреннею, культурною связью, пережившою самое Кіевское государство. Рядомъ съ нею развивалась и углублялась другая могущественная связь, также лишь зарождавшаяся еще тогда: единство политico-общественнаго уклада, пра-

вовыхъ и общественныхъ нормъ, глубоко проникавшихъ со временемъ въ жизнь провинцій кievскаго стола. Со Владиміра начинается этотъ знаменательный въ эволюціи кievскаго государства переходъ отъ князей наѣздниковъ, сбивавшихъ государство ударами дружиннаго кулака, къ князьямъ съ болѣе выраженною физіономіей правителей. Дѣдъ Владимира погибъ,

какъ хищный наездникъ, «яко волкъ въсхищая и грабя», какъ характеризуетъ его подвластное, древлянское населеніе. Отецъ его сложилъ голову въ далекомъ походѣ, какъ странствующій рыцарь-авантюристъ. Владміръ умираетъ въ своей столицѣ, окруженній представителями мѣстнаго населенія, и люди плачутъ по немъ—«бояре акы заступника земли ихъ, убозни акы заступника и кормителя». За князьями-насильниками пришелъ ихъ преемникъ, обратившій свою дѣятельность на подведеніе культурныхъ фундаментовъ подъ зданіе воздвигнутое его предшественниками.

Послѣ нѣсколькихъ усобицъ, вызванныхъ отсутствіемъ опредѣленного порядка наслѣдованія кіевскаго стола, дѣятельность Владміра въ указанномъ направлениі находитъ продолженіе въ правлениі его сына Ярослава, представляющаго вообще довольно близкое, хотя и ослабленное уже начавшимся дѣленіемъ государства, повтореніе правлениія его великаго отца. Аналогіи бросаются въ глаза и во внѣшней политикѣ (особенное вниманіе къ западнымъ границамъ, гдѣ создавались и организовались одновременно другія аналогическія молодыя государства, и усиленная борьба съ кочевниками). Но еще болѣе давало чувствовать себя это сходство въ сферѣ культурныхъ начинаній, выдвинутой Владміромъ. Кіевскій лѣтописецъ охарактеризовалъ отношеніе этихъ двухъ правлений сравненіемъ съ работой пахаря и сѣятеля: Владміръ первый поднялъ новь, Ярославъ засѣялъ ниву; характеристика имѣеть въ виду сферу христіанізациі (крещеніе земли при Владмірѣ, распространеніе «книжныхъ словесъ» при Ярославѣ), но внутрен-

няя связь имѣла еще болѣе широкую сферу, охватывая вообще всю сферу государственной жизни, гдѣ начала управлениі и права постепенно брали верхъ надъ старымъ неприкрываемымъ насилиничествомъ. Съ именемъ Ярослава связана дальнѣйшая кодификація права, рядъ таксъ, полагавшихъ предѣлъ вымогательствамъ княжихъ агентовъ—явление весьма характерное.

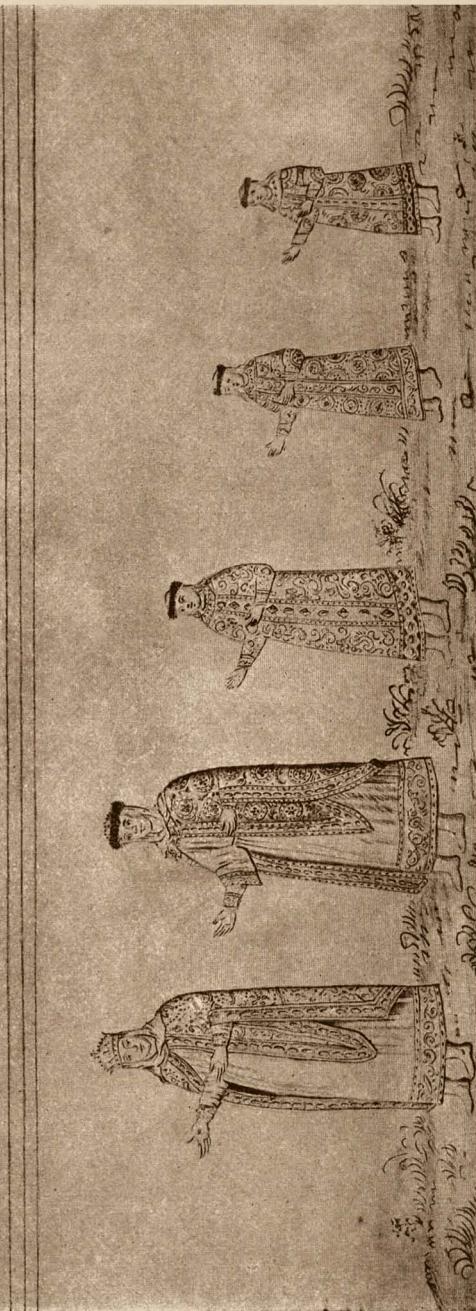
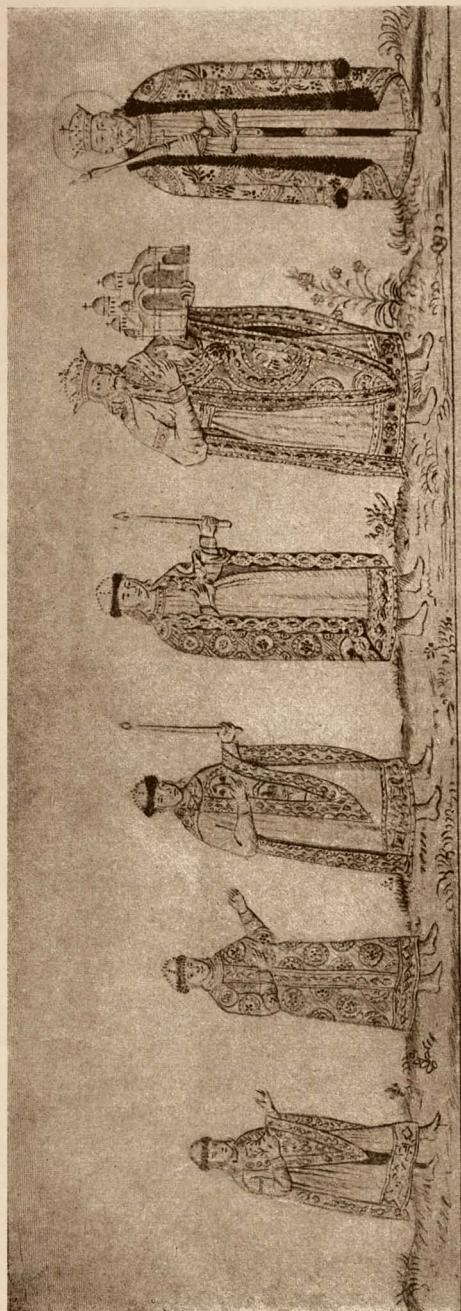
Это правление отца и сына, въ суммѣ, съ промежуткомъ, охватывающее періодъ около семидесяти лѣтъ и сдавшее извѣстную традицію, продолжавшуюся по крайней мѣрѣ отчасти ихъ преемниками, заложило основы единства культуры и быта и оказалось тѣмъ могущественное вліяніе на всю послѣдующую культурную, общественную и національную эволюцію украинскаго народа и вообще всей восточной Европы. Это имѣло чрезвычайное значеніе въ томъ отношеніи, что эти элементы единства были заложены въ моментъ, когда совершенно явственно уже проступала тенденція разложенія государства. Процессъ этотъ дѣйствительно развивается затѣмъ, но старые члены кіевскаго союза, обособляясь, уносятъ съ собою политическое и культурное наслѣдіе этого поэлѣдняго. Въ виду разноплеменного состава этого государственного союза, въ этомъ обстоятельствѣ лежатъ зародыши не только національного единства, но и національной путаницы, такъ какъ это общее наслѣдіе имѣло тенденцію покрывать собою племенные дѣленія и стремленія къ національному обособленію¹⁾.

Элементы разложенія, приготовленные уже самимъ огромнымъ протяже-

1) См. выше, въ первой статьѣ.

Семья Ярослава.

Фрески Софьевского Собора въ Киевѣ.

ниемъ государства, отсутствиемъ внѣшнихъ граней и разноплеменнымъ составомъ, нашли себѣ пищу въ самыхъ новыхъ принципахъ, внесенныхъ Владиміромъ и Ярославомъ въ жизнь государства, въ сферѣ самыхъ элементовъ единства. Династической принципъ, со всею строгостью проведенный во внутреннетъ строѣ его, элементы христіанской гуманности и государственной правомѣрности (при всемъ своемъ несовершенствѣ) ставили препятствія тѣмъ нехитрымъ, совершенно варварскимъ методамъ кроваваго истребленія непокорныхъ династовъ и строптивыхъ намѣстниковъ, которыми до сихъ поръ поддерживалось внѣшнее единство государства. Все княжье, которымъ представлена была политическая система Кіевскаго государства, стало однимъ родомъ, внутри которого старые принципы общественной этики предписывали вѣчный миръ; принципъ этотъ не выдерживался, сталкиваясь съ правомъ войны, но вносилъ все же извѣстные элементы гуманности. Христіанская этика, съ своей стороны, непрестанно взывала къ братскимъ чувствамъ, которые должны были питать другъ къ другу князья, какъ члены одной семьи, потомки одного рода, «одного дѣда внуки». Въ этомъ же смыслѣ апеллировало и общество, желавшее положить предѣлъ княжескимъ усобицамъ и внутреннимъ войнамъ. И эти принципы вѣчнаго мира рода и христіанского братолюбія, усиленно пропагандировавшіеся въ средѣ князей представителями церкви, съ одной стороны, представителями общества, съ другой, не оставались безъ вліянія на княжескія отношенія. А они шли на встрѣчу глубоко залегавшимъ въ обще-

ственной жизни кіевскихъ провинцій стремленіямъ къ политическому обособленію, общественной и бытовой самобытности.

На смѣну періода внѣшняго, механическаго единства, связывавшаго совершенно внѣшнимъ и насильтвеннымъ образомъ обособленныя, совершенно предоставленныя себѣ во внутренней своей жизни области и племена Кіевскаго государства, наступаетъ періодъ внѣшняго разложенія и распаденія, подъ поверхностью которого идетъ болѣе глубокій процессъ внутренняго объединенія, въ противоположность предшествующему процессу механическаго объединенія процессомъ химическаго превращенія. Подъ оболочкою внѣшняго распаденія, среди шума княжескихъ споровъ и усобицъ, идетъ процессъ проникновенія въ глубину наиболѣе интимной народной жизни политическихъ, общественныхъ, правовыхъ, культурныхъ нормъ, выработанныхъ эволюціею Кіевскаго государства, и этотъ процессъ придаетъ неизбывалое единообразіе разноплеменнымъ землямъ, хотя и преломляется далеко не одинаковымъ образомъ въ отдѣльныхъ группахъ, изъ которыхъ формируются позднѣйшія народности. На старыхъ пластахъ общественного единства, вынесенныхъ восточно-славянскими племенами изъ общей прародины и уже въ значительно разъѣденныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій рѣзко отличающимися вліяніями новой географической и культурной среды, теперь отлагались новые единообразныя отложенія единообразнаго культурнаго и политического быта. Но при всемъ ихъ сходствѣ, присущія имъ отличія, а также отличія въ

сочетаніяхъ съ особенностями быта, созданными предшествующею жизнью, усиливали разнообразіе провинціаль-

ной жизни и углубляли индивидуальные черты, различавшія между собою будущія народности.

Борьба центробѣжныхъ и центростремительныхъ усилий (сыновья и внуки Ярослава).

Если правленіе Владимира и Ярослава, вмѣстѣ взятыхъ, захватывало около трехъ четвертей столѣтія, характеризующихся преобладаніемъ энергіи единства надъ энергіею разложенія, то періодъ почти такой же продолжительности, непосредственно слѣдующей по смерти Ярослава (1054) приблизительно до смерти его внука Мономаха (1125), или даже Мономаховича Мстислава (1132); характеризуется, какъ борьба собирательныхъ, объединительныхъ стремленій кievскихъ князей съ центробѣжностью земель, гдѣ центростремительный теченія постепенно слабѣютъ и глохнутъ въ соперничествѣ съ усиливающимися стремленіями земель къ обособленію, гдѣ процесъ разложенія торжествуетъ надъ усилиями преемниковъ кievскихъ «единовластцевъ».

Предшествующая исторія государства завѣщала имъ это стремленіе къ собиранію земель кievскаго стола. Двухвѣковое и, вѣроятно, еще болѣе продолжительное прошлое было не чѣмъ инымъ, какъ постоянною борьбою кievского стола съ стремленіями земель и подручниковъ къ обособленію и самостоятельности. Чередовались моменты усиленія государственной связи, преодолѣвшіе элементы разложенія, и кievский столъ былъ носителемъ объединенія: кто садился на него, принималъ на себя традиціонный долгъ собиранія его волостей. На памяти еще живущихъ поколѣній

дважды — по смерти Святослава и снова по смерти Владимира — разделенные въ рукахъ представителей династіи волости собирались снова въ рукахъ кievскаго князя. Эти прецеденты побуждали къ подражанію, къ все новымъ и новымъ попыткамъ собиранія разсыпаннаго зданія Кievскаго государства. Правда, новая, христіанская этика и общественное мнѣніе требовало большей разборчивости въ средствахъ сравнительно съ прошлымъ; приходилось, избѣгая рѣзкихъ способовъ, выбирать нѣсколько болѣе мягкие, соблюдать извѣстный декорумъ. Но все же не было на кievскомъ столѣ ни одного князя за этотъ періодъ, который бы не стремился, улучивъ удобный моментъ, умножить доставшееся ему владѣніе все новыми и новыми удѣлами изъ старого наслѣдія Владимира Великаго. Усилия эти имѣютъ не одинаковый успѣхъ; но въ общемъ препятствія все возрастаютъ, и періоды усиленія кievского стола раздѣляются все болѣе продолжительными промежутками, и результаты усилий кievскихъ собирателей все болѣе отстаютъ отъ былого единовластія ихъ дѣда и прадѣда.

Уже Ярославу, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, не удается собрать въ своихъ рукахъ всѣ земли, принадлежавшія Кievскому государству при его отцѣ; двадцать два года минуло отъ смерти Владимира, прежде чѣмъ ему удалось стать «еди-

новластнымъ», какъ называетъ его лѣтописецъ, но это «единовластво», продолжавшееся около 17 лѣтъ, не было полнымъ до самой смерти Ярослава. Одна изъ значительнѣйшихъ волостей, Полоцкая, осталась внѣ его владѣнія, во власти своей особой династіи. Послѣ смерти Ярослава, собранныя имъ земли раздѣлились на шесть частей между его потомствомъ и, несмотря на всѣ усиленія старшихъ Ярославичей, имъ не удалось ни лишить владѣній потомство ихъ младшихъ братьевъ, ни собрать въ своихъ рукахъ хотя приблизительно то, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ. Наибольшихъ успѣховъ достигъ Все-володъ Ярославичъ, но минуло цѣлыхъ двадцать четыре года отъ смерти Ярослава, прежде чѣмъ ему удалось то, что преданный ему лѣтописецъ называетъ: «перея всю власть Русскую». Его обладаніе этими землями было непрочно, тревожно, хотя и продолжалось въ общемъ около 15 лѣтъ; внѣ его владѣнія оставались уже Волынь, Туровъ, Муромъ и Тмутаракань, и, кроме его линіи, еще пять династій — одна, шедшая отъ Владимира, и четыре отъ Ярослава — претендовали на владѣніе и владѣли дѣйствительно болѣе или менѣе значительными удѣлами въ наслѣдіи Владимира Великаго. Сынъ Все-волода Мономахъ не въ состояніи былъ удержать въ рукахъ одной изъ наиболѣе значительныхъ волостей, захваченной его отцомъ, Черниговской земли, и хотя успѣлъ захватить взамѣнъ Туровъ, Минскъ и Волынь (безъ Галичины, однако), однако, послѣднее значительное пріобрѣтеніе — присоединеніе Волыни — удалось ему сдѣлать всего лишь за семь лѣтъ передъ своюю смертью, черезъ 25 лѣтъ посдѣ смерти отца. Наконецъ, сынъ Мономаха

Мстиславъ, послѣдній крупный носитель кievскихъ традицій и кievского престижа, не владѣлъ уже и половиною земель наслѣдія Владимира Великаго и если успѣлъ присоединить къ своей «отчинѣ» еще Полоцкъ и Курскъ, то это новое усиленіе кievского владѣнія продолжалось всего нѣсколько лѣтъ.

Внѣшимъ препятствіемъ, о которое разбивались усиленія представителей традицій кievского стола, было умноженіе княжья, увеличеніе династіи, и новые принципы общественной этики, осуждавшіе старые способы, которыми поддерживалось прежнее единство. Внутреннія причины разложенія залегали въ самой жизни земель — провинції кievского стола. По мѣрѣ того, какъ новая государственная организація глубже проникаетъ во внутренній укладъ и жизнь земель, послѣднія все болѣе настойчиво и сильно проявляютъ стремленіе не только приоровиться къ новымъ государственнымъ отношеніямъ, но и приоровать эти послѣднія къ своимъ потребностямъ и интересамъ и на почвѣ новаго княжеско-дружинного уклада возобновить свою самостоятельную жизнь, обособиться въ автономное политическое тѣло. Княжеско-дружинный строй локализируется, расчленяясь на почвѣ земель-волостей на рядъ болѣе мелкихъ единицъ, съ извѣстными видоизмѣненіями, отражающими и повторяющими въ себѣ структуру былого цѣлага. Изъ потомства Владимира Великаго образуются мѣстная земская династія, за невозможностью опереться исключительно на свои сравнительно небольшія дружины, ищущія опоры въ самой землѣ, въ ея руководящихъ классахъ. Онѣ прислушиваются къ го-

лосу вѣча, стараются пріобрѣсти его симпатіи и часто дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ. Для земли, для ея правящихъ верховъ представляется возможность обеспечить свою внутреннюю независимость и самобытность, поставивъ ее подъ защиту княжеско-дружинного режима, подъ покровъ своей мѣстной династіи, обособленной изъ общей массы потомства Владимира Великаго и ея дружины. И если княжеская вѣтвь, выпавшая на ея долю въ силу какихъ-либо случайностей и княжескихъ дѣлежей, оказывается сколько-нибудь сносной,—руководящіе классы земли готовы, съ своей стороны, оказать ей всякое содѣйствие

въ закрѣплении за собою этой волости, въ борьбѣ съ аппетитами кievскихъ собирателей, чтобы охранить землю отъ постороннихъ вмѣшательствъ и вторженій. Въ результатѣ кievскимъ князьямъ приходится вести борьбу не только со своими родственниками и ихъ дружины, но и съ самими землями, подъ покровомъ своей новой династіи всѣми силами отстаивающими свою самостоятельность и самобытность. И центростремительная сила государственной машины все менѣе и менѣе, вслѣдствіе собственнаго ослабленія, преодолѣваетъ эти центробѣжныя стремленія¹⁾.

Паденіе кievскаго стола.

Все возрастающее уменьшеніе владѣній, остававшихся въ непосредственномъ распоряженіи кievскаго стола за этотъ періодъ, давало кievскому князю все меньше средствъ бороться съ стремленіемъ земель къ обособленію, князей—къ независимости. Только благодаря выдающимся способностямъ да еще тому обстоятельству, что родственная связь внутри отдельныхъ линій Ярославова дома отличались еще значительною свѣжестью, и кievскій князь кромѣ своихъ непосредственныхъ владѣній могъ разсчитывать на помощь и поддержку сыновей или меньшихъ братьевъ, кievскимъ князьямъ этого періода еще временами удавалось поддерживать былой престижъ кievскаго стола, играть роль сколько-нибудь реального главы всей политической системы бывшаго кievского государства.

Правнукъ Ярослава Мстиславъ можетъ считаться послѣднимъ пред-

ставителемъ этого значенія кievскаго стола. Его личная владѣнія были уже сравнительно очень не велики, и его авторитетъ опирался на томъ уваженіи, какое онъ имѣлъ внушить къ себѣ представителямъ другихъ линій, и на пietизмъ младшихъ братьевъ, получившихъ остальную землю изъ наследія Мономаха. Брать его Ярополкъ, смѣнившій Мстислава на кievскомъ столѣ (1132), совершенно не имѣлъ уже этого престижа, и когда вопросъ о преемствѣ кievскаго стола поставилъ раздоръ между потомствомъ Мономаха и вызвалъ борьбу между дѣтьми Мстислава и младшими братьями его, черниговская линія, пользуясь этой распрай, совершенно выходитъ изъ подчиненія авторитету кievскаго князя, и этотъ послѣдній оказывается совершенно безсильнымъ,

¹⁾ Подробнѣе „Історія України“, II гл. 2 и 3, также мой „Очеркъ исторіи Кіевской земли“ (1891).

въ виду поднявшейся смуты. Со смертью Ярополка династія Мономаха, стремившаяся удержать Киевъ исключительно въ своихъ рукахъ, разбитая внутреннимъ соперничествомъ, потеряла Киевъ, захваченный черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ. По смерти Всеволода (1146) возникаетъ еще болѣе ожесточенная борьба, такъ какъ съ претензіями на Киевъ выступаютъ одновременно сыновья Мстислава, представители младшихъ линій Мономахова дома (Юрій сузdal'скій) и двѣ вѣтви, старшая и младшая черниговской династії. Киевское населеніе пробовало поддержать старшую линію Мономаха (сыновей Мстислава), чтобы превратить Киевскую землю въ обособленное и замкнутое политическое цѣлое, въ какія превратились или какъ разъ превращались въ это время другія земли. Но исключительное положеніе Киева, какъ самого большого и богатаго столичнаго города, съ которымъ связывались традиціи первенства и власти надъ прочими князьями, стало препятствіемъ для осуществленія этихъ стремленій: прочія династіи не хотѣли позволить Мстиславичамъ обратить Киевъ въ свое исключительное владѣніе. Отсутствие выработанного и общепринятаго порядка преемства на княженіе запутывало еще болѣе положеніе дѣлъ, дѣля его почти безвыходнымъ: принципъ наслѣдованія по прямой линіи (отъ отца къ сыну) постоянно сталкивался съ принципомъ родового старѣшинства: преемства отъ брата къ брату и только послѣ младшихъ дядьевъ къ сыновьямъ старшаго брата.

Тридцать пять лѣтъ (1146 — 1181) проходитъ въ безпрестанныхъ смѣнахъ князей на кievскомъ столѣ и

почти безпрерывныхъ войнахъ, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостояніи города и земли, тѣмъ болѣе, что претенденты изъ черниговской и сузdal'ской линіи не стѣснялись употреблять въ качествѣ союзниковъ половецкія орды, жестоко разорявши землю, и не останавливались предъ разгромами самого Киева. Киевъ, и Киевская земля вообще быстро приходятъ въ упадокъ на протяженіи XII в. Тюркская эмиграція, возобновившаяся съ новою силою во второй половинѣ XI вѣка (приходъ Тюрковъ и особенно Половцевъ) разрушила возобновленную колонизацію южныхъ частей Полянской земли; за исключеніемъ сѣвернаго угла, она нѣсколько разъ превращалась въ пустыню; населеніе отливало въ другія, болѣе спокойныя мѣстности; экономическая жизнь приходила въ полное разстройство, и этотъ упадокъ благосостоянія земли, конечно, отражался весьма сильно на престижѣ ея старой столицы. Торговля очень сильно терпѣла отъ небезопасности южныхъ и восточныхъ дорогъ; (вслѣдствіе половецкихъ нападеній) торговое движеніе, если не прекратилось вовсе, то слабѣло и сокращалось благодаря трудностямъ, съ которыми было сопряжено, послѣ того какъ тюркскія орды завладѣли степями, вытѣснивъ оттуда старое славянское населеніе. Обосображеніе земель — бывшихъ провинцій Киева сопровождалось развитиемъ въ нихъ центровъ самостоятельной политической и культурной жизни, оттягивавшихъ къ себѣ значительную часть военно-торгового класса, этой старой «Руси», прежде безраздельно тяготѣвшей къ Киеву, и культурныхъ и экономическихъ силъ, группировавшихся раньше около Киева.

Все это вліяло на ослабленіе кіевской земли и Кіева, а полстолѣтіе безпрерывныхъ смутъ и войнъ за Кіевскій столъ, разгромовъ земли и самаго города, довершало разореніе и упадокъ ихъ. Старое богатство и блескъ Кіева все болѣе исчезали, а это въ свою очередь отражалось на политической роли его, на престижѣ и авторитетѣ его князей, терявшихъ постепенно

своє значеніе въ политической системѣ, на которую разлагалось Кіевское государство. Изъ главы послѣдняго кіевскій князь постепенно переходилъ въ положеніе старшаго между равными, а затѣмъ и въ ряды вовсе заурядныхъ и даже—не наиболѣе выдающихся представителей этой политической системы ¹⁾).

Обособленіе земель. Югъ и Сѣверъ.

Паденіе кіевскаго стола, силы и власти кіевскихъ князей сопровождалось выдѣленіемъ земель, образовавшихся на старой племенной основѣ, подъ вліяніемъ городскихъ системъ, въ связи съ различными династическими и политическими комбинаціями. Постепенно онѣ занимали все болѣе обособленное положеніе въ политической системѣ, образовавшейся на развалинахъ старого Кіевскаго государства, и затѣмъ у себя внутри обыкновенно повторяли въ меньшихъ размѣрахъ тотъ же процессъ разложения и превращенія въ систему болѣе мелкихъ удѣловъ и династій—русскую политическую систему въミニатюре.

Первой выдѣлилась Полоцкая волость старшаго сына Владимира Изыслава, занявшая затѣмъ совершенно обособленное положеніе относительно прочихъ земель, сосредоточившихся въ рукахъ Ярослава и его линіи. Всѣ попытки кіевскихъ князей овладѣть этой волостью и связать снова съ Кіевомъ разбиваются о сопротивленіе земли, цѣпко державшейся династіи, данной ей капризомъ случая; она все болѣе и болѣе обособляется, занятая своими мѣстными интересами, борьбой

съ западными и сѣверными соѣдями, литовскими племенами, торговыми и всякими другими сношеніями, тѣсно связывавшими ее съ балтійскимъ поборьемъ, и незамѣтно уходитъ съ горизонта украинскихъ земель, обращенныхъ своими интересами къ югу, и съ горизонта земель великорусскихъ, обращенныхъ на востокъ, и въ этомъ политическомъ обособленіи на территории полоцкихъ земель вырастаетъ и формируется бѣлорусская народность, самая исконная и старая части которой входятъ въ составъ этихъ земель.

Славянскія колоніи въ земляхъ верхней Волги, съ дальнѣйшимъ ростомъ славянской колонизаціи на востокъ становящіяся колыбелью великорусской народности, Новыи Свѣтомъ восточно-славянскаго міра. Постепенно приобрѣтая все болѣе важное значеніе, начинаютъ обособляться съ концомъ XI в. въ рукахъ младшихъ княжичей династіи Ярослава, въ видѣ двухъ большихъ волостей—Ростово-Сузdalской и Муромо-Рязанской, и по мѣрѣ того какъ этимъ

1) Подробнѣе: „Історія України“, II гл. 3, также „Очеркъ ист. Кіевской земли“.

младшимъ линіямъ не удается утвердить своихъ правъ на отчіе столы, захваченные представителями старшой линіи, обособленность этихъ земель все болѣе возрастаетъ. Почти одновременно обособляется и сѣверно-великорусская территорія, тяготѣющая къ Великому Новгороду. Воспользовавшись усобицей, начавшейся въ кievской линіи Ярославова дома, Новгородъ разрываетъ свою зависимость отъ Киевского стола, поставившаго его было въ роль старшой волости, находившейся въ держаніи старшаго княжича кievской династії. Но вмѣсто того, чтобы обособиться во владѣніи какой-либо линіи, по примѣру другихъ земель, Новгородъ призываетъ князей изъ разныхъ линій, не давая имъ укрѣпиться въ землѣ и расширяя компетенцію своихъ выборныхъ представителей за счетъ княжьей власти.

Съ обособленіемъ сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ провинцій въ болѣе тѣсную семью должны были сомкнуться южная земли, — территорія украинская. Къ нимъ, однако, по династическимъ, торговымъ и всякимъ другимъ связямъ тяготѣли и нѣкоторыя другія земли. Такъ Смоленская земля долго тянула къ Киеву въ силу династическихъ отношеній, въ основѣ которыхъ лежали старыя торговые связи. Турово-пинская земля, межеумочная и по своему этнографическому составу, тяготѣла еще долѣе къ Волыни. Но политического единства не было среди украинскихъ земель. Ранѣе всего и наиболѣе рѣзко обособилась Галицкая земля въ рукахъ потомковъ рано умершаго старшаго Ярославича Владимира; цѣликомъ поглощенные своими отношеніями на западной границѣ, потомки эти

всѣми силами старались отмежеваться на востокѣ и обезопасить себя съ этой стороны. Затѣмъ вырвалась изъ рукъ кievской династіи Черниговская земля; но ея энергическая династія, обезопасивъ себя отъ притязаній кievскихъ князей, сама переходитъ въ наступление, стремясь объединить въ своихъ рукахъ южная волости, и достигаетъ временами весьма значительныхъ, хотя и не прочныхъ успѣховъ, захватывая Кіевъ, Переяславъ и Галичъ. Усобица, возгорѣвшаяся вокругъ Кіева въ половинѣ XII в., даетъ возможность разорвать свою зависимость отъ кievского стола Переяславской землѣ: въ виду своей слабосильности, она старается обезопасить себя отъ кievскихъ притязаній, отдавшись подъ покровительство суздальской династіи, между тѣмъ какъ Турово-пинскія земли, поставленныя въ болѣе благопріятныя географическія условія, добиваются въ это же время независимости собственными силами, и въ концѣ концовъ та и другая весьма энергично отстояли себя отъ попытокъ кievскихъ князей обратить ихъ снова въ кievскія волости. Наконецъ съ послѣдней четвертью XII в. отдѣляется отъ Кіева тѣснымъ династическимъ узломъ связанная съ нимъ Волынь, чтобы вслѣдъ затѣмъ въ новыя тѣсныя связи войти съ выморочной Галицкой волостью. Несмотря на этотъ процессъ политического разложенія юга и перекрещающіяся политическія комбинаціи (въ родѣ связи Смоленска съ Кіевомъ и Переяслава съ Суздalemъ, жестокой борьбы новгородскихъ автономистовъ съ суздальскими притязаніями, противъ которыхъ они ищутъ поддержки у южныхъ князей, и т. п.), процессъ расхожденія политической, а затѣмъ

и культурной жизни Юга и Съвера даегъ себя чувствовать и движется неустанно. Сузdalьскіе князья, въ качествѣ представителей младшей линіи Мономахова дома сначала, въ лицѣ Юрія Сузdalьскаго, добивавшіеся допущенія къ кievскому столу, соотвѣтственно принципамъ родового старѣйшинства, и выдержавшіе упорнѣйшія войны для этой цѣли, во второй половинѣ ХІІ вѣка мѣняютъ тактику. Они требуютъ признанія своего первенства и главенства въ политической системѣ, но занимать для этого кievскій столъ не хотятъ самолично: положеніе кievскаго князя становится слишкомъ хлопотливымъ и труднымъ, да и весь складъ политической и общественной жизни Юга становитея имъ несимпатичнымъ и враждебнымъ, по мѣрѣ того, какъ сами они втягиваются все болѣе въ условія и отношенія своихъ съверо-восточныхъ отчинъ. Безконечная галлерея равноправныхъ въ принципѣ князей, династические счеты и патріархальныя отношенія, выдающееся вліяніе боярства и контроль вѣча надъ политикою князей—все это отталкиваетъ отъ себя сузdalьскихъ самовластцевъ, успѣвшихъ привыкнуть къ авторитѣтическихъ порядкамъ, слагающимся на съверо-востокѣ. Не желая играть роли на политической почвѣ Юга, въ качествѣ заурядныхъ представителей мѣстнаго княжья, сузdalьскіе князья стремятся всѣми мѣрами подорвать значеніе кievскаго стола, принизить значеніе Кіева и Кіевской земли, чтобы за ихъ счетъ поднять свой престижъ, свой авторитетъ въ политической системѣ старого Кіевскаго государства. Въ 1169 г. сынъ и преемникъ Юрія—Андрей, вмѣшившись въ усобицу кiev-

скихъ князей, выслалъ на югъ войско, подвергшее Кіевъ жесточайшему разграбленію, и поставивъ такимъ образомъ Кіевскую землю въ зависимость отъ себя, онъ хотѣлъ распоряжаться Кіевомъ и его пригородами цо своему усмотрѣнію, давая кievскій столъ и другія кievскія волости то тому то другому изъ младшихъ князей южныхъ династій и сузdalьской линіи. Неожиданная смерть Андрея прервала эту тонкую и безжалостную политическую игру, имѣвшую цѣлью всячески подорвать значеніе кievскаго стола и понизить вообще политическая традиція Юга предъ новымъ сузdalьскимъ центромъ. Но послѣ нѣкотораго промежутка ту же тактику, только въ болѣе осторожныхъ формахъ, возобновляетъ братъ и преемникъ Андрея—Всеволодъ. Когда въ 1180-хъ годахъ, послѣ безконечныхъ войнъ и усобицъ, на югѣ возстановилось политическое равновѣсіе, благодаря компромиссу между старшой линіей Мономаховичей и черниговскими князьями, и кievскій столъ получилъ нѣкоторую устойчивость и значеніе,—Всеволодъ, опасаясь, чтобы политическое равновѣсіе Юга не дало возможность Кіеву усиливаться и выйти изъ-подъ вліянія сузdalьскихъ князей, рядомъ тонко задуманныхъ интригъ перессорилъ южныхъ князей и вызвалъ рядъ новыхъ усобицъ, запутавшихъ въ конецъ политическая отношенія и принесшихъ новая опустошенія Кіевской землѣ и новый жестокій погромъ самаго Кіева.

Это былъ послѣдній ударъ, въ конецъ подорвавшій, дѣйствительно, былое значеніе Кіева. Послѣ этого болѣе энергичные и проницательные политики уже рѣшительно пренебрегаютъ кievскимъ столомъ. Новые по-

литические центры создаются въ другихъ земляхъ: на сѣверѣ—въ Суздалѣ, на югѣ—въ Галичѣ; за Киевъ продолжаютъ бороться второстепенные князья: изъ черниговской династіи и изъ младшей линіи Мстиславичей (смоленской). Но поставить южныя земли въ сколько-нибудь тѣсную и непосредственную зависимость отъ себя, сломивъ Киевъ, сузdalскимъ князьямъ не удается. И съ упадкомъ Киева, этого единственнно связующаго политического центра старой системы Киевскаго государства, она только еще глубже расчленяется на главныя свои группы: политическая и культурная жизнь бѣлорусскаго сѣверо-запада, великорусскаго сѣверо-востока и украинскаго юга расходится все дальше и больше¹⁾.

Кievская земля, подобно всѣмъ другимъ, стремилась къ обособленію; руководящіе классы хотѣли превратить ее въ замкнутое политическое тѣло, свободное отъ пертурбаций, вносимыхъ дипломатическими и династическими комбинаціями въ систему старого Киевскаго государства. Для этого они старались помочь излюбленной своей династіи—линіи Мстислава Мономаховича закрѣпить Киевскую землю за собою и за своимъ потомствомъ въ прямой линіи; эту систему, наиболѣе простую, кievскіе круги предпочитали болѣе сложному и спутанному порядку родового старѣйшинства. Но этому препятствовало *privilegium odiosum*—историческая традиція Киева; кievскій князь, въ силу обладанія столомъ старой столицы, претендовалъ на исключительное положеніе среди княжья, роль вліятельного старѣйшины, и для осуществленія этого вліятельного положе-

нія, по старой традиціи, стремился расширять свои владѣнія за предѣлами Киевской земли. Въ виду той же исключительной роли Киева другія княжескія линіи не мирились съ исключительнымъ владѣніемъ потомковъ Мстислава, не соглашались оставить старѣйшинство «въ Русской землѣ» въ исключительномъ обладаніи ихъ, и это было причиной того, что борьба за Киевъ идетъ безпрерывно все время. Киевское вѣче сначала (въ 1140-хъ гг.) дѣлало попытки поддержать возможно энергично своимъ вліяніемъ и силами земли своихъ излюбленныхъ князей, наклонить вѣсы въ пользу кievской линіи Мстиславичей; потомъ убѣдилось въ бесплодности этихъ усилий, въ безвыходности этой борьбы и по большей части держало себя пассивно и нейтрально, чтобы не навлекать на себя мщенія со-перниковъ, и изрѣдка лишь выходило изъ такой пассивной роли. Но эта нейтральность все-таки не избавляла землю отъ всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій усобицъ—нашествія чужихъ ратей съ ихъ поборами и мародерствомъ и особенно разорительного присутствія союзныхъ полковъ половецкихъ, опустошеній земли и самаго столичнаго города, разстройства сельскаго хозяйства и торговыхъ сношеній, гибельно отзывающихся на жизни земли, на ея колонизаціи, на ея благосостоянії.

Въ составъ земли, кромѣ старой полянскай территоріи, все время входила земля древлянская, такъ что въ общемъ территорія Киевской земли занимала, кромѣ нынѣшней Киевской губерніи (исключая ея южную часть) еще значительную часть (восточную) губерніи Волынской. Вся политическая и культурная жизнь ея, однако, сосредоточивалась на старой полянской терри-

1) Подробнѣе тамъ же.

торі, особено ея съверной части, въ Киевѣ и его окрестностяхъ, такъ какъ южная часть, подверженная нападеніямъ кочевниковъ, опустѣла и заселена была въ XII—XIII в. въ значительной степени тюркскими поселенцами, мало культурными и чуждыми мѣстной жизни. Населеніе древлянской земли также жило особнякомъ и не принимало дѣятельного участія въ политической жизни Киева, его стремленіяхъ и симпатіяхъ; этимъ объясняется и сравнительная малосильность кievской общины—что она, кромѣ самаго города распоряжалась лишь силами весьма небольшой территории ближайшихъ пригородовъ Киева. Но въ общемъ, въ противоположность другимъ землямъ, разбивавшимся на цѣлый микрокосмъ волостей и мелкихъ волостныхъ династій, земля сохраняла свое единство все время, до самаго татарского нашествія. Это было прежде всего послѣдствіемъ того обстоятельства, что Киевская земля не успѣла обособиться въ замкнутое политическое тѣло: рѣзкія смѣны князей и династій на кievскомъ столѣ слишкомъ сильно и часто встраивали всю политическую систему земли, не давая возможности отвердѣть ея волостямъ, и образоваться мѣстнымъ династіямъ. Другая причина лежала въ слабости кievскихъ пригородовъ: изъ нихъ ни одинъ не выдвинулся настолько, чтобы играть сколько нибудь самостоятельную роль. Киевъ, даже и ослабленный и потерявшій свой былой престижъ, все-таки доминировалъ надъ ними слишкомъ сильно, подавляя ихъ остатками своего богатства, культуры, славы, традиціи. Только погромъ 1240 г. окончательно подорвалъ его значеніе, и слѣдствіемъ его было то, что кievская

волость разложилась тогда, вѣроятно, въ весьма значительной степени на рядъ обособленныхъ общинъ, и связь земли разрушилась¹⁾.

Черниговская земля, какъ было выше уже упомянуто, выдѣлилась изъ состава старой съверской территоії, притянувъ, подобно Киеву, сосѣднія иноплеменные территоії съ слабо развитой политической жизнью—Радимичей и Вятичей, которыхъ затѣмъ остаются въ продолженіе ряда столѣтій прочно связанными съ Черниговомъ, не играя выдающейся роли въ мѣстной политической жизни, подобно древлянскимъ аннексамъ Киева. Земля занимала нынѣшнюю Черниговскую губернію, кромѣ южной ея части, почти всю Орловскую и значительныя части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской. Благодаря значительнымъ размѣрамъ и силамъ своего съверянскаго ядра, обособилась она скоро и успѣшно, а династія, въ лицѣ потомства Святослава Ярославича, попалась достаточна энергическая и талантливая, чтобы использовать силы земли для обеспеченія ея и себя. Пользуясь увлеченіемъ Святослава, захватившаго Киевъ, его братья пробовали лишить Святославичей отцовскихъ земель, но Святославичи, въ особенности талантливый и энергичный Олегъ, родоначальникъ позднѣйшей черниговской династіи, опираясь на сочувствие земли и беззастѣнчиво пользуясь помощью половецкихъ ордъ, такъ энергично противостояли князьямъ-обидчикамъ, причиняли имъ такія беспокойства и ихъ землямъ такія опустошенія

1) Обзоръ строя и жизни земель—„Історія України“, т. II, Киевская земля—гл. 4, также „Очеркъ исторіи Киевской земли“.

нападеніями союзныхъ ордъ, что въ концѣ концовъ Черниговское княжество было возвращено Святославичамъ и осталось въ ихъ владѣніи до конца. Проявляя очень большую экстенсивную энергию, претендую довольно успѣшно и на владѣніе Кіевомъ, захватывая временами другія земли и волости, черниговскіе «Ольговичи» никоимъ образомъ не допускали князей изъ другихъ династій въ свои Черниговскія волости и сумѣли удержать послѣднія въ полномъ и исключительномъ своемъ владѣніи.

Династія эта была очень многочисленна; старшая линія ея угасла во второй половинѣ XII в., младшая дала начало линіи князей муромо-рязанскихъ, средняя—потомство Олега осталась исключительнымъ обладателемъ черниговскихъ волостей и быстро размножалась, полагая начало огромному числу позднѣйшихъ княжескихъ, уже не владѣтельныхъ родовъ. Но по сравненію съ другими династіями, Ольговичи отличались довольно значительной солидарностью и выработали нѣкоторый, хотя довольно несовершенный, порядокъ перехода столовъ—такъ называемое «лѣстничное восхожденіе», передвиженіе князей съ младшихъ столовъ на старшіе, болѣе значительные, въ порядке старшинства, по принципу родовому, т.-е. отъ старшаго брата къ младшему и отъ младшихъ братьевъ къ сыновьямъ старшаго брата. Благодаря этому нѣкоторому порядку (далеко, впрочемъ, не разработанному въ деталяхъ) конфликты и войны между мѣстными князьями были сравнительно рѣдки, и это въ связи съ сравнительной обеспеченностью отъ постороннихъ вторженій и претензій, давало

землѣ относительное спокойствіе. Но эта же сравнительная устойчивость княжескихъ отношеній, въ связи съ многочисленностью династіи, была причиной большого дробленія земли на княжы волости, все рѣзче обособлявшіяся и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій (XIII—XIV), съ дальнѣйшими развлечениями династіи, раздроблявшіяся на все болѣе мелкія княжества, по величинѣ и характеру своему приближавшіяся къ крупнымъ имѣніямъ. Въ особенности развивается этотъ мелковолостной строй въ юго-восточной части Черниговскаго княжества, въ старой землѣ Вятичей, куда отливаетъ колонизация и экономическая жизнь изъ южныхъ черниговскихъ волостей послѣ монгольского нашествія.

Этотъ отливъ, впрочемъ, начинается еще раньше съ усиленіемъ тюркскаго наитиска и съ развитіемъ княжескихъ усобицъ на Поднѣпровье въ половинѣ XII в. Курскъ, центръ юго-восточной части княжества, превращается въ пограничный со степью городъ, и эта часть земли замѣтно и сильно пустѣетъ. Черниговъ, выдвинувшійся на первый столъ земли еще въ X в., оттѣсивъ совершенно на другой планъ, поднѣпровскій Любечъ (замѣтный еще въ 1-ой половинѣ X в., какъ важный торговый центръ, потомъ заглохшій), хотя сохраняетъ свое значеніе столицы земли до самого татарскаго погрома,— тоже постепенно слабѣетъ, по мѣрѣ того, какъ пусгѣтъ и юго-западная закраина земли, и черниговскіе пригорода становятъ мѣстожительствомъ одного вотчинно-служебного населенія и княжьей службы, «псарей и Половцевъ», по рѣзкому выраженію одного изъ князей. Все больше выдвигается

болѣе удаленный отъ этого тревожнаго сосѣдства Новгородъ-Сѣверскій, официально считающійся вторымъ столомъ земли (обычай, по которому новгородъ-сѣверскій столъ служилъ обыкновенно переходною ступенью къ старшему, черниговскому столу, помѣшалъ окончательному обособленію этой волости отъ Чернигова). Послѣ монгольского нашествія разгромленный Черниговъ теряетъ значеніе и выдвигается Брянскъ, центръ вятическихъ волостей, въ которыхъ уже со второй половины фактически сосредоточивается «вся жизнь» черниговскихъ князей.

Переяславская земля выдѣлилась изъ сѣверской племенной территории, расколовшейся, благодаря наличности двухъ крупныхъ соперничающихъ центровъ, Чернигова и Переяславля, изъ которыхъ первый притянулъ къ себѣ сѣверную, а второй южную часть территории. Это раздвоеніе восходитъ, очевидно, къ очень старымъ временамъ. Уже въ началѣ X в. Переяславль выступаетъ рядомъ съ Киевомъ и Черниговомъ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ княжеско-дружинныхъ центровъ — быть можетъ, какъ ключъ къ юго-восточному торговому пути, или какъ форпостъ Киева со стороны степей. Съ концомъ X в. за нимъ утверждается значеніе одного изъ важнѣйшихъ центровъ Поднѣпровья, третьяго по рангу княжескаго стола, послѣ Киева и Чернигова; при всякихъ политическихъ комбинаціяхъ онъ и Черниговъ получаютъ своихъ отдѣльныхъ князей, а съ переяславской каѳедрой долгое время даже былъ связанъ титулъ митрополита. Переяславское населеніе, очевидно, очень дорожило такимъ самостоятельнымъ положеніемъ и ревниво относилось къ нему, и если

со стороны черниговскихъ князей мы видимъ неоднократныя попытки воз- соединить переяславскую волость съ черниговскими, то переяславское на-селеніе, очевидно, не имѣть ни ма- лѣйшаго тяготѣнія къ единоплеменной Черниговской землѣ, хотя колониза-ціонныя отношенія Переяславской зе-мли, расположенной внѣ линіи лѣса, совершиенно открытой со стороны степи и подвергавшейся жесточайшимъ опу-стошениемъ со стороны степняковъ, заставляли населеніе тяготѣть къ сѣ-веру, лучше защищенному естествен-ными условіями мѣстности. Небольшие размѣры земли, занимавшей въ XI в. южный край нынѣшней Черниговской губерніи и сѣверо-западный нынѣшней Полтавской (если исключить слабо-населенные пограничные со степью окраины), и неблагопріятное погранич-ное со степью положеніе, выставлявшее Переяславцевъ на первый огонь всякихъ степныхъ грозъ, послѣ того какъ сте-пное населеніе отлило отсюда и от-крыло предстепную полосу, — создавали весьма неблагопріятные условія для экономической и культурной жизни и дѣлали эту землю очень слабосильной. Переяславскіе князья, предоставленные силамъ земли, не могли играть сколько нибудь значительной роли. Въ первой половинѣ XII в. Переяславль является второстепенной по существу, хотя и почетный по рангу волостью въ рас-поряженіи кievской династіи (одно время онъ считается ближайшей сту-пеню къ Киеву, волостью наследника кievскагопрестола). Переяславскіе круги не мирились съ ролью такой зависимо-сти отъ кievскаго стола и, чтобы выйти изъ нея и обезопасить себя, съ одной стороны, отъ притязаній черниговскихъ князей, съ другой стороны — отъ влія-

ній кіевськихъ, отдались въ половинѣ XII в. подъ покровительство далекой ростово-суздальской династіи, которая въ силу отдаленности своихъ владѣній не могла превратить Переяславль въ простую провинцію, а съ другой стороны своимъ вліяніемъ могла гарантировать Переяславцамъ извѣстную безопасность отъ притязаній сосѣдей. Съ этой стороны расчетъ былъ вѣренъ, и въ продолженіе почти столѣтія Переяславская земля остается въ управлениі младшихъ князей суздальской династіи; но мѣстной династіи тутъ не образовалось, и большею частью князья переходили позже на другіе столы Суздальской земли, такъ что замкнутымъ тѣломъ Переяславлю стать не удалось. Съ другой стороны изолированное положеніе его князей среди сосѣдникъ династій довольно неблагопріятно отражалось на условіяхъ борьбы съ степняками, составлявшей наиболѣе чувствительный нервъ въ жизни земли. Но послѣдняя предпочитала сносить всѣ эти неудобства за цѣну политической независимости отъ сосѣднихъ земель.

Тюркскій натискъ давалъ себя чувствовать Переяславлю болѣе, чѣмъ какой либо другой землѣ. Значеніе Переяславля и Переяславской земли, очевидно, выросло въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ колонизаціи; быть можетъ, къ Переяславу тянули нѣкогда болѣе южныя, не-сѣверскія поселенія. Съ X вѣка, когда эти благопріятныя условія исчезли, видимъ постоянное паденіе стола и земли. Временами она подвергалась такимъ сильнымъ раззореніямъ, что пустѣла почти совершенно, наприм., въ концѣ XI в., и для укрѣпленія южныхъ границъ прибѣгали къ усиленной тюркской

колонизаціи. Борьба съ Тюрками поэтому здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Кіевской землѣ, гдѣ она тоже служила первымъ условіемъ популярности князя, была первѣшней задачею мѣстнаго правительства, и около борьбы съ степью образуются сохранившіеся остатки мѣстныхъ эпическихъ сказаній¹⁾.

Волынская земля — старая территорія Дулѣбовъ, также издавна выдавалась многочисленностью большихъ городскихъ центровъ. Старый городъ Волынь, давшій имя землѣ, съ которымъ связывается разсказъ Масуди о старомъ словянскомъ государствѣ Валиана, позже былъ затертъ и лишенъ значенія возникшимъ въ его сосѣдствѣ городомъ Владимиромъ, основанномъ, какъ показываетъ имя, Владимиromъ Великимъ. Другой старинный центръ Бужскъ, центръ западной Волыни, позже уступаетъ мѣсто Червеню, и еще позже Белзу. За то Луцкъ, сообщившій свое имя южной Волыни уже въ X в., остается въ роли центра ея и позже. Въ сѣверной Волыни видимъ выдающіяся города Берестѣ и Дорошчинъ. Такого стремленія къ обособленію, какъ наприм., у Переяславцевъ, мы въ этихъ городскихъ центрахъ не замѣчаемъ (наиболѣе слабо связана была съ остальною Волынью сѣверная, Берестейско-Дорошчинская область); несмотря на это, въ силу большого протяженія и наличности такихъ значительныхъ, старинныхъ центровъ, земля представляла

1) О Черниговской и Переяславской землѣ — „Історія України“, II гл. 5, а также: Багалѣй — „Історія Сѣверской земли до пол. XIV в.“, 1882, Голубовскій — „Істор. Сѣверск. земли до пол. XIV в.“, Ляскоронскій — „Історія Переяславск. земли до пол. XIV в.“, 1903.

систему ясно обозначенныхъ областей, временами обособлявшихся въ отдѣльные княжества. Въ цѣломъ эти волынскія волости заключали западную (большую) половину нын. Волынскій губ., части губерній Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской (Побужье) и сѣверо-западный уголъ нынѣшней Галиціи.

При раздѣлѣ наслѣдства Ярослава—Волынь досталась одному изъ младшихъ сыновей его, Игорю, но потомству его не удалось удержать въ своихъ рукахъ это владѣніе. Захваченная вскорѣ княземъ кievскимъ Изяславомъ, волынскія земли послѣ этого цѣлое столѣtie то выдѣлялись въ удѣлъ другимъ князьямъ, то снова попадали въ руки кievскаго князя. Только въ половинѣ XII в. Волынь на долго переходитъ во владѣніе старшей линіи Мономаха, потомковъ кievскаго князя Изяслава Мстиславича, и остается въ ихъ рукахъ, независимо отъ того, сидятъ ли они на кievскомъ столѣ или нѣтъ. На эту династію—потомство Изяслава Мстиславича—волынскія земли смотрѣли, какъ на свою земскую династію, и связаны были съ нею известною симпатією. Въ рукахъ внуковъ и правнуоковъ его, въ послѣдней четверти XII в. раздѣляются онѣ, по своимъ составнымъ частямъ, на цѣлый рядъ княжествъ, но потомъ въ XIII в. эти многочисленныя линіи волынской династіи постепенно угасаютъ, и въ половинѣ этого столѣtія вся земля собирается въ одинѣхъ рукахъ—кн. Василька Романовича. Земля жила сравнительно спокойною жизнью—гораздо спокойнѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ Поднѣпровье. Устойчивость политическихъ отношеній, довольно прочно установившихся уже со второй четверти XII в., способствовала

развитію здѣсь крупныхъ городскихъ центровъ, богатаго и культурнаго мѣщанства, среди котораго уже въ XIII замѣчаемъ слѣды привилегированныхъ общинъ нѣмецкаго права. Складывается классъ сильнаго, вліятельнаго боярства, въ среду котораго въ XIII в. приливаетъ много служилыхъ князей, малоземельныхъ и безземельныхъ, и такъ формируется могущественное сословіе князей и магнатовъ, сообщающее Волыни въ XIV—XV вѣкахъ характеръ наиболѣе аристократической провинціи среди украинскіхъ земель—этотъ характеръ она сохраняетъ и позже. Натискъ тюркскихъ ордъ не давалъ себя здѣсь чувствовать, это отражалось и на благосостояніи населенія и на развитіи крупнаго землевладѣнія и хозяйства. Степь, бывшая кошмаромъ Кієва и Переяславля, не играла роли въ здѣшней политикѣ; фронтъ послѣдней обращенъ, главнымъ образомъ, на сѣверо-западъ, противъ Польши, съ которой шла непрерывная борьба за пограничныя земли Побужья; но на ряду съ этими войнами поддерживались тѣсныя династическія связи и существовали культурные взаимодѣйствія: сначала вліянія русско-византійской культуры на Польскія земли, позже съ XIV—XV в., наоборотъ,—воздѣйствіе латино-нѣмецкой культуры черезъ польское посредничество на культуру украинскую.

Тѣсно связанная съ начала XIII в. династическою связью съ Галицкой землею, Волынь въ продолженіе полѣдующаго полутора столѣtія раздѣляеть, политическая и культурная перепетіи, какія переживала земля Галицкая ¹⁾.

1) Подробнѣе „Історія України“, II гл. 6, тоже Андріашева „Очеркъ історії Волын-

Галицкая земля — нынѣшняя восточная Галиція, представляя крайній форпостъ украинской колонизаціи на западѣ, естественно должна была искать опоры въ трудные моменты въ ближайшихъ украинскихъ земляхъ и поэтому ея исторія тѣсно переплетается съ исторіей Волыни. Эти двѣ земли то раздѣляются, то соединяются, при чёмъ центръ тяжести переносится то на Волынь, то на Галичину. Возможно, что въ основаніи обѣихъ земель лежала одна и та же племенная стихія, по крайней мѣрѣ отчасти (вопросъ не ясенъ, какъ мы видѣли выше). При распределеніи земель между сыновьями Владимира, галицкія волости соединены были въ одинъ удѣль съ волостями волынскими, и такое объединеніе продолжалось, кажется, до 1050-хъ годовъ, когда Галичина выдѣлена была въ отдѣльную волость Ростислава, сына старшаго Ярославича, Владимира, умершаго еще при жизни отца. Старшіе Ярославичи скоро, однако, постарались прибрать къ рукамъ эту волость, и она была снова соединена съ Волынью; но въ 80-хъ годахъ XI вѣка сыновья Ростислава сумѣли вырвать изъ ихъ рукъ свою отчину, и въ ихъ владѣніи она обособляется рѣшительно и рѣзко на цѣлое столѣтіе. Предшествующая исторія ихъ земли — притязанія кievскихъ князей, старавшихся присоединить Волынь и Галицию вмѣстѣ къ кievскому столу, настроили Галицкихъ князей чрезвычайно подозрительно въ этомъ отношеніи, и они зорко слѣдили за всяkimъ усилемъ волынскихъ князей, особенно, когда Волынь соединялась

ской земли до к. XIV в., 1887, Иванова—Историч. судьбы Волынской земли, 1895.

въ однѣхъ рукахъ съ Кіевомъ, и искали поддержки у разныхъ противниковъ Кіевской династіи.

Это усложняло тактику галицкихъ князей, такъ какъ всѣ интересы ихъ политики заставляли обращать особое вниманіе на западъ, где сосѣдня государства тоже точили зубы на этотъ украинскій клинъ, вдвинувшійся между польской, словацкой, венгерской и румынской народностями. Съ юга — Венгрия, овладѣвъ землями къ югу отъ Карпатъ, стремилась захватить и сѣверные склоны хребта и уже съ конца XI в. обнаруживаетъ рѣшительная намѣренія овладѣть Галицией. На сѣверо-западѣ — польские князья стремились расширить свои владѣнія за счетъ смежныхъ галицкихъ и волынскихъ волостей, не разъ попадавшихъ въ польскія руки. Это былъ старый споръ Польши и Руси, которому много вниманія отдавали уже Владимиръ и Ярославъ; теперь онъ достался въ удѣль князьямъ галицкимъ и волынскимъ, но въ периоды отдѣльности обѣихъ земель политика ихъ относительно Польши не была солидарною. Всѣ эти интересы издавна вводили галицкихъ князей въ кругъ европейской политики: противъ Венгрии они искали помощи у Византіи, въ другихъ случаяхъ обращались къ германскимъ императорамъ, и т. п.

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Переяславль, Звенигородъ и Требовль, столы трехъ братьевъ Ростиславичей. Сынъ Володаря Ростиславича, Владимиръ, правдами и неправдами объединилъ галицкія волости въ своихъ рукахъ въ половинѣ XII в. и перенесъ столъ въ Галичъ, сообщившій новое имя землѣ. Пере-

несеніє столиці на югъ стояло, очевидно, въ связи съ новымъ движениемъ галицкой колонизації по течению Днѣстра и Прута, въ такъ наз. Понизье (позднѣе—Подолье). Позже, въ XIII в., въ сосѣдствѣ старого Звенигорода (впослѣдствіи совершенно заглохнувшаго), выдвигается новый центръ, Львовъ, въ XIV в. пріобрѣтающій значеніе новой столицы Галицко-Волынскаго государства.

Династія Ростиславичей была немногочисленна. Послѣ того, какъ Володимирко собралъ галицкія волости воедино, онъ почти не дѣлились. Благодаря этому, внутреннихъ войнъ здѣсь почти не бывало, и земля подъ защищай искусствой дипломатіи своей талантливой и энергичной династіи, жила такой спокойной жизнью, какъ ни одна изъ украинскихъ земель, несмотря на свое пограничное положеніе. Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію и культурной жизни, благодаря чemu Галиція съ XIII в. выступаетъ на смѣну опусто-

шонному и ослабленному Кіевскому Поднѣпровью, не только какъ новый политический центръ, но и какъ очагъ культуры и просвѣщенія, на цѣлый рядъ столѣтій. Съ другой стороны, эти обстоятельства повліяли здѣсь еще болѣе и ранѣе, чѣмъ на Волыни, на сформированіе богатаго, могущественнаго, тѣсно-сплоченного боярства. Во второй половинѣ XII в. оно чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что совершенно открыто стремится поставить князя въ полную зависимость отъ себя и для осуществленія своихъ плановъ не останавливаются предъ дворцовыми революціями: бояре отдаются подъ протекцію венгерскаго короля и побуждаютъ его взять Галицію въ свои руки, и т. д. Это, въ концѣ концовъ, вызываетъ ожесточенную борьбу княжеской власти съ боярствомъ въ XIII в., и она подорвала значительно силу боярства, а польская оккупация XIV в. принесла съ собой полное паденіе его значенія, а затѣмъ и постепенное захуданіе¹⁾.

Образованіе Галицко-Волынского Государства.

Прекращеніе династіи Володаря Ростиславича въ Галицкой землѣ (около 1198 г.) повлекло за собою соединеніе ея съ Владимирскимъ княжествомъ на Волыни. Еще прежде, во время борьбы галицкихъ бояръ съ послѣднимъ Володаревичемъ Владимиромъ, Романъ Мстиславичъ, князь владимирскій былъ призванъ боярами на галицкій столъ, но не удержался на немъ, вслѣдствіе вмѣшательства Венгрии, на короткое время захватившей галицкія земли. По смерти Владимира (вернувшаго себѣ галицкій столъ) Романъ поддержанъ свои претензіи на

галицкій столъ и утвердился на немъ вполнѣ прочно. Это послужило исходнымъ моментомъ для объединенія Галицкой и Волынской земли въ одно государство на цѣлыхъ полтора столѣтія и создало Українѣ новую крупную политическую силу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда суздальскій Ісеволодъ приготовлялъ коварную интригою послѣдній ударъ кіевскому столу.

Въ рукахъ такого талантливаго и энергическаго князя, какимъ былъ

1) Подробнѣе „Історія України“, II, гл. 7.

Романъ, новое государство, думалось, было призвано собою замѣнить мѣсто пережившаго себя Кіева и стать политическимъ центромъ украинскихъ земель. Несмотря на свою непродолжительную политическую карьеру, Романъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Чрезвычайно быстро слагаются о немъ легенды и пѣсни, остатки которыхъ сохранились донынѣ въ украинской и бѣлорусской народной словесности. На Украинѣ на него, очевидно, смотрѣли, какъ на человѣка, призванного обновить расшатанный и изжитый политической строй. Упорная, острыя борьба съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ (послѣ окончательного возвращенія въ Галичѣ) доставила ему популярность въ широкихъ народныхъ массахъ. Когда въ войнѣ со своимъ тестемъ, кievскимъ княземъ Рюрикомъ, Романъ приступилъ къ Кіеву, Кіевляне радостно открыли ему ворота, покинувъ Рюрика, очевидно, въ надеждѣ, что въ рукахъ Романа Кіевъ возвратить себѣ снова былое значеніе и славу.

Но надежды эти не оправдались. Романъ не захотѣлъ оставить за собою Кіевъ и предпочелъ слѣдовать политикѣ суздальскихъ князей—держать въ Кіевѣ, въ зависимости отъ себя, различныхъ второстепенныхъ князей, а базировать свою политику на галицкомъ столѣ. Трудно сказать, считалъ ли онъ кievскія отношенія, на которыхъ тяготѣло недременное око суздальского самовластица, вообще безнадежно запутанными, или только данный моментъ не представлялся ему достаточно удобнымъ для того, чтобы вмѣшаться глубже въ кievскую политику—во всякомъ случаѣ Романъ предпочелъ въ данный моментъ обратить все свое вни-

маніе на Галицію, богатую, неистощенную, и здѣсь укрѣпить свое положеніе. Но безъ Кіева его вліяніе неизбѣжно должно было остатся мѣстнымъ. Галицко-Волынское государство было слишкомъ западною окраиною, чтобы изъ Галича, или хотя бы изъ Владимира, держать въ своихъ рукахъ ключъ къ отношеніямъ Поднѣпровья. Если Романъ желалъ утвердить свое вліяніе въ Украинѣ, ему нужно было рано или поздно стать твердою ногою въ Кіевѣ. Однако, неожиданная смерть прервала дѣятельность Романа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ развить свои планы и укрѣпить окончательно свое положеніе гегемона Украины. Онъ былъ убитъ во время похода въ Польшу въ 1205 г., и послѣ него остались только малолѣтные сыновья, изъ которыхъ старшему, Данилу, было всего три года, а младшему Васильку только годъ. Придавленное Романомъ боярство галицкое поднимаетъ голову. Галицко-Волынское государство дѣлается аrenoю жестокихъ смутъ, продолжавшихся цѣлыхъ тридцать лѣтъ и прорывавшихся нерѣдко въ очень острыхъ формахъ. Опасаясь, что молодые Романовичи унаследуютъ политику отца—его стремление къ сильной власти и борьбу съ боярскими притязаніями, галицкое боярство выдвигаетъ противъ нихъ претендентъ изъ разныхъ династій, играя ими, какъ пѣшками, и не позволяя сколько-нибудь утвердиться, чтобы удержать фактически правленіе въ своихъ рукахъ. Была также среди боярства партия, предпочитавшая править землею подъ номинальною властью венгерского короля и поддерживавшая съ этою цѣлью попытки венгерского правительства овладѣть Галиціей. Наиболѣе честолюбивые и смѣлые пробо-

вали захватить въ свои руки не только управление, но и княжескую власть. Венгрия и Польша, пользуясь этими смутами, старались, съ своей стороны, овладѣть наследствомъ Романа; въ 1214 г., былъ заключенъ между ними договоръ относительно раздѣла галицко-волынскихъ земель: королевичъ венгерскій Коломанъ былъ обѣянчанъ съ дочерью в. кн. польского и короновался королемъ галицкимъ («королю» въ это время не было еще десяти лѣтъ, а королева была тоже совсѣмъ ребенкомъ); западное пограничье Галиціи и Волыни было при этомъ присоединено непосредственно къ Польшѣ. Но эта династическая комбинація—прообразъ позднѣйшаго соглашенія Венгрии и Польши по вопросу объ оккупации галицко-волынскихъ земель (въ 1330-хъ годахъ), на этотъ разъ не имѣла сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ. Между Венгрию и Польшею скоро произошелъ разрывъ, и смута возобновилась.

Между тѣмъ, Данило съ братомъ, достигшіе уже совершеннолѣтія среди этихъ усобицъ, постепенно упрочиваютъ свое положеніе на Волыни, съ

которой они были связаны династическими узами болѣе прочно, и въ мѣстномъ боярствѣ не находили такихъ непримиримыхъ противниковъ. Въ 1230-хъ гг. они уже стоятъ прочною ногою въ волынскихъ земляхъ и затѣмъ постепенно начинаютъ брать верхъ, опираясь на сочувствие населения, также и въ борьбѣ съ враждебными партиями въ Галиціи. Въ этой сфере оба Романовича, и въ особенности Данило, проявляютъ вообще рѣдкую энергию и настойчивость. Татарскій ураганъ 1240 года только на минуту прервалъ ихъ работу надъ собираніемъ ихъ «отчины». Рѣшительная побѣда подъ гор. Ярославомъ, надъ послѣднимъ претендентомъ, зятемъ венгерского короля Ростиславомъ, княземъ изъ черниговской династіи, обеспечила господство Романовичей въ Галиціи, какъ разъ въ тотъ моментъ (1245), когда восточная Украина, ея старый политический укладъ, княжеско-дружинный строй пошатнулись въ самыхъ основаніяхъ подъ татарскимъ погромомъ, кореннымъ образомъ измѣнившимъ весь строй политической, экономической и культурной жизни¹⁾.

Татарское нашествіе.

Хотя такъ называемый Кипчакъ-черноморскія степи введены были въ планъ монгольскихъ завоеваній уже походомъ 1222 г., вѣнчавшимся погромомъ украинскихъ князей на р. Калкѣ въ 1223 г., однако, значеніе этого похода было совершенно не оценено въ политическихъ кругахъ, и новый походъ 1236 г. упалъ совершенно неожиданнымъ ударомъ, заставшимъ княжье совсѣмъ неприготовленнымъ. Даже такой консолидациіи силъ украинскихъ кня-

зей, какое имѣло мѣсто въ 1223 г., подъ руководствомъ трехъ Мстиславовъ—галицкаго, кievскаго и черниговскаго, на этотъ разъ не произошло. Орда Бату въ 1236—8 гг. опустошаетъ сѣверные земли, затѣмъ слѣдуетъ окончательный погромъ Половцевъ. Въ 1239 г. рядомъ походовъ опустошены были черниговскія и пе-

¹⁾ Подробнѣе о Галицко-Владимірскомъ государствѣ XIII в. въ „Історії України“, III гл. I.

реяславскія волости. Сначала взяли приступомъ Переяславль, избили населеніе, разграбили городъ, затѣмъ та же участь постигла Черниговъ. Въ слѣдующемъ году Бату предпринимаетъ походъ на западъ, начавшійся осадою Кіева. Покинутый князьями, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, Кіевъ палъ также, послѣ отчаянной обороны жителей; множество населенія было избито. Затѣмъ орда Бату спѣшило прошла черезъ Волынь и Галицію, стараясь не тратить времени на осаду городовъ, какъ это случилось съ Кіевомъ, и спѣша захватить возможно неприготовленную Венгрію, бывшую главною цѣлью похода. Владимиrь и Галичъ, однако, были при этомъ также взяты и разорены. Затѣмъ пробывъ годъ въ Венгріи, Бату весною 1242 г. спѣшило прошелъ обратно, получивъ извѣстіе о смерти главнаго хана Огода. Онъ разсчитывалъ занять теперь великоханскій престолъ, но старанія его были безуспѣшны, и онъ остается со своею ордою въ степяхъ Кипчака. Главная орда расположилась на нижней Волгѣ, въ сосѣдствѣ ханской резиденціи, г. Сарай на Волгѣ; три другія орды, въ нисходящемъ порядкѣ силы и значенія, расположились въ Подоньѣ, на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра¹⁾. Такимъ образомъ, открылся новый періодъ въ жизни украинскаго Поднѣпровья—татарской.

Въ литературѣ это нашествіе Бату на украинскія земли опѣнивалось, главнымъ образомъ, въ его послѣдствіяхъ для украинской колонизаціи, и съ этой стороны его значеніе нерѣдко

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, II гл. 3 и 7, также „Очеркъ ист. украинск. народа“, стр. 86 и сл.

преувеличивалось. Дѣло представлялось такъ, какъ будто это нашествіе обратило Кіевскую землю и вообще все среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ массу населенія и принудивъ къ передвиженію на сѣверъ и сѣверо-востокъ остальныхъ, такъ что эти области средняго Днѣпра надолго запустѣли и позже колонизировались заново, и т. д. Въ дѣйствительности такъ далеко опустошеніе не зашло. Хотя этотъ погромъ несомнѣнно подорвалъ экономической быть и очень тяжело отразился на мѣстной жизни, но о запустѣніи Поднѣпровья все же не можетъ быть рѣчи. Подобные погромы, и даже болѣе тяжелые, длящіеся, переживало мѣстное украинское населеніе и раньше; не разъ здѣшнимъ городамъ приходилось переживать разгромы и разоренія, но ни къ какому запустѣнію это не приводило, и какъ только проходила гроза, старые жители и новые колонисты являлись изъ своихъ убѣжищъ и изъ тѣхъ болѣе защищенныхъ природою мѣстностей, на которыхъ эти погромы не распространялись. И Кіевская и Черниговская земли, покрытыя почти недоступными лѣсами и болотами въ своей сѣверной части, представляли настолько вѣрное убѣжище, что населенію вовсе не было надобности искать его гдѣ нибудь дальше. А послѣдующее сосѣдство татарской орды ничѣмъ не было тяжелѣе или грознѣе, чѣмъ сосѣдство орды половецкой или печенѣжской. Въ качествѣ до нѣкоторой степени организованного государства, татарская орда, основавшись въ Кипчакѣ, имѣла всѣ причины быть сравнительно сдержанною и щадить подвластныя земли—насколько, конечно, хватало

на это дисциплины внутри самой орды.

Важнѣе было вліяніе прихода орды, ея первыхъ погромовъ и послѣдующаго господства на Поднѣпровыи, на политическая и общественная отношенія, на культурную жизнь. Кіевъ еще болѣе падаетъ послѣ погрома 1240 года; Переяславль и Черниговъ — также. Жизнь отодвигается на сѣверъ, въ лѣсную область Украины. Это особенно замѣтно на Сѣверской землѣ, и мы отмѣтили выше это явленіе. Паденіе экономической жизни и разложение государственного строя, княжеско-дружинного уклада, упадокъ княжеской власти — все это имѣть своимъ слѣдствиемъ сильное пониже-

ніе культуры и духовной жизни въ украинскомъ Поднѣпровыи, служившемъ очагомъ культурной жизни въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Перенесеніе митрополичьей резиденціи изъ Кіева въ великорусскую землю, поближе къ новому политическому центру (1299), служитъ симптомомъ этого упадка. Такія подробности, какъ выборка изъ кіевскихъ церквей наиболѣе выдающихся вещей для новыхъ резиденцій Данила въ галицко-волынскихъ земляхъ — другая мелкая, но характерная черта. Культурная жизнь отливалась на западъ и сѣверъ, вслѣдъ за придворной жизнью, за представителями аристократіи, двигающимися въ томъ же направленіи.

Разложеніе княжеско-дружинного строя въ украинскомъ Поднѣпровыи.

Пользуясь наникой, произведенной Татарами среди князей, заметавшихся послѣ погромовъ 1239 г. и разбѣжавшихся во всѣ стороны отъ лица орды, населеніе, въ особенности городскія общины правобережной Украины, начинаетъ разбивать рамки княжеско-дружинного строя. Онъ предпочитаютъ войти въ непосредственную зависимость отъ Орды, давать дань непосредственно Татарамъ, «орать пшеницу и просо Татарамъ», какъ иронически отзыается крайне несочувственно къ этому движенію настроенный лѣтописецъ, — но за то избавиться отъ всей тяготы изжитаго и дискретированного княжеско-дружинного уклада: не знать даней князю и его агентамъ, не принимать участія въ утомительныхъ усобицахъ князей и не терпѣть вѣчныхъ разореній отъ этихъ безконечныхъ княжескихъ войнъ. Ни угрозы, ни разоренія отъ князей, ис-

пуганныхъ этимъ чрезвычайно грознымъ для нихъ движеніемъ, не могли отвратить населеніе отъ этихъ стремлений и вернуть его къ прежнимъ отношеніямъ. Земля разлагалась на отдельные общины, управлявшіяся своими мелкими мѣстными князьями или совѣтомъ старцевъ, и возвращалась къ старому состоянію общинной раздробленности, предшествовавшему образованію сплоченного Кіевскаго государства.

Сколько нибудь интересная указанія относительно этого движенія имѣемъ только для кіевскихъ земель, по-граничныхъ съ Волынью: тутъ оно интересовало современного галицкаго лѣтописца, единственного свидѣтеля, оставилшаго намъ кое-какія свѣдѣнія изъ жизни украинскихъ земель. Лѣтописецъ этотъ упоминаетъ о «людяхъ татарскихъ» или «людяхъ, сѣдящихъ за Татарами» на большої территории

въ бассейнѣ Случи, Тетерева и верхняго теченія южнаго Буга; конечно, эти данные мимоходомъ указанія далеко не охватываютъ всего района интересующаго настъ движенія. По всей вѣроятности, оно охватило и южную часть Киевской земли, можетъ быть, вплоть до самыхъ окрестностей Киева, Переяславскую землю и южную часть Черниговской. Этимъ объясняется, почему въ Киевѣ и Переяславль послѣ татарскаго нашествія 1240 г. мы уже не видимъ и не знаемъ князей изъ династіи Владимира Великаго и вообще не замѣчаемъ слѣдовъ старого княжеско-дружинного уклада. Въ Черниговской землѣ княжеско-дружинный строй уцѣлѣлъ, особенно въ сѣверныхъ, полѣсскихъ частяхъ ея, но очень измельчалъ. Вслѣдствіе большого многолюдства династіи, земля раздробилась на огромное количество мелкихъ княжествъ, терявшихъ постепенно характеръ государственной власти и переходившихъ въ формы частновладѣльческія. Достичь

сколько нибудь значительного и прочнаго владѣнія среди этого разложенія старого уклада князьямъ не удавалось; только въ Брянскѣ, въ старой землѣ Вятичей, въ эту эпоху захуданія выдвигающагося на степень выдающагося центра въ Черниговскихъ земляхъ, появляются временами, во второй половинѣ XIII и въ XIV вв., довольно замѣтные и вліятельные князья, но и они замѣтны только среди всеобщаго измельчанія мѣстнаго княжья. Можетъ быть, и татарская политика оказывала вліяніе въ этомъ направленіи, ревниво слѣдя за тѣмъ, чтобы кому либо изъ князей не удалось усилиться и образовать болѣе значительная владѣнія.

Государственная жизнь и традиціи старого княжеско-дружинного уклада и преемство старой культурной и духовной жизни изъ украинскихъ земель въ продолженіи столѣтія слѣдующаго за татарскимъ погромомъ, полно и сильно сохраняются только на западѣ, въ Галицко-Волынскомъ государствѣ. ').

Планы Данилы.

Татарскій погромъ совпалъ съ завершеніемъ работы Романовичей надъ собираниемъ ихъ отчины. Утверждаясь, наконецъ, прочно въ Галиції, Данило, очевидно, имѣлъ предъ собою болѣе широкіе планы. Онъ стремился расширить свое вліяніе на Україну, и въ самый моментъ татарскаго нашествія въ Киевѣ сидѣлъ его намѣстникъ. Въ то время, вѣроятно, онъ не допускалъ еще мысли, чтобы татарская орда и ея власть стала длительнымъ, постояннымъ факторомъ украинскихъ отношеній. Но Киевъ оказался подъ верховенствомъ Орды, выдавшей ярлыкъ на

этотъ столъ кн. Ярославу Всеволодовичу, изъ суздальской династіи, а затѣмъ его сыну Александру (известному Невскому). И на пути къ Киеву явилось упомянутое движеніе «людей татарскихъ», принятыхъ подъ непосредственную власть Орды въ роли татарскихъ ленниковъ. Оно охватило широкою полосою пограничья Киевской земли и Волыни, и Татары стремились перенести его и на почву Галицко-

1) Подробнѣе въ „Історії України“, т. III, гл. 2, также моя статья: „Громадський рух на Українѣ въ XIII—XIV в.“, въ львовскихъ „Запискахъ“, т. 1.

Волынского государства, старались поддержать симптомы этого движения, проявившиеся в южной Волыни и на Понизье, и даже двинули съ этою цѣлью туда свое войско.

Вообще отношения Орды к Галицко-Волынскому государству были довольно неопределены. Восточно-украинскія княжества и общини были приведены в непосредственную зависимость от Орды: онѣ платили Татарамъ дань, и князья—по примѣру сузальскихъ—испрашивали себѣ подтверждительные ярлыки отъ хана на княженіе. Данило, когда Орда обнаружила намѣреніе поддержать одного изъ претендентовъ на галицкій столъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ явиться въ Орду и признать надъ собою верховенство хана. Но роль татарского вассала внушала ему отвращеніе, и непосредственно послѣ своей поѣздки въ Орду, онѣ увлекается планомъ христіанской лиги для борьбы противъ Татаръ, о которой ему наговорили чапскіе послы, высланные съ дипломатическою миссіею въ Орду. Данило входить въ сношениія съ папою, сближается съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Однако, надежда найти поддержку въ борьбѣ съ Ордою въ католическихъ кругахъ оказалась напрасною. Папа интересовался сношеними съ Даниломъ съ точки зрѣнія церковной унії Руси съ католическою церковью; онѣ пожаловалъ Данилу королевскій титулъ, прислалъ своего легата съ короной, которою Данило и былъ коронованъ (1253). Но планы крестового похода на Татаръ не имѣли успѣха, и Данило, обманувшись въ ожиданіяхъ, прерываетъ дальнѣйшія сношениія съ папою и переговоры объ унії.

Не дождавшись помощи отъ като-

лической Европы, онѣ рѣшается повѣстъ борьбу съ Ордою собственными силами, такъ какъ ея стремленія вызвать и поддержать движение противъ княжеско-дружинного уклада въ пограничныхъ волынскихъ и галицкихъ земляхъ грозили слишкомъ серьезною опасностью самому существованію Галицко-Волынского государства. Данило предпринимаетъ рядъ походовъ на территорію «людей татарскихъ», стремясь терроромъ, опустошеніями подавить опасное движение (1254-5). Мягкій вообще отъ природы, онѣ не останавливался на этотъ разъ предъ разрушениемъ цѣлыхъ городовъ и мас совыми избиеніями, чтобы сломить упорство противниковъ княжеско-дружинного уклада. Въ дальнѣйшемъ планѣ, опустошивъ и принудивъ къ покорности пограничныя области Случи, Тетерева и Южнаго Буга, Данило имѣлъ въ виду походъ на Кіевъ и сговаривался съ своими союзниками относительно его, но другія заботы отвлекли отъ этого плана его вниманіе, а между тѣмъ Орда, обеспокоенная планами Данила и его сношениями съ папой, двинула къ границамъ Галицко-Волынского княжества новая, гораздо болѣе значительная силы подъ предводительствомъ Бурандая. Поддерживая по вѣнѣшности дружественные отношенія, послѣдній, послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, какъ бы мимоходомъ, въ походѣ на Польшу, вступилъ со своими войсками на волынскую территорію и потребовалъ отъ Данила и Василька разрушенія городскихъ укрѣплений. Захваченные врасплохъ, Романовичи не рѣшались противиться, и цѣлый рядъ укрѣплений былъ сожженъ и разрушенъ руками самихъ княжихъ людей. Это

произвело страшное, подавляющее впечатлѣніе. Данило убѣдился въ невозможности для него, въ данныхъ условіяхъ, собственными силами, бороться съ Ордой. Рушились планы подавленія движенія «татарскихъ людей», немедленно сбросившихъ съ себя вынужденную покорность Данилу, исчезла возможность расширенія Галицко-Волынского государства на востокъ, приходилось ограничиться предѣлами западной Украины: восточная оставалась замкнутою, благодаря линіи общинъ, расположенныхъ у восточныхъ и южныхъ границъ Волыни истоявшихъ подъ непосредственную властью Татаръ и бдительною ихъ охраною. Мысль объ этой татарской неволѣ отравила жизнь

Данила. Его широкіе планы относительно расширенія предѣловъ Галицко-Волынского государства на счетъ польскихъ и литовскихъ владѣній тоже не увѣнчались выдающимися успѣхами и ограничились нѣкоторыми второстепенными пріобрѣтеніями (захватъ Люблина, покореніе Ятвяговъ). Правда, одинъ изъ сыновей Данила, уже послѣ смерти его, получилъ великокняжескій столъ въ новосформировавшемся Литовскомъ государствѣ, но это былъ лишь преходящій и мимолетный успѣхъ.

Данило не видѣлъ его, такъ какъ умеръ скоро послѣ погрома Бурандая (1264).

Галицко-Волынское государство при Даниловичахъ.

Планы расширенія власти и влияния въ земляхъ восточной Украины, оказавшіеся не осуществимыми для Данила, насколько знаемъ, не осуществлялись сколько нибудь серьезно и при его преемникахъ. Послѣдніе въ общемъ, очевидно, не выходили изъ своей мѣстной галицко-волынской политики, обращенной, главнымъ образомъ, на западъ. Поэтому государство ихъ не достигло болѣе широкаго общеукраинского значенія и не помогло восточно-украинскимъ землямъ выйти изъ состоянія политического и культурного упадка. Впрочемъ, свѣдѣнія наши объ этомъ государствѣ съ прекращеніемъ Галицко-волынской лѣтописи (въ 1289 г.) становятся чрезвычайно скучными, и поэтому можно лишь съ большими оговорками высказываться о тогдашней политикѣ Галицко-Волынскихъ князей.

Со смертью Данила и его брата

(† 1270), жившихъ все время въ рѣдкомъ согласіи и солидарности, дѣлавшей совершенно нечувствительнымъ раздѣленіе государства въ ихъ рукахъ, галицко-волынскія земли на нѣкоторое время раздѣлились на удѣлы, а былая солидарность семьи ослабѣла. Но въ началѣ XIV в. всѣ онѣ собирались снова въ однѣхъ рукахъ—во владѣніи Юрия Львовича. Стремленія къ расширенію территории продолжаются, но не приносятъ сколько-нибудь существенныхъ и прочныхъ результатовъ. Пользуясь ослабленіемъ Польши и ея внутренними смутами, галицкіе князья старались особенно на ея счетъ расширить свои владѣнія; кн. Левъ Даниловичъ стремился даже попасть на краковскій столъ, но безуспѣшно; овладѣль лишь нѣкоторыми пограничными окрестностями, да и тѣ были потомъ возвращены обратно польскими князьями.

Незначительны и непрочны были и пріобрѣтенія, сдѣланныя за Карпатами, на счетъ Венгрии, гдѣ также начинаются смуты съ прекращенiemъ династіи. Участіе галицко-волынскихъ князей въ литовскихъ дѣлахъ не приноситъ также никакихъ существенныхъ результатовъ, и Литовское княжество съ началомъ XIV в. становится все болѣе грознымъ сосѣдомъ и конкурентомъ Галицко-Волынского государства. Татарскія отношенія, въ свою очередь, тоже тяжело тяготѣли на политикѣ послѣдняго.

При всемъ томъ оставалось оно государствомъ довольно сильнымъ, прочнымъ и благоустроеннымъ, и ничто не предвѣщало ему скораго конца, постигнувшаго его. Сохранившаяся случайно современная характеристики этого государства за время «короля Юрія», внука Данила, подобно дѣду носившаго королевскій титулъ, превозносятъ правленіе этого князя—покой, которымъ пользовалась страна подъ его властью, и богатство, которымъ она отличалась тогда—«бяше въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обиліемъ и славою преимуща».

Послѣ смерти Юрія, галицко-волынскія земли были раздѣлены между двумя его сыновьями. Въ началѣ 1320-хъ годовъ эти послѣдніе представители галицко-волынской династіи умерли, не оставивъ мужскаго потомства. Изъ разныхъ претендентовъ, объявившихся при сей оказіи, галицко-волынское боярство, пользовавшееся въ это время большими вліяніемъ, избрало одного изъ польскихъ князей, по матери происходившаго отъ угасшей династіи — Болеслава Тройденовича, принявшаго при этомъ

православіе и имя Юрія. Этотъ боярскій ставленникъ не подадилъ, однако, съ боярами, очевидно — претендовавшими на всевластную роль въ правленіи, а его симпатіи къ католицизму, предпочтеніе чужеземцамъ — католикамъ, которыми онъ окружалъ себя, сдѣлали его непопулярнымъ и въ массахъ населенія и дали возможность поднять послѣднія противъ князя. Въ свою очередь, непрочное положеніе Юрія-Болеслава на галицкомъ столѣ раздражаетъ аппетитъ къ галицкимъ землямъ у польского правительства. За періодомъ смутъ и въ Польшѣ и въ Венгрии наступаетъ подъемъ экстенсивной энергіи, и жертвою ея становится Галицко-Волынское государство. Польша сближается съ Венгрией, по старой памяти эфемерныхъ венгерскихъ оккупаций Галиціи въ XII—XIII в. претендовавшей на «историческія права» на галицкія земли. Въ 1330 годахъ состоялось польско-венгерское соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ галицкихъ дѣлахъ. Смерть Юрія-Болеслава облегчила и ускорила ея осуществленіе. Противъ него организовался заговоръ среди бояръ, и 25 марта 1340 г. онъ погибъ отъ яда. а пользовавшіеся его покровительствомъ католики подверглись повсемѣстному избіенію.

На мѣсто Юрія-Болеслава бояре прочили его родственника изъ литовской династіи, князя Любарт-Гедимионича, женатаго на галицко-волынской княжнѣ. По смерти Юрія-Болеслава, Любартъ былъ признанъ княземъ на Волыни и Галиціи. Но одновременно же, при первомъ извѣстіи о смерти Юрія-Болеслава, выступили съ притязаніями на Галицко-Волынскія земли король польскій Казимиръ и венгерскій

(Городская галерея П. и С. Третьяковых въ Москвѣ).

Кievъ.

В. И. Штернбергъ.

Людовикъ; венгерскія и польскія войска двинулись въ Галичину, и такимъ образомъ началась долгая и упорная борьба за галицко-волынское наслѣдство, открывающая собою новый по-

ходъ Польши на украинскія земли, которому суждено было кореннымъ образомъ измѣнить все направленіе украинской жизни ¹⁾.

Государственный строй кіевского періода—его переживанія.

Обозрѣвъ политическую эволюцію украинскихъ земель въ этихъ столѣтіяхъ, перейдемъ теперь къ обзору формъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, выработанныхъ столѣтіями государственной жизни, останавливая свое вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣхъ формахъ и явленіяхъ, которые затѣмъ, въ модифицированныхъ формахъ, продолжаютъ свое существованіе въ подзнѣшнихъ, измѣненныхъ условіяхъ политического и общественного быта.

Несмотря на весь механический характеръ государственной связи, соединившей земли старого Кіевскаго государства, на ея неустойчивость, частые перерывы и затѣмъ раннее обособленіе земель, внутренніе элементы единства, внесенные ею, остались глубокіе слѣды въ бытѣ и культурѣ земель, входившихъ въ составъ государственной системы. Такіе слѣды культурнаго вліянія, какъ распространеніе государственной христіанской религіи, русско-византійской книжности и искусства, которыми эти земли были обязаны этой государственной связи, выступаютъ при первомъ взглядѣ. Не такъ бросается въ глаза глубокое проникновеніе въ жизнь земель юридическихъ институтовъ, правовыхъ нормъ, формъ общественной и политической организаціи, выработанныхъ Кіевскимъ государствомъ. Между тѣмъ параллелизмъ въ дальнѣйшемъ разви-

тії областей съверо-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, и земель бѣлорусскихъ и украинскихъ, вошедшихъ въ составъ в. кн. Литовскаго и Польши,—доходящій иногда до поразительного сходства юридическихъ и общественныхъ отношеній земель, отдѣленныхъ огромными пространствами и никогда не входившихъ въ сколько-нибудь близкое соприкосновеніе,—даетъ чрезвычайно сильное и краснорѣчивое свидѣтельство такого глубокаго проникновенія. Этотъ параллелизмъ формъ и нормъ правовой жизни вламиро-московскихъ земель, съ одной стороны, полоцко-витебскихъ—съ другой—гадицко-волынскихъ—съ третьей,—нерѣдко такъ неожиданно дающій себя чувствовать въ памятникахъ юридического и общественного быта XV—XVI вв., имѣть свой источникъ въ провинциальнѣ правѣ кіевскаго періода, отражавшемъ въ себѣ политической и общественный процессъ государственного центра, украинскаго Поднѣпровья, которому принадлежала зиждущая и творящая роль въ этомъ процессѣ. Кругъ этихъ общихъ формъ и нормъ, какія мы теперь имѣемъ возможность наблюдать, гораздо шире того, что мы имѣемъ въ сохранившихся сборникахъ

¹⁾ Подробный обзоръ исторіи Галицко-Волынскаго государства въ XIII—XIV вв. въ „Історії України“, III гл. I.

Киевского права (т. н. «Русской Правды» разныхъ редакцій) и сравнительное изученіе политическихъ и общественныхъ отношеній, права и быта земель, находившихся подъ воздействиемъ Киевского права, открываетъ передъ нами все новыя и новыя общія явле-

нія, восходящія къ общему наслѣдію Киевского государства. Въ послѣдующемъ изложениіи мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣтить такія переживанія въ строѣ и бытѣ украинскихъ земель даже подъ господствомъ чужой государственности.

Система княжествъ.

Выше было уже отмѣчено значеніе, какое имѣло для системы Киевского государства династическая идея, какъ ея связующее звено. Земли этого государства составляютъ монополію династіи Владимира Великаго. Его потомки, за очень немногими исключеніями, не ищутъ себѣ владѣній въ предѣловъ его наслѣдія, но съ другой стороны, каждый изъ нихъ претендуетъ на владѣніе хотя какимъ-либо удѣломъ въ этомъ послѣднемъ, и до времени полнаго разложенія Киевского государственного строя, мы почти неходимъ въ потомствѣ Владимира Великаго князей безземельныхъ. На почвѣ этихъ представлений о династическихъ правахъ княжьяго рода выростаетъ, съ одной стороны, сознаніе коллективнаго интереса и долга заботиться о цѣлости обще-родового достоянія и не позволять чужому государству или чужеродцу умалить чѣмъ-нибудь это послѣднее. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія этого принципа опаснѣйшо ересью должна была представляться всякая попытка населенія обойтись безъ князя—какъ это стремились сдѣлать общины въ народномъ движеніи XIII в., равно какъ и дикою и чрезвычайно предосудительною, въ глазахъ современного общества, являлась претензія человѣка, не принадлежащаго къ княжеской династіи, какъ напри-

мѣръ, нѣкоторыхъ галицкихъ бояръ XIII в.—вокняжиться на княжьемъ столѣ. Земля не можетъ обойтись безъ князя, княземъ можетъ быть только членъ кіевской династіи св. Владимира,—такое представлениѣ было принято не только въ княжеско-дружинныхъ кругахъ, но и самимъ обществомъ, и отступленія отъ этого принципа являются уже симптомами разложения стараго строя.

Далѣе, какъ члены рода и совладѣльцы, всѣ князья въ принципѣ равноправны; съ другой стороны, между княземъ, даже наиболѣе захудалымъ, и бояриномъ, даже наиболѣе могущественнымъ, лежитъ непроходимая бездна, по крайней мѣрѣ, въ теорії. Въ дѣйствительности, конечно, слабѣйшіе князья находились въ очень ощущительной зависимости отъ сильнѣйшихъ, и различіе между ними ощущалось очень сильно, хотя и прикрывалось терминологіей родственныхъ отношеній, смягчившей суровую дѣйствительность: зависимые князья «имѣютъ въ отца мѣсто» своего патрона, повинуются ему не какъ начальнику и суперину, а какъ старшему родственнику; князь не можетъ быть «подручнымъ», слугою другого князя, какъ бояринъ, всѣ князья—«братья», равноправные, хотя и не равносильные. Эту видимость патріархального рода старательно

поддерживали и сами князья, смягчая ею шероховатость своихъ отношений, и всякаго рода публицисты и моралисты идею братства и родовой общности старались удерживать князей отъ усобицъ и поднять въ нихъ идею общихъ государственныхъ интересовъ. Но несмотря на всякия искусственные подогреванія этихъ патріархальныхъ отношений — переживавшихся или реставрировавшихся подъ вліяніемъ династической идеи, они уже въ XI и XII в. были фикціей, прикрывавшей дѣйствительныя отношенія, зависѣвшія отъ вполнѣ реального соотношенія силъ, а не родовыхъ счетовъ.

Конечно, и родовые счеты пользовались известнымъ вниманиемъ въ княжескихъ кругахъ. Родовое старшинство давало известные права на лучшія волости, на старшій столъ; но это были права моральныя, и если ихъ обладатель не умѣлъ ихъ реализировать, то его старѣйшинство оставалось пустымъ призракомъ и «въ отца мѣсто» приходилось признавать болѣе сильнаго и ловкаго младшаго родственника. Пока Кіевъ сохранялъ свое первенствующее значеніе, эту позицію старѣйшины давало обладаніе кіевскимъ столомъ, совершенно независимо отъ его позиціи въ генеологіи рода. Такой «старѣй-

шина», являясь не только главою государства, но и патріархомъ рода, долженъ былъ заботиться не только объ общемъ достояніи послѣдняго — «Русской землѣ», но и о поддержаніи добрыхъ отношеній среди рода: блести справедливость, надѣлять волостями членовъ рода, требовать отчета въ проступкахъ, судить судомъ князей и карать за признанныя преступленія; его нравственнымъ долгомъ была инициатива въ предпріятіяхъ, предпринимавшихся въ интересахъ цѣлаго рода и его достоянія, и младшіе князья были обязаны безусловнымъ подчиненіемъ ему, «какъ отцу». Въ рукахъ могущественнаго и авторитетнаго князя эти моральные права превращались въ настоящую власть надъ княжьемъ, у князей слабыхъ превращались въ пустой звукъ.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ, однако, каждый князь, малый и великий, оставался сувереномъ во внутреннихъ отношенияхъ своей земли. Въ сферу внутренняго управлениія не допускалось вмѣшательства никакихъ старѣйшинъ. Полнота власти и авторитетность въ этой сфере зависѣли уже отъ того, насколько самостоятельно умѣлъ себя поставить данный князь по отношенію къ «землѣ» и «дружинѣ».

Князь и вѣче.

Въ періодъ своего развитія княжеско-дружинный укладъ придавилъ вообще самоуправлениe и самоопределѣніе населенія. Если въ предшествующей стадіи развитія политico-общественныхъ отношеній княжеская власть, гдѣ она существовала, стояла на второмъ планѣ, сравнительно съ всенародномъ вѣчемъ или совѣтомъ стар-

цевъ общины или племени,—то изъ періода созданія Кіевскаго государства вѣче выходить въ состояніи атрофіи и безсилія. Князь со своей дружиной всюду, гдѣ появлялись его агенты, забиралъ въ свою руку политику, администрацію, судъ, и населеніе въ продолженіе столѣтій такъ привыкло къ этому порядку, что чувствовало

себя нерѣдко вполнѣ безпомощнымъ, если въ трудную минуту не было князя налицо, и некому было распорядиться. «Тяжко бяше Кияномъ, не сталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ», замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ при одной такой оказії. Вѣче «города» (старѣшаго) не въ состояніи управлять землею и не стремится ограничить въ свою пользу политическія и административныя компетенціи князя. Лишь въ условіяхъ необычайныхъ, въ обстоятельствахъ, грозившихъ спокойствію и благосостоянію земли, въ виду особенно рѣзкихъ аномалій княжеско-дружинного управлениія, оно поднимало свой голосъ, пользуясь тѣмъ, что паденіе княжескаго могущества въ періодъ разложенія политической системы заставляло князя искать опоры въ населеніи земли и прислушиваться къ его желаніямъ. Въ такихъ случаяхъ оно иногда очень властно и суверенно высказывало свои желанія или требованія князю и нерѣдко добивалось ихъ исполненія.

Наиболѣе подробная свѣдѣнія о дѣятельности вѣча изъ украинскихъ земель мы имѣемъ для Киева, на протяженіи полутора столѣтія отъ пол. XI в. Въ силу исключительныхъ тревожныхъ условій, въ какихъ жила Киевская земля, вѣчевая дѣятельность Киева отличалась большею энергию, чѣмъ въ другихъ нашихъ земляхъ. Но и здѣсь, какъ видимъ изъ нашихъ извѣстій, вѣче не выработало ни определенныхъ формъ своей дѣятельности, ни постоянныхъ и определенныхъ функций, и осталось явленіемъ экстраординарнымъ, такъ что и наиболѣе вѣчевой у насъ Киевъ въ этомъ отношеніи далеко отстаетъ отъ такихъ

вѣчевыхъ общинъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, гдѣ благодаря слабости дружинного элемента, князь отходитъ совершенно на задній планъ передъ общиной. Киевское вѣче иногда выступало въ вопросахъ замѣщеннія кievского стола: заявляло свое чувство симпатичному кандидату, призывало его на столъ или, вмѣшиваясь въ борьбу претендентовъ, старалось поддержать наиболѣе желательного изъ нихъ; имѣемъ случаи, гдѣ вѣче прогоняетъ нежелательного князя, чтобы замѣнить болѣе угоднымъ. Но въ общемъ гораздо чаще перемѣны на кievскомъ, какъ и на всякомъ другомъ столѣ, происходятъ безъ всякаго участія вѣча — когда оно не было заинтересовано оказать влияніе на ходъ событий или не чувствовало себя въ силахъ для этого. И хотя князья въ принципіѣ признавали за вѣчемъ извѣстное право участія въ распоряженіи столомъ, но чаще всего рѣшали эти вопросы между собою, вовсе не справляясь съ желаніемъ населенія.

Въ другихъ случаяхъ населеніе собиралось на вѣче по приглашенію князя; видимъ это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда князь желалъ знать, насколько можетъ онъ въ своихъ планахъ разсчитывать на помощь и поддержку земли; напримѣръ, приметъ ли послѣдняя участіе въ войнѣ своимъ ополченіемъ, и вѣче въ такихъ случаяхъ обнадеживало князя и призывало населеніе къ походу, или отказалось въ его участіи.

По собственной инициативѣ собиралось населеніе на вѣче, чтобы обратить вниманіе на злоупотребленія въ управлениі: напримѣръ, кievское вѣче въ 1146 г. ставитъ Игорю Ольговичу свои требованія относительно улучше-

ния суда, и подъ этимъ условиемъ обѣщаютъ признавать его княземъ. Въ другихъ случаяхъ вѣче обращается къ князю съ требованиями измѣнить политику, прекратить опасную войну и т. п. Оно считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться во всѣ сферы жизни земли, и это право вполнѣ признается за вѣчемъ князьями. Но сдѣлавъ поправку, какая представлялась ему необходимою, вѣче возвращало текущее управление его обычнымъ хозяевамъ. Ограничивалась ролью корректива княжеско-дружинного управления, вѣче не обнаруживаетъ никакихъ пополновеній ни править, ни даже законодательствовать.

Дѣятельность наиболѣе активной изъ нашихъ общинъ можетъ иллюстрировать роль вѣча вообще. Какъ здѣсь, въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ горо-

дахъ, очевидно, не существовало никакихъ определенныхъ формъ вѣчевой дѣятельности—ни определенныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни определенной инициативы созванія, ни формъ представительства. Вѣче могло быть собрано каждымъ—отъ князя до любого частнаго человѣка. Участіе въ немъ могли принимать всѣ жители города и пригородовъ; решавшій говорилъ имѣли всѣ полноправные граждане, отцы семействъ. Рѣшеніе считалось правильнымъ, когда его принимало такое подавляющее большинство, что могло игнорировать оппозицію. Рѣшеніе города было обязательно для его пригородовъ и всей земли, независимо отъ того, принимали ли въ немъ участіе, или нѣтъ, ихъ представители.

Княжеская власть и княжеское управление.

Все правленіе, вѣчѣ вмѣшательства вѣча, лежало въ рукахъ князя и его дружины. Онъ могъ свободно распоряжаться своею волостью: дарить, мѣнять, дѣлиться; могъ своею волостью начинать войну и заключать миръ, объявлять походъ—вся военная организация была въ его рукахъ и онъ полновластно распоряжался ею, поскольку не вмѣшивалось въ какое либо его распоряженіе вѣче. Онъ издавалъ законы и распоряженія, въ его рукахъ была администрація и судъ, который онъ творилъ или самъ непосредственно или черезъ своихъ чиновниковъ или агентовъ, которыхъ самъ назначалъ, и которые представляли его особу и власть, поэтому могли избѣгаться даже изъ его рабовъ. Онъ распоряжался доходами земли, ея обложеніемъ. Онъ же, наконецъ, принималъ

весъма дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Личность его пользовалась большимъ уваженіемъ, считалась неприкосновенною для его подданныхъ, даже въ наиболѣе тяжелыхъ смутахъ и передрягахъ. Такіе факты, какъ убийство князя населеніемъ въ Кіевѣ 1146 г., или повѣщеніе князей галицкими боярами, озлобленными учиненнымъ ими массовымъ избѣженіемъ бояръ—были явленіями исключительными, результатами чрезвычайного раздраженія, аффекта. Но съ другой стороны, и учение о богоустановленности и божественномъ освященіи власти, распространявшееся церковью, въ обществѣ прививалось очень туго.

Дружины—ближайшая сотрудница и помощница князя—въ правленіи принимала участіе черезъ свой совѣтъ или «думу», какъ называютъ ее въ лите-

ратурѣ,—позднѣйшимъ московскимъ терминомъ. Старшіе представители дружины, бояре, считали своимъ существеннымъ правомъ быть участниками не только княжьяго управления, но и княжьихъ плановъ и замысловъ. Если князь не исполнялъ своей обязанности «думать съ дружиною», не совѣтовался съ нею обо всемъ напередъ, то это вызывало неудовольствія, уходъ бояръ отъ него и даже возстаніе,—какъ то видимъ въ Галиціи,—гдѣ бояре слишкомъ глубоко пустили корни въ мѣстной жизни,—чтобы покончить конфликтъ простымъ переходомъ къ другому князю, въ другую волость. Определенныхъ формъ и компетенцій боярскій совѣтъ тоже не выработалъ. Князь совѣтовался съ тѣми боярами, какіе въ данный моментъ были подъ рукою, или какихъ хотѣлъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта поестественному могъ меняться, могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ. Но, съ другой стороны, князю неудобно было умышленно обходить и исключать изъ своихъ совѣщаній людей вліятельныхъ среди дружины, иначе это могло вызвать раздраженіе противъ него, да и собственный интересъ князя требовалъ, чтобы его дружина была постоянно въ курсѣ дѣла, и онъ могъ бы разсчитывать на ея преданность и солидарность.

Затѣмъ, важнымъ органомъ центрального управления былъ княжій дворъ, въ своей организаціи обычно совмѣшавший съ функциями княжьяго хозяйства функціи управления. Должности съ болѣе ясно выраженнымъ характеромъ государственного управления, какъ дворецкій, начальникъ двора и въ то же время надворный судья (*index curiae*), печатникъ (канцлеръ), выступаютъ довольно поз-

дано, вѣроятно подъ вліяніемъ запада. Ранѣе выступаютъ, главнымъ образомъ, «тіуны», избиравшіе изъ свободныхъ слугъ и рабовъ князя и завѣдывавшіе разными отраслями хозяйства и на ряду съ тѣмъ, какъ и другие слуги князя, исполнявшіе разныя порученія государственного характера, выступавшіе въ роли княжьихъ агентовъ въ мѣстномъ управлениі, и т. п.

Элементы центрального и мѣстного управлениія соединяются въ должности тысацкаго, вѣнчавшей старую десятичную организацію, въ XI—XII в., сохранившуюся уже въ переживаніяхъ. Тысяцкихъ, сотскихъ и десятниковъ назначаетъ тогда князь. Они имѣли военно-административныя компетенціи, впрочемъ свѣдѣнія имѣемъ только о тысяцкихъ, выступающихъ въ качествѣ старѣйшихъ чиновъ земли, замѣстителей и представителей князя въ военное время.

Во второстепенныхъ административныхъ центрахъ встрѣчаемъ съ военно-административными компетенціями посадниковъ. Въ качествѣ судебныхъ агентовъ встрѣчаемъ лишь княжьихъ туновъ. Техническаго термина для суды не встрѣчаемъ; возможно, что эта функція не специализировалась и не выдѣлялась изъ общаго круга административныхъ компетенцій.

Весьма мало, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣній объ общинномъ самоуправлении въ вопросахъ хозяйства и управлениія. Внѣ княжьяго управления оставалась для него широкая сфера, въ которую княжки агенты очень много вмѣшивались. Этимъ и объясняется, что государство могло обходиться съ такимъ несложнымъ административнымъ механизмомъ. Управление, поли-

ція, сборъ податей, въ извѣстныхъ границахъ судъ—все это оставалось компетенціей самихъ общинъ или болѣе сложныхъ союзовъ ихъ, въ родѣ позднѣйшихъ «копъ». Есть указанія, что общины могли выкупать у князя за извѣстную сумму всякія судебныя пошлины своей территоїи и тогда совершенно освобождались отъ вмѣшательства княжьихъ агентовъ не только въ области управлениія, но и въ области суда.

Организація суда, даже княжьяго, тоже очень мало намъ извѣстна; больше знаемъ толькъ изъ области судо-производства княжьихъ судовъ. Роль суды въ процессѣ отличается большою пассивностью. Слѣдствіе производитъ сама сторона, она же заботится о приведеніи приговора въ исполненіе. Правительственные агенты и общинныя власти должны были только содѣйствовать ему: посадникъ обязанъ былъ дать своихъ отроковъ въ помощь «господину», отыскивавшему бѣжалшаго раба; община (вервь) обязана была помочь искать слѣдъ преступника на своей территоїи, если не ходѣла принять на себя его вины. Процессъ отличается строго формальнымъ, точно регламентированнымъ характеромъ, и субъективной оцѣнкѣ суды остается очень мало мѣста. Процессъ вели сами стороны, наказанія точно предусматривались закономъ; роль суды сводилась къ констатированію наличности доказательствъ и состава преступленія. Этотъ формализмъ, выразившійся, между прочимъ, и въ обиліи формулъ, сохраненныхъ намъ «Русскою Правдою», очевидно, имѣлъ цѣлью ограничить свободу усмотрѣнія и злоупотребленія властью суды; стремле-

ніе особенно понятное, если вспомнимъ, что судъ отправляли часто частные агенты князя или его намѣстника—слуги и даже рабы. Въ качествѣ судебныхъ доказательствъ фигурируютъ показанія свидѣтелей и присяга; письменныхъ доказательствъ въ юридическихъ сборникахъ XI—XII в. (Русская Правда)—еще нѣтъ. Употреблялись ордаліи—указаніе имѣемъ на испытанія водою и желѣзомъ; о судебнѣмъ поединкѣ не имѣемъ извѣстій, но это едва ли не случайный пробѣлъ нашихъ источниковъ. Апелляціи не существовало, такъ какъ всякой судью представлять особу князя, верховнаго и единственнаго суды, какъ его замѣститель.

Кромѣ суда княжьяго и общиннаго, существовалъ судъ доминіальный—«господина» надъ его рабами и службами, и судъ церковный. О послѣднемъ рѣчь будетъ ниже, о судѣ доминіальномъ можемъ сказать, что въ отношеніи господина къ его «холопамъ» (рабамъ) княжій судъ не вмѣшивалъ и ничѣмъ его не ограничивалъ (на смягченіе этихъ отношеній старалась вліять церковь, своими мѣрами воздѣйствія). По отношенію къ наймитамъ и также точно, очевидно—къ слугамъ свободнымъ—право признавало аз господиномъ дисциплинарную власть, въ связи съ обязанностями ихъ—право господина «бити» закупа «про дѣло»; но оставлялъ за послѣднимъ право жаловаться въ княжескій судъ на злоупотребленія этою властью ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробный пересмотръ относящагося сюда материала въ „Історії України“, III гл. 3.

Церковь.

Церковная организація, перенесенная на Русь изъ Визанціи въ этотъ періодъ оставалась въ тѣсной и непосредственной зависимости отъ константинопольского патріархата и точно держалась своихъ византійскихъ образцовъ. Патріархъ все время, безъ всячаго соглашенія и сношеній съ князьями или мѣстнымъ духовенствомъ, самъ избиралъ митрополитовъ изъ Грековъ или другихъ огреченныхъ Византійцевъ, посвящаль и присыпалъ ихъ на Русь, не справляясь съ желаніями и видами мѣстныхъ круговъ. Съ этими правами патріарха въ византійскихъ кругахъ соединялось даже представлениe объ изрѣстныхъ верховныхъ правахъ надъ русскими князьями также и императора византійскаго. И довольно страннѣмъ является фактъ, что до самаго татарскаго нашествія, послужившаго причиной разстройства не только въ политическомъ строѣ, но и въ церковныхъ отношеніяхъ кievской митрополіи, мы не встрѣчаемъ у князей сколько-нибудь опредѣленныхъ стремленій выйти изъ такого произвола константинопольского престола, хотя эта практика должна была не только задѣвать ихъ самолюбіе, но и сопряжена была съ крупными неудобствами, такъ какъ на митрополичій столѣ попадали люди совершенно чужие, не знакомые съ мѣстною жизью, совершенно не знавшіе языка и т. п. Нѣсколько фактовъ самостоятельного поставленія митрополита соборомъ мѣстныхъ епископовъ имѣютъ случайный характеръ. И только послѣ татарскаго нашествія, когда съ полнымъ

упадкомъ Кieва усиливается партикуляризмъ новыхъ политическихъ центровъ, вмѣстѣ съ стремленіями послѣднихъ къ церковной автономіи и независимости, выступаетъ и желаніе видѣть на престолѣ своей митрополіи своего человѣка, своего избранника.

До конца XIII в. всѣ земли старого Кieвскаго государства составляли одну митрополію, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, митрополичій титулъ, какъ мы уже знаемъ, носили нѣкоторое время епископы Переяславскіе; неизвѣстно, была ли эта Переяславская митрополія первоначально самостоятельна, второю митрополіею, рядомъ съ кievскою; но во второй половинѣ XII в., когда о ней имѣемъ свѣдѣнія, была она лишь титулярною, какъ и новгородская архиепископія. Затѣмъ, съ возвышениемъ Суздаля, въ роли соперничающаго съ Кieвомъ политического центра, князь суздальскій Андрей задумалъ устроить у себя самостоятельную митрополію, но патріархъ рѣшительно воспротивился этому, и свое удовлетвореніе этотъ суздальскій партикуляризмъ нашелъ лишь въ концѣ XIII в., въ фактическомъ перенесеніи митрополичьей резиденціи изъ Кieва во Владимиrъ на Клязмѣ, а позже въ Москву. Но этотъ фактъ послужилъ толчкомъ къ тому, что и другіе новообразовавшіеся политические центры озабочиваются также приобрѣтеніемъ своего отдѣльного митрополита. Такъ, непосредственно послѣ переселенія кievского митрополита на постоянное

Выдубецкий монастырь около Киева.

В. И. Штернбергъ.

жительство во Владімірѣ въ 1299 г., добиваются видѣленія своихъ земель въ отдѣльную митрополію князя галицко-волынскіе, и въ 1302 г. расположениемъ византійскаго императора и константинопольскаго патріарха была создана галицкая митрополія, заключающая въ себѣ пять юго-западныхъ епархій. Вслѣдъ за нею поднимается вопросъ объ образованіи отдѣльной митрополіи для земель, перешедшихъ подъ власть литовскаго в. князя, и въ 1315 дѣйствительно была образована еще одна митрополія, «литовская». Митрополиты «всехъ Русіи», однако не мирились въ такимъ уменьніемъ ихъ діецезіи и митр. Феогносту разными происками удалось добиться въ Константинополѣ желательного для него рѣшенія: обѣ отдѣльныя митрополіи были опять присоединены къ митрополіи всехъ Русіи. Успѣхъ, положимъ, не былъ особенно проченъ, потому что вопросъ обѣихъ каѳедрахъ скоро всталъ снова на очередь. Но до конца XIII в., какъ видимъ изъ выше изложенного, всѣ земли Кіевскаго государства въ общемъ составляли одно цѣлое въ церковномъ отношеніи — одну митрополію, единственную въ міре по своей величинѣ и количеству населенія.

Велики были и епархіи, входившія въ ея составъ. До паденія Кіева, до половины XIII в., всѣхъ епархій было здѣсь шестнадцать (семнадцатая — тмутарацанская, основанная передъ крещеніемъ Руси, не входила въ составъ кіевской митрополіи). На украинскую территорію изъ нихъ, кроме митрополичьей, кіевской каѳедры, приходится девять: переяславская, черниговская, бѣлгородская, юрьевская, вла-

димірская (на Волыні), луцкая, перемышльская, галицкая и угровская (холмская); десятая — туровская — охватывала пограничную украинско-бѣлорусскую территорію. Послѣ 1240 г. перестала существовать изъ украинскихъ каѳедръ — юрьевская и переяславская (послѣдняя была формально присоединена къ сарайской епископіи, епископъ которой проживалъ въ Сараѣ), еще позже — бѣлгородская (существовала еще въ XIV в.); новыхъ вмѣсто нихъ не возникло. Въ общемъ въ дотатарскую эпоху епархія соответствуетъ большую частью землѣ. Основаніе новыхъ каѳедръ встрѣчалось съ большими трудностями, какъ показываетъ исторія основанія смоленской каѳедры: епископы, въ составѣ епархіи которыхъ входили выдѣляемые земли, всячески противились уменьшенію своихъ доходовъ неизбѣжному при уменьшеніи епархіи.

Отношенія епископовъ къ своему митрополиту, по каноническому праву, должны соответствовать отношеніямъ митрополита къ патріарху. Митрополитъ править самостотельно своею епархіею, и патріархъ можетъ вмѣшиваться въ дѣла послѣдняго только въ случаѣ какихъ либо злоупотреблений митрополита; такъ точно независимъ отъ митрополита въ своемъ управлении епископъ. Митрополиту принадлежитъ право суда надъ епископомъ по жалобамъ или апелляціямъ на рѣшенія епископскаго суда, точно такъ же, какъ патріарху надъ митрополитомъ. Епископъ ничего важнаго не долженъ предпринимать безъ согласія митрополита, но и митрополитъ ничего важнаго не долженъ учинять безъ собора епископовъ, на который обязаны по его зову являться епископы

его дієцезії, какъ самъ онъ—на соборъ патріархата. Отдаленіе резиденції кіевскаго митрополита отъ патріаршой столицы сводили, однако, до минимума всѣ эти предписанныя правомъ отношенія, и также точно, хотя въ нѣ сколько ослабленной формѣ—въ отношеніяхъ епископовъ кіевской митрополіи къ своему митрополиту—внѣ поставленія, и извѣстныхъ денежныхъ оплатъ, поступавшихъ отъ митрополита въ патріаршую казну, всѣ связи были очень слабы, и вмѣшательства патріарха въ жизнь митрополіи были рѣдки и случайны, и также точно—вмѣшательство кіевского митрополита въ жизнь подвластныхъ епархій. Епископскіе соборы довольно тugo собирались и въ Византії, и еще труднѣе было собрать ихъ на Руси; уже м. Іоаннъ въ своихъ правилахъ грозить епископамъ «посварить» ихъ, если они не будутъ пріїзжать на соборы, но эта угроза едва ли дѣйствовала. Вѣроятно, съ цѣлью обезпечить митрополиту присутствіе хотя-бы двухъ епископовъ, были основаны каѳедры въ Бѣлгородѣ и Юрьевѣ, въ Кіевской же землѣ. Какъ митрополитъ былъ самовластно назначаемъ патріархомъ, также стремился и митрополитъ по своему усмотру назначать епископовъ. По каноническому праву, епископа на вакантную каѳедру избираетъ совѣтъ епископовъ и предлагаетъ митрополиту для посвященія; въ дѣйствительности такая практика имѣла мѣсто только въ XIV в., при м. Феогностѣ, какъ показываютъ протоколы поставленій 1328—1347 гг.: соборъ епископовъ, созванный митрополитомъ, предлагалъ ему трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ митрополитъ избиралъ одного, провозглашалъ его имя и затѣмъ посвящалъ.

Вѣроятно, этою каноническою практикою имѣли въ виду ослабить неудовольствіе на вліяніе, какое оказывалъ велиокняжескій дворъ митрополичьей резиденції на поставленіе епископовъ; эта была эпоха стремленій къ церковной самостоятельности, питавшихся такимъ и подобными неудовольствіями на вліяніе велиокняжеской резиденції на митрополита, и м. Феогностъ, стремившійся всѣми мѣрами возстановить первоначальное единство митрополіи, естественно могъ расчитывать этимъ способомъ смягчить стремленія къ церковному парткуляризму, отрекаясь отъ старой практики, XI—XIII в. Послѣдняя не знала вовсе участія собора въ поставленіи епископовъ: ихъ поставляетъ митрополитъ, по сношенію съ княземъ земли, въ которой находилась вакантная каѳедра, или безъ всякаго соглашенія съ нимъ. Выборъ лица, иногда, исходилъ отъ князя, и потому въ нашихъ источникахъ нерѣдко встрѣчаемъ выраженіе, что тотъ или другой князь «поставилъ епископомъ» такого-то. Кіевскій князь, несомнѣнно, имѣлъ большое вліяніе на поставленіе епископовъ въ другія земли, особенно управляемыхъ князьями менѣe вліятельными. Князья болѣе самостоятельные иногда не принимали епископа, присланного имъ митрополитомъ безъ соглашенія съ ними; такъ поступилъ, напр., извѣстный Всеволодъ Юрьевичъ, заявивъ что присланного епископа «не избралъ людь», и суздальскій лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ, что епископство не годится пріобрѣтать «на мздѣ» (заплативъ митрополиту), «но его же князь возошетъ и людь». Но воля людей тутъ является лишь фразою; участіе ихъ въ выборѣ епископа нигдѣ

не видимъ, и въ концѣ концовъ, по представлениамъ современниковъ, какъ видимъ, право выбора епископа принадлежало мѣстному князю.

Совѣтомъ при епископѣ по всякимъ дѣламъ епархиального управлениія долженъ быть служить т. н. крилость (греческое *хлѣрос*) — коллегія городскихъ священниковъ, со старшимъ соборнымъ священникомъ во главѣ. Онъ соответствуетъ епископскому собору при митрополитѣ, но въ отличие отъ послѣдняго имѣть всѣ даннныя для болѣе энергичнаго и правильнаго функционированія, такъ какъ находился на мѣстѣ и былъ съ своей стороны живѣйшимъ образомъ заинтересованъ своимъ участіемъ въ епархиальномъ управлениі. Упоминанія о немъ встрѣчаемъ нерѣдко, но указаній объ участіи въ епископскомъ управлениі изъ этого времени — не имѣемъ вовсе, только по аналогіи позднѣйшей дѣятельности этихъ «крылосовъ», продолжавшихъ существовать на Украинѣ и позже, въ XV—XVI вв., можемъ дѣлать догадки объ его участіи въ администрації епархіи, въ духовномъ судѣ и объ управлениі имъ епархіею въ періоды, когда она была лишена епископа.¹⁾

Изъ разныхъ сторонъ епархиального управлениія больше всего извѣстій имѣемъ объ епископскомъ судѣ. Правда, княжы уставы, устанавливающіе привилегіи и границы церковнаго суда, дошедши до насъ съ именами Владимира Великаго, Ярослава и Всеволода Мстиславовича, носятъ очевидные слѣды позднѣйшей — если не поддѣлки,

1) Въ аналогіяхъ этой позднѣйшей роли клироса нужно, впрочемъ, считаться съ возможными вліяніями на послѣднюю католическихъ капитулъ.

то переработки; но учредительная грамота смоленской епархіи, середины XII в., сохранившаяся въ неискаженномъ видѣ, указываетъ довольно точно тогдашнюю практику духовнаго суда, относя къ компетенціи послѣдняго дѣла о нарушеніи законнаго брака, о проступкахъ противъ христіанской религіи или оскорбляющихъ нравственность и чувства приличія. По сравненію съ этимъ княжымъ уставомъ церковный уставъ съ именемъ Владимира расширяетъ главнымъ образомъ вторую и третью категорію проступковъ — противъ религіи и нравственности, и присоединяетъ къ нему еще четвертую — споры объ имуществѣ среди членовъ семьи. Уставъ даетъ такимъ образомъ картину пожеланій и претензій духовной власти въ этой сферѣ, и позднѣйшій памятникъ, посланіе владимирскаго епископа, ссылающійся на повсемѣстную практику епископскаго суда послѣдней четверти XIII в., даетъ намъ понять, что духовная власть въ это время въ значительной степени успѣла уже осуществить свои пожеланія и охватила свою компетенціей значительную сферу гражданскаго права.

По перечисленнымъ вопросамъ епископскому суду подлежало все населеніе. Кромѣ того, по всякаго рода дѣламъ ему подлежало духовенство и т. н. церковные люди — стоявшіе подъ специальнымъ покровительствомъ церкви или чѣмъ-нибудь связанные съ нею (о нихъ ниже).

Кромѣ суда, уставъ съ именемъ Владимира считаетъ епископскою компетенцію надзоръ за мѣрами и вѣсами — другія извѣстія дѣйствительно подтверждаютъ существованіе церковнаго надзора надъ точностью и неизмѣн-

ностью образцовыхъ мѣръ и вѣсовъ, отдававшихся подъ охрану церковнаго авторитета. Другія извѣстія указываютъ на живое участіе высшаго духовенства въ политической и общественной жизни своей земли на извѣстные случаи, гдѣ духовенство считалось обязаннымъ брать подъ свое покровительство неправедно потерпѣвшихъ. Въ свою очередь, свѣтская власть считалась призванною не только охранять и опекать государственную церковь, но и принимать непосредственное участіе въ ея дѣлахъ. Такіе чисто церковные вопросы, какъ канонизация святыхъ, какъ догматические и обрядовые споры—не обходятся безъ участія князей, нерѣдко свою властью и репрессіями поддерживавшихъ тотъ или иной взглядъ, ту или иную доктрину. И такіе факты нисколько не скандализировали духовенство, считались—въ порядкѣ вещей, по образцу Византіи, съ ея привычной участію свѣтской власти въ дѣлахъ церкви.

О приходской организації свѣдѣнія изъ этого времени очень бѣдны.

Въ источникахъ, кромѣ священниковъ, встрѣчаемъ діаконовъ, иподіаконовъ, пономарей и просвиренъ. «Дьяками»—уменьшительнымъ отъ «діаконъ», называли церковныхъ чтецовъ. Званіе просвири было оригинальнымъ явленіемъ, неизвѣстнымъ византійской практикѣ; оно было обязано своимъ появлениемъ трудностямъ, съ какими было связано не только въ селахъ, но и въ городахъ изготавленіе просфоръ.

Организація монастырей была заимствована изъ греческихъ монастырей чина Феодора Студита, но въ упрощенномъ видѣ, съ меньшимъ числомъ членовъ монастырской администраціи. Во главѣ монастыря стоялъ игуменъ (въ женскихъ—игуменія), избиравшійся самими монахами изъ собственной среды или изъ людей постороннихъ—даже не постриженныхъ. Подъ вѣдомствомъ игумена монастырское хозяйствство вѣдали экономъ и келарь, разными отраслями его завѣдывали затѣмъ тѣ же «тіуны», какъ и въ княжескомъ и боярскомъ хозяйствѣ, вѣроятно изъ монастырскихъ холопей.¹⁾

Общественная структура въ связи съ экономическимъ процессомъ.

Скудость свѣдѣній объ экономическомъ процессѣ эпохи образованія государства заставляетъ ограничиться самыми общими соображеніями относительно вліянія его на структуру общества. Два основные момента нужно прежде всего отмѣтить. Условія экономической жизни создаются все въ большихъ размѣрахъ рабовладѣніе, не только для торговли и вывоза, но и для внутреннихъ хозяйственныхъ нуждъ. Съ другой стороны, мѣсто старой родовой аристократіи занимаетъ имуще-

ственная, группирующаяся, главнымъ образомъ, около наиболѣе выдающихся городскихъ центровъ, все болѣе отрекающаяся отъ старыхъ формъ родово-племенного быта и могущественно вліяющая на новый строй общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ этомъ, такъ сказать, горизонтальномъ разслоеніи общества политический процессъ, а затѣмъ введеніе

1) Подробнѣе о церкви—„Історія України“ т. III, гл. 3.

христіанства, производятъ глубокіе вертикальные разрѣзы, образуя особыя привилегированныя группы населенія, проникающія черезъ всѣ слои общества—категоріи людей княжыхъ, съ одной стороны, людей церковныхъ—съ другой.

Остановливаясь нѣсколько ближе на первомъ изъ указанныхъ моментовъ, нужно отмѣтить тревожную жизнь и неблагопріятная условія, въ которыхъ очутилось въ особенности украинское Поднѣпровье—этотъ первоначальный очагъ экономической и политико-общественной эволюціи, а въ меньшей мѣрѣ—и западная украинскія земли. Они производили глубокія перемѣны въ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Уже отливъ украинскаго населенія изъ степной полосы, медленно, съ извѣстными перерывами развивавшійся, вѣроятно, еще съ IX в., неизбѣжно долженъ былъ вызывать важныя измѣненія въ этихъ отношеніяхъ, бросая въ среду населенія центральныхъ и сѣверныхъ украинскихъ земель массы населенія, оторванныя отъ своей почвы, лишенныя орудій хозяйства, вырванныя изъ тѣхъ родовыхъ и иныхъ союзовъ, въ которыхъ развивалась ихъ экономическая и общественная жизнь. Обладатели экономическихъ средствъ—былъ ли то патриціатъ купеческій, князья и бояре, или нароставшій классъ болѣе крупныхъ сельскихъ хозяевъ, получали въ свое распоряженіе массы безземельного люда, который одинаково прочно могъ служить материально для военныхъ дружинъ и для полусвободныхъ работниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

Въ этомъ направленіи вліяли и потрясенія экономической жизни, произво-

димыя набѣгами и опустошеніями кочевниковъ, и тяжелыми войнами, которыми сопровождался какъ процессъ созданія государства, такъ и долгая исторія его разложенія. На этотъ разъ въ особенности терпѣли среднія и южныя части Киевской земли, Переяславская, южная часть Черниговской—какъ центръ политической и культурной жизни X—XII в. Сѣверная Украина, покрытая непроходимыми лѣсами, и западная—Волынь и Галицкая земля, отъ нападеній кочевниковъ не страдали, но и тутъ въ первой половинѣ XIII в. шла тяжелая, затяжная смута, а пограничная война съ Польшей и Литвой всей тяжестью падала на сѣверо-западное Полѣсье. Всѣ эти бѣды, впрочемъ, далеко не равнялись бѣдствіямъ Поднѣпровья, но перемѣны, вызываемыя потрясеніями экономической жизни Поднѣпровья, отражались на жизни и этихъ земель.

Наши источники не занимаются фактами экономической жизни, но нѣкоторыя подробности, сообщаемыя ими, даютъ очень яркія указанія на оскудѣніе земли, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ и набѣговъ. Черниговскій князь Святославъ Ольговичъ случайно обронилъ очень сильную иллюстрацію того, какъ выглядѣла южная часть Черниговской земли послѣ ожесточенныхъ войнъ половины XII в. «Взялъ я, говоритъ онъ, Черниговъ съ семью пустыми городами: Воровійскомъ, Любскомъ, Орогощемъ, Все-волжсмъ, а въ нихъ только и живутъ, что псари да Половцы». Въ окрестности Чернигова, на большомъ пространствѣ не оказывается никакого путнаго населенія, остались только разные тюркские колонисты, поселенные князьями для охраны опустошенныхъ южныхъ

границъ, да княжки слуги — холопы. Конечно, въ этой картинѣ, вѣроятно, много преувеличеннаго, но все же запустѣніе должно было быть жестокое—въ родѣ руины Поднѣпровья конца XI в., такими сильными красками описанной Словомъ о полку Игоревѣ: «Погибала жизнь Дажбожья внука (Руси), среди княжихъ крамоль сокращалась жизнь человѣка; рѣдко тогда въ Русской землѣ можно было слышать крикъ ратая, зато часто кричали вороны, дѣля между собою трупы, да часто вели свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу».

Кромѣ общаго обѣденія края, эти катастрофы оказывали особенное влияніе на уменьшеніе мелкихъ сельскихъ хозяйствъ. Тамъ, где богатыя боярскія хозяйства терпѣли только убытки, мелкія сельскія хозяйства часто погибали вовсе, или переходили въ боярскія руки, а ихъ собственники — въ категорію полусвободныхъ закуповъ или несвободныхъ холоповъ. Разоренное имѣніе бояринъ имѣлъ возможность восстановить и вмѣсто холопа, взятаго въ неволю наездниками, пріобрѣсти себѣ другого; но хозяйство смерда нерѣдко пустѣло навсегда, если Половецъ убилъ его, а семью забралъ въ неволю, какъ описываетъ Мономахъ обыкновенную обстановку половецкаго набѣга. Да и не взятый въ плѣнъ не всегда былъ въ состояніи восстановить собственными силами разоренное хозяйство, и приходилось либо продать его за безцѣнокъ, либо войти въ долги, а въ тогдашихъ условіяхъ долгъ былъ кратчайшею дорогою къ холопству. Задолженное хозяйство вмѣстѣ съ его собственникомъ переходило во владѣніе кредитора, и это, несомнѣнно, былъ одинъ изъ наиболѣе торныхъ

путей, какими двигались и разростались боярскія имѣнія.

Впрочемъ, войны и набѣги только обостряли и ускоряли процессъ, развивавшійся и независимо отъ нихъ, хотя болѣе медленно. Развь только трудъ холопа сталъ предметомъ по желаній для «нарочитой чади», державшей въ своихъ рукахъ экономическую и политическую власть,—одно это обстоятельство должно было содѣйствовать постепенному переходу свободныхъ работниковъ въ несвободныя категоріи. Возможно, что въ VI в., какъ повѣствуетъ историкъ Мавrikій, пограничные съ Византіей Славяне добровольно отпускали своихъ невольниковъ: въ тогдашнемъ полу-кочевомъ быту эти послѣдніе не приносили никакой выгоды; позже получаютъ они цѣну, въ качествѣ предмета заграничной торговли, и дѣйствительно вывозились въ IX—X вв. въ огромномъ количествѣ. Въ XI—XII вв. о вывозѣ рабовъ изъ Руси въ чужіе края мы слышимъ все рѣже и рѣже; спросъ на нихъ былъ на мѣстѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивались и способы закрѣпошенія свободного населенія болѣе или менѣе «законными путями».

Варварское, но узаконенное право войны доставляло рабовъ въ большомъ количествѣ. Широко практиковалось, несомнѣнно порабощеніе свободныхъ подъ разными предлогами, примѣры котораго также встрѣчаемъ въ нашихъ источникахъ (рассказъ о незаконномъ обращеніи въ рабство свободно рожденаго сына раба, въ чудесахъ Бориса и Глѣба, и упоминаніе Русской Правды о незаконной продажѣ въ рабствѣ закупа). Но экономическая зависимость въ разныхъ формахъ была едва ли не самымъ обильнымъ источ-

никомъ несвободного состоянія. Процентная норма была чрезвычайно высока; 15% считалось легкимъ, христианскимъ процентомъ. Не только деньги, но и продукты должны были возвращаться съ лихвой: «куны (деньги) въ рѣзы (проценты), медъ въ поставы, жито въ присопъ», какъ выражается Русская Правда. Обычно формою погашенія процента у малосостоятельныхъ должниковъ была отработка, но работа цѣнилась низко: годовой трудъ женщины въ Русской Правдѣ цѣнится въ одну гривну, между тѣмъ нормальная цѣна коровы опредѣляется въ 2 гривны, коня въ 3 гривны; при такой низкой оцѣнкѣ труда каждый заемъ, даже безъ злоупотребленій, грозилъ втянуть должника въ безвыходное положеніе. А злоупотребленія, несомнѣнно, были чрезвычайно распространены; чрезвычайное вниманіе, которое посвящаетъ Русская Правда вопросамъ процента, отработки, поработщенія должниковъ, упоминанія о разныхъ незаконныхъ способахъ обращенія закуповъ въ холопство, приписыванія штрафовъ къ долгу, обращавшаго закупа въ безнадежно - неоплатнаго должника и т. п., свидѣтельствуютъ объ этомъ достаточно краснорѣчиво. Но даже и тѣ постановленія законовъ, какие имѣли своею цѣлью ограничить злоупотребленія кредиторовъ, и были вырваны у правительства движениями народныхъ массъ, раздраженныхъ этимъ тяжелымъ экономическимъ процессомъ (киевское движение 1113 г. и законодательство о процентахъ), оставляли широкій просторъ для злоупотребленій, для закрѣпошенія должниковъ, да при томъ, конечно, не имѣли шансовъ особенно точно исполняться при превалирующей

политической роли тѣхъ именно классовъ, которые были наиболѣе заинтересованы въ возрастаніи количества невольного труда и на немъ строили свое благосостояніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что именно на этомъ фундаментѣ — умноженія несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ силъ, строилось и возрастало боярское хозяйство и вообще крупное землевладѣніе, въ которое, съ упадкомъ торговли и промышленности, все болѣе опредѣленно отливается имущественное преобладаніе въ XII — XIII вв. Всюду, где идетъ рѣчь объ имѣніяхъ — княжескихъ, боярскихъ, церковныхъ — неизмѣнно выступаетъ и «челядь», рабы и всякаго рода безземельное, несвободное населеніе. Вдова Глѣба Всеславича жертвуетъ Печерскому монастырю «пять сель и съ челядью»; черниговские Давидовичи, разграбивъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ дворъ Святослава Ольговича въ Путивль, забираютъ въ немъ, въ качествѣ добычи семьсотъ человѣкъ «челяди», очевидно работавшихъ въ этомъ селѣ; если князь Ростиславъ жалуетъ смоленской епископской каѳедрѣ огородъ, то не пустой, а съ приписаннымъ къ нему «капустникомъ» съ его семьею, и т. п. Русская Правда упоминаетъ «ролейныхъ» закуповъ, работавшихъ на «рольѣ», княжихъ и боярскихъ «сельскихъ» и «ратайныхъ» тѣуновъ т. е. несвободныхъ слугъ, присматривавшихъ за сельскими работами; говорить наряду съ холопами княжими и боярскими также о холопахъ монастырскихъ, которые могли быть только сельско-хозяйственными работниками.

Впрочемъ, само собою понятно, что только трудомъ несвободныхъ и полусвободныхъ, экономически зависи-

ыхъ, и было возможно создать значительные хозяйства. При огромныхъ массахъ свободной земли, при сравнительно легкихъ формахъ добывания пропитания, экономически самостоятельное свободное население не имѣло никакихъ побуждений итти въ батраки, и при сравнительно невысокой доходности тогдашняго сельского хозяйства наемному труду въ немъ не было места. Крупное хозяйство было возможно только при наличии труда несвободного, бесплатного.

И действительно, война, это почти постоянное занятіе тогдашнихъ правящихъ классовъ, давала массу военно-плѣнныхъ рабовъ; колонизационныя потрясенія, всякаго рода опустошенія и экономические кризисы загоняли во дворы бояръ, князей, монастырей и всякаго рода капиталистовъ массы несвободныхъ и полусвободныхъ рукъ. Семьсотъ человѣкъ рабовъ, захваченныхъ въ одномъ лишь княжьемъ имѣ-

ніи, даютъ намъ понять, какъ велики были уже въ то время поселенія рабовъ и крестьянскихъ и въ какихъ большихъ размѣрахъ велось ихъ трудомъ хозяйство. Извѣстія источниковъ даютъ намъ понятіе о размѣрахъ послѣдняго: въ одномъ изъ княжьихъ сель, разоренныхъ въ тотъ же походъ, оказывается княжье стадо въ количествѣ 4000 конскихъ головъ; въ другомъ «сельцѣ» оказывается гумно съ 900 сгогами хлѣба и т. п. Насколько несвободный элементъ сталъ принадлежностью домашняго быта, показываетъ одна статья Русской Правды, что свободный человѣкъ, вступившій въ обязанности ключника или тѣуна, не гарантировавъ себѣ свободы, тѣмъ самымъ утрачиваетъ послѣднюю; ключники и тѣуны, и не только они, а вся вообще домашняя прислуга, очевидно, состояла почти исключительно изъ несвободныхъ¹).

Общественные классы.

Въ общественной организаціи этого времени имѣемъ три категоріи: а) правящій классъ, или людей княжьихъ, дружину; б) собственно населеніе, или людей въ тѣсномъ смыслѣ; и в) людей церковныхъ. Въ каждой изъ этихъ трехъ категорій рѣзко ограничиваются классы людей свободныхъ, полноправныхъ, и несвободныхъ, безправныхъ; но на рубежѣ этихъ двухъ классовъ образуются переходные группы людей, экономически зависимыхъ и потому въ своихъ гражданскихъ правахъ ограниченныхъ. Среди свободныхъ людей отличаются верхніе слои людей лѣпшихъ, луцишихъ, и меньшихъ, также люди

городскіе и волостные. Но за исключениемъ дѣленія на людей свободныхъ и несвободныхъ, остальные границы не отличались большою устойчивостью: отдельные классы сближались переходными группами и допускали довольно свободное передвиженіе изъ одной группы въ другую.

Имя «дружины» (отъ другъ, товарищъ, пріятель) подчеркивало свободные отношенія ея къ князю, и такія отношенія действительно существовали не только въ теоріи, но и въ жизни. Дружинникъ, особенно изъ

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. III, гл. 4.

старѣйшихъ, носившихъ название «княжыхъ мужей», «огнищанъ», также «бояръ», считаетъ себя не безотвѣтнымъ слугой, а товарищемъ князя, которому должны быть извѣстны княжыи намѣренія и планы. Если поведеніе князя ему не нравится, онъ можетъ его во всякое время оставить и перейти къ другому, не подвергаясь никакой карѣ или репрессіямъ. Благодаря этому праву свободнаго перехода, дружина слагалась изъ разныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ. Часто она слѣдовала изъ одной земли въ другую при передвиженіяхъ своего князя, но съ тѣхъ поръ, какъ княжыи династіи болѣе прочно устраиваются въ отдѣльныхъ земляхъ, дружина также, особенно ея высшіе слои, локализируется, обзаводится осѣдлостью среди мѣстнаго населенія, въ особенности высшихъ классовъ его, изъ поколѣнія въ поколѣніе оставаясь въ службѣ данной династіи и даже занимая по наслѣдству извѣстныя должности. Такія связи съ землей представляли существенныя выгоды для обѣихъ сторонъ: въ интересахъ князя было имѣть въ своей службѣ влиятельныхъ представителей мѣстнаго общества, равно какъ въ интересахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—стоять ближе къ власти. Но доступъ постороннимъ элементамъ также не былъпрегражденъ. Даже въ наиболѣе сплоченное боярство галицкое, гдѣ особенно прочно сложились боярскія династіи, проникали и достигали высокаго положенія люди не родовитые, «отъ племени смердья», «поповы внуки», хотя на нихъ свысока смотрѣли въ аристократическихъ кругахъ. Со-держалась дружина этой эпохи изъ даней, судебныхъ и административныхъ

доходовъ; слѣдовъ помѣстной практики—раздача земель въ вознагражденіе службы—въ эту эпоху не встрѣчаемъ. Численность дружины зависѣла отъ доходовъ князя; въ концѣ XI в. киевскій князь заявляетъ, что можетъ выставить на войну 800 своихъ «отроковъ» (отроки—собственно дѣти, младшіе, рядовые дружинники въ противоположность старшимъ). Мелкіе князья имѣли, конечно, дружины очень малочисленныя. Наоборотъ, выдающіеся, крупные бояре содержали на своемъ иждивеніи болѣе или менѣе значительныя дружины своихъ «отроковъ».

Земская аристократія—бо рство въ тѣсномъ смыслѣ (изъ бояринъ, большій—исконное имя земской аристократіи, позже усвоенное также дружинной аристократіей), благодаря указанному тяготѣнію къ власти и княжьей службѣ, нерѣдко сливалась такъ тѣсно съ аристократіей дружинной, что не всегда даже икъ можно отличить въ нашихъ извѣстіяхъ. Подъ вліяніемъ экономическихъ условій та и другая одинаково эволюціонируютъ отъ роли богатыхъ купцовъ, какими представлялась чужеземцамъ «Русь» IX—X в. (ср. приведенную выше арабскую характеристику Руси, какъ купцовъ-воиновъ, не имѣющихъ недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ, промышляющихъ лишь добывничествомъ и торговлею), къ положенію земельной аристократіи, въ какую превращаются онѣ подъ вліяніемъ упадка торговли и развитія сельскаго хозяйства въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, такъ что въ XIV—XV в. слово «бояринъ» въ нашихъ памятникахъ становится терминомъ для привилегированного военно-служебнаго землевладѣльца. Прерогативою дружинной

аристократії, сравнительно съ земскою, не служилою, въ правѣ XI—XII вв. является высшая, двойная «вира», выкупъ за голову убитаго. Выкупъ за голову земскаго боярина былъ одинаковъ съ прочимъ свободнымъ населеніемъ; единственная юридическая привилегія земскаго боярства, сравнительно съ послѣднимъ, извѣстна намъ въ сферѣ наслѣдственного права: при отсутствіи мужескаго потомства бояре могли передавать свое имущество дочерямъ, и выморочное имущество по смерти бояръ и слугъ боярскихъ не поступало князю, какъ поступало по смерти представителей другихъ общественныхъ классовъ, не оставлявшихъ мужескаго потомства. Въ останньномъ преобладаніе боярства зиждилось на его фактическихъ, а не юридическихъ условіяхъ.

Само по себѣ экономическое преобладаніе уже создавало боярству влиятельное положеніе въ общественной жизни, а входя въ составъ дружины князя, оно приобрѣтало непосредственное вліяніе и на политическую жизнь, на управление и законодательство. Княжеско-дружинный строй изначала былъ, по всей очевидности, созданіемъ этихъ верхнихъ слоевъ общества и стоять въ тѣсномъ союзѣ съ ними и позже. Исторія кievскаго народнаго движенія 1113 г. когда нижніе слои населенія, пользуясь замѣшательствами по смерти князя, принимаются грабить дома княжескихъ чиновниковъ, евреевъ, а въ перспективѣ предвидѣлось газграбленіе богатыхъ людей вообще, и боярство видитъ единственное спасеніе въ скорѣйшемъ призваніи въ Кіевъ новаго князя,—весьма ярко иллюстрируетъ эти отношенія. Новый князь, принимаясь прежде всего за смягченіе за-

коновъ о займы, процентахъ и т. под., даетъ понять смыслъ этихъ отношеній. Юридические кодексы XI—XII вв. (Русская Правда) всѣмъ своимъ характеромъ указываютъ на близость законодательства и вообще всей правительственной политики къ интересамъ богатыхъ классовъ. Охрана этихъ послѣднихъ является ближайшею ихъ цѣлью; демагогія была вполнѣ чужда княжеской политикѣ.

О рядовомъ городскомъ населеніи можемъ сказать немного. Типичскій мѣщанскій характеръ могло имѣть населеніе только болѣе значительныхъ городовъ, въ болѣе мелкихъ оно имѣло вполнѣ земледѣльческій характеръ, и эти мелкіе города по существу являлись лишь компактными, огражденными селами. Разница въ экономическомъ бытѣ города (болѣе значительного) и села сказывалась въ томъ, что города платили свою дань преимущественно деньгами, села—продуктами. Въ административномъ отношеніи городъ отличался тѣмъ, что не входилъ въ сопоставленную организацію сельского населенія (по крайней мѣрѣ иногда). Въ политикѣ граждане имѣли привилегію постановлять решения, обязательные для всей тянувшей къ нимъ земли. Это давало горожанамъ право на особенное вниманіе правительства, проявлявшееся въ подаркахъ, всенародныхъ пирахъ, и т. под. Но съ своей стороны, они, несомнѣнно, стояли въ сильнѣйшей зависимости отъ своей аристократіи, правившей городомъ и черезъ него давшей тонъ жизни всей земли. Галицко-Волынская лѣтопись, враждебно настроенная противъ политическихъ притязаній мѣстнаго боярства, оставила драгоценную картинку гордаго боярина, безцеремонно въ одной

сорочкѣ ъѣдущаго по городу на конѣ, «Галичанамъ же текущимъ у стремени его», и эта картинка гордаго боярина и лѣстивой, зависимой мѣщанской массы, вѣроятно, не далеко отходить отъ дѣйствительности и другихъ городскихъ центровъ.

Среди сельскаго населенія ядро составляли такъ назыв. с м е р д ы, свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидѣвшіе на своихъ земляхъ и имѣвшіе собственное хозяйство. Это свободное крестьянство пользовалось всѣми граждanskими и юридическими правами, самоуправлениемъ и собственнымъ судомъ въ своихъ общинахъ (остатки этого крестьянского общиннаго суда сохранились до XVI в. въ такъ назыв. «копныхъ судахъ», эксплуатировавшихся правительствомъ въ то время для слѣдственныхъ и полицейскихъ цѣлей). Въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда подвергалось опасности благосостояніе земли, это крестьянство привлекалось и къ военной службѣ.

Относительно обложенія его данями и повинностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ—относительно формъ крестьянского землевладѣнія—за недостаткомъ современныхъ данныхъ, можемъ составить нѣкоторое понятіе изъ указаній позднѣйшихъ источниковъ (XV—XVI вв.) о порядкахъ, предшествовавшихъ позднѣйшему обложенію. Изъ этихъ указаний видимъ, что единицей обложенія служила крупная хозяйственная единица, называвшаяся лѣдищемъ (на Волыни и въ Галиціи), землею (въ Киевской землѣ), селомъ (въ Сѣверской) и заключавшая въ себѣ обыкновенно нѣсколько крестьянскихъ семей, связанныхъ экономически, а весьма часто при томъ и кровными узами.

Величина такой единицы бывала очень разнообразна и ничѣмъ не регулировалась, составляя недѣлимый атомъ экономической жизни. Обложение отличалось также большимъ разнообразіемъ, такъ какъ нерѣдко каждое дворище села имѣло за собою специальную исторію обложения. Въ основаніе его лежала старинная дань, плачившаяся мѣхами, медомъ, деньгами (позже данью специально называлась дань медовая, между тѣмъ какъ денежная носила имя посошины, а дань хозяйственными продуктами въ Киевской и Волынской землѣ называлась подымщикою). Другимъ изстариннымъ поборомъ было полудье. Первоначально этимъ именемъ обозначалась обязанность населенія содержать князя съ его дружиною при ихъ ежегодныхъ визитахъ для сбора дани, позже это превратилось въ регулярную подать, собиравшуюся съ крестьянского населенія, независимо отъ того, прѣѣзжалъ ли дѣйствительно князь, или его агентъ, или нѣтъ. Она получила при этомъ разныя специальные названія: поволовщина, или болкуновщина (болкунъ—воль), поклонъ, станъ. Наконецъ, существовали оплаты для разныхъ княжыхъ агентовъ, вѣѣзжавшихъ на территорію общинъ за даними. Затѣмъ, съ течениемъ времени эти основныя категоріи обложения обростали разными болѣе или менѣе случайными придатками, изъ которыхъ, въ свою очередь, выростали новые подати, и такимъ образомъ вносились отмѣченное выше чрезвычайное разнообразіе въ это старое, чуждое единобразія и регламентациі обложеніе. Изъ натуральныхъ повинностей для этого времени намъ достовѣрно известны только городскія и мостовыхъ работы: обязанность строить

и поддерживать городскія укрѣпленія и мосты въ районѣ своей общини. Но на ряду съ ними уже очень рано, можетъ быть, еще во времена Кіевскаго государства, въ сосѣдствѣ княжихъ дворовъ окрестные крестьяне начинаютъ привлекаться къ различнымъ сельско-хозяйственнымъ работамъ: подводамъ, косьбѣ сѣна, уборкѣ хлѣба и т. под.

Кромѣ крестьянъ, экономически самостоятельныхъ, работавшихъ на своемъ хозяйствѣ, существовали крестьяне безземельные, хозяйствавшіе на чужой землѣ, или въ качествѣ батраковъ работавшіе на своего «господина» за наемную плату или въ отработку долга. Они называются изгоями, сябрами и закупами (подъ этимъ послѣднимъ именемъ они выступаютъ въ постановленіяхъ Русской Правды). Они лично свободны, но ихъ экономическая зависимость отражается извѣстными ограничениями на ихъ гражданскихъ правахъ: закупъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ судебныхъ процессахъ, за исключениемъ лишь мелкихъ тяжбъ; «господинъ» имѣеть право своею властью наказывать закупа «про дѣло». И дѣйствительно только очень тонкая граница отдѣляла этихъ экономически зависимыхъ свободныхъ отъ положенія несвободнаго, въ которое они очень часто попадали. Напр., закупъ обращался въ рабство за бѣгство отъ господина, за проступокъ, когда его нельзя было покрыть штрафомъ, вслѣдствіе несостоятельности закупа, и т. под. Это были законные поводы, а, вѣроятно, еще чаще закупы закабливались въ рабство безъ всякихъ законныхъ поводовъ.

Законные источники рабства Русская Правда указываетъ слѣдующіе: если

свободный или свободная вступили въ бракъ съ рабою или рабомъ, не выговоривъ себѣ свободы, или вступили въ дворовую службу безъ такой же гарантіи, то они становились рабами; если банкротъ признавался обанкротившимся по легкомыслію или недобросовѣстности, то его продавали въ рабство, въ пользу кредиторовъ; въ рабство обращались за проступки закупы; въ рабство попадали лица, бывшія не въ состояніи заплатить судебной пени (послѣдняя вообще отличались большою высотою). Наконецъ, весьма распространеннымъ источникомъ рабства была война.

По древнерусскому праву рабъ—«холопъ» не имѣеть никакихъ гражданскихъ ни юридическихъ правъ; онъ не составляетъ юридического лица, не можетъ быть ни субъектомъ, ни объективомъ преступленія; онъ вещь своего господина, и законъ считается лишь съ материальнымъ ущербомъ его господина, наносившимся въ лицѣ раба этому послѣднему, или причинявшимся его рабомъ постороннему лицу. Рабъ не несетъ никакой ответственности за свои поступки и не располагаетъ никакими правами. Господинъ имѣеть надъ нимъ неограниченныя права, и законъ въ эти отношенія не вмѣшивается вовсе.

Этотъ принципіальный юридический взглядъ на раба подпадалъ нѣкоторымъ колебаніямъ, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и общаго роста гуманности въ обществѣ. Дѣлаются исключенія изъ общаго правила для высшихъ категорій несвободныхъ слугъ—княжихъ и боярскихъ; появляются зачатки вмѣненія рабу его проступка. Изъ случайныхъ указаній видимъ, что рабы нерѣдко владѣли собственнымъ иму-

ществомъ, вели торговыя операциі за свой собственный счетъ и т. под. И если въ общемъ экономической про-цессъ переводилъ въ категорію несво-бодныхъ все большія и большія массы людей полноправныхъ и экономически самостоятельныхъ, то съ другой сто-роны улучшалось и повышалось положеніе возраставшаго класса несвобод-ныхъ. А соотвѣтственно роли церкви, какъ покровительницы безправнаго раба, значительныя массы несвободныхъ находять у нея покровительство и двигаются постепенно вверхъ изъ рабскихъ низовъ подъ сѣнью церкви, въ категоріяхъ людей церковныхъ, въ весьма значительной части пополняв-шихся изъ несвободнаго состоянія.

Разныя категоріи церковныхъ людѣй наиболѣе полно перечисляетъ церковный уставъ съ именемъ Влади-мира. Кроме духовенства въ собствен-номъ смыслѣ и всѣхъ «кто въ кли-росѣ»—церковныхъ причетниковъ, а также монашествующихъ,—здесь пере-числяются люди, находившіе пропитаніе при церквяхъ и связанныхъ съ нею учрежденіяхъ, какъ больницы и пріюты для калѣкъ и юбогихъ, нищіе и калѣки и на ряду съ ними «лѣчецъ», занима-ющіеся лѣченіемъ больныхъ въ боль-ницѣ; далѣе паломники и прощенники, люди считавшіеся исцѣленными, бла-годаря чуду, и поэтому считавшіеся посвященными церкви; наконецъ, люди безъ общественного положенія и средствъ къ существованію, нуждав-шихся въ покровительствѣ церкви: разстигшіеся монахи, задушные люди-рабы, отпущеные ихъ господами «за душу», для спасенія души, «изгои», подъ именемъ которыхъ Всеволодовъ уставъ подразумѣваетъ поповичей не выучившихся настолько, чтобы занять

мѣсто причетника, обанкротившихся купцовъ, холопей выкупившихся изъ рабства.

Бѣлое духовенство, сначала форми-ровавшееся усиленными мѣрами пра-вительства, скоро начало умножаться само собою, съ распространеніемъ хри-стіанства и умноженіемъ церквей. Очень скромныя требованія относительно об-разовательного ценза, предъявлявшіяся къ кандидатамъ на священство, откры-вали широко двери духовнаго званія всѣмъ искавшимъ сравнительно лег-каго куска хлѣба. Съ переходомъ на Русь византійскаго обычая имѣть свою домовую церковь сколько нибудь бо-гатому и знатному человѣку, распро-страняется обыкновеніе (извѣстное въ то время также и на западѣ)—имѣть своихъ священниковъ изъ холопей, отдававшихся въ науку и затѣмъ по-сылавшихся на посвященіе къ епи-скопу; часто при этомъ такого попа даже не освобождали отъ рабства, но церковныя власти, согласно канони-ческому праву, добивались свободы для такихъ рабовъ-священниковъ, и несомнѣнно, что большинство ихъ рано или поздно получали свободу и полагали начало поколѣніямъ уже сво-бодныхъ церковниковъ. Церковная за-нятія передавались отъ отца къ сыну, и наслѣдственность была чрезвычайно развита въ этихъ церковныхъ кругахъ; по всей вѣроятности уже изъ этихъ временъ ведеть свое начало позднѣй-шая украинская практика, по кото-рой потомство священника посте-пенно проходило низшія церковныя должности при своей церкви, такъ что такая семья занимала иногда всѣ церковныя степени своего при-хода, множившіяся и распросстра-нившися, чтобы дать пріютъ размис-

жавшимся церковническимъ семьямъ. Образованіе новыхъ приходовъ также бывало часто обязано ініціативѣ послѣднихъ.

Большихъ размѣровъ достигаетъ также монашество. Съ одной стороны чрезвычайно высокое мнѣніе о спасительности «ангельского чина», съ другой — тяжелая экономическая и вообще бытоваia условія и сравнительно обеспеченное положеніе монашествующихъ—вліяли на все большій ростъ послѣднихъ. И опять таки, наиболѣе привлекало монашество поставлен-

ныхъ въ наиболѣе тяжелыя условія т. е. несвободныхъ, и несомнѣнно въ значительной степени пополнялось изъ этого источника.

Наконецъ, бывшіе несвободные составляли, несомнѣнно, наиболѣе многочисленную группу среди церковныхъ людей изъ недуховенства—и отсюда переходили они или ихъ дѣти въ ряды духовенства, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ провести затѣмъ свое потомство и въ другое болѣе покровительствуемые общественные классы ¹⁾.

Право.

Главнымъ источникомъ для знакомства нашего съ украинскимъ правомъ этой эпохи служатъ юридические сборники, носящіе общее имя «Русской Правды»; имѣется три основныхъ редакціи ихъ, изъ которыхъ древнѣйшая относится къ первой половинѣ XI в., вторая ко второй пол. XI в. и третья къ первой четверти XII в. Изъ предшествующаго времени имѣемъ два обширныхъ договора кievскихъ князей съ Византіей, 911 и 944 г. заключающихъ въ себѣ богатый юридический матеріаль; но они комбинируютъ «русскій законъ» съ нормами византійского права, и лишь при помощи позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ можно съ извѣстною приблизительностью выдѣлить изъ ихъ постановленій элементы этого «русскаго закона». Для позднѣйшаго времени нѣкоторыя интересныя юридическія указанія даютъ бытовой матеріалъ, заключающейся въ литературныхъ памятникахъ.

Упомянутыя редакціи Русской Правды представляютъ частные сборники пра-

ва, составленные частными лицами, на основаніи судебныхъ рѣшеній и княжескихъ распоряженій; это происхожденіе отразилось на внешности сборниковъ, сохраняющихъ часто первоначальный, казуистической характеръ приговоровъ; нѣкоторыя распоряженія тоже сохранили свой первоначальный частный обликъ. Мѣстомъ составленія былъ, по всейѣроятности, Кіевъ, и во всякомъ случаѣ сборники даютъ намъ картину кievского права, которое, конечно, служило прообразомъ и провинциального права земель Кіевскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ образомъ характеризуютъ право украинскаго юга, ближайшимъ образомъ связанныго съ Кіевомъ.

Что касается вопроса объ оригинальности этихъ правовыхъ нормъ, то первые изслѣдователи, подъ вліяніемъ аналогій скандинавскаго права, предполагали въ кievскомъ правѣ въши-

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. III, гл. 3.

рокихъ размѣрахъ рецепцію германскаго права. Но ближайшее изученіе обнаружило, что эти аналогіи сводятся въ концѣ концовъ къ обычнымъ у стоящихъ за близкихъ степеняхъ культурнаго и общественнаго развитія народовъ схожихъ чертъ и возрѣній. Несомнѣнно, что даже въ эпоху превалирующаго положенія нормандскаго элемента на Руси, судъ, чинившійся отъ имени норманскихъ посадниковъ, долженъ былъ опираться на обычномъ правѣ мѣстномъ, и главнымъ образомъ кievскомъ, и по своему тогдашнему состоянію скандинавское право могло очень мало пригодиться для восполненія пробѣловъ этого послѣдняго, для разрѣшенія вопросовъ, выдвигавшихся прогрессомъ мѣстной жизни и культуры; поэтому возможность рецепціи скандинавскаго права представляется весьма гадательной, въ особенности, если рѣчь идетъ о рецепціи въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Совершенно въ иномъ положеніи въ этомъ случаѣ находилось право византійскаго, какъ право болѣе развитой государственности, служившей образцомъ для кievскаго правительства, предлагавшееся въ готовыхъ кондифицированныхъ, вполнѣ выработанныхъ формахъ и дававшее именно отвѣты на вопросы, подымающиеся новыми направленіями культурной и общественной жизни, при томъ имѣвшее и своихъ авторитетныхъ и энергическихъ распространителей, въ лицѣ высшей церковной іерархіи. Послѣдняя въ своемъ церковномъ судѣ пользовалась сборниками византійскаго права, какъ Номоканонъ, принесенный изъ Византіи на Русь въ двухъ главныхъ редакціяхъ т. н. Иоанна Схоластика, VII в., и т. н.

Фотіевой, и разные дополнительные канонические сборники византійскаго и болгарскаго происхожденія, извлечены изъ Пятикнижія Моисееваго, Еклога Льва Исаврянина и Константина Копронима, «Законъ судный людемъ—болгарская компиляція Еклоги, т. н. «Градскій законъ» — переводъ «Прохейрона» Василія Македонина,—и старалась провести ихъ нормы также въ общую судебную практику, совершенно естественно предпочитая «христіанское» право Византіи языческому мѣстному (и скандинавскому) праву. Однако, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для рецепціи византійскаго права, влияніе послѣдняго развивалось очень медленно и не достигло значительныхъ размѣровъ. Это объясняется глубокимъ различіемъ въ культурѣ и бытѣ Руси и Византіи и—наличностью уже значительно выработанныхъ и глубоко вкоренившихъ собственныхъ юридическихъ возрѣній и нормъ на Руси. Дѣйствительно, хотя сохранившіеся сборники кievскаго права обрываются уже съ первой четвертью XII в., кievское право носить уже совершенно отчетливо признаки долгаго развитія и разработки. Къ сожалѣнію, сборники эти очень не полны и знакомить настъ главнымъ образомъ съ уголовнымъ правомъ и процессомъ и очень мало—съ правомъ гражданскимъ.

Общественное значеніе преступлений въ уголовномъ правѣ признается уже вполнѣ опредѣленно. Въ оцѣнкѣ его преобладаетъ принципъ материальный: проступокъ оцѣнивается, главнымъ образомъ, по его результатамъ по степени причиненнаго имъ вреда. Но на ряду съ этимъ, начиная уже съ древнейшей редакціи Русской Правды,

замѣчаемъ начатки оцѣнки субъективной, болѣе прогрессивной: принимается въ расчетъ степень напряженія злой воли въ проступкѣ, сознательность и вмѣняемость его, различается состояніе аффекта отъ состоянія нормального; однако понятія рецидива и степени участія въ проступкѣ еще неизвѣстны кievскому праву на тѣхъ ступеняхъ его развитія, какія доступны нашему изученію. Въ системѣ наказаній главное мѣсто занимаютъ месть и денежная пени. Месть или слѣдуетъ за приговоромъ, или (еще чаще, вѣроятно) предшествуетъ послѣднему, и роль суда ограничивается лишь констатированіемъ: имѣла ли право мести осуществившій ее, или подлежитъ наказанію за месть неправомѣрную. Въ полной силѣ оставляетъ принципъ мести даже и наиболѣе поздняя, намъ доступная редакція «Русской Правды». Лишь тамъ, гдѣ мстителя не было или онъ самъ отказывался отъ права мести, преступленіе каралось пeneю. Ею же наказывались проступки противъ чужой собственности. Кромѣ пени въ пользу пострадавшаго, взымался штрафъ въ пользу правительства. Смертную казнь правительство нѣсколько разъ пыталось ввести, подъ вліяніемъ византійского права, но всякий разъ она отмѣнялась, такъ какъ, очевидно, противорѣчила слишкомъ рѣзко обычаямъ и правосознанію общества. Тѣлесное наказаніе примѣнялось также исключительно только къ рабамъ, за которыми человѣческихъ правъ не признавалось. Широко распространенное въ византійскомъ правѣ членовредительство тоже не могло получить примѣненія, и позже встрѣчалось съ очевиднымъ отвращеніемъ общества къ кровавымъ казнямъ, ког-

да начинаетъ входить въ юридическую практику изъ другого источника—нѣмецкихъ средневѣковыхъ кодификацій (саксонскаго муниципальнаго права).

Система денежныхъ пень при всѣхъ положительныхъ своихъ сторонахъ имѣла тотъ важный недостатокъ, что совершенно различное субъективное значеніе имѣла для преступниковъ: если богатый бояринъ могъ сравнительно легко уплатить «виру» за убийство или «продажу», за другой проступокъ, то менѣе состоятельного преступника она разоряла въ конецъ. Заплатить 40 гривенъ «виры» и еще 40 гривенъ «головництва» (въ пользу семьи) за неумышленное убийство для человѣка средняго состоянія было равносильно полному разоренію, когда 50 гривенъ было цѣною имѣнія, а 80 гривенъ представляли цѣнность 40 коней. Для многихъ такое печальное приключеніе влекло за собою лишеніе свободы, переходъ въ положеніе закупа или даже холопа. Поправкою для этой стороны правовыхъ нормъ являлся институтъ т. н. «дикой виры», круговой поруки на случай отвѣтственности за убийство для кого нибудь изъ членовъ этого товарищества «верви». Убийца, принадлежащий къ такому товариществу, платилъ самъ лишь «головництво» въ пользу семьи убитаго, и лишь ту часть «виры», какая приходилась на него расклады, а можетъ быть, даже освобождался и отъ уплаты «головництва», если «вервь» не хотѣла назвать убийцу, считая его невиннымъ или невмѣняемымъ.

Въ сферѣ гражданскаго права обращаютъ на себя вниманіе постановленія о зайдѣ, какъ указанія на широкое развитие кредита. Законодательство оказы-
— 128 —

етъ специальное покровительство торговому кредиту, старается облегчить формальности кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и дѣлаетъ всякия снисхождения для банкротствъ, происшедшихъ безъ вины данного лица. Но проценты были очень высоки и только подъ вліяніемъ народнаго возмущенія 1113 г. правительство сдѣлало попытку ограничить слишкомъ вопію ю злоупотребленія лихвой. Въ наслѣдственномъ правѣ много остается неяснымъ. Существовало наслѣдованіе по закону и наслѣдованіе по завѣщанію. Кругъ послѣдняго довольно тѣсень: для главы семьи то и другое знаетъ собственно одинъ и тотъ же кругъ наследниковъ: отецъ только править имуществомъ семьи и потому ограниченъ въ распоряженіи имъ, онъ можетъ распредѣлять его лишь между членами той же семьи. Сравнительно больше правъ распоряженія имѣетъ по отношенію къ своему имуществу мать. Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи при жизни отца Русская Правда не говоритъ почти ничего, очевидно, признавая за нимъ широкую патріархальную власть, и занимается лишь отношеніями, возникающими послѣ смерти отца.

Какъ показатель положенія женщины интересенъ законъ, устанавливавшій за убийство ея ту же плату, что и за убийство мужчины; но если убивалъ виновную жену мужъ, онъ платилъ только половинную пени. Жена

при жизни мужа, очевидно, не игралъ никакой юридически самостоятельной роли, но со смертью єго вдова получаетъ большое значеніе, какъ глава семьи и опекунша, и право заботливо оберегаетъ ее отъ пристязаній дѣтей и родственниковъ. Такая вліятельная и властная роль, конечно, не можетъ въ дѣйствительности возникнуть изъ ничего, и въ жизни жена и при мужѣ, очевидно, пользовалась большимъ значеніемъ. Видимъ, что княгини принимаютъ нерѣдко очень существенное участіе въ управлѣніи, и Мономахъ, конечно, не спроста внушаетъ въ своемъ поученіи сыновьямъ не давать женамъ власти надъ собою. Въ бурную эпоху галицкой жизни первой половины XIII в. боярыни принимаютъ дѣятельное участіе въ политическихъ и партійныхъ отношеніяхъ, и ихъ совѣты решаютъ иногда даже чисто военные вопросы.

Вообще въ семейныхъ отношеніяхъ этой эпохи замѣчаемъ много здоровыхъ задатковъ и если позднѣйшее вліяніе христіанства способствовало упорядоченію этихъ отношеній, вносило въ нихъ извѣстную гуманность, нѣкоторый идеалистический элементъ, то съ другой стороны аскетическое недовѣріе и презрѣніе къ женщинѣ дѣйствовало въ совершенно обратномъ и вовсе не желательномъ направлѣніи, заглушая здоровыя задатки предшествующей эпохи¹⁾.

Культура и бытъ.

Въ культурной жизни этого периода идейный міръ христіанства въ оболочкѣ византійской церковности и связанныя съ этой послѣдней византій-

ская книжность и культура—являются главнымъ движущимъ факторомъ и

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. III, гл. 4.

наиболѣе характеристическою чертою эпохи. Пропагандируемые всѣми средствами государственного строя, они, въ свою очередь, налагали свою окраску и на политическую жизнь, тѣмъ болѣе на общественный и частный бытъ, духовную жизнь и культуру. Въ болѣе значительныхъ культурныхъ центрахъ, гдѣ новой религіи приготовили почву еще предшествовавшая культурная сношенія, христіанизація общества сдѣлала большиe успѣхи въ продолженіе одного столѣтія, и въ Кіевѣ, напр., уже въ концѣ XI в. видимъ не только массу общественныхъ и домовыхъ церквей и монастырей, но и людей искренно и сильно преданныхъ новому ученію и глубоко проникнутыхъ его принципами. Внѣ такихъ центровъ христіанство, конечно, распространялось гораздо медленнѣе и съ количественнымъ умноженіемъ послѣдователей теряло свою чистоту и богатство содержанія, обращаясь во внѣшнюю форму, принаравливаясь къ остаткамъ старой религіи, смѣшиваясь съ ними и давая въ результатѣ амальгаму элементовъ христіанскихъ и языческихъ, получившихъ въ современныхъ памятникахъ характерное название «двоевѣрія». Языческие праздники, принявъ имя христіанскихъ или механически подогнанные къ нимъ, существуютъ долго, вплоть до нашего времени; на христіанскихъ святыхъ переносятся свойства языческихъ божествъ; къ христіанскимъ обрядамъ присоединяются старые языческие обряды: брачные, погребальные, культь предковъ, и т. под.

Но это «двоевѣріе» было лишь наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ сочетанія христіанской внѣшности и языческаго содержанія, характеризую-

щаго вообще современный бытъ. Такое сочетаніе, въ менѣе лишь рѣзкихъ и яркихъ формахъ, совершенно ясно даетъ себя чувствовать и въ жизни общественныхъ верховъ, съ формальной стороны вполнѣ усвоившихъ христіанство, совершенно искренно считавшихъ себя истинными христіанами, и со стороны представителей церкви награждавшихся похвальными титулами «благовѣрныхъ», «христолюбцевъ». Обрядъ, внѣшняя набожность, какъ легче усвояемые элементы новой религіи, прежде всего усвоялись обществомъ, и самимъ духовенствомъ рекомендовались такъ усиленно, что отодвигали на второй планъ нравственное, духовное содержаніе христіанства. Главными и наилучшими доказательствами христіанского настроенія считались такія проявленія внѣшняго благочестія, какъ построеніе церквей, усерднѣйшее постѣщеніе богослуженія, посты, приношенія духовенству, раздача милостыни профессиональнымъ нищимъ. Характерной иллюстраціей такого господства внѣшней обрядности служать жесточайшіе споры, потрясавшіе не только церковные, но и общественные круги украинскихъ и великорусскихъ земель второй половины XII в.; ихъ предметомъ былъ вопросъ, можно ли поститься въ среду и пятницу, если на эти дни приходится праздникъ. Въ смыслѣ проникновенія христіанскихъ идей въ самую жизнь, вліянія на самый характеръ общественныхъ отношеній — успѣхи христіанства, конечно, были гораздо менѣе значительны. Христіанской проповѣди удалось повлиять на нѣкоторое ограниченіе свободы половыхъ отношеній, нѣсколько упорядочить бракъ и сдѣлать кое-что для улучше-

нія семейныхъ отношеній, хотя въ эту послѣднюю сферу она входила неохотно и мало, колеблясь между требованиями христіанской морали и строгостью библейскихъ патріархальныхъ отношеній. Несомнѣнно также ея вліяніе на улучшеніе положенія несвободныхъ; вѣроятно, не безслѣдны были ея рѣзкія обличенія крайностей лихвы, къ которой вообще она относилась крайне враждебно. Успѣхи христіанской проповѣди въ этихъ сферахъ вообще стояли въ зависимости отъ того обстоятельства, на сколько ея вліяніе поддерживалось содѣйствиемъ правительственной власти и законодательства, въ значительной степени подчинявшихся вліянію христіанскихъ идей.

О силѣ воздѣйствія христіанства на наиболѣе искренно и полно отдавшееся ему меньшинство можемъ судить по распространенію среди него христіанского аскетизма. Послѣдній по характеру своему совершенно былъ не свойственъ природѣ современаго ему славянина, и потому успѣхи его на Руси являются интереснымъ показателемъ увлеченія новыми идеями, принесенными христіанствомъ. Христіанизація Руси совпадаетъ съ эпохой чрезвычайного развитія монашества въ Византіи и чрезмѣрного увлеченія имъ: монашество признавалось единственнымъ воплощеніемъ настоящаго христіанства, а всякое благочестіе мірское — лишь слабымъ и несовершеннымъ отраженіемъ его. Эти воззрѣнія были перенесены и на Русь христіанскимъ духовенствомъ и со всѣмъ пыломъ неофитовъ были здѣсь усвоены людьми съ болѣе чуткими моральными запросами. Уже въ половинѣ XI в. возникаетъ цѣлый рядъ монастырей

въ Кіевѣ. Но настоящимъ творцомъ монашества явился во второй половинѣ столѣтія игуменъ Печерскаго монастыря Феодосій изъ Курска. Организованный имъ по наиболѣе строгимъ византійскимъ образцамъ (по чину Феодора Студита) Печерскій монастырь сталъ главнымъ очагомъ аскетизма и образцомъ для всѣхъ монастырей Восточной Европы. Въ теченіе XII и XIII вв. монашество получаетъ все большее развитіе. Кіевъ остается его центромъ до полнаго своего упадка (въ XII в. въ немъ извѣстно по имени около 20 монастырей, но число это, конечно, еще далеко отъ полноты), но монастыри распространяются повсемѣстно въ большомъ числѣ. Создаются они и официальными покровителями церкви — для каждого выдающагося князя основаніе монастыря является въ извѣстной степени требованіемъ доброго тона. Создаются и по инициативѣ самихъ монашествующихъ.

Культурное значеніе монастырей и особенно вліяніе на распространеніе христіанскихъ идей — несомнѣнны: монастыри являлись наиболѣе авторитетными и популярными ихъ проводниками. Но самъ по себѣ аскетизмъ имѣлъ многое отрицательное; уже самъ принципъ, что только вѣнѣ міра возможно совершенное житіе, заставлялъ относиться пренебрежительно къ мірской жизни и понижалъ этическія требованія по отношенію къ послѣдней, такъ какъ признавалъ невозможнымъ осуществленіе строгихъ нравственныхъ требованій въ мірскомъ общежитіи. Это вызывало уже тогда со стороны болѣе дальновидныхъ моралистовъ протестъ противъ чрезмѣрной переоценки значенія монашества.

Книжное почитаніе и книжное поученіе принесены были изъ Византіи также въ качествѣ неотдѣлимыхъ атрибутовъ христіанства и распространялись въ тѣсной зависимости отъ успѣховъ послѣдняго. Цѣлью обученія являлось расширеніе и углубленіе свѣдѣній о христіанскомъ вѣроученіи и преуспѣяніе въ благочестіи при помощи ихъ. Книжный запасъ, полученный Русью съ принятіемъ христіанства, въ видѣ греческихъ оригиналовъ и ста-рославянскихъ переводовъ, имѣлъ рѣзко выраженную церковную окраску и прослѣдовалъ указанную религіозную цѣль; преобладала въ немъ церковно-учительная литература, а сообщавшееся изъ другихъ областей знанія, имѣло вспомогательное, служебное значеніе и также было проникнуто церковными интересами. Такое одностороннее направлениe духовныхъ интересовъ оказалось сильное вліяніе и на оригинальное творчество, запечатлѣвъ его произведенія въ подавляющемъ большинствѣ тѣмъ же религіознымъ характеромъ на цѣлый рядъ столѣтій.

Объ организациіи и приемахъ обученія извѣстно очень мало. Оно производилось, несомнѣнно, по византійскому образцу, преимущественно въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ, гдѣ учили, такъ называемые «дидаскалы» и «маистры». Такія школы должны были распространяться въ украинскихъ земляхъ со временемъ уже Владимира и Ярослава, о которыхъ лѣтописи говорятъ, что они въ большомъ числѣ собирали дѣтей для обученія. Затѣмъ, кромѣ такого колективнаго, школьнаго обученія—должно было имѣть значительное распространеніе и обученіе одиночное, у отдѣльныхъ «грамотеевъ» или «маистровъ».

Большинство въ этой наукѣ не шло далѣе умѣнія читать. Письмо и счетъ были уже слѣдующею, высшею степенью обученія. Всѣ другія свѣдѣнія почерпались чтеніемъ переводныхъ византійскихъ учебниковъ и христоматій, сопровождавшимся объясненіями учителя, если такой былъ на-лицо; наибольшую сумму свѣдѣній изъ нихъ можно было почерпнуть по исторіи, хотя и въ очень одностороннемъ церковномъ освѣщеніи, наименѣе—и самаго худшаго качества—по естественнымъ наукамъ. Еще вышею степенью образования было усвоеніе греческаго языка, открывавшаго двери пользованію византійской литературой въ оригиналѣ, а вѣнцомъ его считалось усвоеніе тайнъ риторики, стиля и техники литературной, чего безъ руководства наставника достичь, дѣйствительно, было очень трудно. Начиная съ упомянутаго выше Илларіона, представителя первого поколѣнія христіанизованной Руси, и затѣмъ, впродолженіе XII и XIII вв., мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ людей, вполнѣ овладѣвшихъ литературною техникою и содержаниемъ византійской образованности, стоявшихъ вполнѣ на уровнѣ ея (Климентъ Смолятичъ, Кирилль, еп. Туровскій, и рядъ анонимныхъ авторовъ). Но такие философы, конечно, составляли меньшинство сравнительно съ людьми, писавшими «по просту», т. е. простыми начетчиками, болѣе или менѣе способными и оригинальными.

Объ оригинальной литературѣ этого времени располагаемъ вообще очень не полными, отрывочными свѣдѣніями¹⁾.

¹⁾ Касаюсь ея здѣсь лишь мимоходомъ, какъ одного изъ показателей культурной жизни, такъ какъ обзору старой литературы

Вследствие позднейших невзгодъ, пережитыхъ украинской жизнью, до настъ дошло почти исключительно то лишь, что успѣло перейти въ земли сѣверные, великорусскія, и тамъ сохраниться, а такъ какъ великорусскія области стояли въ болѣтѣсной зависимости отъ Киева лишь до второй половины XII в., то и сохранились тамъ, главнымъ образомъ, произведенія XI и нач. XII вѣка. Поэтому мы имѣемъ очень мало материала для сужденія о литературномъ и вообще культурномъ движениі въ украинскихъ земляхъ во второй половинѣ XII, въ XIII и XIV вв., да и для предшествующаго времени не можемъ положиться на полноту и разносторонность материала.

Въ этомъ послѣднемъ господствуетъ безраздѣльно литература учительная, въ видѣ поученій, проповѣдей и агиографіи; это вполнѣ понятно, при служебномъ характерѣ, какой признавался за литературой этого времени по отношенію къ церковно-религіознымъ интересамъ. Литература эта стоитъ въ тѣсной зависимости отъ византійскихъ образцовъ: даже авторы жезнеописаній мѣстныхъ подвижниковъ нерѣдко идутъ слѣдомъ за византійскими шаблонами, приспособляя византійскія житія къ своимъ домашнимъ героямъ. Больше оригинальности и свѣжести проявляетъ богатая историческая литература, дошедшая до настъ въ нѣсколькихъ лѣтописныхъ компиляціяхъ XII—XIII в. Въ ней встрѣчаемъ мы писанія, вышедшия изъ подъ пера людей свѣтскихъ или проникнутыхъ свѣтскими интересами, участниковъ дипломатическихъ переговоровъ посвящено ниже особая глава; свои взгляды на нее подробнѣе развила я въ общемъ обзорѣ культуры Киевской Руси въ З. т. „Історії України“, гл. 4.

говоровъ и военныхъ походовъ, свободныхъ отъ вліяній византійскихъ образцовъ, въ рѣчахъ которыхъ долетаетъ до настъ въ полной свѣжести дыханіе жизни (наприм. средняя часть Кіевской лѣтописи XII в., нѣкоторыя части Галицко-Волынской лѣтописи). Литературная манера ихъ обыкновенно проста и непрятязательна; исключение составляетъ вступительная часть Галицкой лѣтописи, типичное произведеніе тогдашней литературной школы Украины, съ ея красивымъ, образнымъ, но слишкомъ изукрашеннымъ и тяжеловатымъ стилемъ, выработавшимся изъ сліянія элементовъ византійского риторства и украинскаго поэтическаго творчества. Къ этой категоріи принадлежитъ прѣлый рядъ произведеній конца XII и начала XIII в., какъ слова и молитвы Кирилла Туровскаго, окончаніе Кіевской лѣтописи, Моленіе Даниила, и само знаменитое «Слово о полку Игоревѣ», оставшееся единственнымъ сколько-нибудь цѣльнымъ памятникомъ тогдашняго поэтическаго творчества, несомнѣнно очень развитого, культивировавшагося въ рядѣ поколѣній и достигшаго значительной стильности, какъ свидѣтельствуетъ своею техникою и стилемъ само «Слово».

Подъ сильнейшимъ воздействиѳмъ византійскихъ образцовъ развивается и украинское искусство этого времени, въ особенности въ доступныхъ намъ памятникахъ архитектуры и живописи, къ которымъ примыкаютъ также произведенія декоративнаго искусства, въ особенности многочисленныя ювелирныя изданія. Уже изъ первой половины XII в. мы имѣемъ несомнѣнныя памятники мѣстныхъ художниковъ; подражая византійскимъ образцамъ,

они вносили свои особенности въ мѣстныя произведенія. Съ теченіемъ времени эта новая примѣсь должна была выступать все рѣзче, тѣмъ болѣе, что на это время приходится все болѣе замѣтное паденіе византійскаго искусства; но къ сожалѣнію, какъ и въ литературѣ, для наиболѣе интереснаго времени, XIII—XIV в.в., мы и здѣсь не располагаемъ почти никакимъ матеріаломъ. Жалкіе остатки богатой церковной архитектуры Галиціі этого времени обнаруживаются очевидные слѣды западныхъ вліяній; о нихъ говорять также уцѣлѣвшія современныя описанія произведеній тогдашняго искусства. Это сочетаніе элементовъ византійскихъ съ мѣстнымъ творчествомъ представляло бы для нась большой интересъ; но матеріальъ слишкомъ скуденъ, да и не собранъ и не изученъ еще достаточно¹⁾.

Вообще жизнь и культура украинскихъ земель XI—XIII (и первой пол. XIV) вѣковъ отличается значительнымъ развитиемъ и большимъ разнообразіемъ. Тѣсно примкнувъ съ концомъ X в. къ византійской культурѣ, взявшей перевѣсь надъ предшествующими восточными вліяніями,— она съ

1) Подробнѣе объ украинскомъ искусстве этого времени см. въ главахъ, посвященныхъ искусству; см. также въ „Історії України“, т. III гл. 4.

концомъ XII в. все замѣтнѣе начинаетъ сближаться съ западомъ, и его вліяніе, особенно въ памятникахъ галицкихъ конца XIII и перв. пол. XIV, чувствуется очень сильно (латинскій языкъ входитъ въ употребленіе княжескихъ канцелярій, князья употребляютъ печати западнаго образца, и т. под.). Но подражаніемъ чужимъ образцамъ не исчерпывается содержаніе украинской жизни. Въ ней чувствуется внутренняя сила развитія и движенія, и можно было надѣяться весьма интересныхъ результатовъ послѣдняго, если бы внѣшнія препятствія не стали на дорогѣ этого движенія. Слабая сторона украинской культуры этой эпохи лежала въ томъ, что она опиралась на слишкомъ незначительные сравнительно верхи населенія. Паденіе государственной жизни, сопровождавшееся упадкомъ городского патриціата и землевладѣльческаго боярства, совершенно подорвало ее. Изъ нея уцѣлѣли только тѣ жалкіе остатки, какіе могли быть усвоены народными массами да темнымъ сельскимъ духовенствомъ. Остатки эти не даютъ намъ никакого представленія о богатомъ культурномъ содержаніи и развитіи старой Руси, точнѣе—даютъ представленіе ложное и превратное, вызывая представленіе о мнимой культурной бѣдности и скучности послѣдней.

ОТДЕЛЪ III.

Эпоха литовско-польская.

Переходъ украинскихъ земель подъ власть литовскихъ князей.

Паденіе государственной жизни въ восточныхъ украинскихъ земляхъ дало возможность утвердиться въ нихъ литовскимъ князьямъ, уже въ XIII в. поставившихъ себѣ задачею собиранія обломковъ Кіевской государственной системы. Это собираніе русскихъ волостей идетъ у нихъ параллельно съ процессомъ созиданія самого литовского государства. Мендовгъ, первый крупнымъ представитель этой политики, является одновременно первымъ крупнымъ представителемъ литовской государственности; одновременно съ своими усилиями связать въ прочную и сплоченную государственную организацію литовскія земли, онъ уже владѣеть цѣлымъ рядомъ мелкихъ бѣлорусскихъ княжествъ въ бассейнѣ Нѣмана, Припяти и Березины и старается распространить свою власть на земли черниговскія, смоленскія и полоцкія. Галицко-Волынскіе князья недружелюбно и подозрительно смотрѣли на эти успѣхи литовскихъ князей въ старомъ наслѣдіи Владимира Великаго, но ихъ попытки остановить ростъ новой политической силы не имѣли успѣха. Не удалось и ихъ династическіе планы: пу-

темъ союзовъ и браковъ объединить это новое государство со своимъ—династическою унією. Одинъ изъ сыновей Даніила, Шварно, дѣйствительно взошелъ на литовскій велиокняжескій престолъ, переданный ему сыномъ Мендовга—Войшелкомъ, но послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ смерть Шварна и Войшелка разрушила эту интересную политическую комбинацію, и новая литовскія династіи, смѣнившія родъ Мендовга, вполнѣ освобождаются отъ вліянія галицко-волынскихъ князей. А съ началомъ XIV в. династія Гедимина, утвердившись въ литовскихъ земляхъ, съ удвоеною энергию и большими успѣхомъ возобновляетъ собираніе бѣлорусскихъ, а затѣмъ и украинскихъ земель.

Этотъ процессъ собиранія очень мало извѣстенъ въ подробностяхъ. Но большую частью онъ развивался безъ большихъ конфликтовъ, безъ значительныхъ войнъ, не вызывая рѣзкихъ перемѣнъ въ мѣстной жизни и строѣ присоединяемыхъ земель, и поэтому мало оставилъ слѣдовъ въ источникахъ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ земель не сохранилось никакихъ мѣст-

ныхъ лѣтописей этой эпохи и очень мало современного актоваго материала. Литовскія династіи и литовскіе роды, водворявшіеся въ присоединяемыхъ земляхъ, приоравливались къ мѣстной культурѣ и быту. Даже сама литовская народность подпала вліянію славянской стихіи присоединенныхъ земель, такъ какъ послѣдняя стояла на высшей степени культуры сравнительно съ Литвою. Литовцы, особенно высшіе слои, принимаютъ культуру близайшихъ, бѣлорусскихъ земель: ихъ языкъ дѣлается офиціальнымъ языкомъ вел. кн. Литовскаго (литовскій языкъ въ письменности не употреблялся); политico-общественная схема, выработанная Киевскимъ государствомъ, и его право кладутся въ основу государственного права в. кн. Литовскаго; сама великоокняжеская династія быстро подпадаетъ ассимиляціи, и между ея представителями второй половины XIV в. было уже много православныхъ, вполнѣ обрусѣвшихъ членовъ.

Отчасти въ силу культурной бѣдности Литвы, отчасти изъ политическихъ соображеній, литовскіе вел. князья держатся политики возможнаго невмѣшательства въ общественный и правовой укладъ своихъ славянскихъ провинцій. Правило: «мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ»—становится принципомъ всей послѣдующей литовской государственной политики. На первыхъ же порахъ литовская оккупация вносila лишь минимальныя перемѣны въ строй и отношенія присоединяемыхъ земель. Общественный строй, правовые нормы оставались не тронутыми; часто оставались на своихъ мѣстахъ и прежніе князья (гдѣ они были), и только въ

видѣ высшаго органа по отношенію къ нимъ появлялся какой нибудь представитель литовской династіи или самъ великий князь, а зависимость отъ него новой провинціи проявлялась, самое большее, въ обязанности высылать свое ополченіе по его требованію. При такомъ порядкѣ отношеній и бѣдности нашихъ источниковъ не удивительно, если мы иногда лишь много позже узнаемъ о присоединеніи той или другой провинціи къ в. кн. Литовскому, а время и обстоятельства этого факта остаются намъ и вовсе неизвѣстными.

Въ цервой четверти XIV в. большинство бѣлорусскихъ земель стояло уже подъ верховной властью в. кн. литовскихъ и послѣдніе постепенно начинаютъ распространять свою власть и въ украинскихъ земляхъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій и разныхъ указаний и намековъ нашихъ источниковъ обнаруживается, что уже въ первой четверти XIV в., при послѣдникахъ Романовичахъ галицко-волынскихъ и послѣ прекращенія ихъ династіи, среди возникшихъ замѣшательствъ, литовскими князьями была оторвана сѣверная часть Волыни, волость Берестейско-Дорогичинская (земли по среднему течению Зап. Буга). Затѣмъ, одно изъ позднѣйшихъ генеалогическихъ сказаний говоритъ, что одинъ изъ литовскихъ князей (оно называетъ его Видомъ и помѣщаетъ между Мендовымъ и Вигенемъ, братомъ и предшественникомъ Гедимина) захватилъ значительную часть Деревской земли, т. е. сѣверо-западную часть Киевской земли. Это извѣстіе заслуживаетъ полнаго вниманія, въ связи съ переходомъ подъ власть литовскихъ князей земель Турово-Пинскихъ (вѣроятно

еще въ началѣ XIV в., а можетъ быть, даже въ концѣ XIII). При Гедиминѣ и самый Киевъ стоялъ уже въ сферѣ вліяній Литвы, хотя тогдашній кievскій князь формально находился еще подъ властью Татарской орды (источники называютъ какого-то Федора, незначительного князька неизвѣстнаго происхожденія). Окончательно Киевъ перешелъ подъ власть литовской династіи уже при сынѣ Гедимины Ольгерда, который смѣстилъ послѣдняго кievскаго князя (упомянутаго Федора) и посадилъ здѣсь своего сына Владимира (около 1360). Вмѣстѣ съ Киевомъ перешли подъ власть его огромныя, запустѣвшія пространства на лѣвомъ берегу Днѣпра, земли стараго Переяславскаго княжества и сосѣднія съ нимъ территоріи, послѣ паденія Переяслава и Чернигова тянувшія къ Киеву, и позже (въ XV—XVI вв.) оставшіяся также въ зависимости отъ него.

Ольгердъ уже открыто ставить программою литовскаго велиокняжескаго стола собраніе земли стараго Русскаго государства: «вся Русь должна принадлежать къ Литвѣ», какъ онъ заявлялъ прусскимъ крестоносцамъ. Изъ украинскихъ земель, кромѣ Кievскаго Поднѣпровья, при немъ переходитъ подъ власть литовской династіи земли Черниговскія и край по среднему течению Днѣстра и Южнаго Буга, получающей теперь название «Подолья».

Въ этомъ послѣднемъ ранѣе соперничали вліянія Кієва и Галича, позже онъ долженъ былъ примкнуть къ Галицко-Волынскому княжеству, но движение «татарскихъ людей» поставило его въ непосредственную зависимость отъ Орды. Когда у Ольгерда произошелъ разрывъ съ Татарами, въ

1360-хъ годахъ, его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, водворились въ подольскихъ городахъ, укрѣпивъ ихъ противъ Татаръ, и образовали еще одно княжество, стоявшее въ зависимости отъ в. кн. Литовскаго.

Черниговскія волости перешли подъ власть Ольгерда въ связи съ его стремленіями утвердиться въ Смоленской землѣ. Главнѣйшимъ изъ тогдашнихъ черниговскихъ столовъ—Брянскомъ—владѣли тогда смоленскіе князья, и Ольгердъ, стараясь овладѣть Смоленскими волостями, завладѣль и Брянскомъ въ 1350 хъ гг. Это послужило началомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ черниговскихъ земляхъ, и въ послѣдней четверти XIV вв. въ рукахъ литовскихъ князей видимъ всѣ важнѣйшіе столы западной части Черниговской земли (Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ - Сѣверскій, Черниговъ), между тѣмъ какъ въ восточной—остаются мелкіе князья изъ старой династіи, но въ зависимости уже отъ Литвы, поддерживавшей здѣсь свою власть при помощи крѣпостей и гарнизоновъ на восточномъ пограничье земли.

Такимъ образомъ, къ послѣдней четверти XIV в. вся восточная Украина была подчинена литовскимъ князьямъ. Этотъ поразительный результатъ былъ достигнутъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, безъ большихъ хлопотъ и напряженій военныхъ силъ—оно и невозможно было для Литвы, занятой на другихъ границахъ. Населеніе, очевидно, подчинялось литовскимъ князьямъ безъ сопротивленія; прежніе князья оставались на своихъ мѣстахъ подъ верховенствомъ новыхъ князей изъ литовской династіи, а если смѣщались, то, очевидно, не

вызывали особаго сожалѣнія въ мѣстномъ обществѣ, какъ представители изжитаго, разложившагося строя. Татарская орда, считавшая эти земли своими «улусами» и нѣкогда ревниво слѣдившая за мѣстными отношеніями, не давая создаться среди нихъ сколько-нибудь значительнымъ политическимъ силамъ,—во второй половинѣ XIV в. была настолько разстроена и ослаблена, что съ своей стороны не могла оказать ни сколько нибудь серьезного сопротивленія литовскимъ князьямъ, ни поддержки представителямъ старого строя. Изъ 1360-70 гг. мы, положимъ, имѣемъ извѣстія о конфликтахъ Литвы съ Татарами, вызванныхъ, очевидно,

этую оккупациею украинскихъ земель (до тѣхъ поръ Орда была союзницею литовскихъ князей), но остановить литовской оккупации Ордѣ не удалось. Татарскіе ханы и позже считали восточную Украину своимъ улусомъ и заявляли при оказіи претензіи на дань съ этихъ земель,—эти претензіи иногда отражались вооруженною силою, иногда признавались до нѣкоторой степени, но не въ состояніи были нарушить фактическаго владѣнія въ украинскихъ земляхъ литовскихъ князей, впрочемъ, къ этому времени вполнѣ ассимилировавшихся и превратившихся въ украинскихъ князей, лишь новой, литовской династіи¹⁾.

Борьба за западную Украину.

Гораздо большаго напряженія потребовала отъ литовскихъ князей западная Украина, и такъ какъ они не могли развить въ этомъ направлениі необходимой энергіи, то имъ пришлось удовольствоваться частичнымъ успѣхомъ, встрѣтившись съ претензіями болѣе сильныхъ и главное,—болѣе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ западныхъ сосѣдей.

Мы знаемъ уже, что галицко-волынское боярство добровольно призвало на свой столъ Любарта Гедиминовича, устранивъ Юрія-Болеслава, но смерть послѣдняго послужила сигналомъ къ походу на Галицію польскихъ и венгерскихъ войскъ, на основаніи соглашенія, заключеннаго между королями венгерскимъ и польскимъ. Любарту пришлось выдержать жестокую борьбу за обладаніе своимъ новымъ княжествомъ. Борьба была неравна, такъ какъ молодой польскій король

Казимиръ напрягалъ всѣ свои силы для пріобрѣтенія Галиціи, которая должна была послужить реваншемъ за потерянныя западныя польскія провинціи, оставленныя Казимиромъ во владѣніи Чехіи и прусскихъ крестоносцевъ, и при этомъ имѣть довольно энергическую поддержку со стороны Венгрии и римской куріи, заинтересованной перспективами распространенія католичества, развитыми передъ нею Казимиромъ. Любартъ же былъ предоставленъ, главнымъ образомъ, своимъ собственнымъ силамъ, то есть силамъ мѣстнаго украинскаго населенія: Ольгердъ и прочие литовскіе князья помогали ему очень мало. Силы и вниманіе литовскаго вел.-княжескаго правительства постоянно были отвле-

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. IV гл. I. По вопросамъ политической исторіи в. кн. Литовского см. также новѣйшій очеркъ исторіи вел. княжества М. Либавского.

каемы борьбой съ нѣмецкими крестоносцами, да и вообще литовское государство, при своей чрезвычайной экстенсивности, не отличалось сильной организаціей, не только теперь, но и позже; свои пріобрѣтенія на бѣлорусской и украинской территоріи оно раздвигало въ сторону наименьшаго сопротивленія и не оказывало Любарту въ его борьбѣ за Галицко - Волынскія земли такой поддержки, какой требовалъ поставленный Ольгердомъ принципъ собранія всей Руси. Въ 1340—50 гг. нѣкоторую поддержку оказывали Любарту Татары, поскольку Казиміру не удавалось происками и подарками перетянуть ихъ на свою сторону; позже оккупацией восточныхъ украинскихъ земель, какъ мы уже знаемъ, испортила литовско-татарскія отношенія, лишивъ Любарта и этого—довольно, впрочемъ, ненадежнаго и двусмысленного союзника, и онъ долженъ былъ черпать свои силы исключительно въ своихъ земляхъ.

Волынь дѣйствительно поддерживала Любарта очень энергично; опираясь на провинціи аннексированныя литовскими князьями, она чувствовала себя болѣе безопасною, отражала польско-венгерскую атаки удачно, или, переждавъ натискъ, при первой оказіи изгоняла польскіе гарнизоны. Со свойственной литовскимъ князьямъ податливостью передъ славянской культурой, Любартъ скоро принаоровился къ условіямъ мѣстной жизни, и его правленіе было равносильно сохраненію старыхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, между тѣмъ какъ польская оккупациѣ несла имъ гибель, подъ наплывомъ польской шляхты и польского права; въ виду этого борьба съ польскою оккупациѣю имѣла глубокое

народное значеніе для мѣстного населенія. Но Галиція, выставленная съ трехъ сторонъ на враждебныя нападенія, не находя энергичной поддержки извнѣ, очевидно, скоро потеряла надежду на удачный исходъ этой борьбы. Нужно имѣть также въ виду, что боярство, выдвинувшее Любарта и правившее его именемъ, не пользовалось расположениемъ населенія; Казиміръ же съ первою оккупациѣю постарался ослабить наиболѣе ревностныхъ противниковъ Польши конфискаціями и репрессіями, терроризировалъ такимъ образомъ, населеніе и одновременно вводилъ новые элементы, въ видѣ польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ колонистовъ и землевладѣльцевъ, имѣвшихъ всѣ причины благопріятствовать польской оккупациї. Эти условія предрѣшили исходъ борьбы: Волынь осталась во власти Любарта, Галиціей за владѣла Польша.

Такое соотношеніе силъ дало себя почувствовать скоро. Первый походъ Казиміра, 1340 г., правда, не имѣлъ важныхъ послѣдствій: Дмитро Дедько, старѣйший изъ галицкихъ бояръ, правившій Галиціей отъ имени Любарта, призвалъ на помощь Татаръ, и Казиміръ, въ виду грозившаго татарскаго нашествія, поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ Дедькомъ, отказавшись отъ дальнѣйшихъ притязаній на Галицію. Въ дѣйствительности, однако, плановъ своихъ онъ не оставилъ, и когда прошелъ опасный моментъ, возобновилъ свои притязанія. Уже около 1345 г. видимъ въ рукахъ Казиміра западную окраину Галиціи, Саноцкую землю, а въ 1349 г., обеспечивъ нѣтрапитетъ Татаръ, онъ двинулъ съ большими силами, внезапнымъ походомъ захвативъ Любарта неприготов-

леннымъ, и овладѣль Галицію и значительною частью Волыни. Волынь, однако, вслѣдъ затѣмъ освободилась отъ польскихъ гарнизоновъ, но стананія Любарта и литовскихъ князей возвратить себѣ также и Галицію не увѣнчались такими же успѣхами. Перемиріе 1352 г. раздѣлило Галицко-Волынскія земли въ рукахъ спорящихъ сторонъ, оставивъ въ рукахъ Казиміра Галицію, Волынь въ рукахъ Любарта. Это временное соглашеніе было вѣрнымъ отраженіемъ соотношенія силъ соперничающихъ сторонъ, и послѣдующая борьба, вспыхнувшая въ слѣдующемъ же году, и продолжавшаяся затѣмъ, съ извѣстными перерывами, еще тридцать лѣтъ, несмотря на значительныя колебанія въ ту и другую сторону, въ конечномъ резултатѣ не измѣнила сколько-нибудь значительно этихъ отношеній. Галиція съ Холмскою землею (старою волынскою волостью, притянутою галицкими волостями еще въ XIII в.) и пограничными частями Белзкой волости (также волынской) остались во владѣніи Казиміра и его союзника и наследника, венгерского короля; остальная волынская земля—въ рукахъ Любарта.

Пріобрѣтенныя общими усилиями Польши и Венгрии, на основаніи заключеннаго между ними соглашенія, Галицкія земли до смерти Казиміра (1370) оставались въ рукахъ послѣдняго. Послѣ его смерти, въ силу упомянутаго соглашенія, Людовикъ венгерскій унаследовалъ польскую корону и вмѣстѣ съ ней вступилъ въ обладаніе также и галицкими землями. Но такъ какъ у Людовика не было мужскаго потомства, а наследование по женской линіи не

было предусмотрѣно предшествующими трактатами и встрѣчало оппозицію въ польскихъ кругахъ, то считаясь съ возможностью отдѣленія польской короны отъ угорской по его смерти, Людовикъ старался на этотъ случай обезпечить Венгрии обладаніе Галиціей. Для этого онъ сначала (1372) передалъ ее въ качествѣ венгерскаго лена своему вѣрному приспѣшнику Владиславу, князю опольскому (изъ польскихъ князей Силезіи), а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ такого переходнаго состоянія (1379) перевелъ оттуда Владислава и роздалъ галицкія области въ управлѣніе венгерскихъ намѣстниковъ, въ качествѣ обыкновенной венгерской провинціи. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ за себя старыя постановленія трактатовъ съ Казиміромъ, признававшія за Венгрией историческія права на Галицію и предоставлявшія венгерскому королю право выкупа ея за извѣстную сумму, въ возмѣщеніе издержекъ, понесенныхъ Польшею при завоеваніи Галиціи. Но въ польскихъ кругахъ отнюдь не мирились съ утратою Галиціи, и какъ только бракъ Ядвиги съ Ягайломъ далъ польскимъ правителямъ новую опорную точку противъ Венгрии, они поспѣшили воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ венгерскаго правительства, поглощенаго до машними смутами, и предприняли походъ для возвращенія Галиціи. Экспедиція удалась, и Галиція была снова приведена подъ власть Польши. Венгрия опротестовала это нарушеніе своихъ правъ, но болѣе энергично выступить въ защиту ихъ была не въ состояніи; вопросъ о Галиціи поднимался на дипломатическихъ конференціяхъ, но решеніе его откладывалось.

лось все далѣе и далѣе, пока дѣло вовсе не заглохло въ половинѣ XV в. Лишь въ XVIII в., когда поднялъ былъ вопросъ о раздѣлѣ Польши, снова выплыли на днѣвой свѣтъ эти «историческія права» Венгріи на Га-

лицію и были использованы австрійскими правителствомъ, какъ мотивъ присоединенія наслѣдней (вмѣстѣ съ клочками сосѣднихъ польскихъ территорій) къ землямъ Австро-Венгерской короны¹⁾.

Польско-литовская унія.

Между тѣмъ какъ галицкія земли сдѣлались предметомъ спора между старыми союзниками, Польшею и Венгріею, упорная борьба литовскихъ князей съ послѣдними была прервана неожиданно династическою комбинацією: бракомъ наслѣдницы польской короны съ молодымъ великимъ княземъ литовскимъ и уніюю обоихъ государствъ подъ управлениемъ этой новой династіи. По первоначальнымъ планамъ польскихъ правителей, создавшихъ эту чреватую послѣдствіями комбинацію, унія должна была имѣть самый тѣсный характеръ: Ягайло, въ числѣ другихъ обязательствъ, въ своей декларациії, данной имъ 15 авг. 1385 г. въ г. Кревѣ передъ своимъ бракомъ съ Ядвигою (такъ называемый Кревскій актъ унії), долженъ обязаться присоединить къ Польшу земли вел. кн. Литовскаго на вѣчныя времена. Такимъ образомъ, всѣ земли вел. кн. Литовскаго, въ томъ числѣ всѣ украинскіе аннексы его, должны были превратиться въ обыкновенную польскую провинцію, подобно Галиціи, которую превратили въ такую провинцію сами польские правители, и вел. кн. Литовское, какъ политическое цѣлое, должно было прекратить свое существованіе. Однако реализовать эти приобрѣтенія польской дипломатіи оказалось не такъ легко.

Правда, на первыхъ порахъ унія не встрѣтила сопротивленія. Князья, владѣвшіе землями въ границахъ вел. кн. Литовскаго, по требованію Ягайлы, безпрекословно выдавали присяжныя грамоты, въ которыхъ обязывались быть вѣрными не только Ягайлу, его королевѣ и дѣтямъ, но и «принадлежать къ Польскому королевству». Ягайло, занимая польскій престолъ, соединилъ въ своемъ лицѣ титулы польского короля и литовскаго великаго князя и этимъ физическимъ единствомъ покрывалъ разницу между былою принадлежностью къ вел. кн. Литовскому и новою принадлежностью къ королевству Польскому, созданному актомъ унії. Пока въ фактическія отношения не вносилось никакихъ существенныхъ перемѣнъ, никому не было нужды вникать въ сущность этихъ присяжныхъ грамотъ, диктовавшихся польскими дипломатами, и кревское обязательство могло спокойно существовать. Но какъ только польские политики захотѣли осуществить изъ него кое-что на практикѣ,—протестъ былъ неизбѣженъ, и выразитель его не замедлилъ найтись въ лицѣ Витовта, сына убитаго Ягайломъ дяди его Кейстута Гедиминовича.

1) Подробнѣе о борьбѣ за Галицко-Волынскія земли тамъ же, „Історія України“, т. IV, гл. 2.

Витовтъ сначала добивался отъ Ягайла лишь возвращения ему отцовскихъ владѣній. Но союзъ съ крестоносцами противъ Ягайла создалъ Витовту такое сильное положеніе, что онъ идетъ все далѣе и далѣе въ своихъ требованіяхъ: получаетъ отъ Ягайла полномочія по управлению всѣмъ вел. княжествомъ (1392 г.), а въ 1398 г., подъ вліяніемъ раздраженія, вызванного среди князей и бояръ в. кн. Литовскаго притязаніями краковскаго двора на внѣшніе знаки зависимости отъ Польши, его провозглашаютъ «королемъ литовскимъ и русскимъ». Неудача, постигшая затѣмъ Витовта въ предпринятомъ походѣ на Татаръ (битва на Ворсклѣ 1399 г.), заставила его неѣсколько умѣрить свои притязанія; онъ удовольствовался признаніемъ за нимъ со стороны Польши титула великаго князя Литвы и Руси и фактической независимостью подъ номинальнымъ верховенскомъ польского короля (1400), и только передъ смертью его былъ снова поднятъ вопросъ о королевскомъ титулѣ и установленіи полной независимости Литвы отъ Польши. Кревскій актъ потерялъ значеніе. Политическая самостоятельность вел. кн. Литовскаго, отмѣненная имъ, была возстановлена и утверждена позднѣйшими трактатами (въ особенности актомъ Городельскимъ 1413 г.). Вел. кн. Литовское должно было и впредь существовать самостоятельно подъ властью отдѣльного великаго князя, подъ чисто моральнымъ или номинальнымъ супрематомъ польского короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряло всякую силу и заключавшееся въ Кревскомъ актѣ обязательство присоединенія къ Польшѣ украинскихъ земель вел. кн. Литовскаго—Подолья, Волыни, Киевскихъ, Черниговскихъ земель, и

присяжныя грамоты украинскихъ князей литовской династіи—остались безъ значенія.

Польское правительство не мирилось съ такимъ крахомъ своихъ плановъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ дѣляя уступки Витовту и литовскимъ автономистамъ, оно не теряло надежды на осуществленіе обязательствъ, заключенныхъ въ Кревскомъ актѣ. Поэтому даже въ трактатахъ, утверждавшихъ политическую самостоятельность Литвы, польские дипломаты не забывали повторять фразу о присоединеніи къ Польшѣ земель вел. кн. Литовскаго, повидимому, потерявшую всякое значеніе (въ отвѣтныхъ декларацияхъ на эти трактаты представители вел. кн. Литовскаго обѣ этой такъ назыв. инкорпораціи земель вел. княжества, наоборотъ, умалчиваются). Они стараются обставить всевозможными недомолвками вопросъ о переходѣ великокняжескаго достоинства отъ одного великаго князя къ другому, разсчитывая, что польскому правительству можетъ представиться удобный случай положить конецъ существованію вел. кн. Литовскаго и обратить земли послѣдняго въ польскія провинціи.

Дѣйствительно, оно и попыталось воспользоваться смертью Витовта, пустьвъ слухъ, что послѣдній, умирая, завѣщалъ великое княжество Ягайлу. Но вопросъ о коронаціи, поднятый передъ тѣмъ и снятый неожиданной смертью Витовта, такъ раздражительно настроилъ правящіе литовскіе круги, огорченные противодѣйствиемъ Поляковъ, что польские политики не замедлили убѣдиться въ невозможности низведенія вел. кн. Литовскаго на степень польской провинціи въ такихъ условіяхъ. Былъ произведенъ выборъ

великаго князя, избраннымъ оказался младшій братъ Ягайла Святогайло, и Ягайлу не оставалось ничего, какъ только подтвердить это избраніе. Вслѣдъ за тѣмъ вопросъ о Подольѣ (о которомъ будеть рѣчь ниже) привель къ полному обостренію отношеній между Литвой и Польшей. Началась война, и Святогайло, оказавшійся очень щекотливымъ въ вопросахъ своей самостоятельности, и слышать ничего не хотѣлъ о подчиненіи верховенству Польши. Польское правительство, пользуясь неудовольствиемъ среди литовской аристократіи, вызваннаго симпатіями Святогайла къ русскимъ (белорусскимъ и украинскимъ) элементамъ, рѣшило произвести переворотъ и свергнуть Святогайло. Но и противники Святогайла не имѣли ни малѣйшаго желанія превратиться въ подданныхъ Польского королевства, и польскому правительству пришлось дать согласіе на провозглашеніе вмѣсто Святогайла другого великаго князя и полагать всѣ надежды на большую сговорчивость послѣдняго. Такъ произошло возстаніе литовскихъ земель (1432), провозгласившее великимъ княземъ брата Витовта — Сигизмунда, утвержденного въ великокняжескомъ достоинствѣ и польскимъ правительствомъ, между тѣмъ какъ белорусская и украинская земли остались вѣрными Святогайлу и нѣсколько

льть еще поддерживали послѣдняго въ его борьбѣ съ противникомъ (1432—35 гг.).

Но и литовскій ставленникъ не оправдалъ надежды польского правительства: онъ проявлялъ всяческую уступчивость по отношенію послѣдняго только до тѣхъ поръ, пока держался Святогайло. Какъ только шансы послѣдняго окончательно пали, и Сигизмундъ могъ утвердиться вполнѣ въ вел. княжествѣ, немедленно исчезаетъ его покорность по отношенію къ требованіямъ польской политики: онъ ищетъ союзниковъ и съ помощью ихъ готовится отстаивать свою самостоятельность отъ польскихъ притязаній. Внезапная смерть его (1340 г.), открывшая дорогу къ великокняжескому столу младшему сыну Ягайла, Казиміру, избранному вельможами в. княжества, дала мѣсто еще болѣе независимому положенію вел. кн. Литовскаго: Казиміръ, или вѣрнѣе, правившіе государствомъ имеянемъ малолѣтняго князя литовскіе вельможи совершенно разрываютъ всякия отношенія съ Польшею и съ ея королемъ, желавшимъ видѣть въ Казимірѣ лишь своего намѣстника, и Литва стояла снова предъ перспективою войны съ Польшею, когда турецкій походъ короля Владислава и постигшая въ немъ катастрофа дала совершенно новый оборотъ отношеніямъ¹⁾.

Борьба за Подолье и Волынь.

Встрѣтивъ такія препятствія въ осуществленіи своей программы, польское правительство должно было убѣдиться, что включеніе въ составъ Польши великаго княжества Литовскаго въ его полномъ объемѣ — цѣль трудно осуществимая и довольно далекая. Не

отказываясь отъ нея, а лишь отлагая ее осуществленіе до болѣе удобнаго времени, польскіе политики рѣшили пока продолжить присоединеніе Галицко-Волынскихъ земель, такъ счаст-

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. I гл. 3.

ливо начатое окончательнымъ присоединенiemъ Галиції къ Польшѣ въ 1387 году, а именно: захватить еще Волынь, Подолье и Берестейско-Дороги-чинскую землю среднее Побужье, такъ называемое позже, Подляшье¹⁾.

Подолье уже въ эпоху борьбы Польши и Литвы за Галицко-Волынскія земли, подъ управлениемъ Корiatовичей, занимало нейтральную позицію между соперничающими державами, а въ началѣ XV в. превращено было въ польскую провинцію Ягайлой, въ моментъ депрессіи, пережитой вел. кн. Литовскимъ послѣ катастрофы на Ворсклѣ,—но затѣмъ Витовтъ вытребовалъ Подолье себѣ обратно. Польская шляхта, однако, успѣла проникнуть сюда въ значительномъ количествѣ за это короткое господство Польши и продолжала затѣмъ утверждаться здѣсь, надѣясь при первомъ удобномъ случаѣ присоединить эту провинцію къ Польшѣ. Въ моментъ смерти Витовта, заранѣе приготовивъ все, она захватила столицу земли—Каменецъ, арестовала литовскаго коменданта, овладѣла прочими крѣпостями и присоединила Подолье къ Польшѣ (1430). Это происшествіе, благопріятно встрѣченное въ польскихъ правительственныйхъ кругахъ, послужило окончательнымъ поводомъ къ тогдашнему разрыву Литвы и Польши. Ягайло, задержанный Свитригайломъ, по его настоянию, далъ приказъ возвратить польскія земли Литвѣ, но это распоряженіе не было исполнено. Начались военные дѣйствія. Восточного Подолья, по среднему течению Южнаго Буга, съ городами Брестлавомъ и Винницею, Поля-

¹⁾ Имя это объясняютъ, какъ соединяю съ Польшею („Ляхамп“) провинцію.

камъ не удалось удержать въ своихъ рукахъ: приверженцы Свитригайла возвратили ему этотъ край; но западное Подолье, пограничное съ Галиціей, гдѣ уже успѣла утвердиться польская шляхта, осталось за Польшею, и въ 1440-хъ гг. прочно устанавливается этотъ раздѣлъ земли: восточное Подолье, такъ называемая Брацлавщина остается за вел. кн. Литовскимъ, западное—Подолье въ собственномъ смыслѣ, принадлежитъ Польшѣ. Переговоры о возвращеніи его Литвѣ оставались безъ результатовъ.

Ободренные такимъ успѣхомъ въ Подольской землѣ, польские политики рѣшили воспользоваться вспыхнувшую войною съ Литвой, чтобы завладѣть также и Волынью. Лѣтомъ 1431 г. Ягайло двинулся ею большими силами, захватилъ оставленный Свитригайломъ Владимира и приступилъ къ Луцку, тогдашней столицѣ земли. Но тутъ встрѣтилъ отпоръ; долгая осада не привела ни къ чему, истощила энергию Поляковъ и въ концѣ концовъ принудила ихъ на этотъ разъ отказаться отъ своихъ плановъ на Волынь; заключая перемирье со Свитригайломъ, они выговорили себѣ владѣніе Западнымъ Подольемъ, но о Волыни должны были промолчать, и даже потомъ, ликтуя разныя условія своему ставленнику Сигизмунду Кейстутовичу, не рѣшились требовать отреченія отъ Волыни.

Но мысли о ней не оставляли. Когда затѣмъ Свитригайло, совершенно уже ослабленный, старался какъ-нибудь разстроить союзъ Польши съ Сигизмундомъ, польская шляхта Галиціи, въ своихъ интересахъ и на свой страхъ проводившая особенно энергично планы присоединенія къ Польшѣ соединенныхъ украинскихъ земель (ея соб-

(Городская галерея П. и С. Третьяковых въ Москвѣ).

Въ Каневскомъ уѣздѣ.

Е. И. Столица.

ственno дѣломъ былъ захватъ Подолья, и теперь, ободренная этой удачей, она энергично занялась Волынью), вошла въ переговоры съ Святогайломъ, предложивъ ему свою поддержку подъ условиемъ передачи Волыни. Святогайло въ своемъ отчаянномъ тогдашнемъ положеніи дѣйствительно обѣщалъ передать Польшѣ Волынь, гдѣ онъ еще держался, за цѣну поддержки противъ Сигизмунда (1436). Хотя польское правительство не рѣшилось принять этого договора, не желая разрывать со Сигизмундомъ, но во всякомъ случаѣ въ польскихъ кругахъ послѣ этого смотрѣли на Волынь уже, какъ на близкую добычу, и надѣялись по смерти Святогайло завладѣть ею. Но Святогайло, обманутый въ надеждахъ на польскую поддержку, не считалъ уже себя связаннымъ упомянутымъ договоромъ и передъ смертью, вѣрный государственной идеѣ вел. кн. Литовскаго, передалъ Волынь не Полякамъ, а тогдашнему вел. князю литовскому Казимиру (1452). Это возбудило въ Польшѣ чрезвычайное негодованіе, Поляки готовились къ походу на Волынь, но Казимиру, въ это время соединившему въ своемъ лицѣ достоинства вел. кн. литовскаго и короля польскаго, удалось своимъ вліяніемъ охладить воинственный жаръ Поляковъ, и въ концѣ концовъ притязанія Польши на Волынь, встрѣтившись съ притязаніями Литвы на Зап. Подолье, обоюдно нейтрализировались: Волынь осталась за Польшей, Зап. Подолье—за вел. кн. Литвой.

Наконецъ, что касается третьей галицко-волынской провинціи, служившей предметомъ польскихъ вожделѣній, Берестейско - Дорогочинской,

то послѣдняя, какъ мы знаемъ, была захвачена литовскими князьями еще прежде покоренія Любарта на Волыни и составила затѣмъ удѣлъ Кейстута. Отдѣлавшись отъ послѣдняго, Ягайло захватилъ эту волость вмѣстѣ съ другими землями Кейстута и далъ ее въ ленъ (1391) мазовецкому князю (изъ старой польской династіи), но это владѣніе Януша было очень кратковременно, такъ какъ Витовтъ, добившись отъ Ягайла возврата отцовскихъ владѣній, не замедлилъ отобрать и Берестейско-Дорогочинскую землю, какъ свою отчину. Послѣ этого она оставалась при вел. кн. Литовскомъ, но въ 1440 годахъ стала предметомъ довольно ожесточенного спора: вел. кн. Сигизмундъ Кейстутовичъ, женивъ своего сына Михайлушки на внучкѣ помянутаго кн. Януша, далъ ея брату Болеславу право взять Дорогичинскую землю послѣ его смерти; на этомъ основаніи послѣ смерти Сигизмунда Болеславъ завладѣль ею, но литовское правительство опротестовало этотъ захватъ, между тѣмъ какъ польское правительство поддержало претензіи Болеслава. Въ 1443 г. дошло до войны между обѣими сторонами, но походъ и смерть кн. Владислава остановили военные дѣйствія, а затѣмъ дѣло было рѣшено полюбовно. Болеславъ продалъ свои претензіи вел. кн. Литовскому. Берестейско-Дорогочинская земля осталась за послѣднимъ, а во владѣніи Польши остался только узкій клинъ, врѣзывавшійся между Берестейско - Дорогочинскою землею и Волынью, по верховью р. Припяти (т. н. Ратенское староство ¹⁾).

1) Подробнѣе тамъ же.

Перемѣны въ восточной Украинѣ.

Неудача Кревской унії оставила еще почти на два столѣтія въ Польского государства большую часть украинскихъ земель. Осуществленіе программы, поставленной польско-венгерскими соглашеніями 1330—1340-хъ годовъ, расширенной затѣмъ Кревской уніей на всѣ украинскія—а равно и бѣлорусскія и литовскія земли—было отсрочено встрѣченою оппозиціею. Лишь Галиція и зап. Подолье оказались въ непосредственной власти Польши; Волынь, Побужско-Припятское Полѣсье, Браславщина, Киевская земля и Заднѣпровье остались въ непосредственного воздѣйствія польского режима. Но и въ нихъ, въ связи съ уніей, осуществлялись глубокія измѣненія въ сфере политическихъ отношеній, открывавшія дорогу воздѣйствіямъ соціальнымъ и культурнымъ, весьма существеннымъ, несмотря на принципіальный консерватизмъ, провозглашавшійся литовскимъ правительствомъ. Такимъ переломомъ было постепенное превращеніе украинскихъ земель изъ отдѣльныхъ автономныхъ княжествъ въ простыя провинціи великаго княжества Литовскаго, непосредственно зависимыя отъ центрального правительства и непосредственно открытыя воздѣйствіямъ политической и культурной эволюціи Литовскаго государства.

До тѣхъ глубокихъ измѣненій въ политическихъ и національныхъ отношеніяхъ, какія явились результатомъ унії, бѣлорусскія и украинскія земли не чувствовали на себѣ особенной тя-

жести чужой государственности. Ими правила въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обруѣвшіе, искренно ассимилировавшіеся со своими землями князья Гедеминовой династіи. Старый строй земель оставался безъ значительныхъ перемѣнъ. Центральное управление не оказывало особенно ощущительного вліянія на внутренняя отношенія земель, жившихъ своею замкнутою, почти вполнѣ самостоятельную жизнью подъ управлениемъ своихъ князей. И какъ разъ Украина состояла, главнымъ образомъ, изъ такихъ большихъ, почти самостоятельныхъ княжествъ, въ дальнѣйшей эволюціи политической системы вел. кн. Литовскаго имѣвшихъ всѣ шансы превратиться въ отдѣльные государства, ничѣмъ не связанныхъ между собою, кромѣ династической связи и общихъ чертъ строя и права—т. е. повторить исторію разложенія Киевскаго государства, принципы земскаго строя котораго и политическая схема были восприняты новымъ Литовскимъ государствомъ. Такъ, Волынь составляла совершенно отдѣльное политическое цѣлое во владѣніи Любарта, потомъ его сына Федора; Киевская земля—во владѣніи Владимира Ольгердовича; въ Подольской землѣ княжилъ послѣдній изъ Коріатовичей, Федоръ; въ Черниговской землѣ было два значительныхъ княжества—двухъ Ольгердовичей: Черниговская и Новгородъ-Сѣверская волости принадлежали Димитрію Корибуту, княжество Брянское—его брату Димитрію. Кромѣ того, въ Припятскомъ Полѣсье было нѣсколько болѣе мелкихъ княжествъ.

Унія приносить кореннуу перемѣну въ этихъ отношеніяхъ. Правительство Ягайла-Витовта, сильное сознаніемъ опоры, созданной государственнымъ единеніемъ Литвы и Польши, еще не нарушеннымъ позднѣйшимъ споромъ этихъ двухъ государствъ, рядомъ сильныхъ и хорошо разсчитанныхъ ударовъ въ 1390-хъ годахъ уничтожаетъ всѣ наиболѣе значительные княжества и по большей части непосредственно обращаетъ ихъ въ простыя провинціи, или же создаетъ, изъ нихъ, въ видѣ переходныхъ формъ, княжества гораздо менѣе сильныя и значительныя. Такъ отобраны были отъ Димитрія Кориута его Черниговскія земли (еще раньше потерявъ свои владѣнія, эмигрировавъ въ Москву, его старшій братъ Димитрій брянскій). Въ нѣсколько пріемовъ, по частямъ отнята была отъ Федора Любартовича Волынь: взамѣнъ дали ему владѣнія въ Черниговскихъ земляхъ, но это была такая жалкая замѣна, что обиженный князь даже не принялъ ее). Изъ Подолія Витовтъ прогналъ Федора Коріатовича. Кіевская земля была отнята отъ Владимира Ольгердовича, получившаго вмѣсто того маленькое (сравнительно) Слуцкое княжество; Кіевъ получилъ другой Ольгердовичъ Скиргайлъ, но въ концѣ концовъ, перейдя черезъ нѣсколько рукъ, онъ обращается въ простую провинцію в. кн. Литовскаго, въ началѣ XV в. Послѣ этой операции, въ первой половинѣ XV в. единственнымъ значительнымъ владѣніемъ въ украинскихъ земляхъ осталось княжество, составленное изъ Черниговскихъ земель для Скиргайла, не дававшаго покоя правительству своими претензіями на позицію великаго князя. За исключеніемъ его,

были только второстепенные княжества, какъ Ратенское (въ сѣверной Волыни), Пинское, Острожское и т. под. Эти и подобныя имъ небольшія сохранившіяся княжества никакого значенія въ политической системѣ в. кн. Литовскаго уже не могли имѣть.

Нѣкоторое отступленіе отъ этой системы упраздненія удѣльныхъ княжествъ замѣчается какъ будто въ 1440-хъ гг. Волынь оставляется во владѣніи Скиргайла, и рядомъ съ нею создается новое, импозантное по размѣрамъ, хотя и слабое силами и значеніемъ, Кіевскoe княжество въ рукахъ Олељка Владимірова, сына бывшаго Кіевскаго князя Владимира Ольгердовича. Но это была лишь временная уступка обстоятельствамъ со стороны тогдашнихъ литовскихъ правителей—регентства, правившаго именемъ нового великаго князя Казиміра. Въ виду внутреннихъ потрясеній, пережитыхъ великимъ княжествомъ въ 1430-хъ гг., въ виду натянутыхъ отношеній къ Польшѣ, они считали нужнымъ сдѣлать кое-что для успокоенія украинско-бѣлорусской аристократіи—созданіемъ этихъ двухъ княжествъ, во главѣ которыхъ стояли два выдающихся представителя украинско-бѣлорусского княжья (изъ литовской династіи). Затѣмъ, когда трудныя обстоятельства миновали, оба княжества были обращены снова, и уже безвозвратно, въ простую провинціи: съ Волынью это случилось со смертью Скиргайла (1452), съ Кіевомъ—со смертью сына Олељка, Семена Олељковича. (въ 1470 г.).

Это превращеніе старыхъ наслѣдственныхъ, автономныхъ княжествъ въ обыкновенные провинціи, розданныя въ управление обыкновеннымъ ве-

лико¹княжескимъ намѣстникамъ, спасло государственное единство вел. кн. Литовского отъ грозившаго ему разложению и открыло болѣе широкую дорогу воздействиимъ внутренней политики центрального правительства на строй и отношенія земель, отдало послѣднія вліяніямъ соціального и национального процесса великаго княжества. До полной централизации государственная система великаго княжества Литовского, положимъ, никогда не дошла, и значительная провинциальная обособленность земель, съ

широкимъ участіемъ въ управлениі мѣстныхъ (аристократическихъ) элементовъ, сохранилась и позже, но въ смыслѣ воздействиія государственного процесса вел. княжества на строй и жизнь земель—превращеніе послѣднихъ изъ автономныхъ княжествъ въ простыя провинціи создавало большую разницу въ смыслѣ огромнаго усиленія этого воздействиія, и новое направлениe, какое сообщило этому процессу унія, со временемъ отражается все болѣе и болѣе на внутреннихъ отношеніяхъ земель ¹⁾.

Національное раздвоеніе вел. кн. Литовского.

Существенное значение унія въ сфере культурныхъ и национальныхъ отношеній вел. кн. Литовского заключалось въ томъ, что она эмансирировала правящій литовскій элементъ изъ подчиненія культуры бѣлорусско-украинской и, давъ ей новую религию-католическую и новую культуру-латино-польскую, создала внутреннее раздвоение въ великомъ княжествѣ, отразившееся не только на отношеніяхъ культурныхъ и национальныхъ, но и на политической жизни его самымъ сильнымъ образомъ.

Кревскимъ актомъ Ягайло обязался крестить въ католичество всѣхъ не-крещеныхъ Литовцевъ и, исполнивъ это обѣщаніе, организовалъ новую католическую церковь въ вел. кн. Литовскомъ, придавъ ей, подъ вліяніемъ своихъ польскихъ руководителей, положеніе церкви государственной, господствующей, особо покровительствуемой сравнительно со старою православною церковью Литовской Руси. Подъ вліяніемъ тѣхъ же совѣтниковъ,

очевидно, онъ стремится создать изъ литовскихъ бояръ-католиковъ новый привилегированный классъ, который, по мысли польскихъ политиковъ, долженъ быть сдѣлаться хранителемъ и оплотомъ уніи Литвы съ Польшею, которой классъ этотъ былъ обязанъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Это былъ расчетъ совершенно правильный, съ точки зреінія унія, и изъ соображеній национальныхъ и классовыхъ онъ былъ поддержанъ также представителями литовского автономизма. Витовъ, увлекаемый фамильными традиціями, связывавшими его династию съ литовскимъ элементомъ, а можетъ быть, руководимый и политическими расчетами, тоже старается выдвинуть литовскую аристократію и на ней опереться въ противовѣсь православной княжеской и боярской аристократіи: бѣлорусской и украинской, и ассимилированной ими литовской. Ягайло и

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. IV, гл. 3.

Витовтъ солидарно возвышаютъ литовскую католическую аристократію въ ущербъ бѣлорусско-украинской. Сообщаютъ права польской шляхты боярамъ-католикамъ (то есть Литвинамъ), признаютъ за ними исключительное право на высшія государственные должности, лишь ихъ допускаютъ къ участію въ наиболѣе важныхъ политическихъ актахъ. Литовская Русь скоро вполнѣ осознательно почувствовала, что ее оттесняютъ на второй планъ, лишая всякаго политического значенія. Литовская же аристократія очень скоро входитъ во вкусъ своего привилегированного положенія и, понимая, что такое положеніе ея основывается всецѣло на поддержкѣ польскихъ правительственныйхъ круговъ, начинаетъ цѣнить унію — хотя въ извѣстныхъ границахъ. Съ одной стороны, она желаетъ сохранить автономію вел. кн. Литовскаго, потому что съ превращеніемъ его въ польскую провинцію, она потеряла бы свое политическое значеніе, какое имѣла теперь; съ другой стороны, она избѣгаетъ и полнаго разрыва съ Польшею, такъ какъ въ противномъ случаѣ должна была бы искать опоры въ самомъ вел. княжествѣ, считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ внутри послѣдняго и дать соответствующее мѣсто элементамъ славянскимъ, аристократіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель. Это давало двойственность и нерѣшительность литовской политики по отношенію къ Польшѣ; остановливаясь на полдорогѣ, она облегчала Полякамъ осуществление ихъ плановъ по отношенію вел. кн. Литовскаго, какъ облегчало ее и указанное национальное раздвоеніе и проистекавшая отсюда внутренняя слабость вел. кн. Литовскаго. Такъ не-

давно еще полное юношескихъ силъ, экспансивной энергіи, великое княжество Литовское сразу входитъ въ состояніе преждевременной дряхлости.

Свитригайло, занявъ мѣсто Витовта, задумалъ исправить его ошибку и, не лишая значенія литовской аристократіи, хотѣлъ дать соответствующее мѣсто литовской Руси и тѣмъ въстановить первоначальное равновѣсіе и единство политической системы государства. Но литовская аристократія не захотѣла дѣлиться своимъ исключительнымъ положеніемъ и пошла на встрѣчу интригамъ польского правительства противъ Свитригайла, провозгласивъ великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Этотъ шагъ вызвалъ раздвоеніе: Сигизмунда признали литовскія земли, бѣлорусскія и украинскія остались вѣрны Свитригайлу. Современники подчеркиваютъ этотъ этнографический расколъ вел. княжества, называя Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ, Свитригайла вел. княземъ русскимъ. Послѣдующая борьба Свитригайла съ Сигизмундомъ должна была решить, останется ли господствующею литовская аристократія, или центръ тяжести передвинется въ сторону болѣе многочисленныхъ элементовъ украинскихъ и бѣлорусскихъ — тоже аристократическихъ, конечно, такъ какъ народъ оставался пассивнымъ участникомъ этого соперничества двухъ аристократій. Князья и бояре украинскихъ и бѣлорусскихъ земель поддерживали Свитригайла, своего давняго союзника и друга, съ чрезвычайной энергіей; но послѣдній при большої энергіи и настойчивости оказался плохимъ и несчастливымъ полководцемъ, и дѣло литовской «Руси» было окончательно проиграно въ 1435 г.

въ кровопролитной битвѣ надъ р. Святою, близъ Вилькомира, гдѣ погибло войско Свитригайла (однихъ взятыхъ въ плѣнъ князей лѣтописи насчитываютъ 26, не считая убитыхъ).

Литовской аристократіи выборъ Сигизмунда, однако, тоже не принесъ большого утѣшения: онъ оказался принципіальнымъ врагомъ аристократіи, выдвигалъ людей худородныхъ, а родовитыхъ отодвигалъ на второй планъ и даже преслѣдовалъ, если вѣрить позднѣйшимъ обвиненіямъ: замышлялъ «весь рожай (родъ) шляхецкій погубити и кровъ ихъ разлити, а поднести рожай хлопскій, псю кровъ», какъ выражается преданный аристократическімъ воззрѣніемъ лѣтописецъ. Поэтому Сигизмундъ скоро погибъ отъ руки аристократовъ, составившихъ заговоръ на его жизнь, и на его мѣсто былъ избранъ малолѣтній Ягайловичъ Казимиръ, младшій братъ польского короля Владислава.

Группа литовскихъмагнатовъ, захватившихъ бразды правленія и правившихъ затѣмъ именемъ Казимира до его совершеннолѣтія, въ виду натянутыхъ отношений къ польскому правительству, желавшему распоряжаться въ литовскихъ земляхъ совершенно свое- властно, и предшествовавшихъ усобицъ, вызванныхъ внутреннимъ раздвоеніемъ Литвы и Руси, на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, считала нужнымъ кое-что сдѣлать для удовлетворенія Руси. Оставилъ Волынь за Свитригайломъ и отдавъ Кіевъ Олельку, очень умѣренному представителю украинскаго князья, близко стоявшему къ литовской аристократіи, они создали этимъ дѣйствительно нѣкоторую иллюзію національной гармоніи — признанія со стороны литовской аристократіи

права на извѣстное значеніе за русской аристократіей. Видное положеніе Семена Олельковича, получившаго послѣ отца кіевскій столъ (1454—1470), и въ силу своихъ родственныхъ связей съ литовскими регентами (онъ былъ женатъ на дочери воеводы виленского Гаштотта, бывшаго главы регентства), игравшаго если не вліятельную, то почетную роль въ жизни в. кн. Литовскаго, поддерживало нѣкоторое время эту иллюзію. Въ силу упомянутыхъ родственныхъ связей и своей «умѣренности», кн. Семенъ даже фигурировалъ, какъ кандидатъ литовскихъ правителей на постъ великаго князя. Но стѣсненные обстоятельства, принудившія литовскихъ политиковъ покончить немного съ представителями княжья, за это время прошли, отношения къ Польшѣ отлились въ болѣе или менѣе желательная для нихъ формы, и считаться со своею «Русью» они не считали болѣе нужнымъ.

События этого времени вообще дали чрезвычайно яркую иллюстрацію той двойственной политики литовской правящей аристократіи, о которой была рѣчь выше. Гибель кор. Владислава подъ Варною (1444) дала ей отличный случай разорвать династическую связь съ Польшею. Но въ силу тѣхъ выгодъ, какія давала ей связь съ послѣднею, она не рѣшилась на такой рѣзкій шагъ; вместо того, чтобы повлечь на Казимира въ смыслѣ отреченія отъ всякихъ притязаній на польскую корону, литовские правители, послѣ долгихъ проволочекъ, въ концѣ концовъ дали согласіе на выборъ Казимира польскимъ королемъ, связавъ лишь его различными обѣщаніями въ интересахъ сохраненія литовской автономіи и цѣлости земель в. кн. Литовскаго.

Рассчитывая сохранить и впредь свое влияние на Казимира, они не считали нужным даже обеспечить самостоятельности великого княжества выбором отдельного великого князя съ переходомъ Казимира на польский престолъ. Это оказалось большой ошибкой, такъ какъ, поставленный между противоположными стремлениями польской и литовской политики, Казимиръ скоро выходитъ изъ-подъ влияния своихъ литовскихъ менторовъ, руководится въ своей политикѣ интересами Польши и уніи, а пользуясь своимъ влияниемъ въ правящихъ кругахъ Литвы, не допускаетъ и до выбора отдельного великого князя, когда возникъ такой проектъ, и всячески ослабляетъ тѣ напряженія въ отношеніяхъ къ Польшѣ, какія временами возникали въ правящихъ литовскими кругахъ. Такимъ образомъ, до самой своей смерти (въ 1492 г.), въ продолженіе почти цѣлаго полустолѣтія, Казимиръ удер-

живаетъ въ личной уніи, подъ своею властью Польшу и Литву.

Внутренняя автономія в. кн. Литовского при этомъ оставалась въ полной силѣ, литовские правящіе классы чувствовали себя здѣсь господами положенія, и если раздраженные неуступчивостью польского правительства въ вопросахъ о спорныхъ земляхъ или въ переговорахъ о новой редакціи формулы уніи, гдѣ литовскимъ правителямъ хотѣлось отмѣнить существовавшія въ старыхъ трактатахъ фразы о присоединеніи Литвы къ Польшѣ и супрематѣ послѣдней,—литовские правители при случаѣ старались подчеркнуть свою полную самостоятельность отъ Польши, то все болѣе и болѣе ограничивались довольно безвреднымъ будированіемъ, и чувствуя за собою поддержку Польши, довольно безцеремонно давали чувствовать нелитовскимъ элементамъ свое властное положеніе¹⁾.

Украинская и бѣлорусская ирредента въ в. кн. Литовскомъ.

Унизительное положеніе, въ которомъ почувствовала себя украинская и бѣлорусская аристократія, оттѣсненная отъ всякой политической роли и значенія въ государствѣ, послѣ неудачной борьбы, предпринятой подъ знаменами Свитригайла, заставляетъ ее обратить свои взоры на востокъ, въ сторону старыхъ соперниковъ литовскихъ князей въ собираніи отчинъ Владимира Великаго—московскихъ князей. Соперничество послѣднихъ съ литовскими князьями обозначилось опредѣленно уже во второй половинѣ XIV в., но пока в. кн. Литовское стояло на почвѣ традицій Кіевской Руси, соперничество

московскихъ князей ему было не страшно; лишь перемѣны, произведенныя уніею во внутреннихъ отношеніяхъ в. кн. Литовского, убивъ притягательную силу, какую имѣло до тѣхъ поръ в. кн. Литовское среди наслѣдія Кіевского государства, дали рѣшительный перевѣсъ Москвѣ. Періодъ застоя и упадка, переживаемый Московскимъ государствомъ при двухъ Василіяхъ, съ одной стороны, импозантное правленіе Витовта, съ другой, до времіи маскировали эту перемѣну шансовъ старыхъ соперниковъ. Но во второй по-

1) Подробнѣе тамъ же.

ловинѣ XV в. она становится все болѣе замѣтною, и стремленія недовольнаго украинскаго и бѣлорусскаго княжья найти себѣ опору въ вел. кн. Московскому противъ католической Литвы, въ противовѣтъ той опоры, какую та находила въ Польшѣ, впервые съ полною опредѣленностью обнаружили рѣзкую перемѣну, какая произошла въ соотношеніи силъ обоихъ старыхъ соперниковъ.

Поводомъ къ первому извѣстному намъ проявленію этого украинско-бѣлорусскаго ирредентизма в. кн. Литовскаго послужилъ кievскій столъ. Въ 1470 г. умеръ Семенъ Олельковичъ, «отчичъ» кievскій, и литовскіе правители не согласились предоставить послѣ него кievскій столъ его брату Михаилу Олельковичу, а потребовали отъ Казимира, чтобы онъ обратилъ кievское княжество въ обыкновенную провинцію и назначилъ туда намѣстникомъ Литвина-католика Мартина Гаштовта. Казимиръ исполнилъ ихъ желаніе и этими чрезвычайно огорчили кievлянъ; они заявили, что предпочитаютъ погибнуть, чѣмъ принять правителемъ Литвина-католика, человѣка не княжескаго рода, и усиленно просили Казимира дать имъ въ Кіевѣ кого-нибудь изъ князей, если не православнаго, то хотя бы католика, чтобы поддержать традицію кievскаго стола. Но литовскіе правители стояли на своемъ, а съ ними и Казимиръ, и кievляне, въ концѣ концовъ, принуждены были принять Гаштовта.

Рассказывая объ этомъ, современный польскій хронистъ Длугощь присовѣкупляетъ, что вражда Руси и Литвы въ вел. кн. Литовскомъ къ этому времени такъ обострилась, что Казимиръ, опасаясь взрыва вражды, умыш-

ленно долго оставался въ вел. княжествѣ. По словамъ Длугоша, кievляне и вообще Литовская Русь горько жаловалась, что Литва — давніе данники Руси, превратились теперь въ ея правителей.

Огорченный отказомъ въ Киевскомъ столѣ, Михаиль Олельковичъ составилъ заговоръ съ другими князьями. Насколько можно судить изъ скучныхъ извѣстій, сохранившихся о немъ, заговорщики имѣли въ виду завладѣть великокняжескимъ столомъ, посадивъ на немъ одного изъ украинскихъ или бѣлорусскихъ князей, можетъ-быть — самого Михаила Олельковича; они разсчитывали при этомъ на помошь вел. князя московскаго, которая должна была быть оплачена уступкою ему восточной окраины вел. кн. Литовскаго. Но случайно заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые заговорщики успѣли спастись въ Москву, Михаиль Олельковичъ съ другимъ участникомъ заговора кн. Гольшанскимъ были схвачены и казнены (1481).

Въ этомъ эпизодѣ обращаетъ на себя вниманіе, какъ симптомъ, эти надежды княжья на помошь изъ Москвы. Послѣдняя подъ управлениемъ Иоанна III становится импозантною силою, захватываетъ послѣднія волости, лежавшія въ нейтральной полосѣ, раздѣлявшей владѣнія Москвы и Литвы, и вслѣдъ затѣмъ обнаруживаетъ совершенно недвусмысленный притязанія на бѣлорусскія и украинскія провинціи вел. кн. Литовскаго. Тяготѣніе въ сторону Москвы недовольной православной аристократіи вел. кн. Литовскаго становится въ этихъ условіяхъ чрезвычайно опаснымъ элементомъ для послѣдняго.

Между прочимъ, это тяготѣніе

сильно сказывается среди мелких княжествъ на съверо-восточномъ пограничии старого Черниговскаго княжества, гдѣ издавна сталкивались соперничающія вліянія Москвы и Литвы. Раньше литовское правительство, со-знаѧ свою притягательную силу, какою обладала для всякаго мелкаго княжья, умышленно держалась въ своихъ соглашеніяхъ съ Москвою принципа свободнаго перехода нейтральныхъ княжествъ подъ власть того или другого государства, Москвы или Литвы, и еще въ первой половинѣ XV в. мы наблюдаемъ тяготѣніе этого мелкаго княжья въ сторону вел. кн. Литовскаго. Но съ 1470-хъ годовъ начинается здѣсь обратное движеніе, въ сторону вел. кн. Московскаго. Обезпокоенное этимъ, литовское правительство пробовало насильно удержать князей отъ переходовъ, не освобождало ихъ отъ присяги, требовало отъ московскаго правительства, чтобы оно не принимало ихъ подъ свою власть. Все это привело, въ концѣ концовъ, къ войнѣ, но успѣхи московскаго войска на литовской территории, благодаря указанному тяготѣнію въ московскую сторону, оказались настолько импозантными, что литовское правительство поспѣшило прекратить войну перемириемъ, признавъ за Москвою владѣнія перешедшихъ князей, но на будущее время добившись обѣщанія, что переходы эти допускаться уже не будутъ (1493). Однако, послѣдніе возобновились вскорѣ снова, очевидно—не безъ тайного согласія Москвы, и приняли еще болѣе грозные размѣры. Мотивъ былъ подсказанъ изъ Москвы религіозный, наиболѣе извѣняющей нарушеніе трактата; национальная причина, такимъ образомъ, была

подмѣнена религіозной. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ — Москва продолжаетъ принимать подъ свою власть князей съ ихъ волостями и среди нихъ появляются уже владѣтели крупные, какъ напр., потомки московскихъ эмигрантовъ: Семенъ Можайскій, державшій отъ вел. княжества Литовскаго Черниговъ, Стародубъ и др. города, и Василій Шемяичъ, владѣвшій Новгородомъ-Сѣверскимъ. Въ общемъ Черниговская земля цѣликомъ переходила подъ власть вел. кн. московскаго, и послѣдній поспѣшилъ выслать свои войска, чтобы закончить присоединеніе Черниговскихъ земель. Въ литовскихъ кругахъ это произвело полную прострацію, и литовское правительство новымъ договоромъ 1503 г. признало за Москвою ея пріобрѣтенія, въ томъ числѣ всю старую Черниговскую землю, за исключеніемъ небольшой приднѣпровской полосы около Остра.

Нѣсколько лѣтъ спустя, организуетъ заговоръ и возстаніе, также разсчитывая на помошь вел. кн. московскаго и крымскаго хана, украинская княжеская семья Глинскихъ. Во главѣ ея стоялъ Михаиль Глинскій, чрезвычайно вліятельный любимецъ вел. кн. литовскаго Александра, представитель русской аристократіи вел. кн. Литовскаго, считавшійся ея общепризнаннымъ вождемъ и главою. Новый вел. князь и король Сигизмундъ не взлюбилъ Глинского и на него и его родственниковъ и сторонниковъ посыпался цѣлый рядъ разныхъ бѣдъ и немилостей. Огорченное княжье организуетъ заговоръ, замышляя, какъ въ 1481 г., посадить съ помощью сосѣднихъ государствъ на велиокняжескій престолъ своего человѣка — вѣроятно того же Михаила Глинскаго. Расчеты на

заграничную помошь, однако, не оправдались: ханъ неподдержалъ возстанія во все, а вел. кн. московскій — очень слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвавъ сколько-нибудь значительного движенія даже среди украинскаго княжья, не говоря уже о народѣ. Усилия Глинскихъ поднять Киевскую землю были безуспешны, а со-сѣдня Волынь, земля князей и магнатовъ по преимуществу — осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорію (1508), и Глинскому удалось отомстить литовскому правительству лишь позже, вызвавъ своимъ вліяніемъ новую войну Москвы съ Литвой, закончившуюся завоеваніемъ Смоленской земли московскими войсками. Само по себѣ возстаніе обнаружило лишь полную неспособность украинской и бѣлорусской аристократіи къ какому-либо энергическому движенію, отсутствіе среди нея сплоченности, солидарности, энергіи. Ея пѣсня была спѣта уже съ паденіемъ Свитригайла, и послѣдня конвульсія — движеніе Глинскихъ — только рельефно подчеркнула ея неспособность къ борьбѣ съ правящими литовскими кругами. Ея тяготѣніе къ Москвѣ не имѣло въ себѣ никакого глубокаго содержанія, какой-либо опредѣленной программы; въ лучшемъ случаѣ, Москва разсматривалась лишь какъ союзникъ для осуществленія переворота въ вел. кн. Литовскомъ, который долженъ быть возвратить былое значеніе въ государственной жизни православной аристократіи. Это были движенія небольшихъ кучекъ, слѣпые рефлексы безъ опредѣленного плана и программы. Большинство князей и бояръ уже помирилось съ тою второстепенною ролью, какую предоставляла ему

литовская аристократія (главнымъ образомъ — въ мѣстномъ управлениі украинскихъ и бѣлорусскихъ земель) — и отложило всякую мысль — о борьбѣ. Серьезно поставить національный вопросъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ предстояло инымъ общественнымъ силамъ, которыхъ тогда, когда догорала эта аристократическая фронда, никто еще не предчувствовалъ.

Все же движенія конца XV и началы XVI в. безъ вліянія на литовско-польское правительство не остались: испуганное тѣмъ употребленіемъ, какое въ московскихъ политическихъ кругахъ дѣжалось изъ религіозныхъ отношеній в. кн. Литовскаго, оно становится болѣе сдержаннѣмъ въ отношеніяхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ в. кн. Литовскаго, оставляетъ занимавшую его ранѣе мысль объ осуществленіи унії своихъ православныхъ подданныхъ съ католическою церковью и старается подчеркивать свое благосклонное отношеніе къ послѣднимъ. Не остались эти события безъ вліянія и на дальнѣйшую судьбу в. кн. Литовскаго. Послѣ страшныхъ потерпѣній въ войнахъ начала XVI в. (утраты Черниговской и Смоленской земли), Москва дѣлается кошмаромъ в. кн. Литовскаго, и сознаніе національного раздвоенія, существованіе русского ирредентизма убиваетъ въ правящихъ литовскихъ кругахъ всякую вѣру въ свои силы. Какъ нарочно, въ это же время, кромѣ Москвы, выдвигается другой грозный, непримиримый сосѣдъ, на южныхъ границахъ, предъ которымъ литовское правительство почувствовало себя совершенно беспомощнымъ, — новосформировавшаяся Крымская орда, одновременно съ московскими завоеваніями, какъ союзникъ

Москвы, проявившая свою страшную разрушительную силу, въ особенности въ украинскихъ земляхъ Литвы и Польши. Слабость вел. кн. Литовского въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей входитъ въ общее сознаніе правящихъ круговъ вел. княже-

ства; это обстоятельство дѣлаетъ ихъ все болѣе податливыми для польскихъ уніонныхъ стремлений и въ концѣ концовъ даетъ польскимъ политикамъ возможность осуществить ихъ старые планы относительно в. кн. Литовского¹⁾.

Завершеніе вопроса объ унії.

Несмотря на удары, падавшіе на вел. кн. Литовское, литовскіе правители довольно стойко старались держаться программы, которую ей диктовали ея классовые интересы: поддерживать связь съ Польшею и въ тоже время охранять автономію и политическую самостоятельность вел. кн. Литовского; но самая двойственность, половинчатость ихъ автономистской политики нерѣдко ставила ихъ въ трудное положеніе и подрывала автономистскую программу. По смерти Казиміра, они обзавелись отдельнымъ великимъ княземъ въ лицѣ младшаго сына его Александра (1492) и когда Польша въ своихъ планахъ войны съ Турцией стремилась заручиться содѣйствиемъ Литвы, литовскіе политики воспользовались этимъ моментомъ, чтобы добиться желанной для нихъ редакціи формулы унії, въ духѣ полной равноправности и независимости вел. кн. Литовского. Дѣйствительно въ такомъ духѣ былъ редактированъ и принятъ обѣими сторонами новый актъ унії 1499 г. Но всѣ эти успѣхи были утрачены, когда, за смертью польского короля Иоанна-Альбрехта, Александръ былъ выбранъ на польскій престолъ: у литовскихъ политиковъ не нашлось мужества и решительности настоять на выборѣ новаго великаго

князя, и то, что было достигнуто при великому князѣ Александрѣ, было потеряно при Александрѣ великому князѣ и королѣ: онъ октроировалъ новый актъ унії 1501 г., въ духѣ инкорпорационныхъ польскихъ стремлений, и хотя въ Литвѣ этотъ актъ встрѣтилъ пассивную оппозицію и не былъ признанъ правосильнымъ, однако, и сколько-нибудь рѣзкаго протesta не вызвалъ. Затѣмъ, по смерти Александра (1506), литовскіе правящіе круги выбрали великимъ княземъ его младшаго брата Сигизмунда, хотя было ясно, что онъ будетъ выбранъ и королемъ польскимъ: литовскіе правители, очевидно, избѣгали конфликта съ польскими правящими кругами, какой могло вызвать избраніе кого-либо вѣнѣ королевской семьи, и ограничились совершенно невинною манифестаціею, избравъ Сигизмунда великимъ княземъ прежде, нежели онъ былъ выбранъ королемъ польскимъ. Точно также поступили они затѣмъ, выбравъ и провозгласивъ великимъ княземъ литовскимъ при жизни Сигизмунда его сына Сигизмунда-Августа. Они довольствовались соблюдениемъ внѣшняго декорума самостоятельности

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т IV, гл. 3 и 4.

великаго княжества и своею ролью признанныхъ хозяевъ его, хотя политическая и культурная эволюція все болѣе и болѣе сглаживала грани, дѣлившія вел. княжество отъ Польскаго государства. Благодаря тому, что великие князья и одновременно польские короли—Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ изъ династическихъ соображеній тоже дорожили формальной отдѣльностью великаго княжества, правящей литовской аристократіи ея автономизмъ обходился очень дешево, и они очень стойко отклоняли всѣ попытки Поляковъ привести къ осуществленію старые планы инкорпораціи вел. кн. Литовскаго, такъ что въ продолженіе всей первой половины XVI в. этотъ вопросъ казался совершенно безнадежнымъ. Даже собраться на общій сеймъ съ Поляками, разсчитывавшими на такомъ общемъ сеймѣ найти союзниковъ среди представителей самаго вел. княжества (въ особенности среди низшаго дворянства)—литовскіе правители не соглашались и не допускали его подъ разными предлогами.

Однако, въ 1560-хъ г.г. начинается поворотъ, для литовскихъ правителей въ высокой степени неблагопріятный. Литва навлекла на себя новую войну съ Москвою (изъ-за Ливоніи), и эта неудачная для нея война, требовавшая огромныхъ расходовъ, новыхъ налоговъ, постояннаго участія шляхетскаго ополченія, вызвала чрезвычайное недовольство, особенно среди низшаго дворянства. Допущенное нездолго передъ тѣмъ къ участію въ новыхъ формахъ представительного правленія вел. кн. Литовскаго, оно постепенно выходитъ изъ подъ вліянія аристократіи и начинаетъ поднимать голосъ въ инте-

ресахъ болѣе тѣсной уніи съ Польшею, надѣясь, что съ проведеніемъ ея значительная часть военныхъ расходовъ падетъ на Польшу, а распределеніе на литовскія земли польскаго права принесетъ расширение шляхетскихъ привилегій по польскому образцу и отмѣну прерогативъ магнатства, всевластно правившаго вел. кн. Литовскимъ. Великій князь и король Сигизмундъ-Августъ, до сихъ поръ равнодушный къ уніи, по разнымъ соображеніямъ становится также горячимъ сторонникомъ инкорпораціи великаго княжества.

Литовскіе магнаты очутились въ трудномъ положеніи среди такого давленія одновременно сверху и снизу. Однако, преслѣдуя свои интересы, они на некоторое время держались очень стойко, не допуская до созванія общаго сейма и удерживая въ полномъ подчиненіи своей программѣ представителей шляхты на конференціяхъ съ Поляками. Даже поколебавшись на первыхъ порахъ и сдѣлавъ рядъ уступокъ на конференціи 1564 г., они затѣмъ взяли ихъ обратно и совершенно затормозили вопросъ объ уніи. Когда послѣ безплодныхъ сеймовъ 1565—66 годовъ, въ концѣ 1568 г., былъ созванъ новый сеймъ по вопросу объ уніи, въ г. Люблинѣ, съ участіемъ представителей литовскихъ сословій, литовскіе магнаты успѣли и здѣсь удержать послѣднихъ въ полномъ послушаніи и свели общій сеймъ къ конференціямъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ, литовскаго и польскаго, черезъ ихъ делегатовъ. Когда же король обнаружилъ намѣреніе, съ своей стороны, поддержать польскіе планы и оказать въ этомъ направленіи давленіе на литовскихъ представителей, литовскіе магнаты

тайкомъ выѣхали изъ Люблина вмѣстѣ съ представителями прочихъ сословій вел. кн. Литовскаго, разсчитывая такимъ образомъ положить сейму конецъ.

Расчетъ оказался на этотъ разъ неудачнымъ: поляки, раздраженные безуспешными переговорами, рѣшили теперь, имѣя на своей сторонѣ короля, осуществить свои планы, не считаясь съ литовскими настроениями, ни съ требованіями юридическихъ формъ. Непосредственно по отѣзду литовскихъ представителей обѣ галаты сейма предложили постановить заочное рѣшеніе по вопросу объ унії, въ виду самовольной и незаконной неявки литовскихъ пословъ, предварительно же присоединить къ Польшѣ Волынь и Подляшье, какъ провинціи, принадлежащія къ Польскому государству. Несмотря на юридическую несостоятельность этого проекта, король одобрилъ его, и сеймъ приступилъ къ его осуществленію. Правители вел. кн. Литовскаго вслѣдствіе такого рѣшенія сейма и въ виду положенія, занятаго въ этомъ вопросѣ королемъ, очутилась въ чрезвычайно трудной позиціи. Надъ Литвою продолжала тяготѣть тяжелая война съ Москвою; шляхетское сословіе противилось политикѣ магнатовъ, и даже на солидарность магнатства украинскихъ земель, на которыхъ собирались наложить руку Польша, не могли расчитывать литовскіе правители, вслѣдствіе исключительности своей национальной политики и вызванного ею старого раздоенія Литвы и Польши. Присоединеніе украинскихъ провинцій къ Польшѣ поэтому не встрѣтило въ нихъ сколько-нибудь рѣзкаго противодѣйствія, и въ концѣ концовъ, убѣдившись, что сеймъ, вступ-

шивъ на путь заочныхъ рѣшеній, можетъ создать для нихъ вовсе невозможное положеніе, литовскіе правители послѣ тщетныхъ угрозъ и безплоднаго гнѣва, не рѣшившись вступить на путь вооруженной борьбы, увидѣли себя вынужденными экстренно возвратиться на оставленный сеймъ и попробовать спасти, что еще можно было, для своей литовской автономіи.

Эта капитуляція ободрила еще больше польскихъ политиковъ, которые рѣшились послѣ этого завершить процессъ присоединенія украинскихъ земель, взамѣнъ того оставивъ оборонному ими великому княжеству Литовскому нѣкоторую тѣнь автономіи. Литовскіе правители, возвратившись къ этому времени на сеймъ, не имѣли энергіи протестовать ни противъ польскихъ захватовъ, ни противъ предложенной имъ формулы унії. Послѣ довольно слабой и бесплодной оппозиціи, они приняли октроированную формулу послѣдней, добившись лишь незначительныхъ уступокъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Прежняя личная унія замѣнялась очень тѣсною реальною. Польша и Литва отныне должны были составлять одно государство, съ однимъ общимъ, сообща избирамъмъ государемъ, съ общимъ сеймомъ; только отдѣльные министерства сохранялись для вел. кн. Литовскаго.

Ослабленное, одновременно съ тѣмъ потерю своихъ украинскихъ провинцій, вел. кн. Литовское послѣ этого теряетъ всякое самостоятельное значеніе. Такъ недавно еще полное силъ и экстенсивной энергіи, оно, пройдя черезъ горнило унії, обратилось въ безплотную тѣнь. Въ виду этого, польскіе политики рѣшили от-

ступить отъ буквы Кревской унії: отказались отъ формального присоединения земель бѣлорусскихъ и литовскихъ, удовольствовавшись фактическую

полною зависимостью ихъ отъ Польши и присоединивъ къ послѣдней непосредственно земли украинскія ¹⁾.

Присоединеніе украинскихъ земель на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

Повторилась ситуация, имѣвшая мѣсто по смерти Витовта, когда Поляки, въ виду разрыва съ Литвою, возвратились къ плану присоединенія Галицко-Волынскихъ земель. Разница была только въ томъ, что за столѣтіе слишкомъ, раздѣлившее эти два момента, 1430 и 1569 гг. вел. кн. Литовское безконечно ослабѣло, потеряло въ конецъ свою внутреннюю связь, и вслѣдствіе того, что не удалось Полякамъ (за исключеніемъ присоединенія Зап. Подолья) въ 1430-хъ годахъ, вполнѣ удалось въ 1569, безъ вооруженныхъ столкновеній, простымъ октроированіемъ.

Прежде всего былъ возбужденъ вопросъ о присоединеніи Волыни и Подляшья, занимавшихъ Поляковъ въ 1430-хъ гг., какъ мы знаемъ, но тогда оставшихся неприсоединенными. Когда король далъ свою санкцію, были разосланы въ эти провинціи грамоты, въ которыхъ сенаторамъ и депутатамъ этихъ земель, въ виду присоединенія ихъ къ Польшѣ, приказывалось немедленно явиться на сеймъ, подъ угрозою отнятія имѣній и должностей. Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья, однако, долго не рѣшались исполнить этого требованія, опасаясь репрессій со стороны литовскихъ правителей. Но когда король, по истеченіи назначенного срока явки, приступилъ къ конфискаціи имѣній и должностей, эта мѣра оказала дѣйствіе: сенаторы

и депутаты явились. Когда имъ предложили присягнуть на вѣрность Польскому королевству, они всячески уклонялись, но въ концѣ концовъ угроза конфискаціи сдѣлала свое дѣло: присяга была принесена и представители новоприсоединенныхъ провинцій, занявъ среди представителей другихъ польскихъ провинцій «издавна принадлежавшія имъ мѣста», какъ выражались Поляки, приняли участіе въ редакціи законоположеній о присоединеніи.

Постановленія эти начались редактироваться еще раньше, они заключали въ себѣ историко-юридическую мотивировку присоединенія, съ полнымъ пренебреженіемъ къ историческимъ фактамъ представляя обѣ провинціи, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, землями издавна принадлежавшими къ Польшѣ, лишь при Казимирѣ Ягайловичѣ насильственно отторженными отъ нея. Съ участіемъ представителей Волыни и Подляшья редакція этихъ законоположеній и оглашавшихъ ихъ инкорпораціонныхъ хартій подверглась различнымъ измѣненіямъ, но историческая мотивировка осталась безъ измѣненій, въ свидѣтельство того, какъ мало придавалось значенія юридической формѣ, разъ рѣшено было ступить на почву насилиственного разрѣшенія вѣковыхъ стремленій польской политики.

¹⁾ Подробиѣ тамъ же, въ гл. 5.

Представителямъ богатой, много-людной аристократической Волыни были оказаны разныя любезности: оставлено на Волыни въ силѣ и на будущее время, дѣйствовавшее въ моментъ присоединенія, право, въ видѣ второй редакціи Литовскаго Статута (получившей вслѣдствіе этого имя «Волынскаго Статута»); сохраненъ въ мѣстномъ дѣлопроизводствѣ и въ сношенніяхъ мѣстныхъ учрежденій (за исключениемъ, однако, городскихъ общинъ) съ центральнымъ правительствомъ—мѣстный официальный языкъ (выработанная канцелярскою практикою вел. кн. Литовскаго макароническая, бѣлорусско-украинско-польско-латинская смѣсь); шляхтѣ—«греческой вѣры» предоставлены одинаковыя права съ католиками, и даны обѣщанія, что православные будутъ назначаться на всѣ должности; мѣстные должности должны были раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ. Это послѣднее обѣщаніе дано было также и Подляшанамъ, въ остальномъ же для этой земли не дѣжалось исключеній, такъ какъ туда уже раньше проникли польские порядки, польское право и польский языкъ, вслѣдствіе колонизации мелкой польской шляхты изъ сосѣдней Мазовіи.

Выступая съ проектомъ присоединенія Волыни и Подляшья, польские политики все таки считались съ возможностью рѣзкаго отпора со стороны Литвы и готовились къ войнѣ. Когда оказалось, что опасенія вооруженного конфликта съ Литвою не имѣютъ основанія, и присоединеніе этихъ двухъ провинцій прошло безъ всякихъ осложненій, успѣхъ возбудилъ новый аппетитъ, и шляхетскіе депутаты, нижняя палата сейма, во-

обще болѣе предпримчивая, чѣмъ палата сенаторовъ, выступила предъ королемъ съ новымъ проектомъ—присоединить къ Польшѣ также восточное Подолье, ускользнувшее изъ польскихъ рукъ въ 1430-хъ годахъ и недавно, въ 1560-хъ гг. сформированное въ особое Браславское воеводство, а заодно и воеводство Киевское. Проектъ присоединенія Браславскаго воеводства казался всѣмъ вполнѣ естественнымъ, въ виду старыхъ прецедентовъ, и былъ принятъ очень сочувственно сенаторами и королемъ. Браславское воеводство было включено въ постановленія о присоединеніи Волыни, какъ бы часть волынскихъ земель (исторически это было несомнѣтельно, такъ какъ Браславщина къ Волыни никогда не принадлежала, но въ XVI в. она дѣйствительно тяготѣла къ Волыни). Браславскимъ сановникамъ, оказавшимся среди волынского магнатства, вѣльно было присягнуть, и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль присоединеніе Браславскаго воеводства стало совершившимся фактомъ, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій.

Наоборотъ, проектъ присоединенія Киевской земли встрѣтился съ сильной оппозиціей въ правящихъ польскихъ кругахъ. Не по юридическимъ мотивамъ—о нихъ никто не думалъ. Но эта чрезвычайно обширная, малонаселенная, подвергавшаяся нападеніямъ Татарь, въ заднѣпровской своей части порубежная съ Московскимъ государствомъ территорія—казалась польскимъ политикамъ и администрации непосильнымъ бременемъ для Польши съ ея чрезвычайно слабой государственной и военной организаціей (какимъ и оказалась для нея

дѣйствительно). Поэтому, большинство сенаторовъ и король приняли проектъ не сочувственно. Но польская шляхта, которой желалось открыть двери въ эти дѣственные, неразобранные просторы, настаивала весьма энергично, и ее поддерживали также и представители новоприсоединенныхъ украинскихъ провинцій, пограничныхъ съ Киевской землей: этимъ послѣднимъ желательно было, что бы присоединение ихъ къ Польшѣ не разрывало связи съ восточными украинскими землями, не создавало средостѣнія между ними и этими послѣдними, а для этого былъ одинъ выходъ—присоединить къ Польшѣ и ихъ. Настоянія шляхетской палаты увѣнчались успѣхомъ: на другой день послѣ присяги браславского воеводства (3 июня 1569) шляхетскимъ депутатамъ удалось склонить на сторону своего проекта многихъ сенаторовъ и самого короля. Послѣдній заявилъ, что рѣшилъ присоединить къ Польшѣ также и Киевскую землю, и приказалъ принести кievскому воеводѣ присягу. Тѣмъ же днемъ была датирована грамота о присоединеніи Киевской земли, которая въ ней также была представлена въ роли издавна принадлежавшей къ Польшѣ провинціи. Для возможно благопріятнаго впечатлѣнія на киевскихъ обывателей имъ были представлены тѣ же права, что и волынскимъ.

Литовские представители, возвратившіеся въ это время на сеймъ, не пошли далѣе жалкихъ словъ по поводу польскихъ захватовъ и октровергнутое польскимъ сеймомъ, точно—коронаю присоединеніе укра-

инскихъ провинцій, поддержанное королевскими приказами и угрозами конфискацій,—стало совершившимся фактомъ.

Польша собрала подъ своею властью почти всѣ украинскія земли. Внѣ ея границъ послѣ 1569 г. остались только: Угорская Русь, украинскіе округа съверной Молдавіи (Буковина), территории средняго Буга и верхней Припяти, земли Брестская и Пинская, составлявшія теперь Брестское воеводство в. кн. Литовскаго, и украинская территорія Черниговской земли. Берестейское воеводство осталось въ составѣ в. кн. Литовскаго; но послѣднее послѣ 1569 г. находилось подъ такимъ сильнымъ воздействиемъ польского правительства, польского права и культуры, что и упомянутая Берестейско-Пинская территорія фактически чувствовала себя такъ же, какъ если бы принадлежала къ Польшѣ. Черниговская земля съ 1503 г. принадлежала Московскому государству; но въ началѣ XVII в., во время Московскаго смутнаго времени, Польша завладѣла этой территоріей и затѣмъ послѣдняя была за ней утверждена, образовавъ особое Черниговское воеводство. Правда, польское владѣніе не продолжалось здѣсь долго, и съ народнымъ движениемъ 1648 г. эта территорія была утрачена для Польши безвозвратно, какъ и все Заднѣпровье. Но все-таки, хотя на время, Польшѣ удалось собрать украинскія земли почти цѣликомъ—кромѣ крайнихъ, указанныхъ выше, юго-западныхъ отрѣзковъ—Угорской Руси и Буковины¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. IV, гл. 5.

А. И. Кунджи.

Украинская ночь.

(Городская галерея П. и С. Третьяковых въ Москвѣ).

Политико-общественный процессъ литовско-польской эпохи. Политический строй.

Вел. кн. Литовское послужило украинскимъ землямъ какъ бы этапомъ въ ихъ переходѣ подъ непосредственную власть Польши, подъ вліяніе ея государственного строя, права и быта. Постепенно, одна за другою, переходили отдельныя украинскія земли въ составъ Польши: Галиція, немного позже земли Белзская и Холмская, полстолѣтіе спустя Западное Подолье, еще позже, послѣ долгаго промежутка— Волынь и Подляшье, Braslavская и Kievская земли. Но хронологіческія даты формального перехода той или другой земли еще не говорятъ намъ всего. Такъ, Подляшье, хотя входило въ составъ в. кн. Литовскаго, въ продолженіе XV в., подвергается весьма сильной иммиграціи польской шляхты и въ связи съ этимъ—очень рѣзкой полонизаціи своего строя и быта, находящей свое выраженіе въ земскихъ привилегіяхъ конца XV и нач. XVI вѣка. Волынь, еще раньше своего присоединенія къ Польшѣ, въ XVI в., подвергается весьма определенному воздействию польского права и культуры—какъ путемъ непосредственного проникновенія польскихъ элементовъ въ населеніе и бытъ края, такъ и чрезъ посредство политического и общественного строя в. кн. Литовскаго. Послѣдній, сформировавшись на основаніяхъ древнерусскаго права, выработанного Kievскимъ государствомъ, со временемъ Кревской уніи модифицировался подъ сильнымъ воздействиемъ права и культуры польской, особенно въ XV и въ XVI вѣкѣ. Такимъ образомъ, подъ воздействиемъ литовскаго права

украинскія земли, входившія въ составъ в. кн. Литовскаго, подвергались также воздействию права польскаго, съ тою лишь разницей, что черезъ фільтръ литовскаго государственного строя эти воздействиа проникали въ болѣе разрѣженныхъ формахъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ они проникали въ земли, входившія непосредственно въ составъ Польскаго государства.

Въ концѣ концовъ, въ составѣ Польши или Литвы, непосредственно или посредственно, въ разное время, въ ускоренныхъ или замедленныхъ формахъ — всѣ украинскія земли въ эти столѣтія проходятъ одинъ и тотъ же процессъ видоизмѣненія старого строя и права, подъ воздействиемъ права и строя польскаго, завершающагося, лишь разновременно, болѣе или менѣе сходными формами. Ту эволюцію, которую западная украинскія земли, вошедши въ составъ Польши еще въ XIV или въ первой половинѣ XV в., пережили тогда же, въ XIV и XV вв.—центральныя украинскія земли: Волынь, Побужье, затѣмъ Braslavская и Kievская—переживаютъ въ продолженіе XVI, а восточные, заднѣпровскія—Черниговскія земли, принадлежавшія въ XVI в. Москвѣ, или Переяславскія, пролежавшія весь XVI вѣкъ впустѣ,—вступаютъ въ сферу этого воздействиа лишь на нѣсколько десятилѣтій XVII вѣка, передъ движениемъ 1648 г. И поэтому мы можемъ въ одной картинѣ обозрѣвать измѣненія, происходившія въ старомъ строѣ и жизни нашихъ земель этой эпохи, оговариваясь лишь настолько,

насколько это необходимо для того, чтобы характеризующія этотъ процессъ черты не сводились къ искусственно упрощенной схемѣ, покрывающей разнообразіе градаций, развивавшееся въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности польскихъ вліяній, большаго или меньшаго значенія задерживающихъ условій и т. под.

Западныя украинскія земли, вошедшия сразу и непосредственно въ составъ Польши, тоже не сразу были перестроены по польскому образцу. И въ нихъ на первыхъ порахъ оставалось довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время называлось «временемъ русскаго права», — *tempus juris ruthenicalis*. Полное же уравненіе этихъ провинцій съ польскими и введеніе польского права было провозглашено лишь въ 1434 г., по смерти Ягайла. Въ в. кн. Литовскомъ систематическая перестройка государственного строя, администраціи и сословныхъ отношеній по польскому образцу производится въ половинѣ XVI в., центральная же украинскія земли окончательно организуются на польскій ладъ и проникаются польскими вліяніями уже послѣ своего непосредственнаго присоединенія къ Польшѣ въ 1569 г.; эта же дата имѣеть рѣшающее значение и для украинскаго Побужья, оставшагося въ составѣ в. кн. Литовскаго, — Берестейскаго воеводства: послѣ 1569 г. оно подпадаетъ со всѣмъ вел. княжествомъ сильнейшимъ вліяніямъ польского законодательства, польского строя и права. Хотя во всѣхъ этихъ земляхъ — на Волыни, въ земляхъ Браславской и Киевской формально было сохранено дѣйствіе старого права, которое, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ (треть-

ей редакціи Литовскаго Статута) оставалось также дѣйствующимъ правомъ для Побужья, какъ провинціи в. кн. Литовскаго, — но его значеніе вскорѣ стало совершенно призрачнымъ при массовомъ движениі польского привилегированнаго элемента въ эти земли и ополяченіи мѣстнаго шляхетскаго быта. Можно сказать, что съ концомъ XVI в. Украина вся, до самого Днѣпра, была организована соответственно польскому праву и польскимъ порядкамъ, а въ первой половинѣ XVII в. порядки эти переходятъ за Днѣпръ, достигая въ своемъ распространеніи почти крайнихъ предѣловъ украинской колонизации на востокѣ.

Въ сферѣ политico-административной этотъ процессъ перестройки характеризуется разложеніемъ старого политico-административнаго строя подъ тяжестью новыхъ надстроекъ, созданныхъ новыми государствами, въ составъ которыхъ входили украинскія земли. Такъ, при присоединеніи западныхъ украинскихъ земель къ Польшѣ, на первыхъ порахъ въ нихъ оставался старый административный строй, только во главѣ его оказывался польскій «староста», намѣстникъ польскаго края. Отдѣльными провинціями и округами правила по старому воеводы, рядомъ съ ними въ качествѣ низшихъ чиновниковъ встрѣчаемъ старыхъ сотскихъ, десятниковъ, тіуновъ; вмѣстѣ съ воеводою засѣдаетъ въ судѣ отдѣльный «судья», и писарь долго еще носить имя «дьяка». Затѣмъ польскіе старости появляются въ провинціальныхъ центрахъ, и представители старой системы, уступивъ имъ мѣсто, становятся все меньшими величинами, низшими агентами: воеводы переходятъ въ начальниковъ небольшихъ сель-

скихъ волостей или замѣстителей старость, назначаемыхъ самими старостами изъ числа ихъ частныхъ служебниковъ, тіуны превращаются въ сельскихъ старость, десятники — въ еще болѣе мелкихъ сельскихъ агентовъ, въ родѣ нынѣшнихъ сельскихъ сотскихъ, и т. под. На развалинахъ старой администраціи съ концомъ XIV в. образуется система старостинскаго управлениія, объединяющаго судебную и административную власть, и наконецъ, въ 1434 г. вводится настоящая польская административная схема, раздѣляющая судъ коронный старостинскій (городскій) отъ выборнаго шляхетскаго (земскаго), земская автономія (шляхетская) и участіе шляхты въ общегосударственномъ представительствѣ, какъ разъ съ половины XV в. начинаящемъ свое развитіе.

Въ вел. кн. Литовскомъ съ его консервативностью въ отношеніи къ старорусскимъ формамъ управления и права, аналогичный процессъ разложенія старорусскихъ политico-административныхъ формъ тянулся несравненно долѣе. На первыхъ порахъ и тутъ, конечно, остается старый строй: во главѣ земли становится князь изъ новой династіи, при немъ дума, состоящая изъ высшихъ чиновъ управлениія, бояръ и низшихъ, служебныхъ или волостныхъ князей; вѣче, какъ органъ управлениія, атрофировалось, очевидно, окончательно въ этотъ переходный періодъ. Въ главныхъ центратахъ земли видимъ воеводъ, болѣе мелкія волости «колею», поочереди держать представители мѣстнаго боярства; иногда эти волости связаны съ разными придворными титулами — конюшаго, рядничаго, поѣздничаго, ловчаго, сокольничаго; держатели

ихъ «судили и рядили» въ теченіе своего срока, отдавая часть сборовъ въ княжью казну и оставляя оставленное въ свою пользу. Въ роли низшихъ, сельскихъ агентовъ, встрѣчаются въ XV и даже XVI в. тіуны, сотскіе, десятники, старцы. Съ паденiemъ крупныхъ княжествъ, чиновники, правившие отдельными волостями, и князья второстепенныхъ княжествъ, переходили въ непосредственную зависимость вел. князя, который назначаетъ въ главнѣйшиe центры цѣлыхъ земель или значительныхъ округовъ своихъ «намѣстниковъ». Съ дальнѣйшимъ развитиемъ этого института, остатки старой административной схемы все болѣе обезцѣниваются, опускаются все ниже, такъ что напр. старые воеводы, гдѣ они уцѣлѣли, опускаются до значенія мелкихъ, подчиненныхъ намѣстникамъ агентовъ.

Система этихъ намѣстничествъ отличается значительною примитивностью: въ рукахъ намѣстниковъ функции административныe перемѣщаются съ судебнymi и финансовыми, съ управлениемъ государственными имуществами; подчиненіе очень слабо развито: начальники большихъ и меньшихъ округовъ, не только намѣстники, а и низшіе рангомъ чиновники завѣдывавшиe какими-либо округами, непосредственно подчиняются велико-княжескому правительству, непосредственно вмѣшивающемуся нерѣдко въ очень мелкіе вопросы мѣстнаго управлениія; латифундіимагнатовъ не подчиняются провинциальной администраціи, а стоятъ тоже въ непосредственной зависимости лишь отъ великаго князя. Дальнѣйшая эволюція этой политico-административной системы заключалась въ томъ, что намѣстникамъ глав-

ныхъ городовъ областей сообщаются, по польскому образцу, новые титулы старостъ и воеводъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяются ихъ прерогативы по отношенію къ представителямъ привилегированныхъ сословій и меньшимъ чиновникамъ, управлявшимъ болѣе мелкими округами и волостями. Такъ, въ теченіе XVI вѣка, создается система (хотя довольно - всетаки нестройная) повѣтовъ, объединенныхъ въ земли, во главѣ которыхъ стояли воеводы или старости, съ извѣстными прерогативами, простирающимися на территорію всей земли, и земскіе сѣѣзы чиновниковъ, князей и пановъ земли, составлявшіе родъ земскаго представительства, съ функциями довольно разнообразными, но никогда ближе не регламентированными. Затѣмъ эта система, значительно приблизившаяся уже къ польскимъ образцамъ, въ теченіе 1550 и 1560-хъ годовъ систематически реформируется по этимъ послѣднимъ, а 1569 г. окончательно довершаетъ уподобленіе украинскихъ земель въ ихъ устройствѣ польскому строю, какъ разъ въ это время, во второй половинѣ XVI в., получившему послѣдніе штрихи, обрисовавшіе его окончательно и затѣмъ для всего интересующаго настъ времени оставшемуся почти безъ перемѣнъ. Не останавливаясь поэтому на разныхъ переходныхъ формахъ первой половины XVI в., 1550—1560-хъ годовъ и т. д., мы вкратцѣ очертимъ ту послѣднюю форму, въ которую отлилось устройство и управление нашихъ земель этого периода.

Земли Польско-Литовскаго государства раздѣляются на воеводства; такихъ воеводствъ на украинскую территорію приходится девять, а именно:

воеводство Русское (Галиція и Холмская земля), Белзское (на границѣ Галиціи и Холмской земли), Подольское, Подляшское, Берестейское, Волынское, Брацлавское, Киевское и — сформированное уже въ 1630-хъ годахъ Черниговское. Во главѣ воеводства стоитъ воевода и одинъ, а иногда и нѣсколько каштеляновъ; должность воеводъ къ этому времени, однако, почти утратила свои административныя функции, и эти чины воеводы и каштеляна имѣли только то значеніе, что съ ними были связаны мѣста въ верхней палатѣ польскаго представительства — въ сенатѣ. Настоящей политико-административной единицей является повѣтъ, или въ западной Украинѣ — земля, служащая непосредственнымъ звеномъ между воеводствомъ и повѣтомъ. Такъ, Русское воеводство состоитъ изъ пяти земель: Львовской, Галицкой, Премышльской, Саноцкой и Холмской. Воеводство Подляшское заключаетъ въ себѣ три земли: Мельницкую, Бѣльскую и Дорогочинскую. Воеводство Белзское, при своихъ небольшихъ размѣрахъ, раздѣляется на три повѣта — Бужскъ, Городло и Грабовецъ. Огромная Волынская земля также на три: Владиміръ, Луцкъ и Кременецъ. Берестейское воеводство имѣло два повѣта: Берестѣ и Пинскъ. Подольское три — Каменецъ, Червононогрдъ и Летичевъ. Брацлавское — два: Брацлавъ и Винницу (третій повѣтъ, Звенигородскій — оставался номинальнымъ). Киевское — три: Киевъ, Овручъ и Житомиръ. Каждый повѣтъ (или земля въ западной Украинѣ) представлялъ единицу шляхетскаго самоуправления. Шляхта на своихъ сеймикахъ замѣщала должностіи мѣстнаго земскаго суда, высылала своихъ депу-

татовъ въ высшій, апелляціонный трибуналъ, выбирала депутатовъ на сеймъ, снабжала ихъ инструкціями и принимала отъ нихъ отчетъ по окончаніи сессіи. Такъ какъ общегосударственный сеймъ и позже оставался какъ бы делегаціей сеймиковъ земскихъ, то послѣдніе продолжали оставаться основнымъ органомъ парламентаризма и съ развитіемъ сейма; имъ принадлежало не только право законодательной ініціативы, но и право окончательного рѣшенія, возбужденныхъ на сеймѣ вопросовъ, если ихъ депутаты оговорили, что окончательное рѣшеніе они переносятъ «до братії».

Органомъ исполнительной власти въ повѣтѣ являлся королевскій староста—единственный провинціальный органъ государственной власти вообще, какой выработался въ концѣ концовъ эволюціею польского государственного строя. Ему принадлежитъ власть полицейская и юрисдикція въ уголовныхъ дѣлахъ; его же юрисдикціі (т. н. гродскаго суда) подлежитъ непривилегированное населеніе повѣта. Отъ настоящаго, т. н. «судового» старости отличаются старости не судовые, управители коронныхъ имѣній, государственныхъ арендъ, носившиє старостинскій титулъ лишь для почета; они обладали лишь обыкновенною доминіальною юрисдикцію, простиравшеюся на крестьянское и всякое другое не-полно-привилегированное населеніе (мѣщанъ непривилегированныхъ городовъ и мѣстечекъ, неполноправную шляхту и пр.); число ихъ постепенно все увеличивалось. Для характеристики украинскихъ отношеній весьма существенно то обстоятельство, что между

тѣмъ, какъ въ западно-украинскихъ провинціяхъ (какъ и въ земляхъ чисто польскихъ) округа старость судовыхъ были сравнительно не велики и гродские суды обнимали сравнительно не большую территорію, въ центральной, и еще болѣе—въ восточной Украинѣ, они встрѣчались все рѣже, обнимали все большую территорію, и власть ихъ для послѣдней становилась все болѣе номинальною. Наконецъ, все Кіевское Поднѣпровье и огромная западнѣпровская территорія составляли округъ одного кіевскаго гродскаго и земскаго суда, и кіевскій воевода (въ Кіевѣ старосты не было) представлялъ собою единственнаго представителя государственной власти, являвшейся здѣсь, конечно, совершенно номинальною. Вся эта территорія была исключена изъ государственной организаціи и жила въ частноправныхъ отношеніяхъ, такъ какъ фактически единственную реальнюю властью для неї оставалась доминіальная власть—помѣщики, владѣльцы духовныхъ имѣній и «державцевъ» коронныхъ имѣній, старость не-судовыхъ, для своей территоріи являющихся носителями также власти доминіальной, частноправной, почти не отличавшейся отъ обыкновенной помѣщичьей¹⁾.

1) Объ организаціи польской и вел. кн. Литовскаго, какъ она отражалась въ украинскихъ земляхъ, подробно въ „Історії України“, т. V, гл. 5. О провинціальномъ управлениі вел. кн. Литовскаго—обширная монографія Любавскаго („Областное дѣление и провинц. управление вел. кн. Литовскаго“), для польского государственного права есть въ русскомъ переводе курсъ Кутебы.

Эволюція общественного строя. Формированіе привилегированаго класса.

Центръ тяжести тѣхъ измѣненій, черезъ которыя переходила украинская жизнь въ этомъ періодѣ, лежить все-таки въ сферѣ эволюціи общественного строя, общественныхъ классовъ. Украинскія земли подвергались воздействиіямъ польского строя какъ разъ въ эпоху, когда окончательно слагался государственный строй самой Польши, въ смыслѣ исключительного господства шляхетскаго сословія, узурпациіи имъ всей власти, подчиненія всѣхъ государственныхъ функций интересамъ шляхетскаго класса. Направляя законодательство, общественное устройство и экономическія отношенія исключительно въ интересахъ своего сословія, этотъ правящій шляхетскій классъ стремится использовать и присоединеніе украинскихъ земель въ своихъ интересахъ; съ другой стороны — перестраиваетъ по польскому образцу строй и жизнь этихъ присоединенныхъ земель.

Рознообразіе общественныхъ классовъ и группъ, съ ихъ многочисленными переходами при отсутствії рѣзкихъ сословныхъ границъ, отличавшее древне-русскій общественный строй, сводится къ двумъ рѣзко отграниченнымъ сословіямъ — привилегированной, всевластной шляхтѣ и безправному, безгласному крестьянству. Самоуправляющаяся земля замѣняется самоуправляющейся шляхетскою кастою. Городъ, бывшій прежде центромъ жизни земли и ея представителемъ, исключается изъ жизни земли и атрофируется, превращенный въ замкнутое, самоуправляющееся государство въ

государствѣ. Управленіе, представительство становятся исключительнымъ удѣломъ привилегированного землевладѣльческаго сословія.

Съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ этого послѣдняго — такой строй не оставлялъ желать ничего лучшаго, и потому перестройка общественныхъ отношеній по польскому образцу находитъ полное сочувствіе и въ верхнихъ слояхъ украинскаго населенія, обѣщая имъ не только чрезвычайное расширение правъ и привилегій по отношенію къ низшимъ, зависимымъ классамъ, но и освобожденіе отъ тяжелой власти администраціи — или по крайней мѣрѣ облегченіе ея. Поэтому даже тамъ, где правительство — какъ польское, такъ и литовское (съ Кревской унії 1385 г.), принципіально стремясь привязать мѣстные привилегированные классы къ Польшѣ расширениемъ и умножениемъ ихъ правъ и привилегій, однако останавливалось на полдорогѣ, въ интересахъ государственного обложения желая сохранить различныя повинности, лежавшія на привилегированныхъ землевладѣльцахъ, — эти послѣдніе, въ своихъ классовыхъ интересахъ, добивались полнаго уравненія съ польскою шляхтою и предоставленія присоединеннымъ провинціямъ формъ самоуправленія, выработанныхъ въ польскихъ земляхъ. Въ земляхъ, даже присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ, правительство не спѣшило вводить сословныхъ отношеній польского права во всей полнотѣ, хотя съ возрастаніемъ здѣсь числа привилегированныхъ польскихъ

колонистовъ и переходомъ въ руки Поляковъ всей высшей администрації, польская практика должна была проникать въ мѣстные порядки и отношения, независимо отъ мѣропріятій правительства. Послѣдне предпочтитало не предоставлять шляхетскаго самоуправления польскаго права, ни уравнивать мѣстныхъ привилегированныхъ классовъ съ шляхтою коренной Польши. Мѣстные землевладѣльцы, безъ различія происхожденія и національности, должны были нести военную службу въ гораздо большихъ размѣрахъ, сравнительно съ польскими землями, и уплачивать различные налоги со своихъ земель, уже послѣ того, какъ польская шляхта освободила себя отъ этого (Кошицкимъ актомъ 1374 г.); привилегированное землевладѣніе въ украинскихъ земляхъ связано было различными ограничениями, аналогичными съ практикою в. кн. Литовскаго и неизвѣстными въ земляхъ польскихъ. Все это очень тяготило мѣстный землевладѣльческій классъ,— не только польскую шляхту, въ большомъ количествѣ переселившуюся сюда изъ польскихъ провинцій,— но и остатки мѣстного украинскаго землевладѣльческаго сословія: съ уравненіемъ съ польскими провинціями они расчитывали освободиться отъ правительственныхъ налоговъ, тяжелыхъ обязанностей военной службы и дискреціонной власти администрації. Поэтому весь мѣстный землевладѣльческій классъ, безъ различія національности, считалъ себя заинтересованнымъ въ возможно полномъ уравненіи этихъ провинцій съ чисто польскими и усердно хлопоталъ въ этомъ направленіи. Ягайло далъ было обѣщаніе въ этомъ смыслѣ, но формально уравненіе украинскихъ про-

винцій съ польскими объявлено было уже по его смерти, его сыномъ королемъ Владиславомъ въ 1434 г. Шляхта этихъ провинцій должна была освободиться отъ всѣхъ мѣстныхъ повинностей, подобно польской ограничиваясь лишь платежомъ ничтожной платы— 2 грошей съ лана (ок. 20 дес.) обработанной земли и «посильнымъ» участіемъ въ походахъ для обороны государства; получала свой выборный судъ, земское самоуправление, участіе въ общегосударственномъ представительствѣ, въ законодательствѣ и вопросахъ обложения. Правда, на практикѣ все это не явилось сразу, и администрація на первыхъ порахъ очень не охотно разставалась съ старыми порядками, но во всякомъ случаѣ XV в. во второй половинѣ вся западная Украина: Галиція, Белзская земля и Подолье организуются вполнѣ на польскій ладъ; мѣстная шляхта усваиваетъ польскіе права и порядки и одновременно съ этимъ, весьма сильно полонизируется— какъ увидимъ ниже.

Для украинскихъ земель, входившихъ въ составъ в. кн. Литовскаго, его общественный строй, точно такъ же, какъ и политико-административный, тоже служилъ посредствующею ступенью къ уподобленію польскимъ образцамъ.

При всемъ своемъ принципіальномъ консерватизмѣ, литовское правительство вноситъ весьма существенные изменения въ земляхъ, непосредственно отъ него зависящихъ, подъ давлениемъ милитаризма. Окруженное соперниками и врагами, само увлеченное захватывающими планами, оно обращаетъ всю энергию внутренней политики на созданіе возможно большей военной силы и, охотно оставляя присоединяе-

мымъ украинскимъ и бѣлорусскимъ землямъ ихъ старый строй, стремится привлечь ихъ населеніе къ возможно дѣятельному и значительному участію въ военныхъ предпріятіяхъ и тяготахъ государства. Основаніемъ военнаго обложенія становится землевладѣніе, и правительство, усиленно организуя и умножая классы привилегированныхъ и военнослужебныхъ землевладѣльцевъ, подвергаетъ землевладѣніе усиленной регламентациіи, въ результатѣ которой всякое землевладѣніе, привилегированное и непривилегированное, получаетъ характеръ ограниченный и условный; создается убѣжденіе, что какъ военно - служебный землевладѣлецъ, такъ и крестьянинъ пользуются землею государственною, подъ условiemъ исправнаго отбыванія связанныхъ съ нею повинностей въ пользу правительства или того лица, которому правительство переуступаетъ права на крестьянскія или иныя повинности взамѣнъ государственной военной службы. Во имя этой послѣдней создаются и развиваются прерогативы привилегированныхъ классовъ и конфискуются права непривилегированныхъ, и затѣмъ подъ вліяніемъ польского права на этой почвѣ выростаютъ всеобъемлющія права шляхетскаго класса и безправіе крестьянскаго.

На первыхъ порахъ общественный строй отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ. Специальная условія в. кн. Литовскаго оживляютъ старый общественный строй, создаются въ немъ новые классы и группы. Изъ пережитковъ старого и новаго (литовскаго) князья и верховъ землевладѣльческаго магнатства формируется верхній, аристократической слой «князей и пановъ», какъ

онъ технически обозначается въ офиціальномъ языкѣ в. кн. Литовскаго. Этотъ аристократическій классъ пользуется не только фактическимъ преобладаніемъ, въ силу огромныхъ экономическихъ средствъ, сосредоточенныхъ въ его рукахъ, и преимуществами, которыми пользовался онъ при замѣщеніи всѣхъ высшихъ должностей, фактически распредѣлявшихся въ тѣсномъ кругу этихъ аристократическихъ фамилій,—но и владѣеть различными юридическими прерогативами въ сферѣ суда и административно-военного устройства. И только съ середини XVI в., начинается рядъ систематическихъ реформъ, въ направленіи отмѣны этихъ прерогативъ, подъ вліяніемъ шляхетскаго демократизма Польши, знавшаго лишь равноправную шляхту (въ теоріи, по крайней мѣрѣ): съ одной стороны — правительство ограничиваетъ прерогативы аристократіи, съ другой — проводитъ рядъ реформъ, поднимавшихъ значеніе низшаго дворянства и уравнивавшихъ его съ аристократіей.

Классъ низшаго дворянства постепенно кристаллизировался изъ сложной системы разнообразныхъ видовъ и группъ военнослужебныхъ, рекрутировавшихся изъ разныхъ общественныхъ классовъ, подъ вліяніемъ стремленій правительства къ созданію возможно многочисленныхъ военнослужебныхъ кадровъ. Рядомъ съ потомками старого боярства, въ концѣ концовъ передавшихъ свое старое имя мелкопомѣстному военнослужебному землевладѣльческому классу (между тѣмъ, какъ болѣе крупные элементы получили название пановъ, земянъ и т. под.), переводились «на боярскую службу» зажиточные мѣщане и кре-

стяне, освобождавшиеся отъ всякихъ другихъ тяглъ, взамѣнъ обязанности являться въ походъ по первому призыву власти. Къ нимъ примыкали категоріи такъ наз. слугъ, низшіе разряды военнослужебныхъ, исправлявшихъ разныя обязанности при замкахъ, разнаго рода ремесленниковъ, также привлекавшихъ къ походамъ, и при этомъ—границы этихъ родовъ служебныхъ были крайне неопределены и допускали свободное движение вверхъ и внизъ по этимъ ступенямъ, сообразно съ честолюбiemъ и ростомъ или уменьшениемъ достатка ихъ представителей, начиная отъ настоящаго крестьянства и кончая боярскою службою.

Изъ этой разнообразной и разношерстной, неотвердѣвшей массы военнослужебныхъ правительство литовское, подъ вліяніемъ уніонныхъ тенденцій, стремилось создать привилегированное сословіе, по образцу польской шляхты. Попытки въ этомъ направлении начались непосредственно послѣ Кревской уніи, но правительству никакъ не удавалось найти подходящаго критерія для того, чтобы изъ этой огромной и разношерстной массы организовать группу достаточно многочисленную, чтобы быть вліятельной, и не слишкомъ большую, чтобы государство не понесло слишкомъ большого ущерба, черезъ ея эманципацію отъ государственныхъ повинностей. Основной принципъ, котораго хотѣло держаться правительство, что привилегіи новаго класса могутъ быть достояніемъ только католиковъ, тоже не удалось провести: возстановить, такимъ образомъ, всю массу православныхъ—оказалось слишкомъ опаснымъ, и Сигизмундъ Кейстутовичъ, стараясь подкопать позицію Свитригайла, провоз-

гласилъ въ 1434 г. равноправность православныхъ князей и бояръ съ католиками. Въ концѣ концовъ, составъ привилегированного сословія опредѣлился фактическимъ отборомъ родовъ и лицъ, за которыми признавалось право на всѣ привилегіи класса, главнымъ образомъ на основаніи давности землевладѣнія и пользованія правами привилегированныхъ. Въ первой половинѣ XVI в. этотъ составъ опредѣлился уже вполнѣ, подъ именемъ «земянъ» или «шляхты», между тѣмъ какъ низшія категоріи военнослужебныхъ—малоземельные, захудавшіе роды, или военнослужебные несшіе, кромѣ военной службы, разныя другія натуральныя повинности, оставшіе въ привилегированного сословія, сохраняютъ старое имя бояръ, получившее съ этихъ поръ значеніе полу-привилегированного служилаго класса.

Привилегіи шляхетскаго сословія въ кн. Литовскаго слагались также по образцу польской шляхты. Земскій привидей 1447 г. изъялъ изъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ крестьянъ шляхетскихъ помѣстій и имѣній и подчинилъ ихъ юрисдикціи помѣщика. Практика XV в., закрѣпленная земскими правителями нач. XVI в., признала за представителями привилегированного сословія важныя прерогативы въ области судопроизводства: право переносить свои тяжбы непосредственно въ судъ в. князя, судиться съ участіемъ членовъ своего сословія, и т. под. Литовскій Статутъ 1529 г. настойчиво проводилъ принципъ юридическихъ преимуществъ шляхты, рассматривая проступки противъ личности шляхтича или его имущества, какъ дѣянія квалифицированныя. Въ новой редакціи Статута,

1566 г., черты специально шляхетского права въ немъ выражены еще рѣзче; имъ ввѣдилось участіе шляхты въ государственномъ представительствѣ и шляхетское мѣстное самоуправлѣніе по образцу Польши.

Такимъ образомъ, къ 1569 г. шляхетское сословіе в. кн. Литовскаго близко подошло уже къ своему образцу—шляхетскому сословію Польши. Присоединеніе центральныхъ украинскихъ земель къ Польшѣ внесло существенные штрихи въ эту картину шляхетскихъ привилегій, освободивъ

шляхетское землевладѣніе отъ связывавшихъ его ограничній, а самую шляхту—отъ военной службы и государственныхъ повинностей, какія за ней еще сохранились. Послѣ того, какъ эти послѣднія сослужили свою службу, какъ обоснованіе шляхетскихъ правъ по отношенію къ шляхетскимъ «подданнымъ», какъ основа самого привилегированнаго положенія шляхетского сословія,—онѣ снимались съ нея теперь, съ этой послѣднею стадіею уподобленія шляхтѣ польского права¹⁾.

Крестьянство.

Эволюція крестьянскаго сословія въ украинскихъ земляхъ литовско-польской эпохи была оборотною стороною прогресса формированія шляхетскаго сословія и его привилегій, такъ какъ, главнымъ образомъ, за счетъ народной массы создавались эти послѣднія.

Въ предшествующихъ столѣтіяхъ, XII-XIII, экономической и общественный процессъ характеризовался, какъ мы видѣли, оскудѣніемъ класса крестьянъ-собственниковъ и развитіемъ за ихъ счетъ, съ одной стороны, категоріи безземельныхъ и несвободныхъ, съ другой—боярского землевладѣнія, распоряжавшагося трудомъ безземельныхъ и несвободныхъ. Затѣмъ, въ XIV-XVI в.—еволюція народныхъ массъ сводится къ такимъ главнейшимъ моментамъ: несвободные постепенно исчезаютъ, переходя преимущественно въ категоріи безземельныхъ, зависимыхъ крестьянъ. Положеніе крестьянъ-собственниковъ понижается до уровня тѣхъ же безземельныхъ, экономически зависимыхъ категорій, путемъ конфи-

скаціи ихъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ, непосредственно въ пользу привилегированнаго землевладѣльческаго класса или посредственно—путемъ конфискаціи въ пользу государства. Одновременно, изъ фискальныхъ мотивовъ, проводится строгая регламентація крестьянскаго землевладѣнія и хозяйственныхъ отношеній, разрушаются старыя формы крестьянскаго хозяйства, низводятся болѣе сложныя экономическія единицы къ минимальнымъ атомамъ, дворамъ-хозяйствамъ, при чёмъ развитіе господскихъ запашекъ все болѣе стѣсняетъ крестьянскіе участки. Наконецъ, усиленіе фольварочного хозяйства приводитъ къ чрезвычайному развитію издѣльной, барщинной повинности, къ необычайной эксплоатациі крестьянской силы, превращающей крестьянина въ фольварочный инвентарь, совершенно поглощенный работой на господскихъ запашкахъ.

¹⁾ Подробнѣе въ т. V, гл. 1. „Історії України“.

Въ украинскихъ земляхъ, непосредственно присоединенныхъ къ Польшѣ, уже въ срединѣ XV в., когда впервые, послѣ долгаго перерыва, получаемъ сколько-нибудь достаточный материалъ для ознакомленія съ общественными отношеніями, — несвободныхъ мы уже почти не находимъ: юридически они не существуютъ, фактически встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключений. Въ земляхъ, входившихъ въ составъ в. кн. Литовскаго, категорія несвободныхъ юридически признается очень долго, но жизнь шла впереди законодательства, и XVI вѣкъ является временемъ вымирания рабства на практикѣ; лишь въ видѣ исключений встрѣчаемъ группы рабовъ («паробки», «челядь», «челядь невольная»), еще въ срединѣ XVI в., въ видѣ дворовыхъ работниковъ на большихъ фольваркахъ, иногда ведущихъ и свое собственное небольшое хозяйство на господской землѣ. Въ это время, при кадастраціи они переводились обыкновенно на крестьянскіе надѣлы, въ категорію тяглыхъ крестьянъ, и Литовскій Статутъ третьей редакціи (1588), отмѣняя всѣ иныя категоріи рабовъ, кромѣ военно-плѣнныхъ, предписываетъ перевести рабовъ всѣхъ прочихъ категорій, равно какъ и дѣтей военно-плѣнныхъ, на тяглые крестьянскіе надѣлы и считать ихъ за крестьянъ-отчичей (крѣпкихъ землѣ). Эти переводы остатковъ несвободнаго населенія въ категорію тяглыхъ крестьянъ ретороспективно освѣщають процессъ вымирания рабства: нѣкогда многочисленный классъ несвободныхъ и полусвободныхъ разныхъ категорій перешелъ въ категорію крестьянъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Слѣды прежняго рабскаго состоянія сохраня-

ются иногда въ специальныхъ ограниченияхъ правъ, иногда въ особыхъ именахъ ихъ (напр. люди каланные, servi illiberi разныхъ наименованій), еще чаще они безслѣдно смѣшиваются съ остальной массой крестьянства.

Этотъ переходъ многочисленнаго класса несвободныхъ въ категорію крестьянъ безземельныхъ, жившихъ на господскихъ земляхъ, отправляютъ рабскими атрибутами своего юридического и экономического положенія эту послѣднюю категорію, а по мѣрѣ того какъ исчезала граница между свободными, экономически независимыми крестьянами — собственниками и крестьянами безземельными, жившими на господскихъ земляхъ, атрибуты несвободнаго и экономически зависимаго состоянія несвободныхъ и безземельныхъ переносятся и на свободныхъ и независимыхъ нѣкогда крестьянъ собственниковъ.

Въ XVI в. это свободное крестьянство сохранилось въ сколько-нибудь чистомъ видѣ только мѣстами, тамъ, где не было усиленной земледѣльческой культуры, господскихъ запашекъ — въ Полѣсьѣ Пинскомъ и Волынскомъ, въ Киевской землѣ и за Днѣпромъ, где существовала осѣдлая колонизация. Повинности его ограничивались данями, очень значительными впрочемъ, издѣльныхъ повинностей не существовало, кромѣ городовой работы, и самое большое — помочей, т. н. голокъ, тамъ где существовали княжьи или господскіе дворы; личные и имущественные права не подвергались особенно значительнымъ ограничениемъ. Тамъ же, где развивалась земледѣльческая культура, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ будетъ рѣчь

ниже,—распространялась и возрастала все больше и больше баршина, «панщина», сводя прежнія категоріи крестьянъ къ одному типу крестьянъ «работныхъ», «тяглыхъ», обремененныхъ работами, прикрепленныхъ къ землѣ и всячески ограниченныхъ въ своихъ правахъ.

Первоначальное ядро этихъ «работныхъ людей» составили бывшіе несвободные, переведенные на крестьянскіе надѣлы и обложенные издѣльными повинностями—постоянною работою при дворѣ помѣщика. Особенно крестьяне малоземельные, сидѣвшіе не на полныхъ надѣлахъ, а на усадебныхъ, съ небольшими участками поля (такъ наз. загородники, огородники, коморники) стоять въ ближайшей типологической связи съ такими «паробками», поселенными на небольшихъ участкахъ господской земли и работающими въ господскомъ дворѣ: ихъ повинности тоже почти исключительно издѣльныя. Но постепенно это обложение издѣльными работами обнимаетъ все болѣе широкіе круги свободного крестьянства. Въ в. кн. Литовскомъ различіе между послѣднимъ и крестьянствомъ безземельнымъ, сидящимъ на помѣщичьей землѣ, стирается широко практикуемой раздачей помѣщикамъ крестьянскихъ земель (собственно—переуступкой государствомъ правъ на крестьянскія повинности военнослужебнымъ лицамъ, взамѣнъ за военную боярскую службу, которую долженъ былъ нести новый владѣлецъ). Вслѣдствіе этого пріемы помѣщичьяго хозяйства, выработавшіеся въ отношеніяхъ къ безземельнымъ и несвободнымъ, съ панщиною и усиленною регламентациею крестьянскихъ отношеній, прилагаются къ свободнымъ крестьянамъ,

отданнымъ имъ взамѣнъ службы, а затѣмъ и къ крестьянамъ, даже не попавшимъ въ частныя руки и оставшимся въ непосредственномъ распоряженіи государства, которое по отношенію къ нимъ въ концѣ концовъ вполнѣ усваиваетъ пріемы и точку зрењія помѣщичьяго хозяйства (такой характеръ имѣетъ инструкція для устройства государственныхъ имѣній, такъ назыв. «Устава на волоки», 1557 г.).

Въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Польши, различіе между разными классами крестьянства было покрыто, съ одной стороны, раздачею земель польской шляхтѣ, съ другой—перенесеніемъ на украинскія отношенія польского сельскаго строя. Этотъ послѣдній сложился на почвѣ перенесенного въ сельскія отношенія Польши т. н. нѣмецкаго или магдебургскаго права, по которому организовались городскія общини. Организованная по этому праву сельскія общини (точно также, какъ городскія) были изъяты изъ власти всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, и функции послѣднихъ переносились на наслѣдственного «войта», управлявшаго общиной, при участіи выборныхъ представителей послѣдней, а всѣ отношенія ея къ государству (или помѣщичьей власти) ограничивались платою «чинша» (census), опредѣленаго организаціонною грамотою. Однако, несмотря на свои, повидимому, либеральныя тенденціи, въ дальнѣйшей своей практикѣ эта перестройка сельскихъ отношеній на принципахъ нѣмецкаго права оказала чрезвычайно неблагопріятное влияніе на положеніе крестьянства: изъятіе общинъ изъ власти правительственныйхъ чиновниковъ привело въ концѣ концовъ къ созданію полной и безконтрольной

власти помѣщика, такъ какъ должно-
сти наслѣдственныхъ войтовъ были
выкуплены помѣщиками или инымъ
образомъ уничтожены, а самоуправ-
леніе общинъ осталось пустымъ зву-
комъ; разрывъ старыхъ традицій, охра-
нявшихъ, до нѣкоторой степени, права
крестьянъ, не былъ вознагражденъ
гарантіями организаціонныхъ грамотъ,
оказавшимися очень слабыми на практикѣ. И помѣщики, и правительство
очень мало считались съ ними, осо-
бенно по отношенію къ сельскимъ
общинамъ, и на практикѣ система
чиншевая, гарантированная грамотами,
съ началомъ XV в. уступаетъ мѣсто
усиленному обложенію панщиной,
распространяющемуся одинаково и въ
селахъ нѣмецкаго права и такъ наз.
«права русскаго», то-есть не органи-
зованныхъ непосредственно по типу
нѣмецкаго права, а подвергавшихся
воздѣйствію той смѣси польскихъ
порядковъ съ формами нѣмецкаго
права, какую выработала практика
Польши и переносила теперь въ укра-
инскія земли.

Параллельно съ этимъ превращеніемъ
крестьянина въ рабочую силу помѣ-
щика и въ значительной зависимости
отъ тѣхъ же экономическихъ факто-
ровъ, которые приводили къ развитію
издѣльныхъ работъ и о которыхъ мы
будемъ говорить ниже, въ связи съ
другими фактами,—развивалось также
ограниченіе личныхъ и имуществен-
ныхъ правъ крестьянъ, доканчивавшее
ихъ обращеніе въ рабочій инвентарь
помѣщичьяго фольварка.

Крестьяне подчиняются полной и
безапелляціонной власти помѣщика,
вполнѣ безконтрольной, свободной
отъ всякаго вмѣшательства государ-
ства. Въ Польшѣ это стало совершив-

шимся фактомъ уже въ XIV в., пут-
емъ частныхъ привилегій, превратив-
шихъ невмѣшательство государствен-
ной власти въ отношенія помѣщика къ
его подданнымъ, въ концѣ концовъ,
въ общее правило, санкционированное
законодательствомъ 1457 г., и почти
одновременно, жалованною грамотою
Казимира 1449 г., оно введено также
въ вел. кн. Литовскомъ. Завершилъ же
изъятіе крестьянина изъ покровитель-
ства закона и власти государства про-
возглашенный въ польской судебнѣй
практикѣ первой пол. XIV в. прин-
ципъ, что государственные суды не
въ правѣ принимать жалобъ крестьянъ
на своего помѣщика, и въ ихъ отно-
шенія не можетъ вмѣшиваться никакая
власть, ниже самъ король. Принципъ
этотъ былъ усвоенъ также практикою
вел. кн. Литовскаго. Право апелляціи
къ государственной власти осталось
только за крестьянами государствен-
ныхъ имуществъ, для которыхъ суще-
ствовалъ специальный судъ при король,
такъ назыв. референдарскій; однако,
судъ этотъ имѣлъ настолько бюрокра-
тическій характеръ, и обращеніе къ нему
для крестьянъ было связано съ та-
кими затрудненіями, что существеннай
пользы его существованіе не прино-
сило даже крестьянамъ болѣе близ-
кихъ къ нему провинцій, а крестьян-
ство польскихъ окраинъ и вовсе имѣ-
ло пользы.

Личная свобода крестьянина, право
свободного передвиженія въ Польшѣ,
гдѣ всякий крестьянинъ считался живу-
щимъ на господской землѣ, подверглось
ограниченіямъ еще въ XIV в., но въ из-
вѣстныхъ границахъ и формахъ все же
допускалось. Въ Галиціи XV в., подъ
вляніемъ усиленной колонизаціи края,
(особенно его юго-восточной части)

мѣстная шляхта допускаетъ выводъ крестьянина изъ одного помѣстья въ другое, по желанію крестьянина, помѣщикомъ того имѣнія, куда крестьянинъ хочетъ перейти, при чемъ его новый помѣщикъ разсчитывается по всѣмъ обязательствамъ его предъ прежнимъ владѣльцемъ; крестьянинъ такимъ образомъ можетъ передвигаться, но все въ той же лишь сферѣ шляхетскихъ имѣній, а выйти изъ послѣдней могъ лишь бѣгствомъ—которое и практикуется очень часто. Затѣмъ, въ концѣ XV в., подъ вліяніемъ усиливающагося спроса на крестьянскій трудъ, право передвиженія ограничивается еще больше, во всей Польшѣ, а такъ же и въ украинскихъ ея провинціяхъ. Если до сихъ поръ ограничивался только выходъ крестьянъ, ведшихъ самостоятельное хозяйство, то теперь эти ограниченія распространяются и на младшихъ членовъ крестьянскихъ семействъ. Наконецъ, сеймовое постановленіе 1505 г. обусловило всякий выходъ крестьянина разрѣшеніемъ помѣщика, то-есть отмѣнило его вовсе. Въ этомъ же направленіи, хотя не путемъ законодательныхъ актовъ, а практики, слагались отношенія и въ вел. кн. Литовскомъ. Уже въ XV в. здѣсь на ряду съ людьми «вольными», «похожими», пользующимися правами свободнаго передвиженія съ движимымъ своимъ имуществомъ, встрѣчаемъ, такъ назыв. «отчичей» или «людей неотходихъ», не имѣющихъ этого права. Несомнѣнно, первоначальнымъ ядромъ послѣднихъ служили несвободные, но это ограниченіе затѣмъ, въ интересахъ служилого землевладѣнія, распространяется и на крестьянъ-своеземцевъ: такъ какъ переходъ ихъ отъ одного помѣщика къ другому создавалъ большія

затрудненія для регламентаціи военно-служилой повинности, то право передвиженія ограничивается; а такъ какъ граница между крестьянами своеzemцами и сидѣвшими на земляхъ господсподскихъ въ это время стирается, то въ концѣ концовъ, закрѣпощаются тѣ и другіе. Давность владѣнія и труда, вложеннаго крестьяниномъ въ его землю, создававшая право крестьянина на землю, послужила критеріемъ закрѣпощенія. Крестьянинъ «отчичъ», то-есть обладатель наслѣдственного участка земли, становится крестьяниномъ «засѣдѣвшимъ» правомъ выхода. Такая подмѣна значенія этого термина выступаетъ съ полною очевидностью уже въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г., не отличающемъ уже «отчича» отъ «челядина» и совершенно не вмѣшивающагося въ его отношенія къ господину.

Подобнымъ же образомъ подошла къ суровымъ нормамъ польского права эволюція правовыхъ отношеній вел. кн. литовскаго и въ вопросѣ о правахъ крестьянина на землю. Польское право очень опредѣленно стояло на точкѣ зреенія, что крестьянинъ лишь пользуется землею господскою или королевскою (княжьею). Если въ практикѣ украинскихъ земель подъ польскимъ владычествомъ за крестьянами сохранялось право распоряженія ихъ землями, то тамъ, где сталкивались интересы владѣльца и крестьянина, право не знало никакихъ колебаний въ интересахъ послѣдняго. Право вел. кн. Литовскаго, подкопавъ понятіе крестьянскихъ правъ на землю присущимъ ему общимъ условнымъ характеромъ землевладѣнія и утративъ изъ виду различие между крестьянами-своеземцами и сидѣвшими на господ-

скихъ земляхъ, постепенно подходитъ къ польскимъ воззрѣніямъ на крестьянское землевладѣніе. Въ документахъ второй пол. XVI в., можетъ быть, не безъ непосредственного вліянія польского права въ своей окончательной формулировкѣ, этотъ новый взглядъ проводится уже съ полной опредѣленностью. «Кметь и вся его маєтность наша есть», заявляетъ велиокняжеский уставъ на волоки 1557 г. Литовскій Статутъ 1566 г. признаетъ за крестьяниномъ только право на движимую собственность, и то съ разными огра-

ниченіями, и допускаетъ продажный сдѣлки на движимость лишь между крестьянами одного и того же владѣльца.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVI в., крестьянство по всей украинской территории старого заселенія, какъ въ сферѣ непосредственнаго дѣйствія польского права, такъ и въ сферѣ права вел. кн. Литовскаго, подверглось суровымъ ограниченіямъ и сведено было къ одному знаменателю польского права¹⁾.

Мѣщане.

Городъ и городская жизнь Украины подъ воздействиіемъ польского строя испытали наиболѣе рѣзкую метаморфозу. Старый украинскій городъ (вообще славянскій) былъ ядромъ земли, самымъ тѣснымъ образомъ связаннымъ съ ея соціальнымъ, политическимъ и экономическимъ строемъ; городъ—это была сама земля. Подъ воздействиіемъ польского режима городъ самымъ рѣзкимъ образомъ исключается изъ земскаго строя и отношеній, превращается въ совершенно изолированный, ничѣмъ не связанный съ общеземскимъ строемъ, ни даже съ другими городами, микрокосмъ, маленькое государство въ государствѣ. Таковъ былъ смыслъ и результатъ преобразованія городовъ по типу нѣмецкаго «магдебургскаго» права, которое принесло съ собою польское господство. Организованная въ формѣ иммунитета, средневѣковая нѣмецкая городская община, специально — община саксонская—послужила образцомъ для организаціи городскихъ общинъ Поль-

ши въ XIII-XIV вв. Одновременно, при послѣднихъ Романовичахъ и Юрии-Болеславѣ—мы встрѣчаемъ отдельные случаи такой организаціи и въ Галицко-Волынскихъ земляхъ. Но съ переходомъ Западной Украины подъ власть Польши начинается полное и систематическое преобразованіе старыхъ городскихъ общинъ и основаніе многочисленныхъ новыхъ городовъ и «городковъ»—«мѣстъ», «мѣстечекъ» по «магдебургскому праву». Отчасти тутъ дѣйствовало то же увлечение нѣмецкими формами, какое заставило преобразовывать по нѣмецкому образцу также и сельскія поселенія, въ виду экономическихъ выгодъ, какое представляли для владѣльцевъ связанные такими формами доходы; но на ряду съ этимъ приводили, несомнѣнно, также и соображенія политического характера, цѣнившія въ городской общинѣ нѣмецкаго права весьма удоб-

1) Подробнѣе въ т. V „Історії України“, гл. 3.

ное средство распространения привилегированныхъ, тѣсно связанныхъ съ новымъ, польскимъ режимомъ ино-племенныхъ колоній, оттеснившихъ на второй планъ и лишавшихъ всякой силы и значенія туземное городское населеніе. Благодаря дружному сотрудничеству въ этомъ направленіи польского правительства и польской аристократіи, получившей здѣсь обширную помѣстья, за вторую половину XIV в. и первыя десятилѣтія XV в., не только всѣ, сколько нибудь значительные городские центры Галиціи были преобразованы по нѣмецкому образцу, но на ряду съ ними появилось множество мелкихъ городскихъ поселеній нѣмецкаго права дѣйствительно заключавшихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительныя нѣмецкія или польско-нѣмецкія колоніи. Затѣмъ, одновременно съ распространениемъ польского владѣнія и польскихъ вліяній—эта организація нѣмецкаго права распространяется въ землѣ Подольской, и постепенно—не такъ сильно и не въ такихъ рѣзкихъ формахъ—также и сосѣднихъ украинскихъ земляхъ вл. кн. Литовскаго: въ Подляшии (уже въ началѣ XV в.), на Волыни (въ XV—XVI в.), еще позже и въ еще болѣе ослабленныхъ формахъ—въ землѣ Киевской и Браславской, главнымъ образомъ уже послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ въ 1569 г.

Первымъ принципомъ городской организаціи по нѣмецкому праву, такъ точно, какъ и сельской, было изъятіе общины изъ власти и юрисдикціи общегосударственной администраціи, равно и юрисдикціи власти владѣльца или его агентовъ. Ихъ полномочія передавались, однако, и здѣсь не органамъ общеннаго самоуправленія, а

наследственному войту, пріобрѣтавшему черезъ пожалованіе или покупавшему это званіе взносомъ извѣстной суммы денегъ. Съ другой стороны, участіе въ самоуправленіи, осуществлявшееся избраніемъ изъ своей среды выборныхъ комиссій—административного совѣта—т. н. «райцевъ» (въ лат. текстахъ *consules*) и судебной коллегіи, т. н. «лавниковъ» (*Scabini*) отнюдь не было достояніемъ всего городского населенія, а только вполноправныхъ гражданъ и фактически очень часто превращалось въ привилегію небольшого кружка мѣщанскихъ фамилій, такъ что члены упомянутыхъ коллегій замѣщали вакантныя мѣста иногда просто черезъ кооптацию. Наконецъ, исключеніе городовъ изъ общей системы администраціи было связано съ полнымъ изолированіемъ города въ общей политической жизни, лишеніемъ участія и вліянія на законодательство, на парламентаризмъ, и очутившись въ совершенно пассивной роли по отношенію къ правящему шляхетскому сословію, города подвергаются цѣлому ряду весьма тяжелыхъ ограниченій, сдѣлавшихъ для нихъ невозможнымъ всякое экономическое развитіе. Разрозненные, не связанные никакой организаціей между собою, они, вопреки буквѣ своего иммунитета, попадаютъ въ самую стѣснительную зависимость отъ администраціи или отъ владѣльцевъ. Въ результатѣ этихъ новыхъ условій—они хронически хирѣютъ и падаютъ, утрачивая свое значеніе культурныхъ центровъ, а жалкіе остатки промысла и торговли, какіе уцѣлѣли въ нихъ, уходятъ изъ рукъ привилегированныхъ польскихъ и нѣмецкихъ элементовъ и попадаютъ въ руки Евреевъ. Какъ элементъ наиболѣе выносливый, по-

слѣдніе несмотря на всѣ направленныя противъ нихъ ограничительныя и запретительныя мѣры, одни сумѣли приспособиться къ невозможнымъ условіямъ городской жизни, созданнымъ польскимъ режимомъ на почвѣ реципиированаго нѣмецкаго права, и придали свой специфический характеръ городской жизни Украины.

Наоборотъ, въ особенно безвыходномъ положеніи оказался въ новыхъ условіяхъ городской жизни элементъ туземный, украинскій. Весьма часто, при посредствѣ введенія магдебургскаго устройства, украинское населеніе исключалось изъ пользованія мѣщанскимъ правомъ, служившимъ удѣломъ только привилегированной колоніи изъ католиковъ Поляковъ, Нѣмцевъ и пр. (таковы, между прочимъ, Витовтовы грамоты на нѣмецкое право для городовъ подляшскихъ и волынскихъ). Независимо отъ этого, даже тамъ, где не было такого принципіального исключенія, принципы нѣмецкаго права создавали цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ ограниченій для украинскаго населенія. Нѣмецкое городское право имѣло своимъ основаніемъ принципъ вѣроисповѣдный, къ участію въ муниципальной жизни допускало только христіанъ, а христіаниномъ, по его понятіямъ, былъ только католикъ, отнюдь не еретикъ или «схизматикъ», Украинецъ или Армянинъ. Представители украинскаго населенія, какъ «схизматики», или вовсе не допускались, или только съ разными ограниченіями, процентными нормами и т. под.—допускались къ участію въ муниципальномъ управлѣніи, къ выборнымъ должностямъ, къ цеховымъ организаціямъ, въ которыхъ сосредоточивалась торговая и промышленная

дѣятельность городского населенія. Такимъ образомъ, украинское населеніе не только отг҃снялось на задній планъ, лишаясь вліянія на жизнь своей общины, но и подвергалось чрезвычайно стѣснительнымъ ограниченіямъ въ томъ, что составляло *raison d'etre* мѣщанской жизни—въ торговлѣ, ремеслахъ и промышленности.

Такъ во Львовѣ, столицѣ Галиціи и наиболѣе значительномъ торГОВО-промышленномъ и культурномъ центре Украины XV-XVI вв., мѣщане-Украинцы не только не допускались ни къ какимъ муниципальнымъ должностямъ, но и были ограничены въ своихъ юридическихъ правахъ: присяга Русина (православнаго) не считается правосильною (въ этомъ, очевидно, лежалъ предлогъ къ исключенію ихъ отъ городскихъ должностей); имъ не позволяютъ публично совершать свои обряды внѣ ихъ специальнаго «русскаго» квартала, и пріобрѣтать недвижимости за предѣлами послѣдняго. Ихъ не принимаютъ въ цехи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и такимъ способомъ устраниютъ отъ занятія ремеслами; не разрѣшаютъ нѣкоторыхъ видовъ торговли (продавать матеріи, бакалейные товары, торговать горячими напитками, держать аптеки); дѣтей ихъ не принимаютъ въ городскія школы и не позволяютъ заниматься *artes liberales*, и т. д. Подобная ограниченія (исключение отъ городскихъ должностей и цеховой организаціи, неправосильность православной присяги и т. под.) извѣстны и въ другомъ выдающемся центре Галиціи — Переышльѣ. Въ столицѣ Подолья Каменцѣ украинское мѣщанство не входило въ составъ привилегированной городской общины (католической) и имѣло от-

дѣльную, не полноправную организацію, и т. под.

Всѣ эти ограниченія, конечно, весьма болѣо отзывались на положеніи украинскаго мѣщанства, вызывали жалобы съ его стороны, попытки противодѣйствія, и при недостаткѣ поддержки со стороны правительства—пробы организаціи и національной самообороны. Въ

тѣсныхъ стѣнахъ города, при постоянномъ общеніи съ привилегированными притѣснителями и постоянныхъ встрѣчахъ со всякаго рода ограниченіями—національная борьба была неизбѣжна, и несмотря на приниженнное положеніе украинскаго мѣщанства, города послужили первыми очагами организованной борьбы за національныя права ¹⁾.

Ц е р к о в ь.

Мѣщанскоѣ право были далеко не единственої сферою, гдѣ принадлежность къ украинской православной конфессіи являлась препятствиемъ къ обладанію всей полнотой гражданскихъ правъ. Она служила также немалымъ препятствиемъ для участія православной шляхты въ земскомъ самоуправлениі, для занятія высшихъ государственныхъ должностей, даже въ в. кн. Литовскомъ, не говоря уже о Польшѣ. Вся культурная украинская (и точно также бѣлорусская) жизнь, базировавшаяся по старой традиціи на церковномъ, русско-византійскомъ основаніи, въ рамкахъ новой государственной жизни, окрашенной ярко конфессиональной католической окраской, оказалась въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: православная церковь, привыкшая къ положенію церкви государственной, усиленно покровительствуемой въ условіяхъ предшествующей эпохи, очутилась теперь въ положеніи едва терпимаго или даже преслѣдуемаго исповѣданія. А такъ было, опять-таки, не только въ Польшѣ, но и въ вел. кн. Литовскомъ, несмотря на то, что послѣднее въ большинствѣ состояло изъ православныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земель.

Ища помоши у папской куріи въ своей борьбѣ съ литовскими князьями за Галицко-Волынскія земли, король Казиміръ Вел. подаваль надежду папѣ, что, съ завоеваніемъ ихъ, тамъ можетъ быть организована цѣлая католическая митрополія, и утвердившись, въ концѣ концовъ, въ Галиціи, онъ, очевидно, разсчитывалъ безъ большого труда превратить здѣшнія православныя епархіи въ католическія, замѣстивъ каѳедры католическими прелатами. Полное разстройство, въ какое пришла церковная жизнь Галиціи въ эпоху сорокалѣтней борьбы за Галицко-Волынскія земли, поддерживало эту надежду въ католическихъ кругахъ; но настоящія православнаго галицкаго боярства, требовавшаго возстановленія православной іерархіи, въ концѣ концовъ, заставили Казиміра отказаться отъ этого плана и ходатайствовать у патріарха о возобновленіи галицкой митрополіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ возникнуть вопросъ о созданіи системы католическихъ епархій, параллельной съ православною, для этихъ украинскихъ земель, которыя должны были послужить пріобрѣтеніемъ не только

1) Подробнѣе въ V т. „Історії України“, гл. 4 и 5.

католической государственности, но и католической церкви. При преемникахъ Казимира—кор. Людовикѣ и Владиславѣ польскомъ, затѣмъ, при Ягайлѣ—дѣйствительно созданъ былъ рядъ католическихъ епархій въ западной Украинѣ, входившей въ составъ Польши или въ кругъ польскихъ интересовъ: явились каѳедры во Львовѣ, Перемышлѣ, Холмѣ, Каменцѣ и Луцкѣ, и организованная такимъ образомъ католическая церковь и ея духовенство заняли привилегированное положение въ этихъ земляхъ, между тѣмъ, какъ православной церкви пришлось перенести цѣлый рядъ весьма существенныхъ ограничений и унижений. Была въ томъ вина, впрочемъ, и самой православной іерархіи: митрополиты кievскіе, стремясь упразднить галицкую митрополію, разными происками добивались того, что галицкая каѳедра, начиная съ конца XIV в., весьма долгое время оставалась незамѣщенной, находясь въ личномъ распоряженіи кievскихъ митрополитовъ. Послѣдніе, проживая въ это время въ земляхъ великорусскихъ, управляли галицкою епархіею черезъ своихъ намѣстниковъ, и въ концѣ концовъ это привело здѣшнюю церковную жизнь въ полное разстройство, дало возможность захватить различные функции епархиального управления польской администраціи, и католические архіепископы присвоили право назначать намѣстниковъ для управления галицкою епархіею, самовластно распоряжались въ ней, и т. под.

Правительство в. кн. Литовскаго до унії съ Польшею относилось къ православной церкви, въ общемъ, благопріятно. Князья литовской династіи и представители литовскихъ родовъ, правившие украинскими и бѣлорусскими

землями, весьма часто, принимая православную вѣру, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ—князей изъ кievской династіи, снискавая репутацію покровителей и благодетелей православной церкви, ея епархій и монастырей. Но съ уніїей 1385 г., и Ягайло, попавшій подъ вліяніе краковскаго двора, и Витовтъ, весьма дорожившій репутацией горячаго католика, начинаютъ усиленно покровительствовать католической церкви, основывая католическія епархіи въ украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ земляхъ, надѣляя ихъ своими пожалованіями, и различныя общественные привилегіи, какъ мы уже знаемъ—предназначаютъ исключительно для лицъ исповѣдующихъ католичество. Вмѣстѣ съ тѣмъ всячески воздѣйствуютъ на представителей православной іерархіи, понуждая ихъ къ соединенію съ католическою церковью и къ подчиненію папѣ. Первая попытка въ этомъ направленіи извѣстна намъ въ 1390-хъ гг., когда Ягайло, пользуясь свиданіемъ съ митрополитомъ Кипріаномъ, совѣщался съ нимъ о способахъ соединенія православной церкви съ католической, и Кипріанъ взялся ходатайствовать предъ патріархомъ о созывѣ специального синода для сего осуществленія. Затѣмъ, позже, во время соборовъ Констанцкаго, Базельскаго, Флорентійскаго, правительство литовское и польское не перестаетъ добиваться отъ своихъ митрополитовъ, чтобы они принимали участіе въ этихъ соборахъ и установили свою связь съ римскою церковью. Такія же воздѣйствія повторяются затѣмъ въ 1460-70 и 1490-хъ годахъ, пока московское правительство въ своемъ соперничествѣ съ в. кн. Литовскимъ не воспользовалось этими давленіями

литовского правительства на православную юрисдикцию, какъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія отношенія в. кн. Литовскаго, и литовское правительство, испуганное послѣдствіями этихъ вмѣшательствъ, со второго десятилѣтія XVI в.. надолго оставило въ покое православную церковь и ея юрисдикцию.

До этого момента различныя ограниченія, которыми было обставлено православное исповѣданіе въ Польшѣ и вел. кн. Литовскомъ, играли роль извѣстнаго понужденія для православныхъ къ соединенію съ римской церковью, по принципу «понудить войти», *impelle intrare*. Соединеніе обѣщало православной юрисдикціи уравненіе въ правахъ съ католическою, духовенству и мірянамъ—равноправіе съ католиками, котораго они были лишены. Православные епископы не пользовались политическими правами, не входили въ составъ польскаго сената и рады вел. кн. Литовскаго, какъ католические. Православное духовенство облагалось податями, которыхъ не знали духовные католические. Православный культъ подвергался разнаго рода ограничениямъ. Считалось недозволеннымъ, даже съ разрѣшнія правительства, строить новыя православныя церкви (хотя въ дѣйствительности этотъ принципъ не соблюдался). Православными церковными должностями правительство распоряжалось самыемъ без-

церемоннымъ образомъ, совершенно произвольно раздавая ихъ за денежныя «челобитья», совершенно не считаясь съ интересами церкви и качествами кандидатовъ. Все это и многія другія невзгоды, самымъ печальнымъ образомъ отражались на положеніи православной церкви и должны были вызывать самый серьезный отпоръ со стороны православной юрисдикціи. Послѣдня, однако, проявляла въ этомъ отношеніи странную пассивность и дезорганизацію. Она не умѣла найти ни въ себѣ, ни въ православномъ обществѣ точки опоры и проявляла по большей части полную растерянность.

Въ значительной степени въ этомъ сказывались послѣдствія права патрона, которое присвоило себѣ польско-литовское правительство по отношенію къ православной церкви. Представители православной юрисдикціи, получившіе свои должности отъ короля и вел. кн. князя, чувствовали себя вполнѣ зависимыми отъ послѣдняго; при томъ на эти должности весьма часто попадали люди весьма далекіе собственно отъ всякихъ церковныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого православная церковь постепенно приходила все въ большее разстройство, и ея возрожденiemъ принуждены были заняться сами православные міряне, въ виду полной пассивности и дезорганизованности юрисдикціи¹⁾.

П р а в о .

Въ области права наблюдаемъ ту же картину, какъ и въ сферѣ соціального процесса и въ области политico-административного строя. Подобно тому, какъ въ этой послѣдней надъ нор-

мами и формами старого строя появляется новая надстройка, созданная

1) Подробнѣе въ V т. „Історії України“, гл. 4 и 6, с. 261—287 и 385—539.

новымъ режимомъ, и, постепенно развиваясь, своею тяжестью втаптываетъ все глубже и глубже эти старыя формы, частью разрушая ихъ, частью понижая все далѣе и далѣе по степенямъ іерархической лѣстницѣ—аналогичекій процессъ видимъ и въ области дѣйствующаго права. Нормы мѣстнаго права, создавшіяся въ предшествующую эпоху подъ вліяніями кіевскими, постепенно вытѣсняются изъ сферы высшихъ судебныхъ и административныхъ инстанцій, задерживаются дольше въ низшихъ и въ единственной автономной (при всѣхъ понесенныхъ ограниченіяхъ) сферѣ украинской жизни—церковной. И при этомъ, опять-таки, процессъ, который въ западныхъ украинскихъ провинціяхъ, подпавшихъ подъ непосредственное воздействиѣ польского права, развивается и завершается въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, въ земляхъ, входившихъ въ составъ вел. кн. Литовскаго, растягивается на полтѣра-два столѣтія и получаетъ свое окончательное завершеніе лишь послѣ 1569 г.

Мы видѣли уже, что въ украинскихъ провинціяхъ Польши періодъ времени, протекшій отъ оккупациіи и до формального введенія польскихъ учрежденій и польского права въ 1434 г., рассматривался ретроспективно, какъ «время русскаго права», *tempus iuris ruthenicalis*. Въ это время, какъ знаемъ уже, существовали еще остатки старыхъ учрежденій, старыя должности и до нашего времени сохранилось небольшое число документовъ—не только частныхъ контрактовъ, но и официальныхъ, вышедшихъ отъ представителей новой администраціи, писанныхъ дьяками и писарями «русскими», старымъ мѣст-

нымъ языкомъ дѣлопроизводства ¹⁾. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что старыя юридическія формы и правовыя понятія жили въ сознаніи мѣстнаго населенія и черезъ мѣстныхъ писарей и разныхъ низшихъ агентовъ, несшихъ службу при новыхъ представителяхъ администраціи, они проходили и сохранялись въ практикѣ этихъ послѣднихъ (къ сожалѣнію болѣе тщательнаго юридического анализа съ этой точки зрѣнія помянутые документы до сихъ поръ еще не доѣждались). Но съ другой стороны, огромная масса сохранившихся отъ этого времени документовъ, составленныхъ по формамъ польского права, показываетъ совершенно очевидно, что уже съ самаго начала польской оккупациіи, гораздо раньше окончательного введенія польского права, это послѣднее вытѣсняло туземное право изъ юридической практики, и съ середины XV в., послѣднее могло сохраниться лишь въ слабыхъ остаткахъ и пережиткахъ, въ видѣ обычнаго права въ практикѣ сельской или мелкихъ городскихъ поселеній, гдѣ и позже еще держалась традиція старыхъ юридическихъ формъ, какъ показываютъ сельскіе контракты, нач. XVI в., наиболѣе далекой и ополяченной галицкой окраины Саноцкой земли ²⁾). Какихъ-либо мѣстныхъ за-

¹⁾ Значительная часть этихъ документовъ, сохранившихся въ подлинникахъ, издана въ фототипическихъ снимкахъ въ сборникѣ Пташицкаго и Соболевскаго. Палеографические снимки русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в., 1903. Старый сборникъ Головацкаго: Памятники дипломатического и судебнo-дѣлового языка (Львовъ 1867). О статистикѣ этихъ документовъ см. „Історію України“ т. V, с. 311.

²⁾ Изданы мной въ 50 т. „Записок Наук. тов. ім. Шевченка“.

писей или опытовъ кодификації старого туземнаго права—намъ неизвѣстно, и слѣдовъ ихъ не встрѣчается.

Иное отношеніе со стороны новаго правительства встрѣтило мѣстное право (базировавшееся на старомъ киевскомъ правѣ) земель бѣлорусскихъ и украинскихъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго государства. Мы знаемъ, что руководящимъ принципомъ политики литовскаго правительства было соблюденіе «старины» въ строѣ и правѣ, и соответственно этому мѣстное право должно было сохранить свою силу и подъ управлениемъ литовскихъ династовъ и намѣстниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе и не могли, даже при желаніи, противостоять ему какую нибудь иную, болѣе близкую для себя кодификацію, такъ какъ Литовское государство не располагало своею собственою кодификациею: за отсутствіемъ ея, право Русской Правды литовской администрацией проводилось въ жизнь и практику даже чисто литовскихъ земель. Несомнѣнно, что Русская Правда была хорошо извѣстна въ судебнно-административной практикѣ вел. кн. Литовскаго и сохраняла свой авторитетъ, какъ старѣйшая кодификація «стародавняго обычая», который долженъ былъ служить основаніемъ судебной практики. Хотя въ нашемъ распоряженіи нѣтъ списковъ Русской Правды изъ литовскихъ провинцій со слѣдами употребленія въ судебной практикѣ этой эпохи, но сравненіе памятниковъ литовскаго законодательства XV—XVI вв., уставныхъ грамотъ, Судебника в. кн. Казимира и Литовскаго Статута первой редакціи (1529 г.) не оставляетъ сомнѣнія, что составители ихъ не исходили отъ обычного права

практики, но и имѣли передъ глазами списки Русской Правды и черпали изъ нея непосредственно: формальное сходство различныхъ постановленій указываютъ на это вполнѣ определенно.

Судебникъ Казимира, составленный, какъ значится на одномъ изъ его списковъ, въ 1468 г., по выводамъ изслѣдователей, занимавшимся имъ, являетъ «самое близкое родство съ «Русской Правдой»¹⁾). Различия нормы ея, вошедшия въ мѣстную юридическую практику, встрѣчаемъ затѣмъ въ уставныхъ грамотахъ, выдававшихся и подтверждавшихся разновременно въ продолженіе XVI в. (Нужно, впрочемъ, оговориться, что уставные грамоты украинскихъ земель стоять дальше отъ этой старой юридической традиціи: не говоря уже о привилеяхъ для земель Подляшскихъ, вслѣдствіе иммиграціи многочисленной мазовецкой шляхты въ эти области вполнѣ подпавшихъ уже вліяніямъ польского права, волынскій и киевскій привилеи занимаются больше гарантіями правъ мѣстнаго привилегированнаго класса и базируются на шляхетскихъ привилеяхъ вел. кн. Литовскаго болѣе, чѣмъ на старомъ мѣстномъ правѣ).

Первый Литовскій Статутъ, составленный въ 1520-хъ гг., кромѣ Судебника и уставныхъ грамотъ, также, несомнѣнно, во многомъ стоять въ непосредственной зависимости отъ Русской Правды и отъ судебнной практики, выросшей на ея основаніи, въ особенности сѣверныхъ, бѣлорусскихъ

¹⁾ Отзывы Леоновича, Владимира Буданова, Максимейка; ближайшему обслѣдованію этотъ памятникъ, однако, не повергался.

земель, подъ ближайшимъ вліяніемъ которыхъ стояла судебная и административная практика вел. кн. Литовскаго. На ряду съ положеніями, носящими на себѣ яркую печать вліянія старорусскихъ нормъ, въ Л. Статутѣ встрѣчаемъ вполнѣ опредѣленныя вліянія также и польскихъ кодификацій XIV—XV вв. и отдѣльныхъ законовъ конца XV и начала XVI в., а также и нѣмецкаго права, воздѣйствовавшаго чрезъ посредство саксонскихъ кодификацій, примѣнявшихся въ городскихъ судахъ магдебургскаго права. Но въ первой редакціи Л. Статута эти послѣднія (нѣмецкія) вліянія сказываются еще въ довольно слабой степени; пользуясь ими, кодификаторы склонны все-таки считать основнымъ источникомъ обычное право, опиравшееся на старомъ юридическомъ преданіи (Русск. Правды): въ случаѣ отсутствія нужныхъ указаний въ Статутѣ, послѣдній поручаетъ судьямъ рѣшать дѣло «водлугъ стародавняго обычая» (Разд. I). Подъ гораздо болѣе сильнымъ воздѣйствіемъ сборниковъ нѣмецкаго права (въ передѣлкахъ польскихъ юристовъ первой половины XVI в., предназначенныхъ для употребленія въ городскихъ судахъ), равно какъ и права польского стоитъ второй Литовскій Статутъ, законченный въ 1566 г. Впрочемъ, наиболѣе существенную сторону его составляла систематизація законодательныхъ актовъ средины XVI в., послѣдовательно перестраивавшихъ судебную и административную организацію вел. кн. Литовскаго по образцу польской. На ряду съ ними старая судебная и административная практика, а черезъ посредство послѣдней—«стародавній обычай» белорусскихъ и украинскихъ земель также послужилъ

источникомъ дополненій и измѣненій второй редакціи Статута. Несмотря на тѣ глубокія измѣненія, какимъ подвергались нормы старого права въ этой и еще болѣе—въ послѣдующей, третьей редакціи Статута 1588 г., подъ вліяніемъ польского шляхетскаго права, элементъ старорусскаго права простирается въ нихъ еще сильно и ярко. Но воспользовавшись имъ изъ источниковъ обычного права очень обильно, они на будущее время преграждаются уже ему доступъ въ судебнную практику: въ случаѣ отсутствія опредѣленій въ Статутѣ, судьямъ поручается обращаться, какъ къ субсидіарнымъ источникамъ, къ постановленіямъ «иншихъ правъ христіанскихъ» (Ст. 1588, р. IV. 54), т. е. къ праву католическихъ государствъ—такимъ близкайшимъ образомъ могло служить право каноническое, римское, польское и городское магдебургское; о стародавнемъ обычай уже нѣтъ рѣчи.

Войдя, такимъ образомъ, при посредствѣ Литовскаго Статута, въ практику новыхъ судовъ, старое право имѣло шансы утвердиться въ судебнной практикѣ центральной и восточной Украины, такъ какъ при присоединеніи украинскихъ земель къ Польши въ 1569 г. Литовскій Статутъ второй редакціи (1566) остался дѣйствующимъ правомъ Волыни и сосѣднихъ украинскихъ земель, и для нихъ былъ учрежденъ особый высшій трибуналъ въ Луцкѣ, представлявшій высшую апелляціонную инстанцію для мѣстныхъ судовъ, по образцу трибуналовъ коронныхъ и вел. кн. Литовскаго; въ немъ должны были заходить делегаты мѣстной шляхты. Трибуналъ этотъ, однако, очень скоро прекратилъ свое существованіе, укра-

инскія земли были подчинены трибуналу коронному, и это очень неблагоприятно отозвалось на судьбѣ мѣстнаго права; тѣмъ не менѣе Литовскій Статутъ въ своихъ послѣднихъ редакціяхъ (не различавшихся особенно

строго) въ мѣстныхъ судахъ продолжалъ примѣняться очень долго, и при его посредствѣ—традиція стараго права не прерывалась въ судебной практикѣ центральной и восточной Украины въ XVII и даже XVIII в.¹⁾.

К у л ь т у р а .

Эпоха польско-литовской оккупации совпала съ внутреннимъ кризисомъ въ культурной жизни Украины, затяжнымъ и тяжелымъ. Старые источники, питавшіе ее въ эпоху расцвѣта киевской жизни, византійско-славянскіе, оскудѣвали самыи очевидныи образомъ. Колонизаціонная пертурбациія, подорвавшія сношенія съ черноморскимъ побережьемъ, ослабили сношенія съ Византіей и задунайскими землями, съ другой стороны—высыхаль самъ первоисточникъ византійской культуры. Разгромъ Византійской имперіи крестоносцами въ началѣ XIII в. произвелъ потрясенія, слѣды котораго не были изглажены и съ ее возстановленіемъ. Возстановленная имперія была только слабой тѣнью старой, и ея культурное значеніе для Украины было совсѣмъ невелико. При томъ нашъ старый культурный центръ, Кіевъ, терялъ значеніе, лишенный княжьяго двора, покинутый митрополитомъ. Центръ тяжести политической жизни передвигался на западъ, въ Галицію, и новые политические связи и интересы все тѣснѣе втягивали ее въ кругъ политической, а съ нею—и культурной жизни Запада, нѣмецко-италіанской культуры. Мы отмѣтили выше слѣды этого общенія и этихъ вліяній, обнаруживающихъ въ скудныхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени остат-

кахъ галицко-волынской жизни XIII—XIV вв. Но новыи теченія не успѣли кристаллизоваться. На смѣну Кіева не создалось новаго культурнаго центра, въ которомъ бы новыи теченія имѣли возможность отлиться въ новыи формы и развиться сильно и ярко. Новая династія не умѣетъ отыскать себѣ подходящаго центра, новой столицы. Даниилъ бросаетъ Галичъ, пробуетъ основаться въ Холмѣ. Владиміръ Волынскій постепенно теряетъ свое значеніе; впрочемъ, кіевскіе книжники, переселившіеся сюда въ первой половинѣ XIII, воспитавшись на старыхъ византійскихъ традиціяхъ, и не въ состояніи были попасть въ тонъ новымъ потребностямъ жизни, новому западному курсу культурныхъ интересовъ. Начинаетъ выдвигаться Львовъ со своими западными колоніями, уже вполнѣ проникнутый, несомнѣнно, западнымъ духомъ, но его центральная роль еще впереди—уже въ эпоху оккупациіи.

1) Упомянутые здѣсь вопросы все еще не обработаны достаточно полно.—См. Ясинскаго—Уставныи Земскія Грамоты вел. кн. Литовскаго, 1889. Леонтовича—Источники русско-литовскаго права, 1894. Максимейко—Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, 1894. Христоматія по исторіи русск. права В.-Буданова кн. II. Тоже Исторія України т. V, гл. I. См. ниже, о правѣ Гетманщины.

Это отсутствие определенного политического центра, а также колебания, которые переживалъ вопросъ о самостоятельной галицкой митрополії— затрудняло образование центра культурного, въ которомъ могли бы кристаллизоваться новыя, западныя теченія на мѣстной украинской основѣ.

Культурная жизнь, такимъ образомъ, не вышла изъ стадіи броженія, исканія, когда надъ ней разразилась катастрофа польской оккупации Галиції—той именно украинской области, которая предшествующимъ процессомъ была поставлена во главѣ политической и культурной жизни Украины. Исчезаетъ национальная государственная жизнь, исчезаетъ дворъ и династія; въ полное разстройство приходитъ церковная жизнь, ея высшая іерархическая формы; сильнѣйшая потрясенія испытываетъ мѣстная боярская аристократія, оттѣсняется совершенно на задній планъ городское украинское населеніе—всѣ тѣ элементы и силы, на которыхъ опирались культурные процессы. Украинская культурная жизнь неизбѣжно ослабѣваетъ и, кромѣ того,—останавливается на дорогѣ своего развитія. Она не располагаетъ въ новыхъ условіяхъ, силами достаточными для того, чтобы завершить тотъ культурный процессъ, въ какомъ захватила ее оккупация— сочетать старыя кievскія традиціи съ новыми, западными теченіями. Съ другой стороны, западная культура нараждается новымъ правительствомъ насилиственными мѣрами и противоставляется, какъ государственная польская—византійско - украинской. Силою национальной реакціи византійскія традиціи принимаются украинскимъ обществомъ, какъ свой на-

ціональный атрибутъ, и национальная энергія, отступивъ отъ той культурной проблемы, какую выдвинули условія ея предшествующей жизни и которая дѣйствительно являлась необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго движенія,—обращается на консервированіе элементовъ русско-византійской культурной традиціи. Вопреки требованіямъ жизни, византизмъ дѣлается национальнымъ знаменемъ. При посредствѣ церковныхъ и каноническихъ сношеній съ Константинополемъ, съ различными греческими и славянскими монастырями (въ особенности Аѳонской горы) продолжается накопленіе переводной церковной литературы, появляется цѣлый рядъ отеческихъ писаній, произведеній аскетической книжности, неизвѣстныхъ намъ въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Равнымъ образомъ, удовлетворяя, главнымъ образомъ, потребностямъ православнаго культа, и вообще въ тѣсной связи съ церковною жизнью, поддерживаются старыя традиціи русско-византійскаго искусства и подчовляются тѣми же сношеніями съ балканскими землями. Сохранившіеся каталоги библіотекъ XVI в. (особенно интересна въ этомъ отношеніи опись библіотеки Супрасльского монастыря) обнаруживаютъ весьма солидный запасъ книжной литературы, находившейся въ распоряженіи современного украинскаго и белорусскаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о крайней односторонности этой книжности и ея неспособности отвѣтить на жизненные запросы современности. Предъ нами безконечными рядами проходятъ церковныя и богослужебныя книги, толкованія св. писанія, сборники проповѣдей и нази-

дательныхъ чтеній—учительныя евангелія, прологи и мицне, произведенія греческихъ отцовъ, и на ряду съ ними лишь нѣкоторыя, исключительныя, лишь наиболѣе популярныя произведенія оригинальной литературы, въ родѣ Печерскаго Патерика,—самаго популярнаго произведенія, продолжавшаго усердно перерабатываться и дополняться въ продолженіе этихъ столѣтій, или хожденія игумена Даніила, да нѣсколько лѣтописныхъ и хронографическихъ сборниковъ.

Все это давало все меньше и меньше современненному украинскому интеллигенту, котораго новыя условія жизни влекли совершенно въ иномъ направлениі. Несоответствіе, несомнѣнно, сознавалось, и симптомомъ такого сознанія является слабость и бѣдность оригинального творчества этой эпохи. Въ особенности, если оставить въ сторонѣ разныхъ чужеземныхъ по происхожденію іерарховъ, изъ Грековъ и Славянъ, обновлявшихъ своими произведеніями мѣстный литературный запасъ (какъ Кипріанъ, Цамблакъ, Фотій), эти вѣка XIV—XVI по сравненіи съ предыдущими поражаютъ своей непродуктивностью. Объяснить эту разницу одними пробѣлами въ сохранившемся книжномъ запасѣ (несомнѣнно также значительными) никакъ не возможно; несомнѣнно, предъ нами настоящій застой въ книжномъ творчествѣ. Компіляторская работа надъ старымъ, церковно-учительскимъ материаломъ, составленіе изъ него разныхъ сборниковъ, которые становятся извѣстными въ это время, въ родѣ Измарагдовъ, Златыхъ цѣпей и т. под., учительныхъ евангелій, многочисленныхъ редакцій кіевскаго Патерика, сборниковъ старой по-

лемической литературы — и наряду съ этимъ чрезвычайно мало нового, вполнѣ оригинального, и вѣ историческихъ записокъ, къ тому же преимущественно связанныхъ съ землями бѣлорусскими, а не украинскими (циклъ литовскихъ лѣтописей, супрасльская лѣтопись и др.)—почти ничего замѣтнаго, интереснаго. Такое убожество бросается въ глаза тѣмъ болѣе, что въ литературныхъ средствахъ и силахъ, очевидно, не было недостатка. Школа, хотя бы низшая, въ теченіе этихъ столѣтій, стала явленіемъ общимъ, широко распространеннымъ, грамотность и начитанность, повидимому, распространялись и увеличивались. Разнаго рода официальные акты, сохранившіеся отъ этого времени, нерѣдко обнаруживаютъ недурную литературную сноровку, начитанность, литературную и риторическую опытность. Съ этой стороны, люди XV—XVI вв. стояли не ниже, а очень часто—гораздо выше людей XI—XII вв., при весьма скучныхъ литературныхъ средствахъ обнаруживавшихъ гораздо большую производительность. Представители новаго, переходнаго времени, церковные круги, хранившіе литературную традицію, очевидно, потеряли вообще энергию инициативы и, отодвинутые отъ всякаго участія въ политической и общественной дѣятельности новымъ режимомъ, не чувствуя твердой почвы подъ ногами, замыкались въ своего рода консервативной дѣятельности. Старались возможно тщательно поддерживать старую церковную традицію, въ возможной чистотѣ и полнотѣ сохранять старыя пріобрѣтенія книжности и литературы, охраняя ее отъ новыхъ вліяній (произведенія западно-европейской лите-

ратуры въ книжномъ запасѣ этой эпохи весьма малочисленны); старались отстоять материальныя средства, оставшіяся въ распоряженіи православной церкви, ея самостоятельную связь съ константинопольскимъ патриархатомъ, ея юрисдикцію и права. Но эту консервирующую дѣятельность старались осуществлять возможно тихо и незамѣтно, не раздражая противной стороны и ея агрессивной энергіи, не пускаясь въ полемику, въ открытую борьбу,—предпочитали пассивную оппозицію и консерватизмъ. Поэтому права и нужды православной церкви охранялись не полемическими произведеніями, а скромными петиціями да разнаго рода фальсификатами — псевдо-старорусскими «Ярославовыми свитками», подложными грамотами кн. Льва, разными фiktивными «записями на евангеліяхъ», при удобномъ случаѣ предлагавшимися (въ сопровождении приличного «челобитья») на правительственное подтвержденіе и дѣйствительно подтверждавшимися, при содѣйствіи разныхъ вѣскихъ и звонкихъ доказательствъ.

Слабѣли, замыкаясь въ тѣсную сферу чисто церковныхъ нуждъ, также и традиціи старого искусства. Онѣ оскудѣвали неизбѣжно, потому что высыхали источники, питавшіе ихъ—приливъ новыхъ силъ и артистическихъ средствъ изъ другихъ областей византійского искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ падали старые очаги домашняго искусства, бѣднѣла и опускалась та церковная живьнь, на службу которой онѣ были обречены, по мѣрѣ того, какъ свѣтская жизнь эмансирировалась изъ-подъ церковныхъ вліяній и все болѣе решительно обращалась къ мотивамъ и формамъ искусства запад-

наго. Свое искусство чистое и прикладное не въ состояніи было удовлетворять этихъ запросовъ, все болѣе обращавшихся, минуя его, непосредственно и посредственно къ издѣліямъ западнымъ. Тутъ сказывались также общія условія, въ какія была поставлена новымъ укладомъ городской жизни промышленность и творчество вообще, и специальнѣ — ремесло и творчество украинское. По тогдашнимъ понятіямъ и тогдашней организаціи — художественное творчество входило, какъ интегральная часть, въ общее понятіе, въ общую организацію ремесленного труда. Художникъ, архитекторъ, ювелиръ были въ глазахъ общества и своихъ собственныхъ — такими же ремесленниками, какъ и всякий другой, входили въ составъ цеховыхъ организацій, или, стоя вѣтвѣ ихъ, подчинялись тѣмъ же нормамъ, какими регулировалась дѣятельность цеховыхъ мастеровъ. Поэтому на нихъ сказывались всѣ тяжелыя условія городской промышленности Польско-литовскаго государства, ставившія непреодолимыя препятствія ея развитію, — и специальнѣ стѣсненія и ограниченія, въ которыя были поставлены мастера-Украинцы.

Общія условія промышленности и ремесленной дѣятельности были таковы, что послѣдня и въ польскихъ земляхъ и въ украинскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польско-Литовскаго государства, никогда не могла подняться надъ уровнемъ слабаго подражанія западному мастерству, къ которому и обращались непосредственно высшіе слои мѣстнаго общества, пользуясь шляхетскою привилегією безпошлиниаго ввоза всякаго рода заграничныхъ издѣлій и товаровъ для своего употребленія. Высшая категорія

ремесленного и художественного мастерства этими обстоятельствами были обречены на полный упадокъ или жалкое прозябаніе. Украинскіе же мастера были поставлены еще въ худшія условия, чѣмъ мастера Нѣмцы или Поляки, такъ какъ имъ былъ затрудненъ или вовсе запрещенъ доступъ въ цехи, занимавшіеся даннымъ мастерствомъ, съ разными затрудненіями была связана выучка у мастеровъ католиковъ и путешествія по чужимъ городамъ для занятій у чужихъ мастеровъ, считавшіяся непремѣннымъ условіемъ тогдашняго техническаго образованія; однимъ словомъ — все это техническое образованіе и техническая дѣятельность для Украинцевъ были обставлены всяческими затрудненіями. Этимъ объясняется фактъ, что между тѣмъ, какъ весь складъ жизни, запросы общества, вся организація тогдашней технической дѣятельности неизбѣжно направляли украинскихъ мастеровъ въ сторону западнаго искусства, условія мѣстной городской жизни и цеховой организаціи обрекали ихъ ити въ хвостъ современного техническаго и художественнаго движенія, быть «партачами» не только въ техническомъ значеніи этого термина (такъ назывались не цеховые ремесленники), но и въ повседневномъ значеніи «недоучекъ», плохихъ мастеровъ, въ какомъ обыкновенно употреблялось это слово.

Въ XIV—XV вв., наприм., церковная живопись въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ стояла настолько высоко въ глазахъ ихъ западныхъ соѣдей, что конкурировала съ западными мастерами, и украинскіе и бѣлорусскіе мастера приглашались польскими королями для иконописныхъ

работъ въ польскихъ земляхъ, для наиболѣе выдающихся церковныхъ сооруженій; сохранившаяся грамота Ягайла Перемышльскому священнику Галю (1426) упоминаетъ о заслугахъ, положенныхъ имъ въ исполненіи королевскихъ порученій по росписи церквей въ земляхъ Сендомирской, Krakовской, Сѣрадзской и въ цѣломъ рядѣ католическихъ церквей дѣйствительно извѣстны (и отчасти сохранились до нашего времени) росписи украинскихъ и бѣлорусскихъ мастеровъ XIV—XV вв.¹⁾). Но по мѣрѣ того, какъ въ моду входило западное мастерство, украинскіе и бѣлорусскіе мастера, лишенные возможности свободнаго техническаго образованія, все меньше могли выдерживать соперничество со своими католическими конкурентами. Болѣе или менѣе случайно сохранившаяся извѣстія даютъ понятіе о тѣхъ трудностяхъ, какія созданы были тогдашними религіозными отношеніями для мастеровъ-иновѣрцевъ, Украинцевъ въ томъ числѣ. Во Львовѣ—этомъ техническомъ центрѣ украинскихъ земель XVI в., въ «академіи техники», какъ его величали, при организаціи въ отдѣльный цехъ живописцевъ (прежде имѣвшихъ общій цехъ съ ювелирами и оловянщиками), въ концѣ XVI в., Украинцамъ былъ вовсе воспрещенъ доступъ въ этотъ цехъ. Въ запискахъ львовскаго Братства читаемъ жалобы о томъ, что живописцевъ-Украинцевъ исключаютъ изъ цеха, учениковъ не удостаиваются званія мастера и т. под. Въ премышльскій цехъ ювелировъ и живописцевъ, слѣдовавшій обыкновенно

1) См. статью М. Грушевской: „Причинки до історії руської штуки въ давній Польщі“ („Записки львовскія“ т. LI).

практикѣ Львовскаго, цеховой уставъ 1626 г. преграждалъ доступъ совершенно, лицамъ украинской народности (точнѣе религіи) и т. п. Если мы примемъ во вниманіе, что цехи служили въ то время, такъ сказать, школами техники, художества, съ другой стороны, давали репутацію мастеру, то сможемъ оцѣнить, какъ все это должно

было отзываться на украинскомъ мастерствѣ, какія чрезвычайныя усилія и энергія нужны были имъ, чтобы существовать, бороться и развиваться въ такихъ условіяхъ и давать тѣ нерѣдко все-таки довольно цѣнныя, во всякомъ случаѣ вполнѣ приличныя произведенія, какія выходили изъ рукъ украинскихъ мастеровъ ¹⁾.

Національные отношенія.

Понятіе національности, обыкновенно довольно неясное еще, въ тогдашнихъ условіяхъ подмѣнивалось большею частью терминами политическими или вѣроисповѣдными. Украинская народность, лишившись своихъ государственныхъ формъ, осталась при національной церкви, какъ наиболѣе видимой, осозательной вѣшней формѣ своей національной особности. Несомнѣнно, уже въ предшествующихъ столѣтіяхъ было приготовлено это пониманіе національной антитезы: міра украинского и міра польского, сталкивавшихся непрестанно на западномъ пограничье, какъ антитеты двухъ исповѣданій—православнаго (греческаго) и католическаго (латинскаго) и тѣсно связанныхъ съ ними двухъ культуръ: русско-византійской, съ одной стороны, латино-немецкой, съ другой. Въ случайныхъ упоминаніяхъ нашихъ источниковъ XII—XIII, антитеза эта проявляется уже довольно опредѣленно ¹⁾. Съ польскою оккупациею Западной Украины XIV в., имѣютъ мѣсто уже не эпизодическая, случайная встрѣчи и конфликты на этой почвѣ: по всей

линии украинская народность и ея «русская вѣра» встрѣтились съ привилегированной польской народностью и ея государственной религіей, и представители первой на каждомъ шагу имѣли случай почувствовать на себѣ тяжелую руку послѣдней. Выше упомянуто было, какимъ формальнымъ ограниченіямъ подпало православное исповѣданіе, эта національная украинская религія, подъ польскимъ режимомъ; мы видѣли, что уже самая принадлежность къ этому исповѣданію ограничивала личныя, гражданскія права православныхъ Украинцевъ въ городахъ и селахъ: преграждала дорогу къ выборнымъ должностямъ городскимъ и земскимъ, къ участію въ привилегіяхъ мѣщанскихъ и сельскихъ (немецкаго права), къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, даже подъ вопросомъ оставляли ихъ юридическую дѣспособность, правосильность ихъ свидѣтельствъ въ судѣ, ихъ договоровъ и контрактовъ. Глубокое, неизгладимое впечатлѣніе должны были производить факты насилия надъ православнымъ культомъ, надъ право-

¹⁾ Примѣры въ „Історії України“, т. VI, с. 298—9.

¹⁾ Подробнѣе въ т. VI „Історії України“, гл. 4, с. 328—390.

славной церковью и ея духовенствомъ, какія позволяли себѣ не только низшіе представители правящей народности, новаго государственного режима, но и наивысшіе представители этой государственности. Польскій исторіографъ сохранилъ для насъ характерный эпизодъ изъ временъ Ягайла, какъ этотъ послѣдній, во время пребыванія въ Переяславлѣ въ 1412 г., желая нагляднымъ образомъ опровергнуть разсѣваемые его врагами толки о скрытой симпатіи къ схизматикамъ, чтобы за-свидѣтельствовать свою католическую ревность, распорядился отобрать у православныхъ ихъ древнюю каѳедральную церковь и отдать католикамъ: при себѣ велѣль выбросить изъ гробницы кости старыхъ Переяславльскихъ князей, погребенныхъ въ ней, на глазахъ у православныхъ, горько оплакивавшихъ свое униженіе, и посвятить ее по католическому обряду. Въ перепискѣ Галичанъ съ митрополитомъ относительно возобновленія галицкой каѳедры встрѣчаемъ воспоминанія о возмутительныхъ насилияхъ надъ галицкими священниками, допускавшихъ католическимъ архіепископомъ львовскимъ, съ цѣлью принудить ихъ къ повиновенію его власти. Подобные эпизоды, болѣе крупные и болѣе мелкие, доказывали общую картину національного антагонизма, обострявшаго конфликты соціальные и экономические, находившіе свою идеологію именно въ сферѣ отношеній религіозныхъ—борьбы за вѣру. По мѣрѣ того, какъ новый режимъ врѣзывался все глубже въ самую глубину соціальныхъ и экономическихъ отношеній, проникалъ все далѣе и далѣе въ глубь украинской территории, захватывая ее всю

цѣликомъ,—этотъ непримиримый антагонизмъ становился все болѣе общимъ и интенсивнымъ, доходя до той полной непримиримости, какую такъ нечаянно удачно охарактеризовалъ католический монахъ, свидѣтель народныхъ войнъ 1630-хъ г.: «какъ варвары, по природѣ своей, враждебны не варварамъ, такъ Русинъ Поляку»¹⁾.

Фокусъ, въ которомъ переломлялся этотъ антагонизмъ наиболѣе ярко и находилъ, какъ я сказалъ, свою высшую санкцію, свою идеологію: была борьба религіозная, и если въ этой сферѣ особенно болѣзненно чувствовалось всякое злоупотребленіе властью господствующихъ, то съ другой стороны національная энергія прежде всего направлялась въ эту сторону—охраны національной церкви, религії отцовъ. При томъ это была единственная платформа въ понятіяхъ того времени, на которой могли собраться различные общественные и экономические группы украинской народности. На политической почвѣ онѣ не всегда могли столкваться съ собою. Выше я отмѣтилъ, что украинская шляхта Галиції имѣла причины желать, наравнѣ съ польскою, скорѣйшаго уравненія Галицкихъ земель съ польскими и окончательного введенія польского права, обѣщавшаго ей освобожденія отъ разныхъ ограниченій и обложений, неизвѣстныхъ польскимъ провинціямъ. На этой почвѣ, въ эпоху осуществленія политической унії разошлись интересы магнатовъ и рядовой шляхты въ земляхъ вел. кн. Литовскаго. Но на пунктѣ охраны отеческой вѣры могли сойтись представители украинского шляхетства, мѣщанства, крестьянства и козачества.

¹⁾ Okolski, Dyaryusz, и Туровскаго с. 85.

Грамота Казимира 1370 г., требовавшая возстановления галицкой митрополии, является первымъ документальнымъ свидѣтельствомъ стараній украинскаго боярства Западной Украины, еще не подорванного въ конецъ конфискаціями и другими мѣрами польской политики,—первой ихъ кампаниі въ интересахъ православной церкви. Когда галицкое боярство сошло со сцены, борьбу за отеческую вѣру принимаетъ на себя галицкое, прежде всего, львовское мѣщанство, и первымъ актомъ ея была эмансипація галицкой епархіи и возстановленіе каѳедры въ первой половинѣ XVI в. Въ XVII в. религіозныя притѣсненія и польскіе замыслы уничтоженія «благочестивой вѣры» становятся агитационнымъ мотивомъ для широкихъ народныхъ массъ, для огромныхъ всенародныхъ, въ особенности крестьянскихъ движений. Подъ религіознымъ знаменемъ ведетъ свою борьбу съ правительствомъ козачество и въ интересахъ «руської віри» обращается съ одной стороны, къ содѣйствію народныхъ массъ, съ другой—входитъ въ союзъ съ представителями высшихъ украинскихъ классовъ. Национальная борьба подмѣнивается борьбою религіозной, подъ знаменемъ религіи идетъ война, выплывающая изъ мотивовъ национальныхъ, соціальныхъ и экономическихъ; въ интересахъ общей борьбы съ католичествомъ православные Украинцы ищутъ поддержки у польскихъ и литовскихъ диссидентовъ конца XVI и нач. XVII в.; во имя защиты православія обращаются къ помощи заграничныхъ владѣтелей, поддерживая политическія притязанія Москвы (въ XV, въ концѣ XVI и снова въ первой пол. XVII в.), за-

воевательные планы Молдавіи (въ Галиции, въ концѣ XV и началѣ XVI в.). И въ этой же религіозной оболочки переходитъ въ позднѣйшую традицію весь этотъ польско-украинскій конфликтъ, затушевывая всѣ другіе мотивы—экономические, политическіе и національные.

Одновременно съ этой многообразной борьбой, различные элементы и слои украинскаго (и также точно белорусскаго) населенія напрягаютъ силы, чтобы своею иниціативою, своими частными жертвами по возможности уравновѣсить тѣ ущербы, какие терпѣла православная церковь, лишенная поддержки центрального правительства и подверженная разнымъ враждебнымъ выходкамъ господствующей церкви и народности. Если уже въ предшествующую эпоху расположение къ церкви, богатыя жертвы на нужды ея и духовенства — считается признакомъ хорошаго тона, сознанія своего высокаго и отвѣтственнаго положенія, независимо отъ болѣе или менѣе искренней внимательности къ интересамъ «спасенія души», обеспечивавшагося упомянутыми жертвами, то теперь въэтомъ же направлениі дѣйствуетъ болѣе или менѣе ясно сознаваемый мотивъ національный—долгъ предъ своею національною традиціею, предъ тѣмъ, что являлось вѣшнею формою національности, національнымъ представительствомъ въ глазахъ собственныхъ и чужихъ. Все время, отъ паденія украинской государственной жизни и вплоть до эпохи нового возрожденія религіозной жизни во второй половинѣ XVI в., даже въ периодъ крайняго разстройства и паденія церковнаго строя, въ украинскомъ обществѣ жили и проявляли себѣ

весьма замѣтно старыя традиціі православной религіозности, или точнѣе церковности, привитыя ему въ предшествующую эпоху. Идеи попеченія о душѣ своей, покровительства церкви ея слугамъ, высокое уваженіе къ монашествующимъ, милосердіе къ бѣднымъ и неспособнымъ, принятіемъ церковью подъ свое попеченіе, подкрѣпляются теперь идеями національнаго долга и почтенія къ отеческой традиціи и проявляютъ себя въ непрекращающемся созиданіи церквей и монастырей, болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованіяхъ въ ихъ пользу, устройствѣ богадѣленъ («шпиталей»), наконецъ — въ постриженіи въ монашество или схиму, довольно часто практиковавшемся все это время, даже среди высшей аристократіи.

Конечно, на ряду съ этимъ, особенно въ эпоху церковнаго разстройства, мы встрѣчаемся и съ фактами самаго безцеремоннаго расхищенія церковныхъ имуществъ, какъ разъ тѣми патронами и опекунами, на которыхъ лежала обязанность охраненія и пріумноженія церковнаго достоянія. Но не нужно забывать той крайне деморализующей обстановки, въ которой совершились эти хищенія. Съ одной стороны, самое циническое отношеніе къ церковнымъ бенефиціямъ правительства, раздававшаго ихъ, какъ простыя доходныя статьи, за приличное «челобитье», лицамъ совершенно чуждымъ какихъ-либо церковныхъ интересовъ, безсъѣстно эксплоатировавшихъ затѣмъ свои церковныя должности, въ интересахъ своего беспечального житія, обезпеченія своей семьи и разныхъ непотовъ. Съ другой — современная агитацией сторонниковъ реформации противъ церковныхъ доходовъ

и маєтностей, усердно поддерживаемая изъ классовыхъ интересовъ въ шляхетскихъ кругахъ, особенно польскихъ, половины XVI в.

Однако, даже людямъ, искренно привязаннымъ къ отеческой вѣрѣ и церкви, украинская церковь и весь кругъ культурныхъ и національныхъ интересовъ, связанныхъ съ нею, все менѣе могли дать людямъ съ сколько-нибудь значительными общественными и культурными запросами. Если въ предшествующую эпоху церковь и церковная жизнь держали въ своихъ рукахъ ключи современной культуры, находившей свое высшее и недосягаемое воплощеніе въ современномъ византизмѣ, то православная церковность и связанный съ нею культурный міръ XV—XVI вв. все болѣе и болѣе оставались за флагомъ современной общественной жизни, политическихъ и культурныхъ интересовъ современного украинскаго общества. Кромѣ удовлетворенія извѣстныхъ вопросовъ совѣсти, обеспеченія спасенія души, она могла дать извѣстное удовлетвореніе національному чувству — возможность проявить свою привязанность къ своей національной традиціі. Но съ другой стороны, сознаніе политического униженія этой національной церкви и ея культурной отсталости дѣлало изъ нея вѣчно сочащуюся рану національнаго самосознанія современного Українца. Мы видѣли, какъ культурное содержаніе православной церковности, т. е. области культуры, стоявшія въ тѣсной связи съ церковью, замкнувшись въ тѣсныя границы чисто консервативной дѣятельности, неудержимо падали на протяженіи этихъ столѣтій (отъ половины XIV до нач. XVI), параллельно съ политическимъ и обще-

А. И. Куинджи.

Днѣпъръ утромъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

ТИП: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПЛАГИО СР 170

ственнымъ ослабленіемъ украинскаго элемента, все усиливающимся обѣденіемъ церкви съ истощеніемъ славянско - византійскихъ источниковъ, питавшихъ культурную жизнь предшествовавшей эпохи и съ усиленіемъ новыхъ западныхъ вліяній, которыхъ украинская культура большею частью чуждалась, какъ вліяній для ея старыхъ традицій разрушительныхъ, и во всякомъ случаѣ была безсильна овладѣть ими и претворить ихъ въ своеъ национальному горнилѣ. И это культурное содержаніе все менѣе могло удовлетворять культурные запросы высшихъ слоевъ украинского общества, все болѣе давало чувствовать свое убожество сравнительно съ средствами, находившимися въ распоряженіи церковности католической, культуры латино - нѣмецко - польской, вступавшей какъ разъ въ стадію новаго раззвѣта развитія.

Въ западной Украинѣ и украинскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Польши, уже со второй четверти XV в. традиціонная книжность и письменность рѣшительно не могли служить ни къ чему, кромѣ надобностей церковнаго обихода и благочестиваго наизданія. Русское письмо, во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в. еще остававшееся въ офиціальномъ (мѣстномъ) употребленіи, затѣмъ выходитъ изъ употребленія почти во все—не играетъ въ немъ роли. Въ украинскихъ земляхъ в. кн. Литовскаго, болѣе защищенныхъ отъ польскихъ вліяній, офиціальный бѣлорусско-украинскій языкъ въ полной силѣ остается до самаго присоединенія ихъ къ Польшѣ (въ 1569 году) и гарантируется правительствомъ на послѣдующее время. Но и здѣсь, даже на Волыни,

гдѣ украинская аристократія держалась особенно сильно, какъ видимъ изъ завѣщенія Загоровскаго-младшаго (1577), обученіе «русскому письму» мотивировалось большею национальнымъ піетизмомъ, чѣмъ реальными, практическими соображеніями, и Загоровскій считаетъ нужнымъ специальнно поручать своимъ сыновьямъ «абы письма своего руского и мовенъя рускими словы не забачали». Между тѣмъ, какъ безъ латинскаго и польского языка представителю высшихъ общественныхъ слоевъ нельзя было ступить и шагу, изъ подъ «русской» (украинской) книжности и письменности уходила всякая реальная почва. Своя книжность изъ своего содержанія не могла дать ничего интереснаго, ничего реального современному человѣку, желавшему ити за духомъ и требованіями времени, и за всѣмъ необходимымъ культурному человѣку приходилось обращаться къ письменности латинской, польской, нѣмецкой, однимъ словомъ—«католической».

Въ этомъ чувствовалось банкротство национальной украинской культуры, что ставило въ чрезвычайно тяжелое положеніе современное украинское общество. Доступъ въ латинскія школы для православныхъ очень часто былъ связанъ съ различными затрудненіями, или даже вовсе былъ закрытъ, а свои школы не давали латинской науки. Эти низшія школы, существовавшія при церквяхъ, теперь, когда въ обществѣ наростили болѣе высокіе культурные запросы, наполняли передовыхъ представителей современного украинскаго и бѣлорусскаго общества стыдомъ и сожалѣніемъ. Авторъ позднѣйшой «Перестороги» въ своемъ ретроспективномъ обзорѣ упадка националь-

ой жизни, изъ которого украинское общество вышло съ концомъ XVI в., главную причину этого упадка видѣлъ въ томъ, что предшествующія поколѣнія много занимались созиданіемъ церквей и монастырей, собиралиемъ для нихъ разныхъ вкладовъ и книгъ славянскихъ, «лечь того что было наи-потребнѣйшее—школъ посполитыхъ—не фундували». Другой ревнитель родной культуры В. Тяпинскій въ предисловіи къ своему переводу евангеля побуждаетъ земляковъ основывать школы «ку науце, лечь не такой, яко теперь, на вѣчный свой стыдъ—только прочести и то ледво въ своеиъ языку, не больше учатся». Но если одни искали выхода изъ этого тяжелаго положенія путемъ общаго подъема культурной жизни, организованными усилиями общества, то другимъ, болѣе малодушнымъ, положеніе казалось настолько труднымъ, или вовсе безвыходнымъ, что они за лучшее считали оставить землякамъ ихъ бесплодныя усиія спасти национальную жизнь и спѣшили открыть себѣ путь къ общественной дѣятельности, къ широкой политической карьерѣ, къ фактической равноправности, переходя изъ стана побѣжденныхъ въ станъ побѣдителей, пріобщаясь къ роскошному пиру золотого вѣка польского шляхетскаго общества.

Условія, создавшія этотъ внѣшній расцвѣтъ польской жизни въ половинѣ XVI в. и совпавшія съ событиями, сблизившими украинское общество съ польскою жизнью (шляхетскія реформы в. кн. Литовскаго и актъ 1569 г.), вызываютъ среди высшихъ слоевъ украинскаго общества чрезвычайно опасную для национальной украинской жизни тенденцію къ сліянію съ польскимъ обществомъ и польской культурѣ. Опасность эта была замѣчена, вызвала энергическія организованныя усиія, направленные къ подъему национальной украинской жизни. Но результаты этихъ усиій пришли поздно для многихъ и не были въ состояніи предотвратить массового дезертирства украинской аристократіи, разбивавшагося въ послѣднихъ годахъ XVI и началѣ XVII вв. и лишившаго украинскую жизнь такой массы средстъ и силъ, что уже не на этихъ высшихъ слояхъ, а на самыхъ низахъ украинскаго демоса строителямъ украинской жизни пришлось созидать национальную самооборону¹⁾.

1) Подробнѣе въ VI т. „Історії України“, гл. III и IV, также въ книжкѣ: Культурно-національное рух на Україні в XVI—XVIIв., 1912.

О Т Д І Л Ъ IV.

Эпоха козацкая.

Глубокія ізм'єненія української життя, приготовляючі національне значеніе козацтва. Економіческий переломъ.

Українськія земли, начиная съ половины XVI в., переживали глубокія ізм'єненія въ своеї економіческой жизни, повлекшія за собою весьма важные послѣдствія въ соціальныхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Балтійскій экспортъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, постепенно, по радусамъ захватывавшій все глубже и глубже сосѣднія земли, уже начиная со второй четверти XVI в. проникаєтъ въ близкайшія къ нему украинскія земли—въ Побужье, западную Галицію, затѣмъ восточную Галицію, Волынь и Подолье, вызывая крупныя ізм'єненія въ системѣ хозяйства, нанося послѣдніе удары старому натуральному хозяйству и вмѣстѣ съ торжествомъ хозяйства денежного, внося полный переворотъ въ эксплоатацию крестьянского труда, въ крѣпостныхъ отношенія и въ економическое положеніе крестьянства.

XV-ый вѣкъ еще повсемѣстно на Украинѣ былъ временемъ ясно выраженного натуральнаго хозяйства. Господскія запашки, т. наз. фольварки, обыкновенно не выходили за предѣлы

домашняго потребленія, самое большое—нуждъ помѣщичьяго пивоваренія (также винокуренія). Поэтому въ крѣпостномъ обиходѣ цѣнился больше денежный чиншъ, нежели панщинна работа: система нѣмецкаго права тѣмъ и цѣнилась, что вмѣсто натуральныхъ повинностей и даней давала денежный чиншъ, столь цѣнныи при отсутствіи наличныхъ денегъ. Предметами вывоза служили шкуры пушныхъ звѣрей и продукты пчеловодства; кромѣ того, уже со второй четверти XV в., на ряду съ этими традиціонными предметами восточно-европейскаго экспорта въ западной Украинѣ въ значительныхъ размѣрахъ начинаетъ развиваться вывозъ рогатаго скота. Главнымъ рынкомъ ихъ была Силезія, скотъ для вывоза доставлялся, главнымъ образомъ, изъ юго восточной Галиціі (земля Галицкая и отчасти Львовская), изъ Подолії и Южной Волыни. Гнали, главнымъ образомъ, воловъ, и главный контингентъ ихъ давала, такъ называемая «поволовщина»: помѣщикъ бралъ съ каждого тяглаго хозяйства по одному

волу разъ въ нѣсколько лѣтъ (отъ трехъ до семи лѣтъ, смотря по мѣстному обычая). Этотъ экспортъ до вывоза хлѣба, въ XV и первой пол. XVI в., имѣлъ огромное значеніе въ мѣстномъ хозяйствѣ и хозяйственномъ балансѣ; волы, какъ въ Гомеровы времена, служили мѣновою единицею: въ случаѣ нужды, шляхта волами дѣлала взносы на публичныя нужды, волами давала взятки королевскимъ придворнымъ и самому королю; волами расплачивалась вмѣсто денегъ — все еще очень рѣдкихъ. Кромѣ того, на ряду съ волами, для нѣкоторыхъ мѣстностей Галиції приобрѣтаетъ значеніе вывозъ рыбы, заготовленной въ прескѣ, и въ связи съ этимъ — устройство и культура искусственныхъ прудовъ. Послѣдняя, однако, въ общей суммѣ соціально-экономическихъ отношеній не имѣла особаго значенія.

Первымъ продуктомъ, на который предложилъ спросъ украинскому хозяйству балтійскій экспортъ — былъ лѣсной товаръ: разнаго рода дерево, древесная зора, употреблявшаяся на приготовленіе поташа, также смола и деготь. Главнымъ пунктомъ этого экспорта былъ Данцигъ, выдвинувшійся, какъ торговый портъ, уже съ концомъ XIV в., а затѣмъ во второй половинѣ XV в. пріобрѣвшій исключительное значеніе для земель Польскихъ, послѣ того, какъ, отложившись отъ Пруссіи, онъ отдался подъ покровительство короля Польскаго и сдѣлался, можно сказать, универсальнымъ морскимъ портомъ Польши. Чрезвычайно расширивъ свои торговыя операции, главнымъ образомъ по вывозу лѣсовыхъ продуктовъ и еще больше — по вывозу хлѣба во второй половинѣ XVI и первой четверти XVII в., онъ поднялся

до ранга первыхъ торговыхъ центровъ Европы.

На протяженіи XV в. спросъ на дерево и цѣны его въ Западной Европѣ росли весьма быстро и интенсивно и, истощивъ ближайшіе запасы лѣса, уже въ первой половинѣ XV в. данцигскіе негоціанты начинаютъ обращаться къ украинскимъ районамъ, ближайшимъ къ сплавнымъ артеріямъ — Бугу, Вислѣ, Нареву и затѣмъ, помѣрѣ того, какъ эти ближайшіе районы оказывались недостаточными, проникаютъ все далѣе и далѣе въ глубину бассейновъ этихъ рѣкъ. Вывозили, главнымъ образомъ, дубовое дерево, (т. н. «ванчое» — Wagenschossz, дубовые брусья и «клепки», Klappholz), также буковое, затѣмъ, древесную золу, поташъ и другіе продукты лѣсного хозяйства. Экспортъ этотъ причинялъ огромныя опустошенія въ лѣсахъ, совершенно измѣняль физіономію края, его физическая и климатическая условія и игралъ также огромную роль въ экономической жизни края, принося большія по тому времени суммы денегъ украинскимъ помѣщикамъ и державцамъ коронныхъ имѣній, опустошившимъ особенно безжалостно. Но въ соціальномъ процессѣ онъ не имѣлъ такого значенія, какъ экспортъ хлѣба, развивающійся вслѣдъ за нимъ, подъ вліяніемъ того же данцигскаго рынка и по тѣмъ же районамъ, въ связи съ сплавными артеріями, какіе передъ тѣмъ открывалъ данцигскому рынку вывозъ лѣсныхъ товаровъ.

Экспортъ хлѣба изъ балтійскихъ портовъ прусского поморья до тѣхъ поръ (въ XII—XIII вв.) довольно незначительный, предназначался, главнымъ образомъ, для скандинавскихъ земель — Норвегіи и Швеціи, и удов-

летворялся предложениемъ ближайшихъ областей—Пруссіи, Поморья, Ливоніи и сосѣднихъ провинцій литовскихъ и польскихъ. Затѣмъ въ XIV—XV вв. онъ начинаетъ сильно возрастать, такъ какъ на прусскій экспортъ открывается спросъ также въ Шотландіи, Голландіи, Фландріи, отчасти Англіи и сѣверной Франціи, но достигаетъ громадныхъ размѣровъ особенно съ XVI в., когда упадокъ сельского хозяйства Испаніи, служившей раньше житницѣю югозападной Европы, открываетъ спросъ на балтійскій хлѣбъ во Франціи, Италии, Португаліи и самой Испаніи. Голландскіе купцы, благодаря своему огромному торговому флоту служившіе главными посредниками въ вывозѣ балтійскаго хлѣба на западъ и югъ, начинаютъ вывозить хлѣбъ въ огромномъ количествѣ изъ балтійскихъ портовъ и главнымъ образомъ, изъ Данцига, сосредоточившаго въ себѣ отпускъ хлѣба изъ земель Польско-Литовскаго государства — польскихъ, литовскихъ, белорусскихъ и украинскихъ. Спросъ ростетъ непомѣрно, цѣны поднимаются, районъ сбыта движется гигантскими шагами въ глубину материка. Если въ концѣ XV в. Данцигъ «въ хорошиѣ годы» отправлялъ 10 тыс. ластовъ хлѣба (ок. полутора миллиона пудовъ), то въ 1580-хъ гг. его экспортъ считали уже на 50 тыс. ластовъ, а въ послѣдующихъ десятилѣтіяхъ онъ доходитъ

до 100 тыс. ластовъ и больше годового вывоза. Записки таможенной конторы въ Влоцлавкѣ, на границѣ средней и нижней Вислы, отмѣчающія сплавное движеніе изъ района средней и верхней Вислы, т. е. малопольскихъ и украинскихъ земель, въ 1537 г., даютъ свыше 6 тыс. ластовъ хлѣба, въ 1580—около 10 тыс., въ 1579—около 17 тыс. ластовъ: вывозъ хлѣба изъ этихъ болѣе отдаленныхъ районовъ почти устроился въ продолженіе сорока лѣтъ. Люстрація 1564 г. застаетъ вывозъ хлѣба уже очень оживленнымъ въ верхнемъ Побужжїи—землѣ Холмской и Белзской; онъ достигаетъ также большихъ размѣровъ въ сѣверо-западной Волыніи, въ центральной и западной Галиції (въ бассейнѣ Саны). Цѣны росли очень замѣтно; съ 1530-хъ до 1560-хъ гг., на протяженіи 30-ти лѣтъ, она возросла въ два раза, считая металлическое содержаніе монеты (въ номинальныхъ цѣнахъ, благодаря ухудшенію качества монеты, ростъ былъ еще замѣтнѣе), и въ слѣдующее пятидесятилѣтіе цѣны мѣстами поднялись еще въ два раза. Напримѣръ, въ Саноцкой королевщинѣ—колода пшеницы въ 1525 г. стоила 30—40 грошей, въ 1565 г.—140 гр.; въ Городецкой королевщинѣ колода ржи въ 1534 г. продавалась по 24—30 гр., въ 1565 г.—средняя цѣна ея 60 гр., и т. под. ¹⁾.

Соціальныя послѣдствія хозяйственнаго перелома.

Указанный ростъ цѣнъ на хлѣбъ, несомнѣнно, былъ бы еще гораздо интенсивнѣе, если бы повышеніе спроса не сопровождалось необыкновеннымъ ростомъ производительности сельскохозяйственныхъ продуктовъ, спѣшив-

шимъ послѣть за этимъ быстрымъ возрастаніемъ спроса. По мѣрѣ того, какъ

¹⁾ Подробнѣе въ VI т. „Історії України“ (гл. 2 с. 141—234), болѣе популярное изложеніе въ статьяхъ: „Студії з економічної історії України“ (Літер.-Наук. Вістник, 1907).

районъ данцигскаго экспорта захватывалъ различныя мѣстности Польши и Украины, въ нихъ начинается чрезвычайно оживленная интенсификація сельскаго хозяйства, какъ она понималась въ тогдашихъ условіяхъ крѣпостнаго хозяйства. Чрезвычайно расширяются помѣщичи, фольварковыя запашки, путемъ разработки земель, до сихъ поръ не захваченныхъ земледѣльческой культурою, и еще болѣе—путемъ захвата крестьянской пашеной земли, а необходимая для этой обработки сумма труда пріобрѣтается чрезвычайнымъ увеличеніемъ барщинныхъ работъ, или простымъ повышеніемъ панщинныхъ нормъ или путемъ «замѣнъ» прежнихъ чиншей и даней, увеличеннымъ количествомъ рабочихъ дней (при чемъ, конечно, это послѣднее увеличеніе не стояло ни въ какой пропорціи къ тому количеству денежныхъ или натуральныхъ взносовъ, какое сбрасывалось «взамѣнъ» увеличенія панщины). Чрезвычайный ростъ помѣщичиыхъ фольварковъ и производства хлѣба на вывозъ создаетъ, такимъ образомъ, чрезвычайно серьезныя перемѣны въ экономическомъ положеніи крестьянъ, тѣмъ болѣе бросавшіяся въ глаза и ощущительныя для крестьянъ, что эти измѣненія наростили крайне неровно, въ зависимости отъ хлѣбнаго рынка — отъ того обстоятельства, насколько его спросъ захватывалъ данную мѣстность.

Въ рамкахъ настоящаго обзора я, конечно не могу входить въ подробности этого интереснѣйшаго процесса¹⁾, огра-

ничусь только наиболѣе существенными моментами.

Расширение площади фольварочнаго хозяйства повлекло за собою усиленную «скуплю» крестьянскихъ пашенъ, конечно принудительную, и принудительный же переводъ на болѣе мелкіе участки. Правда, область чисто помѣщичиаго тогдашняго хозяйства закрыта для насъ почти совершенно, но имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи материалы относительно королевщинъ, дававшихся въ пожизненное пользованіе представителямъ того же помѣщичиаго класса, даютъ намъ понятіе объ общемъ направленіи и приемахъ шляхетскаго хозяйства.

«Скупля» крестьянскихъ пашенъ въ королевскихъ имѣніяхъ производилась разною мелкою шляхетскою сошкою, на основаніи особыхъ королевскихъ разрѣшений, выдававшихся въ большомъ количествѣ, такъ что, напримѣръ, ревизоры Саноцкой королевщины, отмѣтивъ нѣсколько фактовъ такой скупли, выражаютъ опасеніе, что если скупля будетъ такимъ образомъ продолжаться, то въ королевщинѣ не много останется крестьянскихъ хозяйствъ. На скупленныхъ такимъ образомъ крестьянскихъ пашняхъ основывались мелкія, шляхетскія имѣнія, фольварки и подъ разными предложеніями вводились и развивались панщинные работы для ихъ обработки; особенно много появлялось фольварковыхъ хозяйствъ подъ фирмой войтовствъ и солтыствъ, болѣе или менѣе титулярныхъ, и конституція начала XVII в., устанавливая принципъ, что такія войтовства и солтыства должны раздаваться въ особенности заслуженнымъ военнымъ, какъ известнаго рода эмеритуры, поддержали

¹⁾ Подробно изложенъ онъ въ V т. „Історії України“, т. 3 с. 176—220 См. также вводныя статьи въ I—III и VII т. „Жерель до історії України“, посвященныхъ крестьянскому обложенню XVI в. въ Западной Українѣ

процессъ размноженія такихъ мелкихъ имѣній. Старосты производили подобныя же операциі обезземельенія крестьянъ въ интересахъ расширенія своего фольварковаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ. Встрѣчаются случаи «скупли» или «згону» цѣлыхъ большихъ сель, при чемъ крестьянскія пашни обращались въ господскую, фольварковую запашку, а крестьяне переводились на мелкіе участки, такъ называемые «загороды». Въ другихъ случаяхъ, получившуюся путемъ такой операциі плошадь пашенной земли обращали частью на фольваркъ, а частью раздававали мелкими участками прихожимъ крестьянамъ.

Такіе малоземельные крестьяне, такъ называемые загородники, обыкновенно не платившіе чиншей, ни даней въ натурѣ и отбывавшіе только «пѣшую» панщину — то-есть работавшіе одни, безъ рабочаго скота, въ господскомъ дворѣ, въ новыхъ условіяхъ хозяйства, требовавшаго усиленной панщины, оказывались очень выгодными, и вомногихъ случаяхъ, на ряду съ обезземельенемъ тяглыхъ хозяйствъ для расширенія фольварочной запашки, оно практикуется также для увеличенія за счетъ большихъ тяглыхъ крестьянскихъ хозяйствъ такого крестьянскаго пролетариата, въ интересахъ умноженія рабочихъ рукъ для нуждъ фольварочного хозяйства. Такой же смыслъ имѣло усиленное дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ, производившееся державцами: между тѣмъ какъ чинши и дани натуоро исчислялись сообразно величинѣ крестьянскихъ участковъ, панщинныя работы обыкновенно отбывались «съ хозяйства», независимо отъ величины крестьянскаго участка, и такимъ образомъ раздробивъ большое

крестьянское хозяйство, занимавшее три четверти лана или даже цѣлый ланъ, на четвертные участки¹⁾, владѣлецъ, не уменьшая количества дани и чиншей, увеличивалъ количество панщины въ три-четыре раза.

И на ряду со всѣми этими болѣе ухищренными способами шло неудержимо и вовсе неприкрытое, простое увеличеніе панщинныхъ работъ, то «взамѣнъ» какихъ-либо другихъ обязанностей, то безъ всякаго предлога, просто потому что панщинныя работы росли повсемѣстно и вводились, не считаясь съ старыми осадчими привиліями, съ вѣками освященной практикой.

Пока украинскія земли не были захвачены экспортомъ хлѣба, крестьянскія работы отличались значительнымъ разнообразіемъ, въ зависимости отъ того, нуждался ли господскій дворъ въ работникахъ изъ данного села или нѣтъ, но въ среднемъ были не велики. Въ селахъ нѣмецкаго права, гдѣ обязанности нормировались осадчимъ привилеемъ, крестьяне обыкновенно работаютъ всего нѣсколько дней въ году на помѣщика. Довольно многочисленны въ Галиціи, особенно на Подкарпатыи, села такъ наз. волоскаго права, рассчитанныя на крестьянъ-скотоводовъ, принципіально не знали панщины. Наиболѣе значительныя колебанія

1) Ланъ — 30 морговъ, около 20 десятинъ, былъ въ XIV—XV вв. нормальнымъ участкомъ крестьянина нѣмецкаго права, да и другихъ типовъ сель; въ первой половинѣ XVI в. среднимъ крестьянскимъ участкомъ можно считать половину лана (хотя, конечно, колебанія въ разныхъ мѣстностяхъ были большія); при концѣ столѣтія очень распространены четверти и даже восьмыя лана (см. помянутые очерки въ «Жередахъ»).

встрѣчаемъ въ селахъ такъ наз. русскаго права, или вообще не нормированныхъ ничѣмъ, кроме извѣстной традиціи, и въ нихъ встрѣчаемъ по мѣстамъ уже въ XV в., еженедѣльную панщину, между тѣмъ какъ во многихъ селахъ работали всего нѣсколько дней въ годъ. Эта неравномѣрность, очевидно, давала поводъ къ неудовольствіямъ, и уже въ XV в. въ шляхетскихъ кругахъ обнаруживается тенденція къ установлению болѣе однобразной панщины, и въ связи съ тѣмъ къ уничтоженію тѣхъ специальныхъ гарантій, которая въ отдѣльныхъ селахъ являлись препятствиемъ къ введенію такой единообразной панщины.

Изъ нашихъ земель эта тенденція раньше всего обнаруживается на Побужжѣ — въ Холмской землѣ и на Подляшшѣ, усиленно колонизированныхъ мелкою мазовецкою шляхтою, подчинившей эти земли вліяніемъ польскихъ порядковъ сосѣдней Мазовіи. По примѣру тамошней шляхты шляхта холмская и подляшская, уже во второй половинѣ XV в. постановляетъ, что крестьяне повсемѣстно, сверхъ чиншой, даней и довольно значительныхъ специальныхъ работъ, должны отбывать еженедѣльно одинъ день панщины съ лана и независимо отъ принятыхъ раньше нормъ и привилеевъ. Эта послѣдняя оговорка имѣла очень существенное значеніе, такъ какъ имѣла въ виду лишить силы всѣ юридическія гарантіи, какія крестьяне могли противоставить такому новшеству. Прошло однако полстолѣтія, прежде чѣмъ этотъ принципъ шляхтѣ удалось сдѣлать обязательнымъ для всего государства (на сеймахъ 1519—1520 г.).

Послѣдующее движение фольварковаго хозяйства отразилось повышеніемъ панщинного минимума съ одного дня до двухъ дней съ лана еженедѣльно: въ документахъ 1570-хъ гг., при нормировкѣ крестьянскихъ повинностей, встрѣчаемъ ссылки на ближе неизвѣстный «коронный статутъ», установившій эту норму, точнѣе — минимумъ, и при ревизіи королевскихъ имѣній, производившихся въ 1560-хъ гг., и разныхъ другихъ оказіяхъ королевскіе комиссары вводили эту норму повсемѣстно, не считаясь со старыми порядками. Въ дѣйствительности, шляхта въ это время уже далеко перешагнула эту норму-минимумъ. Существенное значеніе имѣла здѣсь подмѣна нормы лановой нормой «съ хозяйства», о которой я уже упоминалъ выше: между тѣмъ какъ нормы говорили о двухдневной панщинѣ съ лана, на дѣлѣ помѣщики и державцы въ 1560-хъ гг. требовали двухдневной панщины съ хозяйства, и правительственные агенты, смотрѣвшіе на эти вопросы тоже больше съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, такъ какъ и государственная казна являлась тоже крупнымъ помѣщикомъ со своими коронными имѣніями,—молча принимала эту подмѣну, увеличивавшую количество панщины вдвое и болѣе и открывавшую путь къ весьма легкому дальнѣйшему увеличенію ея, путемъ упомянутаго выше дробленія крестьянскихъ хозяйствъ.

Въ мѣстностяхъ, захваченныхъ особенно сильнымъ движениемъ фольварковаго хозяйства, уже въ 1580-хъ гг. панщина вырастаетъ до трехъ дней въ недѣлю съ хозяйства, и затѣмъ въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. эта трехдневная панщина, въ районахъ

развитія фольваркового хо́зяйства, становится почти общимъ явленіемъ. На ряду съ нею встрѣчается, какъ ея видоизмѣненіе, панцина ежедневная. Въ теоріи при этомъ крестьяне должны были работать не цѣлый день, а только полдня, такъ что она якобы представляла собою эквивалентъ трехдневной панцины; поэтому мы и встрѣчаемъ альтернативы: крестьяне работаютъ «ежедневно полдня или три цѣлыхъ дня въ недѣлю». Но этотъ ежедневный варіантъ, несомнѣнно, былъ гораздо

тяжелѣе, такъ какъ влекъ за собою трату времени на дорогу въ фольваркъ и съ фольварка, лишалъ крестьянина возможности быть хозяиномъ даже тѣхъ дней, какіе ему оставались, и отрывалъ путь специальнymъ злоупотребленіямъ и эксплоатациі рабочей энергіи крестьянина. Затѣмъ, кромѣ этой постоянной панцины, существовали еще специальная работы, не въ счетъ панцины; практиковались штрафные увеличенія панцины за прогулъ, за несвоевременный приходъ, и т. п.

Дальнѣйшія послѣдствія экономического переворота—колонизаціонное движение.

Описаннымъ выше экономическимъ процессомъ захвачены были, главнымъ образомъ, западная украинскія земли,—болѣе близкія къ главнымъ сплавнымъ артеріямъ—порѣчью Саны и Буга: Побужье, Галиція и Западная Волынь. Люстрації королевскихъ имѣній 1564—1570 гг., заключающія въ себѣ богатѣйший матеріалъ для изученія экономическихъ и соціальныхъ отношеній этого времени ¹⁾), даютъ живо чувствовать—не общими разсужденіями, а цѣлою массою фактовъ, цифръ и всякаго рода указаній, рѣзкую разницу между этимъ сѣверо-западнымъ райономъ, уже захваченнымъ экспортомъ хлѣба, и глухимъ припятскимъ Полѣсьемъ или глубокимъ Подольемъ, где земледѣліе все еще не выходило за границы прокормленія двора и его персонала, и предметами вывоза были волы (на Подольи) или медь (Полѣсье). Нунцій Комендоне, описавшій экономическія отношенія Польши въ 1564 г., отмѣчаетъ тоже

рѣзкія различія между райономъ, захваченнымъ экспортомъ хлѣба, и оставшимся вѣнѣ его. «Въ послѣдніе годы», говоритъ онъ, «земледѣліе поднялось по берегамъ Вислы и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Балтийское море, потому, что хлѣбъ здѣсь спускаютъ въ Данцигъ, откуда онъ расходится до Голландіи, а часто даже и до Португалии; наоборотъ, другая половина королевства—Подоля, Русь, Волынь и часть Литвы остаются по большей части не обработанными, такъ какъ населеніе засѣваєтъ ихъ хлѣбомъ лишь настолько, чтобы его хватило для местныхъ людей, и потому на всѣхъ рѣкахъ, текущихъ въ Черное море, нѣтъ никакой торговли».

Эта неравномѣрность усиливала впечатлѣніе отъ тѣхъ рѣзкихъ пертурбаций, какія переживало крестьянство западной Украины въ серединѣ XVI в. и во второй половинѣ его. Сравнительно медленный и постепенный процессъ возрастающей эксплоатациі крестьянского труда помѣщичьимъ хо́зяйствомъ, какъ онъ развивался (конечно

¹⁾ Изданы мною въ I—III и VII тт. „Жерел.“.

тоже не безъ рѣзкихъ толчковъ по мѣстамъ) въ теченіи предшествующихъ столѣтій, чрезвычайно обострился здѣсь—рушились всѣ юридическая гарантія, всѣ соглашенія и договоры, всѣ вѣковыя нормы и обычаи, и ростъ обложенія и панщинныхъ работъ разрушали совершенно весь укладъ жизни, все относительное благосостояніе, какимъ еще пользовались мѣстами крестьяне, обращая ихъ фактически въ помѣщичьихъ батраковъ, въ рабочій скотъ, не знавшій отдыха на помѣщичьей работѣ. Развитіе экспортнаго хозяйства создаетъ совершенно невозможныя отношенія для здѣшняго крестьянства и приводить его до совершенного отчаянія этимъ непомѣрнымъ развитіемъ обложенія, особенно панщинныхъ работъ съ одной стороны, и пожалуй еще болѣе рѣзкими фактами обезземеленія—съ другой; крестьяне, выходятъ изъ обычной пассивности. Одни пробуютъ бороться, пускаясь въ долгіе и дорогостоящіе процессы со своими державцами, съ королевскими комиссарами, протестуя противъ ихъ «новинъ»; акты королевской канцеляріи и специально вѣдавшаго крестьянскіе процессы (королевскихъ имѣній) референдарскаго суда во второй половинѣ XVI в. наполняются массою крестьянскихъ жалобъ. Другіе пытаются сопротивленіемъ, бойкотомъ, аграрными бунтами противостоять этому разрушенію сложившихся экономическихъ отношеній. Трети—особенно крестьяне помѣщичьи, для которыхъ были закрыты всѣ пути юридической борьбы, искали выхода въ бѣгствѣ—и въ концѣ концовъ къ этому исходу принуждены обращаться всѣ вообще, не мирившіеся съ новымъ крестьянскимъ «пекломъ», такъ какъ

всѣ попытки отстоять свои права юридическую дорогою оказывались обыкновенно безплодными: даже добившись благопріятнаго рѣшенія королевскаго суда, нельзя было разсчитывать на его исполненіе. Въ началѣ XVII в. крестьянскіе процессы утихаютъ, такъ какъ крестьяне убѣждаются въ безвыходности своего положенія, и между тѣмъ, какъ болѣе пассивные элементы покоряются своей участіи, все болѣе энергичное движется далѣе на востокъ, въ области, не захваченные еще усиленнымъ фольварочнымъ хозяйствомъ—изъ Галиціи въ Подолье, изъ Побужья въ восточную Волынь и Кіевщину, изъ западной Волыни—въ Браславщину, обыкновенно этапами подвигаясь постепенно все далѣе и далѣе на востокъ и юговостокъ, ища земель свободныхъ, безпанскихъ, создавая новые колонизационные кадры въ недавно еще полупустынныхъ или вовсе пустынныхъ мѣстностяхъ и приготовляя горючій матеріялъ для будущихъ крестьянскихъ возстаній. Развитіе фольварочнаго хозяйства въ сѣверо-западной Украинѣ такимъ образомъ, на ряду съ пролетаризаціею крестьянства въ этой послѣдней, создаетъ огромное массовое движение, оживляющее отъ вѣкового запустѣнья юго-восточную Украину и постепенно передвигающее въ эту сторону центръ тяжести экономической, культурной и національной жизни Украины.

Этотъ чрезвычайно важный колонизационный процессъ совершается молча и незамѣтно, единичными побѣгами крестьянъ, и только внезапно выростающіе десятки и сотни сель и мѣстечекъ въ восточной Украинѣ, градъ процессовъ о бѣглыхъ, которыми наполняютъ помѣщики западной и централь-

ной Украины судебные книги судовъ гродскихъ и трибунальскихъ—являются показателями этого огромного движенія. Физіономія юго-восточной Украины въ продолженіе полустанції изменяется совершенно. Еще въ половинѣ XVI в., послѣ страшныхъ татарскихъ опустошеній конца XV и начала XVI в., юговосточная Украина представляла собою пустыню до самой линіи лѣсовъ: окрестности Житомира, Кіева, Остра были настолько опустошены и опасны, въ виду непрекращающихся татарскихъ нападеній, что населеніе не рисковало жить по селамъ и ютилось все цѣликомъ въ «острогѣ» подъ защитою замка, и только Полѣсье на сѣверѣ отъ Кіева и на сѣверо-западѣ, въ окрестностяхъ Овруча, защищенное лѣсами, сохранило сельское земледѣльческое и промышленное населеніе. Въ продолженіе же послѣдней, главнымъ образомъ, четверти XVI в. и первыхъ десятилѣтій XVII в., вслѣдствіе массового движенія крестьянскаго населенія съ запада, пространство восточной Подоліи, юговосточная Браславщина (бассейнъ Ю. Буга), оба берега Днѣпра ниже Кіева и Заднѣпровье, покрываются сравнительно густою сѣтью сель и мѣстечекъ, довольно многолюдныхъ, наполненныхъ пришлымъ людомъ, прибывавшимъ сюда, главнымъ образомъ, изъ Волыни, сѣверо-западной части Кіевской земли, Подолья и Полѣсія. Волна помѣщичьяго хозяйства, по слѣдамъ бѣглцовъ двигавшаяся все далѣе и далѣе на востокъ и юговостокъ, разными симптомами помѣщичьихъ претензій заставляла ихъ сниматься съ занятыхъ мѣстъ и двигаться все далѣе, туда, гдѣ

не было еще признаковъ помѣщичьяго хозяйства. Люстраціи коронныхъ имѣній, произведенныя въ 1620-хъ гг., даютъ картину полнаго переворота въ колонизації. Въ окрестностяхъ Бѣлої Церкви, лежавшей совершенной пустыней въ половинѣ XVI вѣка (только въ 1550 гг. здѣсь былъ построенъ бѣлогородскій замокъ, какъ первый опорный базисъ колонизаціи), люстрація конца первой четверти XVII в. выказываетъ уже 36 сель и хуторовъ, принадлежащихъ къ Бѣлоцерковскому староству, рядъ городовъ и мѣстечекъ и помѣщичьихъ селъ. Колонизуются окрестности Умани, еще въ 1609 г. официально считавшіяся пустынею; въ 1620 гг. видимъ уже здѣсь цѣлый рядъ мѣстечекъ и сельскихъ поселеній. На водораздѣлѣ Ю. Буга и Днѣстра, на турецкой границѣ, какъ она тогда проводилась, появляются новыя волости въ сосѣдствѣ замковъ Бершади и Рашкова. За Днѣпромъ, на недавнихъ пустыняхъ, появляются довольно многолюдныя староства Переяславское, Нѣжинское, Миргородское и огромныя частныя заселенные имѣнія. Колонизація придвигается вплотную къ самой тогдашней московской границѣ, захватывая верховья Сулы, Удая, Псла. На Днѣпрѣ образуется староство Чигринское, на мѣстѣ недавнихъ «уходовъ», куда забирались только промышленники для рыболовныхъ и звѣриныхъ промысловъ, и т. п. ¹⁾).

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. VI, с. 278 и сл., т. VII, с. 255 и сл. и въ книгѣ Яблоновскаго: *Ukraina*.

Послѣдствія въ сферѣ культурныхъ и національныхъ отношеній.

Если крестьянскому населенію Западной Украины движение фольварочнаго хозяйства принесло настоящее экономическое разореніе, пролетаризацію и безвыходное панщинное ярмо или—бѣгство съ насиженныхъ мѣстъ въ восточные пустыни, подъ татарскую саблю и арканъ, то для помѣщичьяго класса, особенно для крупной землевладѣльческой аристократіи усиленный вывозъ продуктовъ лѣсного и затѣмъ землевладѣльческаго хозяйства открылъ новую эру богатства, роскоши, блеска. Золотой дождь, пролившійся надъ нею, взамѣнъ этихъ транспортовъ «ванчоса», «пепла» и разныхъ хлѣбныхъ запасовъ, совершенно измѣнилъ скромный и домовитый, и въ сущности, очень сѣренкій и неприглядный бытъ польского дворянства коренной Польши и ея украинскихъ провинцій, придалъ ему небывалый до тѣхъ поръ блескъ и сообщилъ новый перевѣсь надъ украинскимъ элементомъ.

До сихъ поръ польскій элементъ имѣлъ перевѣсь, главнымъ образомъ, политической, какъ государственный и политически покровительствуемый факторъ Въ культурномъ отношеніи, приблизительно до второй четверти, XVII в. Польша не могла ничѣмъ особыеннымъ импонировать Украинѣ. Она обнаруживала большую энергію политической экстенсіи, но въ культурномъ отношеніи оставалась очень слабымъ отраженiemъ Западной Европы, не только безъ тѣни культурной самостоятельности, но и безъ сколько-нибудь замѣтнаго движенія въ этой

сферѣ. Отолоски гуманизма едва долетали до нея, не выходя въ своихъ вліяніяхъ за верхи ученаго католического духовенства. Впрочемъ, и католическое духовенство Польши эпохи реформаціи вообще не отличалось высокими качествами интеллигентности и культуры. Въ литературѣ польской господствовала латынь, далекая и чуждая обществу, и такимъ же чуждымъ ему было схоластическое содержаніе этой литературы. Письменность на народной польской рѣчи, въ первой половинѣ XVI в., только дѣлала первые шаги и сама сознавала свое полное убожество. Даже въ первой половинѣ XVI в. рѣчь польская считалась вульгарною, некультурною, и нѣмецкіе издатели, занимаясь изданіемъ польскихъ книгъ по коммерческимъ соображеніямъ, разсчитывая лишь на спросъ низшихъ слоевъ общества, съ удивленіемъ отмѣчали это пренебрежительное отношеніе Поляковъ къ своему родному языку. Только въ 1550-хъ гг. замѣчается на ряду съ политическимъ также и культурное движение въ польскомъ обществѣ. Борьба политическихъ придворныхъ партій, вліянія нѣмецкаго реформаціоннаго движенія съ одной стороны, съ другой—италіанскаго гуманизма, очагомъ котораго сталъ дворъ королевы Боны, болѣе живыя и непосредственные связи съ Европой, вызванныя обильнымъ притокомъ западноевропейскаго золота—все это приготовило небывалое оживленіе польской жизни, шляхетской спеціально, прорвавшееся въ моментъ смерти старого короля Сигизмунда и вступленія на

престолъ его преемника Сигизмунда-Августа, съ которымъ связывались всевозможные планы политического-религиозного обновленія польской жизни.

Изъ этихъ пышныхъ надеждъ осуществилось очень мало или вовсе ничего. Политическое оживленіе не принесло политического обновленія, наоборотъ, — польская государственность вышла изъ него безнадежно ослабленной. Успѣхи реформаціонныхъ доктринъ были черезвычайно непрочными, и все вообще культурное движение заглохло съ концомъ столѣтія, подъ ударами ультрамонтанства и реакціи, созданными въ особенности дѣятельностью іезуитовъ, совершенно подчинившихъ своимъ вліяніямъ польскія правящія сферы и общество. Но современнымъ поколѣніямъ, свидѣтелямъ этого оживленія, этого золотого вѣка польской культуры и общественности вся эфемерность этого блеска и жизни не была замѣтна такъ, какъ становится она очевидно въ перспективѣ столѣтій. Современникамъ этотъ блескъ импонировалъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ одѣтъ въ богатую оболочку внѣшней роскоши, богатства материальной культуры, правда—не созданной собственными средствами, купленной и совершенно механически перенесенной на чуждую ей почву шляхетского паразитизма, но по внѣшности блестящей, импонирующей. И можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе произвѣдила эта покупная роскошь, этотъ блескъ, это оживленіе шляхетской жизни, надвигавшейся изъ коренныхъ польскихъ провинцій и ополяченныхъ шляхетскихъ сферъ западной Украины въ Украину центральную и восточную,

еще не задѣтую этимъ экономическими процессомъ. Это богатство и блескъ, хотя бы не глубокіе и преходящіе, должны были чрезвычайно поражать своимъ контрастомъ съ убогимъ консерватизмомъ украинской жизни, напрягавшей всѣ усилия, чтобы консервировать скромное наслѣдіе прошлага. Въ особенности могущественную притягательную силу они имѣли для представителей украинской аристократіи—всѣмъ своимъ чисто шляхетскимъ, аристократическимъ складомъ, шляхетскими тенденціями, которыми была проникнута вся эта польская культура и общественность, и которыхъ не могли не вызывать созвучныхъ тоновъ въ аристократіи украинской.

Съ другой стороны, много значило совпаденіе этого польского разцвѣта съ эпохой наибольшаго упадка и разстройства украинской національной жизни. Украинская церковь — эта носительница украинской культуры, это національное украинское знамя—переживала худшія свои времена. Реформаціонная эпоха вообще была паденiemъ іерархіи, ея нравственности и дисциплины—въ поставленной въ гораздо лучшія условия польской церкви такъ же точно, какъ и въ украинской. Но польская церковь, благодаря новымъ вѣяніямъ католической реакціи, вышла изъ этого периода упадка раньше, чѣмъ украинская. Въ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ XVI в., она была обновлена, утверждена и горѣла огнемъ реванша, между тѣмъ, какъ православная церковь все еще оставалась въ периодѣ разстройства и упадка, подъ управлениемъ недостойныхъ лицъ, которымъ ввѣяло православные бенефиціи польско-литовское правительство. Всѣ попытки право-

славной шляхты — получить вліяніе на замѣщеніе православныхъ іерархическихъ позицій, чтобы обезпечить ихъ отъ эксплоатациії беззастѣнчивыхъ любителей «хлѣбовъ духовныхъ», неизмѣнно отклонялись. Такъ, напримѣръ, волынское дворянство въ 1566 году коллективно обратилось съ петицію къ великому князю, прося его не раздавать волынскихъ бенефицій безъ рекомендациії мѣстного дворянства («попольство земли Волынской»), въ виду того, что безъ этого на упомянутыя бенефиціі попадаютъ «люди простые и неученые», расхищающіе церковныя имущества; но великий князь не принялъ этого предложенія. Напрасны были также попытки православной шляхты повліять на митрополита, чтобы онъ не давалъ посвященія королевскимъ номинатамъ, если они не соотвѣтствовали своему назначенню: митрополиты чувствовали себя слишкомъ зависимыми отъ правительства, чтобы отважиться на такое противодѣйствіе.

Эта невозможность непосредственно вліять на составъ іерархіи, на направленіе ея дѣятельности, ставила въ весьма трудное положеніе представителей украинского общества. Между тѣмъ, какъ весь складъ національной украинской жизни, обусловленный историческими условіями эпохи, по-нуждалъ украинское общество оставаться на почвѣ старыхъ традицій, тѣсно связанныхъ съ церковнымъ іерархическимъ строемъ,—въ виду зависимости церковной іерархіи отъ враждебныхъ правительственныхъ сферъ украинскому обществу приходилось изобрѣтать новыя формы религіозно-національной организації, независимой отъ іерархіи и даже—противъ воли по-

слѣдней. Очевидно, что такая, такъ скриволюціонная дѣятельность въ сферѣ, где все зиждилось на консервированіи традицій, специально церковныхъ, представляла серьезная затрудненія и грозила большими осложненіями. И если извѣстная часть украинского общества, болѣе сильная духомъ, смѣло пускается въ этотъ далекій обходный путь, то большинство его аристократіи, поставленной передъ контрастомъ блестящаго расцвѣта польской шляхетской общественности и безвыходнаго, какъ казалось, убожества украинской національной жизни, считало положеніе послѣдней слишкомъ безвыходнымъ, чтобы дальше связывать съ нею свою личную участь. Они переходили массами въ ряды польского общества, принимая католичество и ополячиваясь, или не разрывая сами такъ рѣзко съ національной традиціей, толкали на этотъ «пространный путь» своихъ потомковъ и наследниковъ, отдавая ихъ въ польскія школы, поручая польскимъ или инымъ западноевропейскимъ воспитателямъ, воспитывая въ обстановкѣ польской культуры. И въ результатѣ тотъ подъемъ польской жизни, который мы наблюдаемъ во второй половинѣ XVI столѣтія, повлекъ за собою національную апостазію представителей украинской и бѣлорусской аристократіи, со второй четверти XVI в. развивающуюся въ ужасающихъ размѣрахъ и производящую въ національныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ кругахъ впечатлѣніе чрезвычайно сильное, какъ симптомъ полнаго національнаго разложенія, которому нужно было противостоять всѣми силами, безотлагательно и рѣшительно¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе въ V т. „Історії України“ с. 459 и сл., въ т. VI с. 391 сл. и въ книгѣ: „Культурно національний рух.“

Религіозно - просвітительське двіженіє во второй половинѣ XVI в.

При такої ненадежності аристократії въ національному отношеніи, и ея наклонности къ переходамъ въ ряды государственной народности, попытки культурной и просвѣтительной дѣятельности, выходившія отъ ея представителей, даже наиболѣе искренно настроенныхъ въ интересахъ національного подъема, въ общемъ не отличались успѣхомъ и большею частью скоро глохли, не находя продолжателей. Даже наиболѣе крупный фактъ въ этой сферѣ—меценатство Константина Острожского, наиболѣе крупного представителя украинской аристократіи, организовавшаго въ своей острожской резиденції типографію и школу высшаго типа, носившую громкое имя академіи, и собравшаго при ней значительный ученый кружокъ,—даже и оно, сравнительно съ тѣми средствами, какими располагалъ князь и что онъ могъ бы съ ними сдѣлать въ области національной культуры, можетъ удивлять своею анемичностью и недодѣланностью. Въ виду этого гораздо важнѣе и плодотворнѣе былъ общественный подъемъ, развивающійся среди мѣщанства.

На Українѣ руководящая въ этомъ смыслѣ роль принадлежить украинскимъ мѣщанамъ крупнѣйшаго тогдашняго городского центра—Львова. Эта передовая роль ихъ приготовляется постепенно. Уже въ борьбѣ за обновленіе галицкой православной кафедры, въ 1530-хъ годахъ, чувствуется ихъ присутствіе. Хотя на первомъ планѣ въ этомъ эпизодѣ фигурируютъ духовенство и шляхта, но за ними чув-

ствуетъ настоящая реальная сила, сплотившая вокругъ себя остатки православныхъ шляхетскихъ родовъ—православная община Львова. За этимъ первымъ національнымъ триумфомъ знаменательнымъ образомъ слѣдуетъ непосредственно реорганізація церковныхъ братствъ г. Львова, совершающаяся въ 1540-хъ гг. Эти старыя организаціі, коренящіяся еще въ отношеніяхъ родового быта, позже, связанныя съ мѣстными приходскими церквами¹⁾, еще позже, реорганизованная по образцу городскихъ цеховыхъ «братствъ», представлявшихъ также религіозныя корпораціі, въ это время получаютъ особенное значеніе, какъ форма національной организаціі украинскихъ и также точно бѣлорусскихъ элементовъ. Церковная внѣшность, близость къ организаціямъ цеховымъ, даетъ легальную, корректную въ глазахъ правящихъ сферъ внѣшность для такой организаціі. Но за традиціонными братскими мѣрами, оживлявшими братскую организацію и привлекавшими къ ней болѣе мірськихъ элементовъ, за братскими церемоніями, корпоративными похоронами, дѣлами милосердія, дававшими пищу религіознымъ и нравственнымъ интересамъ членовъ,—лежалъ тотъ жизненный нервъ, которому обязана была своимъ значеніемъ и ростомъ братская организація. Братства связываютъ узломъ солидарности дезорганизованные украинскіе элементы, не только среди

¹⁾ О прошломъ братствъ см. „Історію України“, т. V с. 500 и сл.

мъщанства, но и другихъ сословій, развиваются среди нихъ чувство солидарности, общественной и национальной дисциплины, подчиняютъ ихъ дѣятельность контролю братства и въ формѣ цензуры надъ нравственностью и христіанскою жизнью сочленовъ—создаютъ нѣкотораго рода национальную юрисдикцію.

На первый планъ, среди украинскихъ братствъ, выдвигается Львовское братство, при городской церкви Успенія. Новая идеи—необходимости национальной школы, научной и просвѣтительной работы, развитіе национальной культуры, какъ единственного выхода изъ современного национального упадка, находятъ въ немъ живой откликъ. Въ 1583 г., совмѣстно съ владыкою Львовскимъ Гедеономъ Балобаномъ, Львовскіе братчики пріобрѣтаютъ типографію, оставшуюся послѣ извѣстнаго Московскаго эмигранта Ивана Федорова, или Федоровича, какъ онъ называлъ себя, въ своихъ бѣлорусско-украинскихъ скитаніяхъ; для расплаты съ кредиторами его—организуется сборъ пожертвованій по всей Украинѣ. Одновременно вырабатываются планы реорганизаціи братской церковной школы по новому—высшему типу—«учитеся письма светого греческаго и словенскаго да не будетъ ради ихъ христіанскій аки безсловесенъ ненаученія ради».

Ставя себѣ столь высокія цѣли и обращаясь за содѣйствиемъ для ихъ осуществленія, во имя христіанскихъ идеаловъ, и своихъ земляковъ, братство считало необходимымъ реформировать свою собственную организацію. Сытые и пьяные братскіе пиры, привлекавшіе на братскіе праздники массы разношерстнаго люда, казались уже

несоответствующими новымъ задачамъ братской организаціи. Братчики рѣшили ихъ отмѣнить и братскія собранія посвятить исключительно цѣлямъ религіозно-нравственнаго назиданія, а братскія средства—исключительно цѣлямъ просвѣтительнымъ и религіознымъ. Когда среди этой реформаторской дѣятельности, въ концѣ 1585 г., во Львовѣ явился антіохійскій патріархъ Іоакимъ, братчики предложили на его благоусмотрѣніе и благословеніе свои планы братской реорганизації. Патріархъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ упадка церковной дисциплины и нравственности среди духовенства, который пришлось ему увидѣть въ украинскихъ земляхъ, былъ пораженъ, по контрасту, благородными, глубоко христіанскими идеями и настроеніями, которыми были проникнуты братскія школы. У него явилась мысль, что основанная на такихъ чистыхъ христіанскихъ принципахъ братская община можетъ послужить орудіемъ церковной реформы, органомъ цензуры для распущенаго духовенства и, руководясь такими соображеніями, онъ не только одобрилъ новый планъ братского устройства, но и сообщилъ братству въ своей грамотѣ, выданной ему, цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ правъ и компетенцій. Реформированное львовское братство имѣло послужить центральнымъ и руководящимъ органомъ новой организаціи, которая должна была обнять украинскія земли. Братства старыхъ типовъ должны были перестать существовать, новая могла основываться не иначе, какъ по типу львовскаго, и находиться подъ его надзоромъ и руководствомъ: такія братства должны основываться повсемѣстно, въ горо-

дахъ и селахъ, какъ мѣстные органы братской организаціи, имѣющей цѣлью нравственное и религіозное усовершенствованіе общества и церкви. Братство имѣетъ нравственный надзоръ надъ своими членами, судить и отлучаетъ ихъ за проступки. Черезъ вои мѣстные органы оно должно слѣдить за поведеніемъ мірянъ, духовенства и самой іерархіи, обращать вниманіе на всякие церковные непорядки и доносить о нихъ епископамъ; а если бы епископъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать братству въ его дѣятельности, сталъ противодѣйствовать ей и противиться братству—въ такомъ случаѣ братство будетъ считать его врагомъ церкви и бороться съ нимъ.

Этотъ широкій планъ, подъ церковной вѣщностью заключавшій въ себѣ весьма интересные элементы національной организаціи съ центральными органами національного управлѣнія во главѣ, если бы его удалось провести хотя бы приблизительно въ такой полнотѣ, могъ бы сыграть огромную роль въ національной жизни Украины. Однако, осуществленіе его встрѣтилось съ большими препятствіями, вызвавъ на первыхъ же порахъ сильнѣйший протестъ среди іерархіи, нашедшій сочувствіе и въ болѣе консервативно настроенныхъ верхахъ украинскаго и белорусскаго общества. Распоряженіе патріарха Іоакима дѣйствительно шло въ разрѣзъ съ вѣковою канонической практикою, съ духомъ церковной субординаціи. Константинопольскій патріархъ Іеремія, официальный глава украинской церкви, однако, подтвердилъ распоряженіе патріарха Іоакима, очевидно раздѣляя его пессимистическій взглядъ на украинскую іерархію, и позже, во время

своего проѣзда черезъ Україну, онъ рѣшительно сталъ на сторону братствъ въ ихъ распѣ съ епископами. Такой рѣзкій разрывъ не принесъ добра украинской церкви; онъ послужилъ одною изъ причинъ послѣдующаго религіознаго раскола и, въ самомъ начальствѣ разоривъ львовское братство съ мѣстнымъ владыкою, до сихъ поръ усердно поддерживавшимъ его культурнага начинанія, подорвалъ очень сильно эти послѣднія.

Но прежде чѣмъ опасные плоды патріаршаго дара успѣли созрѣть, львовское братство, ободренное довѣріемъ патріарховъ и высокою миссіею, возложенную на него, съ удвоенною энергию принялось за осуществленіе проектированной новымъ планомъ братской организаціи и его просвѣтительной программы. Въ томъ же 1586 г. оно реорганизовало свою школу и, благодаря выдающимся преподавательскимъ силамъ, которыя послала ей судьба, школьнайнаука стала въ шей сравнительно высоко и подняла сразу престижъ новой школы. Типографія проявляла себя слабѣе, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для издательства средствъ, хотя въ братскихъ кругахъ не было недостатка людей съ литературнымъ образованіемъ и публицистическимъ темпераментомъ (Стефанъ и Лаврентій Зизаній, Транквілонъ-Ставровецкій, Юрій Рогатынецъ и друг.). Братская организація нового типа, митрополію которой составляло львовское братство, распространялось довольно успѣшно, и, подъ протекторатомъ львовскаго, являются братства въ провинціальныхъ центрахъ, какъ Перемышль, Берестѣе, Бѣльскъ, и въ небольшихъ мѣстечкахъ. При помощи львовской братской школы

и ея силъ, они основываютъ у себя школы, какъ филии львовской. Руководители львовского братства прилагали усилия къ тому, чтобы сдѣлать эту организацію возможно прочной, и настаивали на единствѣ и монопольномъ характерѣ ея, на безапелляціонномъ характерѣ братскихъ рѣшеній, и отлученій, чтобы сообщить тѣмъ бо-

льшое значенія и авторитета братской организаціи, какъ орудію обновленія общества и развитія его національныхъ силъ Однако, религіозный расколъ, вызванный въ значительной степени новою братской организацію, создалъ скоро совершенно новыя условія и соотношеніе силъ¹⁾.

У н і я.

Участіе патріарховъ въ вопросѣ о предѣлахъ братской юрисдикції былъ однимъ изъ цѣлаго ряда аналогическихъ фактовъ непосредственного вмѣшательства патріархата въ дѣла и отношенія украинской іерархіи въ 1580—1590-хъ г., произведшаго самое не-пріятное впечатлѣніе среди этой послѣдней. Украинская церковь, состоя подъ властью константинопольского патріарха, даже и въ древнѣйшую эпоху довольно мало ощущала эту зависимость вѣѣ назначенія митрополитовъ, въ эпоху же литовско-польскую эта зависимость превратилась въ чисто номинальную, такъ какъ назначеніе митрополитовъ перешло къ вел. князьямъ литовскимъ и королямъ польскимъ, а участіе патріарховъ ограничилось только формальнымъ «благословеніемъ» кандидатовъ. Случай обращенія къ патріаршой юрисдикціи были весьма рѣдки; по собственной инициативѣ въ дѣла украинско-бѣлорусской церкви патріархи не вмѣшивались вовсе. Такъ какъ назначеніе митрополита и епископовъ всецѣло зависило отъ правительства, то зависимость епископовъ отъ митрополита также постепенно ослабѣла; фактическое управление церковью, вѣѣ сферы чисто канонической, перешло къ правительству, и поддерживая хо-

рошія отношенія съ послѣднимъ, митрополитъ и владыки чувствовали себя полными хозяевами своихъ епархій и своего епархіального управлениія, каково бы оно ни было, и совершенно свыклись съ такимъ положеніемъ дѣль.

Между тѣмъ, начиная съ 1580-хъ гг., патріархи по дорогѣ въ Москву, куда єздили по приглашенію московскаго правительства и по собственной инициативѣ, въ надеждѣ богатаго жалованья, самолично являются въ Украинскихъ земляхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшиваются въ дѣла и отношенія украинской церкви. Весьма слабо ориентируясь въ мѣстныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; часто, по незнанію языка, не въ состояніи будучи даже надлежащимъ образомъ вникнуть въ тотъ или иной вопросъ, они—особенно патріархъ Іеремія, официальный глава украинской церкви—поступали чрезвычайно рѣзко и неосмотрительно. Такъ въ 1589 г., Іеремія смѣстилъ тогдашняго митрополита Онисофора Дѣвочку, какъ второбрачнаго (дважды женатаго до посвященія); независимо отъ нового митрополита установилъ небывалую должность экзарха, съ весьма широкую

¹⁾ Подробнѣе въ VI т. „Історії України“, с. 498—536, а также въ книгѣ: „Культурно-національний рух XVI в.“

компетенцией, поручив ее луцкому епископу Терлецкому; самымъ рѣши-
тельнымъ и неосмотрительнымъ обра-
зомъ вмѣшался въ распрю львовскаго
братства съ мѣстнымъ епископомъ, и
т. д. Весь этотъ произволъ, неосвѣ-
домленность и безапелляціонность не
могли не произвести самого тягостного
впечатлѣнія на епископовъ, а вдобавокъ еще, послѣ выѣзда патріарха, по-
явились какіе-то подозрительные са-
мозванцы, являвшіеся съ патріаршими
грамотами, съ требованіями денегъ,
съ отлученіями за непослушаніе, от-
носительно которыхъ ужасно трудно
было разобраться, гдѣ кончалась дѣй-
ствительность и начиналась фикція.

Все это вызвало сильнѣйшее неудо-
вольствіе среди украинской іерархіи,
и у нея является мысль отдѣлаться
вовсе отъ патріарховъ и присоеди-
ниться къ римской церкви. Первымъ
выходитъ на этотъ путь львовскій
владыка Балабанъ, чрезвычайно огор-
ченный тѣми широкими полномочіями,
какія патріархи сообщили по отно-
шенію къ епархіальному управлению
львовскимъ мѣщанамъ-братчикамъ, по-
ставивъ его самого, епископа, подъ
власть «хлоповъ простыхъ—кушинерей,
кожемякъ, сѣдельниковъ». Въ 1589 г.,
непосредственно послѣ того, какъ
патріархъ Іеремія взялъ рѣшительно
сторону братства, Балабанъ обратился
къ мѣстному католическому архіепи-
скопу, заявляя о своемъ желаніи
освободиться отъ власти патріарха и
соединиться съ римскою церковью. За-
тѣмъ, въ слѣдующемъ году, уже че-
тыре украинскихъ епископа — львов-
скій, луцкій, холмскій и туровскій,
сѣхавши въ Белзѣ, приняли общее
рѣшеніе присоединиться къ католи-
ческой церкви, подъ условіемъ, что

король обеспечить ихъ отъ всякихъ по-
слѣдствій патріаршихъ репрессій и
гарантируетъ, вопреки послѣднимъ,
пожизненное владѣніе ихъ епархіями.
Въ этомъ смыслѣ они вошли въ пере-
говоры съ королемъ, который, разумѣется, съ полной готовностью обѣ-
щалъ взять ихъ въ оборону отъ вся-
кихъ патріаршихъ клятвъ и смѣщеній
и обѣщалъ ихъ пріобщить къ свобод-
дамъ и вольностямъ католической іерархіи. Для польско-литовскаго пра-
вительства, отложившаго уже попе-
ченіе объ осуществлѣніи унії, въ виду
московской политики, такая іниціатива
самыхъ епископовъ въ этомъ на-
правлѣніи была пріятнѣйшимъ сюр-
призомъ, и оно рѣшилось поддержать
уніонные планы послѣднихъ со всею
энергіею, тѣмъ болѣе, что удачная
война Баторія съ Москвою и паденіе
московского престижа по смерти Гроз-
наго—ослабили опасенія московскихъ
вмѣшательствъ въ дѣла православныхъ
Польско-Литовскаго государства. Въ
течение послѣдующихъ двухъ лѣтъ къ
этому заговору владыкъ примкнули
митрополитъ и два остальныхъ украин-
скіе епископа—перемышльскій и вла-
димирскій, и въ 1594 г. они рѣшили вы-
ступить уже открыто: въ 1595 г.
епископъ луцкій Терлецкій и влади-
мірскій Потій, по порученію осталь-
ныхъ, вступили въ переговоры съ ко-
ролемъ относительно условій соеди-
ненія—правъ и привилегій своей цер-
кви, а затѣмъ, отправившись въ Римъ,
предъ лицомъ папы, отъ имени всей
украинско-бѣлорусской іерархіи, фор-
мально присоединились къ католиче-
ской церкви. На слѣдующій годъ (1596)
долженъ былъ быть созванъ соборъ,
на которомъ должно было состоя-
ться торжественное провозглашеніе

унії съ Римомъ. И соборъ созванъ былъ въ октябрѣ въ г. Брестѣ.

Весь планъ сохранялся въ глубокой тайнѣ, и лишь, когда упомянутые выше делегаты, Терлецкій и Потій, отправились для формального осуществленія унії, началъ открываться истинный планъ владыкъ, безъ вѣдома и участія мірянъ и низшаго духовенства, безъ вѣдома и согласія патріархата вознамѣрившихся произвести присоединеніе украинско-бѣлорусской церкви къ католической. До сихъ поръ при всякомъ рода переговорахъ объ унії, со стороны правительства или представителей католической іерархіи—украинская православная іерархія и общество стояли принципіально на томъ, что унія не можетъ быть осуществлена одною православною церковью Польско-Литовскаго государства, безъ участія патріархата, тѣмъ болѣе одними епископами. На Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г. митрополитъ Исидоръ приступилъ къ унії вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ и представителями греческой іерархіи, но греческая церковь фактически уніи не приняла, а по ея слѣдамъ вышла изъ унії и украинская. При вел. кн. Александрѣ, въ послѣднихъ годахъ XV в., литовское правительство пыталось провести унію, при помощи своей креатуры м. Іосифа, но дѣло оказалось совершенно мертворожденнымъ, потому что митрополитъ, признавъ власть папы отъ себя, съ небольшимъ кружкомъ сочувствующихъ, не рѣшился даже выступить публично съ этой уніею. И когда въ 1580—1590 гг., въ виду упадка и разстройства православной церкви, въ православныхъ кругахъ поднимался вопросъ объ унії, ее понимали не иначе, какъ при со-

блуденіи условій универсальности—проведенія путемъ соборнымъ, при участіі греческой церкви. Поэтому, когда стало яснымъ, что владыки рѣшили осуществить унію самовольно, безъ участія церкви, это возбудило всеобщее смятеніе и негодованіе. Константинъ Острожскій, заявлявшій ранѣе свое полное сочувствіе идеѣ соединенія церквей методомъ соборнымъ, сталъ теперь во главѣ оппозиціи, осуждавшей дѣйствія епископовъ, какъ поступокъ измѣнническій и незаконный. Православная шляхта входитъ въ союзъ съ протестантами Польши и Литвы для борьбы съ ультрамонтанской политикою правительства. Духовенство и братства развиваютъ широкую агитацию противъ епископской унії среди населенія.

Этотъ взрывъ негодованія не остался безъ впечатлѣнія среди іерархіи, и инициаторъ унії Балабанъ съ перемышльскимъ владыкою Копистынскимъ отреклись отъ нея. Когда правительство созвало соборъ въ Брестѣ для публичного провозглашенія унії, образовались два собора: одинъ митрополичій изъ епископовъ-уніатовъ, другой—изъ представителей духовенства и мірянъ, съ представителями греческой церкви и упомянутыми епископами львовскимъ и перемышльскимъ. Между тѣмъ, какъ первый провозгласилъ унію съ католическою церковью, второй объявилъ дѣятельность владыкъ уніатовъ преступной, ихъ самихъ лишенными сана, унію не дѣйствительной. Такъ осуществился религіозный расколъ въ украинско-бѣлорусской церкви, раздѣлившій ее на церковь православную и церковь уніатскую¹⁾.

1) Подробнѣе въ V т. „Історії України“, с. 508—618.

Борьба съ унієй и погромъ православныхъ.

Объявляя низложеными епископовъ-уніатовъ, православный соборъ рѣшилъ добиваться у правительства ихъ смѣщенія, и въ этомъ смыслѣ православные депутаты выступили уже на весеннемъ сеймѣ 1596 г. и съ удвоенною энергию готовились выступить снова на ближайшемъ сеймѣ 1597 г. Но это былъ именно тотъ пунктъ, относительно котораго епископы-уніаты прежде всего потребовали гарантій отъ правительства, и послѣднее твердо стало на ихъ позиціи, утверждая, что владыки не сдѣлали ничего противозаконнаго, и осуществленная ими унія съ Римомъ вполнѣ правильна и обязательна для ихъ церкви, для духовенства и мірянъ ихъ епархій. По этимъ вопросамъ: о правосильности и обязательности заключенной епископами унії и вообще о предѣлахъ епископской власти и значеніи соборнаго начала возникаетъ чрезвычайно оживленная, вызывавшая необычайный интересъ, литературная полемика. Самому Берестейскому собору или точнѣе соборамъ—уніатскому и православному—ихъ фактической сторонѣ и оцѣнкѣ ихъ канонической важности—былъ посвященъ, въ 1596—1604 гг., цѣлый рядъ сочиненій съ обѣихъ сторонъ, уніатской и православной, въ томъ числѣ наиболѣе выдающееся произведение этого периода литературной полемики «Апокризисъ Христофора Филалета», объемистый трактатъ, вышедший изъ острожского кружка, или имъ вдохновленный, заключавшій въ себѣ весьма серьезный и основательный по тому

времени разборъ церковныхъ вопросовъ, волновавшихъ современниковъ. Къ этому же времени относится расцвѣть литературной дѣятельности Ивана изъ Вышни (изъ Перемышльской земли), замѣчательнѣйшаго полемиста, отличающагося необыкновенною силою своего паѳоса, Ѣдкостью ироніи и сарказма, хотя и не всегда правильно оцѣнивающаго запросы времени (онъ былъ представителемъ крайняго православнаго консерватизма, весьма недоброжелательно относившагося ко всякою рода начинаніямъ въ направленіи, такъ сказать, модернизациіи православной жизни, даже къ новой школѣ, къ переводамъ священнаго писанія на доступную народу рѣчь, и т. под.).

Параллельно съ этимъ развивалась энергическая парламентарная борьба противъ ультрамонтанской политики правительства и оказываемой имъ поддержки уніатамъ. Такъ какъ среди высшихъ чиновъ государства, заѣдавшихъ въ верхней палатѣ (сенатѣ) православныхъ Украинцевъ почти не было, а число ихъ союзниковъ протестантовъ становилось незначительнымъ, благодаря политикѣ короля, систематически устранившаго иновѣрцевъ отъ всякой политической роли, то эта парламентарная борьба сосредоточивалась въ нижней, «посольской палатѣ», состоявшей изъ депутатовъ шляхетскаго сословія отъ повѣстовъ и земель. Главную роль со стороны православныхъ здѣсь играли депутаты отъ Волыни,—гдѣ украинская аристократія, несмотря на все усиливающуюся наці-

ональную апостазію, была еще наибольše сильна,—а также депутаты брасловскіе, киевскіе и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ земель. Въ союзѣ съ депутатами-протестантами изъ польскихъ и литовскихъ земель, они старались воспользоваться всяkimъ случаемъ для того, чтобы включить свои требованія въ проектъ сеймовыхъ конституцій, предлагавшихся палатою правительству. Сначала они добивались устраненія епископовъ-уніатовъ, затѣмъ, убѣдившись, что правительство въ этомъ вопросѣ не пойдетъ на уступки ни въ какомъ случаѣ, украинскіе парламентаристы стали добиваться отъ короля обязательства, что онъ на будущее время будетъ раздавать православныя бенефиціі только православнымъ, а не уніатамъ. Въ 1603 г. имъ удалось провести такой законопроектъ въ палатѣ, но онъ не получилъ королевскаго утвержденія: добиться этого удалось имъ только въ 1607 г., въ эпоху знаменитаго шляхетскаго «рокоша» (возстанія). Но и обязавшись на этотъ разъ раздавать на будущее время «достоинства и имѣнія греческой религії» исключительно «людямъ шляхетской кондиціи, русской народности, настоящей греческой вѣры (*thene religii greckieij*), — король все-таки и позже продолжалъ раздавать православныя епархіи исключительно уніатамъ, очевидно, спрѣвѣдавая свое поведеніе тѣмъ, что унія, въ его глазахъ, была «настоящею греческою вѣрою». Такжѣ непрочною оказалась и другая парламентарная побѣда, одержанная украинскими и бѣлорусскими парламентаристами въ 1609 г., когда они добились изданія закона, что процессы о нарушеніи владѣній обѣихъ сторонъ, православной

и уніатской, должны рассматриваться въ общихъ трибуналахъ, состоявшихъ изъ шляхетскихъ делегатовъ: это решеніе обеспечивало православнымъ сравнительно объективное отношеніе къ ихъ процессамъ. Но правительство, публикуя этотъ законъ самовольно измѣнило его текстъ, прибавивъ два слова, отдавашія упомянутые процессы духовному департаменту трибунала, т. н. смѣшенному суду, состоявшему по равному числу изъ делегатовъ трибунала и представителей католического духовенства.

Эта недобросовѣтность правительства лишила, такимъ образомъ, православныхъ всѣхъ результатовъ тяжелой пятнадцатилѣтней парламентарной борьбы и открывала самыя печальные перспективы въ будущемъ. Та сила, на которую опиралась эта парламентарная борьба—православная шляхта, украинская и бѣлорусская—быстро таяла. Вышедший въ 1610 г. «Триносъ или плачъ восточной церкви», талантливое полемическое сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, былъ дѣйствительно надгробнымъ плачомъ православныхъ надъ православною аристократіею, безконечный рядъ представителей которой, покинувшихъ свою религію и народность, оплаиваетъ книга. Оппозиціонные теченія среди польской шляхты, на которыхъ опирались православные, ослабѣли въ это время, увлеченный московскою авантюрою Польши; быстро вымирали и ихъ союзники-протестанты подъ напоромъ новыхъ реакціонныхъ теченій. Борьба съ правительственной политикою становилась все болѣе затруднительною, все болѣе безнадежною въ сущности. Съ другой стороны, безъ содѣйствія шляхты—единственного сословія, имѣвшаго

голосъ въ политической жизни государства, трудно было вообще противостоять натиску унії, поддерживаемой правительствомъ и клерикально настроеннымъ шляхетскими католическими кругами. Сельское духовенство, зависшее весьма сильно отъ своихъ помѣщиковъ, съ ихъ правомъ патроната, находилось въ очень трудномъ положеніи, особенно тамъ, где оно оказывалось среди двухъ огней, между перешедшей въ унію іерархіей съ одной стороны, и между перешедшими въ католичество помѣщикомъ — съ другой... Безъ содѣйствія шляхты въ весьма затруднительномъ положеніи оказывались и всякия нешляхетскія начинанія, мѣщанская братства и всѣ ихъ культурныя планы.

Положеніе православной церкви и связанный съ нею національной жизни становилось критическимъ. Впродолженіи уже пятнадцати лѣтъ огромное большинство епархій было лишено православныхъ владыкъ; на смѣну Балабану и Копистынскому, оставшимся при православныхъ, послѣднимъ удалось провести только одного своего епископа—Іеремію Тиссаровскаго на львовскую каѳедру, и то только благодаря тому, что онъ, давъ королю подъ присягою обязательство держаться унії, получивъ епископство, не счелъ нужнымъ соблюдать этого вынужденного обѣщанія. Такъ какъ на подобныя случайности было трудно расчитывать, православнымъ приходилось со страхомъ думать о возможности остаться совершенно безъ іерархіи. Съ другой стороны, правительство, проводя уніатовъ на православные каѳедры, принуждало православное духовенство къ повиновенію имъ, какъ своимъ законнымъ пастырямъ, игно-

рируя существующій расколъ, и это обстоятельство грозило самыми серьезными послѣдствіями. Такъ, въ митрополичьей епархіи, въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новгородѣ-Лит., многіе священники, согласившись принять унію подъ напоромъ властей, затѣмъ рѣшились возвратиться къ православію, но митр. Потій обжаловалъ ихъ дѣйствія предъ духовнымъ департаментомъ трибунала, выигралъ процессъ, и администрація при содѣйствіи войска насилино забирала спорныя церкви и передавала митрополиту-уніату.

Разоочченный этимъ успѣхомъ, Потій выслалъ своего намѣстника и въ Киевъ, чтобы сдѣлать попытку овладѣть также и здѣшними церквями. Но тутъ ему пришлось столкнуться съ новою національною силою, подымавшеюся на смѣну вымирающей православной шляхтѣ и безсильному безъя помощи мѣщанству. Это было козачество, все болѣе твердою ногою становившееся въ восточной Украинѣ. Если уніатамъ, послѣ 1596 г., несмотря на переходъ въ унію кіевскаго митрополита, фактически не удалось основаться въ Киевѣ, и здѣшнее духовенство отстояло себя отъ всякихъ уніатскихъ притязаній—это, несомнѣнно, тоже было въ весьма значительной степени дѣломъ козачества, сосѣдство котораго давало себя очень сильно чувствовать въ Киевѣ. Теперь, когда въ Киевѣ явился Потіевъ намѣстникъ, тогдашній «гетманъ козацкій» Григорій Тискиневичъ счелъ нужнымъ, не обинуясь, предупредить кіевскую администрацію, что на случай какихъ-либо притѣсненій православныхъ со стороны митрополичьяго намѣстника, онъ уже объявилъ войску, что разрѣшаетъ въ такомъ случаѣ «убить его, яко пса»

и гарантируетъ убившему всяческую безопасность. Это предостережение подѣйствовало, и Потіевъ намѣстникъ не рѣшился принимать какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій противъ киевскаго духовенства.

Этотъ эпизодъ далъ поводъ козацкому войску выступить съ весьма интересною декларациею, гдѣ оно заявляетъ, что казаки, солидарно съ украинскою православною шляхтою, рѣшили отста-

ивать дѣло православной церкви и противъ всякихъ покушеній на нее со стороны враговъ «головами своими защищать». Другими словами, козаки заявляли себя представителями и защитниками украинской національной идеи, какъ она тогдашними людьми понималась. Казачество съ этимъ моментомъ входитъ формально въ исторію украинской національной жизни¹⁾.

Казачество — его происхожденіе.

Тѣ бытовыя явленія, которыя съ концомъ XV и затѣмъ въ XVI в. получаютъ техническое название «казачества», можно сказать, такъ же стари, какъ сама украинская жизнь на степномъ пограничье, въ ближайшемъ сосѣдствѣ хищныхъ и воинственныхъ кочевыхъ ордъ и степного приволья дѣвственной южной природы. Въ образѣ жизни славянскихъ поселенцевъ эпохи разселенія, эпохи Антовъ и Словенъ, во времена позднѣйшаго турецкаго наступка X—XII вв. и еще позже—въ періодъ татарскій, мы встрѣчаемся съ тѣми же повторяющимися формами удалого степного промысла со стороны пограничнаго славянскаго (специально украинскаго) населенія, гдѣ эксплоатация богатой степной природы, рыбные и звѣриные промыслы переплетались съ степнойвойной, съ борьбою съ тюркскими наездниками, препятствовавшими въ промыслахъ, разбивающими ватаги степныхъ промышленниковъ, если случалось — захватить ихъ врасплохъ, и, въ свою очередь, дѣлавшимися жертвою такихъ же по-громовъ и нападеній со стороны украинскихъ «уходнековъ», если послѣд-

нимъ удавалось захватить гдѣ нибудь кочевья или разѣзды противника съ превосходными силами, въ благопріятныхъ условіяхъ. Совершенно правы поэту, поскольку идетъ рѣчь о бытовой сторонѣ этого явленія, изслѣдователи, искавши аналогіи для казачества въ явленіяхъ старой украинской жизни, хотя терминъ казачества, въ приложеніи къ этому явленію украинской жизни, въ современныхъ источникахъ начинаетъ употребляться только съ конца XV в., а какъ общественный классъ, какъ известная организованная форма общественной жизни, въ какой обыкновенно мыслится казачество, подъ вліяніемъ фактовъ позднѣйшихъ, оно формируется только столѣtie позже, въ концѣ XVI и началѣ XVII в. И такъ какъ настѣнко интересуетъ казачество именно какъ общественное явленіе, то для нашей цѣли совершенно доста-

1) Подробнѣе о борьбѣ съ уніей въ „Історїї України“, т. VI, с. 530—600. О парламентарной борьбѣ — специальная работа проф. Жуковича: „Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей“, т. I до 1609 г.

точно будетъ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ обрисовать наростаніе козачества, какъ явленія бытового и его постепенный переходъ въ организованныя общественныя формы.¹⁾

Козакъ—туркское слово, существующее въ разныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, въ значеніи вольного добычника или разбойника, легковооруженнаго воина, въ нашихъ источникахъ появляется впервые въ устахъ Половцевъ, въ записи половецкихъ словъ 1303 г., гдѣ оно означаетъ передовую стражу войска. Во второй половинѣ XV в. этимъ словомъ обозначали степныхъ добычниковъ, татарскихъ, а также и славянскихъ. Первая документальная извѣстія, гдѣ это имя прилагается къ славянскимъ, специально украинскимъ добычникамъ, имѣемъ въ 1490-хъ гг. Этимъ именемъ обозначаются степные промышленники, такъ называемые уходники, промышлявшіе рыбной ловлей и охотой въ опустѣвшихъ послѣ татарскихъ опустошеній XV в. пространствахъ средняго и нижняго Днѣпра, и при оказіи занимавшіеся и степной войной съ Татарами, скитавшимися въ тѣхъ же степяхъ; а такъ какъ оба эти вида степного промысла были почти неотдѣлимы, то въ этой двойной роли — степныхъ промышленниковъ, рыболововъ и добычниковъ-воиновъ, выступаютъ козаки въ древнѣйшихъ, имѣющихъ извѣстіяхъ (1492 и 1499 г.). Занимались этимъ степнымъ промысломъ, прежде всего, мѣстные люди, изъ разныхъ общественныхъ категорій, и прихожіе изъ сосѣднихъ полѣсскихъ мѣстностей и дальнихъ областей. Какъ было упо-

мянuto, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ Менгли-Гиреемъ въ 1480 и 1490 г.г. и послѣдующихъ татарскихъ набѣговъ, надолго, на весь XVI вѣкъ, ставшихъ хроническимъ явленіемъ для всей юго-восточной Украины, послѣдняя, вѣнчаніе лѣса, превратилась почти въ совершенную пустыню; скудное населеніе ютилось подъ защитой немногихъ замковъ (Браславъ, Житомиръ, Кіевъ, Остеръ, Каневъ, Черкасы), не рѣшаясь вести хозяйства по селамъ и только въ ближайшемъ сосѣдствѣ замковъ занимаясь хлѣбопашествомъ. Большинство предпочитало уходничество, степные промыслы, на которые выходили съ весною и оставались въ степныхъ «уходахъ» до глубокой осени, когда возвращались на зиму во свояси. Привольная, хотя и полная лишенія и опасностей жизнь, въ постоянной тревогѣ, въ виду татарскихъ нападеній, находила своихъ любителей, приходившихъ сюда изъ далекихъ мѣстностей; другое же оставались постоянно въ поднѣпровскихъ замкахъ, занимаясь изъ году въ годъ степными промыслами и даже зиму въ степяхъ, на уходахъ, чтобы не подвергаться стѣснительнымъ поборамъ, взимавшимися замковой администрацией съ уходниковъ при ихъ возвращеніи изъ уходовъ съ добычей.

Эти поднѣпровскіе промышленники, болѣе или менѣе постоянно отдававшіеся степному «козачеству», какъ назывались эти степные промыслы, соединенные съ партизанской войною и разбоемъ, составили первый зародышъ позднѣйшаго козацкаго сословія, но въ XVI в., даже въ половинѣ его, они еще очень немногочисленны, не превосходятъ нѣсколькихъ сотенъ, хотя и дѣлаютъ много шума своими

¹⁾ Подробнѣе см. въ VII т. «Історії України», гл. 1—3, на русскомъ языку: «Історія українскаго казачества», I, 1912.

стычками съ Татарами и Турками, переходившими нерѣдко въ настоящія военные экспедиціи, подъ предводительствомъ своихъ вождей или представителей мѣстной администраціи.

Эти послѣдніе, извлекая изъ козацкихъ промысловъ доходъ, въ видѣ значительной доли добычи - военной или промышленной, — все равно, — являлись нерѣдко и непосредственными участниками козацкихъ военныхъ экскурсій, посылая съ ними своихъ людей, или вербую ихъ въ разныя военные предпріятія. Постоянная татарскія нападенія, вѣроломныя, коварныя, вызывали жажду реванша, и, за недостаткомъ другихъ военныхъ силъ, мѣстная администрація и разные пограничники изъ мѣстного землечестства-шляхты пользуются козаками, какъ для обороны отъ Татаръ, такъ и для агрессивной борьбы съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли громкую извѣстность такими «козацкими походами» и даже перешли въ позднѣйшую традицію въ незаслуженной роли специальныхъ вождей и организаторовъ козачества (какъ староста каневской и черкасской Остафій Дащковичъ, хмельницкой староста Предславъ Лянцкоронскій и др.).

Подъ вліяніемъ такихъ походовъ, практиковавшихся мѣстными державцами, начиная съ конца XV в., рано возникаетъ мысль объ организаціи изъ козаковъ постоянной милиціи на правительственноемъ содержаніи, которая бы составляла пограничную стражу противъ татарскихъ набѣговъ; уже въ 1520-хъ гг. такой проектъ является въ литовскихъ правительственныйыхъ кругахъ, по иниціативѣ, вѣроятно представителей мѣстной украинской администраціи: проектировалось взять та-

кимъ образомъ въ правительственную службу тысячу или двѣ козаковъ и организовать изъ нихъ постоянные гарнизоны у татарскихъ переправъ на нижнемъ Днѣпрѣ. Но мысль эта не была осуществлена, правительство не нашло для этого необходимыхъ средствъ, и козацкая партизанская война продолжаетъ развиваться безпорядочно и стихійно, по капризу козацкихъ вождей и воинственныхъ представителей мѣстной аристократіи и администраціи, сдѣлавшихъ эту партизанскую войну своего рода спортомъ. Наконецъ, повторявшіяся и все усилившіяся жалобы на эти козацкія нападенія ханскаго и сultанскаго двора, ставившихъ ихъ прекращеніе непремѣннымъ условіемъ поддержанія дружественныхъ отношеній, иначе грозившихъ рѣшительной войной, — заставили литовско-польское правительство снова подойти къ козацкому вопросу, хотя уже съ другой стороны, именно — обузданія козаковъ во чтобы то ни стало. Съ此刻ю цѣлью въ 1541 г. в. князь разослалъ циркуляръ къ пограничнымъ старостамъ, упрекая ихъ въ потачкѣ козакамъ и участіи въ ихъ добычничествѣ и грозя самыми суровыми карами за это на будущее время. Одновременно оповѣщалъ ихъ о высылкѣ своего дворянина, который, совмѣстно съ пограничной администрацией, долженъ былъ произвести регистрацію козаковъ по замкамъ для того, чтобы впредь известно было, изъ чьего старства нападеніе вышло, и кто за него долженъ отвѣтить. Однако, такъ поставленная задача неминуемо должна была окончиться неудачею, такъ какъ администрація не имѣла никакого желанія давать улики противъ себя, да и самая регистрація была почти неосуще-

ствима, въ виду того, что козачество, какъ известный общественный классъ только что зарождался,—пока это было еще занятіе, которому отдавались представители разныхъ сословій, а не оп-

редѣленный родъ жизни, тѣмъ менѣе общественный классъ. Какъ можно было ожидать, новая мѣра правительства осталась совершенно безрезультатной¹⁾.

Организація козачества во второй половинѣ XVI вѣка.

Въ эту пограничную борьбу, въ козакованье стихійное и беспорядочное, внесла много нового содержанія короткая, но произведшая большое впечатлѣніе дѣятельность кн. Димитрія Вишневецкаго, воспѣтаго въ народной поэзіи, подъ именемъ Байды. Заслоненный въ позднѣйшей козацкой традиціи другими представителями тогдашняго козакованья, онъ имѣетъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ они, на роль организатора козачества и до нѣкоторой степени духовнаго отца позднѣйшей козацкой идеологии. Представитель пограничного магнатства, отдававшагося въ половинѣ XVI в. козацкому спорту, онъ не ограничивается его обычными для того времени формами. Въ началѣ 1550-хъ годовъ онъ рѣшается осуществить идею, издавна занимавшую представителей этого козакованья: на нижнемъ Днѣпрѣ, невдалекѣ отъ татарскихъ переправъ, на границахъ турецко-татарскихъ, онъ строитъ крѣпкій замокъ, пониже пороговъ, на о. Хортицѣ, какъ передовой постъ противъ Крыма, собираетъ вокругъ себя козаковъ и, опираясь на в. кн. Литовское и Московское, пытаясь войти въ дружественные отношенія съ сultанскимъ дворомъ, пробуетъ противопоставить козацкую организацію военной энергіи Крыма. Планъ

этотъ не удался, такъ какъ литовское правительство, потерявшее всякую энергию борьбы, предпочитало покупать невѣрный миръ Крыма (николько не гарантировавшій отъ крымскихъ опустошеній), а политическое соперничество в. кн. Московского съ Литовскимъ въ пограничныхъ украинскихъ и белорусскихъ земляхъ, препятствовало совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Крыма, который они напускали одинъ на другого, поддерживая своими «упоминками». Вишневецкій трагически окончилъ свою жизнь въ походѣ въ Молдавію (1563), но его идеи не остались безъ вліянія на развитие козачества. Очевидно преемство между его Хортицкимъ замкомъ и козацкою «Січею», появляющеюся на сосѣднихъ островахъ непосредственно за замкомъ (извѣстія о ней имѣемъ отъ 1580 гг., но она существовала уже, очевидно, задолго до того). Она становится центромъ и очагомъ новой козацкой организаціи, слагавшейся здѣсь въ степяхъ, внѣ предѣловъ старостинскаго контроля и вмѣшательствъ, къ которымъ привыкли поднѣпровскіе замки. Съ другой стороны, есть несомнѣнное преемство

¹⁾ Подробнѣе „Історія України“, VII т. гл. 1—2, также „Історія українскаго козачества“ I. 1912 г.

между смѣлыми планами Вишневецкаго и позднѣйшею политикою козацкихъ вождей: въ менѣе громкихъ и эфектныхъ формахъ, они ведутъ ту же линію, опираясь на сосѣднія государства и пользуясь ихъ помощью для развитія козацкихъ силъ и борьбы съ Крымомъ. Кругозоръ козачества расширяется, престижъ его подымается; изъ мелкаго сравнительно добычничества оно выростаетъ въ замѣтную политическую силу. Съ другой стороны, польское правительство, присоединившее какъ разъ въ это время восточную Украину къ Польшѣ, своими мѣрами организаціи казачества содѣйствуетъ формированию его въ общественный классъ, въ полупривилегированное сословіе.

Первый опытъ въ этомъ направленіи имѣлъ мѣсто непосредственно послѣ присоединенія, когда Сигизмундъ-Августъ, желая удержать козаковъ отъ нападеній на Татаръ и Турокъ и положить конецъ жалобамъ послѣднихъ, вернулся къ плану своего отца и поручилъ коронному гетману (начальнику военныхъ силъ Польши) взять на службу государству известное число козаковъ и одновременно упорядочить вообще козацкія отношенія. Исполняя это порученіе, коронный гетманъ Язловецкій организовалъ изъ козаковъ небольшой отрядъ (300 человѣкъ), получавшій содержаніе отъ казны и находившійся въ распоряженіи правительства, и установилъ должность «старшаго и судіи» козацкаго, который долженъ быть имѣть надзоръ надъ всѣмъ козацествомъ (состоявшимъ и несостоявшимъ въ правительственной службѣ), чинить надъ нимъ судъ и расправу, взамѣнъ чего всѣ козаки были изъяты

изъ власти и юрисдикціи всѣхъ другихъ органовъ администраціи (1570). Это была чрезвычайно важная мѣра. Не достигнувъ своей непосредственной цѣли — прекращенія козацкихъ нападеній (принятіе небольшой части казачества на казенную службу не могло положить предѣла козацкому добычничеству, и оно продолжалось и позже), эта первая реформа козачества полагала начало формированию козачества, какъ особаго полупривилегированного сословія. Въ этомъ смыслѣ она была даже гораздо важнѣе позднѣйшихъ реформъ Баторія, хотя именно послѣднимъ въ позднѣйшей козацкой традиціи приписано было чрезвычайное (преувеличенное) значеніе. Послѣ того, какъ организованный Язловецкимъ козацкій отрядъ разсползся въ безкоролевья, послѣдовавшія за смертью Сигизмунда-Августа († 1572), и со стороны Крыма и Турціи начались новыя жалобы на козацкія нападенія и совѣты — взять козаковъ на правительственную службу, новый король Стефанъ Баторій только возобновилъ мѣры Сигизмунда-Августа, поручивъ въ 1578 г. набрать на правительственную службу козацкій полкъ (500 человѣкъ), который долженъ былъ находиться подъ командою особаго, назначенаго правительствомъ начальника (въ обиходѣ называвшагося громкимъ титуломъ гетмана). Этотъ полкъ принималъ участіе въ войнѣ съ Москвою и послѣ окончанія ея былъ распущенъ; но возобновленіе турецкихъ и татарскихъ жалобъ на козацкія своевольства понудило короля произвести новый наборъ въ 1583 г., и тогда былъ составленъ новый козацкій полкъ изъ 600 человѣкъ. Вмѣстѣ съ этими наборами бы-

ли возобновлены распоряжения, освобождавшие козаковъ вообще отъ юрисдикціи и власти старостъ и прочей администраціи и ихъ поборовъ. Для раненыхъ и неспособныхъ къ военному ремеслу козаковъ предоставлено урочище Трехтемировъ съ древнимъ Зарубскимъ монастыремъ, превратившееся въ официальную козацкую резиденцію, и пр.

Всѣ эти мѣры, поддержаныя позднѣйшими правительственными распоряженіями 1590 г., имѣли большое значеніе въ процессѣ формированія козацкаго сословія, на почвѣ козацкаго иммунитета. Хотя правительство свои привилегіи предназначало, главнымъ образомъ, для козачества, служившаго на государственной службѣ: для «низовыхъ козаковъ, въ особенности тѣхъ, которые получаютъ отъ насъ плату, а проживаютъ въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ», какъ выражается недавно открытая грамота Баторія, изданная въ защиту козаковъ отъ старостинскихъ претензій и притѣсненій (1582), — но изъ полицейскихъ соображеній власть и юрисдикцію козацкихъ старшинъ, назначаемыхъ для поддержанія порядка между козаками, правительство распространяетъ на все козачество, а тѣмъ самымъ логически оно все освобождается отъ власти и юрисдикціи всѣхъ другихъ органовъ администраціи. Съ другой стороны, такъ какъ правительство, по недостатку средствъ, содержало на своемъ жалованьи только небольшіе отряды, но въ случаѣ надобности само или чрезъ своихъ мѣстныхъ представителей привлекало на военные нужды государства и кадры козачества неслужилаго, не состояв-

шаго на государственномъ жалованьи и назначаемые имъ вожди должны были быть начальниками всего козачества, то въ результатѣ въ козацкихъ кругахъ создается и старательно поддерживается, въ козацкихъ интересахъ, идея, что не только состоящая на жалованіи часть козачества, но всѣ козаки вообще служить государству и какъ военнослужилое сословіе, должны пользоваться правами и привилегіями, предоставляемыми правительствомъ собственно козачеству, состоявшему на государственной службѣ. Всѣ козаки, независимо отъ своего мѣстожительства, должны быть свободны отъ всякихъ поборовъ и податей; всякий, кто берется за военное ремесло козака и принимаетъ козацкое званіе, подчиняясь власти и суду козацкой старшины (не правительственный старшинъ, которыхъ козачество игнорируетъ во всемъ внутреннемъ укладѣ, а собственныхъ выборныхъ властей), — тѣмъ самымъ уже, независимо отъ того, вписанъ-ли онъ въ правительственный реестръ, пользуется свободою и привилегіями козацкими, выходя изъ всякой иной власти и зависимости — правительственной-ли администраціи, городского магистрата, или помѣщичьей власти. Онъ членъ рыцарского сословія, аналогического съ шляхетскимъ, который пользуется своими привилегіями за свою службу государству — поэтому къ привилегированному положенію шляхты козаки приравниваютъ и свою позицію¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе въ т. VII „Історії України“, с. 114—170. („Історія укр. козачества“ I, гл. 2 и 3).

Новая структура восточной Украины и новый характер козачества.

Указанная постановка вопроса—идея козачества, создающаяся въ козацкихъ кругахъ и среди украинскаго населенія въ концѣ XVI в., подъ вліяніемъ всей его предшествующей эволюціи и въ особенности послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ для организаціи козачества—сообщили козачеству совершенно новую, специальную цѣнность и дѣлали принадлежность къ нему желательнымъ для всѣхъ, кто хотѣлъ уйти изъ стѣснительныхъ рамокъ современного польского режима. А это была именно эпоха, когда развитіе панщинного хозяйства и безземелья крестьянъ въ сѣверо-западной Украинѣ погнало огромныя массы украинскаго населенія на востокъ, чтобы избавиться отъ этихъ невыносимыхъ условій и устроиться независимо отъ помѣщичьихъ притязаній. Побѣги совершились этапами, въ сосѣдніе районы съ болѣе слабымъ развитіемъ помѣщичьяго хозяйства и помѣщичими претензіями, въ общемъ представлявшими убывающую прогрессію въ направленіи отъ сѣверо-западныхъ мѣстностей, захваченныхъ вполнѣ сельско-хозяйственнымъ производствомъ на вывозъ,—къ югу-западу, едва затронутому, или вовсе не затронутому этими вліяніями вывоза. Но въ концѣ-концовъ, встрѣчаясь и на новыхъ обиталищахъ съ помѣщичьею властью и помѣщичими претензіями, хотя и болѣе легкими, переселенцы, разъ снявшись съ мѣста, чтобы искать «безпанскихъ» земель, неудержимо стремились далѣе на юго-востокъ, въ «пустыни» средняго сѣ-

веро-восточнаго Побожья, Средняго Днѣпра и Заднѣпровья, во второй половинѣ лишенныя почти совершен-но всякаго осѣдлого земледѣльческаго населенія, дѣйствительно пустынныя и, какъ казалось — лишенныя хозяина. Пренебрегая опасностью, съ которыми была сопряжена жизнь въ этихъ пространствахъ, подверженныхъ постояннымъ татарскимъ нападеніямъ, лишенныхъ почти всякой охраны и опеки администраціи, эти поселенцы быстро заселяютъ привольные, одичавшія въ продолженіе послѣдняго столѣтія, плодородныя пространства; однако они скоро убѣждаются, что ихъ мечты отыскать землю, свободную отъ пана и помѣщичьихъ претензій, оказываются и здѣсь напрасными.

Симптомы движенія народнаго переселенія были замѣчены и учтены въ шляхетскихъ кругахъ, особенно магнатами изъсосѣднихъ земель, занимавшими разныя болѣе или менѣе важныя должности въ сосѣдніхъ мѣстностяхъ, или на самомъ пограничии и, идя по слѣдамъ первыхъ этаповъ новаго переселенія или даже забѣгая имъ впередъ, они наперерывъ начинаютъ приобрѣтать, невсегда безпри-нудительно, владѣльческія права на здѣшнія «пустыни» отъ ихъ прежнихъ, номинальныхъ владѣльцевъ, или выпрашивать у короля и сейма пожалованія этихъ пустыней, не представляющихъ никакихъ интересовъ для государства. За волынскими магнатами, первыми вступающими на этотъ путь, послѣ 1569 года отворившаго въ новоприсоединенные провинціи свободный до-

ступъ обывателямъ Польши, слѣдуютъ эти послѣдніе (до 1569 года они не имѣли права занимать должностей, ни приобрѣтать имѣній въ здѣшнихъ земляхъ, какъ принадлежавшихъ къ вел. кн. Литовскому). Начинается, своего рода, ажютажъ крупнаго землевладѣнія. Разныe представители чиновной іерархіи Польши—гетманы, воеводы, старосты, вооруженныe личными средствами и правительственные полномочіями, наперерывъ расхватываютъ здѣшнія земли, вытѣсняя мелкихъ и маломощныхъ владѣльцевъ, и создаются къ началу XVII в. систему огромныхъ латифундій, дѣлавшихъ восточную Украину классическою областью крупнаго землевладѣнія и нераздѣльного магнатскаго господства, такъ какъ и нерозданныя коронныя земли, составивъ такъ называемыя староства, раздавались въ пожизненное держаніе большею частью представителямъ того же тѣснаго кружка магнатовъ, которымъ принадлежали частныя латифундіи — Острожскихъ, Вишневецкихъ (владѣльцевъ огромной Лубенщины и наслѣдственныхъ старостъ каневскихъ и черкасскихъ), Жолкѣвскихъ - Даниловичей, Конецепольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и др. «королевять», какъ ихъ называлъ Хмельницкій, — всевластныхъ магнатовъ, не знаяшихъ въ этой далекой и почти лишенной всякой государственной организаціи провинціи никакого контроля и власти надъ собою¹⁾.

¹⁾ Восточная Украина не знала даже такой слабой и анемичной административной организаціи, какая существовала въ другихъ провинціяхъ Польши. Для огромнаго пространства, охватывавшаго оба побережья Днѣпра, отъ верховьевъ

Поселенцы, уходившіе сюда «на край хрещеного свѣта», нѣсколько обживвшись въ тревожныхъ условіяхъ здѣшней жизни, съ ужасомъ начали замѣчать, что ихъ мечта—освободиться отъ панской власти, обманула ихъ и здѣсь: и тутъ, внѣ условій польской государственной жизни, они оказывались все-таки польскими подданными, видѣли предъ собою разную польскую дворню, и если пользовались свободою отъ даней и повинностей, то только до истеченія болѣе или менѣе продолжительнаго срока «слободы», послѣ котораго ихъ ожидали разныя обязанности. Панская претензія здѣсь, конечно, были очень скромны сравнительно съ тѣмъ панщиннымъ ярмомъ, какое тяготѣло надъ крестьяниномъ западно-украинскихъ и польскихъ земель: о фольварковомъ хозяйствѣ, особенно интенсивномъ, предназначенному для вывоза, здѣсь не было еще и рѣчи; доходными статьями служили лѣса, истребляемые для изготошенія поташа, рыбная ловля, затѣмъ мельничная и водочная монополія, заводившаяся на первыхъ же порахъ въ панскихъ имѣ-

Роси до московской границы, и послужившаго ареной развитія позднѣйшихъ козацкихъ движеній, былъ собственно одинъ только административный представитель государственной власти—воевода кіевскій, совмѣшавшій въ своихъ рукахъ также функции „судового старосты“ для всей этой территоріи. Остальная здѣшнія „староства“ были „не судовыя“—простыя „державы“, т. е. государственная имѣнія, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе и эксплуатацию разнымъ магнатамъ, рассматривавшимъ ихъ, какъ всѣ такія „державы“, просто какъ доходную статью, и эксплуатировавшимъ ихъ при посредствѣ своихъ приказчиковъ и слугъ. Обстоятельство очень важное для пониманія мѣстныхъ отношеній.

ніяхъ и державахъ и обыкновенно сдававшаяся въ аренду «орендарямъ» (большею частью Евреямъ), доходъ съ проѣзжихъ дорогъ, мостовъ и гостей, и т. под. Крестьяне очень часто не облагались на первыхъ порахъ никакими повинностями, затѣмъ вводились поборы со скота, пасѣкъ, и т. под.; но въ дальнѣйшей перспективѣ фольварочное хозяйство являлось руководящимъ цѣлью помѣщичьяго хозяйства, и это такъ же ясно было крестьянамъ, въ своихъ странствованіяхъ имѣющихъ возможность наглядно изучить этапы этого хозяйства, какъ и представителямъ самаго помѣщичьяго класса¹⁾). Съ тревогой и негодованіемъ встрѣчали они каждый симптомъ помѣщичьей власти и жадно ловили всякую возможность отъ нея избавиться.

Можно поэтому представить, какое впечатлѣніе въ этихъ условіяхъ должна была производить эта новая точка зрѣнія на козачество, какъ общественную форму, гарантирующую отъ панскихъ и всякихъ другихъ претензій польскаго режима. Достаточно вступить въ козацкое званіе, признать надъ собою власть козацкой старшины,—и бывшій панскій или старостинскій подданный становился вольнымъ человѣкомъ, неприкосновеннымъ для притязаній всякихъ иныхъ властей, кроме козацкихъ. Какъ передъ тѣмъ даже лица, занимавшіяся козацкимъ ремесломъ, имѣли всѣ причины не особенно выставлять свое козачество, чтобы въ лихую годину не навлечь на себя отвѣтственности за

старость, отъ перспективы крѣпостной зависимости и панщинного ярма въ будущемъ. Все равно, колонизаціонныя условія были таковы, что принуждали всякаго поселенца жить на военной ногѣ; полевые работы происходили подъ охраною пикетовъ, и занятые на нихъ крестьяне держали подъ рукою оружіе, устраивали заѣски или блокгаузы, чтобы укрыться на случай нападенія. Вооруженная оборона была неизбѣжнымъ элементомъ здѣшняго быта. Подчиненіе выборной козацкой старшинѣ, устранившей отъ дѣйствительного управления правительственныхъ комиссаровъ и близкой населенію всѣми сторонами своихъ интересовъ, было во всякомъ случаѣ гораздо предпочтительнѣе власти помѣщичьихъ или старостинскихъ приказчиковъ. Военные интересы козачества неразрывно связанны были съ интересами обороны и безопасности края, охранявшагося почти исключительно козацкимъ же войскомъ. Все это поясняетъ намъ, почему въ концѣ XVI в. замѣчается такой массовый и территоріальный ростъ козачества. Кадры его чрезвычайно увеличиваются, оно не скрывается въ степяхъ отъ стѣснительной руки администраціи, а двигается смѣло «на волость» (такъ называлась территорія какія-либо козацкія своевольства, и потому при всѣхъ размахахъ военной козацкой энергіи чисто козацкое населеніе поднѣпровскихъ замковъ едва насчитываетъ нѣсколько сотенъ,—такъ теперь, наоборотъ, для людей, даже вовсе не воинственно настроенныхъ, желавшихъ лишь спокойно отдаваться осѣдлому земледѣльческому хозяйству, стало выгодно вступать въ составъ козацкаго войска, чтобы гарантировать себя отъ притязаній помѣщиковъ и

¹⁾ Подробнѣе см. въ „Історії України“, т. V, гл. 3, т. VI, гл. 2 и 3, также статью: „Господарство польскаго магната на Заднѣпровью въ десятилітіе передъ повстаніемъ Хмельницкаго“ въ т. I кіевскихъ „Записокъ“.

А. И. Куинджи.

Чумачкій трактъ въ Мариуполь.

(Городская галерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москве).

THE RELIEF AND INTAGLIO CO

осѣдлаго поселенія, находившаяся въ управлениі администраціи, въ противоположность степямъ, оставшимся виѣ предѣловъ досягаемости), основывается здѣсь, создаетъ прочные опорные пункты, диктуетъ свои условія мѣстной администраціи и магнатству, собираетъ контрибуціи на нужды войска, и т. под. Отсутствіе современныхъ статистическихъ данныхъ лишаетъ насъ возможности слѣдить за этимъ процессомъ детально; но когда мы получаемъ переписи коронныхъ имѣній отъ второго и третьаго десятилѣтія XVII в., онѣ открываютъ намъ интересную картину, уясняющую намъ происшедшій на переломѣ столѣтій процессъ превращенія козачества изъ сравнительно немногочисленной воинственной пограничной вольницы въ огромную массу осѣдлаго хозяйственнаго населенія, доминирующаго въ юго-восточной Украинѣ. Предъ нами вереницы горо-

довъ, мѣстечекъ, сель, хуторовъ наваго заселенія, входящихъ въ составъ «староствъ», но въ нихъ преобладаетъ «непослушное» поселеніе, т. е. не признающее надъ собою власти старостинской администраціи, отказывающееся отбывать какія бы то ни было повинности, платить какіе-либо взносы¹⁾). Это «непослушные» мѣщане, крестьяне-козаки, оказавшееся ново-осѣдлое поселеніе, вписанное въ козачье званіе, чтобы избѣгнуть даже и тѣхъ весьма скромныхъ притязаній, какія ставила, въ виду такихъ щекотливыхъ условій, старостинская администрація къ «послушному» поселенію. Огромное большинство этого населенія, двинувшаго сюда, чтобы избѣжать крѣпостной зависимости съверо-западной Украины, не хотѣла никакой зависимости отъ «pana», ни трудной, ни легкой и «писалось въ козаки», говоря позднѣйшимъ терминомъ.

Первая козацкая войны съ Польшею и возстановленіе козацкихъ вольностей.

Этотъ новый соціальный характеръ, принятый козачествомъ, дѣлалъ его очень опаснымъ врагомъ колонизационныхъ и экономическихъ плановъ пограничныхъ помѣщиковъ и державцевъ и поднималъ противъ него всюту могущественную касту магнатовъ, которая формировалась въ это время на Украинѣ, подчиняя своимъ вліяніямъ политическую жизнь Польши. Козачество становилось противоположнымъ полюсомъ шляхетскаго режима Польши, и это непримиримое противорѣчіе между нимъ и шляхетскимъ складомъ польской жизни, односторонне усвоеніемъ послѣдней, должно было привести неминуемо къ

борьбѣ на жизнь и на смерть между нимъ и всевластною шляхтою. Однако, первый конфликтъ наступилъ прежде, чѣмъ это противорѣчіе вполнѣ выяснилось, прежде чѣмъ соціальный характеръ

1) Вотъ, напр., вѣсколько цифръ изъ листратій коронныхъ имѣній 1616 г.: въ Киевѣ мѣщанскихъ домовъ послушныхъ 160, непослушныхъ козацкихъ 1346, «сель, принадлежащихъ къ старству, нѣть, только хутора, большинство которыхъ заняли козаки». Въ Корсунѣ послушныхъ домовъ 200, козацкихъ 1300. Въ Чигиринѣ послушныхъ домовъ 50, козацкихъ 500. Въ Переяславѣ послушныхъ домовъ 300, козацкихъ 700, и т. п.

Подробнѣе „въ Історії України“, т. VII, гл. 5—„Історія українскаго козачества“, т. I.

козачества сложился вполнѣ определенно. Его вызвали рѣзкие эпизоды козачества, въ которыхъ проявилась настоящая военная энергія козачества, почувствовавшая свою силу и безнаказанность, проявилась стихійно и беспорядочно, безъ определенного плана и идеи, съ началомъ 1590-хъ г. Поэтому эти первыя войны не представляютъ сами по себѣ особенного интереса, и достаточно будетъ вкратцѣ остановиться на нихъ.

Уже съ половины 1580 гг., послѣ упомянутыхъ организационныхъ попытокъ Баторія, подъ шумъ борьбы польскихъ партий по его смерти, одновременно учащаются козацкіе походы въ Крымъ, въ турецкія владѣнія на Черноморскомъ побережье и въ Молдавію, не перестававшую со времени неудачного похода Вишневецкаго привлекать козаковъ своими усобицами; въ то же время мы видимъ мелкую войну «на волости» въ смежныхъ съ казацкими поселеніями мѣстностяхъ Киевскаго и Браславскаго воеводства. Угрозы и жалобы Турокъ и Татаръ, ультиматумъ, поставленный турецкимъ правительствомъ, — заставляютъ польское правительство еще разъ прибѣгнуть къ организационнымъ мѣрамъ, на этотъ разъ въ большихъ размѣрахъ; три тысячи козаковъ принято на правительенную службу — хотя на очень короткое время (когда опасность войны съ Турками прошла, оставлена только одна тысяча), а наиболѣе выдающимся вождемъ козачества, чтобы расположить ихъ къ правительству, розданы имѣнія. Все это, впрочемъ, было очень эфемерно: взятымъ на службу козакамъ жалованье не платилось, а имѣніе, пожалованное тогдашнему «гетману» козацкому — Криштофу Косин-

скому — захватила администрація состояніяго Бѣлоцерковскаго староства, принадлежавшаго Янушу Острожскому, и изъ-за этого, въ концѣ 1581 г., возгорѣлась война между козацкимъ войскомъ и Острожскими и поддерживавшими ихъ магнатами. Польскіе гетманы смотрѣли на нее сквозь пальцы, занятые турецкими и молдавскими дѣлами, притомъ не имѣя желанія выручать нелюбимыхъ при дворѣ и въ польскихъ кругахъ Острожскихъ. Козаки хозяинчали впродолженіе цѣлаго 1592 г. въ Киевскомъ воеводствѣ и прилегающихъ частяхъ Волыни, пока Острожскимъ не удалось ихъ разбить въ началѣ 1593 г. Козаки капитулировали, обѣщавъ смигнить Косинскаго и не трогать имѣній Острожскихъ и ихъ союзниковъ. Отступивъ на Низъ, Косинскій собралъ новыя силы и приступилъ къ Черкассамъ, намѣреваясь свести счеты съ мѣстнымъ староствою кн. Алекс. Вишневецкимъ, однимъ изъ союзниковъ Острожскихъ, но былъ вѣроломно убитъ. Козаки были очень раздражены этимъ, и отступивъ, вслѣдъ за тѣмъ съ новыми силами двинулись на Вишневецкаго. Послѣдній, не имѣя поддержки со стороны правительства, принужденъ былъ войти съ козаками въ соглашеніе, гарантировавъ имъ, вопреки всѣмъ сеймовымъ постановленіямъ, свободное сообщеніе черезъ свои староства по Днѣпру. Послѣ того козаки приступили къ Киеву, овладѣли имъ, взяли окупъ за прежнія обиды и, кромѣ того, какія то обязательства съ мѣстныхъ властей. Послѣ этого Поднѣпровье было совершенно въ козацкихъ рукахъ. Съ другой стороны, козацкія дружины подъ предводительствомъ Наливайка, овладѣваютъ Браславомъ и устраива-

ются тутъ, соединившись съ мѣстнымъ мѣщанствомъ.

На время вниманіе козацкаго войска, однако, обратилось въ другую сторону: почти одновременно (1593 — 4), хотя и независимо другъ отъ друга, австрійское правительство имп. Рудольфа, съ одной стороны, и папская курія (Клиmenta VIII), съ другой, искали содѣйствія козацкаго войска для операций противъ Турокъ, угрожавшихъ Австріи; въ этомъ же направленіи, по просьбѣ австрійскаго правительства, вліяло на козаковъ и правительство московское, состоявшее съ ними со временъ Вишневецкаго почти въ постоянныхъ сношеніяхъ. Переговоры,увѣщанія агентовъ, денежные подарки и военные инсигніи, присланныя австрійскимъ правительствомъ козацкому войску — все это произвело большое впечатлѣніе среди козаковъ и побудило ихъ къ цѣлому ряду походовъ: низовое войско, подъ предводительствомъ своихъ вождей Григ. Лободы и Богд. Микошинскаго и казацкая вольница, набранная добровольцемъ изъ острожской милиціи Севериномъ Наливайкомъ, съ другой стороны, производятъ въ 1593—5 гг. цѣлый рядъ болѣе или менѣе громкихъ экспедицій на Татаръ, турецкіе города, Молдавію, жестоко опустошивъ ее и принудивъ къ союзу съ Австріею, — пока польское правительство, подъ шумъ борьбы устроивъ на молдавскомъ воеводствѣ своего вассала, не потребовало отъ казаковъ рѣшительно, чтобы они оставили Молдавію въ покое. Тогда козацкія силы обращаются снова «на волость». Подъ предводительствомъ Лободы, Шавулы и особенно Наливайка, казацкіе отряды хоязинчата въ Кіевскихъ, Браслав-

скихъ и Волынскихъ земляхъ, принуждая населеніе къ контрибуціямъ и при этой оказіи принимая также участіе въ домашнихъ войнахъ разныхъ мѣстныхъ магнатовъ (между прочимъ, большого шума надѣжало участіе козаковъ въ наѣздахъ на униатскую партію, съ которой въ то время сводила на Волыни счеты партія кн. Острожскаго). Зимою 1595/6 г. Наливайко предпринялъ также большую экскурсію на сѣверъ, въ глубину Бѣлоруссіи, вызывавъ тамъ всеобщую панику жестокими разореніями. Наконецъ, правительство въ началѣ 1596 г., имѣя свободное войско въ своемъ распоряженіи, отдало приказъ польному гетману (помощнику гетмана великаго или короннаго) Стан. Жолкевскому усмирить козаковъ.

Получивъ этотъ приказъ, Жолкевскій быстро двинулся въ походъ, чтобы не дать возможности козацкимъ войскамъ, разбросаннымъ по разнымъ провинціямъ, собраться воедино, и прежде всего погнался за Наливайкомъ. Послѣднему, однако, удалось ускользнуть, отъ него въ уманськія пустыни и, выйдя оттуда, соединиться около Кіева съ другими козацкими войсками, подъ начальствомъ Лободы и Шаулы. Послѣ кровопролитныхъ битвъ около Бѣлої Церкви, козаки со всѣми силами, съ обозомъ и семьями, отступили за Днѣпръ къ Переяславу, стараясь преградить Полякамъ переправу черезъ Днѣпръ; когда же Жолкевскому, обманувъ ихъ вниманіе, удалось устроить переправу, они рѣшили отступить на востокъ, за московскій рубежъ. Жолкевскій, однако, успѣлъ отрѣзать имъ путь за границу и принудилъ стать лагеремъ на неудобной позиціи на ур. Солоницѣ, около Лубенъ и вслѣдъ затѣмъ обложилъ ихъ тутъ

и началъ блокаду. Послѣ двухнедѣльной стойкой защиты, сильно потерпѣвъ отъ польской артиллеріи и потерявъ надежды на подкрѣпленіе, козацкое войско, раздираемое, вѣдомавокъ, внутренними раздорами между Низовцами и Наливайковцами, начало переговоры и согласилось выдать предводителей восстанія, артиллерию и казну, подъ условіемъ полной амнистіи для всѣхъ остальныхъ. Однако, это условіе не было исполнено; польское войско вѣроломно напало на козаковъ послѣ капитуляціи и массу перерѣзalo.

Но осуществить свое намѣреніе — уничтожить козачество совершенно, Жолкевскому не удалось. Низъ остался ему недоступнымъ и тамъ козаки укрылись въ ожиданіи лучшихъ временъ. Правительство подвергло жестокимъ казнямъ выданныхъ предводителей, сеймъ отмѣнилъ всѣ права и привилегіи козацкаго войска и объявилъ козаковъ лишенными покровительства законовъ. Однако не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ военные нужды Польши заставили ее обратиться снова къ помощи козаковъ, сначала для новой молдавской компаніи (1600), а затѣмъ ливонской — противъ Шведовъ. Козаки, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый Самійло Кишка, поставили условіемъ возстановленіе своихъ правъ и вольностей, и въ 1601 г. сеймъ возстановилъ права козацкаго войска. Хотя

при этомъ онъ выговорилъ, что козаки, проживающіе въ коронныхъ имѣніяхъ, должны подчиняться власти и юрисдикції старостъ, а проживающіе въ имѣніяхъ помѣщичьихъ — власти своихъ помѣщиковъ, но козаки, почувствовавъ снова твердую почву подъ ногами, нисколько не считались съ этимъ требованіемъ. За ливонскую войною вскорѣ послѣдовала московская авантюра, въ которой приняли участіе сначала отдѣльные магнаты, а затѣмъ и непосредственно само правительство, рекрутируя свои силы, главнымъ образомъ, изъ козацкихъ контингентовъ. Вооруженные силы козачества, подъ вліяніемъ польскихъ вербовщиковъ и соблазновъ московской добычи, выростаютъ чрезвычайно; одни за другими отправляются ихъ многочисленные отряды въ московскія земли и съ богатою добычею возвращаются на Украину; одновременно предпринимаются походы въ земли турецкія. На Украинѣ, подъ предлогомъ мобилизациіи въ московскіе походы и вообще «службы Рѣчи посполитой», козаки хозяйствуютъ, какъ дома; они становятся настоящими хозяевами всей восточной Украины уже съ концомъ первого десятилѣтія XVII в., и подъ ихъ охраной начинаетъ здѣсь организоваться новый центръ національной украинской жизни въ Киевѣ¹⁾.

Религіозно-національное движеніе въ Киевѣ и участіе въ немъ козачества.

Кievъ пережилъ эти переходныя столѣтія малозамѣтною, хотя и далеко не спокойною жизнью. Послѣ того, какъ заглохла въ немъ политическая жизнь и покинула его іерархія (въ

концѣ XIII в.), а Татары сдѣлались близкими соседями и даже частыми

¹⁾ Подробнѣе въ т. VII „Історії України“ гл. 4 и 6 — „Історія Українскаго козачества“ т. II.

тостями въ немъ, онъ падалъ все болѣе, а нѣсколько жестокихъ татарскихъ опустошеній, которымъ онъ подвергся на протяженіи XV в., довершили этотъ упадокъ, превративъ его въ пограничную крѣпость, которой только положеніе на торговомъ транзитномъ пути не давало окончательно заглохнуть. Его большие и богатые земельными владѣніями монастыри—Печерскій, Пустынно - Николаевскій, Златоверхо-Михайловскій—оставались почти единственными носителями старыхъ традицій, но и въ нихъ почти угасла всякая культурная жизнь, подъ управлѣніемъ разныхъ любителей «духовныхъ хлѣбовъ», дорогою цѣною покупавшихъ у великаго князя мѣста архимандритовъ и игуменовъ. Въ національной украинской жизни XV—XVI в. Киевъ потерялъ почти всякое значеніе и едва свѣтился пережитками былого.

Новая эра началась для него съ концомъ XVI в., когда православное общество, потерявъ съ уніей почти всю іерархію и цѣлый рядъ разныхъ болѣе или менѣе значительныхъ позицій, тѣмъ большее вниманіе должно было обратить на позиціи, оставшіяся въ ихъ рукахъ и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы ихъ сохранить и возможно использовать въ интересахъ церковной и національной жизни. Среди такихъ еще уцѣлѣвшихъ позицій, богатые, освященные традиціею, кievскіе монастыри, и во главѣ ихъ особенно монастырь Печерскій, славнѣйший и богатѣйший изъ всѣхъ, силой отстоявшій себя отъ исполненія королевскаго рѣшенія, передававшаго его въ распоряженіе митрополита - уніата—занимали одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Когда освободилось мѣсто

печерскаго архимандрита, на этотъ постъ общимъ выборомъ мѣстнаго духовенства, шляхты и вообще всего мѣстнаго украинскаго общества,—такимъ всенароднымъ выборомъ съ давнихъ поръ замѣщавшаго эту первостепенную позицію,—былъ избранъ одинъ изъ выдающихся участниковъ Брестскаго собора пинскій игуменъ Елисей Плетенецкій (1599), и одной изъ первыхъ уступокъ, къ какой православнымъ парламентаріямъ удалось принудить правительство своей сеймовой обструкціей—была легализація этого выбора (1603). Выборъ оказался чрезвычайно удачнымъ; Плетенецкій, незаслуженно забытый позднѣйшѣй традиціей, сыгралъ очень важную роль въ украинской жизни. Своимъ новымъ положеніемъ онъ воспользовался, чтобы разныя вліятельныя позиціи монастырской администраціи замѣстить учеными людьми изъ Галиціи, изъ которой самъ онъ происходилъ, и при ихъ содѣйствіи сталъ исподволь обращать огромныя средства, находившіяся въ распоряженіе монастыря, на культурныя цѣли, не смущаясь оппозиціей, которую его дѣятельность вызывала среди монашеской братіи. Постепенно такимъ образомъ въ Печерскомъ монастырѣ и въ другихъ кievскихъ монастыряхъ образуется замѣтный кружокъ просвѣщенаго духовенства, проникнутаго идеями культурно-національнаго обновленія (Копистинскій, Борецкій, Лавръ, Зизаній, П. Беринда и др.). Плетенецкій приобрѣтаетъ типографію, основанную Геленономъ Балабаномъ въ с. Стратинѣ, въ разгарѣ борьбы съ львовскимъ братствомъ, перевозить ее въ Печерскій монастырь (окол. 1615), устраиваетъ свою бумажную фабрику; благодаря ему появляются свои рисо-

вальщики и граверы, выходятъ въ большомъ количествѣ, какого не видѣла еще до сихъ порь Украина, церковныя и учебныя книги.

Эта дѣятельность печерского кружка находитъ сочувственный откликъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ концѣ 1615 г. организуется въ Киевѣ братство по образцу львовскаго, въ которое вписываютя «безчисленно» представители разныхъ классовъ мѣстнаго населенія. Гальшка Гулевичевна, жена мозырскаго маршалка, жертвуетъ свою усадьбу въ Киевѣ на национальную инстицію,—для основанія ставропигіального монастыря и при ней школы—зародышъ віаменитой кievской академіи, ведущей свое существованіе отъ этого пожертвованія. Завѣданіе послѣдне приняло на себя новооснованное братство и немедленно организовало школу, первымъ ректоромъ и инициаторомъ который былъ бывшій дидаскаль львовской школы Борецкій. Руководимые галицкими выходцами, кievские культурные начинанія вообще развивались по образцу галицкихъ,—львовскихъ. Встрѣтившись съ рядомъ препятствій на галицкой почвѣ, теряя одного за другимъ своихъ покровителей, облегчавшихъ имъ борьбу съ правящими католическими кругами, львовские дѣятели галицкаго возрожденія въ это время во множествѣ переходятъ въ Киевъ, гдѣ покровительство козацкаго войска гарантируетъ имъ свободу отъ преслѣдований, а богатыя монастырскія имущества даютъ средства для дѣятельности. Со второго десятилѣтія XVII в. Киевъ становится, довольно неожиданно, снова культурнымъ и национальнымъ центромъ украинской жизни.

Много содѣйствовало этому то

обстоятельство, что во главѣ козацкаго войска въ это время, во второмъ десятилѣтіи XVII в., становится человѣкъ созвучный этому движенію—Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Галичанинъ по происхожденію, воспитанникъ острожской школы, онъ сочувствовалъ всею душою этому религіозно-национальному движению, и его содѣйствію многимъ былъ обязанъ этотъ кружокъ галицкаго ученаго духовенства, собравшійся въ Киевѣ. Сагайдачный самъ со всѣмъ войскомъ козацкимъ вписался въ реестръ кievскаго братства, тѣмъ самымъ формально принявъ его подъ покровительство войска, и умирая, завѣщалъ свое имущество кievскому и львовскому братствамъ на нужды просвѣщенія. Сочувствіе и содѣйствіе его при жизни значило очень много, благодаря тому вліянію и авторитету, которымъ онъользовался какъ въ козацкихъ кругахъ, такъ и внѣ ихъ. Онъ имѣлъ славу необыкновенно искуснаго и счастливаго вождя и въ трудные моменты оказалъ большія услуги польскому правительству, въ войнахъ, наполнявшихъ его правленіе. Одновременно оно было эпохою необыкновенно смѣлыхъ морскихъ походовъ козацкихъ, когда козаки на своихъ чайкахъ, по выражению позднѣйшаго козацкаго историка, «окуривали мушкетнымъ дымомъ» стѣны Константинополя, Трапезунта, Синопа, и могущественная турецкая держава, наводившая страхъ на всю Европу, не могла ничего подѣлать со своимъ флотомъ и сухопутными войсками, съ убогими чайками козаковъ. Козачество достигло зенита своей славы. Турки грозили войною Польшѣ, направляли на польскія провинціи крымскую орду, и это, равно и жалобы украинской

шляхты на козацкое своеволіе, заставляло польское правительство, отъ времени до времени, серьезно задумываться надъ способами обузданія козачества. Это былъ моментъ, когда отмѣченный выше соціальный контрастъ между шляхетскимъ режимомъ Польши и стремленими козачества выяснялся все болѣе опредѣленно. Польские государственные мужи, имѣвшіе случай ближе присмотрѣться къ нему — какъ Жолкевскій, великий гетманъ коронный къэтому времени, рѣшительный и непримиримый врагъ козаковъ, старѣйший сенаторъ Польши кн. Збаражскій и др., уже вполнѣ опредѣленно указывали на глубокую опасность для всего шляхетска склада Польши, какую представлялъ ростъ и развитіе козачества. Всѣ русскія провинціи, считающія себя утѣсненными польскою властью, готовы возстать вмѣстѣ съ козаками и мстить вмѣстѣ съ ними, — замѣчаетъ кн. Збаражскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, и совершенно опредѣленно указываетъ на опасность народного восстанія, поджигаемаго козачествомъ. Эти соображенія и опасенія заставляли польское правительство во второмъ десятилѣтіи снаряжать одну за другою вооруженные экспедиціи, т. н. комиссіи противъ козаковъ, чтобы уменьшить ихъ число, заставить ихъ исключить изъ своей среды всѣхъ «своевольныхъ», обязать вести себя спокойно «на волости»

и т. п. Сагайдачный, стоявшій во главѣ войска, и другие сторонники оппортунистической тактики, избѣгали вооруженного столкновенія, успокаивая польское правительство обѣщаніями и расчитывая, что польское правительство, занятное дѣлами московскими и молдавско-турецкими, нуждаясь въ козацкомъ войскѣ, не будетъ въ состояніи настоять на исполненіи своихъ требованій. Дѣйствительно, все это время козацкое войско остается полнымъ хозяиномъ восточной Украины, и подъ ея охраною поднимаетъ голову такъ безнадежно придавленный польскимъ режимомъ украинскій элементъ. Козачество неожиданно оказалось весьма важнымъ звеномъ, связавшимъ своимъ соціальнымъ характеромъ, съ одной стороны, украинскіе верхи: съ другой — украинскія массы, остатки украинской шляхты, духовенство, мѣщанство, — объединивши все это, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, на общей почвѣ национальныхъ интересовъ, воплощавшихся для современниковъ въ интересахъ национальной православной церкви и связанной съ ней национальной культуры.

Наиболѣе эффектнымъ эпизодомъ этихъ общихъ усилий — было возстановленіе православной іерархіи и послѣдовавшая затѣмъ борьба за ея легализацію¹⁾.

Возстановленіе православной іерархіи и борьба изъ за нея.

Въ разгаръ дѣятельности кіевскаго кружка на украинскомъ горизонѣ появился снова патріархъ — іерусалимскій, Єофанъ: онъ проѣхалъ въ Москву, куда его призывали для посвященія

въ патріарха Филарета Романова, и на возвратномъ пути появился въ Кіевѣ, весною 1620 г. Кіевское духовенство

¹⁾ Подробнѣе въ VII т. „Історії України“, с. 344—425 — „Іст. україн. козачества“, т. II.

венство, ободренное успехами своих начинаний и покровительством козацкого войска, рѣшилось воспользоваться пріѣздомъ патріарха не только для того, чтобы его авторитетомъ санкционировать эти начинанія, но и произвести своего рода переворотъ въ церковной жизни Украины — порвать съ практикою королевскаго патроната и возстановить самостоятельную православную іерархію. Въ Кіевѣ, по случаю храмового праздника Печерскаго монастыря, былъ собранъ своего рода національный конгрессъ изъ земель украинскихъ и бѣлорусскихъ, и на немъ былъ принятъ этотъ планъ, а патріархъ, сначала не рѣшавшійся на такой непріятный польскому правительству шагъ и опасавшійся непріятныхъ для себя послѣдствій, въ концѣ концовъ сдался, въ виду того, что Сагайдачный съ козаками, принявший его подъ свою защиту, гарантировалъ ему безопасность. Въ теченіе осени этого года; втихомолку, съ соблюдениемъ разныхъ предосторожностей, въ разныхъ мѣстахъ были посвящены митрополитъ и пять епископовъ, по числу вакантныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ каѳедръ и послѣ того, подтвердивъ, кромѣ того, своими грамотами различныя церковныя учрежденія, подъ усиленною охраною козаковъ, патріархъ выѣхалъ въ Молдавію, избѣгнувъ довольно сомнительныхъ перспективъ, приготовлявшихся ему польскою администрациєю, усиленно приглашавшею его проѣхать черезъ западныя украинскія провинціи.

Это было чрезвычайно важное событие, но, можетъ быть, творцы его не предвидѣли, насколько труднѣе будетъ ввести въ жизнь новую самочинную іерархію, чѣмъ устроить ея посвященіе.

Они разсчитывали, что польское правительство, въ данный моментъ болѣе чѣмъ когда либо нуждавшееся въ помощи козацкаго войска, безъ большихъ затрудненій дастъ свое согласие на признаніе новой іерархіи. Турецкая гроза, столько лѣтъ страшившая польские круги, въ это время разразилась. Жолкевскій, до сихъ поръ при всѣхъ подобныхъ оказіяхъ избѣгавшій рѣшительныхъ битвъ съ Турками, въ виду слабости своихъ силъ, на этотъ разъ съ небольшимъ войскомъ, не имѣя помощи отъ козаковъ, съ которыми тоже былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, неосторожно перешелъ на молдавскую территорію, поддерживая воеводу — польского ставленника, и потерпѣлъ осенью 1620 г. страшное пораженіе при Цецорѣ, гдѣ погибъ самъ и много польского войска. Эта катастрофа произвела настоящую панику въ Польши, такъ какъ этотъ турецкий походъ считался не болѣе, какъ рекогносировкою, за которую долженъ былъ послѣдовать походъ самого султана со всѣми силами для сокрушенія Польши. Польское правительство старалось обезпечить помошь козаковъ въ предстоявшей кампаніи, обращалось даже къ посредничеству патріарха, хотя официально объявило его самозванцемъ и турецкимъ шпиономъ. Чрезъ своихъ агентовъ оно давало патріарху какія-то обѣщанія, которыхъ были истолкованы въ кіевскихъ кругахъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ участія козацкаго войска въ турецкой войнѣ правительство исполнитъ пожеланія православныхъ въ области церковныхъ отношеній, признаетъ новую іерархію.

Однако, эти надежды разсѣялись самымъ безжалостнымъ образомъ, ко-

гда одинъ изъ новопосвященныхъ іерарховъ, архієпископъ полоцкій Мелетій Смотрицкій, попробовалъ явиться въ свою епархію, чтобы осуществлять свои епіскопскія компетенціі; администрація встрѣтила его самымъ враждебнымъ образомъ, начала настоящее гоненіе на него и на православныхъ, обращавшихся къ нему, какъ къ епіскопу; имъ грозили даже не болѣе не менѣе, какъ смертные приговоры. Король Сигизмундъ III, вѣрный воспитанникъ іезуитовъ, не допускалъ уступокъ въ религіозной сфере и перспектива грознаго турецкаго похода не могла расположить его къ какимъ-либо существеннымъ уступкамъ православнымъ. На сеймѣ, созванномъ наканунѣ турецкой войны, украинскіе депутаты, съ извѣстнымъ волынскимъ парламентаристомъ Лаврентіемъ Древинскимъ во главѣ, произнесшимъ свою знаменитую рѣчъ, въ чрезвычайно сильныхъ краскахъ рисовавшую униженія, которымъ подвергается православное населеніе Польско-литовскаго государства,—не могли добиться ровно никакихъ уступокъ. Тогда кіевскіе круги, во главѣ съ новопоставленнымъ митрополитомъ Борецкимъ и Сагайдачнымъ (въ это время отставленнымъ отъ гетманства, но сохранившимъ вполнѣ свое вліяніе «на волости»), очевидно, рѣшили было остановить начавшуюся уже мобилизацио козацкихъ силъ для предстоящей войны съ Турками, чтобы принудить правительство къ уступкамъ въ вопросѣ объ іерархіи. Однако, козацкія массы, увлеченныя перспективою мобилизациіи для королевской службы, сопровождавшейся неограниченными поборами и контрибуціями на нужды войска, повидимому, не устояли въ такой политикѣ

бойкота и двинулись на театръ войны, не ожидая результатовъ депутатіи, отправленной къ королю и состоявшей изъ самого Сагайдачнаго и одного изъ новопоставленныхъ епіскоповъ—Курциевича. Сагайдачному не оставалось ничего болѣе, какъ взять снова въ свои руки начальство надъ войскомъ и попробовать какъ можно болѣе выдающимися заслугами въ кампаніи открыть дорогу къ расположению короля и склонить его къ уступкамъ. Козаки подъ его предводительствомъ дѣйствительно оказывали чудеса храбрости, изумлявшія Поляковъ. Несмотря на свое весьма малое расположеніе къ козакамъ, они единогласно признавали, что успѣшнымъ окончаніемъ этой кампаніи разыгравшейся подъ Хотиномъ, приведшей къ отступленію Турокъ обратно отъ польскихъ границъ, они были обязаны главнымъ образомъ козакамъ и Сагайдачному—смертельно раненому въ этой войнѣ.

Но всѣ эти чрезвычайныя заслуги не сломили упорства короля, и какъ только война окончилась, онъ далъ понять козакамъ, что они должны возвратиться во всемъ къ отношеніямъ, установленнымъ предъ Хотинскою кампаніею. Отправленные непосредственно съ театра войны козацкіе делегаты, ссылаясь на «кровавыя заслуги и вѣрность» козацкаго войска, свидѣтелемъ которыхъ былъ королевичъ Владиславъ (позднѣйшій король), просили короля «успокоить греческую религію» и разрешить козакамъ проживать безразлично въ имѣніяхъ коронныхъ и частныхъ, пользуясь юрисдикціею и правами козацкими. Король въ отвѣтъ поручилъ своимъ комиссарамъ передать козацкому войску, что въ вопросахъ религіи козаки, какъ до сихъ

поръ не подвергались никакимъ стѣсненіямъ, такъ и впредь не будуть подвергаться; въ вопросахъ организаціи козацкое войско должно было подчиниться нормамъ, выработанными предшествующими комиссіями: козацкое войско принимавшее участіе въ Хотинской войнѣ, въ числѣ свыше 40 тыс., должно было ограничиться одноюдвумя тысячами реестра, и только эти реестровые имѣли пользоваться козацкими правами, а всѣ остальные должны были возвратиться въ первобытное состояніе крѣпостной или иной зависимости; морскіе походы на турецкія владѣнія должны были прекратиться, козаки должны были выдать лодки комиссарамъ, и на будущее время ихъ постройка запрещалась подъ страхомъ смерти. Этимъ требованіемъ козацкое войско не соглашалось и не могло никакимъ образомъ подчиниться, и въ результатѣ непосредственно послѣ Хотинской войны между козацкимъ войскомъ и правительствомъ отношенія стали еще болѣе натянутыми, чѣмъ

были передъ кампаніей. Правительство продолжало свою уніатскую политику, не рѣшаясь только затрагивать территоріи, стоявшей подъ непосредственнымъ вліяніемъ козачества. Новая усилія добиться какихълибо уступокъ въ этой сфере на аренѣ парламентарной лишь убѣдили украинскихъ депутатовъ, что при жизни Сигизмунда они не въ состояніи ничего добиться, и имъ нужно отложить свои планы до безкоролевья по его смерти. Вмѣшательство козаковъ въ религіозные вопросы только раздражало клерикальные и правительственные круги, и въ послѣднихъ рѣшено было, въ случаѣ если козаки не подчинятся требованиямъ правительства, выступить противъ нихъ съ оружіемъ и бороться съ ними до полнаго ихъ уничтоженія. Благо, въ данный моментъ, благодаря успѣхамъ Хотинской войны, Польша чувствовала себя безопасной со стороны Турціи и считала возможною обратить свои силы противъ козачества¹⁾.

Козацкія войны 1625—1630 г.г.

Агрессивные планы и угрозы польского правительства не производили особенного впечатлѣнія въ козацкихъ кругахъ: здѣсь не придавали имъ особенного значенія; наоборотъ, увлекались широкими политическими планами, открывавшимися передъ козачествомъ. Въ Крыму начались усобицы; ханъ Магометъ и его братъ—калга Шагинъ-гирей отказались повиноваться своему сузерену, турецкому султану, и при помощи козацкаго войска начали весьма удачную борьбу съ послѣднимъ. Козаки, кромѣ

непосредственнаго участія въ крымской войнѣ, поддерживали своихъ союзниковъ, отвлекая силы Турокъ своими смѣлыми походами на Константинополь и окрестности, наводившими настоящую панику на Турокъ. Въ концѣ 1624 г. Шагинъ-гирей заключилъ съ козацкимъ войскомъ формальный союзный договоръ, которымъ обѣ стороны гарантировали другъ другу военную помощь противъ вся-

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. VII, с. 426 — 508.—„Ист. укр. козачества“ т. II.

каго непріятеля. Одновременно съ этими громкими событиями развертывало чрезвычайно широкие планы появление на Запорожье известного авантюриста Александра Яхіи, выдававшего себя за законного наследника султанского престола. По его словамъ, балканские народы признавали его втайне своимъ государемъ и ждали только его появления; рядъ западноевропейскихъ владѣтелей обѣщали ему помочь противъ Турции. Къ участію въ этой христіанской лигѣ онъ желалъ привлечь Украину и Москву. Кіевская іерархія Єоффанового поставленія, весьма тяготившаяся своимъ неопределеннымъ положеніемъ, въ которое поставило ее польское правительство, не признавъ ее правоспособности, и съ тревогою ожидавшая нового конфликта польского правительства съ козачьимъ войскомъ, отъ исхода которого зависѣла ея дальнѣйшая участіе, задумала воспользоваться планами Яхіи, чтобы заинтересовать украинскими дѣлами московское правительство и побудить его къ активному вмѣшательству въ укрянскія отношенія. Еще раньше, въ виду рѣзкихъ выступленій польского правительства противъ іерарховъ Єоффанова поставленія, кіевскій митрополитъ Борецкій и другіе владыки вели сношенія съ московскимъ правительствомъ, съ цѣлью обеспечить себѣ безопасное убѣжище на случай, если невозможнымъ окажется ихъ дальнѣйшее пребываніе въ восточной Украинѣ «подъ крылами христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцевъ (козаковъ)». Лѣтомъ 1624 г. Борецкій послалъ въ Москву епископа Иса. Борисовича, поручивъ ему сообщить московскому правительству его сообра-

женія, что въ случаѣ войны козацкое войско не въ состояніи будетъ отстоять отъ Поляковъ Украину, поэтому просить, чтобы царь, охраняя православныхъ отъ католическихъ гоненій, принялъ козацкое войско и Украину подъ свое покровительство и защищилъ отъ Поляковъ. Вслѣдъ затѣмъ завязались переговоры съ Борецкимъ Яхія; Борецкій увидѣлъ въ этомъ благопріятный случай заинтересовать московское правительство широкими планами освожденія православныхъ народовъ отъ иновѣрнаго владычества и побудить къ вмѣшательству, въ польско-украинскія отношенія. Отправивъ Яхію на Запорожье, онъ затѣмъ совмѣстно съ нимъ и Запорожскимъ войскомъ организовалъ новое посольство въ Москву, отъ Яхіи и его союзниковъ—козацкаго войска, чтобы просить у московского правительства помощи и содѣйствія для грандіозной экспедиціи, которую Яхія съ козаками, въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ и при помощи своихъ западноевропейскихъ союзниковъ намѣревался въ 1625 г. предпринять противъ Турции.

Московское правительство не осталось равнодушнымъ къ планамъ Яхіи и оказалось ему денежную помощь, но непосредственного участія въ его военныхъ предпріятіяхъ взять не рѣшилось. Скептически отнеслось оно и къ предложенію митрополита — принять Украину подъ царскую протекцію, справедливо указавъ, что эта мысль въ самихъ украинскихъ кругахъ «не утверждена», «и о томъ укрѣпленія еще нѣтъ»; однако, подавало надежду, что если бы Украина рѣшилась единодушно бороться съ Польшею и искала помощи Москвы, то московское правительство не останется безучастнымъ.

Пока, действительно, митрополичьи планы являлись чистой теорией, и комбинация, такъ близко напоминавшая позднѣйшую—эпохи Хмельницкаго—далеко не созрѣла въ такой степени, какъ тридцать лѣтъ спустя, когда московское правительство действительно рѣшилось рискнуть на войну съ Польшею, опираясь на Украину.

Широкіе планы кончились ничѣмъ, западно-европейскіе союзники, которыми хвалился Яхія, не прислали денегъ, обѣщанныхъ козацкому войску для снаряженія сухопутнаго похода на Турцію; морскіе походы, предпринятые казаками на турецкія земли въ большихъ размѣрахъ, въ общемъ оказались неудачными; Шагинъ-гирей потерпѣлъ чувствительную неудачу въ борьбѣ со своими врагами и не устоялъ въ своемъ договорѣ съ козаками: продалъ свой нейтралитетъ польскому правительству за уплату «упоминковъ» за два года. Обезпечивъ себя съ этой стороны, гетманъ польскій Стан. Конецпольскій въ началѣ осени 1625 г. двинулся со всѣми силами — правительственными и панскими отрядами, снаряженными въ помошь коронному войску, на козаковъ, чтобы принудить ихъ силою оружія принять и привести въ исполненіе постановленія королевскихъ комиссаровъ. Это движеніе польскихъ войскъ застало козаковъ врасплохъ: расчитывая на союзъ съ Крымомъ, они не предполагали такихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Поляковъ. Значительная часть козаковъ была еще на морѣ, когда польское войско двинулось въ козацкій районъ вост. Украины. Много времени у козаковъ ушло въ ожиданіи возвращенія ихъ морской экспедиціи, много потрачено

было на безплодные переговоры съ крымскими союзниками, прежде чѣмъ козаки убѣдились, что имъ нечего расчитывать на обеспеченную договоромъ помощь съ этой стороны. Въ результатѣ, польское войско успѣло проникнуть въ самый центръ козацкихъ поселеній, въ окрестности Черкасъ, прежде чѣмъ козацкое войско, подъ предводительствомъ гетмана Жмайла, съ артиллерию, успѣло прибыть на театръ войны съ Запорожскаго Низу. Поляки успѣли овладѣть театромъ войны и воспрепятствовать мобилизаціи козачества, находившагося «на волости». Это предрѣшило исходъ кампаніи. Козацкія силы, вскорѣ собравшіяся, при приближеніи польского войска, отступили на югъ, чтобы соединиться съ запорожскимъ войскомъ; но когда послѣднее прибыло, оказалось, что и соединенное козацкое войско не въ состояніи выдержать натиска мобилизованныхъ противъ него польскихъ силъ. Прежде чѣмъ козаки успѣли устроиться на своихъ позиціяхъ, около нынѣшняго Крылова, польское войско, начавъ блокаду козацкаго лагеря, заставило козацкое войско сняться съ позицій и передвинуться, съ значительными потерями, еще далѣе на югъ на ур. Куруково (около теп. Крюкова). Однако, стремительный натискъ польского войска, которымъ оно расчитывало смыть и окончательно разбить козацкое войско, былъ отраженъ съ большими потерями для Поляковъ, и перспектива долговременной осады въ такой удаленной мѣстности и въ такую неблагопріятную позднюю пору (начинался ноябрь) сдѣлала ихъ болѣе уступчивыми. Послѣ долгихъ переговоровъ заключенъ договоръ, по которому участникамъ всѣхъ войнъ и «свое-

вольствъ» предоставлена была полная амнистія, козацкій реестръ увеличивался до 6000, и за козацкимъ войскомъ признано право выбора своихъ гетмановъ; но козацкими правами козаки могли пользоваться только въ имѣніяхъ коронныхъ и притомъ лишь вписаные въ реестръ; кромѣ того, они обязались не производить на будущее время нападеній на турецкія земли безъ воли польского правительства.

Гетманомъ былъ избранъ талантливый вождь и правитель Михайло Дорошенко. Онъ продолжалъ политику Сагайдачнаго, всѣми мѣрами избѣгая конфликтовъ съ польскимъ правительствомъ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми обстоятельствами для того, чтобы постановленія «куруковской комиссіи» не легли слишкомъ тяжело на массу козачества, оставшуюся въ реестре. Обстоятельства благопріятствовали этому, такъ какъ массу «выписчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра козаковъ, взяло на службу само польское правительство для шведской войны, такимъ образомъ собственными руками (какъ это имѣло и въ другихъ случаяхъ) лишивъ фактическаго значенія ограниченія, созданныя куруковскою комиссіею. Позже, возобновившіяся крымскія усобицы, въ которыхъ польское правительство, не рѣшаясь выступать открыто, считало полезнымъ поддерживать черезъ козаковъ партію Шагинъ-гирея, давали благопріятный выходъ изъ труднаго положенія. Но въ крымскомъ походѣ 1628 г. Дорошенко былъ убитъ, а его преемникъ Грицько Черный, очевидно, не дорося до своей задачи. Крымская кампанія была проиграна самымъ печальнымъ образомъ. На Запорожье, враждебный польскому режиму эле-

ментъ усилился настолько, что Черный принужденъ былъ отступить на волость; возобновляются походы на море. Съ другой стороны, церковные круги, во главѣ которыхъ стали наиболѣе непримиримые элементы, вели рѣзкую агитацию противъ Чернаго, какъ правительственный креатуры. Достаточно натянутыя отношенія обострились еще болѣе, когда съ окончаніемъ шведской войны возвратился рѣзко настроенный противъ козачества Конецпольскій, съ неполучившимъ жалованья польскимъ войскомъ, которое онъ расквартировалъ по Украинѣ. Обычныя въ такихъ случаяхъ притѣсненія со стороны польского войска подлили масло въ огонь, между тѣмъ Черный, уступая ли настояніямъ Конецпольскаго или полагаясь на его поддержку, какъ разъ принялъся за ревизію реестра и потребовалъ отъ козаковъ, собравшихся на Запорожье, чтобы они явились «на волость», подъ его начальство, подъ угрозою исключенія изъ реестра. Это подало поводъ къ восстанію. Запорожцы, подъ начальствомъ Тараса Федоровича, двинулись на волость, заявляя свою покорность, но, когда Черный отправился къ нимъ, по ихъ приглашенію, онъ былъ схваченъ ими, осужденъ на смерть и обезглавленъ. Узнавъ объ этомъ, реестровая старшина съ частью войска искали спасенія подъ защитою польского войска, другая присоединилась къ восставшимъ. Поднялось народное восстаніе; населеніе избивало расквартированные польские отряды и присоединялось къ козацкому войску. Въ этомъ направленіи вели также агитацию Запорожцы, призываю всѣхъ къ восстанію для обороны православной вѣры. Предпринятыя

правительствомъ незадолго предъ тѣмъ попытки религіознаго компромисса между православными и униатами дали поводъ къ подозрѣніямъ новыхъ униатскихъ интригъ. Распространялись слухи о рѣзаніи православныхъ, приготовленной католиками. «Благочестная вѣра» (православіе) становилась лозунгомъ народной войны.

Конецпольскій на этотъ разъ былъ захваченъ совершенно врасплохъ, и это сразу дало шансы восстанію. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ собрать кое-какія силы и двинуться съ ними на театръ восстанія, послѣднее охватило уже огромныя пространства по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и создало огромныя военные кадры. Тарасъ, избравъ своимъ опорнымъ базисомъ Переяславъ, собралъ здѣсь все необходимое для кампаніи и приготовился къ ней заранее. Когда Конецпольскій устремился за Днѣпръ, спѣша быстрою поправить потерянное, онъ наскочилъ на такія превосходныя козацкія силы и укрѣпленія, что едва не по-

гибъ и, возвратившись за Днѣпръ, уже съ большою осторожностью переправился вторично. Чтобы обезпечить себѣ сношенія съ правымъ берегомъ, онъ былъ принужденъ значительную часть своего войска расположить на побережья, и это еще болѣе ослабило его силы. Послѣ двухъ недѣль, прошедшихъ въ болѣе мелкихъ схваткахъ у Переяслава, въ рѣшительной битвѣ Поляки понесли огромныя потери и были отрѣзаны отъ Днѣпра и дальнѣйшее продолженіе войны стало невозможнымъ. Конецпольскій долженъ былъ отложить всякую надежду на усмирение «хлопской кровью» козацкаго своевольства и приступить къ переговорамъ. Рѣшено было, что участники восстанія получать амнистию, реестръ будетъ увеличенъ до 8000, самое главное—его осуществленіе въ действительности было пройдено молчаниемъ, иначе говоря—оставлены въ силѣ фактическія отношенія, создавшіяся на Украинѣ въ моментъ восстанія¹⁾.

„Успокоеніе православныхъ“.

Успѣхъ восстанія, поднятаго подъ знаменемъ «защиты благочестивой вѣры», дѣйствительно не остался безъ вліянія на положеніе этой послѣдней. Король Сигизмундъ, непреклонный врагъ ся, доживалъ въ это время свои послѣдніе дни, и православные готовились сдержать свое обѣщаніе, данное ими послѣ Хотинской войны, когда,убѣдившись, что при жизни Сигизмунда не добываются никакихъ уступокъ, они дали слово своимъ противникамъ и себѣ, употребить всѣ усилия, чтобы во время безкоролевья

по смерти Сигизмунда добиться для православной религіи того, чего не могли добиться при его жизни. Возстаніе, поднятое во имя православной вѣры, вліяніе, какое оказывала на козацкія сферы партія непримиримыхъ, совѣтовавшая не ожидать ничего хорошаго отъ польского правительства и искать покровительства у православнаго царя—эти факты были надлежащимъ образомъ учтены наследникомъ

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. VII гл. 7 и т. VIII, гл. 1—2.—„Історія укр. козач.“ т. II.

престола Владиславомъ и его сторонниками, тѣмъ болѣе, что онъ не разставался еще съ мечтою о московской коронѣ, которую получилъ изъ рукъ боярского правительства, и первымъ дѣломъ своимъ считалъ возобновить съ Москвою войну, поддерживая свои притязанія. Имѣть козаковъ и православныхъ не противъ себя, а за себя также и съ точки зрењія этихъ плановъ было для него существенно важно. Съ своей стороны козаки не упустили случая поддержать по-своему тѣ требованія, какія выдвигали въ моментъ безкоролевья на парламентарной аренѣ общественные круги, которымъ эта послѣдняя была доступна.

Король умеръ въ апрѣлѣ 1632 г. Хотя его сынъ Владиславъ былъ общепризнаннымъ наслѣдникомъ и въ выборѣ его собственно не могло быть никакихъ сомнѣній, однако польская конституція открывала широкое поле для всякаго рода переговоровъ и торговъ въ моментъ смѣны королей, такъ какъ по принципу тронъ считался выборнымъ, и передъ выборами должны были постановляться пункты соглашенія, *racta conventa*, которые имѣли быть приняты кандидатомъ на корону, до окончательного выбора. Православные парламентаристы рѣшили не допустить не только до выбора короля, но и до выработки *racta conventa*, прежде чѣмъ не будуть надлежащимъ образомъ удовлетворены ихъ требованія. Слабые остатки православной шляхты, еще уцѣлѣвшіе послѣ всего процесса окатоличенія и ополяченія, опустошавшаго ея ряды за послѣднія десятилѣтія, напрягли всѣ усилия, чтобы провести на сеймы безкоролевья наиболѣе стойкихъ и

опытныхъ своихъ парламентарievъ, и послѣдніе, соединившись съ представителями такой же ослабленной и разбитой, но все еще полной энергіи шляхты протестантской, дѣйствительно чрезвычайно энергично и смѣло воспользовались всѣми обструкціонными средствами, какія давала въ ихъ распоряженіе конституціонная практика, чтобы заставить посольскую палату, сенатъ и партизановъ Владислава считаться съ ихъ требованіями. Этотъ, очень сильный (особенно въ сравненіи съ слабостью православнаго шляхетскаго элемента) натискъ украинскихъ парламентарievъ, среди которыхъ наряду со старыми, испытанными бойцами выдвигается извѣстный впослѣдствіи дѣятель Адамъ Кисель,— произвелъ впечатлѣніе на сеймъ. Съ другой стороны, козацкое войско также старалось произвести извѣстное давленіе, выславъ свою депутацію съ петиціями, гдѣ, между прочимъ, также настойчиво просило разрѣщенія религіознаго конфликта, а для себя добивалось права участія въ выборѣ короля, наравнѣ съ шляхтою. Это послѣднее требование, однако, не нашло сочувствія на сеймѣ, да и самимъ козацкимъ войскомъ не было поддержано достаточно настойчиво. Для болѣе сильнаго впечатлѣнія гетманъ козацкій Петражицкій-Кулага съ большими войсками двинулся на Волынь, чтобы дать почувствовать козацкую руку имѣніямъ враждебно настроенныхъ магнатовъ. Натискъ украинской шляхты съ одной стороны, агитация духовенства и братствъ и настроеніе козацкихъ круговъ—съ другой—убѣдили Владислава и его партизановъ въ необходимости серьезныхъ уступокъ православнымъ, не-

смотря на рѣзкую оппозицію католической іерархіи и многихъ клерикально настроенныхъ сенаторовъ. Вопреки ихъ протестамъ и заявлениямъ, что безъ согласія папской куріи они не могутъ дать какихъ-нибудь уступокъ за счетъ униатской церкви, сеймовая комиссія подъ вліяніемъ Владислава и его сторонниковъ рѣшила раздѣлить наслѣдие старой православной церкви болѣе или менѣе поровну между униатами и православными: признать отдельную православную митрополію наряду съ униатской и раздѣлить пополамъ епископства — предоставить православнымъ епископство львовское, перемышльское и луцкое и образовать одно новое для бѣлорусскихъ земель, а за униатами оставить полоцко-витебское и три украинскихъ епархіи: владимірскую, холмскую и тuroво-пинскую. Церкви и монастыри должны были раздѣлить специальнно назначенные королевскіе комиссары. Послѣ долгихъ и упорныхъ торговъ православная сторона согласилась на этотъ компромиссъ: въ данныхъ условіяхъ она не могла расчитывать добиться болѣе значительныхъ уступокъ, — и рѣшила какъ можно скорѣе только войти во владѣніе предоставленными ей позиціями. Такъ какъ іерархіи, поставленной безъ согласія правительства, послѣднее признавать все-таки не желало, то тутъ же на сеймѣ произведенъ былъ выборъ нового митрополита: имъ выбранъ былъ печерскій архимандритъ Петръ Могила, человѣкъ близкій польскимъ шляхетскимъ кругамъ, угодный правительству, но съ другой стороны и въ православныхъ кругахъ успѣвшій завоевать себѣ сторонниковъ своею энергическою дѣятельностью.

Незадолго передъ тѣмъ (1627) выбранный на важный постъ архимандрита печерскаго, онъ основалъ въ Кіевѣ коллегію по образцу современныхъ католическихъ (іезуитскихъ) коллегій и вообще проявилъ энергическую культурно-просвѣтительную дѣятельность. На первыхъ порахъ эта послѣдняя, поскольку являлась конкурренціей дѣятельности братства, возбудила неудовольствія и подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что и въ періодъ правительственный попытка къ осуществленію религіознаго компромисса Могила не проявилъ сопротивленія этимъ послѣднимъ; Могила оказался подъ подозрѣніемъ у извѣстной части православнаго общества, и непримиримые элементы подняли противъ него движеніе среди козаковъ и мѣстнаго кіевскаго населенія. Подъ давленіемъ его и особенно козацкаго войска, Могила долженъ былъ уступить; принявъ почетный титулъ старшаго братчика кіевскаго братства, онъ присоединилъ новооснованную коллегію къ братской школѣ и вообще повелъ свою дѣятельность съ большимъ вниманіемъ къ настроеніямъ православнаго общества. Получивъ теперь митрополію, онъ снискалъ довѣріе къ себѣ весьма рѣшительными, даже рѣзкими подчасъ мѣрами, которыми старался вырвать изъ рукъ униатскаго духовенства позиціи, предоставленныя православнымъ «пунктами успокоенія», и за это ему прощалось многое, въ томъ числѣ и рѣзкие поступки по отношенію къ его предшественнику по митрополіи Ис. Копинскому, котораго ему пришлось устранить, занимая митрополію, на основаніи новаго выбора. «Пункты успокоенія», установленные при выборѣ Владислава,

вообще не внесли успокоенія въ религіозныя отношенія. Продолжалась чрезвычайно упорная и нерѣдко очень рѣзкая борьба за имѣнія той и другой каѳедры —уніатской или православной, за отдѣльные монастыри, церкви, приходы; рѣшенія комиссаровъ вовсе не рѣшали этихъ споровъ, въ дѣло пускалась физическая сила — захваты силою, сопровождавшіеся схватками и—безконечными процессами. Петръ Могила, въ качествѣ новаго главы православной церкви, обнаруживалъ большую энѣргію, бдительность и стойкость въ этой борьбѣ. Съ другой стороны, онъ прилагалъ усердныя старанія къ упорядоченію отношеній внутри самой православной церкви, въ значительной степени де-зорганизованной долговременнымъ состояніемъ т. ск., виѣзаконнымъ, безъ іерархіи. Чисто административная дѣятельность шла рука обь руку съ культурно-просвѣтительскій, съ стремленіями поднять культурный уровень духовенства, организаціею школъ. Во главѣ ихъ стояла кіевская братская школа, которую Могила старался поднять до уровня католическихъ академій. Развивалъ также весьма замѣтную издательскую, и литературно-богословскую дѣятельность. Все это создало Могилѣ славу обновителя

православной украинской церкви, съ которой перешелъ онъ въ традиціи, не безъ ущерба для заслугъ его предшественниковъ на этомъ попришѣ; въ виду ея прощались ему многія рѣзкія, самовластныя черты этой дѣятельности.

Съ другой стороны, правительство не имѣло также причинъ сожалѣть о сдѣланныхъ уступкахъ. Признавъ православную іерархію, оно имѣло удовольствіе видѣть на мѣстѣ прежнихъ непримиримыхъ ирредентистовъ, искашившихъ опоры въ козачествѣ, поджигавшихъ его къ борьбѣ съ правительствомъ и агитировавшихъ за принятиемъ московской протекціи,—людей лояльныхъ относительно Польши и польского правительства, при всей преданности интересамъ православной церкви связанныхъ нравственными узами съ Рѣчью Посполитою и ея режимомъ, искавшихъ опоры въ шляхетскихъ кругахъ и придворныхъ вліяніяхъ, а не въ компрометирующихъ связяхъ съ козацкимъ демосомъ. Союзъ украинской интеллигенціи съ козачествомъ, заключенный на религіозной почвѣ, подъ давленіемъ непримиримой политики Сигизмунда, былъ, если не разорванъ, то значительно ослабленъ «пунктами успокоенія» и толерантною политикою его сына ¹⁾.

Козацкія движенія 1630-хъ г.г.

Король Владиславъ, вступая на престолъ, носился съ планами грандіозныхъ войнъ, завоеваній, династическихъ успѣховъ. Онъ считалъ себя законнымъ претендентомъ на корону московскую и шведскую, мечталъ о борьбѣ съ Турцией и Крымомъ. Но шляхта вообще очень недоброжела-

тельно была настроена къ этимъ воинственнымъ планамъ, страшась налоговъ и хлопотливыхъ расплатъ съ навербованнымъ и неоплаченнымъ войскомъ, какія обыкновенно вели за

1) Подробнѣе въ „Історії України“ т. VIII, гл. 3. („Ист. укр. козач.“, т. II).

собой польскія войны,—и обыкновенно своимъ делегатамъ, избираемымъ сеймомъ, поручала принимать всѣ мѣры къ скорѣйшему прекращеню войнъ. Имѣя въ виду такое настроеніе сейма, польскіе дипломаты и полководцы большою частью безжалостно обрывали военные планы короля. Московская война, начатая сейчас же послѣ избранія, при усиленномъ участіи козаковъ, была закончена, вопреки желанію короля, вѣчнымъ миромъ, ликвидировавшимъ его претензіи на московскій престолъ. Предотвращена была затѣмъ война со Швеціею, за которую надѣялся ухватиться Владиславъ. Возстановленъ былъ миръ съ Турцией, и сеймъ рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы этотъ миръ не былъ нарушенъ своевольными козацкими нападеніями. Согласно проекту, предложенному Конецпольскимъ, рѣшено было выстроить крѣпость у Кодакъ-каго порога, чтобы преградить дорогу своеестественному элементу на Низъ. На этотъ разъ дѣло не осталось въ области проектовъ, и весною 1635 г. постройка крѣпости уже настолько подвинулась, что тамъ можно было поставить польскій гарнизонъ, комендантъ котораго дѣйствительно чрезвычайно внимательно и даже приидично сталъ слѣдить за козаками уходниками, промышлявшими въ степяхъ, и чинить имъ всяческія приидирки. Козацкое войско, обѣщавшее себѣ разныя блага съ вожествиемъ Владислава, съ чрезвычайнымъ разочарованіемъ и гнѣвомъ встрѣтило это новое посягательство на его свободу, равно и другія мѣры, направленныя къ ограниченію реестра и претензій выписчиковъ. На минуту казалось, что новая война — со Швеціею дастъ выходъ изъ этого положенія.

Владиславъ выписалъ часть козацкаго войска на сѣверный театръ войны, разсчитывая создать козацкую флотилію на Балтійскомъ морѣ и противостоять ее шведскому флоту (козацкія чайки дѣйствительно были снаряжены и очень эффектно дебютировали, взявъ на абордажъ шведскій корабль). Разсчитывая, что польское правительство, занятое этою войною и нуждаясь для нея въ козацкихъ контингентахъ, будетъ принуждено сквозь пальцы смотрѣть на поведеніе козаковъ на Украинѣ, козацкая старшина рѣшила воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго гарнизона. Козацкое войско, подъ предводительствомъ гетм. Сулимы, напало на Кодакъ, изрубило гарнизонъ и уничтожило крѣпость. Этотъ инцидентъ вызвалъ чрезвычайное раздраженіе въ правящихъ сферахъ; шведскій конфликтъ былъ улаженъ, гетманъ Конецпольскій возвращался на Украину, горя желаніемъ наказать за разрушение созданной имъ крѣпости. Лук. Жолкевскій, братъ гетмана, староста Переяславскій, служившій правительству посредникомъ въ сношеніяхъ съ козаками, приложилъ старанія, чтобы терроризировать старшину страхомъ грозной кампаніи; одновременно пустилъ въ ходъ деньги, убѣждая реестровыхъ выдать Сулиму и другихъ зачинщиковъ и такимъ образомъ избѣжать войны. Эти уговоры и подкупы подѣйствовали; Сулима съ товарищами былъ выданъ и казненъ въ Варшавѣ.

Броженіе и недовольство среди козачества, однако, продолжалось. Выдавая правительству зачинщиковъ, старшина одновременно ходатайствовалъ, чтобы козацкому войску были наконецъ выплачены задержанныя за

нѣсколько лѣтъ деньги и положенъ быль предѣлъ разныи притѣсненіямъ, чинимымъ козакамъ старостами. Но правительство не удовлетворило этихъ ходатайствъ; жалованіе оставалось невыплаченнымъ; казна не находила средствъ даже для возобновленія Кодацкой крѣпости. Съ другой стороны, правительство не переставало требовать, чтобы козаки никоимъ образомъ не трогали турецкихъ владѣній, между тѣмъ какъ для козацкой вольницы эти походы являлись источникомъ добычи, которою она считала себя въ правѣ компенсировать не заплаченное жалованіе. На время возгорѣвшіяся въ Крыму усобицы отвлекли въ эту сторону вниманіе козаковъ. Козацкое войско отправилось поддерживать хана въ борьбѣ съ Турцией, подъ предводительствомъ Павлюка, одного изъ товарищей Сулимы. Но вернувшись весною 1637 г. изъ Крыма, Павлюкъ повелъ здѣсь агитацию, возбуждая войско къ восстанію. Козацкую «армату» (артиллерію) сторонники Павлюка захватили и отвезли на Запорожье. Тогдашній гетманъ Томиленко слалъ посланія, увѣщаю Павлюковцевъ успокоиться, но отъ активныхъ выступленій противъ нихъ уклонялся. Правительственная партія, подозрѣвая его въ скрытомъ сочувствіи восстанію, смѣнила его самовольно, выбравъ на мѣсто Томиленка Савву Кононовича, и тѣмъ ускорила развязку. Павлюкъ отвѣтилъ манифестомъ, гдѣ объявлялъ Кононовича и его сторонниковъ измѣнниками; высланный имъ на Украину отрядъ захватилъ Кононовича съ другими его сторонниками, отвезъ ихъ въ лагерь Павлюка, и здѣсь по приговору козацкаго суда они были преданы смертной казни.

Такъ началось восстаніе. Но Павлюкъ, вмѣсто того, чтобы двинуться и овладѣть театромъ будущей войны, отступилъ на Запорожье; говорили, что онъ старается привлечь на свою сторону хана и донскихъ козаковъ. На Украинѣ его представитель, полковникъ Скиданъ, поднималъ населеніе, распространяя возванія, по примѣру 1630 г. призывающія къ восстанію для защиты православныхъ отъ истребленія, которое несутъ имъ польскія войска. Возставшіе нападали на шляхетскіе дома, разоряли и избивали Поляковъ. Конецпольскій, не поддержавшій своевременно правительственную партію среди козачества, потому что долженъ былъ охранять юго-западныи границы отъ Туровъ, грозившихъ вторженіемъ, и все настаивавшій, чтобы козаки шли ему въ помощь,—въ это время уже уладилъ турецкій инцидентъ и осенью выслалъ свое войско со своимъ помощникомъ, гетманомъ польскимъ Ник. Потоцкимъ противъ козаковъ. Хотя послѣдній потерялъ много времени, пока договорился съ предоставленнымъ въ его распоряженіе войскомъ, отказывавшимся пускаться въ новую кампанію въ виду того, что ему не былоплачено за предшествовавшую службу,—однако Павлюкъ промедлилъ еще больше, и Потоцкій успѣлъ проникнуть за Рось, прежде чѣмъ тотъ прибылъ со своимъ войскомъ. Повторилась исторія довольно близко напоминавшая 1625 г., съ еще болѣе печальнымъ исходомъ. Польское войско, врѣзавшись глубоко на югъ, предотвратило присоединеніе къ главному козацкому войску лѣвобережныхъ силъ, стоявшихъ за Днѣпромъ, и разбило Павлюка у с. Кумеекъ. Павлюкъ бросилъ послѣ этого войско и поспѣ

шилъ на югъ, къ Боровицѣ, чтобы здѣсь организовать новыя силы. Оставленное имъ войско, подъ начальствомъ Гуни, отступило вслѣдъ за нимъ. Поляки шли по его слѣдамъ и перебивъ раненыхъ и отставшихъ козаковъ, оставленныхъ въ Мошнахъ, приступили къ Боровицѣ. Когда исчезла надежда на лѣвобережныхъ, козацкое войско вошло въ переговоры съ Потоцкимъ и капитулировало, согласившись выдать Павлюка и Томиленка, такъ какъ Кисель, служившій посредникомъ при переговорахъ, ручался своимъ словомъ за ихъ безопасность. Это не помѣщало, однако, полякамъ казнить выданныхъ. Потоцкій занялся экзекуціями, желая терроромъ « успокоить » украинское поселеніе: въ Киевѣ, Нѣжинѣ, въ разныхъ мѣстахъ онъ казнилъ замѣшанныхъ въ возстаніе, сажая на коль и выставляя головы казненныхъ на публичныхъ мѣстахъ.

Но этотъ терроръ не помѣщалъ возстанію разразиться съ новою силою, какъ только прошла зима и вскрылись рѣки. Козаки, собравшіеся на Запорожье, выбрали гетманомъ одного изъ полковниковъ Яцка Острянина и раннею весною двинулись на волость, театромъ операций своихъ избравъ на этотъ разъ лѣвобережную Украину, болѣе удаленную, менѣе удобную для Поляковъ, а для возстанія представлявшей благодарный матеріалъ, особенно въ своихъ новыхъ слободахъ, которыхъ уже въ предшествующую кампанію Потоцкій оцѣнилъ, какъ наиболѣе опасные очаги возстанія. Пройдя вверхъ Днѣпромъ до устья Псла, Острянина неожиданно для Поляковъ повернуль вверхъ по течению Псла, и прежде чѣмъ они успѣли оріентироваться въ его планѣ, онъ укрѣпился на очень

благопріятной позиціи, у впаденія Голтвы въ Пселъ. Когда оставленный для наблюденія на Украинѣ родственникъ гетмана Потоцкаго, полковникъ Потоцкій съ польскимъ войскомъ и реестровыми козаками попробовалъ ударить здѣсь на Острянина, попытка это окончилась настолько плачевно, что Потоцкій послѣ первого же сраженія счелъ за лучшее отступить на западъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя болѣе безопаснѣмъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Острянина неосторожно бросиль свою позицію, не ожидая подкрѣплений, направлявшихся къ нему сюда, и пошелъ за Потоцкимъ, надѣясь, вѣроятно, уничтожить его. Не успѣвъ на пути соединиться съ направлявшимися къ нему вспомогательными отрядами, онъ напалъ на Потоцкаго со своими силами и потерпѣль пораженіе. Послѣ этого, оставивъ на произволъ судьбы подходившіе отряды, онъ сталъ уходить вверхъ по теченію Сулы, считая кампанію проигранною и намѣреваясь уйти за московскую границу, какъ говорили. Но на верховьяхъ Сулы къ нему стало присоединяться мѣстное возставшее населеніе въ такихъ массахъ, что онъ рѣшилъ продолжать борьбу и, обойдя польскія позиціи, зашелъ съ юго-востока, разсчитывая отрѣзать Потоцкаго отъ Днѣпра. Новая битва, однако, оказалась опять неудачною, и когда Поляки перешли послѣ нея въ наступленіе, Острянина съ частью войска покинулъ остальныхъ и ушелъ за московскую границу. Надѣялся остальными снова принять начальство Гуна, и отступивъ на устье Сулы, заняль здѣсь неприступную позицію, осада которой затянулась надолго. Гетманъ Потоцкій, прибывъ сюда со своими си-

лами и убѣдившись въ трудностяхъ, завѣль переговоры съ осажденными, и послѣдніе, утомленные осадою, не имѣя возможности получить подкрепленія и запасы, въ концѣ концовъ, рѣшили сдаться, подъ условіемъ амнистіи для участниковъ и предоставленія дальнѣйшей судьбы козачества на рѣшеніе

короля. Но это рѣшеніе было одной формой: новая организація козачества была рѣшена сеймомъ уже весною этого года, подъ впечатлѣніями восстанія 1637 г., и король тутъ ничего не могъ измѣнить. Козацкое войско должно было принять сеймовую ординацію 1638 г.¹⁾.

Усиленіе польского режима; украинская эмиграція.

Козацкія восстанія 1630-хъ гг. не улучшили, а ухудшили положеніе козачества. Благодаря мирной политикѣ шляхты, предотвращавшей всякия серьезныя войны, польское правительство не нуждалось въ военныхъ силахъ козачества, въ экстраординарныхъ контингентахъ его—сверхъ реестровыхъ, точнѣе сказать. Наоборотъ—свободно располагая своими военными силами, оно могло тщательно слѣдить за украинскими отношеніями и подавлять всякія стремленія козаковъ выйти изъ предназначенныхъ ему рамокъ. Въ этомъ лежалъ интересъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и державцевъ, для хозяйственныхъ плановъ которыхъ не помѣрное развитіе козачества являлось существеннымъ препятствиемъ. Ограничения, принятые сеймомъ въ 1638 г. и проведеныя въ жизнь въ концѣ этого года, послѣ капитуляціи Гуни, были продиктованы украинскими магнатами. Козацкое войско было оставлено, но приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать его безопаснѣмъ для успѣховъ магнатскаго хозяйства и вообще польско-шляхетскаго режима на Украинѣ. Козацкое самоуправленіе отмѣнено, всѣ высшія должности въ козацкомъ войскѣ были замѣщены Поляками, и въ ряды самого реестроваго

казачества на открывающіяся вакансіи вводились, по словамъ позднѣйшихъ воспоминаній, разные посторонніе элементы. Козацкіе поселенія были локализированы, ограничены извѣстными коронными имѣніями, и приняты были всѣ мѣры, чтобы привилегіи, которыми пользовались козаки, не «деморализовали» остального населенія. Подъ строгимъ и придиличнымъ контролемъ мѣстныхъ старостъ и своей собственной польской администраціи козацкій элементъ былъ подавленъ, приниженъ и казался неопаснымъ. Отстроенная Кодацкая крѣпость преграждала дороги на Низъ, господствовала надъ порогами, и самое Запорожье стояло подъ надзоромъ гарнизона изъ реестровыхъ козаковъ. Расквартированныя на Украинѣ польскія войска служили угрозой для всякой попытки къ движенію.

Давніе планы польскихъ политиковъ, наконецъ, осуществились. Шляхетское хозяйство начало, благодаря этому, дѣйствительно развиваться успѣшно и въ смыслѣ своей экспансиности, захватывая новые простран-

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. VIII, гл. 4 и 5 (входитъ въ „Іст. україн. коз.“ т. III).

ства, и въ смыслѣ интенсификаціи крѣпостническихъ отношеній. И благодаря тому, что вершителямъ польской политики на этотъ разъ удавалось парализовать всѣ воинственные замыслы короля, такой идеальный, съ польской точки зрењія, порядокъ продержался почти десять лѣтъ и казался упрочившимся. Но онъ висѣлъ только на тонкой нити хрупкаго политического равновѣсія, не имѣя сколько нибудь прочнаго основанія въ мѣстныхъ отношеніяхъ. Нужно было очень много для того, чтобы онъ окрѣпъ дѣйствительно. Реестровое козачество, покорно подчиняясь новымъ порядкамъ, не мирилось съ ними и было крайне раздражено всѣми ограниченіями новой ординації. Массы выписчиковъ, составленныхъ въ реестра и обращенныхъ въ крѣпостную зависимость, представляли чрезвычайно опасный горючій материалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Крестьяне слободъ, которымъ оканчивались льготные годы, съ ненавистью встрѣчали каждый симптомъ крѣпостническихъ отношеній.

Много народа, не мирясь съ этими успѣхами шляхетскаго режима, покидало польскую Украину и уходило за московскую границу. Четвертое, пятое — и также точно послѣдующія десятилѣтія — были періодомъ усиленной эмиграціи украинскаго населенія въ этомъ направленіи, впродолженіе этого столѣтія создавшаго новую огромную террitorію украинскаго заселенія, такъ называемую Слободскую Украину (нынѣшнюю Харьковскую со смежными частями Курской и Воронежской губерній). Послѣ того какъ польскій режимъ, панская власть, помѣщичье хозяйство стали вплотную придвигаясь къ московскому рубежу

на востокѣ, къ низовымъ степямъ на югѣ, захватили сѣверскія земли, захваченные за Польшею по вѣчному миру съ Москвою 1635 г.—наиболѣе непримиримые элементы, не мирившіеся съ шляхетскимъ режимомъ, все въ болѣе значительныхъ массахъ начинаютъ уходить за московскій рубежъ, поселяясь вдоль южной линіи укрѣплений, устроенныхъ московскимъ правительство, — такъ наз. Бѣлгородской черты. Процессъ этотъ большею частью развивался постепенно и незамѣтно, и только временами мы имѣемъ свѣдѣнія о переходѣ цѣлыхъ большихъ партій эмигрантовъ. Такъ, послѣ кампаніи 1638 г. 800 козаковъ, съ женами, дѣтьми и хозяйствомъ, съ гетманомъ Остряниномъ во главѣ, поселились въ окрестностяхъ Чугуева, образовавъ отдѣльное козацкое войско. Въ современной корреспонденціи находимъ указанія, что Острянинъ и, вѣроятно, также и очень многіе другіе, заблаговременно, приступая къ возстанію, переправили свои семьи за московскій рубежъ, чтобы укрыться туда въ случаѣ неудачи. Послѣ окончательной капитуляціи туда же ушелъ Гуня. Несомнѣнно, что каждый рѣзкій конфліктъ съ польскимъ режимомъ сопровождался теперь болѣе или менѣе значительными побѣгами и переселеніями за рубежъ, и восточная, даже лѣвобережная Украина стала теперь такимъ же этапомъ въ этомъ уходѣ украинскаго населенія отъ польскаго господства, какимъ раньше были центральная и правобережная земли.

Но и огромныя массы украинскаго населенія, не переходившія рубежа и скопившіяся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ Поднѣпровья, принесенная не прекращавшимся мо-

гучимъ потокомъ западно-украинской эмиграціи, нисколько не склонны было мириться съ новымъ положеніемъ вещей и смотрѣли на установившееся господство шляхетскаго режима, какъ на преходящій антрактъ. Нарушеніе равновѣсія неизбѣжно должно было привести къ взрыву тѣмъ сильнѣйшему, чѣмъ неподвижнѣе была внѣшность украинской жизни въ періодъ этого антракта.

Король Владиславъ, утомленный вынужденнымъ бездѣйствіемъ, увлекаемый планами христіанской лиги противъ Турціи, которую старалась составить Венеція, задумалъ было провоцировать турецкое правительство козацкими нападеніями и даже вошелъ въ секретные переговоры съ козацкой старшиной, чтобы побудить козаковъ къ мѣрской экспедиціи. Но зорко слѣдившіе за королемъ шляхетскіе политики постарались пресѣчь въ зародыши королевскіе планы, и козацкая старшина, терроризируемая новымъ режимомъ, не рѣшилась откликнуться на предложеніе короля.

Это казалось испытаніемъ прочности этого режима. Но маленькая захолустная исторія, разыгравшаяся на крайнемъ пограничнѣи украинскаго населенія—столкновеніе чигринскаго козацкаго сотника съ администрацией чигринскаго староства—не замедлила обнаружить, насколько обманчива была эта прочность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была характеристическимъ показателемъ отношеній. Лояльнѣйший представитель козацкой старшины потерялъ терпѣніе, въ виду грубаго произвола, который позволяли себѣ по отношенію къ наиболѣе лояльнымъ, наиболѣе заслуженнымъ козацкимъ старшинамъ разные агенты, довѣренные и приказчики пограничныхъ магнатовъ (Чигринское старство принадлежало Конецпольскимъ). Отсутствіе какой-либо правительственной администраціи, какой-либо охраны законности не оставляло иной дороги при встрѣчѣ съ такими факторами произвола, кромѣ вооруженной борьбы—или бѣгства. Хмельницкій рѣшилъ попытать счастья въ борьбѣ¹⁾.

Возстаніе Хмельницкаго.

Какъ одинъ изъ участниковъ тайныхъ переговоровъ Владислава съ козацкими старшинами, Хмельницкій зналъ о тайныхъ планахъ короля и не только ими воспользовался, какъ агитационнымъ мотивомъ для возстанія, но и дѣйствительно могъ разсчитывать на содѣйствіе короля, преувеличивая, какъ и все украинское населеніе—значеніе личной воли короля въ общемъ ходѣ польской жизни. Король, дѣйствительно, старался повлиять на короннаго гетмана Потоц-

каго, когда послѣдній началъ готовиться къ войнѣ, при первыхъ же извѣстіяхъ, что Хмельницкій, бѣжавъ на Низъ, организуетъ тамъ возстаніе. Король совѣтывалъ не обстрѣять отношеній и дать выходъ воинственной энергіи козаковъ въ походахъ на Туровъ. Но Потоцкій не былъ склоненъ служить личнымъ планамъ короля, и когда Хмельницкій въ отвѣтъ на его

1) Подробнѣе въ VIII т. „Історії України“, гл. 6 и 7.

призывы къ покорности потребовать отмѣны ординації 1638 г., онъ счелъ войну неизбѣжною и двинулся противъ него вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, польнымъ гетманомъ Калиновскимъ, а часть своего войска, подъ предводительствомъ своего сына, выслалъ въ низовья степи, чтобы преградить дорогу Хмельницкому.

Возстаніе, такимъ образомъ, казалось, было захвачено въ самомъ началѣ, болѣе чѣмъ когда либо. Но въ рукахъ Хмельницкаго оказались шансы, которыхъ не удалось до сихъ поръ пріобрѣсть его предшественникамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія: ему удалось склонить крымскаго хана къ участію въ кампаніи противъ Польши. Ханъ былъ раздраженъ тѣмъ, что польское правительство задержжало выплату «упоминковъ»; въ Крыму былъ голодъ и Татарамъ необходимъ былъ какой нибудь посторонній реассусъ. Ханъ поэтому согласился, не принимая непосредственного участія, выслать въ помощь Хмельницкому одного изъ знатнѣйшихъ мурзъ Тугай-бея. Это очень подняло престижъ Хмельницкаго. Реестровое войско, отправленное противъ него, перешло на его сторону. Съ помощью Татаръ, онъ разбилъ и соверенно уничтожилъ на ур. Желтыя воды передовое польское войско, и затѣмъ, двинувшись на главныя польскія силы и настигнувъ ихъ подъ Корсунемъ, нанесъ имъ полнссе, небывалое еще въ лѣтописяхъ козацко-польскихъ войнъ, пораженіе: польская армія была уничтожена, Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ (26 мая 1648). Хмельницкій, такимъ образомъ овладѣлъ Поднѣпровьемъ, и возстаніе съ чрезвычайной силой охватило оба берега

Днѣпра. Всѣ успѣхи польско-шляхетскаго режима послѣдняго десятилѣтія были потеряны сразу. Отряды возставшихъ крестьянъ расправлялись съ ненавистною шляхтою, евреями-арендаторами, со всѣми прислужниками и приспѣшниками польского господства. Послѣдніе поголовно бѣжали, насколько еще имѣли возможность бѣжать, изъ лѣвобережной Украины, въ правобережную, укрываясь въ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстечкахъ, но эти убѣжища, одно за другимъ, попадали въ руки возставшихъ отрядовъ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль вся восточная Украина — воеводство Киевскoe, Черниговskое, Браславskое — оказались въ полномъ и нераздѣльномъ владѣніи возстанія.

Хмельницкій, среди этого стихійнаго движенія, нѣкоторое время оставался со своимъ войскомъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, не двигаясь далѣе. Неожиданный разгромъ польскихъ силъ могъ его насколько же радовать, насколько и тревожить. Для его ближайшей цѣли — добиться отмѣны ординації 1638 г. и возстановленія козацкихъ правъ, уничтоженныхъ послѣдней, — конфликтъ вышелъ слишкомъ рѣзкимъ и могъ затруднить разрѣшеніе вопроса. Въ петиціи, высланной правительству отъ козацкаго войска, послѣднее домогалось отмѣны ординації 1638 г., уплаты задержанного жалованія и увеличенія реестра до 12 тыс. — цифры, проектированной самимъ королемъ въ его планахъ войны съ Турцией. Одновременно Хмельницкій въ письмахъ, адресованныхъ королю и разнымъ влиятельнымъ лицамъ, старался ослабить впечатлѣніе возстанія, оправдывая свой шагъ и прося для козаковъ

Гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій,

(Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ).

защиты отъ притѣсненій. Несомнѣнно, онъ разсчитывалъ на сочувствіе короля, но Владиславъ умеръ въ моментъ возстанія (20 мая).

Получивъ приглашеніе отъ Киселя, дѣйствовавшаго по порученію временнаго правительства, прекратить военные дѣйствія и отступить «на обычныя мѣста», чтобы ликвидировать мирно весь инцидентъ, Хмельницкій дѣйствительно отступилъ въ Чигринъ. Но возстаніе продолжало развиваться; кн. Вишневецкій съ другими сторонниками непримиримой политики, вели кровопролитную, ожесточенную борьбу съ его предводителями, и Хмельницкій уже въ концѣ юна увидѣлъ себя вынужденнымъ двинуться снова на театръ возстанія, въ южную Волынь. Когда новое польское войско, порученное предводительству богатѣйшаго изъ украинскихъ магнатовъ кн. Заславскаго (наследника Острожскихъ), перешло въ наступленіе, Хмельницкій далъ ему битву подъ Пилявцами, на границѣ Волыни и Подолія и разгромилъ его такъ же, какъ армію Потоцкаго. Эта новая побѣда окончательно отдала въ его руки всю Украину, можно сказать — всю Польшу, очутившуюся въ страшной паникѣ, безъ всякихъ военныхъ средствъ. Но Хмельницкій не пользовался благопріятными обстоятельствами. Онъ ждалъ выбора нового короля, чтобы изъ рукъ его получить разрѣшеніе козацкихъ дезидентъ, почетное, благопріятное. Медленно двигался онъ на Львовъ, потомъ на сѣверо-востокъ до Замостья, стараясь удержать отъ ненужныхъ битвъ, успѣховъ и завоеваній свое войско, не понимавшее его тактики и возмущавшееся ею. И наконецъ, подъ

Замостьемъ въ декабрѣ 1648 г., получивъ извѣщеніе отъ нового короля Яна Казимира (брата Владислава) о его выборѣ, съ приглашеніемъ прекратить свой походъ и ожидать прибытія его посольства для установленія нового порядка, Хмельницкій отдалъ приказъ своимъ войскамъ возвращаться обратно и отправился въ Кіевъ, куда должны были прибыть королевскіе комиссары.

Здѣсь его встрѣтили какъ национального героя, чрезвычайными почестями. Депутаціи кіевскихъ школъ привѣтствовали его какъ «украинскаго Моисея», освободителя отъ «ляндской неволи»; іерархія съ проѣзжимъ іерусалимскимъ патріархомъ во главѣ, окружила его знаками высочайшаго уваженія. И среди этого общаго энтузіазма, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ наиболѣе выдающимися представителями украинской интеллигенціи, ея тогдашняго культурнаго центра, съ которымъ Хмельницкаго, насколько знаемъ до тѣхъ поръ не связывали болѣе тѣсныя связи,—его роль, задачи и цѣли его политики, представились ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Впервые, можетъ быть, его мысль выходить за тѣсные предѣлы стремленій и интересовъ козацкаго класса, и онъ начинаетъ оцѣнивать положеніе съ точки зреянія національныхъ интересовъ, національного освобожденія, которое торжествовалось украинскимъ народомъ. Но осуществить это освобожденіе невозможно было, очевидно, никакими компромиссами съ польскимъ правительствомъ, и поэтому королевскіе комиссары, прибывши къ Хмельницкому въ февралѣ 1649 г., къ удивленію своему, замѣтили полную перемѣну. Вместоувѣреній въ вѣрности

и преданности Рѣчи Посполитой, такъ щедро расточавшихся имъ въ прошломъ году, и выраженій благодарности за оказанныя ему королевскія милости, они услышали отъ него совершенно новыя и необычный рѣчи. Хмельницкій говорилъ о своемъ решеніи не вступать ни въ какіе договоры съ польскимъ правительствомъ, о твердомъ намѣреніи освободить изъ «ляндской неволи» весь украинскій народъ, опираясь на крестьянскія массы и для ихъ обороны организуя огромное козацкое войско.

Отказываясь отъ переговоровъ, Хмельницкій велъ обширныя приготовленія къ новой кампаніи, и польское правительство, съ своей стороны, начало готовиться къ рѣшительной борьбѣ. Но преимущества таланта были, очевидно, на сторонѣ Хмельницкаго. Неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска Хмельницкій окружилъ снова подъ Збаражемъ, на границѣ Волыни и Галиціи, а когда на помощь осажденнымъ, побуждаемый ихъ отчаянными призывами, двинулся самъ король со шляхетскимъ ополченіемъ, Хмельницкій окружилъ и его подъ Зборовымъ, на пути къ Збарожу, и поставилъ въ совершенно безвыходное положеніе. Но вѣроломство Татаръ погубило Хмельницкаго: король вошелъ въ переговоры съ ханомъ и за цѣну разныхъ уступокъ (между прочимъ, за разрѣшеніе безпрепятственно взять любое количество пленниковъ изъ украинскихъ земель), ханъ согласился покинуть Хмельницкаго и угроюю измѣны принудилъ послѣдняго помириться съ королемъ. Такъ заключенье было т. н. Зборовскій трактатъ (августъ 1648). Реестровое войско уве-

личивалось до 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки изъ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣній, въ предѣлахъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго. Польское войско не могло вступать на территорію этихъ воеводствъ, въ нихъ не могли проживать ни евреи, ни іезуиты. Православный митрополитъ получалъ място въ сенатѣ; на всѣ должности въ трехъ помянутыхъ воеводствахъ должны назначаться только православные; унія должна быть уничтожена.

Это былъ неимовѣрный триумфъ, по сравненію съ тѣми требованіями, какія до сихъ поръ высказывались съ украинской стороны по адресу польского правительства. Но послѣ того, какъ Украина и самъ Хмельницкій стали на почву національного освобожденія Украины—это была капитуляція, катастрофа, провалъ. Такъ посмотрѣло на это украинское общество, такъ почувствовалъ это и самъ Хмельницкій. Массы возставшаго народа, оставшіяся въ реестроваго войска, должны были вернуться въ подданство польскихъ пановъ; съ нѣкоторыми поправками, указанными трактатами, долженъ былъ возстановиться польскій режимъ. Хмельницкій, сначала дѣлавшій попытки осуществить постановленія Зборовскаго трактата, скоро убѣдился въ невозможности этого осуществленія безъ полнаго разрыва съ народомъ, безъ полнаго дискредитированія своей дѣятельности въ глазахъ его. Съ другой стороны, и съ польской стороны нельзѧ было расчитывать на корректное исполненіе зборовскихъ постановлений, казавшимися польскому обществу, невозможна, позорною капитуляціей. Новое столкновеніе являлось неиз-

бѣжнымъ, и Хмельницкій, чувствуя, что настроение народныхъ массъ послѣ разочарованій послѣдней кампаніи измѣнилось не въ его пользу, старался укрѣпить свое положеніе новыми союзами съ сосѣдними государствами: возобновилъ союзныя отношенія съ ханомъ, отдался подъ покровительство султана, поддерживалъ отношенія съ турецкими вассалами: воеводою молдавскимъ и княземъ трансильванскимъ, и старался втянуть въ свою борьбу съ Польшею также московское правительство и Швецію. Однако, прежде чѣмъ эта сложная дипломатическая сѣть, которую онъ плелъ, пріобрѣла необходимую прочность, отношенія съ Польшею окончательно обострились, и нападеніе польскихъ войскъ на казаковъ на подольской границѣ, зимою 1650/1 г., начало собою новую кампанію. Первая стадія ея были благопріятны для Хмельницкаго, но когда пришелъ рѣшающій моментъ, подъ Берестечкомъ, въ сѣверной Волыніи, ханъ, принявший участіе въ войнѣ подъ давленіемъ турецкаго правительства и недовольный тѣмъ, что Хмель-

ницкій употреблялъ противъ него такія постороннія воздействиа, покинулъ козацкое войско и захватилъ съ собой самого Хмельницкаго. Лишенное предводителя, козацкое войско было разгромлено Поляками при отступлении. Польскія войска двинулись въ восточную Украину, литовское, приступивъ съ сѣвера, взяло Кіевъ. Хмельницкій, организовавшій новыя силы для борьбы, видя всеобщее разочарованіе и апатію поселенія, долженъ былъ войти въ переговоры съ польскимъ правительствомъ, и въ сентябрѣ 1651 г., подъ Бѣлою Церковью, состоялся новый договоръ между нимъ и Польшею. Но этотъ Бѣлочерковскій трактатъ, представлявшій собою ухудшенное, обрѣзанное въ ущербъ украинскимъ интересамъ изданіе Зборовскаго трактата, еще менѣе, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ удовлетворить козачество и самого Хмельницкаго, и на этотъ разъ, ни одна, ни другая сторона не могла имѣть какихъ-либо иллюзій относительно прочности достигнутаго соглашенія¹⁾.

Соединеніе съ Москвою.

Послѣ того какъ опытъ послѣдней кампаніи еще болѣе убѣдительно обнаружилъ ненадежность крымскаго союза и не высокую полезность соглашенія, заключенного съ Турцией и съ вассалами, а со Швеціей все еще не удалось наладить соглашеній, Хмельницкій всяческія старанія сталъ прилагать къ тому, чтобы вовлечь въ свою борьбу съ Польшею Московское государство. Такія попытки, какъ было уже отмѣчено, дѣлались украинскими

дѣятелями уже раньше, и митр. Борецкій довольно настойчиво предлагалъ московскому правительству принять подъ свое покровительство Украину и козацкое войско. Когда выяснилось, что московское правительство не представляетъ себѣ своего участія въ иной формѣ, какъ въ видѣ присоединенія Украины къ Москвѣ и перехода ея

¹⁾ Подробнѣе въ „Історії України“, т. VIII, гл. 8 и 9.

подъ верховенство царя, Хмельницкій дѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложенія царскому правительству, но послѣднее, при всѣхъ соблазнительныхъ перспективахъ, какія открывало ему это вмѣшательство въ украинскія отношенія, долго не рѣшалось рискнуть войной съ Польшей, такъ недавно давшей почувствовать Московскому государству превосходство своихъ силъ. Однако послѣдня побѣда Поляковъ надъ козаками заставила московское правительство серьезно призадуматься надъ перспективами, какія открывала политика польского правительства, стремившагося направить козаковъ и Крымъ противъ Москвы, чтобы дать исходъ военной энергіи Орды и козачества. Когда военные дѣйствія между Хмельницкимъ и Польшею возобновились снова въ 1652 г. и послѣ эффектнаго и удачнаго для Хмельницкаго начала, потянулись долгіе безплодные мѣсяцы, ясно обнаружившіе упадокъ энергіи и силъ украинскаго козачества, московское правительство должно было ясно сознать необходимость, въ своихъ интересахъ, вмѣшаться въ украинско-польскую борьбу, чтобы не дать возможность Польшѣ, сломивъ козацкія силы, направить ихъ противъ Москвы, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Созванный для обсужденія этого вопроса земскій соборъ сталъ на точку зреінія активнаго вмѣшательства. Московское правительство осенью 1653 г. увѣдомило Хмельницкаго о своемъ рѣшеніи—принять Украину подъ царскую протекцію и воевать за нее съ Польшею,—и вслѣдъ затѣмъ выслало чрезвычайное посольство, поручивъ ему привести украинское правительство и населеніе къ присягѣ на вѣрность царю.

Хмельницкій получилъ объ этомъ извѣстіе среди долгой и утомительной подольской кампакіи, въ которой обѣ арміи въ бездѣйствіи стояли другъ противъ друга, не принимая рѣшительныхъ шаговъ, пока польскому правительству еще разъ не удалось привлечь на свою сторону хана, стоявшаго на сторонѣ Хмельницкаго. Хмельницкій прекратилъ военные дѣйствія и отправился въ Переяславъ, назначенный имъ для приема московского посольства, и въ первыхъ дняхъ января 1654 г. сѣхался здѣсь съ московскими послами.

Однако, теперь, когда долголѣтнія старанія украинскихъ политиковъ увѣнчались успѣхомъ, и московское правительство рѣшилось активно вмѣшаться въ польско-украинскую расприю, не замедлило обнаружиться рѣзкое расхожденіе мотивовъ и стремлений, руководившихъ украинскими и московскими политиками. Украинскіе политики желали воспользоваться помощью Москвы для эманципаціи украинской жизни отъ польского господства и гнета; широкая автономность украинской жизни являлась движущимъ, хотя не всегда ясно сознаннымъ мотивомъ ихъ политики вообще и ихъ союза съ Москвою въ частности. Между тѣмъ, московское правительство, принимая Украину подъ верховную власть царя, думало о «взаєединенії» украинскихъ и белорусскихъ провинцій династіи св. Владимира и цѣлью своей политики стало—прочно утвердиться и взять въ руки присоединяемыя провинціи. Уже при самомъ принесеніи присяги московскому царю обнаружилось глубокое противорѣчіе между конституціонными привычками и идеями украинскаго общества и самодержавными принципами.

пами Москвы, когда козацкая старшина поставила требование, чтобы прежде принесения ею присяги, царские послы именем царя присягнули въ томъ, что онъ исполнитъ обязательства, принимаемыя на себя по отношению къ Украинѣ. Весьма существенные расхожденія обнаружились между украинскими и московскими стремлѣніями затѣмъ при переговорахъ съ московскимъ правительствомъ относительно дальнѣйшихъ отношеній Украины къ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.). Схема автономной украинской жизни еще не успѣла уясниться съ достаточной опредѣленностью и для самихъ украинскихъ политиковъ, но фактически, начиная съ 1648 г., восточная Украина жила вполнѣ самостоятельную политическую жизнью и вокругъ козацкой старшины и ея гетмана, стоявшихъ въ центрѣ ея политической жизни, постепенно наработали различныя функции и компетенции общегосударственного управлениія. Въ предложенныхъ, по приглашенію московского правительства, своихъ запросахъ и пожеланіяхъ, Хмельницкій со старшиною, не ставя вопроса по существу, хотѣли рядомъ частныхъ оговорокъ, свести на нѣтъ участіе московского правительства во внутреннихъ отношеніяхъ Украины и оставить въ возможно чистомъ видѣ фактическую автономность украинской жизни. Какъ на желательный образецъ свойѣ отношеній въ отдельныхъ вопросахъ—они указывали на примѣръ вассальныхъ государствъ Турціи—Молдавіи и Валахіи, автономныхъ во внутреннихъ отношеніяхъ. Но московскіе политики обнаружили большую несговорчивость и, хотя въ виду настойчивости украинскихъ представителей, рѣшили со-

блюдать осторожность въ проведеніи своихъ плановъ и до времени оставить въ силѣ фактическія отношенія, но отъ гарантіи автономности украинскихъ внутреннихъ отношеній—вообще уклонялись.

Эти резолюціи, данные на петиціи Хмельницкаго и старшины въ мартѣ 1654 г., известныя подъ именемъ «статей Богдана Хмельницкаго», сыграли весьма важную роль въ позднѣйшихъ украинскихъ отношеніяхъ, ставъ на долгое время, до окончательной отмѣны гетманства, своего рода конституціонной хартиєю Украины, какъ ни мало онѣ отвѣчали такому назначенію. Они имѣли характеръ случайный, многое выдвигали просто по традиціи договоровъ съ польскимъ правительствомъ — каковы напримѣръ, всѣ пункты о козачьемъ войскѣ и козачьихъ правахъ, совершенно почти лишенные значенія въ новыхъ условіяхъ, а между тѣмъ, занимающіе въ этихъ статтяхъ главное мѣсто, между тѣмъ, какъ вопросы первостепенной важности трактовались мимоходомъ, и часто довольно неопределенно. Допущенные, съ обѣихъ сторонъ, недомолвки вообще оставляли много неяснаго въ отношеніяхъ Украины къ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были оставлены атрибуты верховной суверенной власти (право сношеній съ иностранными правительствами); фактически оставлены были за нимъ функции общегосударственного управлениія. Но съ другой стороны, первымъ дѣломъ московского правительства было введеніе московскихъ воеводъ и гарнизоновъ въ украинскіе города: въ началѣ 1654 г. такие воеводы введены были въ Кіевъ и, устроивъ здѣсь от-

дѣльнюю крѣпость, расположились въ ней съ московскимъ войскомъ, непосредственно сносясь съ центральнымъ московскимъ правительствомъ; и такихъ воеводъ московское правительство затѣмъ намѣревалось ввести и въ другіе значительные города Украины. Смерть киевского митрополита дала поводъ выдвинуть вопросъ о подчиненіи украинской церкви московскому патрі-

арху. Въ перспективѣ предвидѣлось введеніе московского обложенія и переходъ финансового управления въ руки московской администраціи, и т. под. Все это весьма мало могло нравиться украинскому обществу и особенно козацкой старшинѣ, все болѣе сывавшейся со своей властной руководящей ролью въ автономной украинской жизни¹⁾.

Шведскій союзъ и Гадяцкая унія.

Противорѣчіе въ стремлніяхъ украинской политической жизни и московской политики, вскрывшееся уже въ первыхъ столкновеніяхъ украинской политики съ московскимъ правительствомъ, очевидно весьма сильно озадачило Хмельницкаго. Добиваясь все время очень настойчиво московской помощи для борьбы съ Польшей, теперь, когда эта помощь была въ его распоряженіи, и московское правительство, съ своей стороны, ударило на Польшу со стороны Бѣлоруссіи, Хмельницкій сразу теряетъ вкусъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ Польшей, неохотно принимаетъ настойчивыя предложения совмѣстныхъ походовъ, совмѣстныхъ дѣйствій противъ Польши, которая ему дѣлаетъ московское правительство, и ведетъ вяло свои весенныя операции. Позже онъ объяснялъ шведскому правительству, что умышленно уклоняется отъ совмѣстныхъ завоеваній, чтобы не дать поводъ московскому правительству къ претензіямъ на завоеванныя земли и города. И тѣмъ болѣе приходилось ему жалѣть о поспѣшно завязанныхъ отношеніяхъ, что на очередь выступала иная, гораздо болѣе благопріятная комбина-

ція, не затрагивавшая интересовъ украинской автономіи.

Въ Швеціи явился новый король Карль X, вознамѣрившійся возобновить старую борьбу съ Польшею, заглохшую при его предшественнице регентшѣ Христинѣ; онъ разсчитывалъ при этотъ на своего традиціоннаго союзника, князя трансильванскаго, на содѣйствіе протестантскихъ магнатовъ Польши и Литвы, и на Хмельницкаго, уже раньше, почти съ самаго начала восстанія старавшагося побудить Трансильванію и Швецію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Польши. Хмельницкій съ удовольствіемъ принялъ теперь предложеніе тѣснаго союза и общей борьбы съ Польшею. Весною 1655 г. было решено предпринять общую кампанію противъ Польши; Хмельницкій двинулся на

1) Подробнѣе въ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“, изд. 3 гл. 17. Для виѣшнихъ событий Костомаровъ — „Богданъ Хмельницкій“, Kubala: Szkice historyczne, 2 изд. 1896, W. Lipiński: Z dziejów Ukrainy; для внутреннихъ отношеній новая работа В. Мякотина: „Очерки соціальной исторіи Малороссіи“ — Восстаніе Б. Хмельницкаго и его послѣдствія, „Рус. Богатство“, 1912.

Подолье, отсюда въ Галицію и далѣе къ Люблину. Разгромивъ Потоцкаго подъ Городкомъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ Галицію, но его стѣсняло присутствіе московскаго войска, участвовавшаго въ этомъ походѣ, и во время переговоровъ со львовскими мѣщанами, войсковой писарь Выговскій, довѣренный человѣкъ Хмельницкаго, предсторегаль мѣщанъ не вести переговоровъ съ бояриномъ Бутурлинымъ, предводительствовавшимъ московскимъ войскомъ, и не сдаваться на царское имя—по извѣстнымъ уже намъ мотивамъ. Шведскій король настойчиво совѣтовалъ Хмельницкому разорвать вовсе съ Москвою, такъ какъ при своемъ самодержавномъ складѣ московское правительство «не потерпитъ у себя свободнаго народа», рано или поздно нарушитъ данныя обѣщанія и лишить Украину ея вольностей. Хмельницкій, однако, сначала не рѣшался съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ союза съ Москвою, кото-раго такъ долго добивался, и съ своей стороны старался повлиять на шведскаго короля, чтобы онъ не доводилъ своихъ отношений къ Москвѣ до полнаго обостренія и не настаивалъ на разрывѣ Украины и Москвы. Весьма вѣроятно, что уже въ это время среди украинскихъ политиковъ вырисовывался планъ сдѣлать Украину нейтральнымъ государствомъ, подъ протекторатомъ Москвы, Швеціи, можетъ быть и Турціи также, какъ позже мы встрѣчаемъ намеки на подобные планы въ нѣсколько иныхъ комбинаціяхъ. Но отношенія Москвы и Швеціи обострялись все больше; когда Швеція въ войнѣ съ Польшею стала дѣлать большия успѣхи, захватила Великую Польшу, и шведскій король былъ признанъ здѣсь ко-

ромелъ, польское правительство постаралось сблизиться съ московскимъ, завязало переговоры и, подавъ надежду царю, что онъ будетъ выбранъ королемъ польскимъ, не только добилось перемирія съ Москвою, но и обратило ея оружіе противъ Швеціи. Такая перемѣна московской политики произвела на Украинѣ самое непріятное впечатлѣніе. Хмельницкій жаловался передъ московскими дипломатическими агентами, что царь не устоялъ въ своихъ обѣщаніяхъ, данныхъ украинцамъ, и выдаетъ ихъ Польшѣ; въ особенности возмущало его то, что московско-польские переговоры, такъ близко касающіеся Украины, происходятъ безъ участія украинскихъ представителей, не допущенныхъ до присутствованія при переговорахъ, такъ что украинцы остаются въ совершенной неизвѣстности относительно ихъ содержанія.

Поставленный предъ необходимостью выбирать между двумя воюющими сторонами — Москвою, требовавшею, чтобы Хмельницкій разорвалъ свои отношенія съ Швеціей и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и Швеціей, настаивавшою на разрывѣ съ Москвою, Хмельницкій и старшина склоняются все болѣе рѣшительно въ сторону Швеціи, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ съ раздраженіемъ противъ Москвы въ украинскихъ кругахъ, вслѣдствіе ея стремленій къ ограниченію украинской автономіи, а Швеція обѣщала поддержку, не посягая на внутреннія отношенія Украины. Въ 1656 г. Хмельницкій заключаетъ тѣсный союзъ со Швеціей и Трансильваніею, обѣщая своимъ союзникамъ помочь противъ всѣхъ непріятелей, не исключая и Москвы; ближайшимъ образомъ союзъ

былъ направленъ противъ Польши, которую союзники намѣревались доставить до полнаго уничтоженія и разделить ея земли между собою. Въ началѣ 1657 г. была начата общая кампанія противъ Польши; войска Хмельницкаго и Юр. Ракочи, князя трансильванскаго, должны были овладѣть Малою Польщею и Западною Украиною и, соединившись затѣмъ съ шведскими войсками, довершить за воеваніе Польши. Но военные дѣйствія Ракочи и арміи Хмельницкаго, по болѣзни не имѣвшаго возможности предводительствовать ею лично, были неудачны, и что хуже — въ украинскихъ войскахъ проявилось сильное неудовольствіе противъ военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ вопреки московской политикѣ: въ украинскихъ мас сахъ, утомленныхъ столь долгой войной, была слишкомъ сильна боязнь новыхъ осложненій, какія могъ повести разрывъ съ Москвою, особенно въ виду грозившей смерти Хмельницкаго. Хмельницкій былъ очень огорченъ неудачей этого похода, и она ускорила его смерть, наступившую 27 іюля 1657 г.

Его преемникъ на гетманствѣ Иванъ Выговскій и прочая старшина продолжали политику сближенія со Швеціею, при возможной нейтральности по отношенію къ Москвѣ. Переговоры со шведскимъ правительствомъ привели къ весьма важному трактату, которымъ шведскій король обязывался «признать и провозгласить Запорожское войско со всѣми подвластными ему землями народомъ свободнымъ и никому не подвластнымъ», охранять его свободу и права, защищать противъ всѣхъ враговъ и добиться отъ Польши независимости Запорожского войска и

расширенія его власти на Украину Западную. Это была, такимъ образомъ, программа полной политической независимости Украины въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Но фактическое значеніе этого союза было невелико, такъ какъ Швеція какъ разъ въ это время, въ виду свалившейся на нее войны съ Даніей, должна была увести свои войска съ восточно-европей скаго театра войны и вскорѣ заключила миръ съ Польщею и Москвою. Политика украинскихъ автономистовъ лишилась своей опоры. Между тѣмъ отношенія въ Москвѣ все ухудшались. Смертью Хмельницкаго московское правительство намѣревалось воспользоваться для осуществленія своихъ плановъ въ смыслѣ существенныхъ ограничений украинской автономіи — чтобы ввести своихъ воеводъ и гарнизоны въ украинскіе города, уничтожить автономію украинской церкви, передать сборь доходовъ своимъ агентамъ. Выговскій сначала не рѣшился противодѣйствовать этимъ реформамъ, разсчитывая на московскую поддержку въ своемъ трудномъ положеніи — въ виду оппозиціи существовавшей противъ него, какъ избранника старшины, при томъ якобы незаконно захватившаго гетманство у Юрія Хмельницкаго, избранного при жизни отца. Но скоро Выговскому пришлось убѣдиться, что ему нечего разсчитывать на рѣшительную поддержку москов скаго правительства, лавировавшаго между вождями оппозиціи и Выгов скимъ и удерживавшаго послѣдняго отъ всякихъ рѣзкихъ репрессій противъ нея. Разгромивъ противниковъ, вопреки рѣшительному запрещенію московскаго правительства, и считая свои отношенія къ Москвѣ испорчен-

ными вполнѣ и безвозвратно, Выговскій и его сторонники не видѣли другого исхода, какъ опереться на Польшу.

Польское правительство послѣ заключенія перемирія съ Москвою не прекращало попытокъ примиренія и съ украинскимъ правительствомъ, не щадя щедрыхъ обѣщаній, до полной автономіи Украины включительно. Но Хмельницкій не считалъ возможнымъ переносить центръ тяжести своей политики на какія либо соглашенія съ Польшею, какъ въ виду ненадежности ея обѣщаній, такъ, съ другой стороны—въ виду крайне неблагопріятнаго настроенія украинскихъ массъ ко всему, что могло хотя бы отдаленнымъ образомъ грозить возобновленіемъ польского режима. Это соображенія, конечно, были известны и Выговскому; но въ виду грознаго движенія противъ него, старавшагося опереться на Москву, лишившись опоры Швеціи и имѣя союзникомъ только ненадежнаго крымскаго хана, онъ считалъ необходимымъ заручиться помощью Польши. Поэтому, приготовляясь къ разрыву съ Москвою, Выговскій ускорилъ переговоры съ польскимъ правительствомъ и 6 (16) сент.—въ Гадячѣ, во время похода на лѣвобережныхъ противниковъ, Выговскій съ польскими уполномоченными

заключилъ формальный договоръ, на основаніи которого восточная Украина возвращалась подъ верховную власть польского короля, но какъ особое «великое княжество Русское», по образцу в. кн. Литовскаго, какъ третій членъ этой политической унії. Стремленіемъ украинскихъ политиковъ было включить въ это новое политическое тѣло всю украинскую этнографическую территорію, и не добившись этого при заключеніи трактата, они обращались потомъ съ дополнительной петиціей по этому вопросу къ сейму, но ихъ просьба не была уважена: Западная Украина не была включена въ составъ вел. кн. Русскаго.

Это княжество отнынѣ должно было имѣть своихъ особыхъ министровъ, казну и даже монету; во главѣ управления долженъ былъ стоять гетманъ, избираемый всѣми сословіями в. кн. Русскаго; козацкаго войска имѣло быть 30 тыс., и, кромѣ того, гетманъ могъ держать въ своемъ распоряженіи 10 тыс. наемнаго войска. Православная церковь уравнивалась въ правахъ съ католическою; кіевская академія должна была получить права краковской, и, кромѣ того, въ одномъ изъ украинскихъ городовъ имѣло быть основано еще одно высшее учебное заведеніе съ академическими правами¹⁾.

Польско-украинскій конфліктъ и раздѣленіе Гетманщины.

Спѣша заключить прочный союзъ съ Польшею, Выговскій главнымъ образомъ разсчитывалъ воспользоваться помощью Польши противъ Москвы. Еще до окончанія переговоровъ съ польскимъ правительствомъ онъ перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ, попробовавъ выгнать изъ Киева москов-

скій гарнизонъ, однако неудачно. Къ европейскимъ дворамъ была разослана

*) Подробнѣе: „Очеркъ исторіи украин. народа“, гл. XVI-XVIII, „Выговський і Мазепа“—„ЛН Вістник“, 1909, статьи Герасимчука и Стадника въ „Запискахъ“ львовскихъ т. 59 и 87 и сл., въ „Запискахъ“ кіевскихъ т. 7—8, Lipiński: „Z dziejów Ukrainy“.

отъ имени украинской старшины циркулярная нота, объяснявшая причины разрыва съ Москвою (главнымъ образомъ указывалось на измѣну украинскимъ интересамъ со стороны московского правительства, пожертвовавшаго ими видамъ на польскую корону, вмѣшательства во внутреннія отношенія Украины, создавшія смуту и расколъ на Украинѣ, и стремленіе поработить и лишить вольностей послѣднюю). Москвѣ объявлялась открытая война. Московское правительство сначала не придавало этому конфликту особаго значенія, расчитывая на существованіе сильной партіи на Украинѣ, враждебной Выговскому, и объявила его лишеннымъ гетманства. Но затѣмъ, узнавъ о трактатѣ съ Польшей, заключенномъ Выговскимъ, оно очень встревожилось, поручило своему главнокомандующему войти въ переговоры съ Выговскимъ, обѣщаю ему полную амнистію и всяческія уступки примѣнительно къ тѣмъ, какія заключаетъ его трактатъ съ Польшею, включительно—въ самомъ крайнемъ случаѣ—даже до вывода московского воеводы и гарнизона изъ Киева.

Но Выговскій считалъ свои отношенія къ Москвѣ уже испорченными безвозвратно и, извѣрившись въ московской политикѣ, въ московскихъ предложеніяхъ видѣлъ только хитрую уловку; съ другой стороны, вѣроятно, онъ расчитывалъ на болѣе значительную помошь со стороны Польши, чѣмъ какую получилъ затѣмъ въ дѣйствительности. Въ началѣ 1659 г. онъ двинулъся за Днѣпръ, чтобы уничтожить враждебную партію, поднявшую голову снова, послѣ того какъ московское правительство объявило о низ-

ложеніи Выговскаго. Эта кампанія завершилась страшнымъ пораженіемъ московскихъ войскъ, посланныхъ противъ Выговскаго, подъ Конотопомъ, лѣтомъ 1659 г. Московская партія была совершенно подавлена этой катастрофой, лѣвобережная Украина была оставлена московскими войсками, но Выговскій или не успѣлъ или не сумѣлъ использовать благопріятную коньюнктуру. Запорожскій кошевой Сирко, враждебно настроенный Выговскому, какъ и все Запорожье, служившее оплотомъ враждебной ему партіи, какъ разъ въ это время устроилъ диверсію на крымскія земли и отвлекъ этимъ Татаръ, помогавшихъ въ кампаніи Выговскому, а затѣмъ двинулся на резиденцію Выговскаго Чигиринъ. Это принудило Выговскаго оставить лѣвобережную Украину, прежде чѣмъ московскіе гарнизоны были здѣсь уничтожены. Съ его уходомъ московская партія подняла голову, враждебное Выговскому движение развилось съ новою силою и изъ Запорожья и лѣвобережныхъ полковъ стало распространяться также и въ правобережные. Трактатъ, заключенный Выговскимъ съ Польшею, послужилъ очень сильнымъ агитаціоннымъ мотивомъ противъ него. Раздвоеніе между партіею старшины и козацкимъ демосомъ и его представителемъ—Запорожьемъ, проявившееся вполнѣ определенно въ самомъ началѣ правленія Выговскаго и послужившее благопріятной почвой для демагоговъ, агитировавшихъ противъ него, какъ ставленника старшины, нашло въ этомъ трактатѣ новую обильную пищу. Гарантія политической автономіи, заключавшаяся въ Гадяцкой унії, представ-

ляли цѣнность для высшихъ классовъ; соціальная отношенія оставлялись безъ перемѣнъ, народныя массы должны были возвратиться въ старыя крѣпостная отношенія къ польской шляхтѣ, цѣною этого трактата покупавшей себѣ возвращеніе въ свои украинскія имѣнія. Этимъ все было сказано для украинскаго демоса. Польское правительство, занятное другими дѣлами и мечтавшее воспользоваться козацкими силами для своихъ нуждъ — не поддержало Выговскаго въ этотъ моментъ сколько нибудь энергически, и судьба его была решена. Противъ него снова была выдвинута кандидатура Юрия Хмельницкаго, и въ сентябрѣ 1659 г. Выговскій принужденъ былъ капитулировать и сложить гетманскую власть.

Въ виду обнаружившагося рѣзкаго нерасположенія къ возобновленію какихъ либо связей съ Польшей, старшина не решалась поднимать вопроса о Гадяцкой унії. Массы рѣшительно требовали сохраненія отношеній къ Москвѣ, какъ гарантіи противъ восстановленія польского режима, и Хмельницкій со старшиною не решались плыть противъ этого теченія. Но они желали, по крайней мѣрѣ, при возвращеніи подъ протекцію царя обеспечить автономію Украины на будущее время отъ посагательствъ, обнаруженныхъ въ послѣдніе годы. На предложеніе московскихъ представителей возвратиться подъ власть царя, Хмельницкій и старшина отвѣтили рядомъ условій, гарантировавшихъ украинскую автономность отъ московскихъ вмѣшательствъ. Но московское правительство, переживъ кризисъ, теперь не намѣreno было дѣлать никакихъ уступокъ; движение, повалившее Выгов-

скаго, утвердило московскихъ политиковъ въ рѣшности вести неуклонно свою централистическую линію, не считаясь съ неудовольствиемъ автоно-мистовъ. Представитель Москвы на Украинѣ, бояринъ Трубецкой, не высказываясь по существу относительно условій, предложенныхъ Хмельницкимъ, приложилъ старанія, чтобы заманить его со старшиной къ себѣ, и когда это ему удалось, они, окруженные московскими партизанами и московскими войсками, подъ давленіемъ войсковой рады, созванной изъ лѣвобережныхъ полксовъ, враждебно настроенныхъ противъ конфликта съ Москвою, вместо своихъ условій, должны были принять условія, продиктованныя московскимъ правительствомъ и содержавшія цѣлый рядъ ограниченій украинской автономіи, гарантировавшихъ утвержденіе московского вліянія на Украинѣ (т. н. Переяславскія статьи 1659 г.).

Но эта вынужденная покорность Хмельницкаго и его товарищей-авто-номистовъ не могла быть искреннею, и раздраженіе противъ насилия, которому ихъ подвергли, готово было проявиться при первомъ удобномъ случаѣ — не заставившемъ себя ожидать. Лѣтомъ 1660 г. московское правительство предприняло большую кампанію противъ Поляковъ, расчитывая ударить на Галицію и отвлечь польскія силы отъ белорусского театра войны, где возобновили свои операции московскія войска. Воевода Шереметьевъ съ московскимъ войскомъ и лѣвобережными полками двинулся на Волынь, Хмельницкій съ правобережными двигался туда же южной границей, чтобы прикрыть Украину отъ Татаръ. Польскіе гетманы съ помощью Татаръ отреагали

армію Шереметьева и обложили около Чуднова и одновременно начали переговоры съ Хмельницкимъ, убѣждая послѣдовать примѣру Выговскаго и соединиться съ Польшею на условіяхъ Гадяцкой унії. Послѣ долгихъ колебаній, Хмельницкій согласился, но Поляки, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ, внесли существенныя ограниченія въ уступки Гадяцкой унії, и ее пришлось принять съ этими измѣненіями. О заключенномъ договорѣ дали знать козакамъ, находившимся съ Шереметьевымъ; они пытались уйти, но это имъ не удалось. Шереметьевъ, узнавъ о соглашеніи, заключеннymъ Хмельницкимъ съ Поляками, капитулировалъ на весьма унизительныхъ условіяхъ и сорвалъ сердце на козакахъ, находившихся съ нимъ: онъ выдалъ ихъ Полякамъ, а тѣ отдали ихъ въ плѣнъ Татарамъ. Извѣстие обѣ этомъ вызвало на Украинѣ чрезвычайное раздраженіе противъ Москвы, и безъ того за послѣдніе годы, когда пришло ближе имѣть дѣло съ московскими воеводами и ратными людьми, сильно разочаровавшей украинское населеніе. Во многихъ мѣстахъ лѣвобережнаго Заднѣпровья начались движенія противъ Москвы. Но серьезнаго значенія эти движенія не имѣли. Поляки не поддержали ихъ сколько нибудь энергично, да и тенденціи въ эту сторону среди населенія не обнаруживалось: польскіе походы, предпринятые въ лѣвобережную Украину, скорѣе отталкивали отъ Польши, чѣмъ притягивали къ ней населеніе, возставшее противъ Москвы вовсе не для того, чтобы вернуться къ Польшѣ. Родственники Хмельницкаго, полковники Сомко и Золотаренко, предпочтавшіе держаться московской про-

текціи, скоро восстановили прежнія отношенія, несмотря на то, что московское правительство, ошеломленное чудновскою катастрофою, поддерживало ихъ довольно слабо.

Такой благопріятный оборотъ внушилъ московскому правительству мысль, что быть можетъ и Хмельницкаго удастся притянуть на свою сторону. Польское верховенство дѣйствительно и въ правобережной Украинѣ не пользовалось популярностью, а съ другой стороны союзники Хмельницкаго, Татары, своими грабежами и опустошительными постами возбуждали сильнѣйшее неудовольствие среди населенія, все въ большихъ размѣрахъ уходившаго отсюда за Днѣпръ, въ лѣвобережные полки и за московскій рубежъ, въ Слободскую Украину. Но окружавшая Хмельницкаго старшина не хотѣла капитулировать передъ централистической политикою Москвы, послѣ того какъ она такъ беззастѣнчиво покончила съ ихъ требованіями въ 1659 г. Въ концѣ концовъ Юр. Хмельницкій, обезкураженный всѣмъ происходившимъ разладомъ, сложилъ гетманство, и на его мѣсто былъ избранъ его зять Павелъ Тетеря, беззастѣнчивый интриганъ, сторонникъ польского союза. (1663).

Это повело къ политическому раздѣленію правобережной и лѣвобережной Украины, такъ какъ послѣдняя оставалась подъ московскимъ верховенствомъ. Здѣсь долго боролись за булаву Сомко и Золотаренко, но ихъ обоихъ сумѣлъ отодвинуть на второй планъ ловкій демагогъ Иванъ Брюховецкій, выступившій въ качествѣ представителя Запорожья, его демократическихъ тенденцій и соперничества съ

«городовыи козачествомъ», и искусно игравшій на антагонизме демоса и старшины, а по отношенію къ Москвѣ спекулировавшій на ея централистическихъ тенденціяхъ и заявлявшій свою полную готовность слѣдовать указа-

ніямъ московской политики. Его игра увѣнчалась успѣхомъ и въ томъ же въ 1663 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выбора Тетери въ правобережной Украинѣ, Брюховецкій сталъ гетманомъ лѣвобережнымъ¹⁾.

Планы Дорошенка.

Политическое раздвоеніе Восточной Украины на два гетманства, изъ которыхъ одно находилось подъ верховенствомъ Москвы, другое подъ верховенствомъ Польши, было фактомъ весьма неблагопріятнымъ для національной украинской жизни, ослабляя силы Украины, и безъ того разстроенные политическими смутами, тяжелымъ положеніемъ между двумя союзническими державами, стремившимися къ подавленію ея политической автономіи, и внутреннимъ, соціальнымъ раздвоеніемъ—враждою демоса и старшины, парализовавшимъ политическую стремлениія послѣдней. Поэтому объединеніе всей козацкой территории не перестаетъ служить предметомъ стремленій и усилий украинской политики, тѣмъ болѣе, что зависимость правобережной Украины отъ Польши вовсе не вытекала изъ симпатій самого поселенія, а была вынуждена отсутствіемъ опоры и силъ, какія можно было бы противостоять польскимъ стремлениемъ къ возстановленію своего господства на Украинѣ. Всю непрочность и беспочвенность этой политики Польши испыталъ на себѣ очень скоро Тетеря, сдѣлавшей ее своей программой. Послѣ неудачи похода въ лѣвобережные земли, предпринятаго по настояніямъ Тетери въ концѣ 1663 г. (послѣдней попытки въ этомъ направле-

ніи), когда Брюховецкій отвѣтилъ походомъ въ правобережныя земли, здѣсь обнаружилось сильное движение противъ Польши, въ конецъ подорвавшее ея господство на Правобережки, и Тетеря въ 1665 г. сложилъ съ себя гетманство и покинулъ Украину.

Послѣ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ претендентовъ на власть послѣ Тетери, выдвинулся здѣсь на первый планъ наиболѣе выдающійся представитель этого украинскаго безвременія Петръ Дорошенко. Принимая ближайшее участіе въ дипломатическихъ переговорахъ и политической жизни Украины послѣдняго десятилѣтія, горячій приверженецъ идеи политической независимости Украины, онъ имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ томъ упорномъ нерасположеніи и противодѣйствіи, какое встрѣчили украинскія стремлениія къ автономности со стороны представителей и московскаго централизма и польскихъ традицій неограниченаго владычества надъ Украиною. Поэтому онъ рѣшается искать иную точку

¹⁾ Подробнѣе въ „Очеркѣ“, гл. XVIII, тамъ же важнѣйшая литература: болѣе новыхъ, сколько нибудь исчерпывающихъ трудовъ для этихъ событий нѣть, можно лишь указать новую монографію о чудновской кампаніи В. Герасимчука въ львовскихъ „Запискахъ“ за 1912—3 г.

опоры для украинской политики, которая дала бы возможность украинскимъ правителямъ, опираясь на ней, продиктовать свои условия Москвѣ и Польшѣ. Насколько можно судить, это все была также идея политической независимости Украины въ ея этнографическихъ границахъ, подъ протекторатомъ сестрднхъ государствъ. Политическая конъюнктура данного момента широкаго выбора не давала, и потому противъ притязаній Москвы и Польши Дорошенко рѣшается опереться на Крымъ и Турцію, несмогря на всѣ неблагопріятные precedенты въ союзныхъ отношеніяхъ Украины къ этимъ государствамъ. Онъ входить сначала въ сношенія съ Крымомъ и въ августѣ 1665 г. войсковой радой онъ былъ провозглашенъ гетманомъ подъ протекторатомъ Крыма. Затѣмъ заявляется непосредственная сношенія съ Турціей, чтобы заручиться ея поддержкой. Правобережную Украину ему довольно скоро удалось очистить отъ оставшихся польскихъ отрядовъ и московскихъ партизановъ и одновременно онъ организуетъ сношенія съ Лѣвобережьемъ, стремясь овладѣть всею восточною Украиною: входитъ въ переговоры съ Брюховецкимъ, считая, очевидно, дозволеннымъ всякий способъ борьбы по отношенію къ такимъ беззастѣнчивымъ авантюристамъ, какимъ былъ послѣдній. Эти сношенія приводятъ, въ концѣ концовъ, къ восстанію лѣвобережной Украины противъ Московского государства и переходу ея подъ власть Дорошенка. Угодливость, какой держался Брюховецкій по отношенію къ Москвѣ и въ періодъ своей кандидатуры на гетманство и послѣ своего выбора, заставила московскихъ политиковъ забыть

ту осторожность и сравнительную постепенность, какой они держались до сихъ поръ при проведеніи своей централистической программы по отношенію къ Украинѣ. Въ Брюховецкомъ они нашли покорного исполнителя всѣхъ своихъ желаній. Послѣ своего выбора онъ сѣѣздилъ на поклонъ въ Москву, чого московское правительство тщетно до сихъ поръ добивалось отъ всѣхъ его предшественниковъ, и здѣсь изъявилъ желаніе жениться на московской боярышнѣ, какую ему укажутъ—что съ большимъ удовольствиемъ было исполнено. Выразилъ пожеланіе, чтобы въ Киевѣ прислали митрополита изъ Москвы. Наконецъ, исполняя волю московского правительства, подалъ петицію о введеніи на Украинѣ московской администраціи. За такія услуги московское правительство пожаловало его боярскимъ чиномъ и немедля приступило къ переписи украинскаго населенія и введенію новаго податнаго оклада. Но эти планы и мѣры вызвали сильнѣйшее негодованіе среди украинскаго населенія. Послѣднее и безъ того было уже достаточно раздражено всякаго рода злоупотребленіями и вмѣшательствами московскихъ ратныхъ людей и воеводъ (въ изобилии констатированными официальными розысками, произведенными по жалобамъ украинскаго населенія московскимъ правительствомъ въ 1666 г.). Перспектива новаго московского обложенія и московской администраціи вызвала настоящую панику. Вдбавокъ еще Брюховецкій, въ виду перехода всякихъ сборовъ въ руки московской администраціи, постарался на прощеніе по возможности собрать какъ можно болѣе

въ казну войсковую. Со всѣхъ сторонъ поднималось крайнее раздраженіе на московское правительство и его прислужника. Старшина негодовала на новый приемъ—отправлять неугодныхъ гетману лицъ въ Москву для ссылки. Духовенство было крайне недовольно проектированнымъ подчиненіемъ московскому патріарху. Всеобщее негодованіе вызвало также совпадшее съ этими планами соглашеніе Москвы съ Польшею, оформленное затѣмъ прилиминарнымъ договоромъ 1667 г. и закрѣплявшее за Польшею правобережную Украину, какъ разъ освободившуюся снова отъ польского господства; это рассматривалось какъ рѣшительная измѣна обязательствамъ, взятымъ на себя московскимъ правительствомъ по отношенію къ Украинѣ при ея присоединеніи.

Брюховецкій сначала расчитывалъ подавить это неудовольствіе терроромъ: противниковъ ссылалъ, а непокорные села и городки совсѣмъ московскому правительству сѣчь и жечь. Но замѣтилъ, что движеніе становится все болѣе серьезнымъ и грозить его позиціи, онъ рѣшается круто повернуть свою тактику по отношенію къ Москвѣ и стать самому во главѣ враждебнаго московскому правительству движенія, чтобы спасти себя отъ грозящаго возстанія. Онъ разсчитывалъ на содѣйствіе и поддержку Дорошенка, несомнѣнно подавшаго ему надежду въ этомъ смыслѣ, и его союзниковъ татаръ. Въ началѣ 1668 г. онъ поднялъ открытое возстаніе противъ Москвы, принявшее большиѳ размѣры. Московскіе гарнизоны избивались или изгонялись, Украина освобождалась отъ московскаго господства. Но самъ Брюховецкій слишкомъ паль-

во мнѣніи поселенія, чтобы его могъ спасти такой поворотъ. Когда среди этого возстанія прибылъ въ Лѣвобережную Украину со своимъ войскомъ Дорошенко и потребовалъ отъ Брюховецкаго, чтобы онъ сложилъ гетманство,—все оставило его и перешло къ Дорошенку. Московскія войска отступили за границу, въ виду силъ, какими располагалъ Дорошенко. Ко-зацкая Украина обѣихъ сторонъ Днѣпра очутилась въ его рукахъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще держились московскіе гарнизоны. Однако, и на этотъ разъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ моментъ наибольшихъ успѣховъ Выговскаго, капризная судьба вырвала изъ рукъ этотъ единственный и уже не повторившійся моментъ. Дорошенко выѣхалъ въ Чигринъ, отозванный извѣстіями частнаго характера. Возпользовавшись его уходомъ, московская армія снова двинулась въ Украину; оставленный Дорошенкомъ, въ качествѣ замѣстителя («наказного гетмана») Демьянъ Многогришный рѣшилъ признать протекторатъ Москвы. Правда, онъ и его товарищи требовали вывода воеводъ и возвращенія къ статьямъ Богдана Хмельницкаго и дѣлали искрення усиленія добиться отъ московскаго правительства этихъ уступокъ. Но московскіе политики, учитывая фальшивое положенія Многогришнаго, изъ намѣстника Дорошенка превратившагося въ кандидата на гетманство, стояли на своемъ, и въ концѣ концовъ Многогришный принялъ продиктованныя ему, т. н. глуховскія статьи, на основаніи которыхъ былъ заключенъ настоящій договоръ между представителями московскаго правительства, и Многогришный былъ утвержденъ на гетманствѣ (1669).

Такимъ образомъ лѣвобережная Украина, точнѣе ея сѣверная часть, такъ какъ южные полки нѣкоторое время продолжали держаться Дорошенка, ушла изъ рукъ послѣдняго. Это было тяжелымъ ударомъ для его плановъ. Но къ чести его сказать, онъ не сталъ тратить силъ на борьбу съ Многогришнымъ; онъ цѣнилъ въ немъ представителя тѣхъ же автономистскихъ идеаловъ, хоть и трактовалъ его нѣсколько свысока, какъ самочинного «покутнаго гетманчика». Дѣйствительно, Многогришный усердно отстаивалъ идеалы политической автономіи Украины, поскольку позволяли ему достаточно трудныя условія, въ какихъ онъ находился. Правленіе его, впрочемъ, было очень непродолжительно. Старшина, съ которой онъ не успѣлъ поладить, устроила противъ него заговоръ, арестовала и отправила въ Москву, придавшись къ рѣзкимъ выраженіямъ, которыя онъ позволялъ себѣ по адресу московского правительства за его компромиссъ съ Польшею (1672 г.). Мѣсто его занялъ другой ставленникъ старшины Иванъ Самойловичъ, человѣкъ глубоко постигшій премудрость даннаго момента—безпрекословнаго повиновенія московской политикѣ во вѣшнихъ отношеніяхъ, и желаніямъ старшины во внутренней политикѣ.

Съ Самойловичемъ у Дорошенка не было уже тѣхъ солидарныхъ отношеній, какія онъ поддерживалъ съ Многогришнымъ, и раздѣленіе Украины чувствовалось вполнѣ осознательно. Обозначилась и третья политическая группа—Запорожье съ тяготѣвшими къ ней сѣдними территоріями Украины, не подчинявшееся ни Самойловичу, ни Дорошенку и высту-

плявшее своихъ собственныхъ гетмановъ — слишкомъ слабыхъ, чтобы играть самостоятельную роль, но все же усугублявшихъ еще болѣе украинскій хаосъ и затруднявшихъ осуществленіе плановъ Дорошенка—возстановленія единой независимой Украины.

Послѣ потери сѣверо-восточной Украины, Дорошенко рѣшилъ опираться въ своей политикѣ на содѣйствіе Турціи. Въ 1669 г. онъ заключилъ договоръ съ турецкимъ правительствомъ, признавъ себя вассаломъ султана, и взамѣнъ получивъ обѣщаніе, что турецкое правительство приложитъ старанія къ освобожденію Украины въ ея этнографическихъ границахъ—по Перемышль и Самборъ, по Вислу и Нѣманъ, по Сѣвскъ и Путівль. Послѣ этого Дорошенко стала понуждать турецкое правительство къ походу на Польшу, чтобы освободить украинскія земли изъ ея власти. Въ концѣ 1671 г. султанъ Магометъ IV дѣйствительно началъ готовиться къ походу и объявилъ Польшѣ войну, мотивируя ее нападеніями Поляковъ на владѣнія его вассала Дорошенка. Въ маѣ 1672 г. огромная турецкая армія съ султаномъ во главѣ двинулась къ границамъ Украины, осадила Каменецъ, вскорѣ сдавшійся, и приступила ко Львову. Польша была охвачена паникою, никто не думалъ о со-противленіи. Польськіе комиссары, прибывшіе въ турецкій лагерь во время осады Львова для заключенія мира, согласились на всѣ условия султана: уступили Турціи Подолію, обязались платить ежегодную дань, а «Украину въ давнихъ границахъ» признавали за Дорошенкомъ и обѣщали вывести оттуда уцѣлѣвшіе гарнизоны. На этихъ условіяхъ былъ утвержденъ миръ въ

Гетманъ Петръ Дорошенко

(Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ).

Бучачѣ 7 октября 1672, и султанъ отправилъся во свояси.

Этотъ турецкій походъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на московское правительство, тѣмъ болѣе, что ходили упорные слухи о новомъ турецкомъ походѣ на слѣдующій годъ, который будетъ направленъ противъ Москвы, для освобожденія отъ нея лѣвобережной Украины. Правительство и созванный по этому вопросу земскій соборъ рѣшили принять Дорошенка съ правобережной Украиной подъ московскую протекцію, въ виду того, что Польша формально отъ нея отказалась, и исполнить его требованія относительно украинской автономіи. Украина правобережная и лѣвобережная съ Запорожьемъ должны были соединиться въ рукахъ гетмана и освободиться отъ всякихъ вмѣшательствъ во внутреннія отношенія со стороны Москвы, какъ и со стороны Польши; московскіе воеводы и гарнизоны должны были быть выведены изъ всѣхъ городовъ, даже изъ Киева.

Рядъ обстоятельствъ, однако, снова сталъ на пути осуществленія этихъ плановъ Дорошенко. Прежде всего, важное вліяніе оказалось то, что турецкое правительство не повторило своего похода и вообще не позаботилось поддержать впечатлѣніе своей первой экспедиціи. Польское правительство заявило московскому, что оно отнюдь не отказывается отъ своихъ правъ на правобережную Украину, не считаетъ Бучацкаго трактата для себя обязательнымъ, и принятіе Дорошенка подъ московскую протекцію сочтетъ нарушеніемъ перемирия. Дѣйствительно, польскія войска перешли въ наступленіе противъ Ту-

рокъ и подъ Хотиномъ Собѣскій одержалъ надъ Турками побѣду. Съ своей стороны, Самойловичъ, чтобы не остаться за штатомъ въ случаѣ соглашенія московского правительства съ Дорошенкомъ, всячески старался отклонить московское правительство отъ какихъ-либо компромиссовъ и совѣтовъ дѣйствовать противъ Дорошенка оружиемъ.

Въ концѣ концовъ московское правительство приняло этотъ совѣтъ и въ началѣ 1674 г. Самойловичу вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, подъ начальствомъ боярина Ромодановскаго, поручено ити за Днѣпръ и промышлять оружіемъ. Хотя при этомъ ему рекомендовалось, прежде всего, стасться войти въ соглашеніе съ Дорошенкомъ, но Самойловичъ предпочелъ привлечь на свою сторону правобережное населеніе помимо Дорошенка. Онъ разсчитывалъ на извѣстное ему нерасположеніе населенія къ союзу съ Крымомъ и Татарами, которыхъ держался Дорошенко, и эти расчеты вполнѣ оправдались. Почти все населеніе правобережной Украины перешло къ Самойловичу, когда онъ явился здѣсь со своими войсками. Депутаты десяти правобережныхъ полковъ явились къ нему и признали его своимъ гетманомъ подъ верховенствомъ Москвы, и затѣмъ по возвращеніи Самойловича эта церемонія была формально повторена въ Переяславѣ. Дорошенко самъ поколебался и готовъ былъ капитулировать, но его удержалъ кошевой запорожскій Сирко, не миравшійся съ подчиненiemъ Москвѣ.

Однако, это была только ненужная и тягостная отсрочка. Дорошенко возлагалъ свои надежды на Турокъ, но Турки не являлись. Два года прошло въ

мелкой, нелѣпой войнѣ, въ безплодномъ террорѣ и экзекуціяхъ надъ несчастнымъ населеніемъ. Наконецъ въ сентябрѣ 1676 г., когда Самойловичъ съ Ромодановскимъ снова при-

ступили къ Чигрину, Дорошенко, лишенный всякихъ средствъ борьбы, рѣшилъ, что далѣе сопротивляться было бы совершенно напрасно и капитулировалъ окончательно¹⁾.

Утверждение московского режима въ лѣвобережной Украинѣ. Судьба Украины правобережной; эмиграція.

Капитуляція Дорошенка, послѣдняго крупнаго представителя поколѣнія поборниковъ украинской автономности, выдвинутаго великимъ восстаніемъ 1648 г., и триумфъ типическаго представителя новаго курса—Самойловича, собравшаго, хотя бы номинально, всю украинскую гетманщину подъ своимъ «рейментомъ», были весьма многозначительнымъ знаменемъ времени. «Трезвая» политика покорности передъ «реальнымъ соотношеніемъ силъ» торжествовала. Руководители московской централистической политики могли поздравить себя съ тѣмъ, что не вошли въ компромиссы съ Дорошенкомъ и его товарищами, послѣдовавъ совѣтамъ Самойловича; Самойловичъ и компания могли убѣдиться въ выгодахъ плаванія на буксирѣ московской политики. Для нихъ было совершенно очевидно, что лѣвобережная Украина слишкомъ прочно застѣла въ области московскихъ вліяній, чтобы пытаться бороться съ тенденціями московской политики, и казалось единственно благоразумнымъ осторожно двигаться въ ея сферѣ, избѣгая всякихъ конфликтовъ. Паденіе Дорошенка можно разсматривать, какъ моментъ окончательного утверждения московского режима въ лѣвобережной Украинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—сосредоточенія украинской политической жизни въ этой послѣдней.

Правобережная Украина, оставленная вмѣсть московского верховенства договоромъ Москвы съ Польшею, напрасно напрягалась свои усилія, чтобы выйти изъ невообразимой сумятицы, создаваемой претензіями и вліяніями Польши, Москвы, Турціи и Крыма, и среди хаоса, къ которому приводили эти притязанія и борьба съ ними представителей мѣстнаго населенія и политики заднѣпровской, жизнь здѣсь становилась все болѣе невыносимою, все сильнѣе отливала отсюда за Днѣпръ, и правобережная область, послужившія первоначальнымъ очагомъ козачества и вызванного имъ національнаго движенія, пустѣли и утрачивали всякое значеніе въ жизни Украины.

Уже первыя разочарованія въ успѣхахъ возстанія Хмельницкаго вызвали новое движеніе украинской эмиграціи на востокъ. Послѣ рѣшительныхъ неудач кампаніи 1651 г., оно усиливается, еще болѣе возрастаетъ затѣмъ среди путаницы отношеній, создававшихся среди колебаній украинской политики то въ сторону Польши то въ сторону Москвы, начиная съ Гадяцкой унії и позже, въ 1660 годахъ. Перспектива возстановленія польского шляхетскаго режима, съ одной стороны, съ другой—вѣчныя нашествія отрядовъ соперничающихъ госу-

1) Подробнѣе—«Очеркъ», гл. XIX, тамъ же важнѣйшая литература.

дарствъ, огнемъ и мечемъ утверждавшихъ свое преобладаніе и наказывавшихъ за всякое колебаніе въ противную сторону,—дѣлали невыносимымъ всякое существованіе. Польши населеніе не хотѣло, но обезопасить себя отъ ся притязаній не умѣло ни оно, ни представители антипольской политики. Противъ Польши и Москвы пробовали опереться на Татаръ, но послѣдніе въ качествѣ союзниковъ опустошали здѣшній край хуже непріятеля и безъ церемоніи забирали своихъ союзниковъ въ плѣнъ. Поэтому въ 1660 гг. эмиграція съ праваго берега принимаетъ устрашающіе размѣры; правобережная Украина пустѣтъ. Обстановка, въ какой происходилъ турецкій походъ 1672 г.—превращеніе христіанскихъ церквей (католическихъ) въ мечети, случаи насильственного обращенія въ магометанство, наборы мальчиковъ въ янычары—произвела еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Хотя Дорошенко всячески скрывалъ фактъ своего подчиненія султану, тайно это не могло оставаться, и это въ связи со слухами, что султанъ намѣренъ повторять такие походы и расширять все болѣе сферу своихъ завоеваній, вызывало настоящую панику среди правобережного населенія. Надежда была еще на Самойловича, занимавшаго своими гарнизонами правобережные города и принимавшаго ихъ подъ свою власть. Но когда формальное признаніе его правобережнымъ гетманомъ въ 1674 г. не создало сколько-нибудь прочныхъ гарантій спокойнаго существованія, и Дорошенко съ крымскими Татарами снова принялъся подчинять себѣ Правобережье жестокими экзекуціями, отчаяніе охватило здѣш-

нее населеніе, и оно обращается въ поголовное бѣгство. Правобережное Поднѣпровье и Браславщина пустѣли совершенно. Дорошенко напрасно старался всякими препятствіями и даже терроромъ остановить это бѣгство, окончательно лишавшее его всякихъ средствъ борьбы,—оно все же продолжалось. Продолжалось и послѣ его капитуляції. Турція, не поддержавшая Дорошенка въ агоніи его борьбы, снарядила новый походъ послѣ его капитуляції (въ 1677 г.), чтобы утвердить свою власть въ правобережной Украинѣ, и задумала вдоворить на гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, въ качествѣ плѣнника находившагося въ то время въ Константинополѣ. Чигиринскій гарнизонъ, однако, на этотъ разъ устоялъ, и когда Самойловичъ съ московскимъ войскомъ двинулъся ему на выручку, Турки отступили. Но на слѣдующій годъ (1678) Турки повторили свой походъ, и эта настойчивость такъ испугала московское правительство, что оно приказало своимъ воеводамъ, втайнѣ отъ Самойловича, вывести гарнизонъ изъ Чигириня, а остатки населенія были насильно переведены за Днѣпръ въ 1679 г.

Самойловичъ, очень огорченный утратою правобережной Украины, попытался компенсировать такой ущербъ своего регимента Слободской Украиной, усиленно заселявшейся въ это время украинской эмиграціей и организовавшейся по образцу Гетманщины въ козацкіе полки, съ подобнымъ же устройствомъ. Онъ проектировалъ поселить согнанное населеніе Правобережья въ Слободской Украинѣ и присоединить ее къ Гетманщинѣ, передавъ въ завѣданіе гетмана; моти-

вировалъ свой проектъ переполненiemъ лѣвобережной Украины правобережной эмиграціей и отсутствіемъ свободныхъ земель для поселенія этихъ послѣднихъ кадровъ. Но московское правительство не намѣreno было поступиться слободскими полками, находившимися въ непосредственномъ его завѣдываніи, и проектъ Самойловича отклонило. Въ концѣ концовъ, согнанные Правобережане были поселены на юго-восточной окраинѣ лѣвобережной Гетманщины, на сѣверъ отъ р. Орели.

Вопросъ о правобережной Украинѣ, однако, не былъ ликвидированъ окончательно отреченіемъ отъ нея московского правительства въ 1678—9 гг. Польша и Турція заявляли на нее претензіи, и это соперничество продолжало поддерживать вопросъ въ извѣстномъ напряженіи. Украинское общество не мирилось съ отреченіемъ отъ Правобережья. Когда на очереди стала вопросъ объ окончательной ликвидациіи борьбы за Правобережную Украину въ трактатахъ Москвы съ Польшею и Турцію, Самойловичъ усиленно совѣтовалъ московскому правительству выговорить себѣ у турецкаго правительства земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, или по крайней мѣрѣ между Днѣпромъ и Ю. Бугомъ. Этого, однако, не удалось добиться, и при ратификациіи трактата между Москвою и Турцію въ 1681 г. границею былъ признанъ Днѣпръ безъ всякихъ оговорокъ. Трактатомъ съ Польшею, заключеннымъ 1860 г., окончательно оставленъ былъ во власти Москвы Киевъ

съ окрестностями; вопросъ же объ остальной приднѣпровской полосѣ былъ отложенъ, и фактически она осталась въ распоряженіи Польши. Такое рѣшеніе вопроса вызвало большое неудовольствіе на Украинѣ; послѣдовавшее затѣмъ сближеніе московского правительства съ польскимъ въ интересахъ совмѣстной борьбы съ Турціей и Крымомъ встрѣчено было здѣсь очень неблагопріятно, и неудовольствіе, которое выражалъ Самойловичъ по поводу такого курса московской политики, впослѣдствіи послужило одною изъ причинъ его паденія.

Игнорируя дипломатическое рѣшеніе вопроса, Українцы дѣлали попытки собственnoю инициативою возвратить Правобережье Гетманщинѣ. Такой характеръ имѣла дѣятельность полковниковъ Палія, Искры, Абазина, Самуся, въ 1680—90 гг. занявшихся колонизациою и возрожденіемъ козачества на днѣпровскомъ побережье и Побожью. Начавъ свою дѣятельность подъ протекціей польского правительства, они вслѣдъ затѣмъ хлопочутъ о присоединеніи къ лѣвобережной Гетманщинѣ, и уже съ 1688 г. Палій начинаетъ усиленная представлена въ этомъ смыслѣ. Среди украинской старшины планы возсоединенія обѣихъ сторонъ Днѣпра находили полное сочувствіе; но московское правительство рѣшительно не желало нарушать изъ-за этого союзный отношенія съ Польшею, и на этомъ пунктѣ позже возникъ конфликтъ, не оставшійся безъ вліянія на катастрофу 1708 г.¹⁾.

Мазепа и шведско-украинский союзъ.

Утвержденіе московского режима въ лѣвобережной Украинѣ въ 1670—80 гг. создавало прочныя и устойчи-

выя отношенія, которымъ, повидимому

¹⁾ Подробѣ: „Очеркъ“, 3 изд., гл. XX и XXIV.

ничто не грозило какимъ-либо потрясениемъ. Во главѣ правленія стояли люди, совершенно искренно связавшіе свою судьбу съ московскою протекцією, и если испытанія, которымъ подвергала ихъ централистическая московская политика, болѣзненно ощущались въ этой средѣ, то во всякомъ случаѣ ихъ принимали, какъ нѣчто неизбѣжное, и подчинялись, какъ неотвратимому. Существенныя ограниченія украинской автономіи были проведены при утвержденіи на гетманствѣ Самойловича, а въ 1680 гг. ему, по требованію московского правительства пришлось заняться упраздненіемъ украинской церковной автономіи — подчиненіемъ украинской церкви московскому патріарху, что и было осуществлено теперь (1685). Когда вскорѣ послѣ того старшина, недовольная гетманомъ, зазнавшимся и ставшимъ слишкомъ самовластнымъ, въ надеждѣ на расположение московскихъ правительей низвергла Самойловича, и на его мѣсто былъ избранъ Мазепа (1687), этотъ сподвижникъ Дорошенка поплылъ по тому же курсу безусловной лояльности. Подобно своему предшественнику, онъ ставилъ первымъ главнымъ принципомъ своей политики — поддерживать хорошія отношенія съ московскимъ правительствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ и за какую угодно цѣну. Уже свое утвержденіе, кроме предварительной взятки всесильному временщику Голицину, онъ долженъ былъ оплатить новыми ограниченіями украинской автономіи, вродѣ внесенного въ избирательные статьи постановленія, что не только гетманъ, но и генеральная старшина не можетъ быть смѣщена безъ царскаго указа и пр. Для старшины, впрочемъ, приведенное

ограниченіе представляло и свои вы-
годы, и кромѣ того она провела при
сей оказіи нѣсколько другихъ поста-
новленій въ своихъ интересахъ (под-
твержденіе имѣній, розданныхъ гет-
манами и старшиной отдельнымъ ли-
цамъ, освобожденіе отъ налога на
содержаніе войскъ имѣній старшин-
скихъ и монастырскихъ и т. под.).
Ограничивающая шагъ за шагомъ автоно-
мію Украины, московское правитель-
ство вознаграждало старшину различ-
ными привилегіями въ сферѣ ея клас-
совыхъ интересовъ, идя навстрѣчу ея
стремленіямъ къ превращенію въ на-
следственно привилегированное вла-
дѣльческое сословіе. Ту-же тенденцію
проводили въ своей внутренней поли-
тикѣ избранники старшины — гет-
маны, — Мазепа точно такъ же, какъ и
Самойловичъ, — и здѣсь лежало также
одно изъ обстоятельствъ, понуждав-
шихъ ихъ искать опоры у московского
правительства, въ виду того неудоволь-
ствія, какое возбуждала среди козацкаго
демоса и крестьянскаго населенія эта
сословная политика старшины и гет-
мановъ. Первые годы правленія Ма-
зепы ознаменовались весьма симпто-
матическими въ этомъ отношеніи по-
пытками восстаній противъ гетман-
скаго и старшинскаго режима — дви-
женіями населенія при извѣстіи о
низверженіи Самойловича и затѣмъ
походами на Украину послѣдняго де-
магога Петрика Ивановича, съ по-
мощью Запорожья и Крыма пытав-
шагося поднять восстаніе среди укра-
инскаго населенія противъ гетмана и
московского господства (1692, 1693 и
1696 гг.). Попытки были неудачны:
населеніе извѣрилось въ возможности
борьбы; но онѣ вскрывали внутрен-
нюю слабость гетманскаго режима и

заставляли гетмана и старшину искать помощи и поддержки у московского правительства и темъ усиливать централистическую тенденции послѣдняго.

Но царь Петръ, независимо отъ систематическихъ ограничений украинской автономіи, подвергалъ тяжкимъ испытаниямъ лояльность гетмана и старшины крайне безцеремоннымъ обращениемъ съ военными и экономическими средствами Украины. Онъ распоряжался козацкими полками, посылая ихъ безпрестанно въ далекіе походы, гдѣ они не только несли большія потери отъ непріятеля и непривычныхъ условій, но и подвергались тяжелымъ притѣсненіямъ и оскорблѣніямъ, употреблялись на тяжелыя крѣпостные и земляные работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себѣ безцеремонно распоряжаться украинскими войсками, украинскою старшиною и самимъ Мазепою. Украинская автономія стала призракомъ. Населеніе изнемогало подъ бременемъ этихъ тяжелыхъ походовъ и всякихъ иныхъ тягостей, переходовъ московскихъ войскъ и поборовъ на ихъ содержаніе, грубаго обращенія московскихъ воеводъ и офицеровъ, и все болѣе «отпадало у него сердце къ великому государю», по выражению современника, а вмѣстѣ съ тѣмъ наростало раздраженіе противъ Мазепы, не въ мѣру покорного и услужливаго царскаго приспѣшника. Съ другой стороны, царь вѣчно хватался за все новые проекты, грозившіе полнымъ переворотомъ украинскаго строя: то выдвигался вопросъ о замѣнѣ козацкаго войска рекрутскимъ наборомъ, то проектъ образования изъ украинскихъ земель княжества для герцога Мальборо, при чмъ Мазепа взамѣнъ

гетманства долженъ былъ получить титулъ князя римской имперіи; рѣшительно столкнулись украинскіе интересы съ видами Петра въ вопросѣ о Правобережной Украинѣ, и т. под.

Все это должно было вызывать сильнѣйшія сомнѣнія у самого гетмана и его совѣтниковъ, особенно въ виду неблагопріятнаго оборота, какой, повидимому, принимала Сѣверная война, одновременно съ тѣмъ придвигаясь къ границамъ Украины. Шведскій король, смявъ саксонскую партію въ Польшѣ, перешелъ въ Литву и готовъ былъ перенести свою борьбу съ царемъ на украинскую территорію. Повторялась еще въ болѣе обстроенной формѣ дилемма, ставшая передъ украинскими правителями пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Шведскій союзъ, заключенный тогда и гарантировавшій Украинѣ свободу, независимость и неприкословенность, остался для украинской старшины своего рода завѣтомъ прошлаго и, неосуществленный тогда, требовалъ своего исполненія теперь. Неиспользованный тогда вслѣдствіе прекращенія войны Швеціи съ Польшей, онъ становился на очередь съ приближеніемъ шведской арміи къ границамъ Украины. Изъ всевозможныхъ комбинацій, на которыхъ пыталась опереться украинская политика за истекшее полвѣка, онъ одинъ не былъ дискредитированъ еще, и наиболѣе горячіе автономисты настойчиво требовали отъ Мазепы, чтобы онъ воспользовался представляющеюся коньюнктурою для освобожденія Украины отъ невыносимаго положенія. Съ другой стороны, было почти несомнѣннымъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ царя, на Украинѣ прорвется восстаніе, ко-

торое покончитъ ли съ московскимъ владычествомъ или не покончитъ, но прежде всего тяжестью своею обрушится на всѣхъ связавшихъ свою судьбу съ московскимъ господствомъ; между тѣмъ царь заранѣе предупреждалъ гетмана, что въ случаѣ вторженія Шведовъ на Украину ему нечего разсчитывать на московскую помощь.

Положеніе гетмана и его сторонниковъ становилось все болѣе опаснымъ, но осторожный, не способный на смѣлый рискъ, Мазепа не могъ отважится на рѣшительный шагъ. На случай пораженія царя онъ вель пereговоры съ шведскимъ союзникомъ, королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ, но, боясь измѣны, не посвящалъ въ эти переговоры даже наиболѣе близкихъ лицъ изъ старшины, и вообще хотѣлъ остататься по возможности пассивнымъ зрителемъ до окончательного результата войны, избѣгая всего, что могло бы бросить на него подозрѣніе въ московскихъ кругахъ. Поэтому никакихъ приготовленій къ возможному конфликту онъ не предпринималъ. Когда на границахъ Украины въ 1707 г. вспыхнуло чрезвычайно опасное для московского правительства возстаніе донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Булавина, Мазепа, по порученію московского правительства, чтобы не возбудить подозрѣнія, усердно занялся подавленіемъ этого возстанія и такимъ образомъ убилъ весьма цѣнного союзника наканунѣ своего разрыва съ Москвою. Свои войска, по требованію царя, онъ выслалъ на польской и бѣлорусской театръ войны, а своими жалобами на «непостоянность и малодушіе» украинскаго населенія добился только того, что царь распорядился

выслать московскій отрядъ въ центръ Гетманщины въ моментъ возстанія.

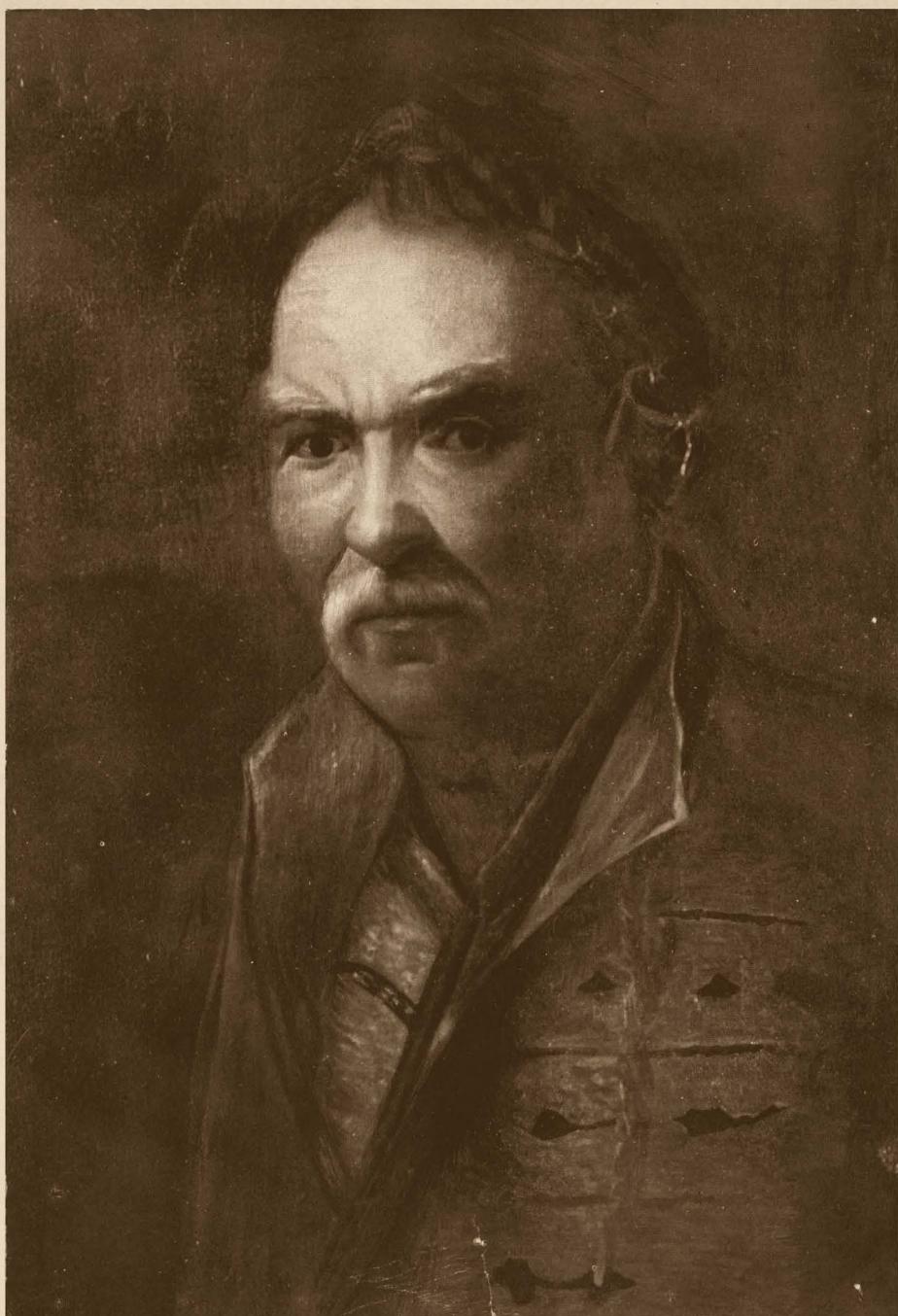
Полная неподготовленность борьбы съ московскимъ правительствомъ обнаружилась во всей наготѣ, когда обстоятельства, наконецъ, принудили Мазепу къ рѣшительному шагу—когда Карль XII осенью 1708 г. изъ Бѣлоруссіи внезапно двинулся на Украину. Петръ двинулъ свои войска въ томъ же направленіи и призывалъ къ себѣ Мазепу. Въ этотъ моментъ, собственно говоря, уже не было возможности выбора: украинскіе полки были высланы, московскія войска вступили на украинскую территорію и при такой неподготовленности возстанія совершенно безнадежно было думать о немъ передъ глазами московской арміи. Но Мазепа и его совѣтники, очевидно, слишкомъ успѣли скжиться съ мыслью объ освобожденіи Украины при помощи Шведовъ. По настоянію старшины Мазепа вошелъ въ сношеніе съ Карломъ, приглашая его двинуться за Десну, для соединенія съ украинскимъ войскомъ, и 24 окт. съ кружкомъ посвященныхъ въ его планы старшинъ и 4000 козаковъ двинулся ему навстрѣчу и присоединился къ шведской арміи. На какихъ условіяхъ произошло это соединеніе, объ этомъ за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ мы можемъ судить по позднѣйшимъ актамъ, составленнымъ при выборѣ преемника Мазепы; здѣсь значилось, что восточная Украина, въ составѣ старыхъ воеводъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго должна составить самостоятельное государство, подъ протекціей шведскаго короля; ни Швеція, ни другія союзныя государства, ни подъ какимъ предлогомъ, не могутъ претендовать на власть надъ

Украиной и козацкимъ войскомъ, ни на ея доходы, ни на ея крѣпости, но наоборотъ, должны свято хранить цѣлость ея границъ, ея вольности и законы. Собственно это было лишь повтореніе, въ новомъ изданіи, старого договора, заключенного съ Карломъ X, но моментъ для его осуществленія былъ выбранъ совсѣмъ неудачно. Царь немедленно былъ освѣдомленъ о переходѣ Мазепы на сторону Шведовъ. Гетманская резиденція была немедленно взята, разорена, безжалостно уничтожена. Старшина была созвана въ Глуховъ для выбора нового гетмана. Захваченное врасплохъ населеніе, устрашенное кровавыми расправами московскихъ властей со всѣми подозреваемыми въ склонности къ Мазепинцамъ, осталось совершенно пассивнымъ. Старшина послушно явилась, чтобы принять участіе въ церемоніи низложения Мазепы и выбора его преемника, указанного Петромъ въ лицѣ старого и неспособного полковника Скоропадского. За то настоящій дождь пожалованій «измѣнничыхъ моestностей» и всякихъ другихъ, пролился на всѣхъ, умѣвшихъ чѣмънибудь заявить свое рвѣніе московскому правительству.

За небольшими исключеніями, вся Гетманщина — лѣвобережные и не-задолго передъ тѣмъ формально присоединенные къ нимъ правобережные полки — признали Скоропадского гетманомъ. Запорожье нѣ-которое время колебалось между старымъ нерасположениемъ своимъ къ Мазепѣ и такимъ же нерасположениемъ къ московскому режиму, но подъ вліяніемъ своего кошевого Костя Гордіенка въ концѣ концовъ склонилось на сторону Мазепы, и запорожское вой-

ско присоединилось къ шведской арміи. Чтобы обеспечить себѣ непосредственное сообщеніе съ Запорожьемъ, Карлъ двинулся весною 1709 г. на югъ, къ Полтавѣ, но пока онъ занимался ея осадою, войска Петра овладѣли Сѣчью, измѣннически подвергнувъ жесточайшимъ казнямъ сдавшихся Сичевиковъ, а затѣмъ онъ самъ со свѣжими войсками, напавъ на ослабленную и деморализованную армію Карла, нанесъ ей рѣшительное пораженіе.

Мазепа съ Карломъ, съ небольшимъ кружкомъ старшинъ и небольшими отрядами шведскихъ драбантовъ, козаковъ и Запорожцевъ укрылись на турецкую территорію, гдѣ Карлъ оставался затѣмъ нѣсколько лѣтъ. Мазепа спустя нѣсколько недѣль скончался здѣсь, измученный тревогой и неудачами (22 августа). Оставшая при немъ украинская старшина, послѣ долгихъ совѣщаній, выбрала его преемникомъ генерального писаря Филиппа Орлика (1710). При этомъ выборѣ былъ составленъ интересный актъ, хартія, опредѣлявшая международное положеніе Украины и ея внутренній строй; здѣсь видимъ вполнѣ опредѣленные начатки представительного правленія — періодическія собранія войсковой рады (трижды въ годъ) съ участіемъ не только старшины, но и депутатовъ отъ полковъ и запорожского козачества; сознается необходимость ограниченія гетманского самовластія, огражденіе козачества и крестьянства отъ притѣсненій старшины, и т. под. Но всѣмъ этимъ принципамъ не суждено было осуществиться. Силы Орлика были ничтожны, съ нимъ было 3—4 тыс. козаковъ и Запорож-

Гетманъ Иванъ Мазепа,

(Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ),

цевъ, надежды возлагались на поддержку Швеціи, Турціи и другихъ державъ. Но силы Швеціи были исчерпаны. Надежды возродила Прутская кампания Турціи (1711), неожиданно закончившаяся капитуляцией Петра; договоръ долженъ былъ обеспечить, между прочимъ, и независимость Украины, но благодаря подкупу визиря, этотъ пунктъ былъ выраженъ такъ неясно, что московское правительство отказалась подразумѣвать здѣсь Украину, находившуюся подъ московскимъ верховенствомъ. Попытки Орлика овладѣть, по крайней мѣрѣ,

правобережной Украиной—были неудачны: Петръ окончательно уступилъ ее Польшѣ, распорядившись еще разъ перегнать поселеніе за Днѣпръ, и въ 1714 г. Польша вступила въ фактическое обладаніе Правобережьемъ. Запорожцы, составлявшіе единственную опору Орлика и перенесшіе послѣ разоренія Сѣчи свой кошъ на крымскую территорію, скоро стали хлопотать о возвращеніи на украинскую территорію. Такъ безплодно окончилась эта послѣдняя громкая вспышка украинского автономизма¹⁾.

Ограничения украинской автономіи и первая отмѣна гетманства.

Хотя шведско - украинскій союзъ, какъ было выше отмѣчено, стоялъ въ непосредственной связи съ борьбой за автономію Украины въ половинѣ XVII в., былъ, такъ сказать, послѣдствиемъ этой эпохи,—но отдѣленный отъ нея долгимъ, почти сорокалѣтнимъ затишьемъ въ отношеніяхъ лѣвобережной Гетманщины, на фонѣ усиленной лояльности мѣстной старшины, онъ казался чѣмъ-то неожиданнымъ, и въ этомъ смыслѣ,—какъ поступокъ небывалый и невѣроятный,—былъ усиленно раздѣлъ русскимъ правительствомъ, решившимъ использовать его, какъ удобный поводъ къ усиленной ликвидации украинской автономіи. Въ сущности огромное большинство украинского населенія осталось непричастно замысламъ Мазепинцевъ, и весь эпизодъ обнаружилъ глубокое утомленіе его и нерасположеніе къ какой либо борьбѣ и риску. Но Петръ и его правительство ухватились за «малороссійскую измѣну» и «вмѣнивъ ее въ

вину всему украинскому народу, сдѣлали ее оправданіемъ для новой тактики по отношенію къ Украинѣ — не выжидательной и постепенной, а рѣзкой и безцеремонной, не считавшейся ни съ какими правами, ни прецедентами. Та глубокая паника, какая охватила украинское населеніе, вслѣдствіе ужасныхъ сценъ московской расправы съ замѣшанными въ возстаніи — проявленій жестокости Петровской эпохи, ободрила централистовъ къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ, а способность царскаго ставленника, гетмана Скоропадскаго поддержать сколько нибудь престижъ своей власти, облегчала ихъ осуществленія.

Послѣ полтавской победы, когда Скоропадскій, прося подтвержденія украинскихъ правъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи украинскаго упра-

¹⁾ Подробнѣе въ „Очеркѣ“, гл. XXII, новѣйшая литература въ 92 т. львовскихъ „Записокъ“ (1909), посвященномъ специально этой эпохѣ.

вленія отъ вмѣшательствъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, какія позволяли они себѣ во время войны, Петръ обставилъ это подтвержденіе цѣлымъ рядомъ оговорокъ и продолжалъ непосредственныя распоряженія украинскими должностями, назначая на полковничыи должности Великороссіянъ. Приставилъ къ самому гетману резидентовъ (сначала одного, потомъ двухъ) для надзора за дѣйствіями гетмана и старшины, а въ его резиденціи — свой гарнizonъ на случай «измѣны или возстанія», и вообще сдѣлалъ совершенно призрачной былую полноту гетманской власти. Наконецъ, въ 1722 г. онъ завершилъ этотъ новый курсъ, учрежденіемъ при гетманѣ «малороссійской коллегіи», составленной изъ шести великороссійскихъ штабъ-офицеровъ, изъ мѣстныхъ гарнizonовъ, подъ начальствомъ бригадира Вельяминова, и пред назначенной служить контролльнымъ органомъ гетманского управлениія. Коллегія имѣла принимать жалобы на всѣ судебныя и административныя учрежденія Украины; надзирать за сборомъ доходовъ и расходовать ихъ, представляя отчеты въ сенатъ; принимать мѣры противъ притѣсненій козаковъ и послолитыхъ старшиною; наблюдать за правильнымъ дѣлопроизводствомъ войсковой (гетманской) канцеляріи и слѣдить за входящими и исходящими бумагами, а о всякихъ злоупотребленіяхъ доносить въ сенатъ. Это учрежденіе лишило значенія и гетманскую власть, и генеральную старшину и дѣлало настоящимъ правителемъ Украины предсѣдателя коллегіи. Такъ и понялъ свою роль этотъ послѣдній, принявъ начальническій тонъ по отношенію къ украинской старшинѣ. Напрасно Ско-

ропадскій умолялъ Петра отмѣнить свое распоряженіе — Петръ остался не-преклоннымъ, а чтобы ослабить оппозицію старшины, распорядился распросранить среди населенія печатный указъ, где учрежденіе коллегіи объяснялось, какъ средство противъ притѣсненія простого народа старшиною.

Скоропадскій отъ огорченія заболѣлъ и умеръ еще раньше, чѣмъ Вельяминовъ вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей. Его смерть дала Петру случай пойти еще дальше въ своихъ реформахъ и фактически упразднить гетманскую власть. Исполненіе обязанностей гетмана было поручено полковнику Полуботку съ генеральною старшиною, но съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались съ участіемъ Вельяминова. А на ходатайство старшины обѣ избраніи гетмана — Петръ отвѣтилъ указомъ, где это избраніе отлагалось на неопределеннное время, въ виду того, что правительство должно прислать на гетманскій урядъ чоловѣка надежнаго, такъ какъ всѣ гетманы, за исключеніемъ первого — Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго — оказывались измѣнниками. Украинское управлениѣ изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ оно до сихъ поръ находилось, было переведено въ вѣдомство сената, и такимъ образомъ Украина приближена была къ положенію заурядной провинціи имперіи. На полковничыи должности систематически назначались Великороссы и постепенно подготовлялось введеніе имперскихъ законовъ въ практику украинскихъ учрежденій. Экономическія средства эксплоатировались на нужды государственной казны, на содержаніе великорусскихъ войскъ; налоги съ введеніемъ новой, фактиче-

ски великорусской администрации возрастили съ года на годъ съ головокружительной быстротой; мѣстная промышленность и торговля падали подъ бременемъ новой регламентациі, имѣвшей въ виду интересы фиска или развитія торговли великорусской. Населеніе разоряли постои огромныхъ массъ великорусского войска, а козацкіе полки рѣдѣли и гибли въ далекихъ работахъ: при устройствѣ Ладожскаго канала, постройкѣ крѣпости св. Креста около Дербента на Кавказѣ и т. под.

Украина систематически разорялась одновременно съ разрушениемъ я автономнаго строя. Но страхъ предъ безудержнымъ гнѣвомъ царя былъ такъ великъ, что никто не осмѣливался поднять голоса противъ этой разрушительной политики. Насколько подозрительно настроено было правительство противъ всего, что хотя бы отдаленно называлось оппозиціей новому курсу, показала судьба наказного гетмана Полуботка. Въ тѣсныхъ границахъ вліянія, какое оставили украинской старшинѣ новыя реформы, онъ старался упорядочить украинскую администрацію и судъ, и тѣмъ ослабить аргументы правительства, въ своей ломкѣ украинскаго строя ссылавшагося на злоупотребленія старшины въ судѣ и администраціи. Онъ воспретилъ старшинѣ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній употреблять для своихъ надобностей козаковъ, ввелъ коллегіальное устройство въ суды сельскіе, сотенные и полковые, установилъ порядокъ апелляціи и реформировалъ генеральный судъ. Но эти мѣры, направленныя къ упорядоченію старого строя, вызвали сильнѣйшее неудовольствіе великорусской администраціи и центрального правительства. Петръ поспѣшилъ удалить

чеси Украины Полуботка и его товарищѣ и вызвалъ ихъ въ Петербургъ для объясненій, а украинскіе полки, во избѣженіе противодѣйствія, распорядился вывести на южную границу, подъ предлогомъ охраны Украины отъ Татаръ. Постаравшись такимъ образомъ освободить украинское населеніе отъ вліянія «вредныхъ элементовъ», онъ выслалъ одного изъ довѣренныхъ людей, Румянцева, произвести опросъ украинскаго поселенія, по поводу поступившихъ противорѣчивыхъ петицій — отъ Полуботка и старшины о возстановленіи прежняго управлениія, и отъ полчанъ Стародубскаго полка — о введеніи великорусского управлениія. Послѣдняя, какъ объяснялъ Полуботокъ, была подстроена великорусской администрацией, и миссія Румянцева имѣла очевидной цѣлью подтвердить, что украинское населеніе не солидарно со старшиной и желаетъ отмѣни старого строя; ему поручено было собрать при этомъ материалы о злоупотребленіи старшины, чтобы дискредитировать послѣднюю и поддержать представление о томъ, что отмѣна старого строя производится въ интересахъ массъ. Полуботокъ, опасаясь, что подъ давлениемъ администраціи правительству дѣйствительно удастся получить такія заявленія, какія были ему желательны, выслалъ изъ Петербурга инструкціи относительно того, какъ вести себя по отношенію къ этой ревизіи и въ какомъ смыслѣ отвѣтить на ея вопросы; одновременно, по его иниціативѣ, изъ полковъ, собранныхъ на южной границѣ у р. Коломака, поступила петиція объ отменѣ новыхъ полковъ, разрѣшеніи избрани гетмана и т. под. Эти мѣры Полуботка такъ раздражили Петра, что онъ распоря-

дился арестовать Полуботка и его товарищей, а также составителей коломацкой петиции. Полуботокъ и умеръ въ заключеніи, въ Петропавловской

крепости, въ концѣ 1724 г. Всякое противодѣйствіе, такимъ образомъ, было сломлено ¹⁾.

Гетманство Апостола и второе правленіе малороссійской коллегіи.

Рѣзкая ломка украинского строя, предпринятая въ 1720-хъ гг. Петромъ, однако, казалась рискованной многимъ представителямъ россійской политики. Они считали неблагоразумнымъ слишкомъ раздражать Украинцевъ, ввиду возможныхъ политическихъ осложнений. Уже вскорѣ послѣ смерти Петра, въ виду грозившей войнѣ съ Турцией, былъ поднятъ вопросъ о необходимости сдѣлать что нибудь «для удовольства и приласканія» Украины, чтобы тамъ въ случаѣ войны не возникало какихъ либо смутъ. Но тогда сторонники петровскаго курса взяли верхъ. П. Толстой, занимавшій полковничью должность на Украинѣ и близко знакомый съ тенденціями петровской политики, рѣзко выступилъ противъ плановъ возстановленія старыхъ порядковъ, напомнивъ, что имп. Петръ «въ томъ намѣреніи гетмана на Украинѣ не учинилъ и у полковниковъ и старшинъ власти убавилъ, дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать, и черезъ тотъ способъ полковники и старшины съ подданными пришли въ немалую ссору». Традиціи петровской политики на этотъ разъ восторжествовали, и только съ воцареніемъ Петра II, сначала подъ вліяніемъ Меньшикова, имѣвшаго свои счеты съ правленіемъ малороссійской коллегіи, а затѣмъ и въ связи съ общей реакцией противъ политики Петра I, начинается также поворотъ и къ украинской политикѣ.

Налоги, введенные за послѣдніе годы, были отмѣнены; Вельяминова потребовали къ отвѣту, въ виду жалобъ о злоупотребленіяхъ, а старшинъ, задержанныхъ въ Петербургѣ со времени дѣла Полуботка, отпустили по домамъ, и наконецъ дано было разрешеніе на выборъ гетмана, чрезвычайно обрадовавшее украинское общество, чувствовавшее себя совершенно беспомощно среди всеобщаго разстройства, созданнаго послѣдней ломкой украинского строя. О свободномъ выборѣ, однако, не допускалось и мысли; правительство имѣло своего кандидата, въ лицѣ престарѣлого полковника миргородскаго Даниила Апостола, одного изъ ближайшихъ участниковъ шведско-украинскаго союза, но успѣвшаго своевременно выйти изъ этой истории и приобрѣсти довѣріе правительственныхъ сферъ. Правительственному комиссару Наумову, отправленному для участія въ выборѣ, было предписано никоимъ образомъ не допускать выбора другого лица; но эта предосторожность была совершенно лишней: умудренная предшествующими злоключеніями, старшина и не помышляла о какой либо оппозиціи этимъ предначертаніямъ, да и противъ Апостола, какъ кандидата на гетманство, не могла ничего имѣть: это былъ одинъ

1) Подробнѣе „Очеркъ“, гл. XXI, тамъ же важнѣйшая литература.

изъ послѣднихъ представителей «доброго старого времени», воспитанный въ духѣ старого украинскаго автономизма. 1 окт. 1727 Апостолъ былъ единогласно избранъ и утвержденъ на гетманствѣ.

Не было и рѣчи о полномъ возстановлениіи старыхъ правъ Украины. Упразднена была малороссійская коллегія (тѣмъ болѣе, что въ ея дѣятствіяхъ были обнаружены злоупотребленія), но взамѣнъ ея реформированъ былъ въ новомъ духѣ, вопреки основнымъ принципамъ статей Б. Хмельницкаго, генеральный судъ — составленный поровну изъ членовъ украинскихъ и великороссійскихъ, онъ долженъ былъ служить отнынѣ высшею апелляціонною инстанціею. Оставленъ былъ при гетманѣ великорусскій резидентъ, съ которымъ гетманъ долженъ былъ совѣщаться въ дѣлахъ управлениія. Свободный выборъ сохраненъ былъ только для низшихъ войсковыхъ должностей: утвержденіе полковниковъ и генеральной старшины выговорило себѣ центральное правительство, и это равносильно было на дѣлѣ непосредственному назначенію. Сохранено было расквартированіе великорусскихъ войскъ и т. под. Въ общемъ правительство за норму взяло себѣ практику, созданную реформами Петра непосредственно послѣ катастрофы 1708 г. Въ такомъ смыслѣ нормировали украинскія отношенія, т. н. «рѣшительные пункты» 1728 г.—резолюціи правительства на предложенія гетманомъ петиціи, хотя они и говорили въ общихъ словахъ о сохраненіи «прежнихъ правъ и вольностей».

Возстановленіе былыхъ отношеній было дополнено еще одною чертой—

возвращеніемъ Запорожцевъ. Выше было упомянуто, что на своихъ новыхъ поселеніяхъ, отрѣзанныхъ отъ сношеній съ Украиной — по крайней мѣрѣ явныхъ, они скоро начали тяготиться такимъ отчужденіемъ и ходатайствовать о разрѣшеніи возвратиться обратно. Но русское правительство, связанное трактатомъ съ Турцией, не рѣшалось принять ихъ и только въ виду близкой войны съ Турками, дало принципіальное согласіе на возвращеніе Запорожцевъ, когда произойдетъ открытый разрывъ съ Турцией. Въ началѣ 1734 г., въ виду грозившей войны, они возвратились на старыя мѣста. Поста новленіями, выработанными представителями Запорожцевъ и делегатами правительства, Запорожцамъ предоставлено жить по старымъ порядкамъ, пользуясь свободно степными промыслами, и управляться выборною старшиною, подчиняясь, помимо гетмана, главнокомандующему украинской арміей. Эта послѣдняя деталь также нарушила старую полноту гетманской власти. Вообще въ это время, съ воцареніемъ имп. Анны, снова начался поворотъ къ петровскому курсу политики, и только въ виду внѣшнихъ политическихъ осложненій — угрожавшей войны съ Турцией, польского безкоролевья и агитации Орлика и Лещинскаго на Украинѣ — правительство находило неудобнымъ немедленно возвратиться къ политикѣ Петра I. Благовидный предлогъ дала болѣзнь Апостола, разбитаго параличомъ въ 1733 г.: правительство не разрѣшило принять управление генеральной старшинѣ, а поручило его своему резиденту съ коллегіей, составленной поровну изъ Великороссіянъ и Украинцевъ, а когда вскорѣ послѣ того Апостолъ умеръ (1734),

была организована новая малороссийская коллегия, состоявшая изъ трехъ членовъ украинскихъ и трехъ великорусскихъ съ правительственнымъ резидентомъ и генеральнымъ обознымъ во главѣ. Коллегія эта учреждалась якобы временно, до выбора гетмана, но въ тайной инструкції резиденту кн. Шаховскому было пояснено, что въ дѣйствительности правительство не имѣетъ въ виду разрѣшать избраніе новаго гетмана, и упоминало о немъ лишь во избѣжаніе волненій на Украинѣ. Украинское управление, при избраніи Апостола переведенное въ вѣдѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, снова было возвращено въ вѣдѣніе сената, а фактическимъ правителемъ сталъ великорусской первоприсутствующій малороссийской коллегіи. Ему предоставлены были самыя широкія полномочія: онъ могъ смыщлять украинскихъ членовъ коллегіи, если бы за ними оказалось что либо подозрительное, арестовать старшинъ, заподозрѣнныхъ въ какой либо противности, назначать на вакантныя украинскія должности кандидатовъ по своему усмотрѣнію, «усматривая по всякимъ обхожденіямъ, кто изъ старшинъ и изъ казаковъ къ намъ и сторонѣ нашей доброжелателенъ», и въ случаяхъ надобности даже не связывался данной

инструкціей. По старымъ традиціямъ рекомендовалось при этомъ внушать населенію, что новыя ограниченія украинской автономіи имѣютъ цѣлью защиту массъ отъ старшинскихъ злоупотребленій, и сваливать на гетманское управление всѣ неустройства, чтобы ослабить стремленія къ его возстановленію.

Эти широкія полномочія великорусскихъ правителей, въ связи съ подозрительнымъ отношеніемъ къ настроеннымъ украинского населенія, создавали въ атмосферѣ суроваго бироновскаго режима весьма тяжелыя отношения на Украинѣ. Кроме того, весьма тяжело ложилось на Украину, какъ на пограничную провинцію, военная дѣятельность въ Польшѣ и долгая турецкая война; населеніе было совершенно разорено принудительными поборами провинта и скота, за который большую частью не получало никакого вознагражденія, подводными и квартирными повинностями. Суровая рука военной администраціи усугубляла и безъ того тяжелый гнетъ новаго режима, оставившаго самую тяжелую память у украинского населенія, вместо того, чтобы располагать его къ «великорусскому правленію», какъ того желало правительство¹⁾.

Послѣднее гетманство и ликвидация старого строя.

Появленіе новаго лица на престолѣ Россіи еще разъ внесло перемѣну въ централистической курсъ правительственной политики относительно Украины. Новая императрица Елизавета, очень привязанная къ своему любимцу Алексѣю Разумовскому, украинскому

казаку по происхожденію, перенесла свои симпатіи на его родину, и хотя въ общемъ усердно слѣдовала традиціямъ своего отца Петра I, но была

1) Подробнѣе: „Очеркъ“, гл. XXII, тамъ же литература.

склонна сдѣлать уступки пожеланіямъ украинской старшины. Когда во время ея путешествія въ Кіевъ 1744 г., ей была подана петиція о разрѣшеніи выбрать гетмана, она благосклонно приняла эту просьбу. Кандидатъ на гетманство былъ уже намѣченъ, но еще не готовъ къ занятію этого поста: это былъ младшій братъ Ал. Разумовскаго Кириллъ (род. 1724), находившійся въ то время за границей для окончанія образованія. Въ 1744 г. императрица дала указъ сенату о возстановленіи гетманства на тѣхъ началахъ, на какихъ оно существовало при Скоропадскомъ, а самый выборъ былъ произведенъ, съ большимъ торжествомъ, въ 1750 г. Конечно, единогласно былъ избранъ Кириллъ Разумовскій. При его утвержденіи императрица повелѣла считать его въ рангѣ фельдмаршала, и при отпускѣ на Украину ему выдана была жалованная грамота, по образцу данной Скоропадскому. Украинское управление было возстановлено приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Скоропадскомъ, до учрежденія коллегіи; запорожская Сичъ также была подчинена власти гетмана; гетманское управление переведено еще разъ въ вѣдомство иностранной коллегіи. Однако, Разумовскій, поссорившись съ президентомъ коллегіи, самъ попросилъ перевести его въ вѣдомство сената, что и было исполнено.

Вообще новый гетманъ былъ чуждъ старыхъ украинскихъ традицій и пониманія украинской жизни вообще. Выросши въ кругу петербургской аристократіи, онъ скучалъ въ своей украинской резиденціи и по возможности проживалъ въ Петербургѣ. Его ближайший совѣтникъ, бывшій воспита-

тель Гр. Тепловъ, былъ человѣкъ не только чужой, но и враждебно настроенный украинскимъ традиціямъ, и его считали позже главнымъ виновникомъ упраздненія гетманства и ликвидациіи старого строя. Но именемъ гетмана правила генеральна старшина и благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался въ петербургскихъ сферахъ, украинское управление было свободно отъ вмѣшательствъ разныхъ постороннихъ инстанцій, которая такъ свободно распоряжалась въ украинскихъ отношеніяхъ въ предшествующія царствованія. Этимъ пятнадцатилѣтнимъ періодомъ сравнительно значительной власти и вліянія украинская старшина воспользовалась, чтобы упорядочить строй гетманщины, расшатанный предшествующими пертурбаціями и дать ему, наканунѣ ликвидациіи, нѣсколько послѣднихъ штриховъ въ духѣ своихъ политическихъ и сословныхъ стремленій (особенно въ реформѣ судоустройства въ духѣ статутового законодательства).

Дни старого строя были сочтены уже съ самаго вступленія новой императрицы Екатерины, проникнутой идеями государственного унитаризма. Въ своей извѣстной инструкціи генераль-прокурору она однимъ изъ пунктовъ своей программы поставила уничтоженіе «вѣка и имени гетмановъ», и исполненіе этого стало только вопросомъ времени. Предвѣстіемъ послужило уничтоженіе козацкаго устройства Слободской Украины, служившей вообще своего рода пробнымъ камнемъ для нивелляціонной политики правительства относительно Украины. Здѣсь еще въ 1742 г. произведенъ былъ первый опытъ отмѣны войскового козацкаго устройства, но

общее неудовольствіе населенія заставило правительство возстановить прежній строй; теперь въ 1763—4 гг. онъ былъ упраздненъ окончательно. Одновременно случай далъ благопріятный по-водѣ покончить съ гетманомъ, скорѣе, чѣмъ могло на это расчитывать правительство: Кир. Разумовскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ новой императрицы, много обязанной ему предъ своимъ воцареніемъ и потому едва-ли рѣшившійся бы поднять на него руку безъ какого либо повода. Но въ концѣ 1763 г. императрица было донесено изъ Киева, что среди старшины собираются подписи для цетиціи объ учрежденіи наслѣдствен-наго гетманства въ родѣ Разумов-скаго. Подана эта петиція не была, такъ какъ генеральна старшина осторожно уклонилась отъ участія въ ней; но императрица рѣшила использовать этотъ инцидентъ, чтобы покончить съ гетманствомъ. Тепловъ приготовилъ записку «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній грамотами под-твержденныхъ Малороссіи» — обвини-тельный актъ противъ гетманского правленія, и всего старого строя Україны. Опираясь на эти данные им-ператрица предложила Разумовскому добровольно отказаться отъ гетманства. Разумовскій медлилъ; тогда ему пригрозили обвиненіемъ въ противогосударственныхъ замыслахъ, смѣщениемъ и опалой, и онъ уступилъ, по-давъ прошеніе объ увольненіи «отъ столь тяжелой и опасной должности» и взамѣнъ просилъ милости къ своей «многолюдной фамиліи». 10 нояб. 1764 г. былъ опубликованъ манифестъ «малороссійскому народу» объ увольненіи Разумовскаго и учрежденіи пра-

вленія малороссійской коллегіи, въ видѣ временной мѣры, впредь до дальнѣй-шихъ распоряженій. Коллегія была со-ставлена изъ четырехъ украинскихъ членовъ и четырехъ великороссійскихъ, съ президентомъ и прокуроромъ изъ Великороссіанъ. Настоящимъ правите-лемъ Україны долженъ былъ, конечно, являться президентъ — гр. Петръ Ру-мянцевъ; въ инструкціи данной ему, императрица поручила ему изыскать источники доходовъ для государствен-наго казначейства, а для этого произ-вести ревизію Україны; указывала на разныя аномаліи украинскаго устрой-ства — между прочимъ рекомендовала упразднить сохранившіеся еще остатки личной свободы крестьянъ; особенное вниманіе его обращала на борьбу съ украинскимъ сепаратизмомъ, поручая тщательно слѣдить за настроеніями украинской интелигенціи и сниски-вать расположение народныхъ массъ, чтобы привлечь ихъ на сторону цен-тралистической политики правитель-ства.

Этотъ послѣдній пунктъ программы было трудно сочетать съ соціальной политикой правительства, требовавшей уравненія украинской старшины съ россійскимъ дворянствомъ, украин-скаго крестьянства — съ закрѣпощен-нымъ крестьянствомъ Россіи, и дѣй-ствительно, для пріобрѣтенія расположения народныхъ массъ Румянцевъ и не старался что-нибудь предпринимать. Предпринятая имъ перепись (весыма важный памятникъ для изученія эко-номического быта), до нѣкоторой сте-пени остановивъ расхищеніе войско-выхъ земель и закрѣпощеніе козак-ковъ, съ другой стороны закрѣпила пріобрѣтенія старшины и нисколько не улучшила положеніе крестьянъ.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій.

(Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ).

Гораздо энергичнѣе занимался Румянцевъ борьбою съ сепаратизмомъ. Въ особенности выборы въ комиссию уложения 1767 г., вызвавъ въ украинскомъ обществѣ, во всѣхъ слояхъ населенія, стремленія къ возстановленію автономіи, полагавшійся въ основу нуждъ и желаній, выражавшихся въ ихъ наказахъ, дали обильную пищу гоненіямъ на украинскій патріотизмъ со стороны Румянцева. Онъ старался вліять на выборы депутатовъ, редакцію наказовъ, кассировалъ и конфисковалъ инструкціи нежелательного ему содержанія, привлекалъ къ отвѣтственности наиболѣе горячихъ сторонниковъ автономіи и отдавалъ ихъ подъ судъ, пускавшій въ ходъ даже смертные приговоры.

Сама императрица отнеслась къ этому неожиданному проявленію украинского автономизма гораздо спокойнѣе; она возлагала надежды на выгоды, какія предоставляло украинской старшинѣ уравненіе въ правахъ съ россійскимъ дворянствомъ, и неуклонно вела свою ликвидационную политику. Въ 1764 г., одновременно съ уничтоженіемъ гетманства, организованы были губерніи—Слободская, изъ полковъ Слободской Украины, и Новороссійская, основаніе которой составили городки и поселенія укрѣпленныхъ пограничныхъ линій, но въ которую были включены и значительныя пространства запорожскихъ земель и южная часть Гетманщины, такъ же точно, какъ и при послѣдовавшей затѣмъ организацію губерніи Азовской. Запорожцы протестовали противъ захвата ихъ земель, оказывали активное сопротивленіе новымъ порядкамъ, надвигавшимся въ ихъ «вольности», но этимъ только возстановляли еще болѣе правитель-

ственные круги, недовольные и безъ того осложненіями, какія вызывали своевольная нападенія запорожскихъ удальцовъ на пограничныя земли со сѣдніхъ государствъ. Правительство, носившееся съ широкими политическими планами, относительно Черноморья, вскорѣ приходитъ къ решенію покончить съ Запорожьемъ и включить запорожскія земли въ общую систему управления. Напрасно тогдашній кошевой Кальнышевскій, идя на встрѣчу тенденціямъ правительства, всѣми мѣрами сдерживалъ Запорожцевъ отъ своевольныхъ нападеній, колонизировалъ запорожскія земли земледѣльческимъ населеніемъ и старался перевести Запорожье отъ исключительно военнаго и уходническаго быта къ сельскому хозяйству—эти старанія даже были поставлены въ вину Запорожью, такъ какъ правительство видѣло въ нихъ препятствіе для своихъ плановъ. Въ 1775 г. высланы были значительныя военные силы, которые должны были, заставъ врасплохъ, окружить запорожцевъ, находившихся на промыслахъ, а затѣмъ генералъ Текели, окруживъ съ огромнымъ войскомъ, объявилъ Запорожцамъ объ уничтоженіи Запорожья. Послѣ нѣкотораго колебанія среди Запорожцевъ одержали верхъ сторонники покорности съ Кальнышевскимъ во главѣ (это не помѣшало, однако, правительству подвергнуть его и нѣкоторыхъ другихъ старшинъ жесточайшему пожизненному заточенію). Однако, съ уничтоженіемъ Сичи Запорожцы не примирились, они перешли на турецкую территорію и здѣсь пытались устроиться, такъ что въ концѣ концовъ русское правительство увидѣло себя вынужденнымъ, для предотвращенія

далнѣйшой эмиграціи, возобновить запорожское войско, получившее въ концѣ концовъ для своего поселенія земли на устьѣ Кубани.

Несмотря на эти усложненія и хлопоты, созданныя уничтоженіемъ Сичи, правительство неуклонно продолжало ликвидацию старого строя. Въ концѣ 1780 г. объявлено было введеніе общеимперскихъ губернскихъ учрежденій во всей Гетманщинѣ; южная часть ея уже раньше вошла въ составъ Новороссійской и Азовской губерній, въ 1781 г. остальная части ея были

раздѣлены на три намѣстничества: Киевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское; старые учрежденія были оставлены для окончанія начатыхъ дѣлъ, вмѣсто нихъ вводились губернскія учрежденія. Въ 1783 г. отмѣнена была военная козацкая организація и козацкіе полки были преобразованы въ карабинерскіе. Наконецъ, въ 1785 г., съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, введены были дворянскія учрежденія, и козацкіе чины были переведены на ранги имперіи. Гетманщина была ликвидирована ¹⁾.

Экономическая отношенія Гетманщины.

Въ политическихъ условіяхъ, описанныхъ выше, подъ ихъ вліяніемъ и въ свою очередь весьма сильно вліяя на нихъ, развивался чрезвычайно интересный экономической процессъ, оказавшій сильнѣйшее воздействиe на все послѣдующее направленіе украинской жизни.

Если козачество стало могучимъ политическимъ факторомъ, какъ выходъ изъ крѣпостного режима Польши, и народныя массы создавали огромныя козацкія восстанія, добиваясь освобожденія изъ власти польской шляхты, то эта цѣль казалась достигнутой великимъ движеніемъ подъ водительствомъ Хмельницкаго: «паны-ляхи» были изгнаны изъ всей территоріи, охваченной козакамиъ движеніемъ и хотя позднѣйшіе трактаты польского правительства съ козаками и Москвою, цѣною разныхъ уступокъ—территоріальныхъ (Москвѣ), политическихъ и культурныхъ (козачеству и украинской національности), старались вернуть изгнаннымъ шляхтичамъ ихъ имѣнія,—эти усилия были напрасны. Ни одинъ изъ этихъ трак-

татовъ не могъ осуществиться, вслѣдствіе непобѣдимой оппозиціи народныхъ массъ.

Въ позднѣйшихъ представленияхъ эта освобожденная «отъ ярма лядскаго» Украина эпохи Хмельницкаго мыслилась полной *tabula rasa* въ экономическомъ отношеніи: всѣ прежнія права и отношенія были «ко-зацкою шаблею скасованы», и новая поземельная собственность начала создаваться на основахъ свободной земли. Эти представлениа были отчасти вѣрны, такъ какъ, дѣйствительно, упраздненіе шляхетскаго землевладѣнія, массовая передвиженія населенія и страшные потери въ людяхъ—создали большую площадь свободныхъ земель, представлявшую широкую свободу землемѣрія. Но остались наряду съ тѣмъ и большие пережитки старыхъ поземельныхъ отношеній—не говоря о значительныхъ остаткахъ крестьянскаго, мѣщанскаго и козацкаго землевладѣнія, также остатки землевладѣнія привилегированнаго—церквей и монастырей, послѣ паденія польской

1) Подробнѣе: „Очеркъ“, гл. XXIII.

власти спѣшившихъ выхлопотать подтвержденія своихъ владѣній у гетманского правительства, а затѣмъ непосредственно у московскаго, и не особенно малочисленныя имѣнія шляхетскихъ родовъ, перешедшихъ подъ гетманскій регламентъ, вошедшихъ въ составъ козацкаго войска, и получившихъ подтвержденіе на свои имѣнія, не говоря о еще болѣе многочисленныхъ представителей, вошедшихъ въ составъ войска, и въ новыхъ отношенія неизбѣжно переносившихъ шляхетскія понятія и принципы, вынесенные изъ сословнаго строя Рѣчи Посполитой.

Такимъ образомъ съ самаго начала на ряду съ новыми экономическими отношеніями, которыя, по понятіямъ народа, должны были развиваться изъ принциповъ трудового пользованія, оказывались глубоко заложенные принципы землевладѣнія привилегированнаго, въ духѣ польского шляхетскаго права; рядомъ съ народными массами, мечтающими о новой эрѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній «безъ холопа и безъ пана», существовали достаточно многочисленныя и главное — очень влиятельныя группы, совершенно не помышлявшія о какомъ-либо кореннымъ переломѣ общественныхъ и экономическихъ отношеній. Родовитое козачество, занимавшее высшія должности, обладавшее средствами, гордившееся заслугами своими и своихъ предковъ, еще подъ польскимъ владычествомъ добивалось того, чтобы его трактовали наравнѣ со шляхтою, и теперь, когда не стало шляхты польской, оно не сомнѣвалось въ томъ, что ему суждено занять теперь ея мѣсто, какъ привилегированнаго

сословія, тѣмъ болѣе — что среди него дѣйствительно очень много было представителей шляхетскихъ родовъ. Начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ — украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина специально не представляли себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ; ихъ чувство оскорблялось тѣмъ, что господами были Поляки, люди чужой народности и вѣры, или если на господство и привилегіи претендовали люди не заслуженные, худородные; но заслуженные въ войску, родовитые люди должны были пользоваться привилегированнымъ положеніемъ, и такое положеніе, прежде всего, должно было основываться на землевладѣніи и связанными съ нимъ привилегіями. И послы Хмельницкаго — представители козацкой старшины одновременно съ установлениемъ первыхъ принциповъ украинскихъ отношеній «статей Б. Хмельницкаго», выпрашивали у московскаго правительства грамоты на имѣнія и домогались, чтобы въ этихъ грамотахъ специально упомянуто было о неограниченныхъ правахъ владѣльцевъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ или будутъ ими поселены. Этихъ грамотъ ихъ счастливые обладатели, однако, не осмѣились тогда предать гласности; народные массы чрезвычайно подозрительно относились ко всему, что отзывалось шляхетскими тенденціями, возрождениемъ крѣпостныхъ отношеній. Но привилегированное землевладѣніе созидалось фактически очень успѣшно и быстро съ самого начала.

Основаніемъ его служила тоже за-

имка пустых земель, съ тою разницею, что старшина эту заимку производила въ размѣрахъ несравненно болѣе обширныхъ. Затѣмъ, къ этому присоединялись «маєтности» заселенныя, жалованныя гетманомъ и московскимъ правительствомъ. Если первые пожалованные не рѣшались открыто выступить съ полученными грамотами, то скоро, почувствовавъ поддержку своимъ экономическимъ и классовымъ стремлениямъ со стороны Москвы, они, добиваясь этихъ пожалованій, реализируютъ ихъ уже вполнѣ открыто. Раздаются такія пожалованія также гетманы и высшая старшина, но такъ какъ гетманскія и старшинскія пожалованія не считались вполнѣ правосильными безъ царской грамоты, то вопросъ о ихъ закрѣплении становится однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ политикѣ старшины по отношенію московского правительства. При выборѣ Мазепы (1687) взамѣнъ сдѣланныхъ уступокъ въ области украинской автономіи старшина ходатайствовала, чтобы земли пожалованныя гетманами и старшиною, а также купленныя, подтверждались московскимъ правительствомъ автоматически; но московское правительство не согласилось и предоставило и впредь добиваться «жалованной грамоты» «заслугами предъ великимъ государемъ».

«Скупля» или выкупъ земель крестьянскихъ и козачьихъ играла также видную роль въ образованіи старшинскаго землевладѣнія. Особенно въ XVIII в., когда изсякли запасы свободныхъ земель и не осталось мѣста для заимки, скупля практиковалась очень широко, тѣмъ болѣе, что была доступна не только лицамъ, занимав-

шимъ высшія позиціи, но и низшимъ чинамъ козацкой іерархіи, для которыхъ приобрѣтеніе пожалованій было въ большинствѣ недоступно. Административное положеніе, хотя бы небольшое, или связи съ администрацией давали возможность производить скучливо принудительно, не только пользуясь тяжелыми материальными обстоятельствами владѣльца, но и давлениемъ административной власти — едва прикрытымъ или ничѣмъ не прикрытымъ насилиемъ. А такъ какъ выкупъ козацкихъ земель былъ ограниченъ или вовсе запрещенъ, то скупщики практиковали, подъ прикрытиемъ власти, противозаконный переводъ козаковъ въ крестьянское сословіе, насильственный или добровольный.

Всѣми этими способами въ продолженіе второй половины XVII и первой XVIII в., въ Гетманщинѣ и также точно въ Украинѣ Слободской, развивавшейся въ тѣхъ-же соціально-экономическихъ условіяхъ, создается огромная площадь привилегированного старшинскаго землевладѣнія — большія латифундіи счастливцевъ и имѣнія средней руки менѣе удачливыхъ приобрѣтателей или мелкихъ представителей старшинскаго сословія, непрестанно возрастающія за счетъ мелкаго козацкаго и крестьянскаго землевладѣнія. И параллельно съ возрастаниемъ землевладѣнія возрасталъ классъ закрѣпощенныхъ «подданныхъ», такъ какъ для своей реализаціи этотъ земельный капиталъ требовалъ закрѣпощенныхъ рукъ¹⁾.

1) Подробнѣе „Очеркъ“, гл. XXI, тамъ-же (с. 328) важнѣйшая литература, къ которой нужно прибавить упомянутую выше новую работу Мякотина — „Очерки соц. ист. Малороссія“.

Общественная структура.

Общественный строй восточной Украины послѣ ея освобождѣнія отъ польскаго господства отличался зыбкостью и неустойчивостью. Сословія существовали, но между ними не существовало сколько нибудь прочныхъ и рѣзкихъ границъ. Оставляя въ сторонѣ сословіе мѣщанскоѳ, перешедшее въ новый строй со всѣми аттрибутами старого права: теоретическимъ иммунитетомъ и изолированностью и фактическою зависимостью отъ общей администраціи и господствующаго класса,— и духовенство съ его старою церковною практикою, для остальныхъ общественныхъ группъ, наиболѣе захваченныхъ переворотомъ, сословность потеряла надолго свое реальное значеніе. Понятіе о контрастѣ привилегированныхъ и тяглыхъ не перестало существовать. Хмельницкій со старшиною, устанавливая въ 1654 г. основы новыхъ отношеній, исходили отъ этихъ двухъ категорій: «кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должностъ обыкнову царскому величеству отдавать», гласитъ въ великорусскомъ переводѣ одна изъ статей, предложенныхъ ими московскому правительству. Но привилегированный военно-служилый классъ—козаки, на первыхъ порахъ, совершенно не былъ замкнутъ, и отграничены отъ другихъ сословій. Вопросъ о реестрѣ, хотя фигурировалъ по старой традиціи, не имѣлъ никакого реальнаго значенія; при чрезвычайномъ напряженіи военыхъ силъ страны каждый желающій могъ войти въ ряды козац-

каго войска. Въ козачій «компуть» въ теченіе долгаго времени можно было также свободно вписываться, какъ и выписываться изъ него, переходя въ сословіе мѣщанскоѳ, крестьянскоѳ и духовное. Только позже, въ XVIII в. компуты замкнулись: въ нихъ могли попадать только дѣти козаковъ, и такъ какъ тутъ играли роль экономические владѣльческіе интересы старшины, заинтересованной въ томъ, чтобы крестьянское населеніе не уходило изъ той крѣпостной мрежи, которая постепенно сплеталась для него, то не только новымъ элементамъ, но и представителямъ козацкаго сословія, разъ вышедшимъ изъ козацкаго званія, проникнуть въ него было не легко. Съ другой стороны, администрація, въ интересахъ поддержанія военнаго сословія, принимала мѣры противъ переводовъ и переходовъ изъ козацкаго званія въ крестьянское, широко практиковавшихся подъ давленіемъ помѣщичьихъ интересовъ старшины. Такимъ образомъ, козачье сословіе постепенно отвердѣвало и отграничивалось—съ одной стороны, отъ крестьянства, переходившаго все болѣе въ положеніе тяглаго сословія, съ другой—отъ своей старшины, превращавшейся въ наследственно-привилегированное землевладѣльческое сословіе.

Старшинскій классъ началъ отвердѣвать рано; присутствіе въ немъ значительныхъ шляхетскихъ элементовъ издавна, съ самой организаціи козачества, несомнѣнно, оказывало значительное вліяніе на его тенденціи къ сословности, къ наследственно-приви-

легированному положенію. По принципу—это была аристократія должностная и при томъ выборная: должности должны были замѣщаться свободнымъ войсковымъ избраніемъ, но фактически избраніе очень рано стало замѣняться назначеніемъ, и должности распредѣлялись, главнымъ образомъ, среди членовъ этого старшинского класса, родовитаго, заслуженнаго, богатаго козачества, естественно стремившагося къ положенію наследственно-привилегированного сословія, по образцу польской шляхты. Въ Гадяцкомъ трактатѣ эти тенденціи должны были найти свое осуществленіе въ постановленіи, что ежегодно известное число лицъ козацкаго сословія будетъ нобилитовано — получить шляхетскія права. Постановленіе это не вошло въ жизнь, и превращеніе старшины въ наследственно-привилегированное сословіе должно было осуществляться путемъ практики. Въ отношеніяхъ къ московскому правительству, старшина уже въ послѣдней четверти XVII в. (въ статьяхъ 1687 года) приравниваетъ себя къ служилому московскому дворянству и настойчиво проводитъ этотъ взглядъ въ продолженіе всего XVIII в., пока дѣйствительно не добивается этого признанія—при окончательной ликвидациіи стараго строя. До тѣхъ поръ свое привилегированное положеніе представители старшинского класса поддерживаютъ если не фактическойвойсковой службой, то фикціей этой послѣдней. Такъ какъ военно-административный составъ Гетманщины не въ состояніи былъ вмѣстить представителей все разростающихся старшинскихъ фамилій, то создаются должности титулярные: «войсковыхъ», «значковыхъ» и «бунчуковыхъ» това-

рищѣй». Эти званія, жалуемыя гетманомъ, сообщаютъ ихъ носителямъ официальное положеніе въ войсковой іерархіи и связанныя съ нимъ привилегіи; такъ, бунчуковый товарищъ считается въ рангѣ непосредственно послѣ полковника, выше полковой старшины; значковые товарищи считаются въ рангѣ низшей полковой или сотенной старшины. Постепенно, въ теченіе XVIII в., съ наростаніемъ старшинского класса, число такихъ титулярныхъ «товарищѣй» достигаетъ огромнаго количества, тѣмъ болѣе, что доступъ къ нимъ не былъ обставленъ какими либо специальными формальностями и ограниченіями. Представители богатыхъ мѣщанскихъ или духовныхъ фамилій приобрѣтаютъ патенты на эти званія, если не могутъ занять дѣйствительнойвойсковой должности, и переходятъ такимъ образомъ тоже въ составъ войсковой старшины. «Бунчуковые товарищи» — пользовавшіеся особенно значительными правами и привилегіями, въ половинѣ XVIII в. насчитываются цѣлыми сотнями, и подъ сѣнью этого почетнаго званія находитьъ, такимъ образомъ, свое прибѣжище огромное количество старшины, не занимавшей реальныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе пользовавшейся большими привилегіями и вліяніемъ.

Такъ формируется это привилегированное сословіе, настойчиво называющее себя «шляхетскимъ». Оно усиленно создаетъ традиціи своего преемства и связи съ шляхтой польского периода, выводитъ себя правдами и неправдами отъ разныхъ шляхетскихъ фамилій, отыскиваетъ или совершенно произвольно приписываетъ себѣ шляхетскіе гербы, усердно ищетъ случая

породниться съ настоящими шляхетскими родами, хотя бы захудальными. Пользуясь Литовскимъ Статутомъ, какъ сборникомъ юридическихъ нормъ, оно примѣняетъ къ себѣ тѣ права и привилегіи, которыя этотъ старый кодексъ шляхетского права прилагалъ къ шляхтѣ украинскихъ земель в. кн. Литовскаго, и затѣмъ искренно вѣря или симулируя свою убѣжденность въ томъ, что нормы Литовскаго Статута относятся къ этому украинскому старшинскому шляхетству, оно основываетъ на нихъ свои дальнѣйшія требованія и дезидераты, въ сферѣ политическихъ отношений и въ сферѣ классовой — въ своихъ отношеніяхъ и правахъ относительно населенія тяглого, подданного. Какъ въ эволюції сословныхъ отношений предшествующаго, польско-литовскаго періода, такъ и теперь сословныя права и привилегіи старшинскаго класса ростутъ и развиваются за счетъ крестьянства, какъ два полюса одного и того процесса.

Крестьянское населеніе Гетманщины, и точно также Слободской Украины составилось изъ трехъ группъ, отличныхъ по своему юридическому отношенію къ своимъ панамъ—представителямъ старшинского сословія, но постепенно приводившихся къ общему знаменателю наименьшихъ правъ и наибольшихъ обязанностей по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Въ наиболѣе зависимомъ положеніи находились «підсусідки», крестьяне, поселявшіеся на земляхъ уже присвоенныхъ, путемъ заемки, разными представителями козачьяго и привилегированного старшинского сословія. Если первыя волны эмиграціи въ лѣвобережную и слободскую Украину, развившейся въ половинѣ XVII в., могли осѣдать на

земляхъ свободныхъ, никому не принадлежащихъ, занимая ихъ въ свою собственность, то послѣдующая эмиграція, развивающаяся въ 1670-хъ и 1680-хъ гг., и насильственные геноны 1680-хъ и 1710-хъ гг. уже не находили свободныхъ земель, и переселенцы должны были поселяться на земляхъ уже занятыхъ, принимая на себя различныя обязанности по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, нормировавшіяся или договоромъ, заключеннымъ съ владѣльцами при поселеніи, или болѣе общей практикой данной мѣстности. Эти поселенцы (наряду съ остатками старого заселенія въ имѣніяхъ монастырскихъ, церковныхъ, шляхетскихъ, где оно сохранилось) создаются наиболѣе зависимую и удобную для примѣненія всякихъ владѣческихъ притязаній среду. Но тѣ формы зависимости, которая вырабатывались въ этой средѣ, старшина стремится перенести также въ среду крестьянъ своеzemцевъ, попадавшихъ въ зависимость отъ нея или въ составъ жалованныхъ имѣній, или таихъ называемыхъ «ранговыхъ», приписанныхъ къ извѣстнымъ должностямъ и поступавшихъ подъ начальство лицъ, занимавшихъ данную должность, большую частью пожизненно. Старшина стремится превратить и этихъ крестьянъ въ своихъ крѣпостныхъ, по образцу пидсусидковъ. Для этой цѣли она стремится всѣми мѣрами отграничить этихъ крестьянъ, такъ назыв. посполитыхъ, отъ козаковъ и затруднить переходъ въ козачье званіе. Затѣмъ, эти крестьяне — своеzemцы обезземеливаются всякими способами: покупкой или захватомъ ихъ земель, или же разными притѣсненіями принуждаются къ выходу, и въ такомъ случаѣ земли ихъ,

согласно Литовскому Статуту, поступают въ собственность помѣщика и заселяются вполнѣ зависимыми новоселами-пидусицками Оставшіеся посполитые и переведенные въ эту категорію козаки облагаются разными повинностями по ихъ образцу и къ нимъ постепенно примѣняются во всей полнотѣ нормы шляхетского права.

Процессъ этотъ начинается очень рано. При Самойловичѣ «обыклое послушенство подданныхъ» по отношенію къ землевладѣльцамъ начинаетъ уже усиленно пропагандироваться гетманской властью и подкрѣпляется всемъ ея престижемъ. Тогда это «послушенство», однако, выражалось, главнымъ образомъ, разными «помочами»—при уборкѣ сѣна, устройствѣ плотинъ и пр. Но уже съ началомъ XVIII в. видимъ въ полной силѣ совсѣмъ настоящую панщину: такъ, въ одномъ гетманскомъ универсалѣ 1701 г. признается нормальною панчиною два дня въ недѣлю, при томъ овсяная дань, и это для крестьянъ своеzemцевъ. Въ общемъ въ половинѣ XVIII в. крѣпостная зависимость крестьянъ Гетманщины по отношенію къ ихъ владѣльцамъ достигла уже полной аналогіи съ прежнимъ польско-шляхетскимъ режимомъ. Не доставало только нѣсколькихъ штриховъ до полной законченности, и ихъ сообщаются въ другой половинѣ XVIII в. реформы центрального правительства, сыгравшаго вообще очень большую роль во всемъ процессѣ превращенія Гетманщины въ сословное государство. Укладъ Московскаго государства и имперіи вліяли и непосредственно своимъ пріемѣромъ и черезъ своихъ агентовъ,

служилыхъ людей, воспитанныхъ въ понятіяхъ сословности и крѣпостничества. Еще сильнѣе воздействивало московское правительство, награждая старшину, за ея уступки въ сферѣ политики, подтвержденіемъ имѣній и раздачей новыхъ, и силою своего вліянія, своимъ престижемъ и грозой освящало, утверждало и укрѣпляло этотъ процессъ порабощенія народныхъ массъ старшинною, надъ которымъ работала послѣдняя. Участіе центрального правительства неизмѣримо облегчало работу ея и только благодаря ему—фактическія пріобрѣтенія старшины получали свою опредѣленность и прочность.

Эта политика дѣлала двойную службу: она убивала духъ народныхъ массъ, показавшихъ свои зубы въ движениі 1668 г. и другихъ менѣе значительныхъ; ихъ свободою и благосостояніемъ она платила старшинѣ за уступки въ сферѣ политики и одновременно создавала сознаніе вѣчной опасности для классовыхъ пріобрѣтеній старшины—ихъ полной зависимости отъ благоволенія центрального правительства, охранявшаго ихъ отъ реакціи народнаго негодованія. Нелегко отѣлить, гдѣ кончалась, здѣсь простая нивелляціонная политика, стремившаяся подвести «свободный строй» Украины подъ общеимперскій шаблонъ, и гдѣ начиналась сознательная система, разрушавшая силы со противленія украинскаго организма. Такой двойной характеръ имѣютъ и послѣднія реформы, закончившія соціальную структуру Украины полнымъ пріобщеніемъ ея къ сословному строю имперіи.

Указами 1763 и 1783 гг., за прещавшими переходы крестьянъ отъ

Daniel Apostol
 Cosackissimus Hetmanus Poloniam vel feldbannum iil' gubernio anno 1658 und zwanzigster
 manno etiam coiatis, quam feldbannum miscerat anno 1° Octobre 1707. Dies ist jähr
 Ghettoe in den Ukraine uffzurück. Er ist zweiter wahrer Hetman von dem, der vor
 ihm, den von Mirograd nomen. Kourhan ist sein feldbannum Presidente, zu Pd.
 1674 am dritten, nachdem Kast aben dient dem King geweiht worden. Er ist Sam
 Oni fahrliegendt und Tropaschit, meyden vorauf, d' griffen, d' 14. Januar. 1734.

Генерал Апостол в Казацькій Гемпталій рожася 1658 року в селі
 Гемпталій 1° сріб. 1707. від Рівного, ходя опів віка Миргородський
 Пахотником. Прямо по шляху Гемпталій був предстійкою від дипломатич
 Коморів Стольського розпоряду в помочі в воїні. Си Гемпталій славається відкро
 веною рукою та храбростю. Помер 17 листопада 1734.

Гетманъ Даниилъ Апостоль.

(Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ).

одного помѣщика къ другому, были даны послѣдніе штрихи процессу закрѣпленія. Сообщеніе старшинѣ правъ Россійскаго дворянства указами 1781 и 1785 гг. утвердило за ней полноту ея владѣльческихъ правъ. Одновременно съ отмѣною старого украинскаго управлѣнія (1781) классовые интересы старшины были поставлены подъ охрану полицейскаго строя имперіи. Цѣною интересовъ массъ, которымъ

петербургскіе политики выказывали такое сочувствіе, когда считали нужнымъ терроризировать старшину, было получено молчаливое согласіе украинскаго общества на ликвидацію политическаго наслѣдія Гетманщины: послѣдняя приносilaувѣнчаніе классовыхъ стремленій и интересовъ старшины, для которыхъ работала она въ продолженіе существованія Гетманщины¹⁾.

Устройство и управление Гетманщины.

Неблагопріятныя политическія условія, парализовавшія свободное развитіе украинской жизни, не дали возможности развиться также оригинальному и интересному устройству украинской республики—Гетманщины. Ея формы военного устройства, которое должно было превратиться въ устройство государственное, не успѣли приспособиться для общегосударственныхъ цѣлей, остались недоконченными, недодѣланными, и эта недоконченность была причиной многихъ несовершенствъ устройства и управлѣнія.

Войсковая старшина, подъ водительствомъ которой возсталъ украинскій народъ для своего освобожденія, силою фактовъ заняла мѣсто правительства, когда всѣ агенты польского правительства были изгнаны изъ края. Затянувшійся конфліктъ съ польскимъ-правительствомъ держалъ край на военномъ положеніи въ продолженіе ряда лѣтъ, и временное положеніе отвердѣвало и превращалось въ норму. Формы военной организаціи проникаютъ глубоко въ общественные отношенія и постепенно приспособляются къ функциямъ администраціи. Съ нею свыкаются,

ею начинаютъ дорожить, какъ оплотомъ создающихся отношеній, всѣ дорожившіе ими. Въ первоначальныхъ переговорахъ съ московскимъ правительствомъ Хмельницкій съ легкимъ сердцемъ предоставлялъ послѣднему взять на себя компетенцію и прерогативы, какими владѣло правительство польское,—обеспечивъ лишь привилегіи козацкаго войска, но лишь только предъ глазами его и старшины сталъ вопросъ о дѣйствительной передачѣ функций административнаго и финансового характера московскимъ агентамъ—и Хмельницкій и старшина почувствовали невозможность разстаться съ фактическими отношеніями, которыя хотѣлось усовершенствовать, развивъ и приспособивъ къ потребностямъ управлѣнія данную козацкую организацію, а не вводить рядомъ съ нею чужое конкурирующее управлѣніе. Вопросъ о посылкѣ московскихъ воеводъ, даже не съ административными, а съ чисто военными компетенціями, въ качествѣ начальниковъ гарнизоновъ, сразу сталъ чрезвычайно острымъ,

¹⁾ Важнѣйшая литература—см. „Очеркъ“, гл. 23.

превратился въ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ пунктовъ московско-украинскихъ отношеній. Попытка московского правительства ввести московское обложение и взять финансы Украины въ свои руки, вызвала восстание 1668 г., чрезвычайно рѣзкое, показавшее все нерасположеніе — не только старшины, но и массъ къ введенію московского управления. Послѣ этого московское правительство оставило мысль о введеніи своего управления на Украинѣ и, оставивъ его за органами украинскими, только систематически расширяло свое вліяніе на личный составъ ихъ, на назначеніе высшихъ чиновъ и зависимость ихъ отъ его контроля.

Центральное правительство составили гетманъ и его штабъ — генеральная старшина; но рядомъ съ ними стояла войсковая рада, какъ выраженіе суверенного воинского народовластія. Принципъ единоличной власти, военной диктатуры, создавшейся критическими условіями жизни, конкурировалъ съ принципами козацкаго народовластія. Республиканскіе принципы, выработанные долголѣтнею жизнью козацкой республики, въ теоріи были цѣликомъ перенесены въ новое военно-народное управление. Но послѣднее требовало возможной устойчивости и независимости отъ прихотливой смѣни настроеній; отсюда постепенное устраненіе войсковой рады отъ текущихъ вопросовъ управления, ограниченіе ея функций и, наконецъ, низведеніе ея до простой декорации, тѣмъ болѣе, что рада, какъ и ея прототипъ — старорусское вѣче, не выработала формъ представительства, не отражала желаній всего воинского населения, съ тѣхъ поръ какъ коза-

чество стало такой огромной массой разсѣянной на огромной территории. Мѣсто и обстоятельства созыва рады рѣшительнымъ образомъ вліяли на ея настроеніе и рѣшенія; искусственная подтасовки рѣшений радъ, практиковавшаяся въ 1660-хъ гг., дискретировали наконецъ всякое значеніе этихъ рѣшений. Вслѣдствіе этого, обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ текущаго управления, текущей политики постепенно все болѣе и болѣе переносились на совѣтъ старшины, а за воинскую радою оставались лишь наиболѣе кардинальные вопросы: выборъ или смѣщеніе гетмана, установленіе отношеній къ сюзеренному государству, но и въ этихъ вопросахъ участіе войска все болѣе сходило на простую декорацию, и въ XVIII в. роль войсковой рады отходитъ къ радѣ старшины.

Эта послѣдняя собиралась болѣе или менѣе регулярно на рождественскихъ и пасхальныхъ праздникахъ въ резиденціи гетмана и въ другое время по его приглашенію. Болѣе или менѣе полный составъ ея зависѣлъ отъ большей или меньшей важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ происходили совѣщанія. Ядро ея составляла генеральная старшина (генеральные — обозный, судья, писарь, есаулы) — ближайшій штабъ и совѣтъ министровъ гетмана. Кромѣ нея, привлекались въ болѣе или менѣе полномъ составѣ полковники и другія должностныя лица и наконецъ — «значная» особы, не занимавшія въ данный моментъ должностей, но по своему вліянію въ войсکѣ, заслугамъ и связямъ имѣвшія видное положеніе. Сфера вліянія и значенія рады зависѣла отъ авторитетности гет-

мана и отъ степени зависимости отъ него старшины. Въ принципѣ старшина и ея рада были независимы отъ гетмана: старшину, какъ и гетмана, должно было избрать войско—козаки сотни должны были избирать своею сотника, козаки полка — своего полковника, полковники съ прочею старшиною — генеральную старшину. Такимъ образомъ рада старшины, какъ и гетманъ, въ теоріи должна была служить органомъ суверенной воли народа-войска, органомъ только болѣе устойчивымъ, чѣмъ рада. Но практика далеко расходилась съ теоріей и въ дѣйствительности конкуренція войсковой рады съ радою старшины получила значеніе борьбы козацкаго демоса со старшинскою олигархіею. Старшина, сложившись въ общественный классъ съ опредѣленными сословными, экономическими и политическими стремлѣніями, стремится устранить рядовое козачество, козацкую «чернь» отъ всячаго вліянія на политику и управление: старается захватить въ свои руки замѣщеніе гетманскаго уряда, должностей генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ чиновъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все управление, и свести на нѣтъ козацкое народовластіе. При содѣйствіи московскаго правительства это ей удалось въ концѣ концовъ осуществить, но цѣною подчиненія своего собственнаго правленія весьма стѣснительному контролю московскаго правительства. Въ XVIII в. управление Гетманщины имѣетъ строго старшинскій характеръ, аристократически-республиканскій, поскольку вмѣшательства московской администраціи не сводили къ чистой формальности вообще все ея самоуправлениe.

Въ центральномъ управлениі изъ первоначальной организаціи развилось два главныхъ учрежденія — генеральная или войсковая канцелярія и генеральный судъ. Первая въ продолженіе послѣдняго столѣтія развивается въ нѣчто близкое министерству внутреннихъ дѣлъ. По смерти Апостола она была формально объединена съ правящей коллегіей, и генеральный писарь сталъ фактическимъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ, поскольку они оставались въ вѣдѣніи старшины. Войсковой судъ — первоначально единоличный судъ генерального судьи, со временемъ реформъ Полуботка — Апостола превращается въ судъ коллегіальный, высшую апелляціонную палату. Кромѣ того, при избраніи Апостола выдѣлены были въ отдѣльное вѣдомство финансы, находившіеся раньше въ непосредственномъ завѣдываніи гетмана; для завѣдыванія ими были учреждены должности двухъ генеральныхъ подскарбіевъ, но онѣ остались больше титуллярными. Счетоводствомъ завѣдывала особая скарбовая канцелярія, при которой роль государственного контроля исполняла отдѣльная «счетная комиссія». Наконецъ, отдѣльная «артиллерійская канцелярія» завѣдывала войсковой артиллерией и предназначенними на ея содержаніе имѣніями и доходными статьями.

Основою провинціального управления является полковое устройство. Первоначально чисто военное дѣленіе, оно переходитъ въ территоріальное, по мѣрѣ того какъ козачество, уже съ начала XVII в., начинаетъ прочно овладѣвать волостью. Въ 1630-хъ гг. мы уже видимъ постоянные козацкіе полки, связанные съ извѣстными территоріями, въ границахъ которыхъ

полковая старшина осуществляла свои судебную и административную компетенцию по отношению къ мѣстному козачьему населенію, не подсудному общей администраціи. Послѣ того какъ восстаніе упраздило коронныя староства и магнатскія лятифундіи, полковыя власти распространяютъ свою компетенцию и на другія сословія, за счетъ исчезнувшей старостинской и доминіальной власти. Имъ подчиняется и крестьянское населеніе, и въ значительной степени также мѣщанскоѳ, очень многочисленное—такъ какъ множество поселеній, совершенно лишенныхъ всякаго торгово-промышленнаго характера, именуются городами, мѣстами. Эти города и мѣстечки должны были пользоваться самоуправлениемъ по типу нѣмецкаго права, по традиціи польской эпохи. Но военная полномочія полковника и полковой старшины на практикѣ приводятъ къ полному подчиненію имъ мѣстечекъ съ упрощенной, ратушной организацией и къ значительной зависимости болѣе значительныхъ городовъ, съ полнымъ «магистратомъ» нѣмецкаго права.

Въ связи съ военными и политическими условіями, составъ козацкой территории и число полковъ мѣнялись. Въ реестрѣ 1649—50 гг., видимъ 16 полковъ, охватывавшихъ территорію воеводствъ Киевскаго, Черниговскаго и Браславскаго; на правомъ берегу находимъ полки: Чигринскій, Черкасскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Браславскій, Кальницкій и Киевскій (послѣдній захватываетъ также и часть Заднѣпровья), на лѣвомъ Переяславскій, Кропивенскій, Миргородскій, Полтавскій, Прилукскій, Нѣжинскій и

Черниговскій. Составъ полковъ и численность ихъ были весьма не одинаковы, число сотень въ полкахъ колеблется отъ 7 до 20, козачьи контингенты отъ тысячи до трехъ слишкомъ. Послѣ того какъ правобережная Украина окончательно отошла къ Польшѣ и козацкое устройство въ ней угасло—лѣвобережная Украина дѣлилась на 10 полковъ: Стародубскій, Черниговскій, Киевскій, Нѣжинскій, Прилукскій, Переяславскій, Лубенскій, Гадяцкій, Миргородскій и Полтавскій. Слободская Украина состояла изъ 5 полковъ: Ахтырскаго, Харьковскаго, Изюмскаго, Сумскаго и Острогожскаго. Территорія, составъ и военные контингенты отличались по прежнему большой разнородностью. Управленіе принадлежало полковнику съ совѣтомъ полковой старшины, повторявшей въ уменьшенномъ масштабѣ раду старшины генеральной. Но эта полковая старшина не имѣла большого значенія въ управлении полкомъ, и полковникъ правилъ своимъ полкомъ единолично. Съ другой стороны, послѣ того какъ назначеніе полковниковъ присвоило себѣ фактически россійское правительство и запретило ихъ смѣщать безъ указа, зависимость полковниковъ отъ гетмана и отъ центрального управлениія стала очень незначительной, и власть и значеніе полковниковъ чрезвычайно возросли. Полковникъ сталъ настоящимъ «хозяиномъ» своего полка. Козацкое самоуправлениѣ осталось лишь въ границахъ сельскихъ «громадъ», во главѣ которыхъ стояли атаманы, подчинявшиеся сотнику. Замѣщеніе сотничей должности должно было принадлежать козакамъ данной сотни, но на дѣлѣ это право далеко не всегда осуществлялось, и очень часто сотники

просто назначались полковникомъ. «Рѣшительные пункты» 1728 г. устанавливали такой порядокъ замѣщенія низшихъ должностей: кандидатовъ на сотника выбираютъ сотенные казаки, кандидатовъ на должности полковой старшины — полковая старшина совмѣстно со сотниками, и кандидаты эти представляются на утвержденіе гетмана. Позднѣйшая инструкція Разумовскаго, возстановляя порядокъ выбора сотниковъ, фактически передаетъ его старшинѣ данной сотни, а не казакамъ.

Такимъ образомъ принципъ казацкаго самоуправленія въ устройствѣ Гетманщины, и также точно Слободской Украины, выродился совершенно. Въ полной силѣ и чистотѣ принципы казацкаго демократизма сохранились только на Запорожье, у казаковъ, жившихъ внѣ полкового устройства Украины, въ степныхъ пространствахъ Нижняго Днѣпра. Центромъ ихъ организаціи былъ «кіш» или «Січ», находившаяся на одномъ изъ запорожскихъ острововъ; казачество раздѣлялось на «курени», во главѣ которыхъ стояли куренные атаманы; во

главѣ всего войска стоялъ выборный «кошевой атаманъ», съ штатомъ старшины, съ такими же титулами, какъ у старшины генеральной; всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались войсковой радой. Какъ носитель чистоты казацкаго демократизма и старыхъ традицій казачества, Запорожье неодобрительно относилось къ искаженію ихъ у «городового» казачества, жившаго «на волости», и господству старшины среди послѣдняго. По старымъ традиціямъ оно претендовало и теперь на руководящую роль въ дѣлахъ Гетманщины и являлось очагомъ оппозиціи противъ старшины, захватившей власть въ послѣдней, и старшинской политики. Но политическимъ тактомъ эти выступленія Запорожья отличались не всегда, и оно своею оппозицію нерѣдко играло въ руку московскому централизму.

Такая политическая роль, впрочемъ, отличала только старую Січь; новая, возстановленная послѣ своего изгнанія въ 1730-хъ гг., не играла уже почти никакой политической роли¹⁾.

■ П р а в о .

Исторія права Гетманщины представляетъ чрезвычайно печальную (и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительную) картину. Въ ней еще съ большою рельефностью, чѣмъ въ исторіи экономическихъ и общественныхъ отношеній, выступаетъ безсиліе украинскихъ массъ, разрушивъ государственный строй, противорѣчившій ихъ правосознанію, замѣнить тѣ правовые нормы, на которыхъ онъ опирался, нормами но-

вymi, которые развивали бы послѣдовательно элементарные представленія о правдѣ-справедливости, движавція народомъ въ этомъ движеніи. Переходы старого права здѣсь оказались

¹⁾ См. „Очеркъ“ гл. 17 и 23. Слабченко: „Малоруссійскій полкъ въ административномъ отношеніи“, 1909. Миллеръ: „Суды земские, гродские и подкоморские“, 1896. О Запорожье — Эварицкій: „Исторія запорожскихъ казаковъ“, т. I, 1892.

еще более сильными и действенными, чёмъ старыя формы экономическихъ и общественныхъ формъ, и такъ какъ имъ не было противопоставлено съ самаго начала какихъ либо иныхъ, определено формулированныхъ юридическихъ нормъ, въ видѣ записи обычного права, въ видѣ какой либо кодификаціи того, что считалось справедливымъ и нормальнымъ возставшимъ народомъ, творившимъ новую жизнь, — кодексы старого права получили полное и нераздѣльное господство въ новыхъ органахъ суда и управлениія, почти не затронутые, едва смягченные вліяніями народныхъ юридическихъ возрѣній.

Изъ двухъ кодексовъ права, завѣщанныхъ предшествующею эпоховою: Магдебургскаго городского права и Литовскаго Статута,— первое оставалось въ полной силѣ, какъ общепризнанное основаніе юридическихъ отношеній города, и при томъ смѣшаніи городской юрисдикціи съ козацкой, которая, несомнѣнно, существовала раньше въ менѣе значительныхъ городскихъ центрахъ и продолжала существовать позже, разрѣшая конкуренцію судовъ городскихъ и козачьихъ совмѣстными функциями обоихъ,— кодексъ нѣмецкаго права входилъ глубоко и въ практику козачьяго суда, въ процессы козаковъ и крестьянъ. Конечно, примѣненіе его не отличалось ригоризмомъ и смягчалось вліяніями обычного права весьма сильно и въ эпоху польскаго режима и тѣмъ болѣе теперь (къ сожалѣнію, акты городскихъ судовъ съ юридической точки зрѣнія почти не изучались до сихъ поръ, и этотъ вопросъ объ отношеніяхъ буквы нѣмецкаго права и права обычного разрѣшается больше

на основаніи общихъ впечатлѣній и отдельныхъ примѣровъ, а не болѣе точнаго учета этихъ отношеній). Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ принципѣ нѣмецкое право, въ популярныхъ обработкахъ XVI—XVIII в., сохраняло всю свою авторитетность и въ судебной практикѣ городскихъ и козацкихъ судовъ новой эпохи.

Менѣе формально и обязательно, въ значеніи кодекса скорѣе субсидарнаго, но тѣмъ не менѣе также достаточно широко, примѣнялся въ судебной практикѣ все это время и Литовскій Статутъ, какъ кодексъ гражданскаго и уголовнаго права. Онъ также, несомнѣнно, уже въ предреволюціонную эпоху былъ хорошо известенъ въ козацкихъ судахъ (особенно въ процессахъ смѣшанныхъ, козаковъ съ некозаками) и сохранилъ свою популярность и позже въ судебныхъ сферахъ, независимо даже отъ тѣхъ пережитковъ старого строя (въ родѣ судовъ доминіальныхъ), гдѣ онъ оставался у себя дома все это время. Его шляхетскій характеръ, какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ тенденціямъ правящаго класса, въ рукахъ котораго лежало судопроизводство, и представители послѣдняго имѣли всѣ причины не только поддерживать, но и усиливать авторитетность этого юридического кодекса, сначала въ области гражданскаго и уголовнаго права, а съ течѣніемъ времени — и въ области общественныхъ отношеній, государственного права. Въ своей инструкціи судамъ гетманъ Апостоль, предписывая судьямъ рѣшать дѣла на основаніи Статута, а не по своему собственному мнѣнію, лишь подчеркивалъ историческое значеніе нормъ этого кодекса, «по которыхъ обыкновенію суды произво-

дятся — которые книги такожъ въ Малой Россіи отъ древнихъ лѣтъ до судовъ употребляются».

На сколько оба эти «права» прочно утвердились въ судебной практикѣ, обнаружилось при первой попыткѣ кодификаціи дѣйствующаго права Гетманщины. «Рѣшительными пунктами» 1728 г. центральное правительство поручило «для пользы и правосудія народа малороссійскаго тѣ права, по которымъ судится малороссійскій народъ, перевѣстъ на великороссійскій языкъ и опредѣлить изъ тамошнихъ, сколько персонъ пристойно, искусныхъ и знающихъ людей для своду изъ тѣхъ трехъ правъ въ одно и для апробаціи прислатъ ко двору его имп. величества». Что разумѣло подъ этими «тремя правами» центральное правительство, остается не совсѣмъ яснымъ, такъ какъ мотивируя это рѣшеніе, оно говорить только о Магдебургскомъ правѣ¹⁾; вѣроятно тутъ произошла простая ошибка въ изложеніи, и составители разумѣли «Саксонское право», «Магдебургское право» и «Статутъ» (Литовскій). Во всякомъ случаѣ господство именно этихъ двухъ правъ (въ разныхъ изложеніяхъ) — Саксонскаго и Статутового проявилъ себя вполнѣ опредѣленно, когда комиссія, составленная изъ представителей украинской войсковой администраціи и церкви — занялась предписаннымъ ей дѣломъ: переводомъ дѣйствующихъ въ

Украинѣ юридическихъ ексовъ ко ид сводомъ ихъ во едино. Само заглавіе своднаго кодекса по обычаю того времени не преминуло указать тѣ главные источники, изъ которыхъ было почерпнуто его содержаніе: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, — изъ трехъ книгъ, а именно Статута Литовскаго, Зерцала Саксонскаго и приложенныхъ при томъ двухъ правъ, такожде изъ книги Порядка по переводѣ изъ польскаго и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ въ едину книгу сведенныя». Литовскій Статутъ, въ редакції 1588 г., былъ положенъ въ основу новаго свода; его перевели, очевидно, прежде всего, и затѣмъ приступили къ переводу различныхъ редакцій саксонскаго городскаго права: т. н. «Саксона» въ популярной обработкѣ польскаго юриста XVI в. Щербича, съ приложеніями, и т. н. «Порядка» (Porządek Sądów y spraw mieyskich prawa magdeburskiego) т. е. обработку саксонскаго городскаго права другого популярнаго польскаго юриста Гроцкаго. Эти сборники Саксонскаго права, пользовавшіеся широкой популярностью въ украинской практикѣ, должны были послужить для дополненія Литовскаго Статута. Члены комиссіи, какъ видно изъ сохранившейся переписки, колебались только, не зная, какъ поступить: сдѣлать ли новую очищенную редакцію Статута, въ порядкѣ его изложенія, исключая ненужное и дополняя недостающее изъ другихъ источниковъ, или дать новый систематической сводъ заключающагося въ этихъ источникахъ юридического материала. Комиссія обращалась за инструкціей къ центральному правительству, но не

1) „Понеже его имп. величеству донесено, что малороссійскій народъ судять разными правами, которые сими словами названы: Магдебургскіе да Саксонскіе Статуты, изъ которыхъ одни другимъ не согласуютъ“ — у Бантышъ - Каменскаго, I изд. IV с. 276.

получила, очевидно, никакихъ указаний; въ концѣ концовъ, перевѣсь взяль второй принципъ: составленіе новаго систематического кодекса изъ стараго юридическаго матеріала, хотя нѣкоторые члены были очень недовольны такимъ радикализмомъ и находили даже «обиду Малой Россіи» въ такомъ неуважительномъ отношеніи къ ея традиціонному кодексу. Въ основу новаго кодекса, какъ сказано, былъ положенъ Литовскій Статутъ третьей редакціи ;предисловіе редакторовъ достаточно опредѣленно характеризуетъ отношеніе къ этому кодексу современныхъ судебно-административныхъ сферъ и то употребленіе, какое изъ него слѣдала кодификаціонная комиссія: «Прежнихъ годовъ, когда еще Малая Россія находилась подъ областью польскою, тогда одно право, въ означенной книгѣ Статутѣ вел. кн. Литовскаго состоящее, яко предиѣшное предъ другими польскими правами въ малороссійскихъ судахъ было употребляемо, а чего въ ономъ Статутѣ не доставало, того уже недостатокъ дополняемъ былъ изъ другихъ христіанскихъ правъ.. чего для и означеніи другіе права въ тѣхъ же малороссійскихъ судахъ ко употребленію принятии». Сообразно тому въ новомъ кодексѣ «въ началѣ изъ Статута выписаное право яко предиѣшное прежде означенныхъ другихъ правъ вездѣ предложено, а какое право къ одной партіи надлежитъ, хотя оно и въ разныхъ раздѣлахъ, артикулахъ и пунктахъ стоитъ, оное къ одной партіи присовокуплено;.. чего же въ Статутѣ не достаетъ, а въ другихъ онихъ книгахъ сискалось, тое изъ онихъ вписано и въ дополненіе приложено».

Кромѣ того, какъ указываетъ анализъ и самая упоминанія «давняго обыкновенія», «давнихъ въ Малой Россіи порядковъ и обыкновеній», составители пользовались также и нормами обычнаго права, дополняя ими свой юридическій матеріалъ и еще болѣе руководясь имъ въ той выборѣ послѣдняго, который они производили. Подъ вліяніемъ его наибольшему обновленію и измѣненіямъ подверглось уголовное право старыхъ кодексовъ, но не успѣвъ вполнѣ освободиться отъ ихъ вліянія, оно все-таки составляетъ и наиболѣе слабую сторону новаго свода; наоборотъ, гражданская часть, по отзывамъ юристовъ - изслѣдователей «представляетъ большія цо своему времени достоинства».

Сводъ былъ законченъ въ 1743 г. и представленъ на утвержденіе въ сенатъ; но здѣсь всякий слѣдъ его теряется, и только въ 1756 г. именнымъ указомъ императрицы онъ былъ возвращенъ для пересмотра гетману Разумовскому; послѣдній передалъ его на разсмотрѣніе генеральной старшинѣ въ генеральную канцелярію, и здѣсь онъ былъ окончательно похороненъ. Но не получивъ окончательной санкціи, и онъ, и вся вообще дѣятельность кодификаціонной комиссіи не прошла безслѣдно. Самый сводъ распространился въ рукописи и несомнѣнно находилъ примѣненіе въ судебнно-административной практикѣ; съ другой стороны, дѣятельность комиссіи, въ которой принимало участіе множество представителей тогдашняго суда и администраціи, своимъ авторитетомъ утвердила еще болѣе значеніе Литовскаго Статута, какъ «предиѣшшаго права» Малороссіи. Сдѣланній ею переводъ Статута на сред-

ній великороссійско-український языкъ подвергся большому распространенію, и какъ кодексъ обязательного права, постепенно вытесняетъ другіе кодексы—саксонского городского права, такъ что послѣднее постепенно глохнетъ и выходитъ изъ употребленія благодаря конкуренціи Литовскаго Статута и общемперскаго законодательства; наоборотъ нормы Статута руководятъ и юридическою практикою и судоустройствомъ, и судопроизводствомъ въ послѣднихъ стадіяхъ самобытной жизни Гетманщины.

Судоустройство вообще составляло одну изъ слабыхъ сторонъ ея строя, ея Ахиллесову пяту, которая особенно часто подвергалась ударамъ противниковъ автономной жизни Гетманщины. Судебныхъ инстанцій было много, но всѣ эти суды были плохо организованы, не было опредѣленного порядка инстанцій, компетенція разнаго рода судовъ не была опредѣленно разграничена. Минуя низшія инстанціи—сулы сельскихъ и сотенныхъ, можно было вчинять тяжбу не только въ полковомъ, но и въ самомъ генеральномъ судѣ, даже у самого гетмана. Высшія инстанціи, наоборотъ, вмѣшивались въ процессы, которые велись въ низшихъ. Суды мѣщанскіе и козацкіе конкурировали между собою—хотя впрочемъ эта конкуренція практически разрѣшалась тѣмъ, что представители обѣихъ юрисдикцій заѣдали въ судѣ совмѣстно. Съ другой стороны, важнымъ недостаткомъ судоустройства было соединеніе функций административныхъ и судебныхъ, судебной и исполнительной власти у представителей козачьей администраціи. Произволь, взяточничество и волокита судей сдѣлались

общимъ мѣстомъ въ жалобахъ на недостатки украинскаго управлѣнія. Послѣ неосуществившейся реформы Полуботка, о которой было упомянуто выше, украинское судоустройство было реформировано въ духѣ его идеи, послѣ возстановленія гетманства при Апостолѣ. Генеральный судъ получилъ коллегіальное устройство, на основаніи «рѣшительныхъ пунктовъ» 1728 г., и затѣмъ «инструкцію о судахъ», изданною Апостоломъ въ 1730 г., этотъ принципъ коллегіальности былъ проведенъ чрезъ всю систему судебныхъ инстанцій; установленъ былъ порядокъ апелляціи—изъ судовъ сельскихъ и сотенныхъ въ полковые, изъ полковыхъ въ генеральный, превращенный въ исключительно апелляціонную палату. Сдѣланы были также указанія относительно отдѣленія судовъ войсковыхъ и ратушныхъ и лучшаго порядка судопроизводства въ тѣхъ и другихъ; при этомъ, какъ я уже отмѣтилъ, проводится принципъ употребленія кодифицированнаго права—именно Литовскаго Статута, и, въ случаѣ отсутствія въ немъ нужныхъ указаній, предписывается обращаться за разрѣшеніемъ къ высшей судебнай инстанціи.

Еще болѣе рѣшительные попытки приблизить судоустройство Гетманщины къ нормамъ Литовскаго Статута сдѣланы были въ послѣднее гетманство, наканунѣ его отмѣны. Инициативу далъ трактатъ реента генеральнаго суда Фед. Чуйчевича, подъ заглавiemъ: «Судъ и расправа, въ правахъ малороссійскихъ обширно на разныхъ мѣстахъ показанная, а здѣ въ еденъ краткій и ясный эксцерптъ въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты собранная, въ полезное обра-

щеніе Малоросіанамъ пущенная». Предлагая вниманію гетмана эту толково и удачно составленную обработку Статутового права, Чуйкевичъ, въ своемъ посвятительномъ предисловіи, рисуетъ мрачную картину украинскаго судоустройства и доказываетъ необходимость отде́лить судъ отъ администрации и организовать его въ духѣ статутового выборнаго шляхетскаго судоустройства. По его мнѣнію наличность множества образованныхъ юристовъ въ современномъ украинскомъ обществѣ дѣлаетъ вполнѣ возможной такую реформу, и она дѣйствительно была осуществлена. Предвѣстникомъ ея былъ универсалъ 1760 г. о введеніи въ суды выборныхъ депутатовъ отъ шляхетства. Затѣмъ въ 1763 г. введены были статутовые суды земскіе и подкоморскіе изъ выборныхъ шляхтою лицъ для гражданскихъ и поземельныхъ дѣлъ, а полковые суды были

переименованы въ гродскіе. Это новое судоустройство просуществовало до введенія учрежденія о губерніяхъ въ 1783 г., отмѣнено затѣмъ, точно—оставленное лишь для окончанія начатыхъ дѣлъ, оно затѣмъ возстановлено было указомъ имп. Павла въ 1796 г., при чемъ судьямъ велѣно поступать по точной силѣ малороссійскихъ правъ—т. е. Литовскому Статуту главнымъ образомъ. Послѣ того какъ Магдебургское право совершенно вышло изъ употребленія и лишь формально было отмѣнено въ 1831 г., Статутовое право въ полной силѣ проодержалось до 1840 г., когда нормы его гражданскаго права были включены въ общепріемпсрскій сводъ, въ видѣ мѣстныхъ законовъ Черниговской и Полтавской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось дѣйствіе Статута, какъ самостоятельного юридического кодекса¹⁾.

Отголоски народныхъ движений въ Правобережной Украинѣ.

Въ то время, какъ формы экономическихъ и общественныхъ отношеній, созданные великимъ народнымъ движениемъ, медленно разлагались и угасали въ лѣвобережной Гетманщинѣ (и въ Слободской Украинѣ) подъ двойнымъ натискомъ московского централизма и традицій старого строя,—въ Украинѣ Правобережной на руинахъ разрушенного козацкаго строя пытался возродиться старый режимъ во всей своей полнотѣ. Возрожденное въ 1680-хъ гг. Паліемъ и другими полковниками козачество, несмотря на быстрый ростъ колонизаціи Правобережья, вызвавшій на время даже сильную возвратную колонизаціонную волну

съ Лѣвобережья, далеко не достигло былой силы. На юго-западѣ—на подольскомъ пограничье и Браславщинѣ, оно было разгромлено польскими войсками немедленно послѣ окончанія Турецкой войны (1703). Болѣе сильнымъ было оно и упорнѣе держалось на Поднѣпровье, опираясь

1) Подробнѣе: „Права, по которымъ судится малорос. народъ“, текстъ съ изслѣд. А. Кистяковскаго, 1879. „Інструкція Апостола малоросс. судамъ“—К. Старина 1887. Д. Миллеръ—„Очерки изъ исторіи юридич. быта Старой Малороссіи“, 1896, и „Замѣчанія“ къ нимъ Лазаревскаго, 1898. Нольде—„Очерки по исторіи кодифікації мѣстныхъ гражд. законовъ“, 1906.

на Лѣвобережную Украину. Будучи не въ силахъ совладать съ ея вождемъ Паліемъ, польское правительство добивалось отъ своего союзника Петра, чтобы онъ, съ своей стороны, привелъ Палія къ покорности. Мазепа, подъ региментомъ которого состояли правобережные полки, далъ дѣлу неожиданный оборотъ, арестовавъ Палія, какъ небезопаснаго демагога и соперника, и назначивъ отъ себя полковника на его мѣсто. Но эти ставленники Мазепы не въ состояніи были замѣнить популярнаго Палія, а съ паденiemъ Мазепы его преемникъ Скоропадскій не проявилъ достаточной энергіи, чтобы отстоять правобережные полки отъ польскихъ притязаній; также точно не отстояла ихъ и Турція, выговорившая правобережныя земли для независимой Украины Орлика. Чтобы не дать возможности Орлику утвердиться здѣсь, Петръ распорядился перегнать мѣстное населеніе за Днѣпръ и передать правобережную територію польскимъ войскамъ. Процедура эта была закончена въ 1714 г.; польскія войска заняли своими гарнизонами правобережныя крѣпости, и потомки и наслѣдники мѣстныхъ шляхтич землевладѣльцевъ поспѣшили въ возвращенный земли, чтобы заняться возстановленіемъ прежняго хозяйства. Скоро покрылись онѣ «слободами», куда обѣщаніями долголѣтнихъ льготъ приглашивались и зазывались крестьяне изъ болѣе населенныхъ мѣстностей, и уже во второй четверти XVIII в. правобережныя земли имѣли значительное населеніе. Но возстановленіе помѣщичьяго хозяйства и крѣпостныхъ отношеній и по истечениіи льготныхъ сроковъ долго встрѣ-

чало препятствія въ довольно сильныхъ, хотя и неорганизованныхъ движеніяхъ, получившихъ общее название гайдамачины. Этимъ именемъ назывались разбойничіи отряды, рекрутировавшіеся преимущественно изъ крестьянъ, а съ 1730 гг., когда Сичь, возвратившись на старыя попелища, придинулась къ границамъ Правобережной Украины, весьма видное участіе принимаетъ въ этихъ движеніяхъ Запорожье.

Такъ какъ эти гайдамацкія движения, при своемъ неорганизованномъ, добычнишкомъ характерѣ, являлись соціальной и национальной оппозиціей противъ возстановленія польского режима, то они находили сочувствіе и поддержку и въ широкихъ массахъ населенія, среди мѣщанъ, духовенства, монашества мѣстныхъ и пограничныхъ монастырей. Благодаря такой поддержкѣ, съ одной стороны, слабости администраціи и отсутствія войскъ, съ другой, гайдамацкія движения во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVIII в. стали хроническимъ явленіемъ, а временами проявляли очень значительную силу, охватывая большія территоріи и приводя въ движенія массы крестьянскаго населенія. Въ первый разъ такіе широкіе размѣры гайдамацкое движение пріобрѣло въ 1734 г., во время польского безкоролевья, когда на польскую територію введены были русскія войска, на помощь которыхъ для освобожденія отъ польскаго господства разсчитывало мѣстное населеніе. Затѣмъ, новое напряженіе имѣло мѣсто въ 1750 г., когда почти все Браславское и Кіевское воеводство, до самаго Полѣсся оказалось во власти гайдамацкихъ отрядовъ и крестьянскаго возстанія. Но

наиболѣе сильное движение развилось въ 1762 г. (т. н. Колївщина): борьба двухъ конфедераций, приведшая къ полной анархіи и междоусобной войнѣ, съ участіемъ русскихъ войскъ, создала снова почву для слуховъ о сочувствіи русского правительства украинскому возстанію, а совпаденіе религіозной борьбы — православія и унії въ Приднѣпровье придало движению религіозную окраску. Отряды гайдамаковъ снова овладѣли большою територіею Киевскаго и Браславскаго воеводствъ, «очищая» ее отъ Поляковъ и Евреевъ, католиковъ и уніатовъ; но вскорѣ польское правительство обратилось къ содѣйствію Россіи, и возстаніе было залито кровью возставшихъ, заключившихъ жестокими казнями участниковъ. Послѣ этого такихъ массовыхъ движений уже

не возникало, а съ переходомъ Правобережной Украины подъ власть Россіи въ 1793 г.— имъ уже не оставалось мѣста, и польскій шляхетскій режимъ, который не могъ до сихъ поръ окрѣпнуть окончательно среди гайдамакскихъ движений, подъ властью Россіи получилъ свою окончательную прочность и силу.

Старая традиція козачества, однако, не умирали еще долго, и Крымская война формированиемъ крестьянскихъ ополченій въ 1855 г. вызвала довольно сильное, во всякомъ случаѣ характеристическое движение среди мѣстныхъ крестьянъ, домогавшихся, чтобы ихъ записали въ козаки: въ качествѣ козаковъ они надѣялись, по старой традиціи, освободиться отъ власти помѣщиковъ и администраціи, отъ барщины и другихъ повинностей ¹⁾.

Западная Украина. Церковные отношения.

Сосредоточеніе народныхъ движений, по условіямъ колонизаціи, въ восточной Украинѣ и перехода туда центровъ національной жизни, что замѣтно уже съ началомъ XVII в., ослабили и безъ того слабѣющій пульсъ народной жизни Западной Украины. Поставленная и безъ того въ трудныя условія, охваченная польскими территоріями, подавленная польскимъ господствомъ, лишенная поддержки извѣтѣ, она чувствительно терпѣла отъ отлива наиболѣе энергическихъ и дѣятельныхъ элементовъ, привлекаемыхъ новыми очагами борьбы. Послѣ того какъ была проиграна борьба съ польскимъ натискомъ въ концѣ XIV в. и ослабленіе польско-угорского и польско-литовскаго союзничества ли-

шило вѣшнихъ опорныхъ точекъ мѣстныхъ силы—Галиція съ сосѣдними украинскими землями только слабо реагировала, подъ вліяніемъ вѣшнихъ импульсовъ.

Такъ, въ концѣ XV и началѣ XVI в., замѣтно въ южной Галиціи извѣстное ирредентское движение въ сторону Молдавіи, въ связи съ ея претензіями на галицкое пограничье. Сильною бурею пронеслось надъ нею возстаніе Хмельницкаго, вызвавшее своимъ приближеніемъ значительная движениа во всей почти восточной Галиціи; почва для соціального переворота была благодарная, но Хмель-

¹⁾ Подробнѣе: „Очеркъ“, гл. XXV и указанная тамъ литература.

ницкій, въ этотъ моментъ жаждавшій только уладить поскорѣе неожи-данно затянувшійся и обострившійся конфліктъ, не поддержалъ начавшееся движеніе, и лишенное поддержки, оно улеглось. Послѣ того можно указать только чисто стихійныя, мало сознательныя проявленія народной оппозиціи, въ видѣ хроническаго разбоя-ничества на галицкомъ и подольскомъ пограниччи—нѣчто въ родѣ ослаблен-ныхъ формъ гайдамачества, идеали-зированного народомъ, какъ извѣст-ный протестъ противъ ненавистнаго режима.

Междуду тѣмъ какъ наиболѣе энергичные элементы уходили на востокъ, одни, чтобы занять свое мѣсто въ рядахъ козачества, другіе—чтобы при-нять участіе въ культурномъ и національномъ движеніи (выше отмѣчено было, что кіевское движеніе, разви-вшееся подъ крыломъ козачества, все было создано галицкими выходцами и галицкими культурными средствами),—то, что оставалось на мѣстѣ, все менѣе могло противостоять натиску польского режима. Быстро ополячиваются остатки украинской шляхты, такъ что къ концу XVII ст. даже на Волыни осталась только не-большая часть православныхъ шляхетскихъ родовъ, а въ Галиціи и Подолії они исчезли почти безъ остатка, за исключеніемъ самой мелкой шляхты, бытомъ и достаткомъ приближавшійся къ крестьянству. Рѣдѣютъ ряды мѣщанъ, ополячиваются зажиточные, вліятельные роды большихъ городовъ, остаивавшіе права своей національности, и остаются только безпомощ-ные и безгласные низы. Представите-лями украинской народности остается главнымъ образомъ крестьянская масса,

сохраняющая свою національность си-лою своей косности и темноты, и почти такое же темное сельское ду-ховенство; все, что хотя нѣсколько поднималось надъ этимъ уровнемъ, увлекалось почти безъ остатка пото-комъ полонизаціи, не находя опоры въ національной культурѣ. Культур-ное оживленіе конца XVI и нач. XVII в. заглохло, оставшись безъ поддержки шляхетскаго общества и мѣщанскаго патриціата, не успѣвъ выйти изъ тѣснаго круга чисто религіозныхъ по-лемическихъ интересовъ. И по мѣрѣ того какъ литературное движеніе со-средоточивалось въ Кіевѣ и другихъ центрахъ восточной Украины, въ западной Украинѣ культурная жизнь глохнетъ все болѣе.

Съ 1648 г. Кіевъ фактически вы-ходитъ изъ состава Польскаго госу-дарства, и связи съ нимъ въ запад-ныхъ земляхъ ослабѣваютъ все болѣе. Польско-русское соглашеніе 1667 г. раздѣлило ихъ формальной границей; взрывъ негодованія, вызванный этимъ соглашеніемъ былъ показателемъ вѣр-ной оцѣнки этого факта въ украинскомъ обществѣ. Польское правительство не замедлило приложить свои старанія къ тому, чтобы ослабить сношенія и связи своихъ украинскихъ земель съ восточной Украиной и другими пра-вославными краями. Въ 1676 г. сеймъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, запрещалъ православнымъ выѣзжать за границу, въ религіоз-ныхъ дѣлахъ поддерживать сношенія съ патріархами, обращаться къ нимъ въ вопросахъ религіи и пр.; брат-ствамъ велѣно подчиняться мѣстнымъ епископамъ, а въ спорныхъ вопро-сахъ—обращаться къ польскимъ су-дамъ. Церковная политика москов-

ского правительства, завершившаяся, съ другой стороны, насилиственнымъ подчиненiemъ киевской митрополіи московскому патріарху (1685 г.), вызывала въ самой православной средѣ западныхъ земель внутренне отчужденіе.

Какъ было уже упомянуто, еще при Б. Хмельницкомъ, по смерти тогдашняго митр. Сильвестра Косова, московское правительство подняло вопросъ о подчиненіи киевской митрополіи московскому патріарху. Тогда эти переговоры не привели, однако, ни къ какому результату; былъ выбранъ новый митрополитъ Діонисій Балабанъ, независимо отъ московскаго патріархата, но такъ какъ онъ былъ сторонникомъ Выговскаго, и послѣ конфликта послѣдняго съ московскимъ правительствомъ выѣхалъ изъ Киева, то московское правительство перестало признавать его юрисдикцію и также точно его преемника Нелюбовича-Тукальскаго, поручая управление церковными дѣлами украинскихъ земель, находившихся подъ властью Москвы, «мѣстоблюстителемъ» изъ мѣстнаго духовенства. Это вносило уже іерархический расколъ въ жизнь православной Украины. По смерти Тукальскаго, Самойловичъ по порученію московскаго правительства согласился подыскать кандидата на киевскую митрополію, который бы послѣ выбора на митрополію согласился принять посвященіе отъ московскаго патріарха и признать его власть надъ собою. Такой кандидатъ нашелся, въ лицѣ родственника Самойловича, эмигранта епископа луцкаго Гедеона кн. Святополка-Четвертинскаго, и Самойловичъ провелъ его на митрополію, но при этомъ выго-

ворилъ себѣ у московскаго правительства, что самый вопросъ объ іерархической зависимости киевскаго митрополита московское правительство должно уладить съ константинопольскимъ патріархомъ, въ подчиненіи которому считался до сихъ поръ киевскій митрополитъ. На этомъ пунктѣ московское правительство встрѣтилось съ серьезными затрудненіями; патріархъ рѣшительно отказался отречься отъ своихъ верховныхъ правъ на киевскую митрополію; тогда московскіе политики пустили въ дѣло вліянія политическія, и подъ давлениемъ и угрозами турецкаго правительства у константинопольскаго патріарха было вырвано согласіе.

Фактъ этотъ имѣлъ весьма большое значение въ дальнѣйшемъ развитіи церковной и культурной жизни восточной Украины, поставивъ ее подъ придирчивую цензуру и стѣснительный надзоръ московскаго духовенства; кроме того это подчиненіе восточной Украины московскому патріархату, не принятое западной Украиной, ослабило еще болѣе взаимную церковную связь и подорвало силы православныхъ въ Западной Украинѣ.

По мѣрѣ того какъ церковь и школа восточной Украины, волею неволею, подпадала московскому обрусьнию, онѣ неизбѣжно становились по духу чужды западной Украинѣ, чуждой московскимъ вліяніямъ. И одновременно съ тѣмъ, какъ въ этомъ отчужденіи падаетъ культурная и национальная жизнь, въ польскихъ сферахъ снова оживаютъ угасшія надежды на полную победу надъ православной церковью—по крайней мѣрѣ въ западной Украинѣ. У польского правительства оказываются еще разъ искусные при-

спѣшники среди самой православной іерархіи. Главную роль при этомъ сыграли Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій и Иннокентій Винницкій, епископъ перемышльскій; вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими православными духовными они входять въ сношенія съ правительствомъ, вмѣстѣ съ нимъ приготавляютъ постепенно почву для введенія унії въ епархіяхъ западной Украины и своей дѣятельностью дѣйствительно приготавляютъ это настолько удачно, что когда въ 1691—1700 гг. они снимаютъ съ себя православную личину, духовенство и населеніе, по большей части, не нашло у себя силы сопротивленія. Только Львовское братство, пережившее столѣтіе постепенного упадка своей дѣятельности и вліянія, все же пыталось сопротивляться, но это сопротивленіе было скоро сломлено (1708).

Вслѣдъ затѣмъ въ руки униатскаго духовенства окончательно попала и Волынь, съ изгнаніемъ послѣдняго православнаго епископа (1711). Унія овладѣла западной Україной, постепенно подавивъ всякія отдѣльныя проявленія православной оппозиціи. Затѣмъ, съ половины XVII в., съ перенесеніемъ резиденціи униатскихъ митрополитовъ въ Радомысль, послѣднєе энергически принимаются за насажденіе унії въ Кіевскомъ воеводствѣ, и въ 1760—70-хъ годахъ даже побережье Днѣпра — крайніе предѣлы польской Украины — дѣлается ареной ожесточенной религіозной борьбы; здѣсь православное украинское населеніе, опираясь на Заднѣпровье и поддерживаемое гайдамацкими движеніями, проявляло особенную энергию и сопротивленіе¹⁾.

Религіозная борьба въ Угорской Українѣ.

Религіозная борьба Западной Украины, захватившая также и Угорскую Украину, впервые вводитъ, сколько нибудь замѣтно, въ общій круговоротъ украинской жизни также и ея закарпатскую закраину, отчужденную географическими условіями и политическою обособленностью отъ непосредственной участіи въ тѣхъ перипетіяхъ, какія переживала остальная Украина. Впрочемъ, ея жизнь въ предшествующихъ столѣтіяхъ вообще очень мало намъ извѣстна, и даже по первому вопросу, который неизбѣжно возникаетъ у всякаго желающаго познакомиться съ исторіей мѣстной жизни — съ какого времени отвердѣваетъ мѣстная украинская колонизация настолько,

чтобы можно было говорить о мѣстной украинской жизни, существуютъ большія колебанія и неясности. Много неяснаго и въ ея политическомъ прошломъ: въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій это украинское Закарпатье занимало межеумочное положеніе между Венгріей, съ одной стороны, и государственными организаціями украинскими — съ другой: въ моментъ политической экспансіи Венгріи короли послѣдней, какъ мы знаемъ, стре-

1) Подробнѣе: Антоновичъ — „Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ пол. XVII ст.“ Терновскій — „Изслѣдованіе о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху“ (Архивъ Ю. З. Р. I. V).

мились перейти за Карпатскій хребетъ и подчинить себѣ Галицкія земли, и наоборотъ — въ моменты ослабленія Венгрии видимъ попытки присоединить Закарпатскія земли къ Галицкимъ (при Львѣ Даниловичѣ, въ концѣ XIII в.). Только послѣ неудачи, постигшей экспансивную политику Людовика Анжуйскаго, въ концѣ XIV в., Карпатскій хребетъ на цѣлый рядъ вѣковъ отрѣзалъ украинскія провинціи Польши отъ украинскаго Закарпатья.

Остается неизвѣстнымъ, составляло ли это Украинское Закарпатье одно политическое цѣлое. Начиная съ ХІІ—ХІІІ вв., мы видимъ его уже въ подраздѣленіи на комитаты или станицы, разрѣзывавшія по рѣчнымъ долинамъ горную область и связывавшія эти части съ сосѣдними частями подгорья, съ преобладающею инородною колонизацією (словацкою, мадьярскою, румынскою). Это административное дѣленіе должно было еще болѣе содѣйствовать разобщенію этой територіи, и безъ того разобщенной географическими условіями. Почти не встрѣчаемъ указаний, чтобы это Украинское Закарпатье выступало бы, какъ цѣлое; впрочемъ, мѣстный украинскій элементъ вообще слабо проявлялъ себя, представленный подавленнымъ крестьянствомъ и темнымъ приниженнымъ сельскимъ духовенствомъ. Въ роли привилегированного населенія и здѣсь, съ весьма ранняго времени, выступаютъ инородные элементы: мадьяры, нѣмцы, разноплеменное католическое духовенство. Православное духовенство, носители национальной жизни,—стояло чрезвычайно низко: весьма часто выходя изъ крѣпостного состоянія, сельскіе священ-

ники находились въ этомъ тяжеломъ и унизительномъ состояніи и послѣ своего посвященія; экономическое положеніе ихъ было самое жалкое.

Въ церковной и культурной жизни — насколько вообще можно назвать такъ жалкіе обрывки книжности, проникавшіе сюда — Угорская Украина примикиала къ сосѣдней Галиції. Мѣстными центрами церковной жизни выступаютъ два монастыря: св. Николая въ Муникачѣ и св. Михаила въ Грушевѣ, въ Мараморошскомъ комитатѣ; игуменамъ послѣдняго принадлежало право наблюденія надъ православными приходами Марамороша и Угочи; западная часть Угорской Украины, вѣроятно, находилась подъ властью перемышльскихъ епископовъ. Мѣстная епархія (въ Мукачевѣ) сколько-нибудь прочно начинаетъ организоваться лишь со второй половины XVI в. Просвѣтительное украинское движение XVI в., повидимому, не захватило сколько нибудь замѣтнымъ образомъ Закарпатье; есть извѣстія о типографіи въ Грушевскомъ монастырѣ, но даже само существованіе ея остается не вполнѣ достовѣрнымъ. Зато униатскіе планы не замедлили переброситься изъ Галиціи въ Закарпатье; уже во второмъ десятилѣтіи XVII в. встрѣчаемъ съ попытками насильственного обращенія въ унію мѣстнаго духовенства и населенія, при участіі въ униатской іерархіи Галиції. Сопротивленіе населенія, однако, и тутъ заставило дѣятелей унії перейти къ пропагандѣ скрытой, направленной на духовенство, привлекаемое надеждами на улучшеніе материального и юридического положенія. Въ продолженіе 1630—1640 гг. сторонникамъ унії удалось привлечь на свою сто-

рону значительную часть духовенства Мункачской епархії, и на съездѣ въ Унгварѣ 1649 г. произошло формальное присоединение его къ католической церкви. Вопросъ этимъ, однако, отнюдь не былъ рѣшенъ; среди духовенства оставалось не мало сторонниковъ православія; съ другой стороны, уніи не благопріятствовали и виѣшнія условія, такъ какъ Украинское Закарпатье лежало въ сфере политическихъ смутъ, раздиравшихъ Венгрию въ XVII в., и сторонники независимости, придерживаясь протестантизма, препятствовали распространению уніи среди украинского населения. Во второй половинѣ XVII в. обыкновенно видимъ въ мункачской епархії одновременно двухъ владыкъ, одного уніата, другого православнаго, и только съ 1680 г., когда утверждается здѣсь австрійское вліяніе, унія прочно основывается въ западныхъ украинскихъ комитатахъ (много значило при этомъ и утвержденіе уніи въ сосѣдней Галиції). На востокѣ въ Мараморошѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ православной Молдавіи, православіе существовало дольше; до 1735 г. здѣсь еще держались православные владыки, и позже не было недостатка въ православныхъ священникахъ молдавскаго и сербскаго поставленія, а въ 1760 г. среди румынского и украинского населения прорвалось довольно энергическое движение, стремившееся къ возстановленію «старой вѣры». Оно охватило, главнымъ образомъ, восточную часть украинского разселенія, но находило отклики также и въ западной; среди православныхъ распространялись своеобразныя прокламаціи, распускались глухіе слухи о

покровительствѣ, которое оказываютъ православію «восточные государи», о специальныхъ льготахъ, ожидающихъ православныхъ. Австрійское правительство было очень встревожено всѣмъ этимъ и, пустивъ въ ходъ самыя «энергическія» мѣры къ подавленію этого движенія, одновременно старалось прослѣдить возможно глубже условія, вызвавшія и благопріятствовавшія ему. Эти разслѣданія дали чрезвычайно интересную картину стихійной привязанности населенія къ своей національной святынѣ, и той — кромѣнной темноты, въ которой жило это населеніе. По словамъ намѣстника мароморошскаго, имя уніи было населенію въ высокой степени ненавистно, и оно подозрѣвало въ ней всякие ужасы, хотя въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій, само того не подозрѣвая, принадлежало официально къ уніатскому исповѣданію. Общимъ выводомъ этихъ разслѣданій была необходимость подъема просвѣщенія, въ особенности среди духовенства, улучшенія его быта и вообще положенія уніатской церкви, такъ какъ надежды на улучшеніе положенія духовенства съ переходомъ въ унію совершенно не оправдались и въ довершеніе всего — уніатское духовенство попало еще въ стѣснительную зависимость отъ католической іерархіи.

Эти наблюденія и соображенія сыграли потомъ немаловажную роль въ заботахъ австрійскаго правительства о подъемѣ культурнаго и экономического уровня украинского духовенства Угорской Украины и Галиціи ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе: «Очеркъ», 3 изд., гл. XXVI; тамъ же указана литература.

Культура и национальная жизнь.

Утверждение унії въ Западной Украинѣ знаменовало полное банкротство национальной жизни — полное безсиліе украинскаго населенія отстоять то, что оно считало своей национальною святынею; торжество унії созидалось на отступничествѣ малодушныхъ, на разгромѣ стойкихъ, на насильственномъ подавлениі, путемъ всякихъ репрессій, народнаго самоопредѣленія. Это была побѣда не просто надъ исповѣданіемъ, но и надъ национальными традиціями, надъ всею самостоятельностью народа. Она завершаетъ собою процессъ увяданія культурной жизни, созданной движеніемъ конца XVI в. и медленно угасавшей въ продолженіе этого столѣтія, вслѣдствіе хронического ослабленія общественныхъ слоевъ, на которыхъ она опиралась, и отсутствія поддержки извнѣ, послѣ окончательного политическаго (и культурнаго) обособленія восточной Украины.

Надежда на полную денационализацию украинскаго поселенія при помощи унії, однако, не оправдалась. Не были исполнены обѣщанія о томъ, что переходъ въ унію избавитъ украинскую церковь отъ тѣхъ униженій, какія она испытывала въ Польшѣ и Венгрии, и не исполнились расчеты ожидавшихъ, что унія послужитъ мостомъ къ сближенію украинскаго населенія къ католической церкви и къ переходу въ нѣдра послѣдней. Вслѣдствіе того, что униатское духовенство и вообще униатская церковь не была сравнена съ католическою и осталась въ положеніи низшей, простонародной церкви, она не

замедлила вскорѣ превратиться въ такую же национальную церковь, какою раньше была православная. Благодаря сохраненію обряда, не произошло рѣзкаго разрыва въ традиціи, не почувствовалось въ полной силѣ и то разъединеніе, какое долженъ быть произвести этотъ религіозный расколъ съ православною Украиною. Обрядовая внѣшность все покрывала въ глазахъ низшихъ классовъ населенія: не только въ глухи какого-нибудь Марамарша, но и среди огромнаго большинства всего украинскаго населенія совершенно не сознавался разрывъ со «старой греческой» вѣрой и единство съ церковью латинской, и если для болѣе интеллигентныхъ элементовъ этотъ религіозный переломъ былъ источникомъ тяжелыхъ страданій, то для большинства — онъ прошелъ мало замѣтно.

Однако, и положительного не принесъ онъ ничего. Уровень культуры въ украинской жизни продолжаетъ понижаться. Книжность почти исключительно служитъ нуждамъ обряда, богослуженія, какъ и прежде; культурное содержаніе этой книжности было крайне невелико. Единственнымъ популярнымъ продуктомъ ея былъ сборникъ кантовъ религіознаго содержанія, разнаго времени и разныхъ авторовъ, изданный почаевскими монахами въ 1790 г., подъ названіемъ «Богогласника» и много разъ издававшійся впослѣдствіи; благодаря своей близости къ народному пѣснотворчеству, некоторые изъ этихъ кантовъ пріобрѣли неперехсдящую популяр-

ность. Вообще на линії соприкоснovenія книжности и устной литературы, главнымъ образомъ, и теплился огонекъ національной культурной традиціи, и въ непрерывной эволюціи народной словесности, пѣсенной и прозаической, поглощавшей и своеобразно перерабатывавшей наиболѣе близкіе ей продукты литературного творчества, находила свое выраженіе духовная жизнь народа, единству которой не могли поставить непреодолимыхъ преградъ ни политическія границы, ни разстоянія — какъ показываетъ распространеніе многихъ произведеній народной поэзіи отъ Закарпатья до Заднѣпровья. Но съ книжностью и книжнымъ просвѣщеніемъ дѣло обстояло изъ рукъ вонъ плохо. Книга становилась не только малосодержательною, но и мало доступною. Церковный славяно-русскій языкъ дѣлался все менѣе и менѣе понятнымъ, и уже въ первой четверти XVIII в. пришлось издать словарикъ славянскихъ словъ съ переводомъ на польскій языкъ, для нуждъ священниковъ, такъ какъ изъ послѣднихъ, по словамъ издателей, — едва сотый понималъ по славянски. Народный же языкъ такъ и не успѣлъ завоевать права гражданства ни въ книжности, ни въ школѣ. Школы уцѣлѣли, въ концѣ концовъ, только сельскія, гдѣ училъ дѣячекъ; нѣсколько лучшія — монастырскія (базиліанскія) школы были сильно ополячены, какъ и сами базиліане (уніатскіе монахи), какъ все, хотя сколько нибудь образованное среди украинского населенія; даже не разорвалъ еще со своею національностью, эти болѣе образованные элементы говорили и писали по польски. Это былъ теперь «культурный языкъ»

украинскаго населенія западной, польской Украины (какъ въ Закарпатьи — венгерскій а въ Заднѣпровье — великорусскій). По польски (или латыни) писали даже наиболѣе патріотически настроенные представители украинскаго общества второй половины XVIII и первой пол. XIX; на польскомъ языке обращались духовныя украинскія власти (уніатскія) къ подвластному духовенству; даже знаніе славянскаго алфавита не было удѣломъ всего духовенства.

Такъ печально было положеніе земель, не успѣвшихъ выбиться изъ тисковъ польскаго режима. Но въ концѣ концовъ, еще глубже и печальнѣе было паденіе національной жизни въ восточной Украинѣ, считавшей свою національную культуру спасеннюю съ освобожденіемъ отъ «ярма лядскаго». Избѣгнувъ ополяченія, она подвергается обрученію еще болѣе глубокому, проникающему въ такія глубины народной жизни, въ какія никогда не могло проникнуть вліяніе польское. То, что являлось святая святыхъ народной жизни въ борьбѣ съ польскимъ натискомъ — церковная и религіозная жизнь, здѣсь, въ силу своей общности съ религіозной жизнью великорусской, открыло пути великорусскимъ вліяніямъ въ глубину культурной жизни. Устраненіе единственной преграды — церковной автономіи Украины — въ сферѣ культурной жизни имѣло такое же значеніе, какъ разрушеніе украинской автономіи Петромъ I. Не довольствуясь добровольнымъ тяготѣніемъ украинскаго общества къ великорусской культурѣ, развивающимся съ конца XVII в., россійское правительство пускаетъ въ ходъ всѣ силы

своего государственного механизма для культурной нивелирации Украины. Разрушив ее политическую особность, оно стремится стереть особенности местной жизни и культуры, ее национальный обликъ, обезличить и слить съ великорусскою народностью. Въ этомъ направлении воздѣйствуетъ оно разными запретительными мѣрами, дѣйствительно отражающимися самымъ губительнымъ образомъ на местной жизни, не сформировавшейся и не отграничивающейся отъ культуры великорусской, связанной съ нею общими традициями Кіевской Руси, общностью религіи и церкви, игравшей такую доминирующую роль въ этой украинской культурѣ.

Центромъ украинской культуры остается, по прежнему, Кіевъ, послужившій во второй половинѣ XVII в. и началѣ XVIII также культурнымъ очагомъ и для Московского государства, несмотря на недружелюбное отношение московского духовенства къ кіевской культурѣ и ея произведениямъ, выражавшееся въ многочисленныхъ запрещеніяхъ кіевскихъ изданий. Главный очагъ кіевской культурной жизни—здѣшняя коллегія, пережила въ третьей четверти XVII в. периодъ сильного упадка, причиненного тогдашними смутами, и московскіе политики хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы вовсе закрыть ее и отдатьться разъ на всегда (1666). Только опасение всеобщаго неудовольствія, какое могло вызвать такое распоряженіе среди населенія Украины, въ концѣ концовъ удержало ихъ отъ этого намѣренія. Между тѣмъ въ 1670 гг. коллегія реорганизовалась, расширила свою программу, присоединивъ курсы философіи и богословія къ преподавав-

шимся ранѣе наукамъ и въ 1694 г. добились отъ московского правительства права на титулъ «академіи», котораго не могла получить при польскомъ режимѣ. Время Мазепы, усерднаго покровителя украинской культуры, какъ она понималась въ то время и въ его кругахъ, было эпохой процвѣтанія академіи, и затѣмъ почти до самой средины XVIII в. она служила разсадникомъ просвѣщенія для Украины, дя ея духовной и свѣтской интеллигенціи; число ея учениковъ было очень велико, въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVIII в. переходило за тысячу, и большинство ихъ было свѣтскаго званія. По образцу кіевской академіи организовались высшія школы въ земляхъ великорусскихъ и украинскихъ—колледжи и семинарии въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ, Бѣлградѣ, Харьковѣ и др.

Но при всемъ томъ и академія съ своими филиями, и ихъ ученость все болѣе отставали отъ запросовъ времени и потребностей жизни. Организованная по образцу католическихъ, главнымъ образомъ іезуитскихъ академій, кіевская академія сохранила въ своемъ преподаваніи преобладающей богословскій характеръ, и при томъ въ формахъ холастическихъ; ея ученость опиралась на средневѣковыхъ методахъ и свѣдѣніяхъ, совершенно устарѣвшихъ для XVII—XVIII вв. Новые теченія европеизированной мысли совершенно не захватывали ея; отжившая холастическія формы господствовали въ преподаваніи риторики и пітики—основныхъ образовательныхъ предметовъ, и вообще все образованіе, сообщаемое академіей (и организованными по ея образцу коллегіями), отличалось характеромъ формальнымъ

и чрезвычайною бѣдностью фактическаго, раеального содержанія.

Тоже было и съ украинскою книжностью XVII—XVIII вв. Мы встрѣчаемъ здѣсь выдающихся богослововъ, проповѣдниковъ, полемистовъ; но тѣ времена, когда религіозные и полемические вопросы царили надъ умами, прошли безвозвратно для мѣстнаго украинскаго общества, нисколько не угрожающаго въ области вѣры, а вѣрь религіозныхъ вопросовъ украинская книжность давала крайне мало. Напримѣръ, изъ сохранившагося рукописнаго матеріала убѣждаемся, что украинское общество живо интересовалось своей исторіей, усердно списывало старые исторические памятники, составляло историческія компиляціи, лѣтописи, записки и мемуары,— но всѣ эти произведенія, живѣе отражавшія біеніе пульса украинской жизни, не удостаивались вниманія книжниковъ, располагавшихъ издательскими средствами; единственная историческая книга, удостоившаяся изданія, Синопсисъ (1674), отличалась, какъ нарочно (и можетъ быть не случайно), особеною сухостью и безжизненностью. Безъ вниманія остался и превосходный историческій эпосъ, слагавшійся на протяженіи XVII в. подъ взаимодѣйствіемъ книжныхъ элементовъ и народнаго пѣснотворчества и выработавшій для себя новую и оригинальную форму, такъ наз. «думу». Въ устномъ обращеніи осталась вся превосходная украинская лирика. Немногое изъ поэтическихъ произведеній тогдашнихъ «литературныхъ» круговъ, удостоенное печати, наоборотъ отличается крайней безжизненностью—и безталантностью. И здѣсь, произведенія, болѣе близкія къ

жизни и ея интересамъ, большею частью не удостаивались печати; правда, эти болѣе жизненные произведения книжной сколастической литературы производятъ выгодное впечатлѣніе только по сравненію съ полною безжизненностью большинства разныхъ панегирическихъ произведеній, религіозныхъ и нравственныхъ виршъ и сколастическихъ школьніхъ драмъ. Въ этомъ сказывалась не только сколастическая отсталость школы, но и давленіе политического режима, неблагопріятное отношеніе правительства, очень сильно отражавшееся на литературѣ. Рѣдко касалась она темъ болѣе живыхъ, да и касаясь, обыкновенно старалась придерживаться беззобидныхъ общихъ фразъ, не грозившихъ конфликтомъ съ политическими и общественными тенденціями правящихъ сферъ, и обрабатывала свои темы съ тою же вялостью и риторичностью, характерными для сколастической манеры.

Такимъ образомъ, и въ книжной литературѣ, какъ то мы видѣли и въ области права—живая жизнь народа, могучія движенія и возмущенія ея прошли какъ-бы мимо, оставивъ ее при пережиткахъ старой эпохи. При такой отсталости и отрѣщенности отъ жизни—книжной литературѣ не легко было сохранить свою позицію среди нея, и когда обрушились на нее вдѣбавокъ еще и офиціальная, цензурная гоненія, это чрезвычайно губительно подѣйствовало на нее и привело къ полному захуданію.

Уже въ XVII в., какъ было упомянуто, въ Москвѣ на украинскую книгу смотрѣли недоброжелательно, подвергали всяческимъ стѣсненіямъ, и съ подчиненіемъ украинской церкви под-

вергли строгой цензурѣ украинскія изданія. Затѣмъ, въ XVIII в. пошли еще дальше въ этомъ направленіи, осудивъ на смерть украинское слово. Въ 1720 г. было издано распоряженіе, запрещавшее печатать на Украинѣ какія бы то ни было книги, за исключениемъ церковныхъ, и то съ прежнихъ изданій, «а и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами спрѣливать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатями, дабы никакой розни и особыго нарѣчія не было». Этого распоряженія правительство затѣмъ придерживалось строго; особый цензоръ занимался исправленіемъ украинскихъ текстовъ и только послѣ такой цензуры книги разрѣшались къ печати. Когда въ 1726 г. одинъ изъ кievскихъ игуменовъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи напечатать акаѳистъ св. Варварѣ, написанный кievскимъ митрополитомъ, на это дано было разрѣшеніе только подъ условіемъ перевода «на великороссійское нарѣчіе». Тоже повторялось и позже; такъ напр., въ 1769 г. кievская лавра ходатайствовала предъ синодомъ о разрѣшеніи напечатать букварь украинскій, въ виду того, что московскіе буквари на Украинѣ не идутъ; но синодъ въ разрѣшеніи отказалъ. Даже старыя книги украинской печати епархіальному начальству приказано было отбирать и замѣнять книгами московской печати.

Одновременно украинская книжность и украинскій языкъ вытѣснялись и изъ школьнаго обихода. Въ послѣдней четверти XVIII в. кievскіе митрополиты, слѣдя желаніямъ россійскаго правительства, окончательно вводятъ преподаваніе на великорусскомъ языку въ кievской академіи и

она служитъ затѣмъ образцомъ для другихъ духовныхъ школъ. Украинское произношеніе подвергается гонению; издаются специальная руководства, преподавателямъ даются инструкціи относительно правильнаго произношенія. Епархіальное начальство слѣдитъ, чтобы священники и дьячки читали церковные тексты, съ соблюденіемъ великорусскаго произношенія, и по присоединеніи Правобережной Украины къ Россїи, съ 1790-хъ гг., особое вниманіе обращается на то, чтобы богослуженіе производилось «голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію».

Старая школа, старая литература вымирали, окруженнія стѣсненіями и запрещеніями и не имѣя почвы въ самомъ обществѣ, котораго не могли болѣе удовлетворять. Начиная уже со второй четверти XVIII ст. и особенно во второй половинѣ его — молодые люди, не только аристократическихъ, но и просто зажиточныхъ фамилій нерѣдко отправляются въ заграничныя школы и университеты, а когда во второй пол. XVIII в. организуются порядочныя учебныя заведенія въ Петербургѣ, туда въ большемъ числѣ направляется и украинская молодежь. Желали основанія такихъ же школъ и на Украинѣ; до насъ сохранился интересный проектъ университета въ Батуринѣ (тогдашней столицѣ Гетманщины) составленный въ 1760 г. для представлениія императрицѣ: совершенно свѣтскаго университета, съ каѳедрами историко-филологическими, юридическими, математическими, естественно-историческими и медицинскими. Въ петиціи, нѣсколько, позже поданной императрицѣ, заключалось, между прочимъ, ходатайство о преобразова-

нії кіевської академії въ университѣтъ съ богословскимъ факультетомъ и учреждениі въ Батуринаѣ университета безъ богословскаго факультета, а также свѣтскихъ гимназій—однимъ словомъ, полной секуляризациі образованія, но эти ходатайства не были исполнены, и украинская молодежь принуждена была отправляться или заграницу, или въ Петербургъ.

Украинские высшіе классы очень цѣнили образованіе; людей съ европейскимъ образованіемъ среди нихъ было немало уже въ половинѣ XVIII в. Но здѣсь дѣйствовали не только чисто культурные запросы, а и также желаніе новаго «шляхетства» придать себѣ «благородный» лоскъ и подчеркнуть свое отличие отъ сѣрой козацкой массы, изъ которой оно такъ недавно выдѣлилось; поэтому въ культурности не цѣнились національные элементы, которые могли бы тѣснѣе привязать къ родной почвѣ, къ народу—наоборотъ, образованіе цѣнилось тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше отдало отъ народа, и культурные интересы только довершали рознь украинской интеллигенціи съ народомъ, начавшуюся на почвѣ соціально-экономической. Такъ какъ изъ всѣхъ чужихъ культуръ въ данныхъ условіяхъ болѣе всего реальныхъ связей сказывалось съ культурой великорусской, то въ концѣ концовъ въ своемъ отчужденіи отъ національной почвы украинская интеллигенція подпадаетъ весьма сильному обрученію. Стремясь добиться уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, гоняясь за карьерой въ имперскихъ правящихъ кругахъ и учрежденіяхъ, послѣ отмѣны украинской автономіи, она все болѣе втягивалась въ фарватеръ великорусской культурной

жизни, тѣмъ болѣе, что и само правительство всячески содѣйствовало этому соблазнами «чиновъ и жалованья», стремясь преодолѣть «умона-чертаніе прежнихъ временъ», какъ выражалась императрица Екатерина.

Тоже было и съ духовенствомъ послѣ его непосредственнаго подчиненія великорусскимъ церковнымъ властямъ. Съ началомъ XVIII в. множество украинскихъ духовныхъ разошлось по всей Россіи по всякимъ должностямъ, включая и самая высшая и влиятельная іерархическая позиціи: правительство Петра и его преемниковъ консервативнымъ представителямъ великорусского духовенства предпочитало болѣе покладистыхъ Украинцевъ, не связанныхъ традиціями мѣстной церковной жизни и въ большинствѣ не озабоченныхъ ничѣмъ, кроме духовной карьеры. Благодаря этому украинские духовные почувствовали себя хозяевами въ церковномъ управлении имперіи—но въ концѣ концовъ, приоровляясь къ условіямъ этой новой среды—они прежде всего теряли сами свой національный обликъ, и это сближеніе украинской іерархіи съ великорусской жизнью повліяло очень сильно на обрученіе украинской церкви и школы.

Съ половины XVIII в. великорусская канцелярская рѣчь уже господствуетъ въ дѣлопроизводствѣ украинскихъ учрежденій. Книжная рѣчь решительно сближается съ великорусской. Старая книжная, украинско-славяно-польская рѣчь держится нѣкоторое время въ домашней перепискѣ, въ средѣ людей, вышедшихъ изъ старой школы. Пишутъ народнымъ языккомъ, но больше въ шутку: веселые интермедіи, непритязательная пародія,

шуточная и сатирическая стихотворение; народный языкъ «просвѣщеннымъ» Украинцамъ конца XVIII в. представлялся провинциализмомъ, не имѣю-щимъ никакой будущности, и предметомъ серьезной культуры являлся языкъ великорусскій—какъ въ запад-ной Українѣ — польскій; это былъ

симптомъ глубочайшаго паденія укра-инской жизни, наканунѣ ея возро-жденія¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе—«Очеркъ», 3 изд., гл. XXVI; тамъ же указана литература; о литературѣ XVIII в. см. въ соотвѣтствующей части этого изданія.

V. Возрождение.

Переходъ западныхъ украинскихъ земель подъ власть Австріи и первые признаки подъема украинской жизни.

Въ разгаръ успѣховъ, которые дѣлали полонизація, проникая въ глубину украинской жизни западныхъ земель, входившихъ въ составъ польской Рѣчи Посполитой, неожиданно пала послѣдня. Состоявшимъ въ августѣ 1772 г. соглашеніемъ рѣшенья былъ такъ называемый первый раздѣлъ Польши, по которому Австрія получала западную Украину—воеводства Русское и Белзское, со смежными частями Подоліи и Волыни и часть Малой Польши, а Россія—восточную Бѣлоруссію. Двадцать лѣтъ спустя, при второмъ раздѣлѣ (1793 г.), Россія заняла воеводства Кіевскіе, Подольскіе, значительную часть Волыни и бѣлоруссій земли, по линіи, проведенной отъ границъ Австріи на границу Курляндіи. Затѣмъ въ 1795 г., при третьемъ раздѣлѣ Польши, пріобрѣтенія Австріи и Россіи были еще увеличены, и окончательно затѣмъ регулированы постановленіями Вѣнскаго конгресса 1815 г. Старыя воеводства Русское и Белзское съ небольшими частями Подольскаго и Волынскаго остались во владѣніи Австріи; воеводства Кіевскіе, Волынскіе, Браславскіе, Подольскіе, Берестейскіе Побужье и Подляшье—

вошли въ составъ Россіи. Кроме того, Австрія округлила свои пріобрѣтенія въ украинскихъ земляхъ присоединеніемъ сѣверной Молдавіи: это было признано необходимымъ въ цѣляхъ стратегическихъ, чтобы обеспечить сообщенію Галиціи съ Трансильваніей, и вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Галиціи австрійскія войска заняли пограничные города Молдавіи—то, что позже составило особую австрійскую провинцію Буковину. «Исторически» это присоединеніе оправдывалось австрійскимъ правительствомъ тѣмъ, что область верхняго Прута принадлежала къ Галицкому княжеству; Галиція же съ сѣдними украинскими и польскими землями была присоединена къ Австріи на основаніи «историческихъ правъ» венгерскихъ королей, опирающихся на нѣсколькихъ, достаточно эфемерныхъ фактахъ венгерской оккупации Галиціи въ XII—XIII вв.; Австрія дополняла, такимъ образомъ, эти галицкія владѣнія Венгрии сѣверною Молдавіею. Дѣйствительно, въ XII—XIII вв. города средняго Прута стояли въ зависимости отъ галицкихъ князей, затѣмъ въ половинѣ XIII в. вмѣстѣ съ Поднѣстровьемъ перешли подъ непо-

средственную власть Татаръ, а съ образованіемъ Молдавскаго воеводства вошли въ составъ послѣдняго; сферы владѣнія Польши и Молдавіи довольно долго колебались здѣсь, пока наконецъ установились окончательно въ XVI в., раздѣливъ украинскую область Прута между соперничавшими государствами. Австрійская оккупациѣ однако не ограничилась украинской территоріей, но захватила и часть румынской. Протесты молдавскаго господаря не были поддержаны турецкимъ правительствомъ, и въ 1775 г. послѣднее формально уступило Австріи оккупированную область, получившую название Буковины. (Первоначально она находилась въ военномъ управлениі, въ 1787 г. была присоединена къ Галиціи, составивъ отдельный округъ: въ 1849 г. (фактически въ 1854 г.) снова выдѣлена была въ отдельную самостоятельную провинцію и, послѣ кратковременного присоединенія къ Галиціи въ 1860 г., окончательно отдельна была тогда же).

Паденіе польской государственной власти не проявилось рѣзкимъ поворотомъ въ жизни ея бывшихъ провинцій. Сословные отношенія, помѣщичій режимъ, господство шляхты и польской культуры не были имъ затронуты никакъ. Шляхетскій режимъ даже выигралъ отъ перехода украинскихъ провинцій изъ состава Польши, съ ея слабой государственной структурой, въ составъ государства съ сильною властью, развитою бюрократическою и полицейскою организаціею. Бюрократическая машина и военная сила стали теперь за спину помѣщичьяго хозяйства, готовыя преступить всякое проявленіе народной оппозиціи, и помѣщичье «хозяйство» поль-

ской шляхты подъ властью Австріи и еще болѣе Россіи могло сдѣлать значительные успѣхи сравнительно съ эпохой польской государственности.

Австрійское правительство, особенно во время недолгаго правленія имп. Іосифа II (1780—90), все-таки предприняло нѣсколько цѣнныхъ попытокъ къ ограниченію помѣщичьей власти надъ крестьяниномъ, къ эмансипаціи его личности и ослабленію экономической зависимости. Правда, эти реформы были сильно урѣзаны при осуществленіи на практикѣ и заглохли при послѣдующемъ реакціонномъ правительстве; но все же отрицательное отношеніе правительства и администраціи къ шляхетскому самовластію чувствовалось и позже. Нѣмецкая бюрократія, правившая Галиціей до 1850-хъ гг., давала известную сдержку шляхетскому режиму; крестьянское землевладѣніе и повинности находились подъ контролемъ государственной власти и до нѣкоторой степени гарантировались отъ правонарушений со стороны помѣщика.

Въ сферѣ культурной жизни имѣли не малое значеніе мѣры австрійского правительства для подъема украинской народности, а въ частности ея духовенства. Австрійское правительство было до нѣкоторой степени приготовлено къ этому еще предъ присоединеніемъ Галиціи церковными отношениями Угорской Украины: движение 1760 г., заставившее его серьезно задуматься надъ положеніемъ здѣшней украинской церкви, вызвало рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія и культурному подъему мѣстнаго духовенства. Мункачская епархія была изъята изъ власти римско-католической іерархіи; для при-

готовленія священниковъ былъ учрежденъ въ Мункачѣ лицей; приняты были мѣры къ улучшенію материальнаго положенія духовенства. Результаты не заставили себя ждать: начинается несомнѣнныи культурный подъемъ мѣстной украинской жизни. Вокругъ тогдашняго мункачскаго епископа Андрея Бачинскаго (1772—1809), организатора мункачскаго лицея и основателя значительной библіотеки, группируется кружокъ любителей, заинтересованныхъ народнымъ просвѣщеніемъ и литературной дѣятельностью. Угорская Украина даетъ первыхъ профессоровъ — Русинъ новооснованному львовскому университету и рядъ замѣчательныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ — больше, впрочемъ, въ разныхъ чужихъ областяхъ, куда эмигрировали эти интеллигентныи силы, чѣмъ у себя дома, и эта усердная эмиграція даетъ понять, насколько мало еще находила у себя приложенія эта новая интеллигенція¹⁾.

Съ присоединеніемъ Галиціи культурныи мѣропріятія австрійскаго правительства распространились и на нее. Въ 1774 г. имп. Марія Терезія учреждаетъ въ Вѣнѣ при церкви св. Варвары духовную семинарію для уніатовъ Австріи, сыгравшую немаловажную роль въ культурной жизни Галиціи: это было окно въ Европу для ея

1) Много угорскихъ Украинцевъ ушло въ Россію, гдѣ подвизалось на разныхъ ученыхъ и учебныхъ поприщахъ — Балудянскій, Орлай, Лодій, Кукольникъ и пр., и въ томъ числѣ наиболѣе значительная культурная сила, какую дала Угорская Украина — Юрій Гуда-Венелинъ, почитаемый Болгарами, какъ провозвѣстникъ ихъ національнаго возрожденія, но совершенно потерянный для своей родины и вообще для украинской жизни.

тогдашней интелигенціи — почти цѣлое столѣтіе по присоединеніи представленной, главнымъ образомъ, духовенствомъ. Десять лѣтъ спустя была учреждена духовная семинарія во Львовѣ. Религіозный фондъ, составленный изъ имуществъ упраздненныхъ монастырей, долженъ былъ послужить улучшенію и подъему сельскаго духовенства. Наряду съ этимъ принимались мѣры къ подъему украинской народности; организовались народныи школы низшаго и высшаго типа, причемъ преподаваніе должно было вестись на «мѣстномъ» языке (Landes Volks und Nationalsprache), т. е. украинскомъ. Въ новооснованномъ львовскомъ университѣтѣ (1784) было учреждено нѣсколько русинскихъ каѳедръ и специальный лицей для приготовленія къ университетскимъ курсамъ украинской молодежи.

Въ Буковинѣ за недолгое военное управлениѣ этой провинціей также были положены серьезные начатки новой свѣтской школы, а огромный религіозный фондъ, образовавшійся изъ епархиальныхъ и монастырскихъ имѣній (его имѣнія составляли болѣе пятой части всей территории Буковины), заключалъ въ себѣ неисчерпаемые ресурсы для всякаго рода культурныхъ начинаній, для которыхъ онъ предназначался (zum wahren Besten des Clerus, der Religion und der Menschheit). Но въ запутанныхъ соціальныхъ и національныхъ отношеніяхъ этой маленькой, далекой и некультурной провинціи австрійское правительство ориентировалось очень слабо, и какъ не умѣло найти настоящей точки зрењія въ вопросѣ о положеніи мѣстныхъ владѣльческихъ крестьянъ, давая со-

вершенно противорѣчивыя рѣшенія, такъ и въ вопросахъ культурныхъ зачастую просматривало существованіе украинскаго населенія и считая румынскій языкъ «мѣстнымъ языкомъ» всей Буковины, прилагало руку къ румынизациіи украинскаго населенія.

Если культурныя начинанія, какъ и соціальныя реформы правительства осуществлялись не всегда удачно, то еще хуже было то, что эта реформаціонная дѣятельность вообще скоро заглохла среди общей реакціи, начавшейся со смертью имп. Іосифа (1790). Польская шляхта успѣла подчинить галицкую администрацію своимъ вліяніямъ, и уже съ 1790 г., парализуя правительственные планы возрожденія украинской народности, она начинаетъ запугивать правительство, призракомъ россійской ирреденты: тяготѣніемъ Українцевъ къ Россіи, къ православію и т. п. Национальный гнетъ присоединяется къ печальнымъ условіямъ общей реакціи. Народныя школы были отданы въ завѣдываніе духовныхъ консисторій; народныя школы Буковины подпали подъ власть польскихъ католическихъ консисторій и терпѣли вдвойнѣ — отъ клерикального обскрурантизма и принудительного ополяченія. Подъ вліяніемъ шляхты вмѣсто украинскаго языка въ народныхъ школахъ Галиції вводится польскій — сначала въ школахъ высшихъ типовъ, а затѣмъ и въ сельскихъ начальныхъ училищахъ; въ виду ходатайства униатскаго митрополита сельскимъ обществамъ было разрѣшено устраивать параллельныя школы съ украинскимъ преподаваніемъ, но духовенству рекомендовалось не вліять на населеніе въ этомъ смыслѣ, чтобы не вводить его въ излишняя траты и т. п. Народныя

школы православной Буковины получили конфесіонный католический характеръ и это, въ связи съ совершенно антинациональнымъ нѣмецко-румынско-польскимъ характеромъ, дѣлало ихъ во все безполезными для мѣстныхъ православныхъ украинскихъ народныхъ массъ.

Была, впрочемъ, доля вины и самой украинской интеллигенціи въ этой реакціи: она не всегда умѣла воспользоваться тѣмъ немногимъ, что дѣлало или готово было дѣлать для нея правительство. Не говоря о совершенно темной и лишенной всякой украинской интеллигенціи Буковинѣ, и въ Галиціі народный языкъ, «простый и посполитый», казался высшимъ слоямъ украинскаго населенія слишкомъ низкимъ для культурнаго употребленія, и она не воспользовалась возможностями, открывавшимися для него, а держалась старого, «макаронического» языка, изуродованного польскими и церковно-славянскими вліяніями, не имѣвшаго никакихъ задатковъ развитія. И когда прекратили свое существованіе русинскія каѳедры львовскаго университета и его лицей (1804—8), какъ учрежденія временные, вызванныя недостаткомъ украинскихъ студентовъ, подготовленныхъ къ слушанію латинскихъ лекцій, — эта духовная интеллигенція, довольная уравненiemъ въ цензѣ съ римско-католической, не предприняла никакихъ стараній къ дальнѣйшему существованію русинскаго преподаванія. Культурный ростъ ея былъ очень относительный и, выигрывая въ своемъ культурномъ цензѣ, она теряла живую связь съ народнымъ элементомъ и, не умѣя культивировать свою народность, шла за польскою народностью,

какъ элементомъ болѣе культурнымъ. Польскій языкъ долго господствовалъ по-прежнему и среди этой новой «интеллигенціи» встрѣчались священники, вовсе не умѣвшіе даже читать славянскаго письма.

Но все таки извѣстный культурный ростъ былъ на лицо и приготовлялъ почву для новыхъ національныхъ вѣяній — особенно въ Галиціи. Важна была перемѣна самочувствія украинскаго общества, вырвавшагося изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ оно чувствовало себя обреченнымъ на умирание въ тискахъ польскаго режима. Начинанія австрійскаго правительства, при всей скромности своей, разбудили надежды, окрылили сознаніемъ возможности движенія, развитія, пріобщенія къ культурному росту другихъ народовъ.

Въ украинскихъ провинціяхъ, отошедшихъ отъ Польши къ Россіи, не было и такого скромнаго улучшенія. Въ общественныхъ отношеніяхъ польская шляхта властвовала безграницо и безконтрольно. При малѣйшемъ проявленіи какой либо оппозиціи среди крестьянъ, даже вполнѣ законнаго ихъ протesta противъ злоупотребленій помѣщичьею властью, полиція и воинскія команды были къ услугамъ помѣщика и, благодаря продажности и произволу администраціи и общей крѣпостнической атмосферѣ имперіи, крѣпостное право въ правобережной Українѣ подъ владычествомъ Россіи окрѣпло и усилилось и достигло такого напряженія и развитія, какого никогда не могло достигнуть раньше. Въ сферѣ культурной правительство прежде всего озабочилось уничтоженіемъ уніи, но на мѣстѣ ея не восстановлялись старыя традиціи украин-

ской національной церкви, а вводились новыя, совершенно чуждые обрушительныя формы, и возстановленная православная церковь дѣлалась сознательнымъ орудіемъ обрушенія, наводнялась умышленно пришлыми великороссами и пр.; съ другой стороны, остатки уніатской церкви, не присоединенные къ православію, были отданы подъ начальство католической іерархіи и подверглись сильнѣйшему давленію полонизаторскихъ тенденцій послѣдней. Такимъ образомъ, мѣстный украинскій элементъ, и безъ того ослабленный вѣковымъ гнетомъ, подвергся одновременному натиску съ двухъ сторонъ: съ польской стороны, представленной могущественнымъ помѣщичьимъ классомъ, и со стороны официальной—великорусской культуры. Вплоть до 1830-хъ гг. свѣтское воспитаніе и образованіе было почти исключительно въ рукахъ Поляковъ, съ особенной энергией занявшихся здѣсь организацией учебно-воспитательного дѣла въ національномъ польскомъ духѣ и достигшихъ, дѣйствительно, такихъ успѣховъ, какими не могли похвалиться во времена польской Рѣчи Посполитой. Съ другой стороны казенная великорусская школа, церковь и государственность тѣснили всякое проявленіе украинской жизни еще болѣе безжалостно, чѣмъ культура польская. И въ результатѣ украинская жизнь въ правобережныхъ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи, оказалась наиболѣе забитаю и косною, болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ украинскихъ областяхъ¹⁾.

1) Литература: «Матеріали до культурної історії Гал. Руси въ XVIII і XIX в.» (Збір. іст.-філ. сѣкції V). Смаль-Стоцкій, «Буковинська Русь», 1897. В. Лукичъ, «Угорська Русь», 1887.

Національныя традиціи и проблески возрожденія въ лѣвобережной Українѣ.
Народный языкъ.

Сравнительно съ глубокимъ паденiemъ украинской жизни въ правобережной Українѣ, лѣвобережная земли находились въ лучшихъ условіяхъ. Традиціи недавней гетманщины, украинской автономіи поддерживали извѣстный политический ферментъ. Несмотря на классовыя и экономическая выгода, которая должна была пожать украинская интеллигенція съ введеніемъ въ Українѣ общеимперскихъ порядковъ, ликвидацией старого строя вызывала романтическія сожалѣнія въ однихъ, рѣзкое недовольство въ другихъ. Въ болѣе смѣыхъ головахъ бродили мысли о борьбѣ съ правительствомъ, поднимались планы обращенія къ иностраннымъ вмѣшательствамъ противъ централистической политики Россіи. Извѣстно, напр., что въ 1791 г. одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи Капнистъ обращался съ такими предложеніями къ прусскому правительству, стоявшему въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи: испросивъ аудіенцію у министра Герцберга, онъ объяснилъ ему, что является въ качествѣ уполномоченного своихъ земляковъ, доведенныхыхъ до отчаянія «тиранніей русского правительства и кн. Потемкина»; по его словамъ, козацкое войско, лишенное своихъ старыхъ вольностей и преобразованное въ регулярные полки, очень недовольно настоящимъ положеніемъ и страстно жаждетъ возстановленія старого козацкаго устройства,ancielle constitution des Cosaques; отъ имени

земляковъ Капнистъ спрашивалъ, могутъ ли они разсчитывать на помощь и покровительство Пруссіи на случай восстанія противъ «руссаго ига». Попсольство это не имѣло успѣха: Герцбергъ далъ уклончивый отвѣтъ; но эпизодъ остается очень интереснымъ показателемъ настроеній украинскаго общества. Мечты и сожалѣнія объ утраченной автономіи не угасали, и ихъ поддерживали отъ времени до времени разныя обстоятельства, въ родѣ возстановленія Запорожскаго войска, или частичнаго возстановленія старого строя Гетманщины при имп. Павлѣ (объясняли это вліяніями его любимца Безбородъка). Позднѣйшиe наборы козацкихъ полковъ въ трудные моменты — въ 1812 г. и по томъ снова въ 1831, тоже подавали надежды на возстановленіе козацкаго устройства, возобновленіе гетманства и т. д. Легкость, съ которой представители украинской интеллигенціи теряли свой національный обликъ, не исключала извѣстнаго національнаго патріотизма, а отчужденіе отъ народа не препятствовало имъ съ симпатіей и пietismомъ относиться къ особенностямъ украинскаго быта, къ украинской народной словесности, къ историческимъ традиціямъ. Мы видѣли выше (въ обзорѣ укр. изученій), что именно въ это время, въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. развивается довольно значительная литература, посвященная изученію прошлаго и настоящаго «Малороссіи», т. е. восточной Україны, не смотря на свою великокурс-

скую оболочку, проникнутая довольно сильнымъ и сознательнымъ, хотя и своеобразнымъ патріотизмомъ. Однако, эти мѣстныя симпатіи и «малороссійскій» патріотизмъ сами по себѣ еще не имѣли особаго значенія: они значили немногимъ болѣе, чѣмъ подобныя же мѣстныя симпатіи и интересы польской и ополяченной интеллигентіи западныхъ украинскихъ земель, тоже выражавшіеся въ этнографическихъ и антикварныхъ работахъ въ области украиновѣдѣнія и въ опытахъ поэтической обработки украинскихъ мотивовъ и темъ. Свое настоящее значеніе эти украинскія симпатіи получаютъ только съ обращеніемъ подобныхъ «малороссійскихъ» патріотовъ къ народному языку.

Употребленіе народнаго языка, какъ было уже отмѣчено, не прекращалось совершенно на протяженіи всего XVII в. Къ нему продолжали обращаться изъ практическихъ соображеній, въ интересахъ удобопонятности для народа религіозныхъ поученій; съ другой стороны, руководства поэтики предписывали обращаться къ простонароднымъ фігурамъ и простонародной рѣчи въ извѣстныхъ родахъ творчества, напр., для комического эффекта. Уже начиная съ первой половины XVII в. намъ извѣстны комическія сцены изъ украинскаго простонароднаго быта, вводившіяся въ школьнія представленія; изъ первой половины XVIII в. мы имѣемъ уже цѣлый рядъ народныхъ интермедій въ пьесахъ Митроф. Довгалевскаго и Г. Конисскаго, интересныхъ не только языкомъ, но и комическими типами и положеніями; онѣ являются прототипомъ позднѣйшихъ украинскихъ опереттъ и комедій XIX в. и находили

своихъ восторженныхъ цѣнителей, приравнивавшихъ ихъ къ комедіямъ Плавта и Мольера (отзывъ Лобысевича, см. ниже). На болѣе или менѣе чистомъ и иногда — дѣйствительно на чистомъ народномъ языкѣ слагались стихотворенія различнаго содержанія, обращавшіяся къ народному языку, то какъ къ комическому средству, то какъ къ болѣе близкому и въ своей безыскусственности и непосредственности болѣе искреннему и сильному орудію для выраженія чувства. Множество этихъ произведеній перешло въ устную традицію народа, смѣшившись съ его поэтическимъ репертуаромъ. Очень рѣдко извѣстны ихъ авторы; немногія сохранившіяся имена, въ родѣ Некрашевича, священника изъ окрестностей Киева, или Николая Мазалевскаго, сельского дьячка изъ Черниговщины, вводягъ нась въ ту среду, въ которой развивалось это творчество на народномъ языкѣ: опять таки та же линія соприкосновенія книжности и народности, которая дала намъ популярные канты Богогласлика — представители низшаго духовенства, «дьяки-бакалавры» (баккалавры), учителя сельскихъ школъ и болѣе зажиточные и ученые представители козачьяго и мѣщанскаго сословія. Во второй половинѣ, съ паденіемъ старого книжнаго языка, употребленіе чистой народной рѣчи даже усиливается. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить восточную Украину съ западной, гдѣ книжный языкъ, не подвергаясь специальнымъ гоненіямъ, сохранился въ употребленіи и задерживалъ развитіе народной рѣчи; въ восточной Украинѣ книжный языкъ подвергался гоненіямъ наравнѣ съ народнымъ, и результатомъ было развитіе народной

рѣчи, болѣе жизненной, за счетъ книжной. Съ паденiemъ послѣдней авторъ, желавшій придать своему произведенію мѣстный, украинскій колоритъ, долженъ былъ обращаться къ народному языку. Затѣмъ послѣдний находить себѣ извѣстную поддержку и въ господствующей литературной модѣ—въ псевдоклассическихъ теченіяхъ, господствующихъ въ великорусскомъ и украинскомъ обществѣ во второй половинѣ XVIII в. Самъ по себѣ враждебный народности, ложно-классицизмъ, однако, признавалъ простонародный элементъ въ комическомъ и идиллическомъ родѣ, а его неизбѣжными спутниками являлись пародіи и передѣлки псевдоклассическихъ сюжетовъ на простонародный ладъ. Знаменитая пародія Котляревскаго не была ни единственнымъ, ни даже самымъ раннимъ украинскимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ. Такъ, упомянутый уже Аѳ. Лобысевичъ, прося у Григ. Конисскаго копій академическихъ интермедій 1740-хъ гг. для изданія, посылаетъ взамѣнъ свои передѣлки Виргиліевыхъ эклогъ за украинскій ладъ (1794). Высокая оцѣнка, какую онъ даетъ при этомъ украинскимъ интермедіямъ, является интереснымъ показателемъ вкусовъ и интересовъ современной украинской интеллигенціи, къ высшимъ слоямъ которой, по образованію и общественному положенію, принадлежалъ Лобысевичъ. Очевидно, наряду съ большинствомъ, склоннымъ смотрѣть на народныя произведенія, какъ на вещи просто забавныя, а не настоящую литературу, существовали люди, смотрѣвшіе на эти произведенія серьезнѣе и глубже и придававши имъ весьма высокое (даже преувеличенное) значеніе,

какъ грядущей славѣ «своего отечества»—«чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей». Первое талантливое произведеніе, изданное и доступное широкому обращенію, должно было поддержать эту увѣренность и научить широкую публику относиться къ народному творчеству съ извѣстнымъ уваженіемъ. Примѣръ того же Лобысевича, съ такимъ трудомъ старавшагося достать копію такого громкаго произведенія, какъ академическая пьеса Конисскаго, показываетъ ясно, какимъ страшнымъ тормозомъ въ развитіи украинскаго творчества было отсутствіе печатныхъ изданій украинскихъ произведеній, созданное цензурными запрещеніями. Рядъ талантливыхъ произведеній на народномъ языкѣ, появляющихся въ печати въ послѣднихъ годахъ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в., съ знаменитою «Энеидою» Котляревскаго во главѣ, случайно отпечатанной украинскимъ меценатомъ (1798), поэтому должно было составить эпоху въ украинской жизни—и действительно составило ее. Къ народному языку обращаются все болѣе и болѣе серьезно, какъ къ наиболѣе сильному выраженію украинофильскихъ настроеній, какъ къ наилучшему средству общенія со своимъ народомъ, своими земляками, какъ къ своему національному знамени, наконецъ.

Этотъ поворотъ имѣлъ чрезвычайно важное значение. Народный языкъ, утраченный уже интеллигенціей и сохраненный только народомъ, былъ моментомъ, обратившимъ сознательную украинскую интеллигенцію къ народу, какъ носителю національного элемента, послѣ вѣкового отчужденія

отъ него. Научивъ ее цѣнить и уважать не только самыи языки, но и его обладателя, онъ послужилъ могущественнымъ толчкомъ къ взаимному сближенію, къ разрушенію рокового средостѣнія, созданного своими грѣхами и чужими вліяніями. Языкъ рѣшилъ судьбу украинскаго возрожденія, установивъ разорванную связь интеллигентіи съ народомъ, откравъ дорогу къ народной душѣ, къ сближенію съ ней: языку была обязана Украина тѣмъ, что ея украино-

фильство не ограничилось собираниемъ произведеній народной словесности, составленіемъ грамматикъ и словарей, а перешло въ настоящее національное возрожденіе.

Съ этой точки зрења первыи литературныи произведенія, вызвавшія серьезное вниманіе къ народному языку и послужившія началомъ серьезной литературной обработки его, независимо отъ чисто своихъ литературныхъ достоинствъ, составили эпоху въ исторіи украинскаго народа¹⁾.

Культъ народности и козацкій романтизмъ. Начатки народности.

Отмѣченное обращеніе къ народному языку, въ значительной степени стихійное, мало сознательное, находить свое истолкованіе и санкцію въ идеяхъ народности и романтическомъ увлечениіи послѣднею, распространявшихся со второй четверти XIX в. въ обществѣ украинскомъ, равнокакъ въ польскомъ и великорусскомъ, и въ совпадающихъ съ ними отзывахъ славянскаго возрожденія, въ значительной степени поддержанного этимъ романтическимъ культомъ народности. Начавшееся въ Англіи, еще въ первой половинѣ XVIII в., это обращеніе къ народности начинаетъ воздѣйствовать на славянскія земли съ концомъ XVIII в., главнымъ образомъ, черезъ литературу нѣмецкую, въ которой идеи народности начинаютъ культивироваться и пропагандироваться преимущественно съ послѣдней четверти XVIII вѣка. Переходя въ славянскую среду, онъ встрѣтились здѣсь съ подобными же полустихійными національными теченіями, какія мы видимъ въ украинскомъ обществѣ конца

XVIII в., и поддерживаютъ ихъ, сообщая извѣстную моральную санкцію; въ этомъ же направленіи воздѣйствуютъ національные движения наполеоновской эпохи, а затѣмъ начинаются взаимодѣйствія національного пробужденія у разныхъ славянскихъ народностей. Выше, говоря о воздѣйствіи этихъ идей въ сферѣ украинскихъ изученій, я отмѣтилъ особенный ростъ интересовъ къ народной словесности, къ историческимъ традиціямъ, къ народному быту. «Народность» становится боевымъ кличемъ, предметомъ восторженного культа; въ ея идеяхъ находитъ себѣ, такъ сказать, теоретическое истолкованіе обращеніе къ народной стихіи, развивающееся среди украинскаго общества. Примѣры другихъ славянскихъ народностей помогаютъ ему ориентироваться въ задачахъ и потребностяхъ національного возрожденія, переводя интересы къ народной жизни изъ области чисто

1) Подробиѣ см. ниже въ обзорѣ украинской литературы первой пол. XIX в.

литературной и научной въ сферу общественныхъ и политическихъ вопросовъ.

Само обращеніе къ народной словесности, къ изученію народной жизни создавало чрезвычайно важныя послѣдствія для украинскаго возрожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Украинскій народъ склонялся обладателемъ несравненныхъ сокровищъ поэзіи, творцемъ произведеній, которая по силѣ и красотѣ можно было не только смѣло поставить на ряду съ наилучшими образцами народной поэзіи Европы,—они, какъ доказывали романтики народности, выдерживали сравненіе даже съ наиболѣе выдающимися произведеніями литературного творчества. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе это открытие должно было произвести въ наиболѣе чуткихъ и вдумчивыхъ представителяхъ украинской интеллигенціи. Эта послѣдняя дѣлала усилия оторваться отъ народной почвы, чтобы достигнуть вершины культурности, войти въ сферы, причастныя современному культурному движению—а это послѣднее, въ произведеніяхъ, составлявшихъ послѣднее слово современной европейской мысли, отсылало ее въ народъ, въ украинское село, указывая на высокія культурныя сокровища, оставшіяся тамъ, подъ убогими «стрихами» украинскихъ «кріпаківъ». Эта сѣрая, безыменная народная масса, поработленное и угнетенное простонародье, на которое склонна была смотрѣть такъ презрительно украинская интеллигенція съ высоты своего невысокаго европеизма, являлось не только обладателемъ, но и творцомъ, по тогдашнимъ представленіямъ, произведеній, составлявшихъ честь и гор-

дость націи. Народъ становилсяносителемъ высшей красоты и правды жизни; возможное приближеніе къ къ нему, къ его сокровищницамъ творчества, эстетической и нравственной красотѣ—руководящую идею творчества.

Прежде всего это создавало новое оживленіе въ литературѣ. Наряду съ трудами, направленными на собираніе произведеній народнаго творчества, на изученіе народной жизни, появляется рядъ произведеній на украинскомъ языкѣ, изображающихъ народную украинскую жизнь, симпатичныя стороны народнаго характера, сокровища чувства и благородства, таящіяся въ народной душѣ, и многочисленныя произведенія великорусской и польской литературы, обрабатывавшія украинскія темы изъ прошлаго и настоящаго (такъ называемая «украинская школа» въ польской литературѣ, плеяда писателей, обрабатывавшихъ украинскія темы, съ Гоголемъ во главѣ, въ великорусской литературѣ). Но начавшееся такимъ образомъ на почвѣ языка и литературнаго творчества, сближеніе съ народными массами не ограничивалось чисто литературною областью. Оно постепенно вводило представителей украинской интеллигенціи въ пониманіе политическихъ и соціальныхъ условій народной жизни. Первоначальный, довольно стихійный демократизмъ, сопровождавшій уже первыя попытки творчества на народномъ языке, такимъ образомъ, углублялся и дѣлался болѣе сознательнымъ.

Традиціи козацкой эпохи, жившія среди интеллигенціи и весьма еще жизненные въ то время и среди народныхъ массъ, сослужили также

немалую службу своею амальгамою национально-политическихъ и соціальныхъ мотивовъ. Козацкая эпоха не одинаково преломлялась въ сознаніи украинской старшинской интеллигенціи и народныхъ массъ; если для первой это была борьба украинского шляхетства за свои историческія права и вольности, которыхъ ее хотѣла лишить шляхта польская, то для народныхъ массъ это была борьба за эмансирацію отъ «пана» вообще, безотносительно къ его національности. Огромная дистанція съ этой точки зрѣнія лежитъ между шляхетскимъ романтизмомъ «Исторіи Руссовъ», съ одной стороны, и народными думами о возстаніи Хмельницкаго или думою о Ганжѣ Андыберѣ, съ ея соціальнымъ радикализмомъ. И въ этомъ послѣднемъ направленіи эволюціонируетъ историческій романтизмъ украинской интеллигенціи подъ вліяніемъ сближенія съ народнымъ творчествомъ и народнымъ пониманіемъ исторической традиціи. Козацко-гайдамацкій романтизмъ Шевченка, первого периода его творчества, возсоздающій прошлое именно въ духѣ народной, радикально-соціальной традиціи, и принятый въ восторгомъ украинской интеллигенціею, не только какъ чудная панорама прошлаго, но и какъ воплощеніе національныхъ настроеній и пожеланій—вѣнчаетъ эту

еволюцію. Художественное и историческое возсозданіе украинскаго прошлаго, козацкой эпохи въ особенности, съ этихъ поръ является одною изъ формъ раскрытия украинскаго демократизма. Проблески участія къ тяжелому соціально-экономическому положенію народныхъ массъ, проглядывающаго уже съ первыхъ страницъ возрождающейся украинской литературы, съ концомъ первой четверти начинаютъ переходить въ вполнѣ сознательные взгляды на соціальное и политическое положеніе народа, въ первыя основы соціальной и политической программы украинства.

Такова общая схема движенія украинской мысли, осуществляющагося въ области научныхъ изученій и въ сферѣ литературного творчества. Въ этомъ направленіи движется оно въ лѣвобережной Гетманщинѣ, въ мелкихъ центрахъ и панскихъ резиденціяхъ Полтавщины, въ кружкахъ обѣихъ столицъ (въ особенности Петербурга конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ гг.), въ особенности—въ харьковскихъ кружкахъ, где съ концомъ 1820-хъ гг. складывается вполнѣ сознательная группа, довольно многочисленная и, наконецъ, въ началѣ 1840-хъ гг. она вѣнчается первыми книжками стихотвореній Шевченка его первого, петербургскаго периода творчества¹⁾.

Національное движеніе въ Галиції.

Въ противоположность восточной Украинѣ, где доминирующее положеніе въ движеніи національныхъ взглядовъ и настроеній играетъ литературное и научное творчество, въ западной, при отсутствіи чисто лите-

ратурныхъ интересовъ, толчокъ національному движенію давали вопросы жизни. Вопросъ о преподавательскомъ

¹⁾ Объ украинскихъ изученіяхъ первой пол. XIX в. см. въ первомъ отдѣлѣ этого тома.

языкѣ въ народныхъ школахъ, изъ которыхъ польская шляхта стремилась вытѣснить окончательно украинскій языкъ, замѣнивъ его польскимъ, послужилъ поводомъ къ первымъ вполнѣ опредѣленнымъ выступленіямъ съ украинской стороны въ защиту своихъ національныхъ правъ и интересовъ. Въ 1816 г. униатскій митрополитъ галицкій Левицкій, по иниціативѣ каноника Могильницкаго, видѣвшаго изъ представителей новаго, образованаго и національно настроенаго духовенства, обратился къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ во всѣхъ народныхъ школахъ. Когда же школьная комиссія постановила извѣстное намъ рѣшеніе, оставивъ лишь право устройства параллельныхъ украинскихъ школъ, митрополитъ внесъ протестъ противъ такого отношенія къ русинскому языку. Могильницкій въ связи съ этимъ подготовилъ записку въ защиту полноправности и важности русинскаго (украинскаго) языка (1822) и затѣмъ развилъ изложенія тутъ мысли въ своемъ трактатѣ «Вѣдомость о русскомъ языцѣ»¹⁾ — первомъ ученомъ трактатѣ въ защиту украинскаго языка. По его же иниціативѣ было основано въ Перемышлѣ первое украинское общество для распространенія просвѣщенія среди народа на народномъ языкѣ; оно, впрочемъ, на первыхъ же порахъ, не смотря на свой чуждый всякаго радикализма, вполнѣ клерикальный характеръ, встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны польского духовенства и ополячен-

ныхъ базиліанъ и заглохло. Гораздо успѣшнѣе были старанія духовенства, руководимаго тѣмъ же Могильницкимъ, въ дѣлѣ основанія народныхъ церковныхъ школъ, которыми приходилось возмѣщать утрату офиціальной народной школы, получившей польскій характеръ. Въ короткое время была создана значительная сѣть начальныхъ (приходскихъ) и низшихъ, такъ называемыхъ тривіальныхъ школъ; для приготовленія учителей была организована учительская семинарія въ Перемышлѣ. Для потребностей этой новой школы составлялись учебники, и такъ выдвинулся вопросъ о языкѣ, который долженъ былъ служить и органомъ преподаванія и предметомъ послѣдняго. На очереди стали жгучие вопросы объ отношеніи книжнаго языка къ народному и о роли этого послѣдняго. Въ 1830-хъ гг. вопросы эти вызываютъ извѣстную уже намъ полемику о народномъ и традиціонномъ, церковнославянскомъ элементѣ въ литературномъ и преподавательскомъ языкѣ. О ея филологической сторонѣ была рѣчь выше, но ею не исчерпывалось значеніе этой полемики: за чистоформальной, филологической стороной стояли вопросы болѣе реальные — объ отношеніи къ народной жизни, къ народному элементу вообще, къ историческому прошлому народа и его національной программѣ. А то или другое отношеніе къ народной стихіи предрѣшало то или другое направление національной жизни. Должны ли галицкіе Русины положить въ основаніе церковнославянскую традицію и считать себя участниками той культуры и общественности, которая была склонна считать себя по-

1) Въ этомъ „этимологическомъ правописаніи“ читалось какъ и.

преимуществу преемницей старорусскихъ культурныхъ и политическихъ традицій—государственной россійской? Или, опираясь на живомъ народномъ элементѣ, они должны искать общенія съ тѣмъ движеніемъ, которое исходитъ отъ того же этнографического начала, — примкнуть къ народному украинскому движению восточной Украины? Въ то время, когда разгоралась эта филологическая полемика въ Галиції, въ 1830 и 1840-хъ гг., народная литература восточной Украины могла уже похвалиться рядомъ замѣтныхъ изданій и произведеній, свидѣтельствовавшихъ о полной возможности литературной обработки народного языка; они служили пріемѣромъ и аргументомъ для поборниковъ народной стихіи. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали успѣхи національного возрожденія у другихъ обиженныхъ историческою судьбою славянскихъ народностей, обращавшихся къ народной стихіи, какъ могущественному средству возрожденія народа. Этими идеями вдохновленъ былъ кружокъ молодыхъ студентовъ богословія львовскаго университета, съ знаменитой «троицей» во главѣ (Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Ив. Вагилевичъ), сыгравшей роль пionеровъ народной литературы въ Галиціи. Подъ вліяніемъ литературныхъ произведеній и научныхъ опытовъ восточной Украины и другихъ славянскихъ земель, а также революціонной пропаганды среди мѣстной польской молодежи, проникнутой въ значительной степени народническимъ и прогрессивнымъ духомъ и находившой живой отзвукъ въ мѣстной украинской молодежи, — этотъ кружокъ также занимается изученіемъ

исторіи и словесности, собираетъ этнографический материалъ и пробуетъ свои силы на народномъ языку, стремясь ввести его въ церковный и культурный обиходъ.

Но противъ этихъ теченій рѣшительно возстало консервативно настроенная духовная власть—обстоятельство очень неблагопріятное, въ виду того, что движение развивалось среди молодого духовенства, все еще составлявшаго единственную украинскую интеллигенцію. На сторонѣ духовныхъ властей оказались и мѣстная австрійская администрація, и центральное правительство. Враждебно настроенные ко всяkimъ проявленіямъ панруссизму, они не умѣли на этотъ разъ оцѣнить значеніе украинского народного движения, какъ протesta противъ объединительныхъ тенденцій. Близорукій консерватизмъ тогдашней реакціи бралъ верхъ надъ всѣми иными соображеніями. Имѣя достаточно хлопотъ съ польскимъ національнымъ движениемъ, враждебно настроеннымъ къ австрійскому господству, администрація, не входя глубже въ національная стремленія Украинцевъ, боялась новыхъ затрудненій съ оживленіемъ русинского населенія, национальныхъ треній и конфликтовъ. Никакихъ новшествъ—становится руководящимъ лозунгомъ официальныхъ сферъ по отношенію къ украинской жизни. Довѣренный совѣтникъ правительства въ этихъ вопросахъ Копитарь, въ качествѣ горячаго австрійскаго патріота, чрезвычайно неблагопріятно относившійся къ панруссизму и поддерживавшій стремленіе къ народной украинской стихіи, совѣтовалъ, съ своей стороны, обезопасить австрійскихъ Украинцевъ отъ вліяній

rossijskoy Ukrainy; результатомъ его представлений было послѣдовавшее въ 1822 г. воспрещеніе ввоза въ Австрію книги церковной и гражданской печати. Невиннѣйшій альманахъ «Зоря», составленный кружкомъ Шашкевича, попавъ въ руки Копитара для цензуры, былъ отосланъ имъ для большей надежности на заключеніе митрополита и подвергся запрещенію. Послѣ этого свой новый сборникъ «Русалка Днѣстрова», составленный изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ литературныхъ опытовъ еще болѣе осторожно, чѣмъ «Зоря», кружокъ Шашкевича издалъ въ Пештѣ, чтобы избѣгнуть австрійской цензуры, но во Львовѣ книга была затѣмъ цѣликомъ конфискована, и только въ 1848 г. добились ея выдачи. Специальная цензура, по совѣту того же Копитара учрежденная для украинскихъ изданий во Львовѣ и порученная одному изъ наиболѣе реакціонно настроенныхъ представителей уніатскаго духовенства Бенед. Левицкому, съ величайшою подозрительностью относилась ко всему, что нарушало чѣмъ нибудь традиціи мертвенної церковной жизни эпохи упадка. Я отмѣтилъ уже¹⁾ характерныя соображенія, которыми мотивировалось запрещеніе грам-

матики Лозинскаго за ея стремленія реформировать языкъ въ народномъ духѣ, такъ какъ они нарушаютъ «основную черту русинскаго характера — консервативность». Лояльнѣйшія и клерикальнѣйшія произведенія, до похвальныхъ одѣ въ честь династіи включительно, конфисковались, потому что не были написаны достаточно архаическимъ языкомъ или напечатаны гражданскимъ, а не церковнымъ шрифтомъ. Скромнѣйшія сочиненія на историческія темы на всякий случай отдавались на просмотръ Полякамъ, «чтобы предотвратить тренія между обѣими сторонами» (держаться такихъ же предосторожностей по отношенію къ сочиненіямъ, выходившимъ съ польской стороны, не считали нужнымъ — онѣ примѣнялись только къ украинской). Все, что хотя бы отдаленно намекало на оппозицію, или просто на свѣтскій духъ среди молодого духовенства, подвергалось суровымъ карамъ. Новое движение было придавлено — именно въ тотъ моментъ, когда въ восточной Украинѣ оно входило какъ разъ въ новую, блестящую фазу своего развитія: это не предвѣщало прочности реакціоннымъ успѣхамъ¹⁾.

Кирилло-Меѳодіевское братство.

Одною изъ особенно цѣнныхъ и симпатичныхъ сторонъ въ воздѣйствіяхъ идей славянскаго возрожденія на движение украинской мысли была идея славянскаго федерализма, какъ выводъ изъ идей славянской взаимности, равноправія и самоопределѣленія

¹⁾ См. выше, въ обзорѣ украинскихъ изученій.

славянскихъ народностей. Ея сочетанія съ болѣе близкими славянскими тра-

¹⁾ Для начатковъ украинскаго національнаго движенія въ Галиції множество статей во львовскихъ „Запискахъ наук. тов. Шевченка“, „Укр.-Рус. Архивъ“, III—V, „Збірник іст.-фил. секції“, V, Свѣнницкій — „Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую полов. XIX в.“. Также въ этомъ изданіи, въ обзорѣ литературы.

диціями — историческимъ федерализмъ польско-литовскимъ или польско-литовско-украинскимъ, пропагандировавшимися въ польскихъ революционныхъ кругахъ, и отдаленными, но все же достаточно сильными реминисценциями стремлений украинскихъ автономистовъ XVII—XVIII в., мечтавшихъ о различныхъ уніяхъ и союзахъ гарантировавшихъ политическую автономію Українѣ, въ польско-украинскихъ и великорусско-украинскихъ кружкахъ первой половины XIX в. давали толчокъ политической мысли и открывали перспективы, представлявшіяся выходомъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ очутился украинскій народъ, украинская жизнь. Тяжелый цензурный режимъ, съ одной стороны, съ другой — глубокая политическая прострація, характеризующая преобладающее большинство украинского общества того времени, были причиною, что эта работа политической украинской мысли по большей части не вышла за предѣлы пріятельскихъ разговоровъ и осталась тайною ихъ участниковъ. До насъ дошли только глухіе слухи о существованіи въ 1820-хъ гг. тайного «малороссійского общества», стремившагося къ возстановленію независимости Украины и стоявшаго въ связи съ местными «славянскими» масонскими организациями, въ которыхъ принимали участіе Українцы, Великороссы, Поляки. При всей неопределенности этихъ извѣстій, нельзя сомнѣваться въ томъ, что довольно широко распространенная въ это время, идеи славянского и россійского федерализма, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ федеральныхъ проектовъ, вплоть до знаменитой федеральной конституції Ник. Муравьева, захва-

тывали также и Украинцевъ и вызывали съ ихъ стороны поправки, вводившія Украину, какъ самостоятельный членъ въ эти федеративные планы и гарантировавшія ей политическую независимость. Я выше упоминалъ о надеждахъ на возстановленіе старого украинскаго строя, вызванныхъ организаціею козацкихъ полковъ въ 1831 г.: тогдашняго «малороссійского генераль-губернатора» кн. Репнина совершенно серьезно подозрѣвали въ планахъ на гетманство, и это оживленіе традицій Гетманщины своеобразно сочеталось съ федералистическими планами славянофиловъ и сторонниковъ федерализаціи Россіи. Федерализмъ давалъ выходъ политическимъ стремлѣніямъ автономистовъ, давалъ аргументы противъ общепринятаго въ украинскомъ обществѣ взгляда о неспособности Украины къ самостоятельной политической жизни. «Отдѣльное существование Украины невозможно», пишетъ въ своей запискѣ одинъ изъ кирилломеѳодіевцевъ Бѣлозерскій, представитель лѣвобережной интеллигенціи; «единственное средство представляющееся уму и одобренное сердцемъ, для возвращенія народныхъ правъ, заключается въ соединеніи славянскихъ племенъ въ одну семью подъ охранениемъ закона любви и свободы каждого». И если у однихъ съ этимъ соединялись, главнымъ образомъ, прекраснодушная мечтанія о возстановленіи въ этой славянской федераціи первоначального, чистаго христіанства и разрѣшенія соціальныхъ и политическихъ противорѣчій «закономъ любви», — то у другихъ, болѣе серьезно настроенныхъ участниковъ этихъ федеративныхъ плановъ съ ними неразрывно связывались проекты соціальныхъ и

политическихъ реформъ, дѣлающіе кирилло-меѳодіевцевъ родоначальниками и предшественниками современного прогрессивнаго украинства. Это то и даетъ право кирилло-меѳодіевскому братству на особое вниманіе въ исторіи украинской жизни, несмотря на эфемерность его существованія и весьма неполное выражение его идей въ произведеніяхъ непосредственныхъ его участниковъ. .

Главными участниками и идеиними вождями этого кружка являются Костомаровъ, Гулакъ, Шевченко и Кулишъ. Костомаровъ, представитель харьковскаго кружка, гдѣ славянскія вліянія были особенно сильны, не связанный съ украинскими традиціями непосредственно и обращенный къ украинскимъ изученіямъ и симпатіямъ вліяніями харьковскаго кружка, въ своихъ кирилло-меѳодіевскихъ планахъ исходилъ, главнымъ образомъ, изъ идей славянской взаимности. Въ этомъ же смыслѣ вліяль на него и самъ дѣйствовалъ Гулакъ, славистъ по специальности. Наоборотъ, Шевченко и Кулишъ исходили изъ украинскихъ традицій, причемъ у Шевченка еще раньше, въ первый періодъ его творчества, подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родной ему крестьянской среды и затѣмъ поддержаныхъ общениемъ съ радикально настроенными элементами петербургскихъ кружковъ, какъ я уже отмѣтилъ, преобладали ноты соціального радикализма; и теперь, при встрѣчѣ съ елейно настроенными славянофилами и лѣвобережными «малороссійскими патріотами», у него прорываются полная иронія замѣчанія по адресу панского прекраснодушія, спокойно пользовавшагося плодами крѣ-

постного права. Несомнѣнно, и въ кievскомъ кружкѣ онъ представлялъ главнымъ образомъ точку зрѣнія соціальную, отчасти политическую и при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ славянскому возрожденію, съ рѣзкой критикой относился ко всякой елейности, проявившейся у болѣе благодушныхъ его земляковъ. Интересно, напр., сопоставить выпады Костомарова (въ его «Книгѣ бытія украинскаго народа») противъ французской революціи и философскаго раціонализма за отсутствіе христіанскаго духа, и идеализацію козачества, какъ сосуда истиннаго христіанства, съ подчеркиваніями соціальной стороны кидацкихъ движений въ произведеніяхъ Шевченка. Какъ теперь можно установить съ несомнѣнностью, идеи славянской федераціи кирилло-меѳодіевцевъ не представляли собой чеголибо оригинального: онѣ были заимствованы у предшествовавшихъ тайныхъ обществъ, и, напр., у «Соединенныхъ Славянъ» 1820 гг. мы находимъ съ небольшими различіями тѣ же планы: федеративный союзъ славянскихъ народовъ, освобожденныхъ отъ «самовластія», замѣняемаго демократическимъ представительнымъ правленіемъ и объединенныхъ федеративнымъ конгрессомъ, управляющимъ общими дѣлами союза. Существенная поправка, тоже не впервые, вѣроятно, внесенная кирилло-меѳодіевцами, заключалась въ томъ, что въ числѣ славянскихъ народовъ у нихъ фигурируютъ и Українцы, не считавшіеся за отдѣльное племя у великорусскихъ федералистовъ (но и у кирилло-меѳодіевцевъ Бѣлорусы были посчитаны за одну національную группу съ Великороссами, а Словинцы съ Сербо-

Хорватами, такъ что всѣхъ національныхъ единицъ насчитывалось семь). Впрочемъ, съ принципомъ національнымъ и тутъ встрѣчался принципъ областной федераціи, оправдывавшійся несоизмѣримостью національныхъ областей, такихъ какъ напр. Лужицкая, съ одной стороны, и Великорусская или Украинская, съ другой. Систему представительства и управлениія Костомаровъ въ своемъ возваніи «братьямъ Українцамъ» представлялъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Всѣ Славяне должны соединиться между собою, но такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, а такъ, чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство, чтобы существовалъ сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ и тамъ разсуждали бы и решали дѣла, которая относится ко всemu союзу славянскому; чтобы въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время». Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Костомарова находимъ указанія на планы двухпалатной системы представительства, раздѣлъ Галиціи на племенные территоріи, причемъ украинская должна была войти въ составъ западно-украинскаго штата, а польская — въ составъ польскаго и т. п. Менѣе разработана была общественная сторона и планы осуществленія этой федераціи, и здѣсь, очевидно, наиболѣе расходились взгляды и настроенія участниковъ. Въ «Уставѣ» общества находимъ, напр., такія весьма общія и ма-

логоворящія фразы: «Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ Славянъ должны основываться на христіанской религії». «При таковомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи». Въ «главныхъ правилахъ» немного опредѣленнѣе указано, что «общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности», за то тактика общества характеризуется такимъ образомъ: «какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ, должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія». Со всѣмъ этимъ плохо мирился рѣзкія и энергическая настроенія музы Шевченка этого периода, и, вѣроятно, при дальнѣйшей разработкѣ плановъ общества и при томъ авторитетъ и вліяніи, которое получилъ въ немъ позже Шевченко, и въ эту сферу, такъ сказать, практической политики внесено было бы также больше конкретности и опредѣленности. Но общество пресуществовало слишкомъ недолго, чтобы различная воззрѣнія его членовъ успѣли сойтись на извѣстныхъ среднихъ терминахъ: первыя мысли о немъ относятся къ началу 1846 г., лишь позже участникомъ ихъ является Шевченко, а весною 1847 г. общество уже было открыто, члены его арестованы и подверглись долговременному заключенію и ссылкамъ¹).

¹) Біографія Шевченка, Костомарова и Кулиша—Конисского, Шенрока, Маковея; новѣйшая работа о кирилло-маковицкаго В. И. Семевскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1911, V—VI.

1848 годъ и судьба національного движенія въ Галиції.

Движеніе украинской мысли, кульминирующееся въ планахъ кирилло-мѣодіевцевъ, немногимъ не сошлось съ «весною народовъ», и энтузіастамъ федераціи самостоятельныхъ славянскихъ народовъ пришлось быть свидѣтелями оживленія славянской жизни, вызванного движеніемъ 1848 г., плановъ переустройства Австріи въ свободную федерацію славянскихъ народовъ, ихъ автономіи и свободного національного развитія. Украинское общество, терроризированное печальною судьбою кирилло-мѣодіевского кружка и крайнею подозрительностью правительства ко всяkimъ симптомамъ сочувствія европейскимъ революціоннымъ движеніямъ, избѣгало реагировать чѣмъ-нибудь на эти новыя перспективы. И въ западной Украинѣ, непосредственно захваченной этимъ движеніемъ, оно неизбѣжно преломлялось совершенно своеобразно, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ стояла украинская народность, отдѣленная отъ центрального правительства польскимъ, въ Венгріи мадьярскимъ, въ Буковинѣ румынскимъ средостѣніемъ.

Въ Галиції польское общество стремится использовать этотъ моментъ, чтобы освободиться отъ опеки австрійского централизма, но элементъ украинскій мечтаетъ эмансицироваться отъ польского господства и не видить для этого другой опоры, кромѣ центрального правительства. Правда, нѣкоторая часть молодежи и теперь и раньше захватывалась польскимъ революціоннымъ движеніемъ; однако,

революціонная Польша отнюдь не отрекалась отъ своихъ украинскихъ провинцій, особенно западныхъ, и было совершенно очевидно, что за неопределѣнными обѣщаніями разныхъ свободъ и вольностей стоитъ сохраненіе польской супрематіи надъ украинскимъ элементомъ. Такимъ образомъ, не только одинъ косный консерватизмъ церковныхъ и чиновничихъ круговъ, но и болѣе реальная національная и политическая соображенія толкали украинское общество къ союзу съ центральнымъ правительствомъ и ея представительницю—австрійскою администрациєю Галиції, искавшею опоры въ украинскомъ элементѣ противъ польского революціонного движенія. Съ паденiemъ польского шляхетскаго режима галицкіе Українцы дѣйствительно могли связывать больше надеждъ, чѣмъ съ эмансициацію отъ австрійскихъ вліяній, которымъ какъ разъ они были обязаны нѣкоторымъ улучшеніемъ положенія. Поэтому они съ полною готовностью отклинулись на призывъ австрійской администраціи. Не безъ участія тогдашняго австрійского намѣстника Стадіона, о которомъ Поляки впослѣдствіи говорили, что это онъ «изобрѣлъ» Русинъ въ Галиції въ 1848 г.,—началась политическая организація украинскаго элемента: былъ основанъ политический клубъ «Головна Рада» и начала выходить газета «Зоря Галицька», какъ органъ политическихъ и національныхъ стремлений галицкихъ Русинъ.

Въ виду того, что австрійское

правительство заявляло полную готовность поддерживать стремлениі галицкихъ Украинцевъ къ своему национальному самоопредѣленію и всякія неблагопріятныя давленія исчезли, украинское общество Галиція береть довольно рѣшительный национальный тонъ. Упомянутая «Головна Рада» и созванный осенью того же года такъ называемый «Собор русских учених», точнѣе национальный украинскій конгрессъ, поставили цѣлый рядъ весьма рациональныхъ требованій и резолюцій, во многомъ предвосхитившихъ позднѣйшую программу украинского национального движенія; таковы были требованія, чтобы Галиція была раздѣлена на двѣ национальныя территоріи; точнѣе — чтобы польскія провинціи были отдѣлены отъ исконно украинской Галиціи; чтобы въ школахъ введено было преподаваніе на украинскомъ (русинскомъ) языкѣ. Рѣшено было организовать просвѣтительное учрежденіе по образцу чешской «Матицы» для подъема и развитія украинской культурной жизни; выработать единообразную грамматику и правописаніе для «русского», т. е. украинского языка, чтобы ограничить его съ полною опредѣленностью отъ языка польскаго, съ одной стороны, и великорусскаго — съ другой, какъ языкъ особый и самостоятельный, связующій въ одно цѣлое украинскія земли Россіи и Австріи.

Австрійское правительство съ своей стороны заявляло рѣшимость ити на встрѣчу стремленіямъ украинского народа къ его политической и соціальной эманципаціи и национальной автономности. Большое и чрезвычайно радостное впечатлѣніе среди украинского населения произвела послѣдо-

вавшая въ томъ году отмѣна «паншины» — крѣпостной зависимости крестьянъ и ихъ баршинныхъ работъ; бодрящее впечатлѣніе вызвалъ призывъ со стороны правительства къ организації украинской национальной гвардіи въ противовѣсь революціоннымъ польскимъ организаціямъ. Правительство обѣщало отдѣлить украинскую Галицію отъ польскихъ земель и придать ей вполнѣ украинскій характеръ, ввести украинское преподаваніе въ средней и высшей школѣ, и т. д. Намѣренія эти, дѣйствительно, были искренни — политические интересы Австріи несомнѣннымъ образомъ совпадали съ национальными стремленіями украинскаго населения; вопросъ о размежеваніи национальныхъ территорій польской и украинской трактовался вполнѣ серьезно, и въ 1850 г. былъ изданъ законъ, размежевывавшій Галицію, только не на двѣ, а на три территоріи — восточную украинскую, центральную смѣшанную и западную польскую, причемъ были сохранины нѣкоторыя связи, объединявшия всѣ три части въ одно цѣлое (однако, и въ этомъ смягченномъ видѣ, къ сожалѣнію, это размежеваніе не было осуществлено).

Опасная сторона этихъ новыхъ отношеній заключалась въ томъ, съ одной стороны, что при офиціальномъ характерѣ украинского национального движенія оно пріобрѣло крайне іерархіческій характеръ: во главѣ его стали іерархіческие и бюрократические элементы, при посредствѣ которыхъ велись сношенія съ администрациєю и правительствомъ; крайне консервативные, реакціонные по существу, они не могли содѣйствовать росту прогрессивныхъ силъ и скоро задавили все

свѣжее и возрождающее въ новомъ движеніи, когда правительство перестало своимъ вліяніемъ поддерживать чисто народные національные элементы движенія. Съ другой стороны, неблагопріятно было само это базированіе національного движенія на чисто виѣшней, правительственной поддержкѣ, на которую возлагались всѣ надежды, оть которой надѣялись всѣхъ благъ, за цѣну своей лояльности и предупредительности, а не оть организаціи народныхъ силъ, не отъ развитія своей національной энергіи. Это приготовило совершенно неожиданное паденіе этого національного движенія, когда австрійское правительство, подавивъ революціонныя движенія и уже не нуждаясь болѣе въ содѣйствіи украинскаго элемента, не считало нужнымъ поддерживать его въ національныхъ стремленіяхъ и вообще все менѣе и менѣе стало интересоваться его судьбами. Клерикальные и бюрократические элементы, игравшіе роль вождей и представителей украинскаго народа, и его «интеллигенція», на 9/10 состоявшая изъ священниковъ и съ своей стороны смотрѣвшая на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на единственныхъ вождей народа—почувствовали себя безсильными и беспомощными, когда правительство отвратило отъ нихъ свою милостивую руку и стало отдаваться снова вліяніемъ ревакціонныхъ, клерикально-шляхетскихъ элементовъ. Смѣнивъ тактику фронды на безграничную лояльность по отношенію къ династіи и правительству, подъ вліяніемъ горькихъ опытовъ 1848 г., и снискавъ довѣріе двора, польская шляхта скоро захватила въ свою руку управление края и воспользовалась этимъ положеніемъ, чтобы

всячески оттѣснить и лишить всякаго вліянія украинскую интеллигенцію въ мѣстной жизни и въ центральныхъ сферахъ. Недавно опубликованная записка гр. Голуховскаго, первого намѣстника - Поляка, которому Поляки были обязаны «націонализацией» управлениія края и созданіемъ новаго, еще болѣе прочнаго польскаго средостѣнія между центральнымъ правительствомъ и украинскимъ элементомъ, даетъ чрезвычайно интересную характеристику тѣхъ пріемовъ, которыми пользовались вліятельные представители польской шляхты для того, чтобы разрушить представленія о превосходности Австріи и ея династіи Рузинъ, этихъ «восточныхъ Тирольцевъ», какъ ихъ называли за лояльность, проявленную ими въ 1848 г.¹⁾. Самымъ трагическимъ образомъ именно консервативные и клерикальные круги русинской интеллигенціи, пользовавшіеся особымъ благоволеніемъ австрійскихъ бюрократическихъ круговъ и выступавшіе въ качествѣ признанныхъ представителей галицкаго украинскаго населенія, давали поводъ къ инсинуаціямъ и подозрѣніямъ въ тяготѣніи къ Россіи и православію своимъ отвращеніемъ къ народному языку, своими симпатіями къ «высокому стилю» великорусской письменности временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, наконецъ, своимъ расположениемъ къ Николаевской Россіи, къ побѣдоносному Россу, сокрушившему «кичливаго Ляха», этого наследственнаго врага галицкой Руси, кото-

¹⁾ См. статью Ив. Кревецкаго въ журналѣ „Літ Наук. Вістник“, 1911, VII: „З секретів польської політики в Галичинѣ в 60 і 70-х рр.“.

рую эти клерикальные и реакционные галицкіе русинскіе элементы охотно отождествляли съ официальной народностью Николаевской Россіи.

Также своеобразно преломились события 1848 г. въ жизни двухъ другихъ украинскихъ провинцій Австріи—Буковины и Угорской Украины, въ каждой по своему. Въ Буковинѣ возможность національного самоопредѣленія, открывшаяся съ этими событиями, послужила поводомъ къ первому проявленію національного расхожденія между двумя главными народностями — украинской и румынской. Между тѣмъ какъ румынскіе депутаты первого парламента выступили съ пожеланіями объ отдѣленіи Буковины отъ Галиціи, съ которой она находилась тогда въ соединеніи, и въ дальнѣйшей послѣдовательности — присоединеніи ея къ румынскимъ территоріямъ Венгріи, украинскіе депутаты настаивали на дальнѣйшемъ соединеніи съ Галиціей. Поднять былъ вопросъ и о раздѣлѣ Буковины на національныя террорії, противъ чего также возставали Румыны, представляя Буковину, такъ сказать, румынскимъ достояніемъ. Вообще эти бурные годы расшевелили венгерскія и дунайскія румынскія земли, болѣе развитыя національно, и подняли національное сознаніе среди достаточно коснаго и темнаго мѣстнаго румынскаго населенія. Среди украинскаго населенія такихъ національно-сознательныхъ элементовъ еще не было. Ихъ оппозиція Румынамъ имѣла совершенно стихійный характеръ, какъ и аграрный движение противъ Румынъ-помѣщиковъ, возникшія въ 1848 г., и вся надежда возлагалась на администрацію и правительство.

Угорскимъ Украинцамъ пришлось пережить въ эти годы наиболѣе сильная потрясенія. Когда восстаніе Венгровъ противъ австрійского режима — единственное серьезное движение въ австрійскихъ земляхъ, въ сравненіи которыхъ революціонныя попытки Поляковъ были дѣтской игрой,—было подавлено русскими войсками весною 1849 г., предъ землями венгерской короны, въ томъ числѣ и предъ угорскими Украинцами, казалось, открывалась новая будущность. Среди нихъ оказался человѣкъ выдающейся энергіи, которому, какъ можно было думать, предстояло сыграть большую роль — Адольфъ Добрянскій, горячій сторонникъ панруссизма, теоріи «единства русскаго народа», говоря теперешней терминологіей. Во время движения 1848 г. онъ принужденъ былъ покинуть Венгрію и проживалъ въ Галиціи, откуда явился съ русской арміей, при которой былъ назначенъ имперскимъ австрійскимъ комиссаромъ. Подъ его вліяніемъ венгерскіе Украинцы рѣшились выступить активно со своими національными постулатами; высланная ими депутація предложила императору записку, где ходатайствовалось о выдѣленіи украинской террорії въ отдѣльные комитаты (разграничение комитатовъ соответственно національнымъ терроріямъ), о замѣщеніи правительственныхъ должностей Украинцами, о введеніи ихъ языка въ административное дѣло производство и преподаваніе на томъ же языке въ низшихъ и среднихъ школахъ на ихъ терроріи (dass in Volksschulen ruthenischer Ortschaften die ruthenische Sprache Unterrichtssprache und Gegenstand des Unterrichts sei, in den Gegenden wo die Ruthe-

neq compact beisammen wohnen an gelegenen Orten Gymnasien) учреждений въ Унгварѣ «русинской» (ruthenischer) Академіи и т. п. Эти ходатайства тогда были прияты весьма благосклонно, и императоромъ даны были вполнѣ благопріятныя обѣщанія. Добрянскій былъ назначенъ намѣстникомъ (великимъ жупаномъ) четырехъ главныхъ комитатовъ съ украинскимъ населеніемъ и началъ вводить въ дѣлопроизводство языкъ русинскій (по крайней мѣрѣ, по имени), въ унгварской гимназіи введено преподаваніе на томъ же языке. Закарпатскіе Українцы готовы были считать все это началомъ новой эпохи въ жизни края. Но всѣ эти успѣхи были непрочны; руссофильство Добрянскаго и его послѣдователей обратилось противъ него, какъ только прошелъ кризисъ. Венгерская аристократія, вернувъ себѣ вліяніе, подъ впечатлѣніями русской оккупации прежде всего обратила всю свою энергию противъ всего, что могло грозить панруссизмомъ. Добрянскій, очень скоро перемѣщенный со своего

намѣстничества на другую должность, былъ затѣмъ вовсе устраненъ отъ административной дѣятельности, а послѣдователи Добрянскаго, подъ именемъ русинской тяготѣвшіе къ великорусской государственной стихіи и подмѣнившіе ею мѣстную украинскую (ruthenisch),—давали на каждомъ шагу поводы къ обвиненіямъ въ этомъ смыслѣ. Все что отдаленно хотя бы дышало руссофильствомъ, было окружено самимъ подозрительнымъ надзоромъ, всяческими стѣсненіями. А такъ какъ подъ вліяніемъ Добрянскаго и подъ впечатлѣніями русской оккупации руссофильствомъ въ большей или меньшей мѣрѣ была проникнута вся такъ называемая интеллигенція угорской Украины, и мѣстная стихія казалась ей слишкомъ тѣсной, жалкой и недостойной культурной обработки, то въ результатѣ получился полный застой въ національной области, паденіе вообще всякой культурной жизни и затѣмъ—все усиливающееся поглощеніе государственной венгерской стихіей убогихъ всходовъ мѣстной интеллигенціи¹⁾.

Реакція 1850—1860-хъ г.г.

Въ концѣ концовъ, послѣ тѣхъ успѣховъ и надеждъ, какія дали въ разныхъ частяхъ Украины и въ разныхъ сферахъ ея жизни сороковые годы (ихъ вторая половина), пятидесятые оказались періодомъ затишья, упадка, антракта на всемъ пространствѣ украинской жизни — особенно первая половина 1850-хъ гг. Въ Россіи и Австріи царила жестокая реакція—въ Австріи она продержалась еще дольше, уже послѣ того, какъ новое царствованіе и

печальный финаль Крымской войны вызвали въ Россіи въ концѣ 1850-хъ гг. крупный поворотъ въ сторону либеральной политики. Результатомъ этого общаго реакціоннаго направленія было сильнѣшее паденіе національной жизни въ украинскомъ обществѣ.

Въ Россіи, послѣ того какъ раз-

¹⁾ Кромѣ указанного выше см. еще О. Терлецкаго „Галицко-руське письменство 1848—1865“ (1903); много статей въ „Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка“.

ромъ кирилло-меѳодіевскаго братства разогналъ, расточилъ и лишилъ возможности всякой дѣятельности наиболѣе энергичныхъ, талантливыхъ и прогрессивныхъ представителей украинскаго движенія (многимъ изъ нихъ литературная работа прямо таки запрещена была вынесенными имъ приговорами) — украинская жизнь, почти исключительно сосредоточившаяся въ литературѣ и въ украинскихъ изученіяхъ, — снова обратилась въ скромный, типшайший ручеекъ. Суровые приговоры надъ кирилло-меѳодіевцами прогремѣли какъ грозное тemento надъ головами украинскаго общества, и если, конечно, не переводились энтузіасты, утверждавшіе, что на мѣсто Шевченка найдутся сотни людей, готовыхъ постоять за его слово (дѣло Головка), то въ жизни эти единомышленники Шевченка не проявляли себя сколько нибудь замѣтно. Поле осталось за скромнымъ украинофильствомъ, проявлявшимъ себя въ эти годы (1848—56) изданіемъ этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ, популяризаціями и безобидной лирикой (этнографические сборники Максимовича, Метлинскаго, Сементовскаго, украинскія проповѣди Гречулевича, стихотворенія Петренка, Макаровскаго, Афанасьева-Чужбинскаго и т. д.). Съ другой стороны, свѣжей въ памяти должна была оставаться еще грубая и безсердечная выходка Бѣлинскаго, представителя и вождя прогрессивной Россіи, которую отозвался онъ на разгромъ кирилло-меѳодіевцевъ. Первый вполнѣ сознательный и идеиный дебютъ украинства не былъ оцѣненъ въ прогрессивныхъ великорусскихъ кругахъ, не нашелъ въ ней сочувственаго отклика — сколько-нибудь замѣт-

наго по крайней мѣрѣ. Сознательному украинству предстояла долгая работа надъ созданіемъ собственныхъ силъ въ недрахъ своего общества, своего народа, на которая могло бы опереться украинское движеніе, такъ какъ вѣдь себя оно не находило никакой опоры, никакого сочувствія; и трудно сказать, насколько исполнимою казалась такая задача тогдашнимъ Украинцамъ, даже наиболѣе сознательнымъ.

Еще болѣе печальное зрелище представляла австро-венгерская Украина.

Закарпатскія земли, одно время стоявшія во главѣ культурнаго возрожденія, были надолго выбиты изъ національной колеи событиями 1848—49 гг.. Послѣ того какъ Венгры, въ 1850-хъ гг., снова стали полными хозяевами положенія и подъ впечатлѣніями русской оккупациії предприняли рѣшительныя мѣры противъ всего, что отзывалось руссофильствомъ, начинаяется то глубокое паденіе украинской интеллигенції Венгрии, которое не прошло и по нынѣшній день. Ея руссофильскія тенденціи не находили возможности себя проявить сколько-нибудь серьезно, въ виду неблагопріятнаго отношенія мѣстнаго правительства, и не шли далѣе худосочныхъ изданіицъ, не имѣвшихъ никакого значенія для общественнаго и національнаго развитія народа. Съ другой стороны, эти тенденціи не позволяли ей примкнуть и къ наростающему позже украинскому движенію сосѣдней Галиціи, къ которому, впрочемъ, и правящія сферы Венгрии тоже относились недоброжелательно, опасаясь галицко-украинской ирриденты немногимъ меныше, чѣмъ общерусской. Въ результатѣ получался или полный

квіетизмъ, возлагавшій всѣ упованія на возможность нового политического катализма, или официальный консерватизмъ, въ концѣ концовъ, обыкновенно служившій только переходной ступенью къ полному разрыву со своей народностью, который и захватываетъ постепенно все болѣе широкіе круги, въ особенности съ 1860-хъ гг., послѣ того какъ Венгрия превратилась въ отдѣльное, совершенно замкнутое для постороннихъ вліяній государство.

Въ Галиції паденіе національной жизни, послѣдовавшее за подъемомъ 1848 г., не было, къ счастью, такимъ затяжнымъ, какъ въ Закарпатьи, но тѣмъ не менѣе представляло очень печальное зрѣлище. Консервативный характеръ, принятый украинскимъ движениемъ въ 1848 г., отозвался теперь очень тяжело, когда правительство, покончивъ съ революціонными движениями, перестало интересоваться своими галицкими союзниками. Консервативные, бюрократические и главнымъ образомъ клерикальные элементы, получившіе водительство въ украинской національной жизни Галиції, оставались пассивными свидѣтелями нового перелома, происходившаго на ихъ глазахъ въ галицкихъ отношеніяхъ. Снова возвращались къ руководящей роли реакціонные шляхетскіе и клерикальные польскіе элементы и, снискавъ довѣріе центрального правительства, получили край въ свое полное безраздѣльное и безконтрольное завѣданіе. Должность намѣстника Галиції начинаетъ замѣщаться по рекомендациіи польской аристократіи; вся администрація переходитъ въ руки шляхты. Польскій языкъ становится языкомъ дѣлопро-

изводства, вводится въ гимназіяхъ (въ 1860-хъ гг.) и въ университетѣ. Галицкіе Українцы снова увидѣли себя въ полной власти своего наслѣдственнаго врага, за цѣну полнаго господства въ Галиції, отдававшагося въ службу правительству (известная декларація польской шляхты императору о своей полной солидарности съ нимъ). Въ этихъ условіяхъ даже введеніе конституціи и представительного правленія и провинціального самоуправленія, начатое октЯбрьскимъ патентомъ 1860 г. и законченное австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 г., не принесли украинскому народу никакого замѣтнаго улучшенія. Польская шляхта, въ рукахъ которой находилось представительство отъ Галиції, имѣла теперь возможность оказывать правительству цѣнныя услуги въ парламентѣ и, пользуясь этой зависимостью, добивается *carte blanche* для своей политики въ Галиції—систематического подавленія украинскаго элемента, осмѣлившагося показать ему рога въ 1848 г.

Украинская интеллигенція долго ограничивалась чисто пассивною ролью въ виду этого усиленія польского господства, безплодными жалобами правительству, вздохами и сожалѣніями на равнодушіе правительственныйыхъ сферъ. Сравнительно смѣлые требованія и взгляды 1848 г. были забыты; все болѣе свѣжее и смѣлое было придавлено и атрофировано господствомъ клерикального и бюрократического элемента. Всякая иниціатива подавлялась, такъ какъ трудно было угадать, какъ отнесутся къ тому или другому начинанію правительственные сферы. Послѣ рѣшительныхъ національныхъ декларацій въ литерату-

турѣ и публицистикѣ, безконечно убогихъ и анемичныхъ, снова возникаютъ споры между сторонниками сближенія съ народомъ и его языкомъ и приверженцами «образованнаго» языка и «высшей» культуры, образцами которой то являлась церковно-славянская книжность XVII—XVIII вв., то великорусская литература XVIII в.; но самые эти споры велись такъ вяло и съ такимъ убогимъ культурнымъ аппаратомъ, что совершенно не двигали впередъ вопроса. Вопросъ объ очищениі уніатскаго богослуженія отъ латинскихъ вліяній, о молитвахъ и возгласахъ, поднятый въ это время, захватилъ въ сущности гораздо больше эту интеллигентію, въ огромномъ большинствѣ состоявшую изъ священниковъ, чѣмъ принципіальные вопросы народнаго развитія. Наконецъ, такъ называемая война за азбуку, поднятая предложениемъ намѣстника Голуховскаго о введенії латинскаго алфавита въ русскую письменность, наэлектризовала это опустившееся общество. Забывъ свои распри, галицкая Русь съ болѣшимъ единодушiemъ выступила противъ проекта и своими протестами и представленіями дѣйствительно добилась того, что правительство отступило отъ этой реформы.

Самый эпизодъ, однако, произвелъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе въ русинскихъ кругахъ. Фактъ, что новая Польша дерзнула посягнуть на то, на что никогда не подымала рукъ старая — на освященную вѣками, превратившуюся въ національную святыню традицію, — даваль понять, чего должны были ожидать галицкіе Русины отъ «органической работы» (praca organiczna), начатой Поляками: они должны

были или капитулировать, принять супрематію Польши и признать себя ея подданными,—или погибнуть. Но къ этой активной борьбѣ собственными силами, къ организаціи народныхъ массъ противъ польского господства эти священники и бюрократы, изъ которыхъ состояла украинская интеллигенція, неспособны были органически; имъ нужна была помочь извѣнѣ. Окончательно извѣршившись въ поддержкѣ австрійскаго правительства, на которую они возлагали до сихъ поръ свои надежды, они начинаютъ все рѣшительнѣе обращать свои взоры къ другому извѣчному врагу Польши — Россіи.

Такое тяготѣніе существовало уже раньше, но имѣло болѣе литературный, чѣмъ политическій характеръ. Приверженцы высшей культуры и образованнаго языка въ Галиціи, и въ другихъ украинскихъ провинціяхъ Австріи, какъ я имѣлъ случай упоминать, давно уже стали обращаться къ великорусскимъ произведеніямъ высокаго штиля, какъ къ своимъ образцамъ, и приближать къ нимъ свое «язычіе»; это тяготѣніе было поддержано сношеніями съ нѣкоторыми русскими панславистами, особенно съ Погодинымъ. Постепенно оно стало получать характеръ политическій. Поддержка, оказанная Россіей Австріи во время венгерскаго восстанія, походы русскихъ войскъ произвели глубокое впечатлѣніе не только въ Венгрии, но и въ Галиціи; они, такъ сказать, приблизили образъ Россіи и мечтамъ объ ея вмѣшательствѣ въ въ польско-русинскія отношенія придали болѣе реальная формы. Погромъ Австріи въ 1860-хъ гг. оживилъ эти мечты еще болѣе; ожидали скораго

распаденія Австрії, и оккупациі Галиції Россіей казалась вопросомъ недалекаго будущаго. Въ такихъ обстоятельствахъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пораженія Австріи подъ Кениггрецомъ, представители руссофильскаго, или какъ его здѣсь называли — москофильскаго теченія, въ своеі органѣ, львовской газетѣ «Слово» отъ 27 іюля 1866 г., выступили съ вполнѣ опредѣленною національною программою, которая легла затѣмъ въ основаніе всего дальнѣйшаго движенія этого направленія: галицкіе Русины составляютъ одинъ народъ въ Великороссами, украинская рѣчъ — говоръ русскаго языка, отличающійся только произношеніемъ; отъ Карпатъ до Камчатки — одинъ русскій народъ, съ одной культурой и литературнымъ языкомъ; галицкимъ Русинамъ нужно только пріобщить себя къ готовой великорусской литературѣ и культурѣ.

Это былъ тогъ же пагубный путь, на который еще раньше вступила интеллигенція закарпатской Украины — рѣшительного отчужденія отъ своей народной стихіи, препрѣгравшаго всѣ пути къ его возрожденію и развитію, и теперь въ этомъ направленіи шло большинство галицкаго общества, люди такъ недавно (въ 1848 г.) защищавшіе самобытность и особенность украинской стихіи и необходимость развитія галицкой Украины на ея народной основе, въ тѣсномъ общеніи съ Украиной россійской. Среди ихъ оказался и одинъ изъ представителей славной «троицы» Яковъ Головацкій, первый профессоръ украинскаго языка и литературы во львовскомъ университѣтѣ, еще такъ недавно величавшій

достоинства и прелести украинской рѣчи.

Къ счастью, въ Галиції наличная интеллигентскія силы не исчерпывались этимъ клерикально-бюрократическимъ большинствомъ, мѣнявшимъ мечты о всемогущей поддержкѣ австрійского правительства, уготовляющаго благоденствіе своимъ вѣрнымъ Русинамъ, на такія же мечты о русской оккупациі, которая безъ всякихъ трудовъ и хлопотъ съ ихъ стороны принесетъ галицкой Руси всѣ блага соціальныя, политическія и культурныя дореформенной Россіи. Наряду съ этимъ консервативнымъ большинствомъ, здѣсь оказалось болѣе дѣятельное и энергичное меньшинство, главнымъ образомъ, изъ представителей тогдашней молодежи, чувствовавшей себя ближе къ народной стихіи и украинскому движенію Россіи, чѣмъ къ официальной Россіи, восхищавшей консервативные элементы галицкаго общества. Оживленіе украинской литературы въ Россіи, проявившееся съ конца 1850-хъ гг., и послѣдовавшій затѣмъ первый исходъ украинскихъ дѣятелей въ Галицію дали сильный импульсъ и поддержку этимъ національнымъ элементамъ, малочисленнымъ и слабымъ самимъ по себѣ. Среди нихъ широко распространяется идеализація украинской старины, козачества; арена козацкихъ движеній и нового возрожденія, поднѣпрянская Украина, становится для нихъ священною землею, Шевченко — пророкомъ національного возрожденія. И такъ, одновременно съ тѣмъ, какъ новая руссофильская программа кристаллизировала и сплачивала неясныя влечения консервативной части общества,

нарастаетъ и кристаллизуется наряду съ ней новое «народовство», послѣ долгаго антракта поднимающее съ но-

вой силой и съ большимъ успѣхомъ знамя національного возрожденія 1848 г.¹⁾.

Кружокъ „Основы“ и первая проскрипція украинскаго слова въ Россіи.

Паденіе реакціоннаго режима съ окончаніемъ Крымской войны совпало съ первыми симптомами оживленія украинской литературы и жизни. Центромъ его сталъ Петербургъ, куда одинъ за другимъ прибывали старые кирилло-меѳодіевцы, съ новымъ царствованіемъ освобожденные отъ своихъ заточеній и тяготѣвшаго на нихъ запрещенія литературной дѣятельности. Ранѣе другихъ освобожденный Кулишъ проявилъ особенно живую издательскую и организаціонную дѣятельность. Начиная съ 1856 г. онъ выпустилъ въ Петербургѣ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ изданій, имѣвшихъ для своего времени чрезвычайно важное значеніе: два тома «Записокъ о Южной Руси»—этнографические материалы своихъ старыхъ записей съ подстрочнымъ комментариемъ и рядомъ статей и материаловъ по украиновѣдѣнію, новое изданіе разсказовъ Квитки съ интереснымъ предисловіемъ—profession de foi украинскаго народничества, первый сборникъ разсказовъ Марка Вовчка (М. А. Маркевичъ), свой большой исторической романъ «Чорна рада», альманахъ «Хата», вышедший двумя изданіями въ 1860 г. и др. Само уже появление такой серии большихъ и цѣнныхъ изданій и ряда новыхъ талантливыхъ литературныхъ силъ послѣ предшествующаго застоя производило чрезвычайно сильное впечатлѣніе; его усугубляла горячая проповѣдь народническихъ идей самого Кулиша, вы-

ступающаго въ эту полосу своей дѣятельности энтузіастомъ украинскаго демократизма, сокровищъ украинской народной души, высокихъ достоинствъ народной жизни. Одновременно Костомаровъ, съ 1859 г. начавшій свои лекціи русской исторіи въ Петербургскомъ университѣтѣ, выступилъ со своими талантливыми истолкованіями демократическихъ традицій въ украинской исторіи съ ея древнѣйшихъ временемъ; его извѣстная параллель великорусского и украинскаго народнаго типа («Двѣ русскія народности»), появившаяся въ 1861 г., стала національнымъ credo для цѣлыхъ поколѣній украинской интеллигенціи.

Съ 1861 г. Кулишъ со своимъ родственникомъ Бѣлозерскимъ, при поддержкѣ кружка земляковъ, начинаютъ изданіе ежемѣсячника «Основа». Этотъ литературно-научный и общественный журналъ, составлявшійся изъ украинскихъ и великорусскихъ статей, собралъ вокругъ себя литературныя и публицистическая украинскія силы Россіи и далъ впервые ясное понятіе о наличныхъ культурныхъ средствахъ и идеиномъ содержаніи украинства. Во главѣ его стояли Кулишъ и Костомаровъ; Шевченко, умершій въ началѣ 1861 г., украсилъ его своими посмертными про-

¹⁾ См. цитированныя выше работы Терлецкаго, Лукича, Стоцкаго. Объ азбучной войнѣ новая работа Франка въ Львовскихъ „Запискахъ“, т. 114 и сл.

изведеніями. «Основа», такимъ образомъ, являлась органомъ кирилло-мѣодіевцевъ; но между идейнымъ содержаніемъ кирилло - мѣодіевскихъ произведеній 1846—7 гг. и «Основой» была значительная разница: политическій элементъ поблѣднѣлъ и отошелъ на задній планъ, на первый планъ выдвинулись общественные вопросы, принесенные текущей жизнью Россіи. Можно думать, что принудительный пятнадцатилѣтній антрактъ не прошелъ безслѣдно для участниковъ кирилло-мѣодіевскихъ плановъ, и послѣдующія испытанія охладили мечты ихъ юности; но съ другой стороны, руководящія статьи «Основы» показывали съ полной очевидностью, что и идея полноты національной украинской жизни не была вполнѣ сознана самими руководителями этого органа. Самый фактъ, что центромъ украинского движенія сдѣлался Петербургъ—правительственный центръ, ничѣмъ не связанный съ Украиной, былъ мало благопріятнымъ симптомомъ для этого движенія: несомнѣнно онъ обнаруживалъ малую органичность этого движенія, его въ значительной степени случайный характеръ, зависѣвшій оть судьбы и дѣятельности немногихъ единицъ. Но съ другой стороны, въ этомъ петербургскомъ эпизодѣ украинскаго движенія было много симпатичнаго и цѣннаго. Подоспѣвъ къ эпохѣ «великихъ реформъ», впервые выдвинувшихъ и серьезно поставившихъ вопросы общественного и культурного развитія массъ, дѣятельность петербургскаго кружка сдѣлала большое дѣло. «Основа», несмотря на свое кратковременное существование (1861—2), впервые объединила національные элементы на прогрессивной народнической платформѣ

и создала первыя связи между прогрессивнымъ украинствомъ и прогрессивными, демократическими теченіями великорусского общества. Украинская литература, выдвинувшая вопросъ объ эманципаціи крестьянства гораздо раньше и опредѣленѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ литературѣ великорусской, въ этотъ моментъ, когда освобожденіе и устройство крестьянъ стали злобою дня для всей интеллигенціи Россіи, оказалась въ первыхъ рядахъ освободительного движенія и въ близкомъ общеніи съ великорусскими представителями послѣдняго. Симптомъ новыхъ отношеній являются статьи Добролюбова, которыми отозвался онъ на украинскія изданія 1858—1860 г.: онѣ являются несомнѣннымъ шагомъ впередъ, сравнительно напр. съ отношеніемъ Бѣлинскаго, хотя полнаго пониманія значенія украинскаго движенія мы не находимъ и у Добролюбова¹⁾). Пока важно было все-таки и то, что нашлись точки соприкосновенія, въ которыхъ представители прогрессивнаго украинства и прогрессивной Россіи могли чувствовать себя товарищами и союзниками. Въ усиліяхъ, напр., направленныхъ къ просвѣщенію народныхъ массъ, украинская интеллигенція шла въ первомъ ряду и находила сочувствіе и поддержку въ тогдашнихъ великорусскихъ дѣятеляхъ народнаго образованія: петербургскій комитетъ грамотности ходатайствовалъ въ 1862 г. о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія на украинскомъ языке, а въ его спискѣ рекомендованныхъ

¹⁾ Ів. Кревецький: „Корифеї російської критики, українське письменство“—„Л. Н Вістник“ 1905 и 1911 и отдѣльно.

для народныхъ чтенія книгъ этого года числа украинскихъ книгъ почти равнялось числу великорусскихъ (позже этого уже не видимъ). Въ «Основѣ» принимали участіе великорусскіе ученые и писатели и, наоборотъ, петербургскій украинскій кружокъ отзывался съ своей стороны на различныя манифестаціи и предпріятія великорусскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи перерывъ дѣятельности этого украинскаго кружка, произведенный цензурными стѣсненіями, имѣлъ очень неблагопріятныя послѣдствія: разстѣявъ послѣдній, онъ надорвалъ и ослабилъ эти цѣнныя связи украинскаго движенія съ великорусскими прогрессивными кругами, и оно надолго остается чужимъ и малопонятнымъ этимъ послѣднимъ.

Дѣятельность кружка «Основы» была прекращена въ 1863 г., когда подъ впечатлѣніемъ польского возстанія на украинофиловъ было брошено подозрѣніе въ тайныхъ связяхъ съ Поляками, и «польская интрига» въ украинскомъ движеніи стала постояннымъ пріпѣтомъ противниковъ этого послѣдняго. Еще раньше, въ концѣ 1862 г. прекратилось изданіе «Основы». Подъ вліяніемъ агитациіи противъ украинства, поднявшейся въ охранительныхъ кружахъ, запрещенію подвергались самыя невинныя украинофильськія изданія, вродѣ «Черниговскаго Листка». Изданіе первоначальныхъ учебниковъ, предпринятое петербургскимъ кружкомъ, встрѣтилось съ непреодолимыми препятствіями. Подверглись гоненію воскресныя школы, организованныя украинскою молодежью. Цѣлый рядъ представителей украинскаго движенія попалъ разнымъ преслѣдованіямъ, высылкамъ и т. п. На конецъ, провозгла-

шается принципіальная проскрипція украинскаго слова. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) въ 1863 г. предложилъ цензурному комитету впредь разрѣшать къ печати «только такія произведенія на этомъ (малороссійскомъ) языкѣ, которая принадлежать къ области изящной литературы, пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языке какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначального чтенія народа, пріостановиться» впредь до сношенія министра съ другими вѣдомствами. Мотивомъ этого запрещенія выставлено «мнѣніе большинства Малороссовъ, которые весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣть и быть не можетъ», и собственныя соображенія правительства, что подъ распространеніемъ грамотности и просвѣщенія среди народа кроется въ дѣйствительности политическая пропаганда, и вообще украинское движение находится подъ вліяніемъ «политическихъ замысловъ Польши». Изъ другихъ вѣдомствъ министерство народного просвѣщенія (мин. Головинъ) воспротивилось такой принципіальной проскрипціи языка; наоборотъ, духовное вѣдомство очень сочувственно отнеслось къ мыслямъ Валуева и съ своей стороны воспротивилось изданію священнаго писанія на украинскомъ языке и на долго похоронило всякие переводы и изданія религіознаго характера. А цензурное вѣдомство, идя навстрѣчу такому правительству курсу, перестало вовсе разрѣшать къ печати одинаково все написанное на украинскомъ языке—беллетристику такъ же точно, какъ и изданія популярныя и научныя.

Литературная работа на украинскомъ языке была снова остановлена въ Россіи почти на цѣлое десятилѣтіе и вообще украинское движеніе придавлено всяческими запрещеніями и репрессіями. Но на этотъ разъ перерывъ далеко не былъ такъ тяжелъ, какъ въ 1840—1850 гг.; развернувшаяся энергія движенія находитъ себѣ исходъ въ Галиції, въ наростающемъ национальномъ движеніи тамошнихъ «народовцевъ». Послѣдніе искали помощи и поддержки у несравненно болѣе богатого литературными и научными силами украинского движенія Россіи и, начиная съ первыхъ журналовъ, которыми открывается литературная дѣятельность новыхъ народовцевъ («Вечерниці» 1862, «Мета» 1863—5, «Нива» 1865, «Русалка» 1866), широко пользовались произведеніями украинскихъ писателей изъ Россіи, просили ихъ сотрудничества и дѣйствительно получали литературный, беллетристический материалъ: Кулишъ, М. Вовчокъ, Конисскій и др. были дѣятельными сотрудниками этихъ изданій. Когда послѣ упомянутыхъ эфемеръ галицкимъ народовцамъ при помощи Украинцевъ изъ Россіи удалось наладить болѣе солидное и устойчивое изданіе, научный и литературный ежемѣсячникъ «Правда» (съ 1867 до 1880), онъ за невозможностью создать periodической украинской органъ въ Россіи (вслѣдствіе цензурныхъ запрещеній) становится до нѣкоторой степени всеукраинскимъ органомъ. Кулишъ, Конисскій, Нечуй-Левицкій и многіе другіе помѣщали здѣсь свои беллетристическія и научныя произведенія, публицистику и критику. Многіе украинскіе дѣятели Россіи, убѣждаясь въ невозможности

литературной и общественной дѣятельности въ украинскомъ національномъ направленіи въ Россіи, приходяще къ убѣждению, что опору украинского движенія нужно создать въ конституціонной Галиціи, создать здѣсь украинскій Пьемонтъ, где бы украинство могло двигаться и развиваться, не подвергаясь перерывамъ и крушеніямъ, постигавшимъ его въ Россіи. Между тѣмъ, какъ правительственные и оффіціозные круги Россіи считали нужнымъ поддерживать москово-фильськія изданія и организаціи Галиціи и Буковины для противодѣйствія украинству, приверженцы украинскаго національнаго возрожденія въ Россіи проникаются сознаніемъ необходимости съ своей стороны всячески поддерживать слабые и неокрѣпшіе всходы украинского движенія въ Галиції: личнымъ вліяніемъ, перепискою, сотрудничествомъ въ галицкихъ изданіяхъ, денежною помощью изданіямъ и институціямъ содѣйствуютъ они его развитію, создаютъ почву, на которой оно могло бы осуществить свою національную программу и въ свою очередь послужить опорною базою для украинского движенія въ Россіи. Галиція становится ареной, на которой ведутъ борьбу противники и сторонники украинского возрожденія; борьба эта становится особенно упорною послѣ второй проскрипціи украинскаго слова (1876), но поле въ концѣ концовъ остается за сторонниками украинскаго движенія¹⁾.

1) Кромѣ упомянутаго выше: Стешенко: „Українські шестидесятники“, „Записки україн. наук. тов.“ въ Київі, II.

Кіевский кружокъ 1870-хъ гг. и указъ 1876 г.

Гонение на украинское слово, постигшее его послѣ Валуевскаго отношенія, съ теченіемъ времени нѣсколько ослабѣло. Начиная съ начала 1870-хъ гг. цензура въ общемъ болѣе снисходительно относится къ украинскимъ изданіямъ, пропуская понемногу не только беллетристику, но и популярныя книжки для народа. Это ослабленіе цензурнаго и административнаго режима дало возможность украинскому движению проявить себя болѣе замѣтнымъ образомъ послѣ вынужденнаго молчанія предшествующихъ лѣтъ. На этотъ разъ центромъ его выступаетъ снова Кіевъ: послѣ разгрома кирилло-мѣодіевскаго кружка здѣсь съ конца 1850-хъ и затѣмъ въ теченіе 1860-хъ гг. нарастаетъ новое поколѣніе украинской интеллигенціи, подъ воздействиемъ кружка «Основы» и непосредственными традиціями кирилло - мѣодіевцевъ, и послѣ того, какъ петербургскій кружокъ растаялъ и развѣялся во время антракта 1860 хъ гг., кіевскій кружокъ выдвигается на первый планъ обиліемъ и качествомъ своихъ силъ и извѣстною организованностью ихъ дѣятельности. По сравненію съ петербургскимъ кружкомъ, занятымъ главнымъ образомъ вопросами культурно - общественными, устройствомъ крестьянского населенія, распространеніемъ образованія въ массахъ и т. п., дѣятельность кіевскаго отличалась усиленнымъ тяготѣніемъ въ сторону научную. Отчасти это объясняется обиліемъ среди кіевскаго кружка крупныхъ научныхъ силъ (историки Анто-

новичъ и Драгомановъ, филологи Житецкій и Михальчукъ, изслѣдователь обычнаго права, извѣстный криминалистъ Кистяковскій, этнографы Чубинскій, Рудченко, Лысенко, послѣдній — изслѣдователь народной музыки и самъ замѣтный композиторъ). Эти люди, стоявшіе во главѣ кіевскаго кружка, съ болѣе молодыми изслѣдователями и учеными естественно давали направленіе дѣятельности кружка, обращая ее въ значительной степени на изученіе прошлаго и современнаго состоянія Украины. Но независимо отъ того тутъ сказывались и общія условія тогдашней жизни Россіи, изъ эпохи «великихъ реформъ» 1860-хъ гг. попавшей въ полосу все усилившейся реакції. Дѣятельность среди народа и доступъ къ нему были окружены подозрительнымъ вниманіемъ администраціи; люди, не обладавшіе боевымъ темпераментомъ, естественно уходили въ сторону меньшаго сопротивленія — въ дѣятельность научную и литературную. Революціонное движение, развившееся въ противовѣсь реакціи среди болѣе радикально настроенныхъ элементовъ, не привлекало национально-настроенныхъ украинскихъ элементовъ, особенно въ виду своихъ централистическихъ тенденцій, которыми было проникнуто, и въ противовѣсь революціоннымъ теченіямъ кіевскій кружокъ усиленно выдвигалъ аполитическую сторону украинства — культурную и въ особенности научную дѣятельность, развитіе украинскихъ изученій.

Въ 1872 г. кіевскимъ Українцамъ

далось получить разрешение правительства на открытие въ Киевѣ «юго-западного отдельного географического общества» съ широкою научною программою, и этотъ «отдѣлъ» послужилъ центромъ, вокругъ которого сгруппировались мѣстныя украинскія силы и организовали научную работу. Археологический съездъ, состоявшийся въ Киевѣ въ 1874 г. и вызвавшій большой интересъ въ мѣстномъ обществѣ, тоже далъ случай украинскимъ научнымъ силамъ показать себя въ разныхъ областяхъ и вопросахъ украинскихъ изученій. Изъ киевскихъ ученыхъ круговъ въ эти годы вышелъ цѣлый рядъ важныхъ научныхъ трудовъ и изданий по исторіи, этнографіи, языку, экономическому и статистическому изученію края: «Записки юго-западного отдельного», «Труды этнографической экспедиціи въ юго-западной краї»—большое изданіе, бросившее свѣтъ на многія новыя стороны народной жизни, «Историческая пѣсни малорусского народа» Антоновича и Драгоманова, этнографические сборники Рудченка, Лысенка, Драгоманова, археографические сборники Антоновича и Новицкаго, «Опытъ исторіи украинского языка» Житецкаго и др. Одновременно оживала и чисто литературная дѣятельность. Не смотря на крайне придирчивую цензуру и сильно дававшее себя чувствовать отсутствіе прессы, она проявила себя также довольно интенсивно: выступаетъ плеяда новыхъ писателей, болѣе или менѣе крупныхъ и эффектныхъ дарованій, рядъ замѣтныхъ произведеній — какъ повѣсти Нечуя-Левицкаго, Конисскаго, Мирного, стихотворенія и драмы Старицкаго; большой энтузиазмъ вызвали композиціи

Лысенка, его опера «Різдвяна Ніч» — первая серьезная пробы національной украинской музыки. Проскользнуло черезъ цензурное иго и нѣсколько цѣнныхъ популярныхъ книжекъ для народа. Но это оживленіе украинской жизни, впечатлѣніе, производимое въ украинскомъ обществѣ успѣхами украиновѣдѣнія, литературы, возрожденіемъ украинскаго искусства — не замедлили навлечь на украинство новыя репрессіи. Киевские охранительные круги и органы прессы забили тревогу по поводу оживленія украинства; предсѣдатель киевской археографической комиссіи Мих. Юзефовичъ, взявшій на себя роль стража государственныхъ интересовъ, засыпалъ центральное правительство своими донесеніями объ успѣхахъ украинского «сепаратизма». Несмотря на ярко выраженный аполитизмъ дѣятельности киевского кружка, вызвавшій среди самихъ Украинцевъ недовольство своимъ одностороннимъ «культурничествомъ», эти донесенія и эта тревога производили въ правительственный кругахъ впечатлѣніе; здѣсь готовы были придавать значеніе абсурднымъ выдумкамъ Юзефовича, что украинское національное движение представляетъ созданіе австрійско-польской интриги и подъ національной внѣшностью проводить скрытый соціализмъ. Въ началѣ 1875 г. было образовано особое совѣщеніе по украинскому вопросу съ участіемъ Юзефовича. Въ виду представленій цензурного вѣдомства, усматривавшаго въ украинофильствѣ стремленіе къ политическому сепаратизму, «скрытое посвященіе на государственное единство Россіи», и подобныхъ же комментаріевъ Юзефовича, совѣщеніе признало необходимымъ употребить

всѣ усилия, чтобы подавить украинское движение въ Россіи, и поддерживать всѣми мѣрами руссофильское теченіе въ Галиції, чтобы подорвать украинство тамъ — субсидировать москофильскія изданія и т. п. Вслѣдствіе представленій этого совѣщанія кіевскій отдѣлъ географическаго общества былъ закрытъ, учебныя заведенія украинскихъ губерній были подвергнуты строгому надзору за учащими и учащимися, а для литературныхъ и сценическихъ произведеній были прияты суровыя ограниченія, утвержденные 18 мая 1876 г. и получившія по имени своего инициатора имя «закона Юзефовича». Ими воспрещался ввозъ изъ за-границы какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ на украинскомъ языке, не получившихъ особаго разрешенія главнаго управленія по дѣламъ печати. Цензура украинскихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, была усугублена разсмотрѣніемъ ихъ въ главномъ управленіи; допускаться къ печатанію на украинскомъ языке могли только произведенія беллетристической, но не иначе, какъ общеrusскимъ правописаніемъ, а исторические документы и памятники — ихъ подлиннымъ правописаніемъ; переводы и всякаго рода оригинальныя произведенія, кроме беллетристики, воспрещались безусловно, такъ же точно украинскіе тексты къ музыкальному произведеніямъ; не допускались всякаго рода сценическія представленія и чтенія на украинскомъ языке.

Но какъ ни широко захватывали эти запрещенія проявленія украинской жизни, цензурная практика шла еще дальше въ дѣйствительности, не пропуская вообще никакихъ украинскихъ изданій: нѣсколько лѣтъ не появля-

лось въ Россіи ничего на украинскомъ языке, если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ недосмотровъ. Доходило до невѣроятныхъ курьезовъ, въ родѣ вычеркиванія украинскихъ словъ изъ беллетристическихъ произведеній, писанныхъ по-великорусски, исключеніе такихъ словъ какъ Україна, Січ, казак; при исполненіи на концертахъ украинскихъ народныхъ пѣсень требовалось, чтобы украинскій текстъ исполнялся въ великорусскомъ или французскомъ переводѣ. Ко всевозможнымъ траги-комическимъ приключеніямъ давало условіе, предъявляемое цензурою, чтобы украинская рѣчь была облечена въ точности въ «общерусское» правописаніе и т. п.

Однако, именно вслѣдствіе такого неумѣреннаго стремленія запретить все, не замедлила обнаружиться абсурдность и опасность подобной тенденцій. Невѣроятная крайности, до которыхъ доходила эта запретительная практика, сильнейшимъ образомъ дискредитировала всю эту систему искорененія украинства. Высшіе представители мѣстной администраціи — генераль-губернаторы кіевскій и харьковскій, увидѣли себя вынужденными въ скоромъ времени войти съ ходатайствами объ отменѣ ограниченій украинскаго слова, указывая, что запрещенія, введенныя указомъ 1876 г., не подавляя въ дѣйствительности украинскихъ національныхъ стремленій, своими ничѣмъ не оправдываемыми крайностями вызываютъ лишь нежелательное раздраженіе среди украинского общества. Въ виду этого, для возстановленія нормальныхъ отношеній, кіевскій генераль-губернаторъ считалъ необходимымъ освободить украинское слово отъ всякихъ специаль-

ныхъ стѣсненій, поставивъ его въ одинаковыя условія съ великорусскимъ. Вслѣдствіе этихъ представлений въ 1881 г. было образовано новое совѣщаніе по украинскому вопросу, но отмѣнить стѣсненія украинскаго слова оно не нашло возможнымъ и ограничилось нѣкоторыми частичными облегченіями: разрѣшило печатать украинскіе словари, исполнять публично произведенія на украинскомъ языку и давать представленія украинскихъ пьесъ. Впрочемъ, и эти послабленія были обставлены рядомъ весьма характеристическихъ оговорокъ и ограниченій. Такъ, циркуляръ 1881 г., разрѣшая украинскіе спектакли, для каждого требовалъ особаго разрешенія губернатора или генералъ-губернатора и не допускалъ организаціи специальныхъ украинскихъ театровъ и труппъ; въ виду этого администрація требовала, чтобы на украинскихъ спектакляхъ, наряду съ украинской пьесой, была представлена и великорусская, при томъ съ неменьшимъ числомъ актовъ. Цензура украинскихъ пьесъ была обставлена всевозможными стѣсненіями; чтобы задержать украинскій театръ въ границахъ чистаго этнографизма и не дать ему выости до значительныхъ размѣровъ, напр., не допускались пьесы изъ жизни интеллигенціи («сюартчныя»), историческая, съ соціальной или национальной окраской. Начальникамъ губерній поручалось внимательно слѣдить за украинофилами, «избравшими сцену орудіемъ своей пропаганды»; энтузіазмъ вызванный украинскими спектаклями въ Кіевѣ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ совершенное воспрещеніе украинскихъ спектаклей въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства, къ которому

тогда принадлежали губерніи Кіевская, Волынская, Подольская, Черниговская и Полтавская—т. е. болѣшая часть украинской территории, и т. п.

Въ области общей цензуры оставалось въ силѣ чрезвычайно строгое, просто придирчивое отношеніе къ произведеніямъ на украинскомъ языке: цензорамъ рекомендовалось не только воспрещать все противорѣчашее общимъ цензурнымъ правиламъ, «но при малѣйшемъ къ тому поводѣ сократить число такихъ произведеній, въ цѣляхъ чисто государственныхъ». И цензора, дѣйствительно, проявляли большую изобрѣтательность въ изысканіи такихъ «малѣйшихъ поводовъ» или обходились безъ нихъ, руководствуясь «государственными цѣлями». Запрещались произведенія, могущія содѣйствовать подъему національнаго сознанія или расширению рамокъ литературного творчества—на темы историческая, соціальная, національная, и просто значительныя произведенія потому лишь, что они по своимъ размѣрамъ являлись бы слишкомъ замѣтнымъ пріобрѣтеніемъ для обреченной на небытіе украинской литературы; не пропускались сборники и альманахи, въ виду того, что они могли служить суррогатомъ литературного украинского журнала, существование котораго не допускалось цензурою; поводомъ къ запрещенію служили даже «неологизмы» украинской рѣчи, вводящіе новыя культурныя понятія и нарушающіе ея этнографическую чистоту и т. п. Въ концѣ концовъ, въ цензурѣ погибали почти всѣ серьезныя и цѣнныя произведенія, затрагивавшія или освѣщавшія наиболѣе важные вопросы украинской жизни, но пропускался невозбранно разный ли-

тературный и нелитературный соръ, понижавшій культурную цѣнность украинской литературы и дискредитировавшій его въ глазахъ своихъ и чужихъ.

Литературное творчество, общественная дѣятельность въ такихъ условіяхъ были невозможны. Поэтому передвижение украинской культурной и политической работы изъ Россіи въ зарубежную Украину, начатое послѣ проскрипціи 1863 г. и продолжавшееся затѣмъ и въ 1870 хъ гг., несмотря на нѣкоторыя послабленія 1872—5 гг., съ новой силой развивается послѣ указа 1876 г. Украинские писатели изъ Россіи сотрудни-

чаютъ въ галицкихъ и буковинскихъ изданіяхъ, участвуютъ въ организаціи галицкихъ институцій, принимаютъ живѣйшее участіе въ общественной и политической жизни, поддерживаютъ оживленныя отношенія съ представителями тамошняго національного движенія, наѣзжая при всякомъ удобномъ случаѣ, поддерживая переписку, такъ что зарубежная украинская жизнь 1880—1890 гг. развивается при участіи и подъ вліяніями Украинцевъ Россіи, ея успѣхи являются общимъ пріобрѣтеніемъ австрійской и россійской Украины, и ея судьба вызываетъ живѣйшій интересъ въ украинскомъ обществѣ этой послѣдней¹⁾.

Украинское движеніе Австріи въ 1860—1870-хъ г.г.

Скромные кружки гимназической и университетской молодежи въ Галиціи, особенно во Львовѣ 1860-хъ гг., ихъ попытки литературныхъ и публицистическихъ изданій, при поддержкѣ украинскихъ дѣятелей изъ Россіи, постепенно превращалась въ замѣтную общественную силу, дерзавшую мѣряться силами и вліяніемъ съ коснѣмъ, пассивнымъ большинствомъ,—«старыми» москофилами и клерикалами,—несмотря на свое численное преобладаніе остававшимся все болѣе и болѣе за флагомъ общественного роста и движенія австрійской Украины. Национально-политическое credo принятное этимъ реакціонно и руссофильски настроеннымъ большинствомъ, неизбѣжно осуждало ихъ на косность и пассивность. Ихъ пренебрежительное отношение къ народной стихіи, къ народному языку, къ демократическимъ и прогрессивнымъ идеямъ изолировало

ихъ, лишило поддержки и сочувствія народныхъ массъ и подростающихъ, болѣе доступныхъ вѣяніямъ времени новыхъ поколѣній. И клерикальные «святоюрцы», группировавшіеся вокругъ официально признанного своего главы и представителя, «князя церкви», митрополита львовскаго съ его капитуломъ, и «москофилы», утвердившіеся въ разныхъ русинскихъ учрежденіяхъ, старыхъ (въ родѣ «Ставропигії»—старого львовскаго братства) и болѣе новыхъ, созданныхъ движеніемъ 1848 г., (Га-

1) Кромѣ названного выше, моя статья—„Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст.“, въ сборникѣ „Освобожденіе Россіи и украинский вопросъ“, 1907. Драгомановъ—„Антрактъ въ исторіи украинофильства“ (1863—1872). Имп. Акад. наукъ—„Объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова“, 1905 г.—интересныя приложенія по исторіи стѣсненій украинскаго слова.

лицко - русская Матица, Народный Домъ, Русская Рада и т. п.), несмотря на всѣ преимущества *beati possidentes* скоро должны были всю энергию обратить на охраненіе занятыхъ позицій, между тѣмъ какъ все болѣе энергичное, дѣятельное, проникнутое общественными инстинктами примыкало къ новому «народовскому» теченію.

Въ 1870-хъ гг. это послѣднее становится все болѣе замѣтною общественною силою. Отъ скромныхъ литературныхъ пробъ, отъ мелкихъ популярныхъ изданій оно переходитъ постепенно къ болѣе организованнымъ формамъ дѣятельности и расширяеть сферу послѣдней. Въ 1868 г. основывается старѣйшее изъ народовскихъ институцій — общество «Просвіта», ставившее своею цѣлью, по примѣру аналогическихъ организацій у другихъ славянскихъ народовъ, содѣйствовать культурному развитію народа путемъ изданія популярныхъ книжекъ, основанія читаленъ и библіотекъ, лекцій и рефератовъ. Народовецкій львовскій клубъ «Бесїда» поставилъ своею задачею развитіе украинскаго театра. Бездѣйствіе официальной комиссіи по составленію украинскихъ учебниковъ, недостатокъ которыхъ служилъ въ рукахъ Поляковъ аргументомъ противъ украинской средней школы, побудило львовскихъ Украинцевъ организовать свою школьнную комиссию, которая повела свое дѣло настолько энергично, что къ концу 1870-хъ гг. могла похвалиться почти полнымъ асортиментомъ учебниковъ для низшихъ и среднихъ школъ. Положено было начало научной институції, пріобрѣвшей впослѣдствіи большое значеніе — «Товариству імені Шевченка», ставвшему своею задачею содѣйствіе

развитію украинской литературы и науки изданіемъ книгъ и журналовъ, содѣйствіемъ ученымъ трудамъ, раздачею премій. Широкая эта программа долго оставалась въ области пожеланій, но основаніе этого общества было характернымъ симптомомъ тогдашнихъ отношеній: планъ общества, задуманный галицкими ревнителями украинского слова, былъ осуществленъ при помощи Украинцевъ изъ Россіи, считавшихъ необходимымъ основаніе такого очага украинской литературы и науки виѣ предѣловъ досягаемости. Небольшая сумма, собранная ими (около 8 тыс. руб.), была передана въ Галицію на устройство типографіи, которая должна была служить дѣлу развитія украинскихъ изданій, и она была передана «Товариству імені Шевченка».

Постепенно наростая, украинское движение изъ главныхъ культурныхъ центровъ Галиціи переходитъ на провинцію, привлекая ее къ участію въ новомъ національномъ движеніи при посредствѣ «філії Просвіти» и читаленъ. Къ галицкому движению и галицкимъ изданіямъ тяготѣли также уже съ 1860-хъ гг. первые представители украинства Буковины: братья Воробьевичи и знаменитый буковинскій поэтъ Федъковичъ. Литературное общество «Русская Бесида», основанная Буковинцами въ 1869 г. и служившая средоточiemъ достаточно убогихъ культурныхъ силъ буковинской Руси, долго носила характеръ руссофильскій, и только въ 1880-хъ гг. въ ней получаютъ преобладаніе представители украинского народовства.

Конечно, успѣхи были значительны, даже велики, только въ сравненіи съ недавними болѣе чѣмъ скромными

эмбріонами народовства 1860 гг. Наоборотъ, если рассматривать успѣхи Українцевъ на общемъ фонѣ галицкой жизни, то получалось впечатлѣніе довольно убогое. Съ одной стороны, официальное представительство оставалось въ рукахъ клерикальныхъ сферъ, тяготѣвшихъ въ сторону москофильства, съ другой стороны, успѣхи польской «органической работы» безъ всякихъ сравненій опережали всѣ успѣхи украинства. Захвативъ въ свои руки администрацію, самоуправлениѳ и парламентарное представительство Галиціи, новые польскіе хозяева края шагъ за шагомъ вытѣсняли остатки нѣмецкаго режима и замѣняли его господство господствомъ польской культуры, польскаго элемента, польской государственности, которой въ концѣ концовъ должны были подчиниться Українцы. Происходила націонализациѣ учрежденій—изъ нѣмецкихъ они должны были стать мѣстными: получить польскій обликъ въ западной Галиціи, въ восточной—по всякой справедливости украинскій (таково и было первоначальное намѣреніе правительства), или по крайней мѣрѣ украинскій и польскій,—но въ дѣйствительности получали польскій характеръ. Среднія школы восточной Галиціи изъ нѣмецкихъ были превращены въ польскія, украинскій характеръ получила одна лишь львовская гимназія. Университетъ львовскій предназначался правительствомъ для Українцевъ, какъ краковскій для Поляковъ; въ 1871 г., съ отмѣною нѣмецкаго преподаванія, онъ былъ признанъ «утраквистическимъ»: профессора могли преподавать по желанію по польски или по украински; въ дѣйствительности онъ получилъ

вполнѣ польскій характеръ, и за Українцами осталось лишь нѣсколько специальнѣо украинскихъ каѳедръ, еще раньше учрежденныхъ какъ переходная ступень къ украинизаціи университета. Такъ было во всемъ; отдавъ Галицію въ полное распоряженіе польской аристократіи, центральное правительство не находило возможнымъ для себя отстаивать права украинскаго элемента противъ польского преобладанія, тѣмъ болѣе, что консервативные, клерикальные и бюрократическіе круги, представлявшіе украинскій или «русинскій» элементъ, сами не отличались ни выдержанностью, ни энергіею въ этой борьбѣ съ польскимъ господствомъ, и бѣдность культурныхъ силъ, которую они обнаруживали на каждомъ шагу, давала могущественный аргументъ ихъ противникамъ противъ всякихъ проектировъ украинизаціи.

Эта пассивность и неспособность «старыхъ» клерикаловъ и руссофиловъ именно и дискредитировала ихъ и заставила все болѣе энергичное и бодрое въ подростающихъ поколѣніяхъ переходить на сторону народовцевъ. При всей бѣдности этихъ послѣднихъ, въ нихъ чувствовалась энергія движенія, сила сопротивленія; на ихъ сторонѣ была надежда. Съ одной стороны, они основывали свои планы на народномъ, крестьянскомъ элементѣ, его культурномъ и экономическомъ подъемѣ, общественномъ и политическомъ развитіи; принимая народный языкъ, народную культуру за основаніе національного движенія, галицкіе народовцы разсчитывали найти въ народныхъ массахъ, сознательныхъ и организованныхъ, поддержку въ предстоявшей имъ національной и политической борьбѣ съ польскимъ гос-

подствомъ. Съ другой стороны, слабость ихъ собственныхъ силъ, отсутствие крупныхъ талантовъ, крупныхъ научныхъ и культурныхъ именъ, восполняла российская Украина, культурными силами которой они широко пользовались. Непосредственное участие въ национальномъ галицкомъ движении такихъ крупныхъ представителей украинской литературы и науки, какъ Кулишъ, Марко Вовчокъ, Конисский, Нечуй-Левицкій, Антоновичъ, Драгомановъ давало драгоценное по мазаніе довольно сърому и скромному галицкому народовству. Ореоль великой, «соборной Украины», сквозь дымку романтической идеализации рисовавшейся Галичанамъ царствомъ украинской славы и моши, до времени только завороженной злыми духами,—осенялъ ихъ скромные успѣхи и укреплялъ надежды на лучшую будущность.

Въ галицкихъ изданіяхъ и начинаніяхъ 1860—1870-хъ гг. особенно дѣятельное участие принималъ П. Кулишъ, пользовавшійся въ народовецкихъ кругахъ особыннымъ вліяніемъ, авторитетомъ, какъ представитель кирилло-меѳодіевскихъ традицій, руководитель петербургскаго кружка. Его разностороннія дарованія, энергія и личное обаяніе дѣлали его чрезвычайно цѣннымъ участникомъ начинающагося культурного и литературного галицкаго движения, хотя руководящія идеи этого периода его жизни были здѣсь не ко двору: его занимала идея ликвидации историческихъ отношеній Украины и Польши, идея союза украинского и польского общества въ интересахъ успѣшнаго культурного движения. Эти идеи пропагандируеть онъ все болѣе рѣзко въ своихъ сочи-

неніяхъ, осуждая все, что стояло на дорогѣ этого союза съ украинской стороны: старое козачество и новыя литературныя настроенія, враждебная Польшѣ, и на галицкой почвѣ пробуетъ войти въ сношенія съ представителями польской аристократіи, ища ея поддержки своимъ планамъ культурного развитія украинства. Но украинское возрожденіе и польская аристократія, реставрировавшая польскую державность въ украинской Галиції, были элементы несоединимые. Кулишу его попытки разстроили сношенія съ галицкими Украинцами и въ концѣ концовъ онъ самъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности своихъ плановъ. Подобная же тенденція и подобный конецъ имѣла позднѣйшая (въ 1880 и 1890-хъ гг.) дѣятельность другого украинского патріота Ал. Конисскаго; менѣе талантливый, чѣмъ Кулишъ, но почти также разносторонній и плодовитый—беллетристъ, публицистъ, популяризаторъ, онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ галицкихъ изданій и начинаній и пользовался тоже большимъ вліяніемъ въ галицкихъ кругахъ, и также разошелся съ ними на пунктѣ «угоды» съ Поляками, однимъ изъ духовныхъ отцовъ которой былъ.

Въ совершенно иномъ направленіи шли вліянія М. Драгоманова. Видный представитель киевскаго кружка, онъ еще до своей эмиграціи, послѣдовавшей въ 1876 г., близко интересовался галицкими отношеніями и меѳстнымъ украинскимъ движениемъ; но цензурная стѣсненія, полицейскій режимъ тогдашней Австріи, чрезвычайно тревожно и подозрительно настроенный ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало «соціализмъ», отвратилъ

Драгоманова отъ мысли основаться въ Галиції; съ нѣкоторыми другими эмигрантами онъ предпочелъ устроиться въ Женевѣ и здѣсь предпринялъ изданіе русско-украинскаго журнала «Громада» (1878 г.), посвященнаго, главнымъ образомъ, политическимъ и общественнымъ вопросамъ украинской жизни. Это былъ органъ киевскихъ «политиковъ», въ противовѣсь «культурникамъ», выдвигавшихъ вопросы политические и соціальные; въ Россіи, по цензурнымъ условіямъ, онъ не могъ получить большого распространенія, но въ Галиції женевскій кружокъ своими изданіями, статьями въ галицкихъ изданіяхъ и личными сношеніями пріобрѣлъ большое значеніе, въ особенности среди молодежи. Главную роль при этомъ играли статьи, письма и личные вліянія самого главы этого кружка Драгоманова, благодаря его выдающимся энергіи и дарованіямъ, способностямъ блестящаго критика и пропагандиста излюбленныхъ идей. Въ противоположность Кулишу и Конисскому и другимъ руководителямъ галицкаго движенія и киевскаго кружка, чисто національные вопросы мало занимали Драгоманова; онъ не склоненъ былъ придавать много значенія національнымъ формамъ культуры, цѣня ея прогрессивный характеръ и въ особенности ея соціальныя цѣнности. Съ этой точки зрѣнія онъ рѣзко критиковалъ аполитизмъ россійского украинства, безпощадно бичевалъ реакціонная переживанія и идейную бѣдность австрійскаго народовѣства, выдигая наряду съ тѣмъ культурныя цѣнности (велико)русскої культуры и литературы. Эта сторона публицистики Драгоманова для украинскаго общества, и безъ того по-

давленнаго ходячими фразами о высокой великорусской культурѣ и государственности, въ жертву которымъ съ легкимъ сердцемъ приносились украинскіе національные интересы,— не имѣла большей цѣнности; на этой почвѣ она скорѣе была такою же тактическою ошибкою, какъ проповѣдь примиренія съ историческою Польшею, которую пробовалъ вести Кулишъ на галицкій почвѣ. Но главною аудиторіею Драгоманова являлась галицкая Украина съ ея обостренными національными инстинктами, и тутъ горячая проповѣдь Драгоманова о необходимости европеизаціи украинскаго народовѣства, сообщенія ему прогрессивного характера, соціального содержанія была вполнѣ на своемъ мѣстѣ—она была нужна. По мѣрѣ того, какъ галицкое народовѣство пріобрѣтало перевѣсь, на выдвинутой имъ національной платформѣ собирались все болѣе элементы нейтральные, пассивные; эти массы духовенства, чиновниковъ и разныхъ буржуазныхъ профессій, принимая украинскую національную форму, неизбѣжно вносили въ эту послѣднюю свое старое содержаніе, вынесенное изъ эпохи клерикально-бюрократической реакціи, и передвигали вправо украинское движеніе. Рѣзкая и не всегда выдержанная, не всегда даже справедливая критика Драгоманова, во всякомъ случаѣ, была чрезвычайно полезна тѣмъ, что она вызывала противодѣйствіе этому правому украинству въ нѣдрахъ самого народовѣства и заставляла это послѣднее двигаться по равнодѣйствующей, приспособляясь къ прогрессивнымъ идеямъ и стремлѣніямъ другихъ культурныхъ народовъ.

1880-е годы; разслоение украинства.

Движенія украинства, его успѣхи—хотя бы скромные, и численное наростаніе его сторонниковъ неизбѣжно приготавляли дифференціацію и разслоеніе въ кругахъ этихъ послѣднихъ. Национальная платформа представляла объединять разношерстные элементы, собиравшіеся подъ знаменемъ огражденія национальной жизни. Эта послѣдня понималась слишкомъ неоднаково, и уже раньше эти диссонансы прорывались временами довольно рѣзко—въ тонѣ хотя бы гнѣвнаго діатрибъ Шевченка по адресу украинофиловъ - паничей, «потомков гетмана дурного», которымъ ихъ мечты объ украинской славѣ и славянскомъ единеніи не мѣшили обидать «братьевъ незрячихъ грекосіївъ». Но неблагопріятныя вѣщнія условія, стѣснившія свободное движеніе украинства, прерывавшія на рядъ лѣтъ это послѣднее и державшія въ осадномъ положеніи носителей украинской идеи, заставляли напрягать всѣ усилия для обороны национальной позиціи общими усилиями всѣхъ, кто, такъ сказать, «вѣровалъ въ Украину», и не давали времени и возможности заниматься много внутренними счетами и анализомъ разныхъ родовъ и видовъ этой вѣры. Только почувствовавъ твердую покву подъ ногами, представители украинского движенія сочли возможнымъ рѣзче отграничиться отъ иначе мыслящихъ внутри самого украинского лагеря.

Такое чувство увѣренности дала, главнымъ образомъ, Галиція, гдѣ съ 1880-хъ гг. украинские народовцы отъ

литературной и культурной работы рѣшаются перейти къ политической дѣятельности, политическому представительству украинского населенія Галиціи. Исходными пунктами этой новой эпохи въ исторіи украинского движенія было основаніе политической газеты «Діло» съ началомъ 1880 г. и первое «всенародне віче», большой митингъ, созванный осенью того же года, въ столѣтній юбилей вступленія на престолъ имп. Іосифа II, инициатора извѣстныхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью улучшить положеніе крестьянскаго класса Галиціи. На этомъ «вічѣ» украинскіе народовцы выступили со своею политическою и соціальною программою, гдѣ домогались фактическаго осуществленія национальной равноправности, провозглашенной австрійской конституціей, «чтобы украинскій (руський) народъ былъ обеспеченъ отъ преобладанія чужихъ элементовъ и могъ занять соотвѣтствующее его численности положеніе въ парламентѣ, сеймѣ, родахъ повѣтовыхъ (уѣздныхъ земскихъ управахъ) и вообще въ самоуправлениі», требовали экономическихъ реформъ, которая бы поставили предѣль возрастанію задолженности крестьянскаго и мѣщанскаго имущества, организаціи дешеваго кредита, пониженія налоговъ, падающихъ на народныя массы и болѣе продуктивнаго ихъ употребленія, правительственный попеченій обѣ открытии новыхъ заработковъ для крестьянъ, устраненія всѣхъ несправедливостей и стѣсненій, которая терпитъ населеніе въ школьномъ во-

простъ и т. п. Вообще этотъ первый дебютъ въ области практической политики не производилъ особенно утѣшительного впечатлѣнія: въ программѣ преобладали общія расплывчатыя положенія, въ организаціи чувствовалось отсутствіе главнаго—крестьянскихъ массъ, въ интересахъ которыхъ народовцы выступали.

Но начало было сдѣлано. Два года спустя (1882) народовцы выставили своихъ кандидатовъ при выборахъ въ сеймъ, а также въ парламентъ, но въ виду преобладанія Поляковъ, украинскіе депутаты образовали одинъ общиі клубъ съ представителями москвофиловъ, чтобы общими силами поддерживать интересы «русинскаго» населенія, оставляя полную свободу обѣимъ группамъ въ вопросахъ чисто национальныхъ. Чтобы разбить этотъ союзъ, тогдашній намѣстникъ Галиції гр. Казимиръ Бадени вошелъ въ переговоры съ украинскими депутатами, обѣщаю поддержку правительства въ национальныхъ нуждахъ за цѣну разрыва союза съ москвофилами. Въ виду тѣхъ трудностей, съ какими до сихъ поръ встрѣчались всѣ требованія украинскихъ депутатовъ, разбиваясь о сплоченное польское большинство сейма и вліянія сильнаго польского клуба въ парламентѣ, это предложеніе было принято лидерами тогдашней украинской политики: за цѣну перемѣны неблагопріятной для украинскаго народа политики и ряда ближайшихъ конкретныхъ уступокъ ихъ требованіямъ они разорвали свой картель съ москвофилами публично декларациею въ сеймѣ, имѣвшую значеніе отречения отъ всякаго тяготѣнія въ сторону Россіи, панруссизма и православія, въ духѣ москвофиловъ, и одно-

временно—отъ всякой солидарности съ «разрушительными элементами». «Программою тихъ Русинівъ (Украинцевъ-народцевъ) есть: признавання самостійности своеї народності, свого языка; особливіша збалість о свій язик, свою народність,—вірність для австрійської держави, пануючої дінастії,—вірність для греко-католицької церкви, умірений лібералізм—і наконецъ, стараннє о розвії селянства і міщенства»—формулироваль политическое credo своихъ единомышленниковъ въ засѣданіи сейма 25 ноября 1890 г. деп. Романчукъ. И развивая послѣдніе пункты, поясняль: «Ліберализмъ ихъ весьма умѣренный, хотя бы уже въ виду того, что наряду со свѣтской интеллигенціей они опираются все же, главнымъ образомъ, на духовенствѣ и крестьянствѣ, а послѣдніе представляютъ элементъ вполнѣ консервативный. Наконецъ прибавлю, что они въ интересахъ сохраненія и развитія своей народности должны обращать особое вниманіе на экономическое развитіе крестьянства и міщенсь, но ищутъ этого развитія не путемъ радикальныхъ мѣръ, а путемъ постепенного развитія, соотвѣтствующаго характеру народа и его склонности къ индивидуализму».

Скоро однако обнаружилось, что обѣщанный союзъ съ центральнымъ правительствомъ на дѣлѣ превращается въ капитуляцію украинскаго элемента предъ господствомъ польской шляхты и польской государственной идеи, за цѣну тѣхъ немногочисленныхъ конкретныхъ уступокъ, обѣщанныхъ при переговорахъ (открытия еще одной украинской гимназіи, учрежденія еще одной украинской каѳедры во львовскомъ университѣтѣ

и т. п.), а «перемѣна системы» оказывалась въ дѣйствительности ничего не значущею фразою. Общественное мнѣніе украинского населенія рѣзко высказалось противъ оппортунизма лидеровъ народовской политики и заставило ихъ разорвать неосторожно заключенный союзъ (такъ назыв. «угоду» или «новую эру»). Въ концѣ концовъ этотъ моментъ далъ рѣшительный толчокъ дифференціаціи галицкаго украинства. Рѣзкая критика Драгоманова и его сторонниковъ, направленная противъ узкаго націонализма галицкихъ народовцевъ, бѣднаго и въ значительной степени реакціоннаго содержанія, вкладываемаго въ національную программу, уже передъ тѣмъ приготовила расколъ между «младшими» и «старшими» народовцами. Незадолго до провозглашенія польской украинской угоды кружокъ сторонниковъ идей Драгоманова организовался въ политическую партію, принявшую название радикальной и началъ изданіе своего органа — «Народ» (1890). Провозглашеніе умѣренно-либеральной (точнѣе консервативной) программы лидерами народовцевъ и ихъ союзъ съ правительствомъ и польскою шляхтою дали новой партіи весьма благодарную почву: критика народовскаго оппортунизма пріобрѣтала радикаламъ сочувствіе широкихъ круговъ украинскаго общества. Въ противоположность народовцамъ, подчеркивавшимъ свои связи съ церковью и духовенствомъ, радикалы принимаютъ рѣзкій антиклерикальный курсъ, основываютъ свои планы на самостоятельной организаціи крестьянства, а въ противовѣсъ «особенному попеченію о языке и народности» выдвигаютъ соціальныя и эко-

номическія задачи (хотя, впрочемъ, эти послѣднія также не отличались ни особенно ясною формулировкою, ни глубиною).

Горячая полемика и борьба, завязавшаяся на этой почвѣ, захватила и Украинцевъ россійскихъ и въ весьма сильной степени содѣйствовала дифференціаціи среди этихъ послѣднихъ. Старый аполитический курсъ 1870-хъ гг. находить себѣ продолженіе въ дѣятельности кружка «Кievskoy Stariны» (съ 1882), основанной въ 1882 г. и ставшей скоро не только органомъ украинскихъ изученій (см. выше въ ихъ обзорѣ), но и органомъ умѣренного украинофильства. Большинство этого кружка усердно отграничивалось не только отъ политической и соціальной борьбы, какая велась на общероссійской почвѣ въ Россіи, но и отъ связей и участія въ борьбѣ украинскихъ теченій на галицкой почвѣ; по ихъ мнѣнію, эта послѣдняя вносила ненужныя осложненія въ постановку украинскаго вопроса въ Россіи. На этой почвѣ возникла рѣзкая полемика между кіевскимъ кружкомъ такъ назыв. «Старой Громадой» и Драгомановымъ (1886), обнаружившая всю глубину расхожденія между старыми союзниками: не только чистыми аполитиками «Кievskoy Stariны», но и тою украинскою группою, которой, съ точки зреінія національныхъ успѣховъ украинства, опасными казались «общерусскія» и соціалистическая тенденціи Драгоманова и обезпѣчиванье «національной формы» по сравненію съ соціально-экономическимъ содержаніемъ. Но у Драгоманова находились приверженцы и послѣдователи также и въ Россіи, и въ результатѣ упомянутой полемики въ концѣ 1880-хъ гг. обнаруживается

рѣзкій расколъ между обоими течениями также и въ Россіи. Такъ какъ условія здѣшней украинской жизни не давали возможности этимъ расходящимся теченіямъ проявиться открыто и съ полною силою, то борьба ихъ изъ россійского подполья переносилась на галицкую почву, сводя здѣсь свои счеты и поддерживая созвучныя украинскія отношенія въ ихъ борьбѣ. «Угода» 1890 г. была заключена при непосредственномъ участіи выдающихся украинскихъ дѣятелей Россіи (Антоновичъ, Конисскій) и находила у нихъ защиту и оправданіе не только въ моментъ ея заключенія, но и позже, когда отъ нея отвернулось большинство галицкихъ народовцевъ, а подъ ея знакомъ осталась лишь небольшая клирикально-бюрократическая группа; съ другой стороны, въ кампаніи радикаловъ противъ угоды и вообще противъ «умѣренного либерализма» народовцевъ живѣйшее участіе принимали лѣвые элементы россійского украинства. Возрожденная въ 1888 г.

для осуществленія угоды «Правда» и радикальный «Народ» (1890) были органами столько же россійскихъ Украинцевъ, сколько галицкихъ, или даже больше россійскихъ, чѣмъ галицкихъ. «Народъ» издавался на средства, собиравшіяся въ Россіи, «Правда» была болѣе органомъ кievскихъ сторонниковъ «угоды», чѣмъ львовскихъ. На галицкой почвѣ, на конкретныхъ примѣрахъ галицкой политики ставились и решались общіе вопросы о цѣнности и значеніи національной культуры, сталкивались тенденціи старого украинскаго народничества и нового соціального радикализма, консервативнаго и прогрессивнаго націонализма. Среди вѣнѣнія заташья украинской жизни, сдавленной цензурными и всячими стѣсненіями, галицкая пресса служила трибуной для украинскихъ кружковъ, и украинская политическая мысль могла, благодаря ей, безостановочно двигаться и развиваться¹⁾.

Послѣднее десятилѣтіе XIX в.

Начавшаяся въ 1880-хъ гг. дифференціація украинства продолжалась. Съ одной стороны, на правомъ крылѣ галицкаго народовства образовывались кадры офиціального украинства, получившаго и свой органъ въ видѣ офиціальной украинской газеты (Народна Часопись), и группа праваго украинства, оставшаяся вѣрною союзу съ правительствомъ и правящею польскою шляхтою и послѣ того, какъ украинское общество и политические вожди его рѣшительно разорвали заключен-

ную угоду, указывая на то, что она нисколько не измѣнила «общей системы» — господства польскаго элемента надъ украинскимъ. Съ другой — на ряду съ радикальною партіей, базировавшею свою дѣятельность на орга-

¹⁾ Кромѣ указанныхъ выше: Франко—«Молода Україна», переписка Драгоманова—Бібліотека Видавничої Спілки I № 104, 112, Збірник фільол. секції наук. тов. XIII, Переписка М. Драгоманова з М. Павликомъ (неоконч., вышло нѣсколько томовъ) и др.

низациі крестьянства и заштѣтъ его интересовъ, формируются и организуются первые кадры украинского соціаль-демократизма, и одновременно съ теченіями, полагавшими во главу угла вопросы соціальные и экономические, выдвигаются теченія радикально-національныя. Эта дифференціація и борьба направлений, партій и группъ создаетъ небывалое дотолѣ оживленіе украинской жизни. Въ Галиції, гдѣ эта борьба могла вестись болѣе открыто, она приводитъ къ большому (сравнительно съ предыдущимъ) развитію публицистики, прессы, политической литературы. Статистика печатного украинскаго слова подымается съ чрезвычайной быстротой. Но важнѣе было, что словесною прею оживленіе не оканчивалось. Соперничающія партіи — народовцы, съ одной стороны, радикалы—съ другой, наперерывъ стараются заручиться сочувствіемъ и поддержкою народныхъ массъ, тѣ и другіе «идутъ въ село», съ небывалой энергией развивается партійная агитація и организація крестьянства; не свободная отъ демагогическихъ пріемовъ, она въ концѣ концовъ ведетъ за собою значительный политический и общественный подъемъ крестьянства и низшаго мѣщанства: послѣ долгой пассивности они выходятъ изъ роли политическихъ статистовъ и становятся все болѣе живою и дѣятельною силою. Если еще недавно въ Галиції, какъ и въ другихъ провинціяхъ, выборы «дѣлала» мѣстная администрація подъ диктовку правящей польской аристократіи или центрального правительства, то теперь ей приходится считаться съ настоящимъ самоопредѣленіемъ народныхъ массъ. Огненнымъ крещеніемъ для послѣднихъ были знаменитые въ

лѣтописяхъ галицкой Украины «баденіевскіе выборы» въ парламентъ въ мартѣ 1897 г., когда намѣстникъ Галиціи (гр. Казиміръ Бадени) употребилъ всѣ средства и силы администраціи машины, чтобы поддержать украинскихъ «угодовцевъ», и задавить новое радикальное движение: пущены были въ ходъ всяческія злоупотребленія, давленіе властей и военная сила, украинское населеніе было чрезвычайно раздражено фактами насилия и убийствъ при выборахъ; выборъ нѣсколькихъ независимыхъ депутатовъ, вопреки этому давленію, былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Народовцы, очутившіеся въ положеніи проскрибированныхъ, въ рѣшительной оппозиціи по отношенію къ правительству сближаются съ радикалами, и 1900 г. означался реорганизаціей партійныхъ отношеній: народовцы обновили свою программу, приблизивъ ее къ радикальной, и значительная часть радикальной интеллигенціи присоединилась къ реформированной партіи, получившей новое название «национально-демократической». Хотя присутствіе бюрократическихъ и клерикальныхъ элементовъ въ дѣйствительностинейтрализовало эту радикализацию и соціализацию въ весьма значительной степени, все-таки фактъ этотъ остался симптомомъ, насколько предшествующая борьба политическихъ идей повлияла на широкіе круги украинского общества: сдвигъ влѣво былъ несомнѣнны.

На ряду съ этимъ весьма замѣтнымъ явленіемъ было развитіе общественной самодѣятельности. «Старики» 1850—60-хъ гг. всего ожидали отъ правительства щедротъ, правительство было альфою и омегою всей «поли-

тики». Народовцы, выступая на политическую арену, также начали съ «требованій» по адресу правительства, ими почти безъ остатка исчерпывались резолюції 1880 г. («для внутренняго употребленія» онѣ ограничивались общимъ пожеланіемъ, чтобы всѣ Русины неустрешимо охраняли признанныя уже намъ права и вольности конституції», пользовались ими и добивались такого положенія для украинскаго народа во внутреннихъ отношеніяхъ края и въ государствѣ, какое ему принадлежитъ по праву). Но встрѣтившись по цѣлой линіи съ отпоромъ польскихъ правящихъ круговъ—увидѣвъ, съ какими чрезвычайными трудностями приходится добывать всякую уступки съ ихъ стороны (классическимъ примѣромъ послужилъ вопросъ объ открытии второй по счету украинской гимназіи, закончившейся учрежденіемъ украинскихъ параллельныхъ классовъ въ Перемышлѣ),—они убѣдились, что украинскому населенію нужно въ самомъ себѣ найти источники для своего культурного и экономического подъема, чтобы противостоять политикѣ польскихъ правящихъ классовъ, осуждавшихъ украинскій элементъ на прозябаніе и вырожденіе подъ польскимъ господствомъ. «Органической работѣ» Поляковъ, располагавшей средствами самоуправленія, администраціи, законодательства, Украинцамъ приходилось противостоять такую же «органическую работу», которой единственнымъ ресурсомъ являлась самоорганизація. Вторая половина 80-хъ и девяностые годы XIX в. открываютъ собою этому полосу лихорадочной организаціонной дѣятельности—основанія обществъ, товариществъ, союзовъ, ставящихъ свою

цѣлью организовать экономіческія и культурные средства населенія и противостоять ихъ польскимъ организаціямъ. На ряду съ просвѣтительными кружками, читальнями «Просвѣти» (въ 1901 г. она насчитывала около 1000 читаленъ, хотя впрочемъ здѣсь немало было и «бездѣйствующихъ») организуются общественные лавки, сельскохозяйственные общества, ссудо-сберегательные товарищества, специальная общества для развитія торговли и приготовленія къ торговой дѣятельности украинскихъ силъ, основываются общества гимнастической — «Соколы» и «Січи», позже получившія чрезвычайно важное организаціонное значеніе среди сельского населенія, первые начатки организаціи частной школы, получившей свое настоящее развитіе только къ концу первого десятилѣтія XX в. Вообще, свои плоды это организаціонное движение стало приносить только много позже, когда всѣ эти многочисленные общества, товарищества, союзы, проникли дѣйствительно глубоко въ толщу народной жизни и въ своей взаимной связи и взаимодѣйствіи образовали дѣйствительно большую реальную силу, располагающую и крупными средствами и многочисленною арміею организованного населенія.

На фонѣ этой политической и культурной работы, наряду съ общимъ ожиженіемъ общественной и культурной жизни, начинаютъ выдвигаться впервые въ полной опредѣленности сознательности идеи полноты національной жизни: созданія культурныхъ средствъ, которая бы были въ состояніи удовлетворить запросы украинскаго народа во всей полнотѣ, какъ самодовлѣющей націи. Если предшествующія поколѣнія совершиенно искренно отводили укра-

инской культурѣ роль прибавочной, дополняющей собою въ нѣкоторыхъ сферахъ «общерусскую культуру», такъ что, напр., члены кружка «Основы» считали совершенно излишнимъ созданіе научной литературы украинской, даже самой научной рѣчи, и Костомаровъ еще позже, въ 1880-хъ гг., рѣзко выступалъ противъ попытокъ созданія украинской литературы для нуждъ интеллигенціи, ограничивая ее нуждами народныхъ массъ, популяризациіи, такъ назыв. «домашнаго употребленія», и не чуждъ былъ такихъ взглядовъ тогда и Драгомановъ,—то въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. было моментомъ, когда украинское общество рѣшительно отряслось отъ такихъ ограниченій въ своихъ стремленіяхъ къ национальному развитію. Однимъ изъ рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи, оказавшимъ могущественное впечатлѣніе на национальное самочувствіе, было движение въ области украинской науки, национальное уже не только по характеру затрагиваемыхъ вопросовъ, по подбору темъ, но и по формѣ, по языку. Средоточіемъ его стало реформированное и такъ сказать возрожденное къ новой жизни «Товарищество имени Шевченка»; на протяженіи 1890-хъ гг. оно было дважды реформировано, приближаясь къ организаціи и характеру академій наукъ, въ надеждѣ, что современнѣмъ, въ недалекомъ будущемъ оно само будетъ преобразовано въ академію наукъ, какъ это незадолго передъ тѣмъ случилось съ научнымъ обществомъ сербскимъ, а немного раньше—съ научнымъ обществомъ краковскимъ, польскимъ. Со второй половины 1890-хъ гг. оно дѣлается средоточіемъ дѣйствительно весьма оживленной и успѣшной научной

работы, становится фактически украинской академіей наукъ, только безъ академического титула. Въ связи съ этимъ развитиемъ научной жизни и интересовъ выдвигается постулатъ украинскаго университета. Послѣ того, какъ всѣ попытки, направленныя къ увеличенію украинскихъ каѳедръ во львовскомъ университѣтѣ, разбились о противодѣйствіе польскихъ хозяевъ этого университета (предназначавшагося правительствомъ сначала для Украинцевъ, позже объявленного двуязычнымъ, польско - украинскимъ, фактически полинизированнаго), съ украинской стороны подымается все болѣе рѣшительное и настойчивое требованіе, чтобы правительство положило конецъ этой борьбѣ за университетъ основаніемъ отдѣльного украинскаго университета во Львовѣ, наряду съ польскимъ.

Аrenoю этого новаго подъема национальной жизни, въ силу самыхъ винѣшнихъ, политическихъ и национальныхъ условій, была главнымъ образомъ Галиція. Изъ двухъ остальныхъ областей австрійской Украины закарпатскія земли продолжали оставаться пассивными, парализованными, съ одной стороны, руссофильскими настроеніями мѣстной украинской (по происхожденію) интеллигенціи, съ другой—тяжелымъ правительственнымъ режимомъ. Наоборотъ, маленькая Буковина, гдѣ съ 1880-хъ гг. рѣшительный перевѣсъ получили национально настроенные элементы, поддержаные выходцами изъсосѣдней Галиціи,—съ 1890-хъ гг.: дѣятельно пріобщается къ национальной украинской жизни. Своебразныя национальныя и политическія условія этой маленькой провинціи, правда, заставляли мѣстную

интеллигенцію итти своими дорогами (позже это вырождается въ своеобразный буковинскій сепаратизмъ — Буковина для ея «автохтоновъ!»); политическая тактика ея представителей, противъ преобладанія румынскаго дворянства искавшихъ опоры у мѣстной администраціи (и до нѣкотой степени находившей, такъ какъ правительство здѣсь балансировало между національными элементами), рѣзко отличалась отъ тактики галицкихъ народовцевъ, переходившихъ все въ болѣе рѣзкую оппозицію противъ правительства. Но культурно-національная жизнь буковинскихъ Украинцевъ развивалась въ тѣсной связи и созвучности съ движениемъ остальной Украины, и подобно тому, какъ и раньше, въ 1860—70-хъ гг., буковинскіе писатели играли видную роль въ тогдашнемъ весьма убогомъ еще галицкомъ движениі, такъ и теперь Буковина можетъ похвальстися видными литературными силами, занимающими выдающуюся позицію въ общей картинѣ тогдашняго тоже значительно оживившагося литературнаго, движениія (первое мѣсто среди нихъ занимаетъ Ольга Кобилянская, выступающая на литературное поприще въ 1890-хъ гг.).

Этотъ подъемъ литературной жизни является тоже весьма характеристическимъ спутникомъ общаго политico-общественнаго движениія 1890-хъ гг. Я говорю пока объ австрійской Украинѣ. Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить выше, галицкое народовское движениѣ вообще не блестѣло талантами. Долгое время Ив. Франко — наиболѣе выдающейся представитель новаго, прогрессивнаго теченія, стоявшаго подъ вліяніями Драгомановскаго кружка, былъ почти единственою

талантливою литературною силою Галиціи. Дѣяністые годы, особенно конецъ ихъ, принесъ цѣлую плеяду талантливыхъ писателей, бытописателей и поэтовъ украинской жизни, скрасившихъ своимъ творчествомъ сѣренѣкій колоритъ галицкой «Галлилеи». Основанный въ столѣтнюю годовщину украинскаго возрожденія (1898), новый литературно-общественный ежемѣсячникъ «Литературно-Науковий Вістникъ» (вмѣсто старой «Зори», «журнала для семейнаго чтенія», издававшагося товариществомъ им. Шевченка), собравшій вокругъ себя тогдашня литеатурнія силы австрійской и россійской Украины, служилъ живымъ показателемъ этого литературнаго и культурнаго роста.

Украина россійская условіями своей жизни была осуждена пока на роль болѣе пассивную. Для развитія политico-общественной литературы, для организаціи народныхъ массъ дороги были закрыты. Чисто литературная, беллетристическая дѣятельность, театръ, украинскія изученія — этимъ исчерпывалась сфера дозволенного українства. Но украинское общество жило подъ сильнѣйшимъ воздействиемъ галицкаго движениія, и ростъ политическаго и національнаго сознанія шелъ въ ногу съ этимъ послѣднимъ. Идеи украинскихъ патріотовъ, поддерживавшихъ національное движениѣ въ Галиціи, въ надеждѣ, что со временемъ она станетъ аккумуляторомъ національной энергіи для всѣхъ украинскихъ земель, оправдали себя вполнѣ: успѣхи галицкаго движениія давали въ это время уже могущественный импульсъ россійской Украинѣ, втягивали въ круговоротъ своихъ идей и борьбы сколько-нибудь сознательные

элементы этой послѣдней. Паденіе старого аполитического культурничества и «умѣренного украинства», стремившагося остататься въ рамкахъ общерусского единства культивной жизни высшаго порядка («украинство для домашняго употребленія») въ этомъ десятилѣтіи стало вполнѣ очевиднымъ. Между тѣмъ, какъ оживленіе политической и общественной украинской жизни въ Галиції сопровождалось небывалыми дотолѣ успѣхами культурной жизни, литературы, науки, культурнымъ подъемомъ широкихъ круговъ населенія,— въ Россіи въ старыхъ аполитическихъ кружкахъ хирѣло и блѣднѣло даже всякое научное движение. Жизнь отливалась отъ этихъ «украинофильскихъ» кружковъ: «украинофильство» стало обидной кличкой, которой новая те-

ченія клеймили несерьезное, дилетантское отношение къ вопросамъ национальной жизни. Идеи полноты украинской национальной жизни, ея самодовлѣемости, широкаго и всесторонняго национального самоопределѣленія—политического, общественнаго, культурнаго, и стремленія рѣзко отмежеваться отъ всего, что стремилось задержать украинство если не въполномъ небытіи, то, такъ сказать, въ полууществованіи, въ видѣ второстепенной разновидности «общерусской» (или съ другой стороны—польской) культуры, — все то, что съ полною опредѣленностью проявило себя по обѣ стороны границы въ позднѣйшую эпоху «весны», —къ концу столѣтія зарѣло уже вполнѣ.

М. Грушевскій.